ЭРИХ ПРУНЧ • ПУТИ РАЗВИТИЯ ЗАПАДНОГО ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЯ

ЭРИХ ПРУНЧ

ПУТИ РАЗВИТИЯ ЗАПАДНОГО ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЯ

От языковой асимметрии к политической

Перевод с немецкого языка

Издание осуществлено
при содействии австрийского Фонда
поддержки научных исследований
Austrian Science Fund — FWF

ЭРИХ ПРУНЧ

ПУТИ РАЗВИТИЯ ЗАПАДНОГО ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЯ

От языковой асимметрии к политической

Перевод с немецкого языка

**Рекомендовано Учебно-методическим объединением
по образованию в области лингвистики
Министерства образования и науки Российской Федерации
в качестве учебного пособия для студентов,
обучающихся по образовательной программе подготовки
бакалавров и магистров «Лингвистика»**

**Москва
«Р.Валент»
2015**

ЭРИХ ПРУНЧ

ПУТИ РАЗВИТИЯ ЗАПАДНОГО ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЯ

От языковой асимметрии к политической

Перевод с немецкого языка

Москва
«Р.Валент»
2015

ERICH PRUNČ

ENTWICKLUNGSLINIEN DER TRANSLATIONSWISSENSCHAFT

Von den Asymmetrien der Sprachen zu den Asymmetrien der Macht

Berlin: Frank & Timme, 2012

УДК 81’25
ББК 81.432.4 - Немецкий язык
П85

Издание осуществлено
при содействии австрийского Фонда
поддержки научных исследований
Austrian Science Fund — FWF

Перевод О. Боковой, О. Кашкиной, С. Семочко,
С. Архипова, В. Шубина
Под научной редакцией Н.И. Рейнгольд

Прунч Эрих

П85 Пути развития западного переводоведения. От языковой асимметрии к политической. / Пер. с нем. — М.: Р.Валент, 2015, 512 с.
ISBN 978-5-93439-488-3

Книга известного австрийского специалиста по переводу Эриха Прунча — это энциклопедический обзор западного переводоведения за последние сто лет. Представлены все крупные научные школы, теоретики, концепции, проекты в области современного западного переводоведения. Издание снабжено обширным научным аппаратом — библиографией научных трудов, указателями имен и терминов на немецком и русском языках. На русском языке публикуется впервые.

Незаменимое подспорье для обучающихся по направлению «Лингвистика», книга также полезна широкому кругу филологов.

ISBN 978-5-93439-488-3

Содержание

Предисловие к русскому изданию

Если сравнивать развитие переводоведения на так называемом Западе и в России, то первое похоже на горную речку, которая энергично отрывается от своего истока, сопоставительной лингвистики, и бурно течет по разным долинам близких наук, сравнительного литературоведения, когнитивистики, культурологии, социальных наук и, наконец, этики, иногда меняя свое русло при преодолении так называемых поворотов (turns), и лишь постепенно становится все более спокойным, но вместе с тем широким и глубоким потоком. Российское переводоведение видится, скорее, течением в широкой реке филологии, а наука об устном переводе – течением в психологии, которые в последнее время обретают все более четкие собственные контуры, протекая вместе с ними по равнинам познания.

Языковые, ментальные и политические преграды десятилетиями мешали и препятствовали плодотворному диалогу между российским и западноевропейским переводоведением. На фоне триумфального шествия английского языка, которое, по всей видимости, уже не сдержать, приходится, к сожалению, признать, что постыдное для европейской духовной культуры убеждение slavica non leguntur в значительной мере сохраняет свою актуальность и для переводоведения. Интеллектуальный экспорт из России ограничился, главным образом, русским формализмом, который, будь то по обходному пути через Чехию и Израиль или через эмиграцию в США таких ведущих исследователей, как Роман Якобсон, принес значительные плоды в дескриптивной ветви переводоведения.

Хотя некоторым российским исследователям уделено внимание, книга «Пути развития западного переводоведения: от языковой асимметрии к политической», в силу ее устремления проследить инновационное и провокационное, обращена скорее к резвому потоку западного переводоведения и в этом смысле дополняет российское переводоведческое развитие. Оказавшись благодаря переводу в российском контексте, книга «Пути развития западного переводоведения: от языковой асимметрии к политической» становится, в первую очередь, вкладом в многообразие переводоведения, и, не в последнюю очередь, благодаря развернутому библиографическому списку, — стимулом для дальнейших исследований, а также пожеланием соединить поток и течение в единое целое, инновационное и многообразное.

Для меня приятный долг искренне поблагодарить всех, кто способствовал появлению этого перевода. И, прежде всего, мою коллегу из Вены, профессора Ларису Шиппель, с которой меня с нашей первой встречи в Дубровнике связывают неизменно стимулирующая интеллектуально-духовная близость и дружба, и которая инициировала реализацию данного проекта и обеспечила необходимые контакты. Слова благодарности я должен выразить и профессору Наталье Рейнгольд, зав. кафедрой теории и практики перевода Института филологии и истории Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ, Москва), которая взяла на себя координацию переводов и редакцию итоговой версии перевода.

Отдельная благодарность в адрес переводчиков, которые взяли на себя этот кропотливый труд: к.ф.н. Ольге Кашкиной, к.ф.н. Светлане Семочко, к.ф.н. Ольге Боковой, Сергею Архипову из Воронежского государственного университета и к.ф.н. Вадиму Шубину из московского РГГУ.

Слова благодарности я должен выразить и австрийскому Фонду поддержки научных исследований за предоставленное финансирование данного проекта.

Грац, декабрь 2014 год
Эрих Прунч

1. Название и его след

Науку, о развитии которой здесь пойдет речь, принято называть переводоведением. Поскольку каждая наука имеет четко определенную терминологию для обозначения описываемых аспектов, вначале необходимо обсудить некоторые базовые термины переводоведения.

1.1. Определение науки

Прежде чем остановиться на причинах, по которым науку о письменном переводе (Übersetzen) и устном переводе (Dolmetschen) называют переводоведением (Translationswissenschaft), необходимо осветить происхождение термина «перевод» (Translation).

1.1.1. История термина «перевод» (Translation)

Иностранное слово Translation в значении «перевод» впервые было употреблено гуманистом, врачом Генрихом Штейнгёвелем (1412–1483), который среди прочих перевел произведения Петрарки и Боккаччо. О своем переводе басен Эзопа (ок. 1476 г.) он говорит, что перевод передает тексты греческого баснописца „*in der nüwen translation usz kriechisch in latin*" («в новом переводе с греческого на латынь») (цит. по Grimm DWB 21, 1239[1]). В первой половине XVI в. термин Translation можно найти и у других авторов. Он также все чаще приводится в словарях в качестве синонима к терминам Vertolmetschung («устный перевод») и übersetzung («письменный перевод») (ср. Grimm ibid.). Употребление существительных Translation, Translatoren («перевод», «переводчики») и прилагательного translatorisch («переводческий») было также распространено в Австро-Венгрии для обозначения соответствующих видов деятельности и профессии (Wolf 2005c: 225 и далее).

---

[1] Издания указываются в основном тексте в тех случаях, когда временное соотнесение кажется важным для развития переводоведения или какого-либо термина. В таких случаях в основном тексте используется следующая форма цитирования: автор год/год (например, Reiss/Vermeer 1984/1991), при этом страницы указываются по последнему изданию. Зд. и далее, кроме специально обозначенных случаев, примечания автора.

В научный обиход термин Translation был введен в 1968 г. Отто Каде как гипероним для понятий Übersetzen («письменный перевод») и Dolmetschen («устный перевод») (Kade 1968b)[2]. При этом О. Каде различает перевод в узком и широком смысле:

> «Под переводом в широком смысле мы понимаем включенный в двуязычную коммуникацию (и вместе с тем в сложное, общественно обусловленное сочетание языковых и внеязыковых факторов) процесс, который начинается с восприятия ИТ ... и заканчивается реализацией ТП .... Важнейшей фазой этого процесса является смена кодировки ИЯ → ПЯ, которая из-за своей функции в коммуникативном акте подчиняется определенным условиям и может быть обозначена как перевод в узком смысле» (Kade 1968a/1981a: 199).

Таким образом, перевод в узком смысле, по мнению О. Каде, — это устный или письменный «перенос» исходного текста (ИТ) в текст перевода (ТП) на другом языке, в то время как перевод в широком смысле, очевидно, содержит и другие, прежде всего, общественно обусловленные элементы двуязычной коммуникации. Ниже об этом еще пойдет речь.

Гипонимы «письменный перевод» и «устный перевод» определяются О. Каде следующим образом:

> «Под письменным переводом мы понимаем преобразование зафиксированного и, следовательно, постоянно доступного или сколь угодно часто повторяемого текста на ИЯ в текст на ПЯ, который может быть проверен и повторно исправлен в любой момент. Под устным переводом мы понимаем преобразование предложенного один раз (как правило, устно) текста на ИЯ в текст на ПЯ, который может быть проверен только при определенных условиях и не может быть исправлен из-за недостаточного количества времени» (Kade 1968b: 35).

Очевидно, что оба эти вида переводческой деятельности различаются в первую очередь не критериями письменной и устной речи, а критериями повторяемости ИТ и возможности в последующем

[2] О гиперониме с точки зрения терминологии говорят в тех случаях, когда речь идет о языковом обозначении для общего (родового) понятия. О гипонимах, по аналогии, говорят тогда, когда имеют в виду обозначение для более узкого, видового понятия («подпонятия»).

вносить поправки в ТП[3]. К введенным О. Каде критериям повторяемости и возможности вносить поправки можно добавить еще один: линейный доступ к тексту для устного перевода и возможность многократного доступа к ИТ и ТП для письменного перевода.

1.1.2. Термин «переводоведение» и его синонимы

О. Каде был основателем так называемой Лейпцигской школы, развитие которой началось в 1960-е гг. в бывшей ГДР. В западной части Германии термин Translation часто отвергался как ненужное иностранное слово[4] с идеологической нагрузкой[5]. Вместо этого в качестве гиперонима для устного и письменного перевода использовалось традиционное обозначение «языковое посредничество» (Sprachmittlung)[6]. Таким образом, в ранних научных трудах по переводоведению термины Sprachmittlung и Translation понимаются как синонимы[7].

Для утверждения терминов Translation (перевод) и Translationswissenschaft (переводоведение) решающим стало еще одно обстоятельство. В дискуссии о межкультурной коммуникации К. Кнапп и А. Кнапп-Поттхофф ввели следующее различие в определениях терминов «устный перевод» и «языковое посредничество»:

[3] См. также Reiß/Vermeer 1984/1991: 7 и далее.

[4] В. Вилсс еще в 1988 г. иронично называет переводоведение (Translationswissenschaft) «благородным титулом» (Wilss 1988: 7). Однако со временем В. Вилсс пересмотрел свое мнение, натолкнувшись при изучении истории перевода на ранние примеры употребления этого понятия (устное сообщение В. Вилсса).

[5] Ср. язвительное замечание В. Коллера по поводу монографии О. Каде «Языковое посредничество как общественное явление и предмет научного исследования» (Kade 1980) во вступительной выборочной библиографии ко второму изданию «Введения в переводоведение»: «Эта чересчур догматическая книга приводит “доказательство” того, что “марксистско-ленинское мировоззрение является надежным фундаментом для научности и верности оригиналу в языковом посредничестве”» (Koller 1983: 6).

[6] Ср. ключевое слово «языковое посредничество» в третьем томе словаря германской лингвистики (Bausch 1973), где указывается на происхождение этого термина из традиционного языкознания и в качестве первого источника приводится фундаментальный труд по психолингвистике Ф. Кайнца (1965).

[7] К.-Р. Бауш (Bausch 1973: 610) рассматривает языковое посредничество и перевод (Translation) как синонимы, но устанавливает, что термин перевод постепенно вытеснил традиционный термин языковое посредничество. Сам О. Каде также использует термин языковое посредничество синонимично термину перевод (Translation) (ср., например, Kade 1980 в примеч. 5).

«Под устным переводом мы понимаем деятельность, которая ... привязана к передаче текста, представленного в звуковой форме. Устный перевод может иметь место в рамках интеракции лицом к лицу, но это необязательно. Решающим отличием от языкового посредничества является то, что устный переводчик, так же как и письменный, в качестве партнера по коммуникации полностью уходит на задний план» (Knapp/Knapp-Potthoff 1985: 451)[8].

«Языковое посредничество» как процесс или результат может использоваться в качестве терминологического дублета к процессу устного перевода и его результату соответственно. При этом К. Кнапп и А. Кнапп-Поттхофф считают значимым еще один признак данных понятий:

«Языковое посредничество ... имеет место исключительно в интеракции лицом к лицу. В отличие от устного перевода, языковое посредничество не является профессиональной, повседневной практической деятельностью» (Knapp/Knapp-Potthoff 1985: 451).

В приведенной дефиниции термин «языковое посредничество» раскрывает лишь непрофессиональную часть устной переводческой деятельности и более или менее может пониматься как синоним английского термина natural translation (ср. Harris, B. 1977; Harris, B./Sherwood 1978)[9]. В противоположность термину «языковое посредничество», семантически не перегруженное заимствованное слово Translation лучше подходит для обозначения науки о переводе. Среди конкурирующих наименований в немецкоязычном пространстве утвердилось название Translationswissenschaft, в то время как понятия Translatorik и Translatologie встречаются лишь в редких случаях (например, в трудах Ammann/Vermeer 1990; Holz–Mänttäri/Vermeer 1985; Wotjak (ed.) 2007; Baumann 2009 и в Википедии)[10].

Точно так же как немецкий термин Sprachmittlung является старым синонимом для Translation, название науки Übersetzungswissenschaft — старый синоним Translationswissenschaft. Определение Übersetzungswissenschaft также отражает диффузное образова-

[8] Схожего мнения придерживается Й. Ребайн (Rehbein 1985: 420).

[9] О различиях между профессиональной и непрофессиональной переводческой деятельностью см. в первую очередь работу Х.П. Крингса (Krings 1992); см. также мнение Г. Тури (Toury 1984a) и раздел 10.2.3.

[10] http://de.wikipedia.org/wiki/Translatologie (дата обращения: 15.11.11).

ние понятий на раннем этапе развития переводоведения, когда не было четкого разграничения терминов Übersetzen и Dolmetschen[11]. С последовательной дифференциацией терминов Übersetzen и Dolmetschen обозначение науки Übersetzungswissenschaft стало многозначным. Под ним понимали науку о письменном и устном переводе и науку, изучающую только письменный перевод[12].

Наряду с названием Übersetzungswissenschaft в отдельных случаях появляется термин Übersetzungstheorie (теория перевода) как более старый синоним Translationswissenschaft[13]. Немецкий термин Übersetzungstheorie как обозначение общей науки о письменном и устном переводе соответствует английскому словоупотреблению (ср. translation theory), а не принятой в немецком языке номенклатуре наук. Несмотря на то что при этом снова не проводится различие между письменным и устным переводом, из такого обозначения можно было бы сделать вывод, что переводоведение должно заниматься только теоретическими вопросами и не касаться эмпирических. Еще одним недостатком обозначения «теория перевода» является то, что оно наводит на мысль о противоположности между научным занятием переводом и переводческой практикой. Однако в качестве названия раздела переводоведения, который занимается исключительно теоретическими и общими вопросами письменного перевода, термин Übersetzungstheorie вполне подходит. Аналогичный термин для обозначения раздела переводоведения, изучающего теорию письменного и устного перевода, — Translationstheorie.

---

[11] См., например, Э. Косериу (Coseriu 1978/1981), В. Вилсс (Wilss 1977b).

[12] Проблема отсутствия гиперонима проявляется прежде всего в немецком языке. В славянских языках, напротив, под рус. перевод, слов. prevod, хорв. prijevod и серб. prevod понимается как письменная, так и устная форма перевода. Чтобы уточнить, о какой именно форме перевода идет речь, в этих языках применяются прилагательные «письменный» и «устный». Однако и в этих языках существует терминологическая нечеткость, поскольку в повседневной речи употребляются глаголы и отглагольные существительные, с помощью которых можно маркировать различие между письменным и устным переводом: например, слов. tolmačiti vs. prevesti/prevajati, хорв. tumačiti vs. prevesti/prevoditi et al. Тем не менее, под влиянием развивающегося переводоведения терминологически более точное разграничение между письменным и устным переводом и в этих языках постепенно становится нормой литературного языка.

[13] Например, у Э. Косериу (Coseriu 1978/1981), Р. Кольмайера (Kohlmayer 1988, 1997), А.Ф. Келлетата (Kelletat 1987), Р. Штольце (Stolze 1994/2005b). Похожее наблюдается и в русском языке, где наметилась дифференциация между теорией перевода как названием лингвистически ориентированного переводоведения и собственно переводоведением в его современном понимании (устное выступление Л. Шиппель).

В связи с этим необходимо еще одно, последнее терминологическое пояснение. Исследование процесса перевода (Übersetzungsforschung), разработанное как особая область исследования в университете Геттингена, не следует путать с переводоведением (Translationswissenschaft), поскольку под «переводом» в этом крупном научном проекте имплицитно понимается литературный перевод. Таким образом, предметом, которым занималось данное исследование (Übersetzungsforschung), является лишь подобласть феномена «перевод». Поэтому исследование процесса перевода, в зависимости от основного направления и метода, можно толковать как раздел переводоведения (Übersetzungswissenschaft) в вышеобозначенном смысле или же как раздел сравнительного литературоведения и/или культурологии. Только в рамках так называемых культурологического поворота в переводоведении и переводческого поворота в культурологии между этими двумя дисциплинами произошла конвергенция (ср. Bachmann-Medick 2006).

Подводя итог, можно сказать, что было достаточно терминологических причин для выбора определения Translationswissenschaft. Исходя из четкого определения общего понятия Translation и его видовых понятий Übersetzen и Dolmetschen, можно предложить первую классификацию субдисциплин:

Translationswissenschaft (переводоведение)	
Übersetzungswissenschaft (переводоведение как наука, исследующая процесс письменного перевода)	Dolmetschwissenschaft (переводоведение как наука, исследующая процесс устного перевода)

Таким образом подготовлена почва для того, чтобы узнать более глубокие причины выбора названия Translationswissenschaft[14] и точно определить сферу объектов переводоведения[15].

[14] См. различные мнения о профилировании науки (Vernay 1984; Snell-Hornby (ed.) 1986; Wilss 1987a, b; Holmes 1988; Snell-Hornby 1988, 1991; Salevsky 1993a, b; Wilss 1993b; Kaindl 1997b, c; Kalverkämper 1999; Snell-Hornby 2006; Kaindl 2010a).

[15] Halverson 1999, 2000, 2002 и Prunč 2004b.

1.2. Динамика выбора названия

Дискуссия о выборе определения науки была бы спором о пустяках, если бы в ней не скрывались существенные, заложенные в объекте данной науки различия. С одной стороны, когда непрофессионалы говорят на немецком об устном переводе, они чаще всего используют слово Übersetzen. „Wir danken den Dolmetschern für die ausgezeichnete Übersetzung“ (букв.: «Мы благодарим устных переводчиков за отличный письменный перевод»), — переводчики рады слышать эту похвалу, хотя она и свидетельствует не о вполне адекватном понимании вида выполненной работы. С другой стороны, судебные переводчики привлекаются не только для устного перевода в суде, но и для письменного перевода различных документов. Таким образом, в повседневной речи термины Übersetzen и Dolmetschen, как правило, употребляются без разбора. Уже беглое обращение к различным стандартным словарям показывает, что похожее диффузное употребление обозначений для устного и письменного перевода характерно для многих языков. Чтобы сформировать когерентную научную терминологию, необходимо точнее определить значения этих выражений, отметить различия между ними и связать их в системе понятий. Это условие было выполнено посредством иерархизации понятий Translation, Übersetzen и Dolmetschen, а также исключения конкурирующих, не всегда однозначных терминов. В продолжение этой терминологической дифференциации введем нейтральное общее понятие для продуктов письменного и устного перевода:

ТРАНСЛЯТ (перевод как результат).
Под транслятом понимается всякий продукт процесса перевода.

Так, если мы не хотим разграничивать продукт письменного (Übersetzung) и устного (Dolmetschung) перевода, можно использовать общий термин Translat.

1.2.1. Вершина айсберга

Одно из ключевых понятий, о котором идет речь в дискуссии по поводу оформления переводов, — это понятие «текст». Для начала не будем подробно останавливаться на том, что делает «текст» тек-

стом, а рассмотрим данную проблему на основании общеязыкового значения текста, согласно которому он состоит из более или менее четко отграниченной совокупности языковых знаков. Однако такое понимание текста кажется недостаточным. Приведем два примера:

Примеры (1): Интерпретация текста и предварительная информация

(1) Papst verhaftet (Папа арестован)

Этот и похожие заголовки появлялись в австрийских ежедневных газетах в 1995 г., когда был арестован промышленник Вильгельм Папст. Чтобы понять, что немецкое слово Papst, которое переводится как «Папа Римский», в данном случае обозначает фамилию, и установить связь с соответствующим лицом, необходимы определенные фоновые знания о финансовой афере бумажной фабрики Св. Магдалены вблизи Филлаха. Однако компетентные читатели и без конкретных предварительных знаний догадаются, что имеют дело с именем собственным. Их знания о мире подсказывают, что в 1995 г. арест Папы Римского, главы Католической церкви и суверена государства-города Ватикан, был невозможен. Тем не менее, о ком именно идет речь, можно понять только из конкретной ситуации. Но если бы такой заголовок появился при Наполеоне или во времена фашизма, то при определенных обстоятельствах вполне можно было бы представить, что имеется в виду глава Римско-католической церкви.

(2) Einer für alle, alle für Einem. (Один за всех, все за одного — за Айнема.)

По случаю празднования 1 мая социал-демократической партии в 1995 г. демонстранты несли транспаранты с такой непрямой цитатой из «Трех мушкетеров» А. Дюма. За несколько месяцев до этого никто не смог бы понять смысл данного лозунга и в лучшем случае предположил бы, что автор текста допустил грамматическую ошибку (вместо правильного варианта für einen в винительном падеже после предлога употребил für Einem в дательном падеже, написав при этом неопределенное местоимение с прописной буквы). На фоне актуальных политических событий можно было установить связь с именем новоиспеченного австрийского министра внутренних дел Каспара фон Айнема. Интересующиеся политикой могли узнать здесь непрямую цитату другой непрямой цитаты, так как девиз трех мушкетеров из одноименного романа А. Дюма незадолго до этого использовался в предвыборной кампании Австрийской партии свободы. Только читатели/слушатели, владеющие всей этой информацией, могли правильно интерпретировать смысл и интенцию данного лозунга в конкретной ситуации 1 мая 1995 г. в Австрии.

Чтобы сделать перевод приведенных в качестве примеров текстов понятным для целевой аудитории, явно необходимо нечто

большее, чем просто владеть языком. Не останавливаясь подробно на виде перевода, уже на данном этапе рефлексии можно установить, что для адекватного понимания текста необходимы соответствующие предварительные знания о социальном и историческом контексте, а также о ситуации. При этом речь может идти об общих знаниях о мире и культуре, знании о конкретных обстоятельствах, картинах, сценах, историях и их проявлении в текстах. Они могут быть вызваны к жизни в определенном сообществе в конкретной ситуации. Участники коммуникации могут понять смысл высказывания, только если они действительно располагают соответствующими предварительными знаниями. Необходимые фоновые знания по определенным правилам вызываются из сознания. Если эти правила не соблюдаются или коммуниканты исходят из неправильных предположений о предварительных знаниях и ожиданиях партнеров по коммуникации, возникает недопонимание. Еще отчетливее взаимодействие фоновых знаний и языкового выражения информации в тексте прослеживается в следующем примере:

Пример (2): Интерпретация текста, кодирование и предварительные знания

В. Лансбург в забавном самопризнании *„Dear Doosie“* (Lansburgh 2001: 133 и далее) описывает свою работу в Министерстве информации (т.н. “MOI”, Ministry of Information — *примеч. ред.*) в Лондоне во время Второй мировой войны, где он должен был анализировать и переводить немецкие газетные сообщения. Штаб располагался в английском посольстве в Стокгольме. В. Лансбург рассказывает, что особенно гордился он тем, что читал между строк. Однажды английский посол, руководивший его работой, сделал ему за это выговор и потребовал оставить такой подход и ограничиться простой передачей конкретной информации, например про пожарные тревоги, некрологи и др. (“*concrete stuff such as ... fire alarms, and obituaries, and so on*”) (Ibid.: 157)[16]. Уязвленный в своей профессиональной гордости, переводчик решил довести следование этому указанию до абсурда, выбрал в местной газете официальное сообщение общины („Gemeindeamtliche Verlautbarung“) и перевел его следующим образом:

«*Муниципальное уведомление, остров Узедом, маленькая деревня под названием Пенемюнде. Kreisleiter объявляет, что порции масла увеличились на 10 процентов и что новые талоны на масло для 237 „Zugezogene“ теперь доступны в NS Kreisleitung, Adolf Hitler Straße 18a*».

[16] См. описание диалога в разделе 4.1.1.

Ради шутки он отправил этот перевод в отдел дешифрования секретной службы. Но он даже не предполагал, что нацистские органы власти пользовались объявлениями, чтобы передавать тайные сообщения в зашифрованной форме. Британские спецслужбы знали об этом, у них также был код к шифру. Поэтому посол и отчитал его: только на основании дословного перевода спецслужбы могли дешифровать сообщение. Под «талонами на масло» имелись в виду внушающие страх ракеты V-2, которые сеяли в Лондоне панику. Далее В. Лансбург пишет:

«*И пять дней спустя приблизительно пятьдесят британских самолетов бомбили маленькую деревню Пенемюнде на острове Узедом. Так был положен конец специальным “талонам на масло”, ракетной базе, ракетам V-2. ... Битва за Лондон была закончена*» (Ibid.: 139).

Таким образом, к тексту относится не только то, «что там стоит». Поэтому при определенных условиях переводчик не может довольствоваться переводом лишь внешнего уровня текста. Следовательно, переводоведение также должно ответить на вопросы: какие из не очевидных на внешнем уровне текста отношений, при каких условиях и какими средствами нужно реализовать в переводе, или как понимание функционирует вне границ языка и культуры. Т.е. перевод уже с точки зрения понимания текста должен представлять собой нечто большее, чем просто *языковое* посредничество. И уж точно не между внешним уровнем (Textoberfläche) текстов. Потому что внешний уровень текста — лишь вершина айсберга.

1.2.2. О кажущемся тождестве текстов, об умении, необходимости и долге

Внешний уровень текста — это пустая оболочка, которая наполняется содержанием лишь в конкретной ситуации. Только в том случае, если известно, кто, кому, когда, где, зачем что-то говорит или пишет, можно узнать, кто или что здесь имеется в виду. Тот, кто цепляется за внешний уровень текста и отдельные слова, становится жертвой иллюзии их тождества. Тот, кто хочет общаться с помощью текстов, должен быть готов и должен уметь интерпретировать их значение и смысл в каждой конкретной ситуации по-новому и договариваться об этом с партнерами по коммуникации. Тот, кто к этому не готов, остается в одиночестве на вершине айсберга. Для создания текстов, соответствующих той или иной ситуации, действуют правила, которые, очевидно, выходят за пределы чисто языковых

правил сочетания и соединения. Приведем еще несколько примеров из практики:

Примеры (3): Создание текста, отношения говорящих и конвенции

(1) Когда в Венгрии чокаются друг с другом, то в зависимости от степени близости участников застолья выбирается либо неформальное egészségedre, либо более формальное egészségére. Первое можно было бы сравнить с тостом «За твое здоровье!», а второе — «За Ваше здоровье!» Однако в немецком языке соответствующие формулировки используются достаточно редко. Когда в австрийской культуре пьют за чье-либо здоровье, обычно произносят „Zum Wohl!“ или „Pros(i)t!“ Решающим для выбора возможного перевода с немецкого на венгерский было бы знание о степени близости собеседников, которую нельзя установить на основании приведенных выше немецких выражений.

(2)Слово egészségére используют также венгерские официанты, когда начинают убирать тарелки со стола (если бы официант сказал австрийскому гостю „Zum Wohl!“, это звучало бы иронично, точно гость рыгнул, и официант это отметил). Австрийский официант, убирая со стола, наоборот, спросит: „Hat’s geschmeckt?“ (Понравилось?). Разумеется, он очень удивится, если вместо ответа „Ja, danke“ («Да, спасибо») или „Ausgezeichnet“ («Превосходно») услышит что-то другое. Например, критическое замечание в такой ситуации прозвучало бы вдвойне необычно. (Американские официанты привыкли постоянно спрашивать, понравилась ли еда и не хочет ли гость заказать что-нибудь еще. Непроинформированные европейские гости порой воспринимают это как назойливость.)

В обоих случаях помимо языковых правил действуют культурные конвенции, которые партнеры по коммуникации должны знать и учитывать, если они хотят успешно общаться. То же касается и переводчиков. Если они хотят обеспечить идеальную коммуникацию между разноязычными собеседниками, они должны уметь правильно оценивать все факторы создания и понимания текста.

Тот факт, что текст состоит не только из написанных или звучащих слов, подтверждается кратким обращением к практике. Каждый переводчик рано или поздно видит себя поставленным перед задачей перевести иллюстрированную инструкцию по эксплуатации [прибора], туристический проспект или снабженный графиками отчет. Не говоря уже о субтитрировании, дублировании фильмов или переводе рекламных роликов, компьютерных программ, оперных либретто и комиксов. Тем не менее, это и есть материал, из которого сотканы мечты о крупных переводческих заказах. Переводчик-

синхронист на конгрессе все время находит возможность сослаться в своем переводе на проектируемые на экране графики, чтобы в условиях нехватки времени сократить текст. Точно так же он может/должен интерпретировать и включать в свой перевод и другие невербальные и паравербальные знаки[17]. В конце концов, именно поэтому союзы переводчиков требуют, чтобы с рабочего места синхронного переводчика был виден оратор.

Пример (4): Взаимодействие между языковыми и неязыковыми знаками

На 36-м Международном конгрессе “International Council for Small Business” в Вене для визуализации докладов использовались слайды. Ф. Пёххакер (Pöchhacker 1994a: 200 и далее) в своем исследовании доказывает, что визуальное сопровождение для синхронного переводчика представляет собой «*не просто ситуативное дополнение ..., а неотъемлемую составную часть обрабатываемого текста*» (Ibid.: 203). Так, например, синхронный переводчик словами описал пирамидальный график на слайде, очень наглядно переведя для публики соответствующую часть выступления “*If you go to the top of the list you will see* ...” как «*Если мы сейчас заберемся на самый верх нашей пирамиды* ...» (Ibid.: 201).

Если сравнить этот перевод с дословным высказыванием оратора, то он не соответствует тем представлениям о «верности слову», которую обычно ожидают от переводчика. Поэтому наверняка найдется кто-нибудь, кому такой перевод покажется неправильным, в то время как остальные будут от него в восторге.

1.2.3. О неудачах и успехах

Правильное и неправильное — понятия относительные. То, что одному кажется верным и эффективным, другой воспринимает как чрезмерную вольность. Поэтому необходимо включить в параметры решения, которые должны учитываться в процессе письменного и устного перевода, весь культурный и политический контекст. Осмысленность устного перевода в конкретной переводческой ситуации может определить, имел ли успех весь коммуникативный акт или нет.

[17] См. раздел 5.5.4.

Пример (5): Рациональное переводческое действие

(1) Обычно на традиционном экзамене на получение водительских прав задают два вопроса: «Что такое прерывистая разделительная линия?», «Что такое сплошная разделительная линия?» В немецком языке данные термины звучат как „Leitlinie“ и „Sperrlinie“, и экзаменатор ожидает на эти вопросы примерно такой ответ: «„Leitlinie“ — это прерывистая линейная разметка желтого или белого цвета, „Sperrlinie“ — это непрерывная линейная разметка». На немецком этот ответ казался вполне приемлемым, и каждый экзаменуемый, который более или менее был знаком с материалом, знал, как правильно ответить на поставленные вопросы. Однако в таких языках, как, например, боснийский, хорватский, сербский и словенский, проблема заключалась уже в переводе самого вопроса. Во всех этих языках указанным немецким сложным словам соответствуют словосочетания «прилагательное + существительное» (босн., хорв., серб. puna crta, слов. polna črta; босн., хорв., серб. isprekidana crta, слов. prekinjena črta), которые в обратном переводе звучат как sinngemäß an entsprechender Stelle, т.е. сплошная/непрерывная линия и прерывистая линия. Таким образом, ответ, который экзаменатор в этом случае ожидает услышать от экзаменуемого, на боснийском, хорватском и сербском должен был бы звучать как: puna crta je puna crta (обратный перевод: сплошная линия — это сплошная линия)[18]. Т.е., это тавтология, которую «нормальный» экзаменуемый, по всей видимости, будет не готов или не в состоянии произнести.

(2) Когда в 1986 г. на пленуме Рабочего сообщества Альпы–Адриатика в Загребе в сообщество принимались медье[19] Венгрии, дело дошло до скандала, потому что переводчики венгерской делегации использовали по отношению к главам правительства западных стран обращение «товарищ» как дословный перевод венгерского слова „elvtárs“. Из-за этого главы правительств австрийских федеральных земель чувствовали себя обманутыми и энергично протестовали против такого обращения. Переводчик не учел, что на тот момент «товарищ» было обычным формальным обращением политических функционеров в странах так называемого Восточного блока. Он мог бы избежать подобного недоразумения, если бы обратил внимание членов делегации на то, что дипломатичнее было бы использовать в качестве обращения венгерское слово úr (=господин), хотя оно было и нетипичным на фоне норм вежливости венгерской номенклатуры того времени. Переводчик и сам мог бы перевести на немецкий язык венгерское elvtars как Herr (господин). В этом случае он действовал бы правильно в рамках протокола, но должен был

[18] Дословный обратный перевод — это попытка передать структуру иноязычного выражения.

[19] Медье (венг. megye) — название основной административно-территориальной единицы в Венгрии.

бы принять в расчет возможное политическое замечание со стороны какого-нибудь твердолобого партийного функционера.

(3) Во время уже упомянутого 36-го Международного конгресса "International Council for Small Business" переводчики адаптировали некоторые формы обращения к нормам австрийской культуры, если это допускали условия работы. «Простое» обращение Mister Hinteregger на основании предварительных знаний, полученных в ходе тщательного изучения документов конгресса и наблюдения за его ходом, было переведено как Herr Botschafter Hinteregger («господин посол Хинтереггер»). Культурно специфическое неформальное обращение по имени переводилось более формально: с добавлением фамилии и титулов, в соответствии с австрийской «титуломанией». Так, „Bruce" перевели как „Präsident Kirchhoff", „Erich" — как „Herr Fröhlich" и „Elizabeth" — как „Frau Doktor Stampfl Blaha" (Pöchhacker 1994a: 210 и далее).

В примере (1) переводчику ничего не остается, кроме как поставить вопрос по-другому или активно, взяв на себя ответственность, вмешаться в процесс экзамена. Сможет ли он это сделать, зависит от рассудительности экзаменатора, который тем самым передаст переводчику часть своих полномочий. В отличие от венгерских переводчиков в примере (2), переводчики в примере (3) не побоялись адаптировать переводимый текст к нормам вежливости целевой культуры. Однако назвать поведение венгерских переводчиков неловким или даже ошибочным, а действия австрийских переводчиков правильными и образцовыми значило бы недооценить сложность ситуации. Поведение венгерских переводчиков нельзя объяснить только их квалификацией. Оно зависит от соответствующих общественных и политических условий, прежде всего, от соотношения сил между партнерами коммуникации. В то время как венгерские переводчики в 1986 г. в Загребе должны были считаться с идеологически обусловленными принудительными мерами, переводчики в Вене в 1991 г. могли принимать решения, не боясь принуждения и руководствуясь исключительно профессиональными критериями. Им нужно было просто правильно оценить, в какой степени необходимо приспособить перевод для целевой культуры.

1.2.4. О муках выбора

Приведенные примеры четко показывают, что традиционное понятие «устный перевод» оказывается слишком узким, когда речь

идет о том, чтобы разработать когерентную систему профессионально-практических принципов. То же самое касается и письменного перевода. Если переводы должны выглядеть «естественно», мы сталкиваемся с сомнительностью представления о процессе перевода как простой передаче на языке перевода слов и предложений исходного языка. Понятие «перевод», статическое и ограниченное лишь языковым трансфером, не предоставляет исходных данных по поводу того, насколько переводы нужно приспосабливать к конвенциям типов текста. То же самое касается и вопроса, стоит ли «извлекать» импликации из текста и использовать их в тексте перевода для определенной аудитории. Превращение противоречия между понятиями «перевод» и «обработка» в возможный континуум переводов, более или менее отличающихся от ИТ, — только один из вопросов, на который нужно найти ответ.

1.2.5. О динамичности глобального рынка

До сих пор мы исходили из ожидания, что каждый текст переводится более или менее полностью и что перевод должен выполнять в ПЯ такую же функцию, как и оригинал. Однако не каждый заказчик заинтересован в том, чтобы получить такой перевод, не говоря уже о том, что иногда данная задача невыполнима. Еще дальше от реальности отстоит распространенное мнение о том, что перевод — это отражение оригинала средствами языка перевода. Обобщение, конспект информационных материалов на иностранном языке, дополнение текстов, свободный перевод прозы, создание нового текста на основе оригинала для различной целевой аудитории, культурная адаптация рекламы и веб-страниц все чаще относятся к само собой разумеющимся направлениям деятельности практикующих переводчиков. Поэтому переводоведение должно также изучить эти пограничные области перевода, описать их и присоединить к когерентной объяснительной модели[20].

[20] Cp. Toury (1980a, b); Kade (1981b); Neubert (1983); Reiß/Vermeer (1984/1991); Toury (ed.) (1987/1998); Holz-Mänttäri (1986b); Toury (1995); сдержанно или критично по этому поводу пишут: (Koller ^{1}1979, ^{2}1983, ^{4}2004, ^{8}2011; Taraman 1986; Merino Alvarez 1992; Schreiber 1993, 1999; Neubert 1997, 1999).

Перевод, обработка, свободный перевод прозы и создание нового текста[21] на основе оригинала, локализация и техническое письмо (technical writing[22]) в межкультурном аспекте, а также переводческая консультация и переводческий маркетинг представляют собой континуум возможных действий при языковом посредничестве за пределами границ языка и культуры. Вместо того чтобы спорить, должен ли быть предметом переводоведения только перевод в узком смысле или нет, представляется более целесообразным отнести к общему понятию Translation все возможные формы реализации языкового и культурного посредничества. В пределах этой понятийной рамки также может быть разработан исследовательский инструментарий, с помощью которого возможно будет адекватно описать, изучить достаточно дифференцированными методами и в то же время рассмотреть в общем аспекте континуум допустимых решений, самому научиться этому и обучить других. Игнорирование периферийных явлений редко шло на пользу гуманитарным наукам.

В поддержку как можно более широкой дефиниции понятия «перевод» говорит и исторический аспект перевода. История культур учит, что письменный и устный перевод как исторические феномены не должны «втискиваться» в мыслительный образец отражения оригинала, не нуждающегося больше в переосмыслении. Этот мыслительный образ во многом сам культурно обусловлен и соответствует конкретной совокупности интересов и ценностных отношений, которые были характерны для духовной жизни Европы в конце XVIII — начале XIX вв. Поэтому нецелесообразно применять обусловленные духом времени европейские представления о нормах перевода в отношении других культур и эпох[23]. Стремясь распространить понятие перевода на все явления языкового трансфера за пределами культурных границ и исследовать его закономерности,

[21] Известные серии путеводителей, выпускающиеся как международные издания, все чаще составляются полностью по-новому, поскольку переводы сформулированы без учета адресата, а добросовестно выполненные переработки, которые заказывают ответственные издательства, перестали быть менее затратными, чем новая продукция (Loibner 1996: 35).

[22] Локализация, technical writing (техническое письмо) в межкультурном аспекте (Göpferich 1998) и так называемые Co-prints (Dollerup/Orel-Kos 2001) в этом смысле относятся к сфере исследования переводоведения и также должны быть предметом дидактики перевода. Указания на дополнительную литературу см. в разделе 11.3.

[23] Ср. Т. Херманс (Hermans 1999b: 48).

мы тем самым получаем возможность изучать перевод, вопреки нормативному пониманию, в его общественной и идеологической обусловленности и описывать его как важный элемент сложного культурно-исторического процесса.

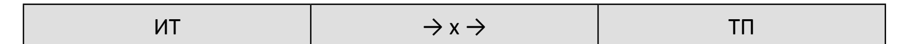
1.3. Стратегический уровень согласия

Итак, было собрано достаточно аргументов в пользу динамического понятия текста и такой же динамической дефиниции перевода.

ИСХОДНЫЙ ТЕКСТ
Исходным текстом (ИТ) мы обозначаем более или менее четко определяемую и интерпретируемую совокупность знаков, служащую информационной основой для перевода.

ТЕКСТ ПЕРЕВОДА
Текстом перевода (ТП) мы обозначаем любую возникшую в результате процесса перевода более или менее четко определяемую совокупность знаков.

Нужно будет еще подробнее остановиться на последствиях такой открытой дефиниции ИТ и ТП. Здесь же ограничимся схематичным представлением отношений между ИТ и ТП:

ИТ	→ x →	ТП

Символ «х» между ИТ и ТП означает, что о переводе следует говорить во всех тех случаях, когда между текстами на разных языках, независимо от их статуса и структуры, существует связь, которую можно спрогнозировать и/или описать. Задача переводоведения: изучить этот «х», конкретные формы и возможности его реализации, чтобы исследовать языковую, когнитивную и социокультурную обусловленность перевода. В научной концепции перевода должно быть достаточно места и для тех форм переводческой деятельности, в процессе которых создается транслят, подвижно связанный с ИТ. В этом смысле термин Translation является общим понятием не только для письменного и устного перевода, но и для других переводческих процессов и услуг, начиная с письменного

перевода в узком и традиционном понимании и заканчивая свободной переводческой обработкой. Похожую, хотя до сих пор почти не обсуждаемую, палитру форм реализации также необходимо составить в области устного перевода. В процессе достижения научного консенсуса в отношении дефиниции термина Translation первым шагом было определение, данное О. Каде. Следующий шаг должен заключаться в том, чтобы выявить историческую обусловленность самих понятий и изучить возможность их расширения для перевода в будущем. При поиске следов в прошлом во всех культурах были выявлены переводческие приемы, которые противоречили традиционному значению понятий «письменный перевод» и «устный перевод». Взгляд в будущее показывает, что для овладения практикой динамической межкультурной и мультимедийной коммуникации в глобализованном мире должна быть разработана динамическая концепция перевода. На этом фоне в заключение следует дать следующее надкультурное определение перевода[24]:

Под переводом как особым видом межкультурной и транскультурной коммуникации понимается любое конвенционализированное, межъязыковое и опосредованное взаимодействие.

Таким образом, во-первых, подчеркивается посреднический характер переводческой деятельности, что и отличает ее от других форм межкультурной коммуникации. Во-вторых, указывается на то, что посредническая деятельность в какой-либо форме должна быть связана с языком, а не являться трансфером между любыми системами символов. В то же время необходимо отметить, что языковая посредническая деятельность составляет лишь часть перевода. В-третьих, заранее не установлено, как происходит или должна происходить конкретная реализация перевода. Вид реализации перевода выражается конвенциями в соответствии с культурной и временной спецификой. Следовательно, задача переводоведения как критической науки заключается в том, чтобы проанализировать положение управляющих соответствующими процессами конвенционализации сил и особенно их влияние на переводческую практику, а также уточнить свою собственную роль в общественном позиционировании перевода.

[24] Подробное обоснование и концептуализацию см. в (Prunč 2004b).

Путь, который переводоведение должно было пройти от узкой нормативной концепции перевода до современных надкультурных и соотнесенных с культурной спецификой релятивистских концепций, был извилистым и иногда ложным. Если все же предпринимается попытка представить центральные линии развития как более или менее логическую последовательность процессов многократного сближения с объектом, необходимо отдавать отчет, что речь при этом идет о дополнительном осмыслении, о научном конструкте с точки зрения современного фактического состояния. Такой конструкт, создаваемый в качестве фона для собственной истории науки актуальным консенсусом по вопросам перевода, сам должен постоянно уточняться. С этой оговоркой история переводоведения должна быть представлена как процесс освобождения от сопоставительной лингвистики или сравнительного литературоведения, который привел к возникновению отдельной дисциплины (sui generis).

Дополнительная литература

О терминах

Übersetzungswissenschaft, Translationswissenschaft, англ. Translation Studies, Translation Theory, Translatology, фр. traductologie, études de la traduction, исп. traductología, рус. переводоведение, слов. prevodoslovje ср. Goffin (1971); Wilss (1975, 1981); Holmes (1988); Snell-Hornby (1988: 8; 1991: 20); Lambert (1991: 28); Koller ([4]1992: 12f.; [6]2001: 12f.; [7]2004: 12f.; [8]2011: 8ff.); Snell-Hornby/Kadrić (eds.) (1995; [2]2000: 9ff.); Harris (2011).

Донаучное формирование теории и история перевода

Cary (1963); Mounin (1967); Störig (ed.) (1963; 1973); Sdun (1967); Amos (1920/2001); Steiner, Th. (1975); Kelly (1979); Apel (1983); Berman (1984); Biguenet/Schulte (eds.) (1989); Rener (1989); Ellis, R. (eds.) (1989, 1991); van Hoof (1991); Berman (1992); Lefevere (eds.) (1992); Schulte/Biguenet (eds.) (1992); Robinson (1992); Vermeer (1992b, c); Ellis, R./Evans (eds.) (1994); Steiner, G. (1994); Ellis, R./Tixier (eds.) (1995); Schneiders (1995); Delisle/Woodsworth (1995); Ellis, R./Tixier (eds.) (1996); Weber (1996); Vermeer (1996b, c, d); Chesterman (1997b); Robinson (1997b, c); Delisle (eds.) 1998; Dollerup (1999); Gallén et al. (2000); Vermeer (2000a, b); Weissbort/Eysteinsson (2006); Stolze ([4]2005b, [5]2008).

Переводоведение–

Bausch (1973); Komissarov (1973, 1975); Gaddis Rose (eds.) (1977); Wilss (1977a, b); Komissarov (1980); Gaddis Rose (eds.) (1981); Wilss (eds.) (1981); Wilss (1982); Snell-Hornby (1988); Larose (1989); Bell (1991); Gentzler (1993); Snell-Hornby et al. (eds.) (1994); Stolze (1994); Snell-Hornby ([2]1995); Dollerup/Appel (eds.) (1996); Salevsky (eds.) (1996); Kaindl (1997a, c); Bowker et al. (eds.) 1998; Gil et al. (eds.) (1999); Gerzymisch–Arbogast et al. (eds.) (1999); Kalverkämper (1999); Steiner, E. (1999); Best/Kalina (eds.) (2002); Munday (2001); Salevsky, H./Müller/Salevsky, B. (2002); Albrecht/Gerzymisch–Arbogast et al. (eds.) (2004); Komissarov ([2]2004); Mason, B./Munday (2004); Wilss (2004); Zybatow (2004); Gile (2005b).

Справочные пособия, руководства, введения и обзоры

Popovič (1976a); Salevsky (eds.) (1992); Gerzymisch–Arbogast (1994); Shuttleworth/Cowie (1997); Stolze (1994); Trosborg (1994); Snell-Hornby et al. (eds.) (1998; 21999 [Nachdruck 2006]); Baker (eds.) (1998); Cormier/Delisle/Lee–Jahnke (1999); Delisle et al. (1999); Munday 2001, [Reprint] (2002); Qvale (2003); Kadrić et al. (2005); Schreiber (2006b); Baker/Saldanha (eds.) (22009); Munday (22008); House (2009); Munday (eds.) (2009); Gambier/Doorslaer (eds.) (2010); Malmkjær/Windle (eds.) 2011).

Теории и парадигмы

Nida (1976, 1991); Lambert (1991); Neubert (1991); Baker (1996); Fawcett (1997); Hermans (eds.) (2002); Bernardo (2004); Dollerup (2006); Snell-Hornby (2006); Vermeer (2006); Kaiser-Cooke (2007); Baker (ed.) (2009); Garcia Bernardo (2010); Pym (2010a, b).

Антологии и сборники текстов

Chesterman (ed.) (1989); Venuti (ed.) (2000/2001); Pöchhacker/Shlesinger (eds.) (2002); Hatim, B./ Munday (2004); Pöckl (ed.) (2004); Weissbort/ Eysteinsson (eds.) (2006); Kuhiwczak/Littau (eds.) (2007); Kitzbichler et al. (eds.) (2009); Baker (ed.) (2010).

Библиографии

Bausch et al. (1970, 1972); Lehmann (1982); Huntsman 1985; Bowker et al. (1998). По дидактике перевода Kautz (2000: 547–625); по переводоведению как науке, исследующей процесс устного перевода Pöchhacker/Shlesinger (eds.) (2002: 398–421).

Базы данных

BITRA (в свободном доступе)
Bibliografía de interpretación y traducción, Departamento de Traducción e Interpretación Universitat d'Alicant Universidad de Alicante,
https: //aplicacionesua.cpd.ua.es/tra_int/usu/buscar.asp (последнее обращение: 15.11.11)

LIDOC (не в свободном доступе)

Библиографическая документация, институт переводоведения, Грацский университет имени Карла и Франца
http://itat2.uni-graz.at/pub/lidoc/
John Benjamins (на платной основе)
Translation Studies Bibliography
http://benjamins.com/online/tsb/
St. Jerome (на платной основе)
Translation Studies Bibliography
https: //www.stjerome.co.uk/tsa/
UNESCO (в свободном доступе)
Index Translationum — World Bibliography of Translation
http://portal.unesco.org/culture/en/ev.php-URL_ID=7810&URL_DO=DO_TOPIC&URL_SECTION=201.html (последнее обращение: 15.11.11)

2. Доминирование лингвистики, или Дискуссия об эквивалентности

Центральными понятиями лингвистического переводоведения были эквивалентность и инвариантность. По словам В. Вилсса (Wilss 1977b: 157), понятие «эквивалентность» пришло в (немецкое) переводоведение в 1950-е гг. из технических дисциплин или из формальной логики. В эйфории первых успехов машинного перевода еще надеялись, что в каждом языке можно найти элементы, которые с помощью простой системы правил могли бы заменяться эквивалентными элементами другого языка[25]. Существовало безупречное представление о том, что можно исходить из tertium comparationis, т.е. из системы сравнений по типу надъязыкового понятийного мира. Сначала предполагалось, что между отдельными языками существует своего рода симметрия, на основании которой их элементы сопоставимы друг с другом. Считалось, что нужно было только решить проблему многозначности в реальных текстах и изолировать отдельные элементы трансфера. Очень скоро последовало разочарование. Пришлось признать, что между отдельными языками нет никакой симметрии, напротив, фактом, который недостаточно учитывался, является асимметрия языков. Появилась надежда, что эту проблему можно решить путем создания соответствующим образом отточенной и более сложной системы правил. Однако и этой концепции хватило ненадолго, поскольку невозможно устранить неоднозначность (исходного) текста исключительно лингвистическими методами. «Блестящие неудачи» машинного перевода (Wandruszka 1981: 323) явились одной из причин развития переводоведения. «Ошибки» «мыслящих» машин наглядно показали сложность переводческого процесса.

Понятие «инвариантность» было заимствовано из структурной лингвистики, целью которой было исследовать языки как абстрактные системы. Главная задача такого анализа заключалась в том, что-

[25] Подробнее о машинном переводе см. раздел 2.4.7 и дополнительную литературу в конце главы.

бы выявить на всех языковых уровнях инварианты (элементы, независимые от их конкретной реализации) и провести различие между ними и их зависимыми от позиции вариантами[26]. По аналогии с этим, в переводоведении «инвариантом» обозначаются те элементы, которые не изменяются в ИТ и ТП:

ИНВАРИАНТ
Инвариантами называются те элементы исходного текста, которые переносятся/должны переноситься в текст перевода неизмененными.

Однако здесь необходимо сделать два замечания:

1. На начальном этапе ориентированное на сопоставительную лингвистику переводоведение интересовалось не текстами, а языковыми системами и их структурами. Согласно разрабатываемой теории эквивалентности, языковые системы разбивались по эквивалентам для определенной языковой пары или для всех языков и противопоставлялись друг другу. На основании этого противопоставления надеялись найти релевантные способы преодоления структурных различий между отдельными языками.
2. К проблеме эквивалентности и инвариантности существуют два подхода:
   (а) дескриптивный (описательный), исследующий, какие элементы при конкретном переводе фактически сохраняются в ТП);
   (б) прескриптивный (нормативный), предписывающий, какие элементы необходимо сохранить неизмененными в ТП при переводе ИТ.

Этими двумя утверждениями был намечен диапазон развития переводоведения как частной дисциплины сопоставительной лингвистики.

[26] Эти элементы в основном обозначались терминами, образованными с помощью суффикса -em (-ем). Их зависимые от позиции варианты образовывались с помощью приставки allo- (алло-). Так, например, минимальная смыслоразличительная единица звукового строя языка — фонема, а ее обусловленный позицией вариант — аллофон. На морфологическом уровне друг другу противопоставляются морфема и алломорф; минимальной лексической единицей является лексема, минимальная синтаксическая единица — синтагма.

2.1. Роман Якобсон, или Недопонимание

В начале переводоведческой дискуссии по поводу термина «эквивалентность», по мнению М. Снелл-Хорнби (Snell-Hornby 1995: 17 и далее), возможно, стоял неправильный перевод. В своей статье “On Linguistic Aspects of Translation” (Jakobson 1959) («О лингвистических аспектах перевода») (Якобсон 1978, перевод с англ. на нем.: Wilss (ed.) 1981: 189–198; перевод с англ. на рус.: 1978: 16–24. — *примеч. ред.*) Р. Якобсон утверждает, что кардинальной проблемой языков является “equivalence in difference” («эквивалентность при существовании различия»). Этот оксюморон[27] одного из ведущих представителей структурной лингвистики чаще всего поверхностно переводился как «эквивалентность в различии». При этом, по мнению М. Снелл-Хорнби, на термин Äquivalenz («эквивалентность») накладывалась не английская, а немецкая система понятий[28]. В английском оригинале и в русском переводе знаменитая цитата Р. Якобсона звучит так:

> “Equivalence in difference is the cardinal problem of language and the pivotal concern of linguistics” (Jakobson 1959: 233).
> (ср. русский перевод: «Эквивалентность при существовании различия — это кардинальная проблема языка и центральная проблема лингвистики» (Якобсон 1978: 18).

Чтобы правильно понять приведенную цитату Р. Якобсона, необходимо сначала обратиться к историческому контексту. В этой статье Р. Якобсон высказывает свое мнение относительно тезиса о (абсолютной) привязанности человеческого мышления к языку, который выдвинули сторонники гипотезы лингвистической относительности Э. Сепир и Б.Л. Уорф[29]. В «теории перевода» на основе

[27] Оксюморон — риторическая фигура, состоящая в том, что соединяются, казалось бы, два противоречащие друг другу или взаимоисключающие понятия. Ср. Розенталь 1976.

[28] Понятия *equivalence* и *Äquivalenz* (эквивалентность), а также *difference u Differenz* (различие) не являются семантически конгруэнтными (см. Snell-Hornby 1995: 17 и далее). Более адекватный перевод мог бы звучать так: *сходство в многообразии.* Ср. перевод К.-Х. Фрайганга „Äquivalenz in der Verschiedenheit (equivalence in difference) ist das Kardinalproblem der Sprache und die Kernfrage der Linguistik“, который в скобках дает английскую формулировку из оригинала, чтобы таким образом обратить внимание на переводческую проблему (Jakobson 1981: 191).

[29] О языковом релятивизме см. раздел 3.1.

этой гипотезы вывели «догму»[30] о принципиальной непереводимости. Р. Якобсон противопоставляет этому убеждению свою точку зрения, которая заключается в том, что в распоряжении человека имеются различные языковые и неязыковые знаковые системы. Знаки для выражения определенного содержания могут заменяться другими знаками, выражающими то же содержание. В этом смысле Р. Якобсон различает внутриязыковой (интралингвальный), межъязыковой (интерлингвальный) и межсемиотический (интерсемиотический) виды перевода: внутриязыковой перевод, или переименование (rewording), имеет место тогда, когда вербальные знаки интерпретируются и/или передаются с помощью других знаков того же языка. Межъязыковой перевод, или собственно перевод, имеет место, когда происходит интерпретация вербальных знаков посредством знаков другого языка. О межсемиотическом переводе, или трансмутации, Р. Якобсон говорит тогда, когда предпринимается интерпретация вербальных знаков посредством других знаковых систем, или наоборот (Jakobson 1981: 190).

Так, английское слово bachelor можно передать с помощью описания unmarried man или синонима celibate, т.е. выполнить внутриязыковой перевод[31]. При межъязыковом переводе английское слово cheese может передаваться, например, русским словом *сыр* или немецким Käse, хотя обозначенные таким образом блюда имеют разный вкус и отличаются от других молочных продуктов по разным критериям. Межсемиотический перевод имеет место, например, при экранизации литературных произведений, когда вербальные знаки преобразуются в изображения. Перевод, по мнению Р. Якобсона, — это феномен, с которым человек постоянно сталкивается. Межъязыковой, или собственно перевод, — это только особый случай коммуникации с различными знаковыми системами.

---

[30] См. прямое, немного ироничное мнение Р. Якобсона (1978: 19): «И в практике, и в теории перевода предостаточно запутанных проблем, и время от времени делаются попытки разрубить Гордиев узел, провозглашая догму непереводимости».

[31] См. интралингвальное описание понятий *bachelor* и *celibate* в словаре Уэбстера (Webster 1992: 104); “**celibate** – An unmarried person”; (Ibid.: 214); **“bachelor** – An unmarried man”.

Пример (6): Внутриязыковой и межсемиотический перевод
Внутриязыковой перевод:

а) Венский рок-музыкант Остбан-Курти со своей группой, точнее автор слов песен Гюнтер Брёдл, в своих адаптациях переносил англо-американские песни в условия венского пригорода. Так, например, гимн южных штатов Америки “Sweet Home Alabama”, описывающий тоску по дому одиноких дальнобойщиков, превращается в описание унылой обстановки, в которой находятся дружки вымышленного персонажа Курта Остбана[32]: Da Korl, der redt scho wia a Dokta / Weu da Oide vo da Oidn is Primar. // Und mit’n Ferry redn is a Vuagob / Der parkt fia 15 Joa in Staa. Чтобы в научной статье сделать этот текст доступным для широкой аудитории, был выполнен внутриязыковой перевод: Der Karl redet schon wie ein Doktor / Weil der Gatte seiner Freundin ist Primararzt // Und mit Ferry zu reden ist sinnlos / Der sitzt für 15 Jahre in der Haftanstalt Stein (Steinacher 1996: 193).

б) В немецких и австрийских новостных передачах интервью и официальные заявления, которые в оригинале слишком сильно диалектально и/или регионально окрашены, иногда снабжаются субтитрами на литературном языке.

Межсемиотический перевод

а) Так называемые символические жесты могут быть культурно специфическими[33]. Например, в большинстве европейских культур покачивание головой означает «Нет», а кивок головой — «Да». В болгарской культуре всё наоборот. В таких случаях для перевода в ситуации общения лицом к лицу решающей оказывается именно передача символических жестов языковыми средствами.

б) При переводе комиксов культурно специфические, не всегда понятные целевой аудитории изображения могут быть вербализованы (ср. Kaindl 2004b).

Человек также способен как бы «выходить» из языка, думать о нем, говорить о языке и вместе с тем о собственной языковой обусловленности. Язык, на котором говорят о языке, называется метаязыком. Если человек в состоянии совершать метаязыковые операции, говорить на языке о языке и при этом осмысливать процесс, он также может проводить ревизию собственной знаковой системы. И когда у языкового сообщества возникает необходимость назвать какую-либо вещь с помощью соответствующего языкового знака, для этого создаются определенные языковые средства. По мнению

[32] Р. Якобсон использовал бы для этого термин «транспозиция». См. ниже в данном разделе.

[33] Изучением культурно-специфических жестов занимается *этножестика* (*Ethnogestik*) (см. Köchlin 1992).

Р. Якобсона, предпосылкой служит то, что человек может понять соответствующее содержание когнитивно, т.е. с помощью своих умственных способностей:

> «Весь познавательный опыт и его классификацию можно выразить на любом существующем языке» (Якобсон 1978: 19).

Существенно для всех трех форм перевода то, что знаки, которыми при этом заменяются другие знаки, не всегда полностью совпадают. Это касается как синонимов при внутриязыковом переводе, так и лексических соответствий и грамматических категорий, из которых нужно исходить при межъязыковом переводе. Они могут относиться к разным элементам действительности или же обозначать одни и те же ситуации с разных сторон и/или по разным критериям и устанавливать связи между ними. В каждом языке необходимо учитывать соответствующие специфические аспекты. Основываясь на вышесказанном, Р. Якобсон формулирует принцип, который можно было бы назвать принципом обязательной языковой дифференциации:

> «Языки различаются между собой главным образом в том, что в них не может не быть выражено, а не в том, что в них может быть выражено» (Якобсон 1978: 22).

Таким образом, Р. Якобсон делает акцент на языковых различиях, а не на простых отношениях эквивалентности. Это и есть следующее недопонимание, которое обнаруживается при восприятии оксюморона Р. Якобсона «эквивалентность при существовании различия».

Примеры (7): Обязательные категории в контрастивном рассмотрении

(1) При переводе английского предложения I hired a worker на русский язык необходимо добавить информацию о том, какого пола субъект (говорящий) и объект, завершено или не завершено действие:
Я нанял/наняла [нанимал/нанимала] работника/работницу (ср. Jakobson 1981: 194).

(2) Английская фраза a friend of mine не содержит никакой грамматической информации о том, мужского или женского пола друг. В немецком, итальянском и в славянских языках данная информация передается с помощью рода существительного, а также связанных с ним прилагательных и причастий, имеющих соответствующее окончание.

Проблематика переводимости, в отличие от теории лингвистической относительности, должна основываться не на когнитивной функции языка, потому что, как уже было сказано, человек обладает метаязыковым коррективом[34]. Проблема перевода становится «гораздо более запутанной и противоречивой», — развивает свою мысль Р. Якобсон (1978: 23), когда языковые элементы используются не только в своей номинативной функции, но и в повседневной «вербальной мифологии» нагружены также символической функцией. Для Р. Якобсона границы переводимости окончательно достигнуты, когда «вербальные уравнения стали конструктивным принципом построения текста» и получили в поэзии автономное значение[35]. Поэтому Р. Якобсон считает:

> «...поэзия по определению является непереводимой. Возможна только творческая транспозиция...» (Якобсон 1978: 24).

При этом, по аналогии с переводом (в понимании Р. Якобсона), речь может идти о внутриязыковой, межъязыковой и межсемиотической транспозиции. Если же постулат эквивалентности обобщается и даже делается критерием оценки качества художественного перевода, то в этом заключается третье и самое существенное недопонимание семиотического подхода Р. Якобсона. Выводы для практики перевода, которые следуют из утверждений Р. Якобсона, в заключение нужно еще раз разработать и проиллюстрировать несколькими примерами.

Лакуны в языковой системе, изучением которых интенсивно занималось переводоведение на ранних этапах, не являются принципиальным препятствием для перевода[36]. В области лексики, например, они могут быть заполнены «путем слов-заимствований, калек, неологизмов, семантических сдвигов и, наконец, с помощью парафраз» (Якобсон 1978: 20). Значит, теоретически в любом языке можно было бы создать состояние, когда каждому элементу одного языка соответствовал бы эквивалентный элемент другого языка.

---

[34] Понятие Р. Якобсона *«когниция»* нельзя просто приравнять к современному понятию когниции. Для обозначения содержания, которое Р. Якобсон, очевидно, здесь имеет в виду, позже будет введен термин «референция (к действительности)».

[35] Ср. аргументацию с точки зрения литературоведения у У. Шульц-Бушхауса (Schulz-Buschhaus 1996).

[36] Ср. концепцию нулевой эквивалентности у О. Каде, В. Коллера et al.

Но это было бы в высшей мере искусственное состояние, которого, вероятно, можно было бы достичь посредством нормирования в некоторых специальных языках.

Переводческая реальность выглядит по-другому. В практике перевода могут возникнуть значительные проблемы из-за того, что нет адекватных возможностей словообразования или рассматривающиеся неологизмы не утверждаются в принимающем языковом сообществе. Видимо, в этом заключается релевантность исследований семантических, лексических и других лакун в переводоведении, ориентированном на сопоставительную лингвистику, с точки зрения дидактики, а не на теорию перевода. Если определенные, прежде всего грамматические, категории и вместе с ними информация не имеют значения в исходном языке, но являются обязательными в языке перевода, при переводе необходимо добавить эту информацию. Правило, гласящее, что эта информация должна добываться с помощью специального поиска или путем включения достаточно большого ко(н)текста, звучит просто, но на практике сталкивается с препятствиями, которые нельзя недооценивать. Это может иметь различные последствия[37].

Из принципа обязательной дифференциации или — с другой точки зрения — на основании асимметрии языков складывается принцип необратимости процесса перевода. Если один из элементов в языке перевода грамматически или семантически недостаточно четко маркирован и котекстом не обеспечена необходимая дифференциация, то этот элемент ИТ, как правило, теряется при переводе[38].

Ниже на примере маркирования грамматического рода будет смоделирована проблема дифференциации, обусловленной структурой. Как известно, существуют языки, в которых нет категории грамматического рода (например, венгерский); языки, в которых данная категория слабо выражена (например, английский); и языки с ярко выраженным маркированием грамматического рода (на-

[37] В дальнейшем мы различаем понятия *котекст* (Cotext) и *контекст*. Под *котекстом* понимается непосредственное языковое включение, а под *контекстом* — еще и ситуативное включение текстового сегмента.

[38] Систематические исследования переводческих ошибок, которые могут возникнуть из-за асимметрии языков при так называемом переводе из вторых рук или синхронном переводе через реле (язык-посредник), пока что практически отсутствуют.

пример, славянские языки). Немецкий, французский и итальянский языки занимают промежуточное положение.

Пример (8): Маркирование грамматического рода: от неэксплицированного до эксплицитного

„Úgy nyitott be, mint egy idegen lakásba. Idegen volt a mozdulat, ahogy előhalászta a kulcsot, a hang, ahogy a kulcs kattant a zárban. Nem hozott magával semmit, de a karja majd leszakadt, mintha még most is a szék lógna rajta, meg a takaró, mint amikor lement a pincébe“ (Mándy, Iván, Temetők. Átkelés. Elbeszélések. Budapest: Magvető. 1983, цитата по (Klaudy 1997: 298)).

„Sie öffnete, als käme sie in eine fremde Wohnung. Fremd war die Bewegung, mit der sie den Schlüssel herausholte, der Laut [,] wie der Schlüssel im Schloß knackte. Sie brachte nichts mit, doch ihr Arm fühlte sich wie abgestorben, als hinge jetzt noch der Stuhl darüber und die Decke, wie in dem Moment, da sie in den Keller gegangen war“ (Mándy I, Friedhöfe Liebe. Ungarische Kurzprosa aus dem 20. Jahrhundert. Budapest: Corvina. 1993. Перевод Д. Кориат, цитата по (Klaudy 1997: 298))[39].

В примере (8) речь идет об отрывке из венгерского короткого рассказа. В цитируемой части текста нет никаких грамматических указаний на мужской или женский гендер действующего лица. В немецком языке в ситуацию необходимо внести ясность с помощью употребления местоимения женского рода. Дополнительную информацию (имплицитную или эксплицитную) переводчик должен извлечь из контекста.

Более сложным представляется пример из романа “Angeli” словенского писателя Б. Моцетича:

Пример (9): Маркирование грамматического рода в тексте

Rada [=f] bi, da govoriš. Kaj? Kar se ti zdi pomembno. Nima smisla. Raje bi pozabil [=m]. Le tako greš lahko naprej. Kam naprej? Tega ni. Kot ni nazaj. Kot ni nič. Jan [=m]? Kaj je z njim [=m]? Ga [m] imaš rad [m]? (Mozetič 1996: 6)	Ich möchte, dass du mir erzählst. Was? Was dir wichtig scheint. Es hat keinen Sinn. Ich würde lieber vergessen. Nur so kommst du weiter. Wohin weiter? Es gibt kein Weiter. Und kein Zurück. Nur das Nichts. Jan [=m]? Was ist mit ihm [=m]. Hast du ihn [=m] gern? (Mozetič 2004: 9 и далее)

[39] Этот пример мне любезно предоставила Ю. Мурат.

В словенском ИТ читателю сразу понятно, что женщина — как позже отмечается, следственный судья — говорит с мужчиной, заключенным, и что этот мужчина поддерживает гомосексуальные отношения с другим мужчиной, Яном. Читатели же немецкого перевода под названием „Schattenengel" («Теневые ангелы») извлекают из этого отрывка только следующую информацию: один персонаж романа говорит с другим, кроме того, существует некто по имени Ян, в которого влюблен первый персонаж. Только обратившись к краткому содержанию на суперобложке книги, читатели могут узнать, что речь идет о диалоге между женщиной и мужчиной. В самом тексте они лишь спустя несколько страниц находят указание на половую принадлежность собеседников. Кроме того, поскольку смена говорящих маркируется исключительно грамматическим родом, немецким читателям весьма сложно соотнести реплики диалога с говорящими.

Однако маркирование грамматического рода имеет и идеологическое измерение, которое изучают гендерная лингвистика и гендерное переводоведение, входящее в ее состав[40]. Мужской род в обобщающем значении и наличие/отсутствие маркирования грамматического рода при обозначении профессий женщины исследователи гендера рассматривали как инструмент дискриминации и разрабатывали стратегии нейтрализации и маркирования грамматического рода. Поскольку язык — это динамичное выражение развития языкового сообщества, вопрос о «включенности женщин в язык» в зависимости от состояния общественного сознания и предпосылок, связанных с языковой системой, может быть выражением политкорректности текста или его автора[41].

---

[40] Американская феминистка В. Уан ввела понятие *manglish* для обозначения языка, в котором доминируют формы мужского рода. С одной стороны, чтобы сломать стереотипные представления о «типично женских» профессиях, их обозначения нужно заменить на гендерно немаркированные (например, *flight attendant* вместо *stewardess*). С другой стороны, наличие женщин в обществе необходимо обозначать посредством употребления форм женского и мужского рода вместо существительных и местоимений мужского рода в так называемом обобщающем значении: например, *he/she* вместо *he* (ср. Lotbinière-Harwood 1991: 17 и далее, 112 и далее). О проблематике «женского письма» и маркирования грамматического рода в немецком языке см. (Nölle-Fischer 1995).

[41] В англоязычных публикациях авторы-женщины употребляют личное местоимение женского рода в обобщающей функции. Ср. примечание в (Wadensjö 1992: 2): " 'She' will be the generalizing pronoun for interpreters in this thesis, following the gender of

Еще одним примером грамматической категории, которая при переводе требует поиска дополнительной информации и/или тщательного анализа ко(н)текста, является категория числа. В словенском языке помимо единственного и множественного числа также существует двойственное. Поэтому при переводе с немецкого на словенский нужно обращать внимание на случаи, когда формы множественного числа в ИТ выражают двойственность. В качестве примера приведем следующий отрывок.

Пример (10): Множественное число vs. двойственное число

1	Die Kirchgänge, sonntags. Der gemeinsame Weg ins Gebet.	Hoja v cerkev, ob nedeljah. Skupna pot v molitev.
2	Sie kommt zu mir in das Zimmer, ich werde gewaschen, dann zieht sie mich an. Aufgeputzt, beide. Für den Herrn präpariert, sagt der Vater.	Pride k meni v sobo, umije me, potem me obleče. Urejena, oba. Pripravljena za Gospoda, pravi oče.
3	Der Weg in die Kirche. Und nie sind wir pünktlich gewesen. Das hat sie gebraucht, sie hat diesen Auftritt gebraucht und gehabt, jede Woche einmal. Und dann sind wir gekommen, alle anderen waren immer schon da. So haben wir unseren Auftritt gehabt, sie können uns sehen, so hatten sie Mitleid mit ihr.	Pot v cerkev. In nikoli nismo bili točni [nisva bila točna]. To je potrebovala, potrebovala je ta nastop in ga je imela, vsak teden enkrat. In potem smo prišli [sva prišla], vsi drugi so bili vedno že tam. Tako smo imeli [sva imela] svoj nastop, lahko so nas videli, tako so z njo sočustvovali.
4	Die Tür geht auf, ich sitze im Rollstuhl, sie geht hinter mir, aufgerichtet, gebeugt, je nachdem. Wir gehen den Gang ab. Sie schiebt mich durch das Mitleid. Die Blicke der anderen Mütter. Wenn die mich sehen und auf den Kopf ihres eigenen Kindes hinabgehen, die Dankbarkeit der Verschonten.	Vrata se odprejo, sedim v invalidskem vozičku, ona stopa za menoj, vzravnana, sklonjena, odvisno. Stopamo [Stopava] po sredini cerkve. Potiska me skozi sočutje. Pogledi drugih mater. Kadar vidijo mene in potem spustijo pogled na glavo svojega otroka, hvaležnost tistih, ki jim je bilo prizanešeno.
5	Wir kommen an, erste Reihe, gut sichtbar, sie setzt sich nicht hin. Kommunion, alle gehen vorbei, der Pfarrer beugt sich zu meiner Zunge herab.	Dospemo [Dospeva], prva vrsta, dobro vidna, ona se ne vsede. Obhajilo, vsi stopajo mimo, duhovnik se skloni k mojemu jeziku.
6	Und wieder hinaus, als die Letzten, draußen macht man uns Platz. Und sie grüßen. So gehen wir heim.	In spet ven, kot zadnji [zadnja], zunaj nam [nama] naredijo prostor. In pozdravljajo. Tako gremo [greva] domov.

its author”. Д. Шпербер и Д. Уилсон, напротив, используют маркирование грамматического рода местоимения, чтобы избежать омонимии: “For ease of exposition, and unless the context indicates otherwise, we will assume that the communicator is female and the audience male” (Sperber/Wilson 1986: 256).

7	Einmal, die Beichte. Das Beten der Mutter hatte mich gläubig gemacht. Der Vater und ich, mit der Mutter.	Nekoč, spoved. Zaradi materinih molitev sem postal veren. Oče in jaz, z materjo.
Alois Hotschnig, Eine Art Glück/Neke vrste sreča, prevedla Lučka Jenčič, in: Vilenica (1991: 133 и 135).		

В этом тексте сцены только обрисовываются, переход от одной сцены к другой маркируется текстовыми сигналами. Формы множественного числа личного местоимения первого лица (wir, uns) могут обозначать в частях 3, 5 и 6 как троих, а именно отца, мать и сына, так и двоих — мать и сына. Соответственно, текст многозначен. Именно через эту многозначность автор создает определенное напряжение и ожидает от читателя активной интерпретации текста. В словенском переводе данное обстоятельство должно быть конкретизировано, тем самым текст теряет часть напряженности. Когда приведенные местоименные формы относятся к отцу, матери и сыну, в словенском языке употребляется множественное число, при обозначении только матери и сына по правилам литературного языка обязательно использовать двойственное число. Присутствие отца во время «обычного» воскресного посещения церкви (1–6) и при описанной далее сцене исповеди, которая начинается с фрагмента предложения „Einmal, die Beichte“ в части (7), является важным для интерпретации всего текста элементом. Если этот фрагмент предложения понимается как текстовый сигнал, четко отделяющий вторую сцену от первой, а ироническая дистанция отца в части (2) интерпретируется как указание на то, что обычно он не принимает участия в посещении церкви, то множественное число личного местоимения относится только к матери и сыну. Если же слово gemeinsam («вместе») в части (1) интерпретируется как сигнал того, что вся семья пошла в церковь, то эти формы множественного числа включают и отца. В основу своего понимания текста переводчица положила второй вариант интерпретации.

В этой главе примеры, иллюстрирующие положение Р. Якобсона «эквивалентность при существовании различия», сознательно ограничиваются грамматическими категориями. Специфические для определенной языковой пары отношения между лексическими структурами будут рассмотрены в следующих главах, описывающих различные типологии эквивалентности.

2.2. Сопоставительная стилистика

Для структуралиста Романа Якобсона анализ языковых систем находился на переднем плане. Для сопоставительного структурного анализа необходимо представить сравнительные данные из как можно большего числа языков. Для структуралистов «перевод» как процесс трансфера имел не столь большое значение. Тогда как для так называемой сопоставительной стилистики[42] (stylistique comparée), напротив, конкретные способы достижения эквивалентности в процессе конкретного языкового трансфера в контексте конкретной языковой пары всегда были в центре внимания. Это научное направление берет свое начало еще во время Второй мировой войны. В 1944 г. А. Мальблан опубликовал свой труд « Stylistique comparée du français et de l'allemand », который вплоть до недавнего времени много раз переиздавался (1961, ^{5}1984, 2002).

Классиками сопоставительной стилистики считаются в переводоведении Ж.-П. Винэ и Ж. Дарбельне, которые в 1958 г. опубликовали ставшую одной из самых популярных настольных книг по переводу « Stylistique comparée du français et de l'anglais » (Vinay/Darbelnet 1958)[43]. Этот фундаментальный труд также много раз переиздавался и в 1995 г. был переведен на английский язык (Vinay/Darbelnet 1995).

Ж.-П. Винэ, Ж. Дарбельне и другие представители сопоставительной стилистики, как, например, Л. Трюффо (Truffaut 1968, 1997), пытались путем сравнения структур выявить специфические для определенной языковой пары переводческие проблемы и предложить способы преодоления структурных различий, которые можно было бы легко систематизировать[44]. Отправной точкой для установления эквивалентных единиц был поиск таких средств выражения, которые употребляются в другом языке в аналогичной коммуникативной ситуации.

---

[42] Данное соответствие восходит к трудам Е.Г. Эткинда: его монографии «Поэзия и перевод» (М.-Л., 1963) и докторской диссертации «Стихотворный перевод как проблема сопоставительной стилистики» (Л., 1965). (*Примеч. ред.*)

[42] О Ж.-П. Винэ ср. (Clas 1999).

[44] Для языковой пары немецкий–английский см., например (Friederich 1977); для языковой пары немецкий–французский: (Truffaut 1968; Henschelmann 1980; Gallagher 1987; Delisle 1993); в широком смысле также (Schreiber 2006b).

> “... we should forget about the signs and find identical situations first. For, from these situations, a new group of signs must be created, which will by definition be the ideal equivalent, the unique equivalent, of the former” (Vinay/Darbelnet 1995: 5).

Это утверждение Ж.-П. Винэ и Ж. Дарбельне (Vinay/Darbelnet 1995: 5) также представляют графически, объясняя, что “The equivalence of the texts depends on the equivalence of the situations” («Эквивалентность текстов зависит от эквивалентности ситуаций»).

График (1): Модель отношения эквивалентности в сопоставительной стилистике, по Ж.-П. Винэ и Ж. Дарбельне (Vinay/Darbelnet 1995: 5)

Ситуация С	⇔	Ситуация С′
↑		↓
ИТ	≅	ТП

Эквивалентными в сопоставительной стилистике по определению считаются языковые элементы с одинаковой коммуникативной функцией, независимо от их структуры. Этим понятие эквивалентности в сопоставительной стилистике значительно отличается от понятия эквивалентности у Р. Якобсона и, как еще будет показано, от понятия эквивалентности других структуралистских школ. Для достижения эквивалентности предлагаются различные приемы перевода, которые делятся на две группы:

(а) приемы, с помощью которых ИТ, а точнее, его внешний уровень более или менее линейно переносится в ПЯ (эти приемы относятся к traduction directe, прямому переводу); и

(б) способы, при которых из-за асимметрии языков требуются более сложные приемы; их относят к traduction oblique (косвенному переводу).

Выделяют следующие приемы traduction directe: заимствование (emprunt), калькирование (calque) и дословный перевод (traduction littérale). Заимствования и калькирование заполняют лексические лакуны в системе языка перевода. Дословный перевод возможен тогда, когда в исходном языке и языке перевода существуют идентичные структуры или концепты.

Если между ИЯ и ПЯ есть значительные структурные, концептуальные, стилистические и/или культурные различия, то переводчик, согласно представлению сопоставительной стилистики,

Таблица (1): Приемы прямого перевода (traduction directe) в сопоставительной стилистике

	Прием	Определение	ИЯ	ПЯ
1	(прямое) заимствование – emprunt/ borrowing	перенос элемента ИЯ в ПЯ без каких-либо заметных графических или фонетических изменений	рус. «дача»	нем. Datscha; фр. datcha; итал. dacia
			рус. «аппаратчик»	нем. Apparatschik; фр. aparatchik
2	калькирование — calque/calque	поморфемный перенос элементов ИЯ	англ. developing country	нем. Entwicklungsland; рус. развивающаяся страна; итал. paese in via di sviluppo; слов. dežela v razvoju
3	дословный перевод — traduction littérale/literal translation	замена лексических и синтаксических структур ИЯ идентичными структурами ПЯ	англ. What have you done?	нем. Was hast du getan? слов. Kaj si storil? рус. Что ты сделал?
			фр. Le livre est sur la table.	англ. The book is on the table. нем. Das Buch ist auf dem Tisch. рус. Книга лежит на столе.

должен обратиться к более сложным приемам косвенного перевода (traduction oblique), а именно: транспозиции, модуляции, соответствия и адаптации.

К.-Р. Бауш (1968) предлагает в свете «синхронного сравнения языков» дальнейшую дифференциацию транспозиции. При этом он различает серии, типы и виды транспозиций. Серии транспозиций — это формально поддающиеся описанию структурные отношения между двумя языками, которые можно отнести к типам транспозиций, а именно, субституции, перекрещиванию (chassé-croisé), расширению, концентрации и амплификации. С помощью общего понятия «вид транспозиции» и его гипонимов «факультативная транспозиция» и «обязательная транспозиция» К.-Р. Бауш хочет показать, что факультативную транспозицию можно свобод-

Таблица (2): Приемы косвенного перевода (traduction oblique)

	Прием	Определение	ИЯ	ПЯ
4	транспозиция (замена части речи) (*примеч. ред.*) – transposition	замена группы слов ИЯ сходной по смыслу группой слов другой части речи	фр. dès son lever …, dès qu'il se lève…; англ. before he comes back	англ. as soon as he gets up/got up; фр. avant son retour
5	модуляция (*примеч. ред.*) – modulation	изменение формы сообщения, включающее перемещение перспективы или смещение изображения	нем. Lebensgefahr; нем. lebenslängliche Haft; итал. reclusione a vita нем. Krankenversicherung	фр. danger de mort; слов. dosmrtni zapor; англ. health insurance; слов. zdravstveno zavarovanje; итал. assicurazione sanitaria
6	соответствие – équivalence	описание одной и той же ситуации абсолютно разными структурами (например, стандартные выражения и ссылки, устойчивые выражения, пословицы и др.)	англ. like a bull in a china shop; нем. aus einer Mücke einen Elefanten machen; итал. fare di una mosca un elefante; слов. iz muhe napraviti slona; нем. zu viele Köche verderben den Brei; англ. too many cooks spoil the meal; рус. У семи нянек дитя без глаза; англ. Mind the gap!	нем. wie ein Elefant im Porzellanladen; итал. (come) un elefante fra le porcellane; фр. faire d'un rien une montagne; фр. deux patrons font chavirer la barque; итал. troppi galli a cantar non fa mai giorno; нем. bitte zurücktreten!
7	адаптация – adaptation	необходимое из-за культурных различий приспособление выражения для достижения тождественности ситуации	англ. he kissed his daughter on the mouth ...; фр. en un clin d'oeil	фр. Il serra tendrement sa fille dans ses bras ...; англ. before you could say Jack Robinson

но выбирать и связана она с креативностью переводчика, в то время как второй вид обязательно необходим из-за структурных различий ИЯ и ПЯ. Данное отличие предусмотрено в сопоставительной стилистике и в отношении остальных способов косвенного перевода.

Предложенные сопоставительной стилистикой приемы перевода образуют логичную систему правил, которую легко можно систематизировать. Обобщенно ее можно представить следующим образом[45]:

- Способы 1–6 могут, в зависимости от языковой пары и направления перевода, быть факультативными или обязательными. Так, например, модуляция является, как правило, обязательной при наличии больших различий в структурах ИЯ и ПЯ. При больших культурных различиях обязательным может оказаться поиск соответствия, а единственным рациональным решением — адаптация.
- Отдельные способы перевода могут накладываться друг на друга. Например, соответствие в большинстве случаев имплицирует транспозицию и модуляцию, потому что соответствие (эквивалент) подразумевает как изменение грамматической структуры, так и смену языковой картины или перспективы.
- Основным правилом в сопоставительной стилистике считается то, что в процессе трансфера всегда нужно пробовать как можно более «низкий» прием перевода. Прием более высокого уровня следует применять только тогда, когда предыдущим способом невозможно получить привычную для языка формулировку или хорошо сформулированный текст.

В этом смысле сопоставительная стилистика имплицитно исходит из основного «классического правила перевода»: настолько дословно, насколько это возможно, и настолько свободно, насколько это необходимо.

Примеры (11): Обязательные и факультативные способы

(1) Фрагмент предложения As soon as he gets up может быть переведен на французский как дословно (способ 3), так и с помощью транспозиции (способ 4), потому что во французском языке возможны две формулировки: Dès son lever ... и Dès qui'il se lève .... Можно по желанию выбрать тот или иной способ. Если же нужно перевести французскую фразу Dès son lever ... на английский, то обязательна модуляция, поскольку в английском допустима только формулировка As soon as he gets/got up (Vinay/Darbelnet 1995: 36).

[45] См. также (Truffaut 1968), критическое замечание в первом из десяти основных положений Л. Трюффо (Truffaut 1997): *« Linguistique et traduction tu distingueras »*.

(2) Англ. it is raining cats and dogs должно переводиться на французский только как il pleut à seaux/des cordes, на немецкий — Es regnet in Strömen/ Es regnet Bindfäden, на словенский — lije kot iz škafa (букв.: «льет как из чана», ср. нем.: es regnet wie aus Eimern), на итальянский — piove a catinelle (букв.: идет дождь как из таза).

(3) Классические примеры обязательных соответствий (équivalences) — стандартные указания, запреты и приказы. Например, англ. Keep off the grass! фр. Ne marchez pas sur le gazon! нем. (Das) Betreten des Rasens (ist) verboten!

Особый исследовательский интерес сопоставительная стилистика проявляла к структурам, у которых нет соответствий в ПЯ. Их назвали лакунами (Lücken, Lecks, gaps, Leerstellen, lacunae). Для их заполнения с помощью приемов перевода (в основном типы 4–6) были предложены более или менее готовые переводческие решения. С точки зрения сопоставительной стилистики считалось последовательным, когда в адаптации была видна внешняя граница возможного вмешательства в ИТ. Адаптация в соответствии с имплицитными нормами сопоставительной стилистики допустима только в тех случаях, когда ситуации, описываемые в ИТ, неизвестны или нетипичны в целевой культуре. Как показано в таблице «Приемы косвенного перевода», судя по примеру, иллюстрирующему прием адаптации, во французской культуре не принято, чтобы отец целовал дочь, — он только нежно ее обнимает. Именно при исследовании такой эквивалентности в поле зрения изучения процесса перевода в сопоставительной стилистике появился элемент, который вскоре должен был привести к смене парадигм: культура.

Обобщая вышесказанное, сопоставительную стилистику следует охарактеризовать следующим образом. Термин équivalence (эквивалентность / эквиваленция) имеет в сопоставительной стилистике двойное значение. С одной стороны, он в общем может обозначать отношение между элементами с одинаковой функцией в языковой паре, с другой стороны — это конкретный прием перевода для достижения этого отношения. В обоих значениях этот термин существенно отличается от понятия эквивалентности в других школах. Важными темами сопоставительной стилистики были, прежде всего, совершенствование, формализация и систематизация отдельных приемов перевода, выявление лакун в системе ПЯ и систематический поиск эквивалентов (équivalences), т.е. элементов с одинако-

вой коммуникативной функцией в конкретных языковых парах[46]. Таким образом, в конкретных текстах выявлялись переводческие проблемы, а студенты получали инструкции по их решению. Однако в таком сопоставительно-лингвистическом подходе кроются ловушки: слишком большое внимание уделяется микроструктурам, тем самым смещается взгляд с текста как целого.

Изолируемые элементы ИТ остаются в сопоставительной стилистике единственным критерием для перевода. Сопоставимыми элементами считаются морфологические, лексические и синтаксические единицы. При этом границы предложения не нарушаются, а неоспоримым критерием инвариантности выступает достижение тождества смысла. Даже если с определением эквивалентности как соответствия в ПЯ текстового сегмента ИЯ, который в целевой культуре употребляется в сопоставимой коммуникативной ситуации, круг возможных переводов достаточно широк, сопоставительная стилистика имплицитно исходит из требования равнозначности функций и содержательной инвариантности ИТ и ТП. Учитывается только такой же по выполняемой функции перевод. В этом смысле данный подход к переводу во многом нормативен.

2.3. Лейпцигская школа

В 1960-е гг. в ГДР возникла так называемая Лейпцигская школа переводоведения. Ее главными представителями были Отто Каде, Герт Егер и Альбрехт Нойберт. Отправным пунктом для них стал сопоставительно-лингвистический подход. В рамках этой школы на первых конгрессах, проходивших в Лейпциге в 1965, 1970 и 1981 гг., все более отчетливо разрабатывался особый характер переводоведения. Провозглашенной целью Лейпцигской школы было создание «грамматики перевода». В ней необходимо было собрать все более или менее стандартные правила, выводимые из сравнения языковых систем. Переводчик должен был бы придерживаться этих правил. Однако чтобы сформировать такую систему правил, нужно было ввести два ограничения: первое касалось предметной области. Как и у Р. Якобсона, литературный перевод должен был быть

[46] См. попытку классификации у К. Хеншельманн (Henschelmann 1993).

исключен из предметной области переводоведения, так как в этой сфере были бы невозможными достижение простых отношений эквивалентности и сохранение обычных требований инвариантности. Второе ограничение касалось переводчика. По образцу идеального говорящего/слушателя из генеративной грамматики, был принят конструкт идеального переводчика, который, независимо от своих личностных особенностей, социальной и психофизиологической обусловленности, был бы в состоянии применять систему правил грамматики перевода.

В отличие от сопоставительной стилистики, представители Лейпцигской школы при определении эквивалентности исходили не из ситуации, в которую включено высказывание, а из языковой системы[47]. Теоретически при этом все языковые структуры предлагались для сопоставления и получения соответствующих выводов о возможных отношениях эквивалентности. Тем не менее, Лейпцигская школа сосредоточилась в первую очередь на лексическом уровне, к которому в качестве tertium comparationis[48] могла быть привлечена внеязыковая реальность.

О. Каде разработал очень простую и, видимо, именно поэтому весьма эффективную типологию эквивалентности. Она действовала и в то время, когда часть лейпцигских исследователей уже отдалилась от этой концепции, и была заимствована исследователями вне Лейпцигской школы, например, К. Райс (Reiß 1971), Х.-Ю. Диллером и Й. Корнелиусом (Diller/Kornelius 1978), но прежде всего В. Коллером. Принцип классификации О. Каде состоял из теоретических возможностей комбинации структурных элементов двух языков. Они могут полностью совпадать (1:1; полная эквивалентность), быть в разной степени дифференцированными (1:X, X:1; в одном языке существует несколько единиц, которые находятся в отношениях смыслового тождества или близости к одной единице другого языка — Eins-zu-Viele- и Viele-zu-Eins-Äquivalenz) или накладываться друг на друга (X:X; частичная эквивалентность). Наконец, языковая единица может вообще не иметь соответствия в другом языке (1:0,

[47] Обзор состояния дискуссии об эквивалентности к началу 1980-х гг. предлагается в сборнике (Jäger/Neubert (eds.) 1982). Поворот к текстоориентированной концепции четко отмечается уже у О. Каде (Kade 1981b) и в сборнике (Jäger/Neubert (eds.) 1983). Указания на дополнительную литературу см. в конце главы.

[48] Критерий для сравнения (лат). (*Примеч. ред.*)

0:1; нулевая эквивалентность). Так называемая нулевая эквивалентность или — в терминологии сопоставительной стилистики lacunae (лакуна), отсутствие эквивалентности — систематически исследовалась в отношении конкретных языковых пар или всех языков. При этом особенно плодотворным и достаточно важным, с точки зрения дидактики перевода, оказалось изучение так называемых реалий.

Однако выйти за рамки строго сопоставительной (системно-) лингвистической концепции Лейпцигская школа смогла, обратившись к моделям теории коммуникации. Об этом уже упоминалось во вступительной главе[49]. Перевод понимался как двуязычная коммуникация, в которой переводчик (Т) выступает в качестве «промежуточного звена» между отправителем (S) и получателем, говорящим на другом языке (Е). Процесс протекает в три фазы. В первой фазе происходит коммуникация между отправителем (S) и переводчиком, выступающим в качестве получателя (Е) текста на Я1 (L_1). Во второй фазе переводчик осуществляет перекодирование с Я1 (L_1) на $Я_2$ (L_2). В третьей фазе переводчик выступает в качестве вторичного отправителя (S') в коммуникации с получателем ТП (Е').

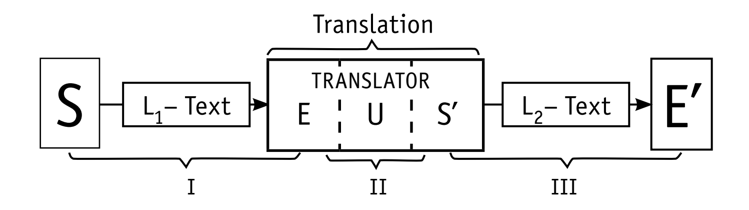

График (2): Схема двуязычной коммуникации, по О. Каде (Kade 1968a/1981a: 203)

Такая модель, несмотря на всю ее прогрессивность, может функционировать только при условии, что существуют идеальный переводчик, идеальный отправитель и идеальный получатель, т.е. абстрактные субъекты без определенного социального статуса и психофизических характеристик. О. Каде сам вынужден признать, что в коммуникативной реальности один и тот же текст может вызвать у различных получателей разную реакцию, точно так же, как в основе различных текстов может лежать одинаковая интенция раз-

[49] См. раздел 1.1.1.

ных отправителей. Интенция отправителя никогда полностью не совпадает с реакцией получателя (Kade 1968a/1981a: 202). Поэтому о коммуникативной эквивалентности оригинала и перевода можно говорить тогда, когда у потенциальных получателей на ИЯ и ПЯ достигается релевантная для успешной коммуникации общая усредненная реакция (Ibid.: 207).

Проблему инвариантности в переводе О. Каде считает еще не решенной. По его мнению, отправитель и получатель обязательно должны касаться одних и тех же объектов реального или вымышленного мира. Это соотношение языковых знаков и реальности называется денотативным значением. В следующей главе остановимся на этом подробнее.

> «Денотативная информация, таким образом, является обязательным инвариантом в переводе» (Kade 1968a/1981a: 209).

Инвариантность денотативного значения — обязательный минимум, который должен быть достигнут в результате перевода. Соответственно, если ТП не выполняют это условие, то они не считаются переводами и не являются предметом переводоведения. То, чего переводчик может достичь в плане инвариантности сверх этого минимума, — хотя и желанный эффект, но не необходимое условие, а только факультативный инвариант. Другими словами, переводчик должен постараться выполнить как можно больше требований инвариантности. Решение, какой факультативной инвариантности в каждом конкретном случае нужно отдать предпочтение, определяет фактор, ставший позже определяющим параметром в скопос-теории: цель перевода[50].

> «Какие факультативные инварианты сохраняются в каждом конкретном случае, во многом будет зависеть от назначения перевода» (Kade 1968a/1981a: 210).

Но окончательное решение проблемы инвариантности, по мнению О. Каде, зависит от объяснения понятия «коммуникативная эквивалентность». Этот вопрос поднимает Г. Егер (Jäger 1975), который своей монографией «Перевод и лингвистика перевода» являет высшую точку ориентированного на сопоставительную лингвисти-

[50] См. раздел 5.2.

ку переводоведения Лейпцигской школы (ср. Neubert 1996: 88). Для Г. Егера коммуникативная эквивалентность налицо тогда, когда ТП для своих адресатов имеет то же коммуникативное значение, что и оригинал для адресата ИТ (G. Jäger 1975: 28 и далее; Jäger 1983: 53; G. Jäger/Müller 1982). Таким образом, центр тяжести в требованиях инвариантности, которые необходимо соблюдать при транскодировании отдельных текстовых элементов, оказался распространенным на весь текст.

С введением понятия коммуникативной эквивалентности Лейпцигская школа начинает отделяться от парадигмы системной лингвистики. Примерно в это же время наблюдается триумфальное шествие нового направления лингвистики: лингвистики текста. В центре внимания лингвистики текста оказалось не описание языковой системы (langue), а исследование ее конкретных форм реализации в соответствующих (кон)текстах (parole). В результате предложение, считавшееся до этого высшей единицей анализа, оказалось слишком узким. Теперь релевантной единицей анализа стал текст целиком: его структура, воздействие, цель и функция[51].

За этим последовала диверсификация содержания эквивалентности. Й. Филипец (Filipec 1971) разграничил структурную эквивалентность и эквивалентность текстовую. Он потребовал более точного различения отношений эквивалентности, которые устанавливаются на уровне языковых систем, и отношений эквивалентности, которые возникают между ИТ и ТП. А. Нойберт, занимавшийся в своих исследованиях в начале 1970-х гг. прежде всего прагматическим аспектом перевода, уже в 1973 г. предложил учитывать типы текста (Textsorten) ПЯ[52]. Решения переводчика, по мнению Нойберта, должны находиться между верностью оригиналу, с одной стороны, и уместностью в языке перевода, с другой стороны (Neubert 1973b: 135). В зависимости от того, какую функцию должен выполнять текст, решение нужно принять либо в пользу верности,

[51] Дальнейшее развитие см., прежде всего (Neubert 1985, Neubert/Shreve (eds.) 1992).

[52] В терминологии А. Нойберта они еще называются Texttypen: «Типы текста мы можем определить как исторически возникшие в процессе развития языкового сообщества и более или менее устоявшиеся образцы коммуникации (patterns of communication)» (Neubert 1973a: 133). По поводу библиографии А. Нойберта см. (Schmitt, P.A. (ed.) 2000).

либо в пользу уместности. Тип текста (Textsorte, в терминологии А. Нойберта — Texttyp), таким образом, становится важным параметром решения, на основании которого можно иерархически организовать конкурирующие друг с другом требования эквивалентности. Между исходным текстом и текстом перевода, прежде всего, необходимо установить функциональную эквивалентность, определяемую А. Нойбертом (Neubert 1973a, b) следующим образом:

> Функциональная эквивалентность имеет место тогда, когда текстом или элементом текста в конкретной коммуникативной ситуации и при учете конкретного типа текста достигается такой же коммуникативный эффект, как исходным текстом в языке оригинала.

В качестве иллюстрации А. Нойберт приводит следующую инструкцию.

Пример (12): Перевод инструкции

> Unscrew cap from bottle carefully. Remove grease from neck of bottle. Replace cap.

(a) Vorsichtig Verschluß von der Flasche schrauben. Schmutz vom Flaschenhals entfernen. Verschluß wieder anbringen.

(b) Der Verschluß wird vorsichtig von der Flasche abgeschraubt.

(c) Der Verschluß ist vorsichtig von der Flasche abzuschrauben.

(d) Man schraube den Verschluß vorsichtig von der Flasche. (см. Neubert 1973b: 141)

Какой из приведенных вариантов выбирается, зависит от типа текста, причем на макроструктурном уровне текста нельзя создать таких однозначных отношений эквивалентности, как на микроструктурном уровне. Из социолингвистики А. Нойберт позаимствовал термин «коммуникативная компетенция» и применил его в отношении переводчика. По аналогии с коммуникативной компетенцией одноязычных коммуникантов переводческая компетенция должна включать «знания микро- и макротекстовых отношений эквивалентности и способность применить их в соответствии с условиями функциональной эквивалентности конкретных текстов» (Neubert 1973b: 139 и далее).

В своем докладе на III международной конференции «Основные вопросы переводоведения» А. Нойберт, наконец, четко сформулировал проблему:

> «Существуют два вида эквивалентности, в некоторой степени первого и второго порядка: первый вид — между двумя языковыми системами, второй — между двумя текстами или классами текстов. ... Первый вид, в принципе, никак напрямую не связан с переводом. Эта эквивалентность — первая ступень или предпосылка. Второй вид – это собственно переводческая эквивалентность» (Neubert 1983: 101).

По мнению А. Нойберта, переводчик может действовать двумя способами. Он может переводить предложение за предложением с исходного языка на язык перевода, формулируя складные предложения. Но таким образом он получает только «псевдотекст, бесцеремонно имитирующий структуру оригинала» (Neubert 1983: 104). Или же переводчик с самого первого и до последнего предложения, включая заголовок, учитывает параметры соответствующего типа текста в ПЯ. Именно так ему удастся создать не только хорошо сформулированные предложения, но и «складный текст» (Ibid.). В следующем примере, взятом из статьи А. Нойберта (Neubert 1983: 105), данное утверждение проиллюстрировано с помощью краткого сообщения в ежедневной газете.

Пример (13): Транскодирование и специфическое для типов текста оформление

More than 200.000 people, mostly students and young workers, but including Margaretta Papandreu, the wife of the prime minister marched through Athens yesterday to mark the eighth anniversary of a student revolt which triggered the downfall in 1974 of the junta (Morning Star, 16.11.81).

(1) Mehr als 200.000 Menschen, vorwiegend Studenten und junge Arbeiter, (doch) unter ihnen auch M.P., die Frau des Premierministers, demonstrierten gestern durch Athen, um des achten Jahrestages des Studentenaufstandes zu gedenken, der die Niederlage der (Militär)Junta 1974 ausgelöst hatte.

(2) Gestern veranstalteten über 200.000 Menschen, ... einen Marsch nach Athen. Sie begingen damit den achten Jahrestag des Studentenaufstandes, der die Niederlage der Militärjunta eingeleitet hatte.

(3) Aus Anlaß des achten Jahrestages des Studentenaufstandes, der die Niederlage der Junta eingeleitet hatte, veranstalteten gestern über 200.000 Menschen ... einen Marsch durch Athen.

(4) Aus Anlaß des achten Jahrestages des Studentenaufstandes ... fand gestern in Athen ein Marsch (eine Demonstration) ... statt. (см. Neubert 1983: 105).

Данное краткое сообщение можно просто транскодировать, как показано в (1). Но его можно в различной степени (2–3) адаптировать в соответствии с параметрами/характеристиками газетного текста[53]. Вывод, который делает А. Нойберт, характерен для ослабления отношений между ИТ и ТП. Текст перевода больше не понимается как ориентированная на эквивалентность копия ИТ. Он определяется как «индуцированное текстом пересоздание ранее уже закодированного (в ИЯ) семантико-прагматического целого» (Neubert 1983: 110). При «постоянном поиске островков общности в бесконечном море различий», — пишет А. Нойберт три года спустя (Neubert 1986: 88), — переводчик может ориентироваться не только на отношения эквивалентности между системами, которые ему предлагает сопоставительная лингвистика. Он должен творчески подойти к переводческой задаче, исходя из текста как единого целого (top down), чтобы выбрать из бесконечного множества возможных отношений инвариантности адекватное решение. При этом он может даже нарушить на микроуровне некоторые требования эквивалентности.

Подводя итог, можно охарактеризовать развитие Лейпцигской школы следующим образом. Основное положение Лейпцигской школы о том, что при переводе речь идет только о процессе перекодирования, вскоре оказалось слишком ограниченным. Сопоставительно-лингвистический подход, искавший эквивалентность на уровне языковых систем, также оказался нецелесообразным. Благодаря коммуникативному подходу, в поле зрения исследователей постепенно оказались сами участники процесса перевода, связанные партнерскими отношениями[54]. Прежде всего, под влиянием лингвистики текста и социолингвистики на поздней стадии произо-

[53] Данный пример представляется интересным, потому что он наглядно, хотя и без намерения автора, иллюстрирует культурную — и в этом случае, видимо, также идеологическую — связанность конвенций типов текста. Это проявлется, прежде всего, в выборе соответствий для march through Athens.

[54] См. также (Kupsch-Losereit 1991).

шло смещение фокуса[55]. Исследования эквивалентности на уровне языковых систем сменились рассуждениями о конкретной обусловленности перевода в соответствующей ситуации[56]. В качестве релевантной единицы, наконец, был предложен текст как единое целое. Однако имплицитно всегда предполагалась равнозначность функций ИТ и ТП.

Сознательное сужение сферы объектов переводоведения до нехудожественных текстов с функциональной эквивалентностью, несмотря на коммуникативный подход, еще не открыло в Лейпцигской школе взгляда на социокультурную обусловленность переводческой деятельности. Однако то был лишь вопрос времени, пока парадигма сопоставительной лингвистики не исчерпала себя и переводоведение не обратилось именно к участникам процесса перевода, их социокультурной обусловленности и действиям. Прежде чем рассмотреть эту смену парадигм, проанализируем некоторые процессы, проходившие параллельно исследованиям Лейпцигской школы.

2.4. В лабиринте эквивалентности

Когда Лейпцигская школа переживала свой расцвет, в Западной Германии появились три центра переводоведения: Гейдельберг, Саарбрюккен и Майнц/Гермерсхайм. Наряду с этим в переводоведческой дискуссии выделялись и отдельные исследователи, например, Вернер Коллер в Бергене (Норвегия). После нерешительных единичных попыток в 1970-х гг. (ср. Bühler, H. 1979, 1984; Bühler, H. (ed.) 1985; Schmid 1986) в конце 1980-х гг. в институтах в Вене, Граце и Инсбруке также были основаны кафедры переводоведения для подготовки переводчиков. В то время как представители Гейдельберга и Гермерсхайма разрабатывали свои исследовательские подходы в направлении функционального переводоведения (*об этом ниже*), остальное немецкоязычное переводоведение вплоть до 1990-х гг. твердо держалось эквивалентности как центрального понятия.

[55] См., например, (Neubert 1985).

[56] См., например, (Neubert/Jäger (eds.) 1988).

2.4.1. Типология эквивалентности Вернера Коллера

В разные издания своей монографии «Введение в переводоведение» (Einführung in die Übersetzungswissenschaft) (1979, ^{2}1983,^{4}1992, ^{6}2001, ^{7}2004, ^{8}2011) В. Коллер постепенно включал большую часть подходов, ориентированных на эквивалентность[57]. Поэтому его типологию можно считать обзором подходов такого рода. Он попытался (Koller 2011: 218–277) соотнести отдельные типы эквивалентности с определенными рамочными условиями (Bezugsrahmen) и для каждого типа предложить соответствующие переводческие приемы.

Таблица (3): Типы эквивалентности и их «рамки» по В. Коллеру

	Тип эквивалентности	Рамочные условия
1	денотативная эквивалентность	внеязыковое содержание
2	коннотативная эквивалентность	способ вербализации
3	текстуально-нормативная эквивалентность	текстовые и языковые нормы (нормы употребления)
4	прагматическая эквивалентность	отношение к получателю (читателю)
5	формально-эстетическая эквивалентность	эстетические, формальные и «индивидуалистические» характеристики ИТ

По мнению В. Коллера, отношение эквивалентности имеет место, когда ТП выполняет определенные требования, заданные рамочными условиями. Он предлагает следующую формулу для выражения требований эквивалентности:

> «Качество (качества) X ИТ (качества содержательного, стилистического, функционального, эстетического и др. характера) должно (должны) сохраняться в переводе, при этом необходимо учитывать языковые и стилистические, текстуальные и прагматические условия со стороны получателя» (Koller 2011: 219).

В. Коллер допускает возможность, что не все «качества» ИТ могут быть отражены в ТП. Имплицитно это означает, что:

(a) перевод тем совершеннее, чем больше требований эквивалентности было/может быть выполнено;

[57] Сведения об авторах и библиографию см. в юбилейном сборнике (Albrecht/Gerzymisch-Arbogast/Rothfuß-Bastian 2004) и на сайте http://www.hf.uib.no/i/Germanistisk/Koller.html.

(б) должны существовать общие критерии, на основании которых можно решить, какому типу эквивалентности при конкретном переводе нужно отдать предпочтение.

Однако проблема иерархии эквивалентности, выявленная все-таки автором, более конкретно не обсуждается. Нормативное требование максимальной эквивалентности остается незыблемым, причем отдельные типы эквивалентности дифференцируются и описываются следующим образом.

2.4.1.1. Денотативная эквивалентность

По мнению В. Коллера, денотативная эквивалентность имеет место, когда элемент ИЯ и элемент ПЯ описывают одно и то же внеязыковое содержание, о котором сообщается в тексте. Центральной предметной областью описания отношения денотативной эквивалентности является лексика, потому что, как говорит В. Коллер, «здесь языки самые продуктивные или должны быть таковыми» (Koller 2011: 230). Но поскольку фрагменты материальной или духовной реальности, охватываемые в ПЯ и ИЯ одной лексемой, не всегда совпадают, то теоретически, как и у О. Каде, выделяются пять подтипов соответствий: единица = единице; единица = множеству; множество = единице; единица = нулю и единица = части. К каждому из этих типов эквивалентности относят переводческие приемы, с помощью которых, по мнению В. Коллера, можно преодолеть языковые различия и достичь «эквивалентности» между ИТ и ТП.

Таблица (4): Подтипы денотативной эквивалентности[58]

Подтип		Приемы	Примеры
1	1:1	субституция/ замещение	англ. five, нем. fünf, фр. cinque, рус. пять, хорв./серб./ слов. pet, и др.; нем. Kalenderjahr vs. фр. année civile; нем. Verursacherprinzip vs. англ. pay as you pollute principle, и др.
2	1:X	диверсификация	англ. river, рус./слов./хорв./серб. река/reka ⇒англ. Fluss — Strom vs. фр. fleuve — rivière; нем. verheiratet ⇒ luss — Strom vs. фр. fleuve — rivière; нем. verheiratet босн./слов. ženaty vs. vdaná, слов. oženjen vs. omožena, хорв. oženjen vs. udata, итал. ammogliato vs. maritata, наряду с sposato/-ta; точно так же нем. unverheiratet ⇒ celibe vs. nubile

[58] Другие примеры см. (Koller 2011: 230–243; Stolze 1994: 46–50).

3	X:1	нейтрализация	англ. control — control unit — regulator — governor ⇒ Regler
4	1:0	компенсация инновация	англ. layout ⇒ англ. Layout; англ. performance (лингв.) ⇒ нем. Performanz; англ. fast-breeder reactor ⇒ нем. fast-breeder, schneller Brüter; швед. Ombudsman ⇒ Ombudsmann, Volksanwalt; directory, subdirectory ⇒ Directory, Subdirectory, Verzeichnis, Unterverzeichnis (в электронной переработке данных)
5	1:1:X	интерполяция/ изменение, комментарий	нем. Geist ⇔ слав. duh ⇔ англ. mind; рус. тоска ⇔ нем. Sehnsucht, Sorge, Melancholie, Trauer, Niedergeschlagenheit, Langeweile

Тем не менее, относительно данной типологии напрашиваются некоторые критические замечания с точки зрения переводческой практики. Только на первый взгляд тип (1) кажется непроблематичным. Однако большинство пар лексем, которые мы склонны отнести к категории (1), обнаруживают значительные или незначительные различия в объеме значения и, скорее, должны быть причислены к типу (5). Таким образом, решение вопроса о том, следует ли вообще приписывать этому типу реальное существование по ту сторону терминологически нормированных отношений к действительности, зависит, по-видимому, от точности взгляда.

Типы (2) и (3) и вместе с ними приемы диверсификации и нейтрализации дополняют друг друга: в практике перевода при диверсификации необходимо изучить контекст на предмет дополнительной информации, чтобы суметь провести необходимую в ПЯ дифференциацию. При нейтрализации в ПЯ в типе (3) необходимо проверить, возможно ли компенсировать возникшую в результате потерю информации. В обоих случаях, тем не менее, помимо рассмотренных уже Р. Якобсоном различий в языковых системах, должны учитываться также другие факторы, например, коммуникативная интенция и социокультурный фон конкретной ситуации перевода.

Тип (4), представлявший собой — как уже было упомянуто в связи с сопоставительной стилистикой и Лейпцигской школой — популярный предмет исследования раннего переводоведения, оказывается при ближайшем рассмотрении проблемой, решение которой зависит не от структуры текста, а от креативности и статуса переводчика. Решит ли переводчик заимствовать иностранное слово или прибегнуть к калькированию (Lehnübersetzungen), кальке

(Lehnübertragungen), заимствованному значению, т.е. к языковым инновациям, или же использовать окказиональную компенсацию лакуны, в первую очередь, зависит от его возможностей вмешиваться в процессы стандартизации ПЯ. Эти возможности, в свою очередь, определяются консервативностью или сопротивлением языка перевода инновациям вообще и влиянию иностранных языков в частности[59]. Степень консервативности и интенсивность пуризма, опять же, являются результатом исторических, социолингвистических и этнопсихологических факторов. Среди них особую роль играет то, насколько сильно одно языковое сообщество чувствует угрозу для своей идентичности со стороны другого языкового сообщества. При конкретном переводческом решении необходимо, кроме того, учитывать престиж ИТ и/или автора, положение переводчика как автора текста в целевой культуре, тип текста, среду и др. Но в этой связи еще более важным представляется указание на то, что проблемы так называемой нулевой эквивалентности (если только они не носят чисто терминологический характер, а основываются на социокультурных различиях), нельзя решить выборочно и лишь на лексическом уровне[60].

Тип (5), по-видимому, представляет собой (вне нормированной специальной лексики) обычный случай отношения эквивалентности[61]. Независимо от того, рассматриваем ли мы проблему семантической идентичности слова в ИЯ и ПЯ с позиции теории семантического поля[62] или когнитивной лингвистики, все более спорным становится вопрос, может ли при предполагаемой теорией эквивалентности конгруэнтности внеязыковой реальности речь, в самом деле, идти об идентичности[63]. Вместе с тем, однако, понятие эквива-

---

[59] О проникновении англо-американских заимствований в немецкий язык см. (Zabel (ed.) 2001).

[60] См. (Bödeker/Freese 1987) и критику в (Stolze 1992: 208 и Gerzymisch-Arbogast 1994: 75).

[61] Ср. мнение Ю. Найды (Nida 1959 или 1966), который обозначает сегментацию опыта посредством языковых символов как произвольную по своей сути и из этого делает вывод, что не может быть «дословного типа соответствия» (“*word-for-word type of correspondence*”) между двумя языками (Nida 1966: 13). Ср. (Nida/Taber 1969b: 21): *“If languages were related merely by one-to-many relationships, that would not be too difficult, but in reality one usually encounters many-to-many relationships, in almost endless chains of related meanings”.*

[62] См. информационный сборник по исследованиям лексико-семантических полей (Schmidt, L. ed. 1973).

[63] Ср. в связи с этим анализ кажущейся конгруэнтности немецких терминов *Verbrechen* (преступление) vs. *Vergehen* (правонарушение) и их итальянских аналогов

лентности уже на денотативном уровне становится сомнительным и может служить лишь грубой рамкой описания и анализа для перевода одномерных, культурно неспецифических типов текста.

Конкретные возможности решения, предлагаемые на практике, могут ранжироваться от пренебрежения[64] существующими различиями — обозначим это термином «интерполяция»[65] — до эксплицитного комментария, который касается данных различий. Первый прием принимается в расчет прежде всего тогда, когда особенность ИЯ в конкретном тексте неважна или с развитием текста раскрывается до определенной степени[66]. Второй прием уместен тогда, когда по той или иной причине внимание читателя следует обратить именно на саму культурную специфику.

2.4.1.2. Коннотативная эквивалентность

Под коннотативной эквивалентностью В. Коллер понимает случаи, когда «с помощью специфического языкового обозначения денотата ... передаются дополнительные коннотативные значения ...» или когда «способом вербализации (особенно посредством специфического выбора среди синонимичных и квазисинонимичных возможностей выражения) в тексте вызываются коннотации относительно стиля, социолектального и географического измерения, частотности и др.» (Koller 2011: 219).

Для переводчика проблема коннотации всегда возникает тогда, когда «в его распоряжении находятся различные схожие варианты обозначения (синонимичные или квазисинонимичные) для выражения денотативного содержания» (Ibid.: 243). Основополагающим у В. Коллера является следующее:

> «Задачи переводоведения заключаются в том, чтобы охарактеризовать коннотативные измерения и значения в отдельных языках,

---

delitto и *contravvenzione*, а также их юридические импликации у Р. Арнтца в (Arntz 1996: 20 и далее).

[64] См. также прием опущения (deletion) у П. Ньюмарка (Newmark 1988b: 77).

[65] Интерполяция, от лат. interpolatio (изменение, преобразование), указывает на то, что при данном приеме элемент ИЯ преобразуется, так как ему приписывается семантическая структура ПЯ. В качестве альтернативного термина, пожалуй, можно было бы принять в расчет также инкорпорацию.

[66] См. принцип достаточной дифференциации у Х.Г. Хёнига и П. Кусмауля в разделе 5.1.3.

выявить их признаки и структурные элементы и установить связь между ними и коннотативными измерениями соответствующего языка перевода» (Ibid.: 243).

Не останавливаясь подробнее на отдельных критериях разграничения, рассмотрим выделенные В. Коллером восемь коннотативных измерений (Ibid.: 245–250) и проиллюстрируем их дополнительными примерами.

Таблица (5): Коннотативные измерения

	Уровень отношения	Признаки	Примеры
1	языковой слой	+ высокий + поэтический +нейтральный/языковая норма + разговорный + сленг + вульгарный	sterben, entschlafen, das Zeitliche segnen, [für immer] die Augen schließen, verrecken, krepieren, abkratzen, die Patschen strecken; trinken, saufen, tschechern, piperln; Fernsehgerät, TV-Gerät, Fernseher, Glotzkasten, Flimmerkiste; Flugzeug, Fluggerät, Flieger
2	социально обусловленное языковое употребление	+ студенческий язык + солдатский язык + язык рабочих + язык (высокой) буржуазии и т.д.	молодежный язык: geil, mega(geil), affengeil, megaaffengeil, cool, megacool, gigacool; характеристика личности в театре: „Der Hierlinger Ferdinand: Aber gern, sehr gern! Zu charmant, gnädige Frau. Die Mutter: lächelt verlegen Aber oh bitte! Zu Valerie Die Dame kommen doch auch mit?“ (Horváth 1986)
3	географическая зависимость	+ надрегиональный + швабский + австрийский + швейцарский	австрицизмы: Aprikosen vs. Marillen; Tomaten vs. Paradeiser; Brötchen vs. Semmel; Quarkklößchen vs. Topfenknödel et al.; язык литературных героев: Hür mal, Smolt, un ihr annern Lüd! Wer nu’n verstännigen Kierl is, der geht naa Hus un schert sich nich mihr um Revolution und stört hier nich de Ordnung. (Thomas Mann, Buddenbrooks, цит. по (Koller 2011: 247)
4	среда	+ письменная речь + устная речь	более сложный синтаксис, особенно сложноподчиненные предложения в письменной vs. сложносочиненные предложения и эллиптические конструкции в устной речи; употребление различных временных форм: претерит (ging) vs. перфект (bin gegangen) et al.

5	стилистический эффект	+ устаревший + напыщенный + канцелярский + модный + эвфемистический + наглядный + образный	Im Kinderanfall unserer Stadtgemeinde ist eine hierorts wohnhafte, noch unbeschulte Minderjährige aktenkundig, welche durch ihre unübliche Kopfbedeckung gewohnheitsmäßig Rotkäppchen genannt zu werden pflegt. Der Mutter besagter R. wurde seitens ihrer Mutter ein Schreiben zustellig gemacht, in welchem dieselbe Mitteilung ihrer Krankheit und Pflegebedürftigkeit machte. (Thaddäus Troll, Rotkäppchen auf Amtsdeutsch, in: Die Zeit Nr. 52, 21.12. 1984, цит. по (Gerzymisch-Arbogast 1986: 168))
6	частотность	+ употребительный + неупотребитель-ный	различия в употреблении заимствованных слов, сложных слов и др; Häme vs. Schadenfreude
7	сфера применения	+общенародный + профессиональ-ный	Information für den Arzt (информация для врача): akute Zervizitis, akute oder subakute rezidivierende Entzündungen des Genitalbereiches, anamnestisch bekannter infizierter Abort, postpartale Endometritis; Information für den Patienten (Информация для пациента): akute oder subakute wiederholt aufgetretene Entzündungen der Geschlechtsorgane, fieberhafte Fehlgeburt und/oder Entzündung der Gebärmutterschleimhaut (Koller 2011: 249)
8	оценка	+ положительная оценка + отрицательная оценка + иронично	Bei dieser Arbeit hast du dir auch nicht gerade ein Bein ausgerissen vs. Bei dieser Arbeit hast du dich nicht gerade überanstrengt vs. Mit dieser Arbeit hast du es dir ein bißchen zu leicht gemacht (Koller 2011: 250)

Категория коннотативного значения или коннотативной эквивалентности чрезвычайно разнородна. Видимо, в этой категории объединены все те историко-языковые, социолингвистические, стилистические, идеологические и культурно специфические феномены, которые не поддаются непосредственной систематизации. Поэтому коннотативные значения при конкретном переводе очень сложно систематизировать. Бросается в глаза то, что в связи с коннотативной эквивалентностью не упоминаются ни типы, ни переводческие приемы, с помощью которых можно было бы достичь установленной кон-

нотативной эквивалентности. Переводчиков снова отсылают к индивидуальной креативности (Loffredo/Perthegella 2006), способности интерпретировать и интегрировать, т.е. к так называемому чутью. Так как, по мнению В. Коллера, достижение коннотативной эквивалентности принадлежит к «только приблизительно решаемым проблемам перевода», он рекомендует в качестве методического инструмента основанный на корпусе анализ коннотативно «нагруженных» лексических и синтагматических областей (Ibid.: 244).

2.4.1.3. Текстуально-нормативная эквивалентность

Под текстуально-нормативной эквивалентностью В. Коллер понимает эквивалентность, которая относится к «текстовым и языковым нормам (нормам употребления), распространяющимся на определенные тексты» или к специфическим жанровым признакам текста» (Koller 2011: 219). Создание текстуально-нормативной эквивалентности означает, следовательно, соблюдение выбора и способа употребления языковых средств согласно признакам типов текста в языке перевода. «Характеристики типа текста не только определяют выбор языковых средств ..., но и организацию текста» (Ibid.: 250). Описание и сопоставление образцов языкового употребления – центральная, «до сих пор не получившая должного внимания задача будущего переводоведения» (Ibid.: 251). В. Коллер, ссылаясь на А. Нойберта (Neubert 1983: 104), совершенно верно утверждает, что хорошо организованный текст — это не просто сумма хорошо сформулированных предложений.

Используя термин текстуально-нормативной эквивалентности, В. Коллер затрагивает тему, которая с 1990-х гг. действительно приобретает все большее значение в прикладном переводоведении и дидактике перевода. Однако именно исследования, посвященные специфике типов текста, показывают, что простыми отношениями эквивалентности не обойтись[67]. Чем богаче традиции определенного типа текста, тем ярче выражена культурная специфика соответствующих его признаков. Особенно отчетливо это прослеживается в юридических текстах, как, например, в типе текста «решение суда» (ср. Arntz 1996: 24). Достижима и желательна ли текстуально-нор-

[67] Об изучении типов текста и лингвистике специального текста см. дополнительную литературу в разделе 4.2.

мативная эквивалентность, и в какой мере, в каждом конкретном случае зависит от целого ряда культурных, социо- и психолингвистических, а также прагматических факторов, на которых В. Коллер подробно не останавливается. Он снова ограничивается тем, что указывает на необходимость поиска и анализа параллельных текстов и контрастивного исследования типов текста (Koller 2011: 251).

2.4.1.4. Прагматическая эквивалентность

О прагматической эквивалентности В. Коллер говорит тогда, когда получатель (читатель) должен уметь воспринимать перевод «на основе своих предположений», при этом перевод таким образом приспособлен для читателя, что «может выполнять свою коммуникативную функцию» (Koller 2011: 219). Если проследить развитие этой главы в разных переизданиях книги, то можно заметить, что в некоторых из них аподиктический тон немного затихает и прямых и косвенных выпадов против других школ переводоведения, особенно против скопос-теории, в общем не наблюдается. Тем не менее, основное положение о том, что необходимо проводить границу между переводом и «переводящим воспроизведением и созданием текста», сохраняется и в восьмом переиздании (Ibid.: 252).

В случае с прагматической эквивалентностью перед переводчиком встает вопрос, насколько глубоко он может и должен вмешиваться в текст, когда «настраивает» его на получателя ТП. К «безобидным» вмешательствам относятся добавления, появляющиеся в результате переводческого комментария, с помощью которого компенсируются «дефицит знаний читателя ТП или потери в области денотативных и коннотативных, интралингвистических, социокультурных и интертекстуальных значений» (Ibid.: 251). Но при этом переводчик должен осознавать риск переоценить или недооценить читателя.

Противоположную позицию В. Коллер занимает по отношению к избыточному для французских читателей объяснению, которое Э. Хемингуэй полагает нужным сообщить английским читателям по поводу типично французского напитка pernod в своем романе «И восходит солнце» (“Fiesta”).

Пример (14): Смена функции на основе наличия предварительной информации у целевой аудитории

'Well, what will you drink?' I asked.
'Pernod.'
'That's not good for little girls.'
'Little girl yourself. Dites garçon, un pernod.'
'A pernod for me, too.' ...
Pernod is greenish imitation absinthe. When you add water it turns milky. It tastes like licorice and it has a good uplift, but it drops you just as far.
– Qu'est-ce que tu prends? dis-je.
– Un Pernod.
– Ce n'est pas bon pour les petites filles.
– Petite fille toi-même. *Dites garçon, un pernod.*'[68]
– Un Pernod pour moi aussi. ...
Le Pernod est une imitation verdâtre d'absinthe. Quand on y ajoute de l'eau, la teinte en devient laiteuse. Ça a goût de réglisse et ça vous donne un bon coup de fouet, mais la dépression qui suit n'en est que plus grande. (E. Hemingway, Fiesta; цит. по (Koller 2011: 253)).

В предварительном замечании к приведенному примеру В. Коллер пишет, что серьезный переводчик художественных текстов не будет вмешиваться в текст, даже если соответствующее место в тексте покажется французским читателям немного странным (Ibid.: 252). В комментарии к переводу, ссылаясь на К. Райс и Х. Фермеера (Reiß/Vermeer 1984), В. Коллер продолжает атаку на скопос-теорию: «Если принять всерьез тезис о функциональности, ... то французский переводчик был бы вынужден переписать или совсем опустить авторское объяснение слова "перно"...» (Ibid.). Такое вмешательство с нормативной точки зрения В. Коллера кажется недопустимым. Он охотнее соглашается с тем, что избыточная информация на основе максим Грайса (Grice 1975) вызывает смену функции.

Другую позицию он занимает в отношении примера туристической рекламы, в которой местоимения приведены в соответствие с целевым читателем и дейктические отношения изменяются. Из-за этого вмешательства данная реклама нормативно причисляется к типу «перевод с элементами обработки». Поэтому совершенно неожиданным становится то, что В. Коллер разрешает переводчику романа Х. Мартинсона „Der Weg nach Glockenrode“ («Дорога в царство

[68] Фрагменты текста на французском языке в оригинале передаются в переводе курсивом, что отмечено переводчиком в сноске.

колоколов») «на основе моральных, политических и других предубеждений ...» вычеркнуть из текста «эротические сцены и намеки» и таким образом «сгладить» его. Несмотря на это идеологически обусловленное вмешательство, посредством которого переводчик, — предваряя предполагаемую реакцию читателя, — фактически выступает в роли цензора, анализируемый отрывок можно отнести к типу «перерабатывающий перевод» (Koller 2011: 254).

Вообще, создается впечатление, что В. Коллер при рассмотрении прагматической эквивалентности вступает в противоречие с собственным прескриптивным понятием «перевод». С одной стороны, он требует, чтобы переводоведение занималось анализом действующих в отношении определенных групп получателей коммуникативных условий для определенных языковых пар и текстов, а также разработкой принципов и приемов достижения прагматической эквивалентности (Ibid.: 251). С другой стороны, он не хочет причислять к переводам с реализованной прагматической эквивалентностью тексты на иностранном языке, в которых ИТ перерабатывается в ПЯ для группы получателей, которая по существенным признакам отличается от группы получателей ИТ (Ibid.: 252). Такие случаи перевода, по мнению В. Коллера, относятся, как правило, к типу переводящего воспроизведения и создания текста. Но вопрос о том, что считать упомянутыми «существенными признаками», остается субъективным решением (хотя его можно было бы прояснить на основе сопоставления по-разному оцененных примеров).

Если бы речь при этом шла только о терминологическом разграничении понятия «перевод», которое следовало бы отличать от переводческой обработки и адаптации, еще можно было бы согласиться с В. Коллером[69]. Однако он совершенно упускает из виду историческую и актуальную реальность транскультурной коммуникации, когда ставит рядом с постулатом эквивалентности постулат социокультурной идентичности целевой аудитории в культуре ИЯ и ПЯ — так, по-видимому, надо понимать его требование сохранить существенные признаки группы получателей — и тем самым изначально исключает любую смену функции текста. Если же последовательно продумать данный постулат до конца, то перевод был бы

[69] См. (Schreiber 1993; Houlind 2001); об отдельных типах перевода см. (Schreiber 2006a).

возможен только между исходной и целевой культурами, в которых есть группы, не отличающиеся друг от друга по существенным признакам. Такие пары культур редко встречаются в глобальном контексте, как в синхронии, так и в диахронии[70].

В похожем противоречии В. Коллер запутывается, когда отграничивает свое нормативное понятие «перевод» от аналогичного понятия «исторического исследования процесса перевода» Геттингенской школы:

> «Хотя границы размыты, необходимо различать между переводами, содержащими элементы обработки, и обработками с переводными элементами/частями. При этом я исхожу из понятия "перевод", утвердившегося как культурное достижение за последние 200 лет; в другом месте было указано, что с точки зрения исторического исследования процесса перевода это обстоятельство представлено по-другому» (Koller 2010: 253 и далее).

Для лучшего понимания оговоримся, что так называемое исследование процесса перевода как раз занималось культурным достижением литературного перевода[71]. Если все-таки перевод «за последние 200 лет» на самом деле утвердился в форме, исключительно ориентированной на эквивалентность, как полагает Коллер, то возникает вопрос, почему же тогда исследование процесса перевода, занимающееся именно этой переводческой практикой и лежащими в ее основе нормами перевода, приходит к другому понятию перевода?

2.4.1.5. Формально-эстетическая эквивалентность

Под формально-эстетической эквивалентностью В. Коллер понимает соответствие между ИТ и ТП, основанное на «определенных эстетических, формальных и индивидуалистических свойствах текста на ИЯ» (Koller 2011: 219). Относительно этого типа эквивалентности он вслед за К. Райс (Reiß 1976) соглашается с принципом «анало-

[70] Однако с возрастающей интеграцией ЕС кажется возможным, что, по крайней мере, в странах ЕС на самом деле возникают такие выходящие за рамки одной культуры ситуации и «ткутся сети типов текста» (см. Schippel 2006, Prunč 2011a).

[71] О литературном переводе см. (Klöpfer 1967; Levý 1969; Vermeer 1986b; Nord 1988; Melzer-Tükel (ed.) 1991; Huntemann/Rühling (eds.) 1997; Kohlmayer/Pöckl (eds.) 2004; Greiner 2004), а также разделы 7.4, 7.5 и 8.

гии оформления» (Ibid.: 252), при котором эквивалентность должна быть достигнута посредством использования возможностей языка перевода, а при необходимости также путем создания новых форм. Тип формально-эстетической эквивалентности В. Коллер иллюстрирует с помощью метафор[72], языковых игр[73] и шуток. В отношении метафоры он вполне готов признать, что эмпирические данные о переводе метафор находятся в очевидном противоречии с постулатом эквивалентности или верности, т.е. в конкретных переводах многочисленные метафоры остаются непереведенными[74]. Данные рассуждения снова заканчиваются постулатом, с которым в целом можно согласиться и в котором можно было бы найти осторожное отклонение от его прескриптивных положений:

> «Почему многие переводы не так смело, как оригинал, намного осторожнее обходятся с языком, и как эти ... данные нужно интерпретировать в нормативном, стилистико-эстетическом ключе и с точки зрения языковой структуры и степени воздействия? Чтобы ответить на эти вопросы, необходимы дальнейшие размышления и более подробный корпусный анализ» (Koller 2011: 261).

В отношении игры слов В. Коллер (Ibid.: 261–269) после рассмотрения многочисленных примеров, в конце концов признает, что во многих случаях переводчику в качестве единственного решения остается (творческая) переработка или продуктивное приближение. Однако это именно те переводческие приемы, которые он в предыдущих главах исключил из области перевода[75]. С замечанием, что лучше обратиться к вынужденной компенсации, чем не найти никакого решения, В. Коллер в конце концов допускает использование компенсаторных приемов и даже «разрешает» ориентированному

---

[72] О переводе метафор см. также (Kurth 1995).

[73] О тематической области языковой игры и перевода ср. (Grassegger 1985), о переводе игры слов ср. (Delabastita 1987; Heibert 1993; Delabastita 1993; Delabastita ed. 1996, 1997; Flotow 1997 a; Tecza 1997; Klitgård 2005; Marco 2010).

[74] См. также (Koller 2011: 256 и далее).

[75] В немного модифицированной форме об этом пишет и В. Коллер (Koller 1993). Хотя он и выступает против слишком узкой интерпретации понятия «собственно перевод», он все же продолжает защищать свое нормативное понятие перевода, ссылаясь на европейскую переводческую традицию, которая «не позднее XVII–XVIII вв.» внедрила постулат эквивалентности. В противоположность этой линии аргументации В. Коллер в конце своей статьи задает правильные вопросы по поводу «основной проблемы каждой теории перевода ...: какое определение следует найти для конституирующего перевод отношения эквивалентности и какие языковые, текстуальные, ситуативные и культурные факторы, образующие контекст перевода, определяют переводческое соотношение (или отношение эквивалентности)?» (Koller 1993: 61).

на эквивалентность переводчику в случаях с непереводимой игрой слов прибегнуть к комментарию (Koller 2011: 266).

Одним из компенсаторных приемов, занимающих постоянное место в переводоведении и дидактике перевода и ориентированных на эквивалентность, является так называемый смещенный эквивалент[76]. Мысль, выраженная в концепции смещенного эквивалента, заключается в том, что текст должен был бы сохранить свою идентичность, если бы сумма соответствующих содержательных и формально-эстетических элементов не изменилась. Если же из-за конкретных языковых или других препятствий невозможно заменить эквивалентом определенный элемент ИТ в соответствующем месте ТП, то такой же элемент можно как бы компенсаторно создать в другом месте ТП. Так, если конкретную стилистическую фигуру, например, аллитерацию или метафору, нельзя сохранить в том же месте, переводчик на время может принять эту потерю, но он все равно будет искать возможность реализовать в языке перевода такую же или, по крайней мере, похожую стилистическую фигуру в другом месте ТП.

Примеры (15): Компенсаторные приемы

(1) Длинное запутанное существительное Hausputzbackwaschundbügelsonnabend, которое Г. Грасс употребляет в своем романе «Жестяной барабан» (Blechtrommel 1962: 12), чтобы описать действия бабки, во французском переводе (Le tambour, 1969) передается похожим сложным словом (= эквивалент). В английской версии (The Thin Drum 1965: 15) на месте этого слова оказывается синтаксически нейтральная конструкция, но данную потерю в последующем тексте возмещает вытекающая из структуры английского языка аллитерация как соответствие немецкому выражению in den Badezuber steigen, относительно слабо маркированному (=смещенный эквивалент): „Wenn meine Großmutter nach solch einem Hausputzbackwaschundbügelsonnabend ... ganz und gar in den Badezuber stieg ...“ — « Quand ma grand-mère, après un samedi de grand ménage-cuisine-lavage-repassage ... entrait tout entière dans le cuvier ... » — “When, after one of these Saturdays spent in housecleaning, baking, washing, and ironing ... my grandmother immersed herself from top to toe in the tub ...” (Цит. по (Koller 2011: 262)).

(2) В оригинале романа «Улисс» (Ulysses) Д. Джойса различие между представлением о себе преподобного Т.Р. Грина и общественным мнением о нем выражено двузначностью слова incumbent (прил. “obliegend”, сущ.

[76] См. также (Gerzymisch-Arbogast 1994: 131).

„Pfründeinhaber“): “The incumbent they called him. He felt incumbent on him to say a few words”. Так как немецкий переводчик Ханс Вольшлегер переводит второе incumbent «лексемой» bemüßigt, «неспособной передать игру слов», он пытается создать другой каламбур с помощью придуманного слова „Pfründlein“, которое стилистически иллюстрирует «внутреннее противоречие фигуры преподобного»: „Den Pfründenbesitzer nannten sie ihn. Er fühlte sich bemüßigt, ein Pfründlein Worte auszuteilen“ (Heibert 1993: 202).

Такие компенсаторные приемы в пределах прескриптивной нормы эквивалентности считаются допустимыми или даже необходимыми, прежде всего при переводе сложных стилистических фигур и в художественных текстах.

Обобщая вышесказанное, охарактеризуем развитие взглядов В. Коллера следующим образом. При чтении «Введения в переводоведение» бросается в глаза контраст, даже противоречие, между совершенно правильными выводами о переводе как культурно-историческом феномене и прескриптивным характером авторских рассуждений о переводе. Так, в «заключительном комментарии» к дискуссии об эквивалентности В. Коллер пишет:

«Перевод — как деятельность по воспроизведению текста и как результат этой деятельности — понимается как историко-культурный феномен и своего рода культуртехника, которая занимает свою собственную позицию в универсуме текстовых продуктов и среди разнообразных действий по созданию текста» (Koller 2011: 217).

На фоне нормативного по своей сути подхода, описанного в книге Коллера, данное утверждение автора более не кажется декларативным. Чтобы, несмотря на декларативную ссылку на историческое и эмпирическое понятие перевода, сохранить требование эквивалентности, В. Коллер сначала вынужден был свести свое нормативное понятие перевода к «собственно переводу» (Koller 2011: 82). Переводы, которые не соответствуют нормативным критериям эквивалентности (например, переводческая обработка, изложение содержания и др.), В. Коллер первоначально отнес к «интерлингвальным процессам обработки текстов» (Koller 1992: 85). Он не мог предвидеть, что в начале нового тысячелетия именно эти «интерлингвальные процессы обработки текстов» переместятся в ядро переводческой деятельности. Тот факт, что ориентированность пе-

ревода на эквивалентность в глобальном масштабе соответствует, в первую очередь, европейским нормам перевода и эмпирически подтверждается в европейских культурах лишь в отдельные периоды, не мог поколебать веру В. Коллера в вездесущность эквивалентности.

Однако под давлением актуальных изменений на рынке переводческих услуг и на основе международного переводоведческого дискурса В. Коллер в последнее время готов расширить понятие «перевод» для некоторых типов текста. Так, он вполне допускает возможность применять «комментирующие, интерпретирующие приемы, приемы переводческой обработки, сокращения или расширения» при переводе информационных текстов, если они «призваны передать читателю ТП определенные ценности ИТ или если они должны быть понятными и удобочитаемыми» (Koller 1998: 128). Основную причину подобного рода вмешательств в ИТ В. Коллер видит, прежде всего, в когнитивных предпосылках восприятия текста. Тем не менее, относительно художественных текстов он все еще придерживается весьма узкого евроцентристского постулата эквивалентности.

2.4.2. Эквивалентность и соответствие как уровень согласия

Вольфрам Вилсс сначала участвовал в идеологически мотивированной полемической дискуссии с Лейпцигской школой, а позже разделял с В. Коллером, прежде всего, антипатию к «функционалистическим» подходам. Данным утверждением мы лишь очертили научное поле, в котором находятся публикации этого в высшей степени продуктивного ученого. В его многочисленных трудах отражаются все значимые смены парадигм переводоведения[77]. Однако здесь придется ограничиться разработкой лишь некоторых центральных задач.

Для В. Вилсса перевод — это первоначально лингвистическая обработка информации, состоящая из ряда операций смены кодов (code-switching) (см. Wilss 1977b: 63; 1988: 35; 1996: 5 и т.д.). Задача переводоведения — исследовать эти операции и способствовать их оптимизации в дидактике и практике перевода (Wilss 1991b, 1993c). В. Вилсс очень хорошо осознает плохо поддающийся определению

[77] См. оценку в юбилейных сборниках (Arntz/Thome (eds.) 1990; Lauer et al. (eds.) 1996; Gil/Wienen (eds.) 2007).

характер термина «эквивалентность» (Wilss 1982). Вилсс изначально не подвергает сомнению то, что предметом перевода является текст как целое (Wilss 1977a). Исходя из очевидного в языковом плане ИТ, возможно с помощью соответствующих операций сформулировать ТП на внешнем уровне. При этом речь идет о процессе решения проблемы, с которым переводчик — будучи зажатым между автором и целевой аудиторией — должен справиться как можно более рационально (Wilss 1992, 1993c; 1994). В этом смысле В. Вилсс собирает из языкознания, семиотики (см. прежде всего Wilss 1980) и когнитивистики (Wilss 1988, 1991a) все импульсы и сведения, что обещает пролить свет на комплексную факторную модель перевода[78]. То, что представляется ученому, — это система творческих знаний и навыков, которые необходимы, чтобы создать специфическую для типов текста эквивалентность — или, как он с недавних пор более осторожно формулирует, — соответствие между ИТ и ТП, отвечающее как интенциям автора ИТ, так и ожиданиям читателей ТП, и получающее по крайней мере минимальное признание (Wilss 1996: 41).

2.4.3. Нормативная дидактика

В противоположность ориентированному на систему понятию эквивалентности, сложившемуся на раннем этапе немецкого переводоведения, понятие equivalence в англоязычном пространстве было динамичным и ориентированным на текст — как и понятие эквивалентности в сопоставительной стилистике[79]. Хотя объем книги не позволяет нам остановиться на некоторых интересных подходах англоязычного переводоведения, есть один автор, чья позиция ти-

[78] О когнитивных моделях см. сборник материалов конгресса (Gambier/Tommola (eds.) 1993); (Kupsch-Losereit 1995) и главу 6.

[79] Ср., например, дефиницию перевода (translation) у Дж. Кэтфорда: «Можно дать следующее определение перевода: это замена текстового материала на исходном языке (ИЯ) эквивалентным текстовым материалом на языке перевода (ПЯ). ... Центральная проблема в практике перевода состоит в нахождении в ПЯ переводческих эквивалентов. Центральная задача теории перевода заключается в том, чтобы определить природу переводческой эквивалентности и условия ее достижения» (“Translation may be defined as follows: the replacement of textual material in one language (SL) by equivalent textual material in another language (TL). ... The central problem of translation practice is that of finding TL translation equivalents. A central task of translation theory is that of defining the nature and conditions of translation equivalence” (Catford 1965: 20 и далее).

пичного представителя переводоведения, ориентированного на эквивалентность, будет рассмотрена ниже. Это Питер Ньюмарк[80].

Как и «Введение в переводоведение» В. Коллера, монографии П. Ньюмарка "Approaches to Translation" (Newmark 1982, 1988b, 1993) и "Textbook of Translation" (Newmark 1988a, 1995) много раз переиздавались. Именно из-за своего прескриптивного характера эти работы пользуются популярностью как справочники по вопросам практики перевода. Новички и любители особенно любят придерживаться четких указаний, которые они якобы выводят из несколько аподиктически сформулированных инструкций П. Ньюмарка. Для каждого способа перевода П. Ньюмарк устанавливает правила, выносит запреты и дает рекомендации[81]. Дополнительные комментарии в большинстве случаев сформулированы кратко, и это привносит в правила еще большую категоричность. П. Ньюмарк все время старался расширить список правил (ср., например, Newmark 1973a, b; 1979)[82]. Но, несмотря на кажущуюся однозначность предложенных приемов и правил, их сложно привести в когерентную систему.

Сам П. Ньюмарк видит свой основной вклад в переводоведение в том, что он выявил различия между коммуникативным и семантическим переводом и соотнес их со статусом автора. С его точки зрения, сторонника нормативного переводоведения, переводимые тексты нужно разделить на две группы, в зависимости от статуса автора. Так, у некоторых текстов статус автора (причины опускаем) настолько высок, что переводчик всегда должен переводить «верно». В этих случаях он должен выбрать семантический перевод, продиктованный исходной культурой. В таком переводе воспроизводятся особенности и содержания, и формы ИТ. Для текстов же, в которых автор и авторская манера выражения не играют существенной роли, можно выбрать коммуникативный перевод, больше ориентированный на действительность или на читателя:

[80] О признании см. юбилейный сборник (Anderman/Rogers (eds.) 1999).

[81] Для перевода метафор приводятся, например, приемы для сохранения образа, замены одного образа другим, характерным для языка перевода, и, наконец, для содержательной передачи метафоры и др. (Newmark 1988b: 87–91). По мнению П. Ньюмарка, дополнительная информация может быть «встроена» в текст или добавлена посредством сноски к соответствующей странице или главе. При более значительных культурных различиях П. Ньюмарк рекомендует привести и объяснить релевантную для культуры информацию в отдельном глоссарии (Ibid.: 77).

[82] Обзор процессов в алфавитном порядке представлен в статье Э. Прунча (Prunč 2003a: 83–88).

> “Communicative translation attempts to produce on its readers an effect as close as possible to that obtained on the readers of the original. Semantic translation attempts to render, as closely as the semantic and the syntactic structures of the second language allow, the exact contextual meaning of the original”[83] (Newmark 1988b: 39)[84].

Однако оба эти способа П. Ньюмарк признает переводом в истинном смысле слова, поскольку они соответствуют двум основным критериям перевода, а именно, точности (accuracy) и экономии (economy).

Однако в истории перевода и в актуальной реальности встречаются и другие способы перевода, которые П. Ньюмарк обобщает в V-диаграмме. Чем больше переводчик отдаляется от вышеназванных способов и двигается в сторону ИЯ или ПЯ, в сторону автора или целевой аудитории, тем дальше он уходит и из ключевой области собственно перевода:

График (3): V-диаграмма типов перевода по П. Ньюмарку (1995: 45)

Выразительность ИЯ (SL emphasis)	Выразительность ПЯ (TL emphasis)
перевод слово в слово (word for word translation)	адаптация (adaptation)
буквальный перевод (literal translation)	вольный перевод (free translation)
верный перевод (faithful translation)	идиоматический перевод (idiomatic translation)
семантический перевод (semantic translation)	коммуникативный перевод (communicative translation)

[83] Ср. «Коммуникативный перевод стремится произвести на читателя воздействие как можно более близкое к тому, какое испытывают читатели оригинала. Семантический перевод стремится передать, насколько позволяют семантические и синтаксические структуры ПЯ, точное контекстуальное значение оригинала» (*Пер. с англ.*).

[84] См. также дефиниции у П. Ньюмарка (Newmark 1988 b: 22): “I have proposed only two methods of translation that are appropriate to any text: (a) **communicative** translation, where the translator attempts to produce the same effect on the TL readers as was produced by the original on the SL readers, and (b) **semantic** translation, where the translator attempts, within the bare syntactic and semantic constraints of the TL, to reproduce the precise contextual meaning of the author. All other translation methods serve special purposes ...” (выделено в оригинале). Ср. «Я предложил только два метода перевода, которые подходят для любого текста: (а) коммуникативный перевод, когда переводчик пытается произвести на читателя ТП такое же воздействие, какое оригинал производит на читателя ИЯ, и (б) семантический перевод, когда переводчик пытается передать, с учетом семантических и синтаксических ограничений ПЯ, точный контекстуальный замысел автора. Все другие методы перевода служат особому назначению ...» (*Пер. с англ.*).

Пример (16): Семантический и коммуникативный перевод

ИТ	Семантический перевод на английский язык	Коммуникативный перевод на английский язык	Семантический перевод на русский язык	Коммуникативный перевод на русский язык
Bissiger Hund! Chien méchant!	Dog that bites! Savage dog	Beware of the dog!	Собака кусается! Бешеная собака	Осторожно, злая собака!
Défense de marcher sur le gazon.	Walking on the turf is forbidden. It is forbidden to walk on the turf.	Keep off the grass!	Запрещено ходить по газону. Ходить по газону запрещается.	По газону не ходить!
J’étais dans une de ces périodes de la jeunesse, dépourvues d’un amour particulier, vacantes, où partout — comme un amoureux, la femme dont il est épris — on désire, on cherche, on voit la Beauté. Qu’un seul trait réel — le peu qu’on distingue d’une femme vue de loin, ou de dos — nous permette de projeter la Beauté devant nous, nous nous figurons l’avoir reconnue, notre cœur bat, nous pressons le pas, et nous resterons toujours à demi persuadés que c’était elle, pourvu que la femme ait disparu: ce n’est que si nous pouvons la rattraper que nous comprenons notre erreur.	I was in one of those periods of youth, that are lacking in a particular love, that are vacant, where everywhere — as a lover the women he is in love with — one desires, one seeks, one sees Beauty. Let just one real feature — the little that one can distinguish of a woman seen from afar, or from behind — allow us to project Beauty before us, and we imagine that we have recognised her, our heart beats, we hurry on, and we shall remain always half-convinced that she was the one, provided the woman has disappeared; only if we can overtake her do we understand our mistake.	For me it was one of those times in youth when we are without a special love, and which are empty. Here we desire, look for and see beauty everywhere, just like lovers in search of the women they are in love with. We have only to let a single real feature, say the little we can make out of a woman seen from a distance or from behind, show us a picture of beauty for us to think we have recognised her. With hearts beating, we hurry on. We shall always remain half-convinced we’ve seen Beauty herself, as long as she has disappeared; we can only understand our mistake when we catch up with her.		
Marcel Proust, A la recherche du temps perdu, цит. по (Newmark 1995: 248 и далее).				

Перевод слово в слово (word for word translation), как правило, реализуется подстрочным переводом. Порядок слов сохраняется, отдельные слова приводятся в общем значении. Цель перевода слово в слово — ближе познакомить читателя с «механизмами языка оригинала» (Newmark 1995: 46). Черновой перевод также можно подготовить по этой системе.

При буквальном переводе (literal translation) грамматические структуры незначительно адаптируются и заменяются грамматическим эквивалентом ПЯ со схожей функцией. Отдельные слова передаются исключительно в своем наиболее общем значении без учета контекста. Буквальный перевод принимается в расчет, прежде всего как перевод черновой или как заготовка для переводческой обработки.

Верный перевод (faithful translation) стремится передать точные контекстуальные значения слов ИЯ с помощью грамматических структур ПЯ. «Постулат естественности» считается относительным: в переводе сохраняется определенная степень нарушения грамматической и/или лексической нормы, т.е. текст не сглаживается[85]. Согласно постулату верности, в переводе требуется отражать именно отклонения от нормы и другие особенности ИТ.

Идиоматический перевод (idiomatic translation) передает смысл оригинала. Идиоматическая специфика языка оригинала передается соответствующими элементами языка перевода. Тем не менее, согласно П. Ньюмарку, идиоматический перевод имеет тенденцию «искажать» (distort) нюансы значения оригинала, посредством использования просторечия и идиоматических выражений (idioms), которых нет в оригинале.

Вольный перевод (free translation) воспроизводит фактическое содержание подлинника, а не его форму (передача содержания безотносительно выражения (the matter without the manner) (Newmark 1995: 47). Вольный перевод склоняется к парафразе, поэтому, как правило, он длиннее оригинала. По мнению П. Ньюмарка, такой способ перевода нельзя считать собственно переводом в силу его многословности и претенциозности.

[85] См. (Henry 1995).

Наконец, адаптация (adaptation) — это наиболее свободная форма передачи текста на другом языке. П. Ньюмарк также не считает ее переводом в собственном смысле слова. На практике адаптация часто применяется при переводе драматических и поэтических произведений. Тематика, персонажи и сюжет сохраняются, но текст в целевой культуре переписывается заново (rewritten) (Newmark 1995: 45 и далее).

Множество «правил», казалось бы, указывают верный путь к адаптированному переводу в контексте европейских культур. Однако основывающаяся на взглядах П. Ньюмарка дидактика перевода скрывает в себе большую опасность: упрощенные, касающиеся только микроконтекста правила могут сформировать у студентов (позже практикующих переводчиков) ощущение ложной уверенности[86]. Поэтому перечень способов перевода и правил, предложенных П. Ньюмарком, в лучшем случае исполняет роль контрольного списка, на основании которого можно искать переводческие решения на микроуровне. В контекстах же, требующих особенно ответственного отношения, П. Ньюмарк, вопреки собственному очевидному стремлению сформулировать полный прескриптивный свод правил, также вынужден указать на креативность и способность переводчика высказывать суждения. Рядом с сопоставительной стилистикой, преимущество которой заключается в систематическом подходе, выводы П. Ньюмарка кажутся местами эклектическими, иногда поспешными и неточными, порой категоричными и безапелляционными.

Еще одна слабая сторона подхода П. Ньюмарка, с точки зрения теории перевода, состоит в том, что его «правила» связаны с ханжескими европейскими представлениями о нормах перевода (см. также Newmark 1991) и неприменимы в других культурных контекстах и при других условиях создания перевода. Однако это ограничение касается не только П. Ньюмарка, но и всех других прескриптивных и ориентированных на эквивалентность подходов.

[86] См. критику подобной дидактики у М. Амманн (Ammann 1992) и К. Норд (Nord 1996b).

2.4.4. Иерархия требований эквивалентности

Пока переводоведение занималось исключительно информационными текстами, как делала на раннем этапе, например, Лейпцигская школа, понятие эквивалентности казалось вполне подходящим средством, чтобы с научной точки зрения адекватно описывать переводы и процессы перевода и на основании этого развивать дидактику перевода. Но как только эти рамки расширились и начались попытки исследования перевода — особенно художественного — в его историческом измерении и прагматической реальности, открылись два пути:

- предложить новые, более нюансные определения эквивалентности и типологии эквивалентности, приведя теорию в соответствие с реальностью. Что, однако, завело бы переводоведение в дебри неупорядоченных понятий эквивалентности и терминов;
- сузить понятие «перевод» и использовать его по отношению только к тем транскультурным действиям с текстом, которые соответствуют нормативно заданным критериям эквивалентности. Тем самым широкий диапазон практики должен был оставаться за пределами научного исследования. Переводоведение из-за своей ригидности должно было потерпеть неудачу в соотношении с практикой.

Но ни один из этих двух путей не позволял пройти мимо того факта, что едва ли мог найтись претенциозный текст, при котором одновременно могут быть выполнены все критерии эквивалентности. Ключевая проблема заключалась в выработке критериев, по которым в спорном случае необходимо отдавать предпочтение тому или иному отношению эквивалентности. Одна из возможностей, которую можно наблюдать и у П. Ньюмарка, состоит в том, чтобы поставить критерии эквивалентности в зависимость от авторитетности ИТ. Проще говоря, нужно различать «священные» и «менее священные» оригиналы и в зависимости от этого определять степень свободы и креативности переводчиков. Нечто подобное предлагает и В. Коллер, подразделяя тексты на художественные (Fiktivtexte) и информационные (Sachtexte). В то время как при переводе информационных текстов предпочтение следует отдавать денотативной

эквивалентности, в художественных текстах на переднем плане оказывается коннотативная эквивалентность (Koller 2011: 278 и далее).

Данная дихотомия восходит к культурно детерминированному пониманию авторитетности текста. Она соответствовала и культурно детерминированному представлению о роли автора и переводчика. Анализ исследований в области лингвистики текста, развивавшейся параллельно с переводоведением, показал, что тип текста необходимо определять не только на основании потенциала власти (Machtpotential) ИТ или его автора и не на дихотомии «вымысел vs. невымысел» (Fiktionalität vs. Nicht-Fiktionalität), а в большей степени на основе функции и структуры ИТ. Иерархию требований эквивалентности или инвариантности можно вывести, исходя из типа текста.

2.4.5. Преемственная модель типологии текста

В немецкоязычном культурном пространстве первый убедительный вариант типологии текста предложила Катарина Райс[87]. В своих монографиях «Возможности и границы критики перевода» („Möglichkeiten und Grenzen der Übersetzungskritik“) (Reiß 1971, ^{3}1986)[88] и «Тип текста и метод перевода» („Texttyp und Übersetzungsmethode“) (Reiß 1976, ^{3}1983), а также в «Венских лекциях» (Snell-Hornby/Kadrić (eds.) 1995, ^{2}2000) она попыталась установить связь между типом текста и правилами перевода[89]. К. Райс исходила из так называемой модели органона (Organonmodell) Карла Бюлера (Bühler 1934/1999). Согласно этой модели, знаки могут иметь три функции: по отношению к предметам или ситуациям — репрезентативную, по отношению к отправителю — экспрессивную (выразительную), по отношению к получателю — апеллятивную функцию. По аналогии с этой моделью, К. Райс разработала типологию текста, релевантную для перевода, которая предусматривает три типа текста: информативный (informativ), экспрессивный (expressiv) и оперативный (operativ) (или апеллятивный, он же моти-

[87] О признании достижений К. Райс см. (Holz-Männtäri/Nord (eds.) 1993).

[88] Ср. (Nord 1996a) и английскую версию монографии К. Райс (Reiß 2000).

[89] Ср. также попытку Х. Герцимиш-Арбогаст (Gerzymisch-Arbogast 1994) иерархически организовывать критерии эквивалентности посредством схемы последовательности операций и анализа.

вирующий. — *примеч. ред.*)[90]. По мнению К. Райс, решающим для отнесения текста к тому или иному типу является преобладание одной из названных функций знаков (Reiß 1983). К каждому из этих типов текста на втором этапе могут быть отнесены метод перевода и оптимальная инвариантность. Помимо трех функций, значимых для отнесения текста к тому или иному типу, К. Райс, вслед за Р. Якобсоном, упоминает фатическую и поэтическую функции (Ibid.: 82), но в модели типологии текста данные функции не находят соответствующего отражения.

2.4.5.1. Информативный тип текста

Важнейшим отличительным признаком информативных текстов является их ориентация на предметную область. Речь идет о том, чтобы передать информацию о реальных или фиктивных событиях, ситуациях и др. Автор, как и переводчик, отходит на задний план. По мнению К. Райс, лексика, синтаксис и стиль в ПЯ должны быть адаптированы к конвенциям типов текста языка перевода, чтобы текст не казался «необычным». Сюда же относится допустимость использования экспрессивных и апеллятивных элементов в информативных текстах. Если здесь существуют различия между ИЯ и ПЯ, то необходимо следовать конвенциям ПЯ. Так, например, нужно нейтрализовать экспрессивные элементы ИТ, если конвенции типов текста в ПЯ не допускают их использования. В качестве адекватного метода перевода К. Райс рекомендует стилистически нейтральный («прозаический») перевод. Действует следующее требование инвариантности: количество информации в ИТ и ТП должно быть идентичным (ср. содержательная инвариантность). Примерами типичных информативных текстов могут служить различные виды отчетов, научных докладов, описаний содержания, резюме и др.

2.4.5.2. Экспрессивный тип текста

Главный отличительный признак экспрессивного типа текста – его ориентация на отправителя. Автор с помощью текста и его структуры хочет рассказать что-то о самом себе. С точки зрения

[90] Здесь типология текста К. Райс передается упрощенно с учетом последней редакции.

читателя/слушателя, это означает, что текст рассказывает что-то об авторе. Это «что-то» К. Райс определяет в первую очередь как «художественное». Именно поэтому она причисляет к экспрессивному типу текста прежде всего художественные произведения. Адекватным методом перевода для данного типа текста считается «аналогия оформления»[91]. Метод перевода должен быть ориентирован на передачу намерения автора. В качестве термина для обозначения данного метода было выбрано понятие «идентифицирующий перевод», введенное И.В. фон Гёте. Требованием инвариантности является обязательное сохранение эстетического воздействия[92].

2.4.5.3. Оперативный тип текста

Главным отличительным признаком данного типа текста служит ориентация на воздействие, т.е. его языковое оформление в отношении получателя. Как инвариант необходимо сохранить идентичность призыва, содержащегося в тексте. Поэтому метод, применяемый при переводе оперативных текстов, называется также «соответствующий призыву», или «адаптирующий» (по И.В. фон Гёте). При этом методе перевода, ориентированном на передачу апеллятивной функции текста, по мнению К. Райс, необходимо учитывать прежде всего социокультурный фон и менталитет получателя ТП. Внешняя форма, т.е. апеллятивное употребление и оперативные возможности, адаптируются к ПЯ. В конце концов, в целенаправленной адаптации к впечатлениям и эмоциональности получателя ТП нуждаются и «элементы формы, например, риторические и специальные стилистические средства...» (Reiß 1983: 22). При этом в случае необходимости может понадобиться замена культурно детерминированных «предметов».

Связь между типом текста и методом перевода по К. Райс можно обзорно представить в таблице следующим образом:

---

[91] «Он [перевод] ориентируется на характер художественного произведения и берет в качестве руководящего принципа авторское намерение оформления» (Reiß 1983: 21).

[92] «Переводчик идентифицирует себя с авторскими намерением, манерой выражения» (Reiß 1983: 22).

Таблица (6): Типология текста по К. Райс (Reiß 1976/1983)

Тип	Отличительный признак	Инвариантность	Метод
информативный	предметно-ориентированный, передача информации о реальных или фиктивных событиях, ситуациях и др.	содержание	целесообразный
экспрессивный	ориентированный на отправителя, отправитель передает посредством (оформления) текста информацию о самом себе	эстетическое воздействие	ориентированный на передачу интенции автора
оперативный	ориентированный на воздействие, посредством текста должно регулироваться поведение получателя	призыв, содержащийся в тексте	адаптирующий

Во многих коммуникативных ситуациях сообщение передается не только посредством языка, но и с помощью других знаковых систем. В устной коммуникации значимым для текста является присутствие других знаковых систем, например, мимики, жестов, языка тела, ритуальных действий и др. В специальных текстах, благодаря техническому прогрессу, также все больше используется сочетание графических изображений и языковых описаний или указаний (см. P.A. Schmitt 1989, 1992, 1996, 1999). Современное техническое оборудование, используемое на конгрессах, все больше облегчает задачу участников, позволяя им представить свои доклады в мультимедийной форме и даже отслужить целую мультимедийную сессию. Характерна мультимедийность и для продуктов кинопромышленности и индустрии развлечений. Во всех этих случаях предлагаемая информация состоит из сополагающихся знаковых систем, которые могут передаваться различными СМИ. Стремясь подчеркнуть эту комплексность, К. Райс первоначально выделила в отдельный тип текста аудио- или мультимедиальный (multimedialen) текст. Однако позднее (см., прежде всего, версию в (Snell-Hornby/Kadrić (eds.) 1995: 82 и далее) она от этого отказалась, предусмотрев взамен мультимедийные варианты или подвиды каждого из названных типов текста

как требующие, в силу большей сложности, особого переводческого подхода[93].

Модель типологии текста К. Райс отражает уровень развития лингвистики текста в начале 1970-х гг. Между тем со временем в исследованиях типов текста наметился отход от функционального деления К. Бюлера, исследователи стали больше ориентироваться на другие функциональные модели, в частности на типологию речевых актов Дж. Остина и Дж. Сёрля. Поэтому было бы несправедливо сопоставлять модель К. Райс и дифференцированную типологию текстов, предлагаемую современной лингвистикой текста. Однако столь же ошибочно было бы продолжать некритически дополнять ее в дидактике перевода.

2.4.6. Английский пандан

Подобно К. Райс, П. Ньюмарк тоже выделил три основные функции, на базе которых можно было бы создать типологию текстов, релевантную для перевода: индикативную функцию (informative function), экспрессивную функцию (expressive function) и вокативную функцию (vocative function). В основе индикативной функции, т.е. указательной или референтной (отражательной) функции языка, лежит отношение к внеязыковой реальности. Суть экспрессивной, или выразительной, функции языка П. Ньюмарк видит в том, что отправитель (говорящий/пишущий) выражает свои чувства посредством определенного рода высказывания, независимо от их воздействия (feelings irrespective of any response) (Newmark 1995: 39). Наконец, вокативная, или побудительная, функция должна определяться с точки зрения получателя, слушателя или читателя, которого призывают к действию или реакции[94]. В зависимости от того,

[93] Вообще, представляется целесообразнее разместить критерий семиотической структуры исходного текста на высшем уровне и для начала разделить тексты на моно- и полисемиотические. На втором уровне принятия решения можно было бы на основании доминирующей функции текста провести различие между отдельными типами текста.

[94] В качестве синонимов для vocative function (вокативной функции) П. Ньюмарк вводит следующие термины: connative (коннативная), instrumental, operative (инструментальная, оперативная) и pragmatic function (прагматическая функция) (Newmark 1995: 41).

какие функции выполняет текст, различаются экспрессивные, информативные и вокативные тексты:

Таблица (7): Типология текста по П. Ньюмарку (1995: 40)

Типы/категории текста (text categories)				
функция	экспрессивный	информативный		вокативный
постановка цели	автор	правда		читатели, читательская аудитория
статус автора	«священный»	«анонимный»		«анонимный»
		тема	формат	
типы текста (text types)	литературные произведения, объяснения, автобиографии, письма	наука, технология, экономика, промышленность, ремесло, другие области знаний	учебник, монография, отчет, сочинение, статья, меморандум, протокол	извещение, инструкция, пропаганда, реклама, детективные романы и другая «шаблонная литература»

Если не принимать во внимание чрезмерное подчеркивание статуса текста у П. Ньюмарка, модели типологии текста К. Райс и П. Ньюмарка в отношении основных функций, по сути, совпадают и различаются только терминологией. В обоих случаях очевидна связь с моделью органона К. Бюлера[95]. Правда, Ньюмарк также интегрировал в свою модель функции знаков, которые он нашел в структурной лингвистике, в частности у Р. Якобсона. Помимо трех основных функций, он еще различал эстетическую функцию (aesthetic function), фатическую функцию (phatic function) и метаязыковую функцию (metalingual function). Эстетическая функция, по мнению П. Ньюмарка (Newmark 1995: 42 и далее), имеет место тогда, когда язык в своем материальном образе должен вызывать эмоциональное удовольствие (to please the senses). П. Ньюмарк приписывает эстетическую функцию в основном таким поэтическим фигурам, как звукоподражание (ономатопея), рифма, аллитерация, ассонанты, параллелизмы и др. В качестве примеров текстов с эстетической функцией П. Ньюмарк приводит — более или менее произвольно — поэзию нонсенса, « l’art pour l’art » («искусство ради искусства») XIX в. и детскую поэзию.

[95] Вопреки этому очевидному сходству, в списке литературы в работе П. Ньюмарка (Newmark 1995) отсутствуют соответствующие публикации Катарины Райс. Однако ссылку можно найти в более раннем труде П. Ньюмарка (Newmark 1988b: 194).

О фатической функции говорят, когда соответствующее выражение не имеет информативной ценности и служит только для того, чтобы поддержать «приветливый разговор» с собеседником. К таким выражениям П. Ньюмарк относит так называемые «фатизмы» (phaticisms), т.е. формы приветствия и вежливого обращения, например: You know. Are you well? Lovely to see you. Nasty weather we're having. See you tomorrow. What an awful day. Of course, naturally; Guten Tag. Nicht wahr, ja, eben; und daher, liebe Kollegen, wenden wir uns ... etc.[96] По мнению П. Ньюмарка, фатические элементы лучше переводить не дословно, а соответствующими культурно детерминированными эквивалентами. Для фатических элементов типично то, что их содержание (погода, здоровье, национальные виды спорта, мода и др.), форма и даже оптимальный объем являются специфическими для тех или иных культуры, поколения, пола, социального слоя и группы. Таким образом, перевод фатических элементов предполагает способность переводчика к тончайшей оценке социокультурных и психофизических фактов, а также наличие у него основательных фоновых знаний.

Под метаязыковой функцией П. Ньюмарк понимает способность языка объяснять, называть и критиковать собственные структуры (Newmark 1995: 43). В письменных текстах эта функция маркируется кавычками или другими формами графического выделения (например, курсивом), в письменной и устной речи — индикаторами, например, англ. strictly speaking, literally, in the full sense of the word, so-called, so to speak, by definition (ср. нем.: so genannt(e), per definitionem, im eigentlichen Sinne des Wortes, genau genommen, wie man zu sagen pflegt/pflegte).

В то время как три основные функции, указанные в самом начале, могут быть приписаны всему тексту, другие четыре функции относятся только к отдельным частям текста или главам. Это может привести к определенным конфликтам целеполагания в отношении эквивалентности. Согласно П. Ньюмарку, конфликты между выразительной функцией и эстетической функцией могут возникнуть, прежде всего, при переводе экспрессивных текстов, когда перевод-

[96] Ср. Знаете ли. Как вы? Приятная встреча. Ужасная погода, правда? До завтра! Ну и денек! Конечно, разумеется. Добрый день. Не правда ли? Да. Именно. Итак, дорогие коллеги, обратимся к ... и т.д. (*пер. с англ., нем.*). См. (Heinemann/Viehweger 1991: 151), Nord (1994: 526 и далее).

чику придется выбирать между «правдой», т.е. «некрасивым дословным переводом» (uggly literal translation), и «красотой», т.е. «красивым вольным переводом» (beautiful free translation) (Newmark 1995: 42)[97]. Новым в типологии П. Ньюмарка, по сравнению с первоначальной моделью типологии текста К. Райс, является главным образом учет фатической, метаязыковой и эстетической функций. Однако разграничение экспрессивной и эстетической функций может натолкнуться на некоторые сложности. Описание эстетической функции остается у П. Ньюмарка очень неопределенным, причем тексты и текстовые элементы с эстетической функцией выделяются в особую категорию более высокого уровня[98]. Подобная противоречивость наблюдается и в разграничении четырех уровней, которые, по мнению П. Ньюмарка, следует комбинировать при переводе: уровень текста (textual level), уровень референции (referential level), уровень когезии (cohesive level) и уровень естественности (level of naturalness)[99].

Описания и рекомендации, которые П. Ньюмарк дает в связи с этим, имеют разную степень точности и значимости. Описание уровня текста остается очень общим. Единственным критерием считается целостный характер текста, который необходимо сохранить в переводе, интуитивно и автоматически согласуя друг с другом точечные переводческие решения. Для уровня референции П. Ньюмарк дает следующий совет: нужно постоянно спрашивать, особенно в случае абстрактных и многозначных формулировок, что должен означать конкретный текстовый сегмент, что на самом деле происходит, какова цель, например, или назначение произошедшего или происходящего. Надо всегда уметь представить сказанное и, если есть такая необходимость, дополнить информацию из собственных энциклопедических знаний. На уровне когезии, по мнению П. Ньюмарка, важно, прежде всего, уловить структурную связность и настроение (mood) текста. Структурная связность

---

[97] Ср. концепцию *belles infidèles* (прекрасных неверных) французской классики (см. Mounin (1955), Zuber (1968), Stackelberg (1988).

[98] Видимо, здесь речь идет исключительно об имплицитном отождествлении художественных текстов с текстами высокой степени авторитетности.

[99] См. критику Х.Г. Хёнига и П. Кусмауля (Hönig/Kußmaul 1991: 19), которая в первую очередь касается прескриптивного характера правил, предъявляемых П. Ньюмарком к переводу.

достигается посредством правильного употребления связующих элементов текста и адекватного расположения известной и новой информации. Связность текста укрепляется тем, что отношение автора к реальности и настроение текста могут составить целостную систему (ценностей).

П. Ньюмарк считает, что для большинства переводов действует постулат естественности. В первую очередь перевод должен иметь смысл и звучать естественно. По дидактическому совету П. Ньюмарка, такого результата можно достичь, если в процессе работы «временно» отстраниться от ИТ, прочитав (по возможности, вслух) собственный перевод как текст оригинала. К постулату естественности относится и то правило, что ТП необходимо привести в соответствие с образцами применения языка в ситуации ПЯ, в которой данный текст должен звучать «естественно» („natürlich“). Тем не менее, по мнению П. Ньюмарка, следует остерегаться обобщать собственные представления о естественности или придерживаться только стандартных форм. Как заявляет П. Ньюмарк свойственным ему безапелляционным тоном: «Английского языка больше, чем полагают патриоты, пуристы и шовинисты» (“There is more English than the patriots and the purists and the chauvinists are aware of”) (Newmark 1995: 26). Для новаторских экспрессивных текстов, пользующихся высокой репутацией, постулат естественности действует в модифицированной форме: не как таковая, а степень отклонения от нее считается критерием перевода. Так, если в оригинале есть отклонения от предсказуемых и естественных структур, то их следует воспроизвести и в переводе.

С позиции современной лингвистики текста типология, предложенная П. Ньюмарком, не выдерживает никакой критики, как и модель К. Райс. Однако мы рассмотрели ее немного подробнее, поскольку в англоязычных трудах по переводоведению мы постоянно сталкиваемся с приведенными терминами. Для объективной оценки системы правил П. Ньюмарка, прежде всего, необходимо уточнить следующее: даже при поверхностном рассмотрении приведенных приемов, правил и оценочных суждений ясно, что они, скорее всего, соответствуют вкусам, ценностным представлениям и ожиданиям европейской интеллигенции второй половины XX в. С поправкой на

это и следует судить об историческом и географическом масштабе их распространения.

2.4.7. От эйфории к эмпиризму

Популярным развлечением практикующих переводчиков и переводоведов было и остается «вбить» произвольный текст в систему машинного перевода (МП), чтобы потом посмеяться над результатом. С этой целью чаще всего подбирали тексты, о которых заранее было известно, что в силу их полисемантического характера машинный перевод не получится (Hutchins 2008). Зададимся более серьезным намерением и испробуем на деле некоторые системы машинного перевода, доступные онлайн: попробуем с их помощью перевести высказывание Р. Якобсона о равенстве в многообразии (см. выше раздел 2.1)[100].

Пример (17): Машинный перевод онлайн

ИТ: Equivalence in difference is the cardinal problem of language and the pivotal concern of linguistics.

InterTran[101]

Gleichwertigkeit in Mißhelligkeit ist die grundsätzlich Tücke über Programmiersprache und die zentral anbelangen über Linguistik (Эквивалентность в разница быть грамматический определенный член главный проблемаяние) от языки грамматический определенный член центральный касаться яние) от лингвистика)

Reverso[102]

Gleichwertigkeit in Unterschied ist das grundsätzliche Problem der Sprache und der Angelangelegenheit (Angelsorge) der Sprachwissenschaft (Эквивалентность в различии — это кардинальная проблема языка и основного предприятия лингвистики)

Yahoo babelfisch[103]

Gleichwertigkeit im Unterschied ist das hauptsächliche Problem Sprache und dem Angelinteresse von Linguistik (Эквивалентность в отличие яв-

[100] Дата обращения: 01.10.2011.

[101] http://www.tranexp.com: 2000/Translate/result.shtml

[102] http://www.reverso.net/text_translation.aspx?lang=DE

[103] http://ch.babelfish.yahoo.com/

ляется кардинальной проблемы языка и ключевую озабоченность лингвистики)

Babylon[104]

Gleichwertigkeit in Differenz ist der kardinal problem von Sprache und die zentrale Sorge der linguistik (эквивалентности в отличие является кардинальной проблемы языка и ключевой задачей лингвистики)

Google-переводчик[105]

Gleichwertigkeit in der Verschiedenheit ist das Kardinalproblem der Sprache und der zentralen Anliegen der Sprachwissenschaft (Эквивалентность в отличие заключается в кардинальной проблемы языка и ключевую озабоченность лингвистики).

Хотя онлайн-системы машинного перевода как упрощенные варианты профессионально используемых систем машинного перевода лишь с оговоркой способны продемонстрировать их способности, результат на удивление характерный и показательный в плане ловушек и стадий развития машинного перевода. Если над первыми примерами еще можно посмеяться, то последние два предлагают вполне понятные решения[106]. Со временем происходило усовершенствование систем. Ниже следует краткое описание процесса развития.

Как уже упоминалось выше, раннее переводоведение и теория машинного перевода имели одну общую иллюзию: представление, что посредством простого транскодирования возможно создать пригодный перевод. Концепция транскодирования в обеих дисциплинах основывалась на системном мышлении, иллюзии о наличии общего для всех языков tertium comparationis и вере в симметрию языков. При изучении машинного перевода добавилась еще одна конкретная историческая причина: первое поколение исследователей машинного перевода состояло преимущественно из сотрудников бывших секретных служб. Во время войны они занимались криптологией, их профессией были шифрация, т.е. кодирование, и дешифрация, т.е. декодирование, сообщений. Напрашивалась мысль применить похожие методы и в обращении с языком. Концепция

[104] http://übersetzung.babylon.com/

[105] http://translate.google.at/#

[106] О результатах, ожидаемых от систем машинного перевода онлайн, см. К. Штайнера (Steiner, Chr. 2011).

языка как системы кодов, а также средства проведения анализа, предоставленные с конца 1950-х гг. прежде всего генеративной грамматикой Ноама Хомского, казались подходящей основой. Как было показано на примере переводоведения, прощание с этой иллюзией для обеих дисциплин иногда было трудным, а для некоторых исследователей болезненным.

Если не принимать во внимание попытки, сделанные в 1930-е гг., то первые концепции развития машинного перевода обнаруживаются в беседах влиятельного вице-президента Рокфеллеровского фонда Уоррена Уивера с криптографом Эндрю Д. Бутом в 1946 г. (Hutchins/ Somers 1992: 5f.). Так называемый меморандум Уивера 1949 г. считается моментом зарождения машинного перевода. Два года спустя, в 1951 г., в Массачусетском технологическом институте появился первый исследователь — Йехошуа Бар-хиллель, а первая конференция по машинному переводу в 1952 г. положила начало лихорадочной исследовательской деятельности. Уже в 1954 г. Леон Достерт продемонстрировал в Джорджтаунском университете первый прототип переводческой машины. С сегодняшней точки зрения, эта программа была прямо-таки до смешного проста. Она включала в себя всего 250 слов и шесть грамматических правил. Тем не менее, успешная демонстрация прототипа вызвала бурную эйфорию, в открывшиеся шлюзы буквально хлынули деньги на исследования. Большую заинтересованность проявляли прежде всего военные. Это было видно уже по предлагавшимся языковым парам: английский — русский и английский — вьетнамский. В большинстве случаев действовали по принципу «методом проб и ошибок» (trial and error), проверяли различные подходы, но все они отталкивались от слова как единицы анализа и трансфера. Несмотря на различные попытки оптимизации (например, предварительное, производимое частично вручную разрешение лексической многозначности исходного текста или внедрение статистических параметров), очень скоро пришлось признать такой подход неадекватным. Сам Й. Бар-хиллель в своем исследовательском отчете 1960 г. сообщил о серьезных и существенных сомнениях по поводу намеченной в состоянии эйфории цели создания полностью автоматического машинного перевода высокого качества (Fully Automatic High Quality Machine Translation, аббревиатура FAHQMT) (Schwanke 1991: 71).

При тогдашних емкости памяти и скорости вычислений компьютеров справиться с основной проблемой разрешения семантической и синтаксической омонимии, кажущейся в перспективе решаемой только с учетом всей структуры текста и при обращении к энциклопедическим знаниям, ученые не могли. Так, предпринимались попытки решить эту проблему посредством ориентированного на поверхность синтаксического анализа и достичь прогресса с помощью улучшения программно-технического обеспечения, прежде всего модуляризации. В самый разгар бурной научно-исследовательской и опытно-конструкторской деятельности в 1966 г. внезапно появился отчет членов Консультативного комитета по автоматизированной обработке в языке (Automatic Language Processing Advisory Committee (ALPAC)), приглашенных инвесторами для оценки машинного перевода. В нем сухо констатировалось, что цель создания полностью автоматического машинного перевода высокого качества фактически недостижима и что в обозримый период времени перспективы рационального использования машинного перевода не существует. Кроме того, если принять в расчет высокие расходы на опытно-конструкторские работы, машинный перевод также оказывается экономически неэффективным. Последствия для американских исследований были фатальными и привели к тому, что основные направления исследования машинного перевода переместились в Канаду, Европу и Японию. В Канаде это в первую очередь был проект TAUM-Meteo, который из-за своей специализации на определенной тематической области, определенной языковой паре и определенном профессиональном языке (“sublanguage” (подъязык) по терминологии исследований МП) был в состоянии непосредственно производить пригодные переводы прогнозов погоды[107]. В Европе исследования ограничивались несколькими университетами (в частности, в Саарбрюккене) и крупными предприятиями (например, Сименс). Ведущую же роль в исследованиях МП бесспорно взяла на себя Япония.

В методическом отношении программы МП, разработанные вплоть до 1990-х гг., были основаны на так называемой модели трансфера, которая состояла из синтаксического и семантического анализа ИТ, трансфера на более или менее абстрактном уровне и соз-

[107] Вообще речь при этом шла о форме контролируемого языка.

дания ТП. Параллели с переводоведческой моделью транскодирования или с трехэтапной (трансформационной) моделью Ю. Найды, к которой мы еще вернемся (см. раздел 3.1.5.), очевидны. При решении проблем анализа языка, трансфера и синтеза представились в основном две возможные стратегии: включить семантические проблемы уже на раннем этапе синтаксического анализа или ввести семантический анализ после использования всех возможностей синтаксического анализа. Под влиянием языкового многообразия в Европе вернулись к концепции собственного «языка посредника», так называемой интерлингве (“Interlingua”) (см. Hutchins/Somers 1992: 73 и далее). По содержанию это поколение определялось уже накопленным Й. Бар-хиллелем опытом, что недостаточно только описать структуры и интегрировать данные описания в МП. Для интуитивного понимания текстовых связей нужно внедрить в МП необходимые знания о мире в форме структур знания. Процессы поиска оптимизировались посредством применения различных эвристических моделей, заимствованных из исследований искусственного интеллекта. Улучшения качества пытались достичь использованием контрольного языка у ИТ и с помощью различных приложений для переводчика. Для ИТ предлагалось предварительное редактирование (preediting), а для ТП — возможность постредактирования (postediting). Однако постоянно вставал вопрос о том, не превышают ли общие трудозатраты на предварительное и последующее редактирование расходы на ручной перевод. Слабой стороной всех прежних моделей было то, что даже в те времена, когда лингвистика развивалась в направлении к лингвистике текста и прагматике, они все еще оставались во власти концепций системной лингвистики. Переводческие ошибки, которые мы наблюдали в первых трех приведенных выше примерах, можно с относительной уверенностью приписать стратегии трансфера, основаннной на языковой модели системной лингвистики.

В 1990-е гг., когда персональный компьютер (ПК) и Интернет начали свое победное шествие, в исследованиях МП также произошли существенные изменения. Способность высокопроизводительных компьютеров обрабатывать и хранить бесконечное множество данных прокладывала дорогу машинному переводу, основанному на статистике (Statistical Machine Translation, аббревиатура SMT или

SBMT) и ставшего, по мнению Дж. Хатчинса (Hutchins 2008), преобладающим методом в первом десятилетии XXI в. В отличие от прежнего МП, основанного на правилах, для МП, основанного на статистике, не нужен был трудный анализ грамматических и лексических структур ИЯ и ПЯ. Необходимая для перевода информация могла быть получена с помощью расчета вероятности непосредственно из текстов. Если корпусы были достаточно большими и надежными, вероятность определенного языкового проявления можно было рассчитать относительно точно и использовать данный расчет для выбора конкретных возможностей интерпретации и формулировки (Hutchins 2008). В качестве корпусов предлагались переводы, выполненные в многоязычных институтах и транснациональных сообществах, например, протоколы канадского парламента или постоянно разрастающийся корпус переводов в ЕС. Включение же в статистическую оценку текстов из «Всемирной паутины» во много раз расширило текстовую основу.

У японского исследователя Макото Нагао возникла очевидная мысль, которая на фоне изучения МП, ориентированного на системную лингвистику и трансфер, воспринималась как новаторская: осуществляя МП, надо обращать внимание не только на правила трансфера и знание структур, но и, выражаясь метафорически, зорко следить за переводчиком. Его утверждение стало хрестоматийным:

> “Man does not translate a simple sentence by doing deep linguistic analysis, rather, ... first, by properly decomposing an input sentence into certain fragmental phrases ..., then by translating these phrases into other language phrases, and finally by properly composing these fragmental translations into one long sentence. The translation of each fragmental phrase will be done by the analogy translation principle with proper examples as its reference” (Nagao 1984: 178 и далее)[108].

Таким образом, метод заключается в том, что удачные переводы и их оригиналы объединяются в корпусы и те становятся источни-

[108] Ср. «Предложение переводят не способом глубокого лингвистического анализа, а скорее, …первоначально разбив вводимое предложение на определенные фразовые сегменты …затем переведя эти фрагменты пофразово на другой язык и, наконец, аккуратно составив из них одно длинное предложение. Перевод каждого фразового сегмента производится по принципу переводческой аналогии, с привлечением подходящих примеров». (*Пер. с англ. ред.*)

ком аналогичных решений. Программы МП, построенные по этому принципу, известны как МП, основанный на примерах (Example-based Machine Translation, аббревиатура: EBMT) (Somers 2003; Somers/Fernandez Diaz 2004). Специальное приложение Translation Memory, предназначенное для переводчиков, построено на том, что позволяет им возвращаться к своим прежним переводческим решениям и на их основе интерактивно разрабатывать новые решения. Самая свежая тенденция в МП, по-видимому, связана с развитием гибридных систем, которые пытаются комбинировать преимущества модели трансфера и статистических моделей.

Если на ранних этапах МП был абсолютно элитарным (разработками программного обеспечения занимались исключительно богатые организации, но даже они из-за высокой стоимости разработок ограничивались только так называемыми межнациональными языками), то с появлением МП, основанного на статистике и примерах, началась демократизация машинного продукта. С помощью новых технологий стало возможным разрабатывать программы МП и для так называемых языков меньшинств, например, баскского (Hutchins 2008). Последний шаг к демократизации был сделан посредством развития онлайн систем МП, которые многочисленные производители стали выставлять в сеть в надежде приобрести новых клиентов для своих программ. Так битва гигантов программного обеспечения развернулась и в МП.

Исследователи, участвовавшие в борьбе за новые рынки, обратили внимание на пользователей программ МП и потенциальные области дальнейшего применения МП. Полностью автоматический МП высокого качества по-прежнему оставался идеальным представлением о МП, к которому старались приблизиться с помощью оптимизации программ. С учетом этого фактора, а также постепенно возрастающей невосприимчивости МП к сбоям, Дж. Хатчинс (Hutchins 2005) дал реалистическую оценку потенциала МП, указав на функции разных типов, с которыми можно рационально использовать МП: диссеминацию, ассимиляцию и чередование. Под диссеминацией Дж. Хатчинс понимает возможность использования конечного продукта МП для публикации и/или для дальнейшей передачи, потому что он приблизительно соответствует критериям оценки качества перевода. Под ассимиляцией понимается использо-

вание конечного продукта МП только для получения информации, которое (при соответствующих фоновых знаниях) может быть обеспечено и переводом с лексическими или синтаксическими недостатками. Примерно половина выше процитированных онлайн-переводов вполне могла бы соответствовать этому критерию. Наконец, чередование — это использование МП для моментального перевода сообщений по электронной почте и для обмена информации в социальных сетях, в которых задействованы лишь немногие партнеры по коммуникации. Так как коммуникация преимущественно имеет неформальный характер, языковой корректности текста не придается значение. Перевод в этой функции считается адекватным до тех пор, пока он обеспечивает интенцию партнеров по коммуникации и не приводит к недопониманию. Функции ассимиляции и чередования в целом соответствуют критерию, который мы отнесли к понятию калькулируемой субоптимальности (Prunč 2000a, b; 2003b), так что им принадлежит законное место в палитре качеств переводов.

Позже к этим функциям добавились функции доступа к базе данных (database access) или поиска информации (information retrieval) и извлечения (extraction) (Hutchins 2008). В данном случае функция МП заключается в том, чтобы обеспечить, чаще всего в комбинации с другими технологиями переработки информации, раскрытие содержания и (неточное) понимание большого объема текста.

Таким образом, подводя итог, можно констатировать следующее. Стремительное развитие компьютерных технологий, прежде всего увеличение скорости процессора и объема памяти, стало фактором, сделавшим возможными те решения при машинном переводе, которые казались его основателям технически неосуществимыми. Одновременно с этим, первоначальная эйфория, не лишенная элитарности, по поводу возможности создания полностью автоматического перевода высокого качества уступила место взвешенной оценке потенциала и функциональной дифференциации переводов МП в переводческой реальности. С заменой технологий трансфера и МП, основанного на правилах, более эффективными концепциями МП, основанными на статистике, примерах и использовании уже имеющихся переводов, был открыт доступ к достижениям чаще всего анонимных переводчиков, что нашло отражение в используемых корпусах.

2.5. Мораль бесконечной истории

Даже если критерии эквивалентности и были, с одной стороны, упорядочены с помощью типологий текста, с другой — постепенно размыты более динамическими ее концепциями, ИТ и его структура, — как постоянно подчеркивала К. Райс, — по-прежнему оставались решающей величиной при оценке перевода. Наряду с другой подразумеваемой аксиомой: между ИТ и ТП должно существовать равенство функций. Благодаря двум этим аксиомам переводоведение, само того не осознавая, оставалось во власти романтической и позднеромантической европейской культурной модели.

Что вовсе не отменяет научную обоснованность нормативного переводоведения, ориентированного на эквивалентность[109]. Однако следует знать, что предлагаемые им подходы к решению проблем обусловлены временем и культурой и не надо пытаться обобщать их вне этих рамок. Дилемма прескриптивного переводоведения заключается в том, что оно одновременно и предписывает изучать те переводческие конвенции и нормы, которые само отчасти неосознанно заимствует из собственной культурной традиции и в формировании и культурном сохранении которых участвует, и пытается их обобщать.

Это не должно быть препятствием для практикующих письменных и устных переводчиков, живущих в данное время в данной культуре. Пока они работают в условиях, соответствующих переводоведению данного типа, они могут выработать собственные решения переводческих проблем, предполагаемых данной культурой. Это в первую очередь относится к переводу законов и директив в рамках Европейского Союза. Сегодня в переводческих агентствах европейского сообщества принцип эквивалентности переживает возрождение (ср. Koskinen 2000b), которое не представляется возможным на основе международного переводоведческого дискурса. Однако речь при этом идет уже не о наивном отношении сигнификантов и текстовых структур к идентичной, физической, психической и социальной реальности, познаваемой поверх культурных границ, а о созда-

[109] О реабилитации понятия эквивалентности ср. (van den Broeck 1978) и (Toury 1995: 61; Albrecht 1998), см. также указания на дополнительную литературу в конце главы.

нии нового транснационального мира смыслов.[110] В этом процессе конструирования смыслов наднациональные смысловые структуры отображаются и распространяются посредством новых терминологии, фразеологических сочетаний и моделей типов текста, порой навязываемых доминирующими языками (Schippel 2006). В интересах создания однородности, способствующей достижению тождества и выходящей за рамки одной культуры, нужно по-прежнему ставить в центр действующих переводческих норм принцип динамической эквивалентности и отсюда выводить критерии качества[111]. Однако для описания этих процессов существующих теорий эквивалентности недостаточно — их следовало бы заменить более актуальными моделями описания, ориентированными на культурологию.

Главная проблема переводоведения, ориентированного на эквивалентность, состоит в том, что с исторической точки зрения и на фоне глобальной коммуникации заданные рамки переводческих решений оказываются слишком узкими (Forstner 2000; Wilss (ed.) (2000); Wilss (ed.) 2003). Даже внутри европейских культур отдельные требования эквивалентности сложно привести к общему знаменателю. На динамично развивающемся глобализированном рынке переводческих услуг (Sprung (ed.) 2000; Forstner 2006) прескриптивные методы решения, с присущей им культурной и временной спецификой, заметно проигрывают в функциональности[112]. На практике отношение эквивалентности, представленное в сравнительном языкознании в качестве некой идеальной модели переводческого процесса, оказывается химерой, тогда как в межкультурном дискурсе его изобличают как «троянского коня» доминирующих культур.

В качестве шага для дальнейшего развития, которое вывело бы переводоведение из тупика, созданного теорией эквивалентности, можно было бы предложить следующие возможности:

---

[110] См. (Prunč 2011a).

[111] Парадокс политики ЕС в области перевода заключается в том, что сильный переводческий аппарат, созданный ради культурного многообразия как одной из основных ценностей Европейского Союза, имеет своей целью нейтральную культурную коммуникацию и способствует устранению культурных границ и стиранию (национально-) культурных признаков идентификации (см. Koskinen 2000 b: 85).

[112] См. публикации о форуме CIUTI (Постоянной международной конференции институтов письменного и устного перевода в составе университетов) (Forstner/Lee-Jahnke (eds.) 2004, 2006, 2008).

(а) допустить возможность смены функции между ИТ и ТП и найти в существующей системе ценностей более адекватные критерии для упорядочения и соподчинения противоречащих друг другу требований эквивалентности;
(б) выйти за рамки собственной культуры и расширить кругозор, обнаружив другие критерии отношений;
(в) сделать предметом обсуждения психофизическую, культурную и социальную обусловленность перевода и переводчиков.

Прежде чем очертить эти линии развития, необходимо осветить переводческую концепцию, созданную в американской лингвистике в связи с новым пониманием христианской миссионерской деятельности и перевода Библии.

Дополнительная литература

Дискуссия об эквивалентности

Wilss (1975); Koller (1978b); van den Broeck (1978); Kußmaul (1986: 224); Gardt (1989); Snell-Hornby (1990); Pym (1992: 37ff.); Koller (1995); Snell-Hornby/Kadrić (eds.) (1995: 13ff.); Pym (1995b); Toury (1995: 61); Halverson (1997); Pym (1997a); Wotjak (1997);

Wotjak/Schmidt (eds.) (1997); Gallagher (1998); Anderman/Rogers (eds.) (2003); Chesterman (2007); Hebenstreit (2008, 2009); Pym (2009, 2010a, b).

Машинный перевод

Wilss/Schmitz (eds.) (1987); Schwanke (1991); Luckhardt/Zimmermann (1991); Balkan (1992); Cormier (ed.) (1992); Hutchins/Somers (1992); Wilss (1993a); Schwanke (1994); Bernhard (1994); Arnold/Balkan et al. (1994); Clarc (1994); Sager (1994); Vasconcellos (1994);

Hauenschild/Heizmann (eds.) (1997); Hutchins (ed.) (2000); Krings (2001); Bowker (2002); |Carl/Way (eds.) (2003); Nierenburg/Somers/Wilks (eds.) (2003); Somers (ed.) (2003); Schwanke (2005); Hutchins (2005);

Reineke/Schmitz (eds.) (2005); Quah (2006); Yuste Rodrigo (ed.) (2008); Goutte/Cancedda et al. (eds.) (2009); Ramlow (2009); Wilks (2009);

Hutchins [2011].

Переводоведение и сопоставительная лингвистика

Brower (ed.) (1959); Catford (1965); Brower (ed.) (1966); Bausch (1970); Bausch/Gauger (eds.) (1971); Albrecht (1973); Wilss/Thome (eds.) (1974); House (1977); Barchudarow (1979); Poulsen/Wilss (eds.) (1980); Stein (1980); House (1981); Kühlwein et al. (eds.) (1981); Švejcer (1987); Malone (1988); Bell (1991); Schmitt, Chr. (ed.) (1991); Baker (1992); Malmkjær (1993); Baker (1995); Fawcett (1997); House (1997); Börner/Vogel (1999); Albrecht (2001); Albrecht/Gauger (eds.) (2001); Albrecht (2005); Malmkjær (2005a, b); Mossop et al. (2005); House/Koller/Schubert (eds.) (2004); Neubert (2007); Thome (2011).

Сопоставительная стилистика

Vinay/Darbelnet (1958); Malblanc (1961, 1984, 2002); Vernay (1984); Stolze (1994: 59–66); Vinay/Darbelnet (1995); Clas (1999); Brini (2000); Jostes (2001); Malblanc (2002).

Лейпцигская школа

Kade (1963; 1968a, b); Neubert (ed.) (1968); Neubert (1973a, b);

Neubert/Kade (eds.) (1973); Kade (1980); Neubert (1983, 1985; 1986); Neubert/Jäger (eds.) (1988); Neubert (1991, 1996, 1997, 1999); Schmitt, P.A. (ed.) (2000); Wotjak (2000); Neubert (2005); Wotjak (ed.) (2006);

Neubert (2007); Wotjak (ed.) (2007); Garcia Bernardo (2010).

3. Послание и толкование

В своем главном труде «Первобытная культура» основатель современной этнологии Эдуард Бёрнетт Тайлор (1832–1917) определил культуру как

> «совокупность знаний, верований, искусства, нравственности, законов, обычаев и всех других способностей и привычек, усвоенных человеком как членом общества» (1995: 15).

Таким определением Э.Б. Тайлор еще мог шокировать своих викторианских современников, считавших свою систему нравственности, религии, знаний и искусства общепринятой и обязательной. Однако чем больше сужались временное и локальное измерения коммуникации, чем интенсивнее становились контакты между отдельными культурами, тем острее ощущалась необходимость осознать относительность культурных систем. Среди возможных контактов между культурами христианское миссионерство, с европейской точки зрения, занимает особое место.

3.1. Перевод и миссионерский подход

Для начала обозначим проблематику христианского миссионерства с помощью двух наглядных примеров:

Примеры (18): Практика миссионерства и культура

(1) Пытаясь донести Евангелие до так называемых дикарей, христианские миссионеры порой сами себя загоняли в неприятную ситуацию. Чтобы проповедовать Слово Божие на языках коренных жителей американского континента, миссионеры были вынуждены искать надежных информантов, которые могли подобрать на основании семантических описаний в своем родном языке слова, соответствующие ключевым христианским понятиям. «Дикари», однако, обладали чувством юмора. Они не упускали возможности подшутить над миссионерами и подсказывали им при удобном случае непристойные слова, которые «святые отцы» затем использовали в проповедях и других религиозных текстах, вызывая всеобщее веселье публики (Bitterli ^{2}1991: 116).

(2) Как-то миссионер попытался перевести на язык одного из племен амазонских индейцев слово Евангелие — с греч. eu-angelion, благая весть, нем. Frohbotschaft, англ. Good news. Он обратился с просьбой к информанту подобрать на своем языке слово, которое выражает высшее и самое глубокое ощущение счастья. При более подробном разъяснении выяснилось, что предложенное слово передает психическое состояние воина, который с азартом охотника выследил врага и понимает, что теперь только его умелое владение луком и стрелами поможет убить противника. Миссионер оказался в ловушке мнимой языковой эквивалентности. Высокое положительное значение этого слова объясняется его включенностью в систему ценностей воинственной культуры, в которой убийство врага имело большую престижную значимость (Nida 1977: 213)[113].

Анекдотичное изображение практики христианского миссионерства на американском континенте, приведенное в примере (1), и конфликт ценностей, который очевиден в примере (2), затрагивают один важный момент. Недоразумения и культурные конфликты, спровоцированные христианской миссией, объясняются глубокой несовместимостью интеллектуального наследия христианства и систем ценностей тех культур, которые следовало «интегрировать» в культуру и цивилизацию Запада, проповедуя Евангелие. Поэтому в преддверии миссионерской деятельности с проблемой культурной привязанности текстов Библии столкнулись, прежде всего, переводчики Библии.

В начале XVIII в. были основаны различные библейские общества[114], целью которых стал перевод и распространение Библии[115].

[113] Этот пример не нацелен на то, чтобы сформировать впечатление о неевропейских и нехристианских культурах как о «нецивилизованных» и воинствующих, и, напротив, о европейских культурах как о цивилизованных и мирных. Достаточно вспомнить те бесчеловечные поступки, которые совершались в европейских культурах во имя христианства. Такие неудачные эвфемизмы, как „Endlösung“ (окончательное решение еврейского вопроса — термин из национал-социалистического словаря правительства Третьего рейха, под которым подразумевалось массовое уничтожение еврейского населения Европы. — *примеч. ред.*) и „Säuberung“ (этническая чистка), имеют сугубо европейское происхождение.

[114] Самое первое библейское общество было основано в 1710 г. бароном фон Канштайном в немецком городе Галле. За ним последовали многочисленные национальные библейские общества. Однако самым известным среди них стало *Британское и Иностранное библейское общество, основанное в 1804 г.* На сегодняшний день библейские общества на экуменической основе объединены во *Всемирный союз библейских обществ*.

[115] В 1804 г., когда было основано Английское библейское общество, Библия была переведена всего лишь на 72 языка, в 1940 г. уже на 1000 языков, в 1945 г. — на 1064

Одному из них, Американскому библейскому обществу, в 1943 г. удалось привлечь в ряды своих сотрудников молодого ученого (Balliu 1996: 11), который позднее разработал теоретические основы для перевода Библии в духе протестантского миссионерского движения. Это был Юджин А. Найда, заложивший своей монографией “Toward a Science of Translating” (1964, ^{2}2003a) фундамент переводоведения как самостоятельной дисциплины[116]. С помощью сжатого обзора идей Ю. Найды вернемся к началу переводоведения и обозначим линию развития, в рамках которого формировалось понимание культурной обусловленности переводческих процессов.

Научный подход Ю. Найды развивался под влиянием американской антропологической лингвистики и этнографии, которые с 1930-х гг. занимались изучением языков североамериканских индейцев. В ходе данных исследований было установлено, что грамматические и семантические категории, характерные для большей части европейских, в первую очередь индогерманских, языков, отсутствуют в некоторых неевропейских языках (ср. Nida 1947). Так, к примеру, в языке индейского племени хопи отсутствует категория времени. Вместе с тем в нем есть категория длительности: каждый феномен может быть классифицирован в зависимости от того, является ли он чем-то долговечным (камень, гора) или всего лишь временным явлением (шаг, облако). Антропологическая лингвистика позволила установить связь между выявленными языковыми отличиями и различиями в восприятии окружающей действительности и жизненном опыте, а также исследовать подобные языковые феномены в междисциплинарном ракурсе[117].

Сторонники так называемого лингвистического релятивизма, главными представителями которого считаются Эдвард Сепир и Бенджамин Ли Уорф, выдвинули в связи с этим гипотезу о том, что человеческое мышление в значительной степени определяется язы-

---

языка (Nida 1945: 195); в 1966 г. Ю. Найда писал о переводах Библии на 1109 языков (Nida 1966: 11). По некоторым данным, в общей сложности в период с 1945 по 1990 г. Библия была переведена на 1910 языков (Smalley 1991: 34). В 1970-е гг. библейские общества спонсировали переводы почти на 550 языков, на которых разговаривает около 80% мирового населения (Nida 1974a: 1).

[116] О научных достижениях и личности Ю.А. Найды см. Black/Smalley (1974), Gentzler (1993: 44–48), Balliu (1996), Dimitriu/Shlesinger (eds.) (2009), особенно Dollerup (2009).

[117] См. Hymes (ed.) (1964), Smith (ed.)(1966), Steger (ed.) (1982), прежде всего Hymes (1982a, b).

ком[118]. Р. Якобсон, как известно, выступал против позиции, согласно которой языковые сообщества и носители языка создают соответствующие средства для адекватного языкового освоения действительности там, где это представляется им релевантным[119]. Однако даже если с теоретической точки зрения возражение Р. Якобсона оказывается правильным, то с эмпирической точки зрения все же нельзя игнорировать тот факт, что устоявшиеся языковые средства позволяют создавать, оформлять, членить и оценивать жизненную реальность. Иными словами, существование бесспорной корреляции между человеческим мышлением, чувствованием и действиями, с одной стороны, и языком, с другой, очевидно. Язык, несмотря на теоретическую возможность метаязыковой рефлексии, является, прежде всего, сложившейся знаковой системой, в которой культурный опыт сообщества оставляет определенный след, передается от поколения к поколению и, тем самым, определяет современные образцы мышления и поведения. В такой менее категоричной форме гипотеза языковой относительности встречается и в современной научной дискуссии, прежде всего, в культурологии[120].

Перед Ю. Найдой стояла, вероятно, созвучная целям миссионерского движения задача — разработать концепцию и методы, которые позволят не только сохранить послание Евангелия, но и донести его до объектов миссионерства, достигнув желаемого воздействия. Главными барьерами, которые при этом предстояло преодолеть, были язык и культура воспринимающих сообществ.

3.1.1. Барьеры и мосты

Обращение к языку как к культурно-специфическому понятию отмечается уже в первой статье Ю. Найды, опубликованной в 1945 г., в которой сделано программное заявление:

---

[118] О Сепире см. Mandelbaum (ed.) (1949). Английский вариант собрания сочинений Беньямина Л.Уорфа, см. Carrol (eds.) (1956); немецкое издание Whorf (1963, 2008). См. также Trager (1959) и Fishman (1960), Cooper/Spolsky (eds.)(1991), прежде всего Macnamara (1991). Наглядный обзор гипотез Уорфа и искренний пенгирик в его честь предлагают Lakoff (1987: 328–330) и Agar (1994).

[119] Ср. косвенную ссылку на Р. Якобсона у Nida/Taber (1969b: 4): *“Anything, that can be said in one language can be said in another, unless the form is an essential element of the message.”* Аналогично Nida (1974a: 17).

[120] Например, в кн.: Hansen, K.P. (1995: 62ff.); Harris, M. (1989: 436–451) и Bachmann-Medick (2006).

"Languages are basically a part of culture, and words cannot be understood correctly apart from the local cultural phenomena for which they are symbols"[121] (Nida 1945: 207).

Язык, констатирует Ю. Найда, представляет собой системно организованное множество символов, причем как установление связи между символом и окружающей действительностью, так и предварительное сегментирование этой действительности являются по своей природе произвольными процессами (Nida 1959/1966: 13). Поэтому едва ли найдется пара языков, которые организуют свои символы в осмысленные высказывания одним и тем же способом. Следовательно, перевод нельзя сводить к поиску в языке перевода эквивалентов, в точности соответствующих моделям исходного языка. Каждый перевод, напротив, предполагает потерю информации (loss of information), добавление информации (addition of information) и преобразование информации (skewing of information) (Nida 1966: 13). Перевод, будучи особым случаем коммуникации, представляет собой процесс, в котором, вследствие языковой асимметрии, невозможно достичь абсолютной идентичности между ИТ и ТП. Несмотря на такое принципиальное ограничение, переводчик, согласно позиции Ю. Найды, всегда должен стараться передать смысл, заложенный в тексте, выбирая при этом в языке перевода максимально похожий естественный эквивалент.

"Translating consists in reproducing in the receptor language the closest natural equivalent of the source-language message, first in terms of meaning and secondly in terms of style" (Nida/Taber 1969b: 12)[122].

[121] Ср. «Языки в основе своей есть часть культуры, и слова не могут быть поняты верно в отрыве от явлений местной культуры, символами которых они выступают» (*Зд. и далее в разделе пер. с англ. на русский ред.*)

[122] Ср. перевод на русский язык: «Перевод состоит в том, чтобы воспроизвести на принимающем языке наиболее близкое естественное соответствие сообщению на исходном языке, во-первых, по смыслу, во-вторых, по стилю». Ср. интерпретирующий немецкий вариант словосочетания closest natural equivalent в переводе В. Вилсса: «Роль получателя как решающей величины в переводческом процессе неизбежно приводит к другому, отличному от принятого до сих пор, определению перевода. Теперь переводческий процесс можно определить как "воспроизведение сообщения, созданного на ИЯ, средствами языка перевода, при котором между исходным текстом и текстом перевода обеспечивается равновесие воздействия, оптимальное, в первую очередь, в семантическом плане, и лишь во вторую, в стилистическом (closest natural equivalent)"» (Nida 1981: 144; оригинал опубликован в Dil (ed.) 1982: 79–101); немецкий перевод в Nida/Taber (1969a); ср. также Nida (1959/1966: 19).

Тем не менее, чтобы передать содержание исходного сообщения, с позиции Ю. Найды, не только правомерно, но в определенных случаях даже «в высшей степени желательно» изменять формальную структуру текста:

> "This means that certain rather radical departures from the formal structure are not only legitimate but may be highly desirable" (Nida/Taber 1969b: 13)[123].

Ведь буквализм при переводе может привести в определенных случаях к искажению смысла, поскольку каждый язык, хотя и охватывает мир опыта посредством символов, членит этот мир специфическим образом (Nida/Taber 1969b: 9).

3.1.2. Форма и формирование

Библия считалась в европейской традиции «священным» и неприкосновенным текстом[124]. Ю. Найда и его соавторы сначала указали на то, что так называемые священные языки тоже подчиняются закономерностям естественных языков и тоже культурно обусловлены, как и языки перевода, на которые переводилась или будет переводиться Библия. Текст Библии, независимо от статуса «священных языков», должен быть понятным целевой аудитории, поскольку писавшие Библию вряд ли намеревались создать загадочный текст, а, скорее, рассчитывали на определенную аудиторию с ее интерпретационными возможностями, представлениями и ожиданиями (Nida/Taber 1969b: 7 и далее).

Чтобы отграничиться от преобладавших при переводе Библии стратегий, ориентированных на поверхностные структуры текста,

---

[123] Ср. «Это значит, что определенные и весьма существенные отклонения от формальной структуры не только правомерны, но и в высшей степени желательны».

[124] В отношении Библии вплоть до Реформации был широко распространен запрет на перевод с так называемых священных языков. Для иудеев это был иврит, католическая церковь ограничилась ивритом, арамейским, греческим и латинским языками, провозгласив их священными. Однако такие языки, как сирийский, армянский и готский были допущены (см. Sawyer 1999). «Славянским апостолам» Кириллу (ум. 869) и Мефодию (ум. 885) удалось возвести церковнославянский язык в статус «священного языка». После церковного раскола в 1054 г. церковнославянский стал дифференцирующим признаком между Западной и Восточной церковью (Sawyer 1999: 170). Только после Реформации удалось окончательно пробить запрет на перевод на «народные языки».

Ю. Найда провел терминологическое разграничение между формальной и динамической эквивалентностью. Согласно мнению Ю. Найды, формальная эквивалентность имеет место, когда перевод вплотную следует за ИТ и передает его элементы главным образом с помощью формально корреспондирующих средств. В отличие от этого, динамическая эквивалентность имеет место, когда переводчик встраивает переводимый текст в контекст целевой культуры, сохраняя не только смысл ИТ, но и его воздействие на адресата целевой культуры. Таким образом, формальная эквивалентность означает, что при переводе ориентирами служат отдельные элементы поверхностной структуры текста. Формальная эквивалентность предполагает установление более или менее линейных отношений между поверхностными структурами ИТ и их соответствиями в ТП:

> "Formal equivalence focuses attention on the message itself, in both form and content. In such translation one is concerned with such correspondences as poetry to poetry, sentence to sentence, and concept to concept. Viewed from this formal orientation, one is concerned that the message in the receptor language should match as closely as possible the different elements in the source language"[125] (Nida 1964: 159).

Однако для адекватной передачи сообщения в другом культурном контексте одних только формальных соответствий, как правило, недостаточно. Чтобы достичь цели равнозначного по воздействию перевода, необходимо адаптировать языковые структуры к «гению» языка перевода (Nida/Taber 1969b: 3). Если перевод вызывает у целевой группы такую же реакцию, как и оригинал у своих читателей, то можно говорить о динамической эквивалентности:

> "Dynamic equivalence is therefore to be defined in terms of the degree to which the receptors of the message in the receptor language respond to it in substantially the same manner as the receptors in the source language. This response can never be identical, for the cultural and historical settings are too different, but there should be a high degree of

[125] Ср. «Формальная эквивалентность сосредоточена на самом сообщении, его форме и содержании. Следуя ей, переводчик занят поиском таких соответствий, как соответствие стиха стиху, предложения предложению, понятия понятию. С точки зрения формальной эквивалентности, переводчик озабочен тем, чтобы сообщение на принимающем языке как можно более точно соответствовало различным элементам на языке исходном».

equivalence of response, or the translation will have failed to accomplish its purpose"[126] (Nida/Taber 1969b: 24).

Для начала проиллюстрируем различие между формальной и динамической эквивалентностью в понимании Ю. Найды с помощью некоторых примеров из переводов Библии.

3.1.3. Слово и следствие

На первом этапе интерес Ю. Найды сосредоточен, прежде всего, на различиях между языковыми и культурными системами, между которыми предстояло построить мосты с помощью перевода Библии. Такие различия, как отметил еще Р. Якобсон, могут возникать из-за наличия или отсутствия отдельных грамматических, семантических и синтаксических категорий, а также из-за их функциональных особенностей. Организация дискурса тоже может существенно отличаться в зависимости от языка и культуры[127]. Ю. Найда считает адаптацию текста перевода к соответствующему культурному контексту, как правило, обязательной, если необходимо достичь динамической эквивалентности (Nida/Taber 1969 a: 112).

Примеры (19): Языковые структуры, форма дискурса и динамическая эквивалентность

(1) В языках, в которых отсутствует категория пассива, в заповеди «Не судите, да не судимы будете» (Mat. 7.1) (ср. Мат. 7,1. — *примеч. ред.*) приходится эксплицировать агенса: «Не судите, да Бог не будет вас судить» (Nida 1945: 205).

[126] Ср. «Следовательно, динамическую эквивалентность следует определить как значительную степень соответствия между тем, как реагируют на сообщение его получатели на принимающем языке, и тем, какую реакцию вызывает оно у получателей на исходном языке. Эта реакция, ни при каких обстоятельствах, не бывает одинаковой, в силу культурных и исторических различий, но в ней должна присутствовать высокая степень эквивалентности, иначе перевод нельзя считать достигшим своей цели».

[127] Ю. Найда различает восемь универсалий дискурса (*universals of discourse*): первая группа сигнализирует строение дискурса: (1) часто формульные обращения в начале и конце и (2) формализованные переходы внутри дискурса. Вторая группа относится к распределению событий и объектов с позиций (3) временного, (4) пространственного и (5) логического аспектов. Оставшиеся служат (6) идентификации участников дискурса, предлагают средства для (7) акцентирования и вытеснения отдельных элементов (*highlighting and backgrounding*) а также для воспроизведения (8) присутствия автора и его ссылки на описанные события и положения дел. (Nida/Taber 1969b: 132, 153).

(2) В некоторых языках двойное отрицание позволяет выразить положительное высказывание, в других языках таким способом усиливается отрицание (Nida/Taber 1969b: 113 и далее).

(3) Союз και, который передается в Вульгате, как правило, с помощью et, использовался в греческом койне под влиянием ивритского союза *waw* для маркирования перехода в дискурсе (discourse transition marker), к примеру, в первой главе Евангелия от Марка, где 26 предложений начинаются с этого союза, или в притче о блудном сыне в Евангелии от Луки (Luk. 15.11–32) (ср. Лук. 15,11–32. — *примеч. ред*.), где с помощью союза και осуществляется членение рассказа. Буквальное копирование такого маркера членения текста, например, с помощью английского and, будет восприниматься неестественно, «по-детски» (Nida/Taber 1969b: 14 и 137).

(4) В языке ширьяна, на котором говорят ок. 1000 представителей коренного населения северной части бразильских джунглей, по словам Ю. Найды, в конце каждого высказывания необходимо сигнализировать с помощью соответствующей частицы, является ли говорящий очевидцем рассказанного, услышал ли он об этом от авторитетного человека, либо другого надежного источника, или же оценивает описываемую ситуацию как невероятную. Поэтому при переводе Библии на этот язык по сути следовало бы учесть тот факт, что согласно преобладающей позиции среди теологов (на момент публикации настоящей книги) только Матфей и Иоанн могут рассматриваться в качестве очевидцев соответствующих событий, поскольку Лука опирался на письменные и устные источники. Ю. Найда отмечает, что статус Марка неясен (Nida 1974a: 17). Аналогичное языку шириана дифференцирование, по словам Ю. Найды, встречается в языке гуаика в Венесуэле (Nida/Taber 1969b: 116).

На лексическом уровне различия, связанные с экологическими условиями, а также материальной, социальной и религиозной культурой, отражаются в семантической структуре отдельных слов и словосочетаний (idioms). Тем не менее культурный перенос по принципу динамической эквивалентности можно осуществить, если подобрать элемент, имеющий в целевой культуре подобную значимость.

Примеры (20): Перенос с помощью динамической эквивалентности, согласно представлениям Ю. Найды

(1) Английскому to have faith в цельтальском языке майя будет соответствовать фраза, которую можно перевести на английский как to hang onto God with your heart. В основе данного выражения лежит языковой образ, заимствованный из растительного мира джунглей, в котором вьющиеся растения-паразиты практически неразрывно связаны с растением-хозяином (Nida/Taber 1969b: 106).

(2) Фигуральное значение лексемы «сердце» передается на многочисленные африканские языки с помощью слова «печень», которая считается местом обитания духа и души (Nida/Taber 1969b: 107). В иврите в этой функции могут выступать почки, а на языке майя живот (Nida 1974a: 17 и далее).

(3) Отпущение грехов можно передать на шиллук, один из языков Судана, фразой «Бог плюет перед тобой на землю». По словам Ю. Найды, плевание имеет в этой культуре особое значение. Ее представители, желая выразить восхищение перед собеседником, обхватывают руками его голову и символически плюют на нее (ср. культурную функцию символического плевка «тьфу-тьфу-тьфу» у актеров). Плевание на землю символизирует в культуре народа шиллук правовой акт. Две спорящие стороны плюют друг перед другом на землю, подтверждая тем самым окончание тяжбы. В европейских культурах подобное действие будет воспринято как оскорбление (Nida 1974a: 13).

Приведенные примеры демонстрируют ограниченность перевода, осуществляемого по принципу динамической эквивалентности, в отношении языка перевода и целевой публики. Эта ограниченность становится очевидной, когда текст перестает быть понятным или когда перевод вызывает нежелательные представления.

3.1.4. Экзегеза и перевод

С позиции Ю. Найды, ИТ ограничивает возможности динамической эквивалентности в тех случаях, когда отдельные элементы материальной и духовной культуры исходного языка являются неотъемлемым компонентом библейского послания и его символики.

Примеры (21): Культурно-специфические элементы и христианская символика

(1) Библейский образ Agnus Dei, Агнец Божий, будет непонятным в культурах, которым не знаком ягненок. В языке эскимосов этому образу может соответствовать seal of God, тюлень Божий (de Waard/Nida 1986: 38). Однако, поскольку образ ягненка является неотъемлемой частью всего библейского дискурса, его лучше не менять, а объяснить в примечании (см. также Nida 1966: 30)[128].

[128] Такую адаптацию, которая часто цитируется вслед за Ю. Найдой как классический пример динамической эквивалентности, сам Ю. Найда в своих поздних работах обозначает как «апокрифическую» (*apocryphal*) (см. его интервью в *Language International* 1996, 1998: 6, 9).

(2) Аналогичная ситуация возникает в отношении просьбы в молитве «Отче наш»: «хлеб наш насущный подавай нам на каждый день» (Luk. 11.3) (ср. Лук. 11, 3. — *примеч. ред*). В культурах, в которых хлебу по своей культурной значимости соответствует, к примеру, рыба или рис, просьба в молитве «Отче наш» должна быть, в принципе, сформулирована с учетом этой культурной специфики.

(3) Представление о мужчине, несущем кувшин воды (Mark. 14.13, Luk. 22.10) (ср. Марк. 14,13, Лук. 22, 10. — *примеч. ред.*), вызовет у индейских тотомаков недоумение, поскольку в соответствии с их картиной мира это типично женская работа (Nida 1945: 201).

(4) Описание въезда Иисуса в Иерусалим, о котором в Евангелии от Луки (Luk. 19, 36) (ср. Лук. 19, 36. — *примеч. ред.*) написано следующее: когда Иисус начал спускаться с горы Елеонской, «они постилали одежды свои по дороге», — в западноафриканских культурах будет расцениваться как оскорбление, а не как преклонение, поскольку в этих культурах принято тщательно подметать дорогу перед почитаемыми гостями (Nida 1974a: 14; см. Nida/Taber 1969b: 111).

В подобных случаях переводчику остается только использовать различные формы комментирования, в частности, примечания на полях, сноски, глоссарии, предисловие или послесловие (Nida/Taber 1969b: 111). Как выбор символов, которые представляют определенную ситуацию, так и фрагмент внеязыковой действительности, которая обозначается этими символами, а также ценности, связанные с ними, определяются не только языком, но и, прежде всего, культурой. Постулат равенства воздействия ИТ и ТП, согласно принципу динамической эквивалентности, обусловил смещение интереса с ИТ на получателя ТП и его культуру [129].

3.1.5. Трехшаговая модель

Если необходимо донести (христианское) послание до носителей целевой культуры, то, согласно Ю. Найде, следует приподнять языковой и культурный занавес, за которым скрывается непосредственное послание:

[129] Терминологическое выражение подобного смещения центра тяжести, согласно Ю. Найде, должно было заменить термин «*язык перевода*» на термин «*реципирующий язык*» или «*принимающий язык*» (*receptor language*). В немецком языке этот термин не прижился.

> “The translator must be a person who can draw aside the curtains of linguistic and cultural differences so that people may see clearly the relevance of the original message”[130] (de Waard/Nida 1986: 13).

Иными словами, переводческий процесс должен протекать следующим образом:

> «Компетентный переводчик не переходит напрямую от поверхностных структур ИТ к поверхностным структурам ТП, а выбирает своего рода обходной путь, который ведет от анализа исходного текста через перенос к переструктурированию текста с помощью средств ПЯ»[131] (Nida 1981: 124).

Для этой цели Ю. Найда предложил следующую трехшаговую модель:

- анализ (analysis);
- перенос (transfer);
- переструктурирование и синтез (restructuring) (см. Nida/Taber 1969b: 33).

Анализ и синтез являются обратными по отношению друг к другу процессами. В ходе анализа на основании контекста решается проблема семантической многозначности, поверхностный уровень исходного текста членится на составляющие элементы и упрощается с помощью трансформаций до ядерных структур (kernels, kernel sentences). Такие упрощенные структуры можно относительно легко перенести на язык перевода. После переноса на ПЯ, который осуществляется переводчиком скорее на интуитивном уровне, из перенесенных структур снова составляется целостный текст по правилам языка перевода. Как на этапе анализа, так и на этапе синтеза необходимо учитывать:

- смысловую и характерную для данного языка связь между словами и комбинациями слов;
- референциальные значения отдельных слов и комбинаций слов, т.е. их соотнесенность с действительным или воображаемым миром;

[130] Ср. «Переводчик — тот, кто умеет освободить исходное сообщение от пелены языковых и культурных различий и показать людям его значимость».

[131] Перевод О. Кашкиной.

- коннотативные значения, т.е. такие отношения, которые носители языка могут устанавливать между словами и комбинациями слов, с одной стороны, и индивидуальным или коллективным опытом, установками и ценностным отношением, с другой стороны (см. Nida/Taber 1969b: 34).

Переводчик никогда не должен забывать, что языковые формы являются всего лишь средством достижения цели, а не самоцелью. То самое важное, что необходимо обязательно сохранить, и является смыслом текста. Языковые формы, за исключением некоторых исключительных случаев, взаимозаменяемы. Согласно одной из часто цитируемых метафор Ю. Найды, собираясь в поездку, можно упаковать одежду в чемоданы разного размера. Способ упаковки вещей должен соответствовать форме чемодана. Самое главное при этом, чтобы одежда была доставлена до места назначения в отличном состоянии (см. Nida/Taber 1969b: 105 и далее).

3.1.6. Целевые группы

Проиллюстрируем проблему формальной и динамической эквивалентности, а также обращения с культурно-специфичными элементами с помощью библейской истории об Иисусе и Самарянке.

Пример (22): Иисус и Самарянка (Joh. 4, 7–8) (см. Иоан. 4,7–8. – *примеч. ред.*)

1	Erat autem ibi fons Jacob.	Dort war der Brunnen Jakobs. *Там был колодец Иакова.*	Dort befand sich der Jakobsbrunnen. *Там находился колодец Иакова.*
2	Iesus ergo fatigatus ex itinere, sedebat sic supra fontem.	Jesus nun, müde von der Wanderung, setzte sich so (wie er war) am Brunnen nieder. *Иисус же, уставший от пути, опустился (как он был) у колодца.*	Jesus war müde von der Reise und setzte sich daher an den Brunnen. *Иисус устал с дороги и сел поэтому у колодца.*
3	Hora erat quasi sexta.	Es war ungefähr die sechste Stunde. *Было примерно шесть часов.*	es war um die sechste Stunde. *Было около шестого часа.*
4	Venit mulier de Samaria haurire aquam.	Da kommt eine Frau aus Samaria, um Wasser zu schöpfen. *Тут приходит женщина из Самарии, чтобы набрать воды.*	Da kam eine samaritische Frau, um Wasser zu schöpfen. *Тут подошла самарянская женщина, чтобы набрать воды.*

5	Dicit ei Iesus: Da mihi bibere. ...	Jesus sagt zu ihr „Gib mir zu trinken“ ... *Иисус говорит ей: «Дай Мне пить» ...*	Jesus sagte zu ihr: Gib mir zu trinken! ... *Иисус сказал ей:* *Дай Мне пить*! ...
6	Dicit ergo ei mulier illa Samaritana:	Da sagt die Samariterin zu ihm: *Тут говорит Самарянка ему*:	Die samaritische Frau sagte zu ihm: *Самарянская женщина сказала ему*:
7	Quomodo tu Iudaeus cum sis, bibere a me poscis, quae sum mulier Samaritana?	„Wie kannst du, ein Jude, von mir, einer Samariterin, zu trinken verlangen? *«Как можешь ты, иудей, требовать от меня, самарянки, пить?»*	wie kannst du als Jude mich, eine Samariterin, um Wasser bitten? *Как можешь ты, будучи иудеем, просить у меня, самарянки, воды*?
8	non enim coutuntur Iudaei Samaritanis.	[Juden verkehren nämlich nicht mit den Samaritern.] *Ибо иудей не общается с самарянами.*	Die Juden verkehrten nämlich nicht mit den Samaritern *Ведь иудеи не общались с самарянами*
9			[Примечание:] другой вариант перевода: Die Juden benutzten nämlich nicht dieselben (Gefäße) wie die Samariter. *Ведь иудеи не пользовались посудой самарян.*
10	Nestle 238 и далее	HE 99	EÜ 1199

При сравнении Библии издательства Гердера (HE[132]) с немецким экуменическим переводом Библии (Einheitsuebersetzung) (EÜ[133]) видно, что в первом случае (HE) перевод скорее нацелен на сохранение формальной эквивалентности, а экуменический перевод в большей степени ориентирован на постулат о переводе по принципу динамической эквивалентности. Так, например, в гердерском издании Библии причастная конструкция в (2) и исторический презенс в примерах (3), (4) и (5) используются вслед за исходным латинским текстом, а в экуменическом переводе употреблен претерит, типичное для немецкого языка время рассказа о прошедших событиях. Рассмотрим эту библейскую легенду, исходя из культурного аспекта. Для понимания ее очень важно иметь представление о природно-географической обстановке: о палящей жаре и острой нехватке воды, которая превращает колодец в один из центральных объек-

[132] Аббревиатура Herdersche Bibelausgabe. (*Примеч. ред.*)
[133] Аббревиатура Einheitsuebersetzung. (*Примеч. ред.*)

тов материальной культуры. Даже если у современного читателя нет личного опыта знакомства с природными феноменами пустыни, он все равно располагает достаточным объемом информации, чтобы восстановить необходимые взаимосвязи.

Рассказ становится для читателя более напряженным, если он знает, что его действие разворачивается в полдень, когда солнце находится в зените, излучая всю свою мощь. Однако, чтобы выстроить такую взаимосвязь, читатель должен иметь представление о римском счете времени. В некоторых переводах Библии предполагается, что такое знание является частью общего кругозора читателей. В ряде других переводов по этому поводу даются соответствующие объяснения в комментариях и сносках. Подвергая текст культурной адаптации (термин, введенный Ю. Найдой), следовало бы заменить римский счет времени в оригинале на счет времени, принятый в целевой культуре. Перевод, отвечающий требованиям принципа динамической эквивалентности, звучал бы так: Es war zwölf Uhr — *Было двенадцать часов.*

Если посмотреть на данный текст сквозь призму возможных переводов в другие культуры, то можно утверждать в духе Ю. Найды, что трудности понимания и, соответственно, переводческие проблемы возникают в тех местах библейского текста, где есть ссылки на природно-пространственную обстановку, на материальную культуру, социальные отношения или религиозную культуру.

Примеры (23): Обращение с культурно-специфичными элементами

(1) В культурах, в которых условия жизни определяются степенью успеха борьбы с водой, сложно представить проблему нехватки воды, поэтому сначала необходимо пробудить понимание о важности колодца и, тем самым, образа «живой воды». Переводческие потери представляются в подобных случаях либо неизбежными, либо требующими существенных интерпретационных усилий для их компенсирования.

(2) В ряде культур Южной Африки просьба Иисуса (дать ему воды) была бы недвусмысленно воспринята как побуждение к интимной близости. А поскольку эта просьба является неотъемлемой частью истории, ее невозможно опустить или перевести иным образом. Единственная возможность, которая, по мнению Ю. Найды, в данном случае остается у переводчика, это указать в примечании, что данное побуждение не следует понимать, исходя из представлений собственной культуры.

(3) Авторы «единого перевода» предлагают в предложении (8) основного текста традиционное немецкое толкование, представленное в гердер-

ском издании Библии. Однако в сноске (9) они указывают на другую, более точную возможность интерпретации греческого слова συνχρωνται, а также латинского *coutuntur*. В соответствии с такой интерпретацией речь идет не об абсолютном императиве апартеида, а всего лишь о запрете на пользование одними и теми же сосудами для питья.
Ср. с обоими вариантами прочтения:
фр. Les Juifs en effet n'ont pas de relations avec les Samaritains (Bfr 1207),
серб.-хорв. Jer se Židovi ne miješaju sa Samarjanima — букв.: *потому что иудеи не смешиваются с самарянами* (Ka/Da 86),
слов. Judje namreč ne občujejo s Samarjani — *ибо иудеи не сообщаются с самарянами* (Bsl 286)
а также итал. Conciossia chè i Giudei non usino co' Samaritani (Bit 874).

В примере (3) как в обоих немецких, так и в приведенных для сравнения иноязычных вариантах наблюдаются существенные различия в интерпретации. В свете европейской духовной истории было бы интересно заняться вопросом идеологических импликаций таких интерпретаций. По крайней мере, с позиции возможного формирования поведенческих норм представляется небезразличным, что определяло особенности обращения с самарянами — принцип апартеида или всего лишь гигиеническое предписание.

При более внимательном рассмотрении ИТ уже в самом оригинале наблюдается взаимодействие различных культур. Выше уже было указано на то, что счет времени заимствован не из иудейской, а из римской культуры. Предложение (8) также иллюстрирует очередной случай столкновения культур. В научном издании Евангелий это предложение взято в скобки, что означает существование сомнений по поводу принадлежности приведенного фрагмента текста к первоначальному тексту Евангелия (Nestle 10[134*]). С позиции функции текста нетрудно распознать, что в предложении (8) речь действительно идет о «добавленном» объяснении. Читателям-иудеям, для которых изначально было написано Евангелие от Иоанна как эпохальное свидетельство, диалог между Иисусом и Самарянкой был понятен без каких-либо комментариев. Они знали правила поведения и поэтому понимали, почему Самарянка удивляется поведению Иисуса. Потребность в дополнительном объяснении возникла лишь в процессе подготовки более понятного варианта изложения текста для неиудейских читателей.

[134*] При нумерации страниц в оригинале.

3.1.7. От Библии к Вавилону

Разграничив формальную и динамическую эквивалентность и сместив, тем самым, внимание переводчиков с ИТ на коммуникацию и целевую культуру, Ю. Найда оказал существенное влияние не только на перевод Библии[135], но и на всю переводческую практику в англо-американском пространстве[136]. И хотя Ю. Найда четко акцентирует проблему культурной обусловленности говорения и деятельности, проиллюстрировав ее многочисленными примерами, при переводе Библии он все-таки еще не готов покинуть рамки лингвистической интерпретации текста, несмотря на все свои новаторские выводы. Чтобы не отказываться от этой позиции, он вводит следующую дифференциацию понятий: разграничение между лингвистическим переводом и культурной адаптацией.

> “We may then contrast a linguistic translation, which is legitimate, and a cultural translation or adaptation, which is not. ... It is the job of the pastor and teacher, not of the translator, to make the cultural adaptation”[137] (Nida/Taber 1969a: 134).

Одновременно с этим утверждением в концепции Ю. Найды появляется часто не замечаемое ограничение условий деятельности переводчика. Потому что задачей переводчика Библии остается лишь лингвистический перевод, а задача культурной адаптации перекладывается на духовного пастыря, проповедника и миссионера. В решающий момент Ю. Найда отказывается от принципа равенства воздействия (ср. также Nida 1974d), который при его последовательном использовании предполагал бы замену культурных явлений, и возвращается к динамично понимаемой верности «священному оригиналу». В обобщенном виде концепцию Ю. Найды о переводе в общем и о переводе Библии в частности можно представить в виде следующей схемы:

---

[135] О динамической эквивалентности при переводе Библии см. Smalley (1991: 123ff.); о функциональной эквивалентности в de Waard/Nida (1986).

[136] О критическом рассмотрении концепции Ю. Найды равенства воздействия и ее последствий для американской культуры см., прежде всего, Simon (1987) и Venuti (1995a).

[137] Ср. «Мы можем далее противопоставить лингвистический перевод как законное действие культурологическому переводу, или адаптации как действию незаконному... Осуществлять культурную адаптацию — прерогатива пастора и учителя, но не переводчика». (*Пер. с англ. ред.*)

Схема (4): Нормативное ограничение переводческой деятельности

Тип перевода	Стратегия	Допустимость при переводе Библии
лингвистический перевод	формальная эквивалентность	традиционно употребляется
	динамическая эквивалентность	рекомендуется
культурная адаптация	замена культурно-специфических элементов	недопустима

Осознавая трудности транскультурной коммуникации, Ю. Найда сужает границы действий переводчика до лингвистического перевода, перекладывая ответственность за культурную трансформацию текста и его погружение в целевую культуру на другого профессионального посредника, а именно, на духовного пастыря, проповедника и миссионера. Подобное утверждение затрагивает идеологические рамки перевода Библии и, тем самым, переводческой концепции Ю. Найды. Ведь при таком подходе прерогативой других профессиональных интерпретаторов становится не только использование текста перевода в том, что можно назвать настоящим вавилонским столпотворением языков и культур. Помимо этого неизменной предпосылкой перевода остается заданность послания оригинала. Его конкретное языковое выражение, его многозначность, его гетерогенность и гибридность умалчиваются, а если и обсуждаются, то только вскользь[138]. Ю. Найда также практически не касается того факта, что переводчики Библии имеют дело с оригиналом, представленным в виде нескольких авторизованных, порой конкурирующих друг с другом вариантов на разных языках (древнееврейском, греческом, латыни, в которых, пожалуй, нередко присутствует и исходный язык переводчика), среди которых ему приходится выбирать[139].

[138] В статье о переводе Библии Ю. Найда касается текстовых традиций и отношений между экзегезой и переводом, однако основная часть его рассуждений опять-таки посвящена погружению в целевую культуру. В этой связи Ю. Найда приводит тот факт, что комиссия Библейского общества выявила 10 000 проблемных мест в тексте на греческом языке и распределила их по степени надежности и понятности изложения по 4 категориям. Ю. Найда характеризует последнюю четвертую категорию следующим образом: *«Одному Богу известно, что было в оригинале рукописи!»* (Nida 1974a: 6).

[139] Интересно отметить, что Ю. Найда в своих примерах редко исходит из одного из трех «священных» языков Библии, а использует, как правило, авторизованный

Несмотря на культурную многослойность оригинала, интерпретация ИТ остается прерогативой экзегетики как теологической дисциплины. Критика текста также не входит в сферу деятельности переводчика Библии. Ведь в социальной реальности рамки интерпретации догматично заданы довлеющими институтами церкви. Поэтому культурные наслоения и случаи нарушения текстовой когерентности, свидетельством которых служит история об Иисусе и Самарянке, оказываются вне поля зрения теории перевода Ю. Найды. Если рассматривать намерение ИТ как некую данность, то задача переводчика сводится к переносу этого намерения на другую социальную и культурную почву с сохранением максимально возможной степени воздействия[140]. В результате такого отношения к оригиналу замалчивается тот факт, что идеологические конфликты и отстаивание интересов по поводу «истинной» интерпретации оригинала разворачивались как внутри церкви на уровне экзегетической полемики, так и между церквями как социальными институтами и сопровождались порой кровавыми столкновениями.

Так Ю. Найда помещает перевод в роли связующего звена между экзегезой, профессиональной и идеологически выверенной интерпретацией Библии, с одной стороны, и катехизацией, т.е. проповедованием вероучения с помощью библейских и небиблейских источников, которое также осуществляется профессиональными интерпретаторами текстов, с другой стороны. Такие предпосылки представляются существенными для понимания взглядов Ю. Найды на перевод Библии. Схематично представить коммуникативный процесс при передаче библейского послания в реальности транскультурной коммуникации можно следующим образом:

английский вариант текста. Современная английская версия Библии (Today's English Version) эксплицитно рассматривается как возможный ИТ или, по крайней мере, как образец для последующих переводов Библии. Во время дискуссии, которая состоялась после доклада Ю. Найды о переводе Библии (Nida 1974a), он высказал мнение о том, что около 5–10% переводчиков из Библейского общества понимают греческий и древнееврейский языки. Однако и эти переводчики имеют *«неправильное представление о греческом языке»*, определяемое словарями. Таким образом, основная часть переводов Библии выполнена с языка-посредника.

[140] См. также Gentzler (1993: 52 и далее).

Схема (5): Перевод между экзегезой и катехизацией

Понимание ИТ	Перевод	Применение ТП
критика текста и экзегеза	ИТ → ТП	катехизация (миссионеры, проповедники и другие создатели пара- и метатекстов)

Данная схема отражает те границы, в рамках которых следует рассматривать концепцию динамической эквивалентности Ю. Найды. Четко определив верхнюю и нижнюю границы и расположив между ними свою интерпретацию текста, Ю. Найда подвел под нее надежные авторитетные основания. Для ИТ, открытого множественным интерпретациям, о существовании которых впоследствии заявят авторы скопос-теории, в такой концепции не нашлось бы места.

В своей работе «Оценка теорий перевода» (1976) Ю. Найда все же делает шаг вперед. Качество перевода, — считает он, — всегда относительная величина, а о его относительной адекватности можно принципиально судить только исходя из назначения перевода:

> “The relative adequacy of different translations of the same text can only be determined in terms of the extent to which each translation successfully fulfills the purpose for which it was intended”[141] (Nida 1976: 64).

Хотя Ю. Найда в общем и постулирует принцип ориентации на цель, что приближает его к финалистской концепции перевода, однако в дальнейшем он больше не возвращается к данному вопросу. Назначение перевода Библии, обращение представителей иных культур не могли подвергаться сомнению. К «священному оригиналу» присоединилось «священное назначение», из которого выводилась максима равнозначного воздействия. Ю. Найда не мог перейти к интерпретации оригинала и, тем самым, к критическому переосмыслению того «послания» текста, который необходимо передать при переводе, не попав в конфликт с официальной церковью и церковными толкователями. Это тот ограничительный фактор, который необходимо постоянно учитывать при осмыслении трудов Ю. Найды.

---

[141] Ср. «Установить относительную адекватность различных переводов одного и того же текста можно одним способом: определив, насколько успешно каждый из переводов достигает исходной цели». (*Пер. с англ. ред.*)

3.1.8. «Социолингвистическая» концепция перевода

Научное наследие Ю. Найды невозможно втиснуть в рамки простой схемы в силу его масштабности и разнообразного влияния различных лингвистических школ. На протяжении всей своей многолетней интенсивной научно-издательской деятельности Ю. Найда постоянно пытался интегрировать в свою систему актуальные тенденции развития языкознания и теории коммуникации. В начале это были два таких разных подхода, как антропологическая лингвистика, с одной стороны, и генеративная грамматика и семантика, с другой[142]. В дальнейшем он назвал свою теорию перевода социолингвистической и выступал за то, чтобы перевод понимался, прежде всего, как коммуникативный акт (Nida 1977: 217), в отношении которого необходимо учитывать, кто кому при каких обстоятельствах и по какой причине сообщает что-либо, и какую цель он при этом преследует[143]. Еще в 1977 г. Ю. Найда писал о том, что данное обстоятельство справедливо как для исходного текста, так и для текста перевода. При этом он различал пять функций: экспрессивную, информативную, императивную, эмотивную и фатическую (Nida 1977: 217 и далее)[144].

Несмотря на разносторонние подходы к проблеме перевода (см. также Nida 1964, 1975a, 1991, 1993), концепция перевода Ю. Найды осталась по своей сути нормативной и ориентированной на эквивалентность. Основные причины этого кроются не в языкознании или культурологии, а в идеологии. Обоснованием четкого разграничения между лингвистическим переводом и культурной адаптацией в его концепции может служить только сложившаяся практика транскультурной коммуникации в существующих церковных ин-

[142] Прежде всего, в Nida (1974b, c; 1975a).

[143] Хотя Ю. Найда не дает никаких ссылок в библиографии, он, по всей видимости, прибегает к так называемой коммуникативной формуле Лассуэлла, которая, в свою очередь, сводится к quis, quid, ubi, quibus auxiliis, cur, quomomodo, quando Гермогена из Темноса (Wilss 1987b: 19). О действенности формулы Лассуэлла см. также Reiß (1984b), Bühler, H. (1984), Hönig (1986) и Nord (1991: 40 и далее).

[144] Ю. Найда и Ч. Тейбер (Nida/Taber 1969a, b) различают только информативную, экспрессивную и императивную функции, явно коррелирующие с типологией текстов Катарины Райс (Reiß 1977a, 1983), которая выделяет информативный, экспрессивный и оперативный типы текстов. Своей пятиразрядной типологией функций Ю. Найда предвосхищает типологию Питера Ньюмарка, где использованы практически такие же названия (*expressive, informative, vocative, aesthetic, phatic functions*), и добавлена шестая – *метаязыковая* (Newmark 1995: 39-44). См. раздел 2.4.3.

ститутах. Правила в отношении допустимости культурной адаптации при переводе Библии не всегда оказываются последовательными, поскольку они определяются не внутритекстовыми факторами, а изменчивыми интересами, стоящими за толкованием Библии[145].

Пока Ю. Найда занимался только проблематикой перевода Библии, ему приходилось действовать осторожно, оставаясь в идеологически заданных рамках интерпретации Библии. Однако даже в расширенном варианте концепции Ю. Найды, в его общей теории перевода прослеживается такое же подсознательное отношение к взаимосвязи между оригиналом и переводом, которое было характерно для перевода Библии. Только в поздних сочинениях Ю. Найды наметился поворот в сторону плюралистской концепции перевода:

> “The statement that a translation should ‘be the closest natural equivalent’ of the source text is helpful, but it certainly does not go far enough. More than one translation can be regarded as complying with such a generic statement, and no one translation can ever claim to be a perfect equivalent of a source text. ... By allowing a range of diversity in translating, one can more realistically deal with problems of diversities in types of discourse (literary genres), striking differences in audiences, and distinctions in the ways in which translations are to be used ...” [146] (Nida 1996: 113 и далее).

Такой беглый взгляд на поздние тенденции в научном наследии Ю. Найды высвечивает тему, речь о которой пойдет в одной из следующих глав — целенаправленности перевода. Темой следующего раздела является та проблематика, которую Ю. Найда предоставил толкователям, выведя ее за рамки своей теории, а именно, интерпретация текста как творческий процесс.

[145] Ср. по этому поводу критику Чанг (1996) и Фрейзер (1996: 86 и далее).

[146] Ср. «Утверждение о том, что перевод должен „быть как можно более точным и естественным эквивалентом“ исходного текста, проясняет многое, но далеко не все. Можно найти немало переводов, которые отвечают такому обобщенному определению, и при этом не обнаружить ни одного перевода, который мог бы считаться совершенным эквивалентом исходного текста… Допустив более широкий спектр возможностей перевода, мы сможем более реалистично решать проблемы, связанные с разнообразными типами дискурса (литературных жанров), с поразительным несходством аудиторий и со спецификой использования переводов». (*Пер. с англ. ред.*)

3.2. Толкование и смысл

В такой комфортной ситуации, как в модели процесса перевода Ю. Найды, переводчики находятся редко. Им приходится самостоятельно заниматься проблемой интерпретации текста. Наука, которая может послужить им в этом процессе опорой, называется герменевтикой. Она одновременно является и сестрой, и дочкой экзегетики. Герменевтику называют дочкой экзегетики, поскольку методически она сформировалась благодаря толкованиям Библии, а сестрой — потому что, занимаясь толкованием текстов, она поставила в один ряд с «Божественной истиной», т.е. ортодоксальной интерпретацией Писания, интерпретацию, обусловленную культурой и жизненным миром. Тем самым рядом с единственно возможной оказалось множество истин. Основателем современной герменевтики считается протестантский теолог и переводчик Платона Фридрих Шлейермахер. Он перенес свои методы толкования на все тексты и попытался приблизиться к их «истине», рассматривая их, с одной стороны, в исторической традиции наследования текстов (mit historischer Textüberlieferung), а с другой стороны, с позиции психологии и обстоятельств жизни автора. Лекция «О различных методах перевода»[147], с которой Ф. Шлейермахер выступил в 1813 г., вызвала новые дискуссии о переводе, вплоть до недавнего времени определявшие донаучные и научные представления о переводе.

3.2.1. Иллюзия эквивалентности

Если перенести процесс интерпретации с Библии как священного Писания на все культурно обусловленные тексты литературы, философии и науки, а также на социальные элементы окружающей действительности, имеющие символическое значение, то окажется, что и такие тексты и явления допускают не одну интерпретацию, которая считается единственно «правильным» или «ортодоксальным» толкованием. В зависимости от точки зрения интерпретатора, а также от его опыта тексту может быть приписано некоторое конечное количество интерпретаций. Фриц Пепке, который считал себя обязанным герменевтической школе, выразил эту мысль следующим образом: «На место сплошной абсолютности пришла

[147] Текст в электронном виде см. под Schleiermacher (1813).

перспективность» (Paepcke 1986: 117)[148]. Текст (и в этом отношении Ф. Пепке рассуждает созвучно лингвистике текста, находившейся на тот момент в стадии становления) есть нечто большее, чем сумма составляющих его элементов. Он имеет характер гештальта. Данный факт Ф. Пепке обозначает понятием «сверхсуммативность» (Übersummativität). Помимо этого, внутри текста как целого могут взаимодействовать различные, порой противоположные друг другу перспективы. Такая мультиперспективность является конститутивной особенностью текста как целого. Любая абсолютизация какого-либо отдельного аспекта приведет к потере идентичности и диалогичности текста (ср. Berger/Speier (eds.) 1986, в первую очередь, 102 и далее).

В своем сочинении, которое имеет характерный заголовок «Иллюзия эквивалентности» (Paepcke 1986), Ф. Пепке вступает в полемику с авторами теорий эквивалентности, в первую очередь с В. Коллером и В. Вилссом, которых он дисквалифицирует до «неофитов» и «проецируемых фигур» (Ibid.: 127). Он противопоставляет им свое видение переводческого процесса, который понимается как творческая деятельность между «правилом и игрой» (Ibid.: 139 и далее). Опираясь на герменевтические идеи Ханса-Георга Гадамера, Ф. Пепке представляет перевод как процесс переживания дистанции и инаковости, как опыт «обращения с чем-то иным» (Berger/Speier (eds.) 1986: 35–56). Читатель, и соответственно переводчик, первоначально сталкивается с «чужим» и его отличиями от «своего». Он может вступить с текстом в диалог, чтобы преодолеть его чуждость. Отправной точкой при этом оказываются представления, предубеждения, предвосхищение, жизненный мир и кругозор читателя или переводчика. В диалоге с текстом у читателя/переводчика появляется возможность модифицировать свои предположения, сверить модифицированный вариант с текстом и так двигаться по разворачивающейся герменевтической спирали далее, приближаясь к смыслу текста:

«Понимание текста является не актом передачи знания и не аккумулированием информации, а постепенным направлением сознания

[148] Признание заслуг Ф. Пепке см. в Bender/Berger/Wandruszka (eds.) (1977), Cercel (ed.) (2009).

> для превращения изначально чужого и странного в нечто понятное и знакомое» (Paepcke 1986: 135).

Процесс понимания текста, пишет Ф. Пепке далее, позволяет «увидеть сквозь текст его замысел и раскрыть общие взаимосвязи, следуя за тем, что сообщается в тексте» (Ibid.: 134). При этом слова на внешнем уровне текста являются «своего рода страховочными канатами, позволяющими мобилизовать языковой потенциал читателя/переводчика» (Ibid.: 139). Понятие «эквивалентность» искажает взгляд на открытость живого внутриситуативного соответствия текста и перевода и отражает «искаженное представление об идентичности» (Ibid.: 143). Неотъемлемым признаком *идентичного* является его сосуществование с *различным*, с которым оно сливается в единое целое, «поэтому отношение между текстом и переводом, в конце концов, представляет собой сплав идентичного и различного» (Ibid.: 143). Из этого Ф. Пепке выводит следующее:

> «Для письменного перевода введение категорий идентичности и различия означает смену критерия эквивалентности» (Paepcke 1986: 142).

В творческий процесс раскрытия смысла текста читатель/переводчик должен привнести, прежде всего, интуицию и эмпатию[149]. Это позволит ему как индивиду приблизиться к индивидуальности текста и «вдохнуть в него жизнь» в процессе воссоздания текста на языке перевода. Разумеется, при этом он должен быть способен к критической проверке своих интуитивных решений на основе знания языка и культуры. Перевод означает не только выстраивание отношений с текстом, но и с языковым миром Других и с языковым бытием их миров. Поскольку мир, согласно Х.-Г. Гадамеру, существует только в том случае, если он получает языковое выражение. Манера Ф. Пепке рассуждать о переводе в эссеистически заостренной, порой несколько отстраненной форме, несомненно, оказалась одной из преград, помешавших серьезному изучению его идей с позиции переводоведения. При этом незамеченным остался тот факт, что Ф. Пепке раньше других ссылается на таких мыслителей, как Жак Деррида, влияние которых на переводоведческий дискурс

[149] В виде модели это представлено в Paepcke/Forget (1981, 1982).

стало определяющим только в 1990-е гг. В свете вышеизложенного представление Ф. Пепке об удавшемся переводе выглядит относительно консервативно:

> «Среди нескольких переводов удачным оказывается тот, который позволяет сохранить смысл и функциональные особенности оригинала, который не затрудняет понимание чрезмерным перефразированием или нескладным слогом, а, напротив, благодаря идиоматически адекватным формулировкам становится доступным для читателя» (Berger/Speier (eds.) 1986: 535).

В сочинениях Ф. Пепке переводчик, в отличие от абстрактного «идеального транслятора» когнитивно-лингвистического подхода, обретает конкретную духовную физиономию, поскольку для Ф. Пепке переводчик — это познающий субъект, который двигается в упряжи культур по пути познания и передачи смысла. Однако ввиду высоких требований к переводчику, порой завышенных в силу его общей риторики, переводчик по-прежнему остается идеализированной фигурой. Взгляд на взаимосвязи между мышлением и языком сближает герменевтиков и сторонников лингвистического релятивизма. Отличие заключается в том, что язык понимается не как данная, замкнутая в себе структура, а как результат приближения индивида или общности через непрерывный диалог к «миру» и к «истине».

3.2.2. Теория смысла (théorie du sens)

Уже в названии первой главы «Перекодировать или переформулировать?» Даница Селескович и Марианна Ледерер указали на существенное отличие своего подхода к устному переводу от моделей перекодировки, которые преобладали в исследованиях в области устного перевода в начале 1980-х гг. в ГДР и Советском Союзе (Seleskovitch/Lederer 1984: 5). Письменный и устный перевод означают перевод не языка, а конкретных вербальных интеракций, Д. Селескович называет их discours, в конкретных ситуациях. Поэтому Д. Селескович различает значения слов на уровне языковой системы и смысл текста, который возникает в результате его погружения в конкретную ситуацию. Этот смысл необходимо сохранять, следуя девизу из Алисы в Стране чудес:

"Take care of the sense, the words will take care of themselves — Позаботься о смысле, слова позаботятся сами о себе" (Seleskovitch/ Lederer 1984: 104 и далее).

Как пишет Д. Селескович в своей монографии 1968 г., переводчику-синхронисту необходимо освободиться от влияния исходного языка: « ... l'interprète est donc, en principe, indépendant de la langue étrangère » (Seleskovitch 1968: 161)[150]. Чтобы не попасть в ловушку потенциальных интерференций между исходным языком и языком перевода, переводчик-синхронист, в первую очередь, должен иметь высокий уровень владения родным языком. Он должен уметь с помощью своих знаний снять с ИТ языковое одеяние, девербализовать его, чтобы добраться до смысла сказанного. Поняв смысл, он должен ревербализовать его и создать такой текст, который будет восприниматься естественно, а не как чужеродный продукт. Данная трехшаговая модель, напоминающая модель Ю. Найды, была разработана Д. Селескович и М. Ледерер в рамках интерпретативной теории (théorie du sens) и проиллюстрирована многочисленными примерами, накопленными авторами за годы работы устными переводчиками. Благодаря практической ориентированности их публикация завоевала большую популярность среди практиков перевода.

Более современными, чем трехшаговая модель процесса перевода, представляются рассуждения Д. Селескович об этике и заметности устного переводчика. Устный переводчик выступает в коммуникативном процессе перевода как актер, который добавляет свою игру к тексту автора (Seleskovitch 1968: 181). Он старается не навязываться и в то же время не допускает, чтобы его присутствие оставалось незамеченным. Он ведет с автором и целевой аудиторией триалог (Trialog[151]), стараясь обеспечить понимание между коммуникативными партнерами. Переводчик со всей ответственностью принимает на себя эту роль и сотрудничает со слушателем, обеспечивая ему надежность процесса понимания (Ibid.: 182). Степень эксплицитности работы устного переводчика зависит от уровня знаний коммуникативных партнеров друг о друге, от интенсивности контактов между их культурами и от их способности по-

[150] Ср. «...итак, устный перевод в принципе независим от исходного языка». (*Пер. с фр. ред.*)

[151] Триалог (от англ. trialogue) — разговор трех участников. (*Примеч. ред.*)

нять друг друга[152]. Прогрессивная триалогическая концепция межкультурной интеракции, которая вытекает из данных утверждений, оказывается в состоянии напряженности по отношению к традиционным представлениям о «верности» устного переводчика. Ведь он должен остерегаться нивелирования всех различий между обеими культурами и нарушения границ семантического содержания сообщения. Так, при переводе речи китайского оратора ему не следует заменять слово «рис» на «хлеб», и если в процессе диалога между Востоком и Западом представители Востока говорят о «народной республике», а представители Запада о «коммунистическом режиме», то он должен следить за выбором слов, чтобы не выдать оратора (Ibid.: 184 и далее). Вплоть до недавнего прошлого théorie du sens под брендом traductologie или «Парижской школы» считалась ведущей концепцией в области методики и практики устного перевода, хотя эмпирически ориентированные исследователи устного перевода отклонили эту теорию и назвали ее ненаучной, увидев в ней лишь описание процесса, основанного на субъективном опыте (Gile 1994, 1995a, b; Gile (ed.) 1995; Pöchhacker 2000b: 67 и далее). М. Ледерер и Д. Селескович также удалось обеспечить ведущую позицию высшей школы устных и письменных переводчиков (ESIT) при университете Новая Сорбонна — Париж 3, в которой они активно занимаются научно-преподавательской деятельностью, и утвердить свои основные теоретические позиции в качестве ведущих представлений при наборе и аттестации устных переводчиков в ЕС (Seleskovitch/Lederer 2002).

3.3. Позиции и перспективы

Труды Ю. Найды стали основополагающими для формирования переводоведения как самостоятельной дисциплины. Выступая в своих ранних работах явным сторонником теорий лингвистического релятивизма, позднее Ю. Найда охватил практически все актуальные тенденции лингвистики, от генеративной грамматики до социолингвистики. Благодаря разграничению формальной и динамической эквивалентности, Ю. Найда впервые внес свежую струю в дискуссию об эквивалентности, которая до того строго ориенти-

[152] О проблеме эксплицитности см. Baumgarten/Meyer/Özçetin (2008).

ровалась на «священный оригинал». Всесильному оригиналу приписывалась стабильная конструкция смысла, а его интерпретация оставалась прерогативой авторитетных толкователей. Как герменевтический подход Ф. Пепке, так и théorie du sens М. Ледерер и Д. Селескович полностью шли вразрез с переводоведением, в котором господствовали лингвистика и теории эквивалентности. Идеи Ф. Пепке при этом остались практически незамеченными в центральном переводоведческом дискурсе и получили поддержку только в работах Р. Штольце (Stolze 2003). Поэтому его концепция о мультиперспективности и диалогичности текстов первоначально не нашла прямого отклика в дискурсе тех переводоведческих направлений, которые вновь сделали эту проблему ключевой темой переводоведения. В то же время théorie du sens, несмотря на недостаточно прочные эмпирические основания и научные корни, не только сумела утвердиться, но оказывала влияние на профессиональный профиль переводчика(-синхрониста) на протяжении нескольких десятилетий. Во многом этому способствовал высокий престиж Даницы Селескович в мире переводчиков-синхронистов, прежде всего в концепциях устного перевода таких профессиональных организаций, как AIIC[153] и службы устных переводчиков ЕС.

Дополнительная литература

Перевод Библии

Nida (1959; 1961; 1964; 1966; 1974a; 1975a; 1997); Nida/Taber (1969a, b); de Waard/Nida (1986); Nida (2010).

Ср. также Stine (ed(s).) (1990); Fürst (ed(s).) (1990); Smalley (1991); Thiede (ed(s).) (1993); Jasper (ed(s).) (1993); Vermeer (1993); Kassühlke (1998); Salevsky (1998); Groß (ed(s).) (2001); Feyaerts (ed(s).) (2003); Stolze (2004); Nord (2005); Stolze (2005a); Hill (2006); Kuschmierz/Kuschmierz (2007);

Gerber/Joswig/Petersen (ed(s).) (2008); Nord (2009); Salevsky (2009).

Феминистская интерпретация Библии Meurer (ed(s).) (1993); Fischer (2004) и раздел 9.2.2. О сексизме и расизме в Библии Rashkow (1990).

Герменевтический перевод

Stolze (1992; 1994: 188–212); Vermeer (1994a); Stolze (2003); Snell-Hornby (2006: 32–35); Cercel (ed(s).) (2009); Stolze (2009).

[153] AIIC, сокр. от Association internationale des interprètes de conférence — Международная ассоциация синхронных переводчиков, основана в 1953 г., ее состав насчитывает более 3000 переводчиков в более чем 100 странах мира. (*Примеч. ред.*)

Théorie du sens

Seleskovitch (1984); García-Landa (1989); Lederer (ed(s).) (1990);
Lederer (1994); Seleskovitch/Lederer (1996); Ladmiral (2002);
Seleskovitch/Lederer (2002, 2003); Israël/Lederer (2005); Boisson (2005); Ladmiral (2005).

4. От сравнения систем к тексту

В конце своей статьи “On Linguistic Aspects of Translation” (1959) Р. Якобсон на основании анализа возможных вариантов перевода итальянского изречения traduttore — traditore (букв. переводчик — предатель) поставил риторический вопрос «Переводчики каких сообщений? Предатели каких ценностей?» Тем самым он указал на целеполагание, т.е. ориентированность переводческих решений на цель и назначение перевода.

> «Если мы переведем традиционное итальянское изречение *Traduttore, traditore* на английский как “the translator is a betrayer”, мы лишим итальянскую эпиграмму всей ее парономастической ценности. Поэтому когнитивно ориентированная установка заставила бы нас превратить этот афоризм в более эксплицитное высказывание и ответить на вопрос: “Переводчик каких сообщений?”, “Предатель каких ценностей”?» (Jakobson 1959, нем. Jakobson 1981: 198; выделено в оригинале).

Итак, переводчику необходимо принимать решения. Он может попытаться сохранить парономастический характер итальянского оригинала и передать эту пословицу, к примеру, с помощью другой игры слов, в частности, Übersetzer — Versetzer (переводчик — предатель; ср. с русской пословицей: язык мой — враг мой). В этом случае ему придется «предать смысл». Однако он может предпочесть передачу когнитивного содержания и постараться донести мысль о том, что перевод — это не простое копирование оригинала, а игра, в которой постоянно приходится чем-то жертвовать, а в чем-то выигрывать. В этом случае «предательство» имело бы отношение к форме поговорки. Решение в пользу одной или другой возможности перевода будет зависеть от того, чего переводчик хочет добиться с помощью перевода, т.е. от целевой установки перевода. Тем самым Р. Якобсон предвосхищает ту позицию, которая прослеживается уже в поздних работах Ю. Найды и которая станет определяющей в 1980-е гг., прежде всего в так называемом функциональном переводоведении.

4.1. «Открытие» целеполагания (Finalität)

Провести разграничение между языком как системой (langue) и его конкретной реализацией, речью (parole), — это одна из гениальных, хотя и обусловленных духом времени, идей основателя современного языкознания Фердинанда де Соссюра (1857–1913). Десятилетиями лингвистика занималась прежде всего языковыми системами и описанием их структуры. На основании различных методов анализа предпринимались попытки установить единицы, релевантные для структуры языка, и описать их взаимодействие с помощью системы правил. Наибольших успехов удалось достичь на уровнях языка с высокой степенью структурированности, в фонетике и морфологии. Несколько труднее анализу поддавались семантика и синтаксис. Сужение языка до системы позволило лингвистике достичь высокой степени абстракции и формализации, что получило наибольшее развитие в генеративной грамматике Ноама Хомского.

Подобная концепция повлияла и на сложившиеся школы переводоведения. В свете такого влияния становится понятным, почему почти все приводимые ранее примеры не выходили за рамки предложения, а относились к уровню лексики и крайне редко к уровню синтаксиса. Раннее переводоведение, равно как и его ведущая дисциплина, сопоставительная лингвистика, долгое время не покидали границ предложения. Под влиянием структуралистской лингвистики, которую оппоненты иногда пренебрежительно называли системной лингвистикой, конкретная форма существования языка с ее физической, психической, ментальной и социальной обусловленностью в конкретных коммуникативных ситуациях, одним словом, речь, или parole, исчезла из поля зрения языкознания. Чтобы снова обратиться к конкретной коммуникации, необходимо было скорректировать оптику научного исследования. Такая корректировка произошла в результате смены парадигм и перехода от системной лингвистики к лингвистике текста.

4.1.1. Текст как структурированное целое

Вольфганг Дресслер (1974), один из основателей лингвистики текста, в своей статье «Вклад лингвистики текста в переводоведе-

ние» подхватил тему «извечного спора» о (не)переводимости и заявил, что с появлением лингвистики текста этот спор перешел на новую стадию. Лингвистика текста, будучи наукой о языковом строении текстов, преодолела, по словам В. Дресслера, границы предложения для изучения сверхфразовых структур внутри текстов[154]. Отдельное, выхваченное из системы текстовых взаимосвязей предложение оказывается неполным и потому не является независимой единицей. Из этого В. Дресслер делает следующий вывод:

> «Полной, однозначной (т.е. симметричной, транзитивной, рефлексивной) переводческой эквивалентности не существует, а значит, не существует и полной переводимости ... поэтому переводческая эквивалентность в смысле инвариантности невозможна. Следовательно, с моей точки зрения, в переводоведении следует отказаться от понятия инвариантности» (Dressler 1974: 62).

Согласно В. Дресслеру, эквивалентность можно понимать только как интранзитивное и асимметричное понятие. Следовательно, перевод есть направленный и необратимый процесс. Необратимость перевода наиболее четко проявляется в том, что обратный перевод, как правило, не порождает ИТ. Эта мысль далеко не новая. Она уже возникала в ходе обсуждения утверждения Р. Якобсона о необходимости учитывать обязательные отличия, типичные для языка. Новым был рамочный подход к целому текста, который, согласно В. Дресслеру, позволяет сгладить недостатки, заметные на уровне предложения (Dressler 1974: 63).

Дальнейшие рассуждения звучат как программа текстолингвистического обоснования переводоведения. Благодаря исследованиям типов текстов переводчики смогли бы более эффективно декодировать и создавать тексты, согласующиеся с ожиданиями адресатов. В прагматике текста следует обращать внимание на функции речевых актов, иначе говоря, речевых действий. Под речевыми актами, или речевыми действиями, вслед за Джоном Л. Остином[155] и Джоном Сёрлем (1982), понимают такие речевые высказывания, ко-

[154] См. также его вклад в *«текстограмматическую инвариантность»* (Dressler 1972).

[155] Работа Джона Л. Остина (1911–1960) “*How to Do Things with Words*” (Austin 1962), опубликованная посмертно, заложила фундамент теории речевых актов. См. также Cole/Morgan (eds.) (1975).

торые говорящие создают на основании общественных ожиданий, привычек, условностей как действия или аналог действий и которые воспринимаются слушающими как таковые. Типичными формами таких речевых действий являются информирование, побуждение, приказание, угроза, просьба, благодарность, совет, запрет и др. — все они находят отражение в культурно-специфических типах текста. Согласно теории речевых актов, в отношении речевых действий необходимо различать содержание, т.е. то, что говорится (локутивный речевой акт), и намерение, т.е. то, чего необходимо достичь с помощью сказанного (иллокутивный речевой акт), а также результат воздействия, т.е. то, какой эффект действительно достигнут (перлокутивный речевой акт). Между тремя названными формами речевого акта иногда могут возникать существенные несовпадения. Поэтому точная интерпретация соответствующего речевого действия возможна только с учетом всей ситуации. Повествовательное предложение «Сквозняк» (локуция) может представлять собой несколько иллокуций: простое утверждение, что окно открыто, или, например, просьбу или приказ закрыть окно. Последует ли за данной иллокуцией желаемое действие–следствие (перлокуция) или нет, будет, скорее всего, зависеть, в первую очередь, от отношений между говорящим и слушающим — или, говоря современным языком, от властных отношений (Machtverhältnis).

Пример (24): Локутивные и иллокутивные речевые акты

Различие между локутивными и иллокутивными речевыми актами демонстрирует Вернер Лансбург, остроумно изображая уже частично процитированный выше разговор со своим непосредственным начальником. Последний отчитывает В. Лансбурга за то, что тот, в отличие от своего коллеги Бруно Крайски, переусердствовал с интерпретацией при переводе новостей для британских спецслужб[156]:

> ... Я, дескать, слишком много замечаю между строк, a little too much, — говорит сэр Гарольд ... Само по себе, in itself, это вовсе не ошибочно, даже очень интересно, most interesting, однако –
> In short, Sir Harold felt — «чувствовал=полагал» (understatement =снижение; по-русски: негодовал) — Sir Harold felt that perhaps a little bit – может быть, совсем чуточку; по-русски: непременно и вообще —

[156] О подоплёке этой истории см. раздел 1.2.

– that perhaps a few more *facts*, something just a little bit more *concrete*, might perhaps –

могли бы, возможно; по-русски: непременно должны

– "well", said Sir Harold, "I may be wrong of course –"

я могу заблуждаться, по-русски: в этом вопросе я не потерплю никаких возражений.

Sir Harold cleared his throat, он откашлялся. "Are not your reports", he suggested –

он дал понять; по-русски: бушевал он ...

"Are not your reports just a little bit on the sophisticated side ... "

"Take Bruno, for instance", Sir Harold went on. Не мог бы я, к примеру, for instance, брать пример, an example, с моего коллеги Бруно? Bruno's reports, it seemed to him, were "perhaps a little more ...он ... э-э ... sort of *factual*, I mean, *down-to earth* and *realistic*".

I was deeply hurt, оскорблен до глубины души ...

Сэр Гарольд попытался переменить тон, he tried to smooth over:

True, несомненно, он понимает, я во всех отношениях превосхожу Бруно, *intellectually*. ...

"On the other hand", Sir Harold said, "a little less intelligence would do no harm", не повредило бы. Sir Harold explained: "Bruno, for instance, seldom reports 'trends' and 'things between the lines' but *facts*. I mean *concrete* stuff such as ... such as fire alarms, and obituaries, and so on, you see?"

Ну да, я понимал ...

Sir Harold seemed to have finished. "I mustn't keep you," he said and rose to his feet.

Doosie, важное выражение: "I mustn't keep you", я вас не задерживаю. По-русски: «Потрудитесь освободить помещение»[157].

(Lansburgh 2001: 136 и далее; выделено и отформатировано в оригинале)

Помимо функции речевых актов, рассуждает далее В. Дресслер, необходимо учитывать тот факт, что между уровнем знаний читателей и слушателей, на который рассчитывает автор оригинала, и предварительной информированностью целевых групп (пресуппозиции текста), на которую рассчитывает переводчик, может существовать заметная разница. В этой связи, считает Дресслер, переводчик может добавить недостающую информацию, расширяя текст за счет примечаний или парентез. Однако, согласно его позиции, «сокращать в переводе информацию, полезную только для читателя

[157] Перевод О. Кашкиной.

оригинала» не допустимо (Dressler 1974: 65)[158]. Рассуждая далее, В. Дресслер подчеркивает, что если говорящий в ситуации межкультурной коммуникации умалчивает о пресуппозицях языка оригинала, точнее сказать, исходной культуры, то в результате этого «диалогическая направленность текста в прагматическом отношении оказывается неудовлетворительной» (Ibid.: 65).

Согласно В. Дресслеру, «вопрос желаемой точности перевода и времени для ее достижения» определяет степень необходимости кодировки всей семантической информации ИТ в ТП. Последнее утверждение позволяет Дресслеру преодолеть достаточно узкие рамки лингвистики текста и имплицитно затронуть проблему целенаправленности перевода. Именно эту проблематику позднее поставят в центр переводоведческих дискуссий Х.Г. Хёниг и П. Кусмауль, и еще более активно ее будут обсуждать представители скопос-теории. В своем беглом замечании В. Дресслер, однако, не отметил главного: речевые акты определяются не только языковыми, но и культурными нормами и традициями и, в первую очередь, властными отношениями между участниками коммуникации.

4.1.2. О невозможности перевода

Вслед за В. Дресслером сопоставительно-лингвистический подход к проблеме перевода был подвергнут сомнению еще одним выдающимся представителем лингвистики текста Эухенио Косериу (Coseriu ^{3}1994). На Нобелевском симпозиуме, посвященном теории и практике перевода, состоявшемся в сентябре 1976 г. в Стокгольме, он изложил свою «Неверную и верную постановку вопросов в теории перевода» (Coseriu 1978/1981), став, по нашим сведениям, первым среди лингвистов, кто прямо заявил о целеполагающем (finalistisch) принципе перевода.

Свою критику элементарного сопоставительного подхода к проблеме перевода Э. Косериу предварил вводными рассуждениями о дихотомии “langue — parole”. Согласно одной из ложных установок, утверждает Э. Косериу, перевод воспринимается как простая замена, т.е. транскодирование. Поскольку каждый язык позволяет вы-

[158] С помощью данного примера можно показать действенность традиционных переводческих норм даже в работах критически настроенных представителей лингвистики текста, хотя она и не всегда определялась логикой коммуникации.

ражать задуманное по-разному, то на фразовом уровне речь сначала идет о том, чтобы «передать такое же обозначение и тот же смысл средствами другого языка» (Coseriu 1981: 33). Не следует задаваться вопросом, какой элемент эквивалентен единице другой языковой системы, скорее стоит подумать, «как обозначают на другом языке в аналогичной ситуации то же самое положение дел, те же самые обстоятельства» (Ibid.). Это соответствует, как показано выше, и теоретическому подходу stylistique comparée (сопоставительной стилистики).

Непереводимыми часто оказываются отдельные слова, поскольку изолированные языковые элементы различных языков могут быть несопоставимы друг с другом (Ibid.: 30). Между ними, как правило, не существует полного (Eins-zu-eins-Beziehungen) или частичного соответствия (Eins-zu-vieles-Beziehungen), а скорее имеется во много раз более сложное переплетение связей. Существуют слова, которые вообще непереводимы на другие языки, поскольку они: (a) в силу своей «иррациональности» оказываются типичными только для соответствующего языка или поскольку (b) содержат аспект, не существующий в других языках. Другие элементы невозможно перевести потому, что (c) чисто языковой «перевод» возможен, однако такой вариант не является принятым в языке перевода.

Примеры (25): «Границы перевода», по Э. Косериу

(a) «Непереводимые» слова в немецком языке: gemütlich, Leistung, Sehnsucht, gönnen (Coseriu 1981: 30).

(b) Исп. venir означает «движение по направлению к местонахождению 1-го лица»; итал. «venire, напротив, движение по направлению к местонахождению 1-го или 2-го лица» (Ibid.).

(c) Немецкое Guten Morgen невозможно точно перевести на французский, итальянский или испанский языки, так как в этих языках не используют Bon matin, Buon mattino и Buena mañana, а используют недифференцированный вариант Bonjour, Buon giorno, Buen día (Buenos días). А приветствие Guten Abend нельзя просто перевести, используя Buona sera, поскольку в Тоскане Buona sera говорят уже после 13 часов (Ibid.: 31).

Существуют также ситуации, когда упомянутые в тексте фрагменты внеязыковой действительности неизвестны или до сих пор не были обозначены в другом языковом сообществе. В этом случае переводчик наталкивается на рациональную границу перевода,

поскольку несходство реальности невозможно передать посредством перевода, его можно только описать. Об эквивалентности можно говорить только в том смысле, что

> «аналогичные или различные значения этих языков "соответствуют" друг другу в обозначениях, т.е. могут совпадать в обозначениях (регулярно, или очень часто, или только в определенных случаях)» (Ibid.: 35).

В конце концов, в каждом языке существуют свои тонкие правила предпочтения определенных способов выражения и комбинирования слов. Стремление воспроизвести подобные структуры в языке перевода может помешать переводчику достигнуть цели перевода. Поэтому такие элементы не только не следует, но и нельзя воспроизводить в эквивалентной форме, они должны подчиняться комбинаторным и ограничительным правилам языка перевода. Однако даже в тех случаях, когда подобные условные отношения эквивалентности создать можно, необходимо учитывать границы их использования в заданных ситуациях.

Примеры (26): Типичный выбор, обусловленный языком и ситуацией

(1) Рус. конечно (как ответ на вопрос «Можешь сделать то-то или это?») можно передать на итальянский язык с помощью Naturalmente, однако, по словам Э. Косериу, более общепринятым вариантом является Si capisce che. Аналогичный пример видим в испанском языке: Claro está que или Desde luego. В итальянском языке для передачи немецкой фразы Es ist rutschig используют не теоретически возможный вариант È scivoloso, а глагол Si scivola. Аналогичная ситуация складывается в отношении «немотивированного» предпочтения определенного порядка слов, например, нем. schwarzweiß, фр. noir et blanc vs. итал. bianco e nero, исп. blanco y negro (ср. Ibid.: 35 и далее).

(2) Ответной реакцией на высказанную благодарность в немецком языке служит Keine Ursache! [австр. немецкий: Bitte, (bitte)! или Gern geschehen!], а во французском языке аналогом является не *Aucune cause, в итальянском *Nessuna causa, а: Pas de quoi и Non c'è di che. Немецкому выражению сожаления Schade! соответствует фр. [Quel] dommage!, англ. What a pity!, исп. ¡Qué lástima! (букв. Какое сожаление), итал. Che peccato! (букв. Какой грех) (ср. Ibid.: 35).

Приведенные примеры наглядно показывают невозможность создания даже на уровне языка простых отношений эквивалент-

ности, которые, согласно теории эквивалентности, составляют сущность перевода. Если, помимо этого, учитывать еще и факторы коммуникативных партнеров и ситуации, в которой осуществляется высказывание, то обращение к языку как системе оказывается полностью бесполезным.

4.1.2.1. Текст как единица перевода

Вопреки существующей в теории невозможности перевода на уровне слов и предложений, успешная переводческая практика доказывает, что перевод очень даже возможен, если исходить из текста как целого:

> «**Переводу поддаются только тексты**, а тексты создаются не только с помощью языковых средств, но и с помощью внеязыковых средств, используемых в разной мере. Это основной принцип, от которого в процессе перевода (а следовательно, и в переводоведении) зависит все остальное» (Coseriu 1981: 31; выделено в оригинале).

Приведенные в последней группе примеров речевые действия становятся «переводимыми» тогда, когда они воспринимаются не как примеры языковых структур, а как примеры текстов. На уровне текста как целого разрешается противоречие между теоретической невозможностью перевода и успешной переводческой практикой. Так называемая «непереводимость» на уровне языка превращается на уровне текста в вызов, с которым переводчику необходимо успешно справиться. Асимметрии языков на уровне системы противостоит креативное разрешение конфликтов целей в конкретных текстах, т.е. на уровне текста. При наличии соответствующей креативности на уровне текста решаемы все проблемы, которые вытекают из различий в жизненном мире.

4.1.2.2. Текст и реальность

На уровне текста решаемой оказывается и та проблема, которая уже затрагивалась выше при обсуждении нулевых эквивалентов. Если фрагмент реальности, который необходимо выразить посредством языка, (на момент перевода) неизвестен в целевом языке, то

переводчик может поступить как любой творчески настроенный носитель языка: он создает в языке перевода необходимые языковые средства, заимствуя выражения из исходного языка (неосвоенные заимствования, освоенные заимствования), осуществляя адаптацию значения (калькирование, заимствование значения) или создавая «новые выражения и значения с помощью средств своего языка» (Coseriu 1981: 37).

Тексты функционируют не только благодаря своему «языковому содержанию», но и благодаря «имплицитной ссылке на общие знания о вещах» (Ibid.). Наличие таких знаний по умолчанию предполагается и в переводе. Пока речь идет об имплицитной ссылке на общие принципы мышления, переводчику не грозят какие-либо проблемы. Однако, как только эти знания оказываются не общедоступными, а специфичными для языка или культуры, для какой-либо группы или отдельного индивидуума, тогда переводчик может столкнуться с противоречием между обозначением и смыслом. Тексты, однако, могут отсылать не только к реальному миру, но и описывать, как в художественной литературе, фиктивный мир. Кроме того, они могут быть связаны разными отношениями с другими текстами языкового сообщества. Наконец, сам язык может использоваться в текстах в разных функциях или стать предметом описания в тексте.

4.1.2.3. Многофункциональность «слов и вещей»

Все названные отношения оказываются достаточно сложными, если рассматривать тексты в одной плоскости. Если же отдельные языковые элементы выполняют не только номинативную, но и ряд других функций, то выстроить отношения непосредственной эквивалентности между такими текстовыми элементами практически невозможно, во всяком случае, без конфликтов:

- если денотаты имеют различные символические функции в соответствующих языковых сообществах;
- если язык используется в метаязыковой функции;
- если отдельные языковые элементы в тексте оригинала, наряду с номинативной, выполняют эксплицитную символическую функцию;

- если язык выступает в своей «симптоматической» функции, т.е. если с помощью языка сообщается что-либо о говорящем;
- если языковая составляющая текста реализует не только номинативную, но и изобразительную функцию;
- если связи между элементами исходного текста используются для создания многозначности (интенциональной многозначности).

Э. Косериу включает в свой текст ряд правил, на которых следует кратко остановиться. Если понимать перевод как «чисто языковую технику», то тогда получается, что невозможно перевести «реалии» с символической функцией, поскольку с такой позиции можно перевести только то, что выражено языковыми средствами. Такие реалии можно только указать или описать (Ibid.: 40). Так, черный цвет во многих культурах считается символом смерти и траура, а белый — символом радости и торжественности[159]. Однако существуют культуры, в которых символическое значение этих цветов противоположно. Так же коза не везде является символом женской глупости, равно как и вол не везде символизируют мужскую глупость и упрямство. Сказанное можно отнести и к совам, кошкам, коровам, быкам, свиньям, змеям и другим элементам, имеющим разное символическое значение в разных культурах. В подобных ситуациях переводчику приходится выбирать между передачей языковых обозначений объектов или передачей их символической функции.

Э. Косериу полагает, что метаязыковое употребление языка — наиболее легко решаемая переводческая проблема. Поскольку язык, будучи предметом метаязыкового описания, функционирует как «обозначаемая реальность», то подобные пассажи воспроизводятся без перевода. Согласно Э. Косериу, с символической функцией языковых элементов необходимо поступать так же, как и с символической функцией реалий. В подобных случаях переводчик принимает решение передавать либо смысл, либо обозначение. В случае необходимости он может указать на символическую функцию в переводческом комментарии. Дополним выше приведенную сухую информацию тремя примерами, которые позволят подчеркнуть многогранность данной проблемы.

[159] Ср. так называемые литургические цвета.

Примеры (27): Символическая функция языковых элементов

(1) Грамматический род слова может обусловить представление о предмете, прежде всего, в мифологической сфере. Ср. нем. die Sonne (ж.р.), der Mond, der Tod (м.р.), фр. le soleil (м.р.), la lune и la mort (ж.р.); слов. mesec (м.р.) и luna (ж.р.), слов. и бхс. smrt (ж.р.). Грамматический род слова, безусловно, оказывает соответствующее влияние на культурно-специфичную персонификацию понятия. Такие персонифицированные образы широко используются в художественной сфере, от литературы до изобразительного искусства (напр., в немецком Gevatter Tod (крестный отец смерть); ср. также знаменитую гравюру А. Дюрера «Рыцарь. Смерть и Дьявол»).

(2) Роберт Шнайдер намеревался вызвать заголовком своего романа Schlafes Bruder (←P des Schlafes Bruder) («Брат сна») представление о смерти как о брате сна (Schneider 1992). Такое представление можно непосредственно вызвать только в тех языках и культурах, в которых, как и в немецком языке, существительное «смерть» имеет мужской род (ср. выше п. 1). При переводе на романские или славянские языки переводчик оказывается перед альтернативой либо заменить «братские узы» на «сестринские», либо потерять ассоциативную связь со смертью. В отношении перевода данного заголовка были приняты разные переводческие решения: переводчик на русский язык Владимир Фадеев решился на вариант «Сестра сна» (Schneider 1994a), так же как и словенский переводчик Штефан Вевар Sestra sna (Schneider 1995). Переводчик на испанский язык Мигель Саэнс выбрал тоже вариант «Сестра сна» — Hermana del sueño (Schneider 1994b). Клод Порсель, переводчик на французский язык, передал заголовок Schlafes Bruder как Frère sommeil, т.е. «Брат сон» (Schneider 1994c); аналогичное решение предпочла Гизела Курпаник (Schneider 1996) при переводе заголовка на польский язык как Brat snu. Для двух последних переводчиков грамматический род лексического эквивалента слова «сон» имел, очевидно, решающее значение. Флавио Кунfamiliar Куниберто придумал полностью новое название, которое соответствует центральному мотиву романа: Le voci del mondo (Schneider 1994d).

(3) Предпосылки для заимствования (мифического) представления, связанного с языковыми структурами, могут быть созданы также путем вмешательства в структуру языка. Австрийский поэт Йозеф Фридрих Перкониг, руководствуясь бытующим в словенской культуре мифическим представлением о смерти как о существе женского пола (ср. выше примеры в п.1), придумал в немецком языке фигуру смерти женского рода — die Tödin. В рассказе Tod und Tödin он сделал атрибутом смерти-мужчины косу, а атрибутом его жены, смерти-женщины, грабли (Perkonig 1966).

В случае симптоматической функции языковых элементов, если они используются, к примеру, для характеристики какого-либо

персонажа или лица, «возможен не перевод, а адаптирование» (Coseriu 1981: 41). Такое адаптирование зависит «от диатопной (диалектной), диастратической (социокультурной) и диафазической (стилистической) структуры соответствующего языка перевода» (Ibid.). Приведем в качестве дополнения к рассуждениям Э. Косериу некоторые примеры.

Примеры (28): Симптоматическая функция языка

(1) Кристоф Рансмайр характеризует в своем романе «Ужасы льдов и мрака» (=Ransmayr 1996) происхождение одного из своих героев с помощью «канцелярского» языка: „So verwendete Mazzini, als er in der Rauhensteingasse noch neu war, Worte wie Lichtspieltheater, sagte behufs, hochherzig, dergestalt oder fernmündlich“ (Ibid.: 20). Наталья Федорова использует в переводе на русский язык (=Рансмайр 2003) стилистически маркированные слова, которые также воспринимаются архаично, однако не идентичны по смыслу соответствующим элементам оригинала: «К примеру, еще новичком на Рауэнштайнгассе Мадзини употреблял старомодные слова вроде “**синематограф”**, говорил “**на сей конец**”, “**высокие помыслы**”, “**следственно или телефонировать**”. (Рансмайр 2003: 15) [= гомологичный перевод: К примеру, Мадзини, будучи новичком на Рауэнштайнгассе, употреблял слова вроде «кинематограф», «надобность», «великодушно», «таковой» или «по телефону»; *выделено Э.П.*].

В этом же романе используются и профессионализмы для характеристики ситуаций и персонажей. К примеру, жаргон моряков (2a) или жаргон охотников (2b):

(2a) „Steuerborddivision Marssegel reffen! Erstes Reff! Entert auf! Braßt! Marsfallen los! ... Brassen straff! ... Refftaljen auf! ....“ (Ransmayr 1996: 261) — «По правому борту зарифить марселя! Первый риф! Живо по реям! Брасопь! Марсафалы отдать! ... Тяни брасы! ... Рифтали отдать! ...» (Рансмайр 2003: 185).

(2b) „Die Schlittenhunde verschlangen den Fraß, den er ihnen hinwarf, wichen aber knurrend und mit entblößten Fängen zurück, wenn er versuchte, sie von den Leinen zu befreien, die sie immer noch aneinander fesselten.“ (Ransmayr 1996: 260) — «Собаки вмиг сожрали корм, который он им бросил, но, рыча, оскалили клыки и отпрянули, когда он попытался освободить их от постромок, что до сих пор связывали одного с другим» (Рансмайр 2003: 185).

О «живописующей» функции Э. Косериу говорит в тех случаях, когда язык, благодаря своей материальной форме проявления, обнаруживает сходство с обозначаемым объектом, к примеру, через

звучание или ритм[160]. С помощью звукоподражательных слов, в частности, глаголов «лепетать», «шуршать», таких существительных, как «гоготание», «грохот», или с помощью языкового ритма, к примеру, Walle, walle, manche Strecke, daß zum Zwecke Wasser fließe, можно имитировать реальные феномены (звукоподражание).

Случаи с наслаивающимися функциями языка: к примеру, появление в тексте элементов и в номинативной, и в метаязыковой функции, или вовсе использование языковых эквивалентных связей в игре слов, т.е. интенциональной многозначности, логично считать непереводимыми. Э. Косериу, как и Р. Якобсон, относит эти элементы к области творческого подражания.

Примеры (29): Интенциональная многозначность

(1) Кажущаяся тавтология в рекламе итальянского напитка «Chi beve Neri, Neri beve» («Кто пьет Нери, пьет Нери») оказывает свое воздействие, поскольку этот рекламный слоган является омофоном предложения “Chi beve Neri, ne ribeve” («Кто пьет Нери, будет пить его снова») (Coseriu 1981: 41).

(2) В переводах серии комиксов об Астериксе омофоны traces «следы» и Thraces «фракийки» обыгрываются по-разному. Так, Обеликс готов охотно идти за фракийками или по следам: « Mignonnes, les petites matrones! Ce sont des Thraces qu’on aimerait suivre! » В немецком варианте реализуется игра слов с неологизмом Spuradinnen (= «неправильное» копирование в соответствии с омофонами traces и Thraces: Spuren/Thrakerinnen → Spuradinnen), которая дополняется известной цитатой И.В. Гете: „Reizend die kleinen Spuradinnen! Errötend folgt man ihren Spuren“. В английском варианте используется игра слов с элементами Crete — indiscreet: “Have you noticed the little Cretan girls? I wouldn’t mind being in this Crete with a few like that. Well, don’t go being indiscreet here” (Grassegger 1985: 92).

Согласно Косериу, во всех случаях, где отмечена подобная многофункциональность, теоретики переводоведения говорят о непереводимости. Поскольку на каждую из функций, перечисленных Э. Косериу, могут наслаиваться другие функции, то количество вариантов «непереводимости» увеличивается в разы. Уже один этот факт ясно показывает, насколько далека от практики дискуссия о непереводимости в рамках «теории перевода», — это определение

[160] В рамках семиотической терминологии в подобных случаях говорят об иконических знаках, а сам феномен обозначается как иконичность.

Косериу в своих работах употребляет в кавычках[161]. Поскольку именно интенциональная многозначность определяет сущность художественных текстов, а также некоторых рекламных текстов, политических речей и пр., то существенная область переводческой деятельности не вписывается в рамки объекта того типа (лингвистического) перевода, которого имплицитно касается Косериу.

Позиция Э. Косериу в вопросе об отношении между языком и реальностью и о переводческих потерях в случае многофункциональности вовсе не нова. Примеры тоже кажутся более или менее знакомыми. В свете выше расмотренного переводоведения, ориентированного на теорию эквивалентности, они выполняют роль обобщающего повторения. Новым у Косериу было то, что те вопросы, на которые пыталась ответить лингвистическая теория перевода, и те дискуссии, которые велись по поводу переводимости и непереводимости, он попросту объявил неправильными. Вопреки «теории перевода», переводчики интуитивно все равно находят правильные решения, несмотря на практическую «невозможность» перевода. Подобно тому как в теории речевых актов необходимо наблюдать за говорящим, так и в теории перевода необходимо, в первую очередь, наблюдать за переводчиком (Coseriu 1981: 28). А переводчики работают не со словами и не с предложениями, а с текстами.

4.1.2.4. Верное словечко в неправильном местечке

В отличие от перевода как результата, перевод как процесс знает не рациональные, а только эмпирические границы, которые приходится преодолевать по-разному, в зависимости от языковой пары и от конкретной ситуации. В крайнем случае, переводчику приходится создавать в языке перевода новые соответствия, которые копируют структуру ИЯ, или прибегать к таким спасательным средствам, как объяснения или комментарии. В некоторых случаях даже текст, не являющийся переводом, может считаться таковым. Из этого следует, что проблема оптимальной инвариантности решается в переводческой практике по-разному. Поэтому должны существовать и разные уровни инвариантности, которые действительны для

[161] Из библиографии, приведенной в работах Э. Косериу, не ясно, каких исследователей и/или какие школы он причисляет к такой «теории перевода».

разных аспектов переводимых текстов. Из этого Э. Косериу делает следующий вывод:

> «Применительно к процессу перевода ... об абстрактной оптимальной инвариантности не может быть и речи. Ведь перевод является целенаправленной и исторически обусловленной деятельностью, поэтому оптимальное в переводе может быть различным от случая к случаю, в зависимости от адресата, вида текста и назначения перевода. Более того: разнообразность оптимальной инвариантности может касаться даже частей одного и того же текста» (Coseriu 1981: 44).

Если отвлечься от несколько запутывающей терминологии, которая используется в этом пассаже, то аргументацию Косериу можно обобщить следующим образом:

- Процесс перевода, если подходить к переводу с неправильными мерками, в многочисленных случаях оказывается теоретически невозможным. Вопрос о наличии/отсутствии эквивалентности на уровне языковых систем имеет вторичное значение, и поэтому он неверен по сути. Правильная постановка вопроса должна звучать так: какая степень и какие формы инвариантности могут быть реализованы в конкретных переводах?
- Перевод, письменный или устный, представляет собой целенаправленную деятельность, т.е. обусловлен целью и историческими факторами.
- Степень достижимой оптимальной инвариантности зависит от таких факторов, как текст (тип текста), адресат и назначение перевода.

Аспект историчности перевода, т.е. его зависимости от норм и традиций, касающихся «процесса перевода» в соответствующей культуре в определенный момент времени, знаменует собой новое измерение, которое впоследствии будет способствовать смене парадигм в переводоведении. Однако на Нобелевском симпозиуме 1976 г., где Косериу выступил с докладом, радикальная смена парадигм вряд ли могла произойти. За четыре года до этого, в 1972 г., Джеймс Холмс, признанный переводчик художественной литературы и литературовед, уже обрисовал контуры переводоведения как новой самостоятельной дисциплины. В том же году, когда состоялся Нобелевский

симпозиум, будущие представители Descriptive Translation Studies (дескриптивного переводоведения), которым предстояло на деле осуществить намеченную смену парадигм, собрались на свой первый конгресс в Лёвене[162]. Нормативные переводоведческие школы, ориентированные на теорию эквивалентности, внешне все еще считались достаточно репрезентативными, учитывая общий уровень научного развития и исследований.

4.1.3. Второй, чуть запоздавший призыв

Подобный взгляд на переводоведение, которое между тем уже освобождалось от сопоставительной лингвистики, очевидно, стал отправной точкой для Вольфганга Дресслера, который в 1986 г. на симпозиуме в двуязычном Южном Тироле поставил под сомнение сопоставительно-лингвистический подход (Dressler 1987). В своем вступительном слове он ставит лингвистике текста в заслугу «объяснение того, что адекватный перевод возможен только на уровне текста» (Dressler 1987: 21). На примере древней южнотирольской эпитафии и ее внутриязыкового и межъязыкового переводов Дресслер пытается продемонстрировать эффективность методов анализа лингвистики текста.

Пример (30): Когерентность и когезия в тексте южнотирольской эпитафии

Aufigstiegen Kerschen brockt Abigfallen Hingwesen	Hinaufgestiegen Kirschen gepflückt Heruntergefallen Tot gewesen	Salito Colto ciliege Caduto Morto
Gelobt sei die Heilige Dreifaltigkeit.		

Немецкий текст состоит всего лишь из «обрывков предложений». Однако, несмотря на это, они образуют связанный текст. Временные и причинно-следственные взаимосвязи известны каждому читателю благодаря имеющемуся опыту. На основании таких фоновых знаний можно реконструировать всю цепь событий. Совокупность фраз (кто-то решит, что они неправильно составлены, с точки зрения грамматики) можно, тем не менее, назвать текстом, если их последовательность соответствует определенным семантическим критери-

[162] В бельгийском университете Лёвен (Leuven) сложилось направление историко-функционального переводоведения, представленное Жозе Ламбером (Jose Lambert) et al. (*Примеч. ред.*)

ям порядка каузальной, темпоральной или логической природы. В лингвистике текста для этого используется термин «когерентность».

Однако когерентность не кажется очевидной, если посмотреть на 5-ю строку эпитафии: Gelobt sei die Heilige Dreifaltigkeit. На первый взгляд это предложение никак не связанно с описанной выше ситуацией. Текст представляется некогерентным.

Чтобы весь текст оказался когерентным, необходимо привлечь идеологический контекст, который задает тональность всей коммуникативной ситуации, а именно, тональность глубокой набожности составителя данного текста и его читателей, которая позволяет увидеть в этой кажущейся бессмысленной смерти высокий смысл. Таким образом, этот текст становится когерентным только на таком идейном фоне. Этот вывод относится как к немецкому, так и к итальянскому вариантам текста.

Немецкий и итальянский варианты отличаются тем, что в немецком грамматический род не маркирован, а в итальянском языке, ввиду наличия грамматического рода у причастий, обозначаемая ситуация должна быть соотнесена с лицом либо мужского, либо женского пола. Эта проблема обусловлена, как подчеркивал еще Р. Якобсон (см. раздел 2.1), диктатом структурных особенностей итальянского языка. В нашем конкретном случае эта проблема разрешается с помощью информации об имени умершего, которое должно быть указано на надгробном камне. В. Дресслер указывает также на то, что существуют различные средства, позволяющие связывать элементы текста в единое целое. В грамматике текста для этого используется термин «когезия». В приведенном итальянском варианте когезия реализуется с помощью категорий грамматического рода и числа согласованных форм причастий, которые выражены специальной морфемой. В немецком тексте подобное маркирование, казалось бы, отсутствует, однако параллелизм форм причастий оказывается достаточным средством для создания необходимой когезии.

Наряду с согласованием существуют другие средства, такие как союзы, субституция, средства катафорической и анафорической связи, которые «сшивают» тексты. О субституции речь идет в тех случаях, когда один текстовый элемент в последующем заменяется другим текстовым элементом. Под средствами катафорической и анафорической связи понимаются языковые единицы, с помощью

которых реализуются ссылки на предыдущие или последующие фрагменты текста. Проиллюстрируем некоторые из таких структур в качестве дополнения к рассуждениям Дресслера на примере текста Библии (от Луки 19, 1–6):

Примеры (31): Текстограмматические структуры

Et ingressus perambulat Jericho [1]. Et ecce **vir nomine Zachaeus [4]**: et **hic** [4] princeps erat publicanorum, et **ipse** [4] dives: et quaerebat videre IESUM [3], QUIS [3] esset: et not poterat prae turba, quia statura pusillus erat. Et praecurrens ascendit *in arborem sycomorum* [2] ut videret EUM [3]. quia *inde* [2] erat transiturus. Et cum venisset ad locum [2], suspiciens JESUS [3] vidit **illum [4]**, et dixit ad **eum [4]: Zachae** [4] festinans descende	E GESÙ, essendo entrato in Gerico [1], passava per la città [1]. Ed ecco, **un uomo**, **detto per nome Zaccheo [4], il quale [4]** era il capo de' pubblicani, ed era ricco; E cercava di veder GESÙ [3], per saper chi EGLI [3] era; ma non poteva per la moltitudine, perciocchè **egli** [4] era piccolo di statura. E corse innanzi, e salì sopra *un sicomoro* [2], per vederLO [3]; perchioche EGLI [3] avea da passare *per quella via* [2]. E, come GESÙ [3] fu giunto *al quel luogo* [2], alzò gli occhi**, e lo [4] vide, e gli [4] disse:** Zaccheo [4], scendi giù prestamente
JÉSUS [3] entra dans Jéricho [1] et traversa la ville [1]. Il y avait **un homme fort riche, nommé Zachée. chef des percepteurs d'impôts [4]. Il [4]** cherchait à voir qui était JÉSUS [3] et n'y pervenait pas, à cause de la foule, car **il [4]** était petit de taille. **Il** [4] courut prendre les devants et grimpa *sur un sycomore* [2] pour LE [3] voir quand Il [3] allait passer par *là* [2]. JÉSUS [3], parvenu à cet éndroit [2], leva les yeux et **lui** [4] dit: **«Zachée**, [4] descends vite»	Prišel je v Jeriho [1] in šel skozi mesto [1]. In glej, bil je **neki mož, Zahej po imenu** [4], **ki** [4] je bil višji cestninar in bogat. Želel je videti JEZUSA [3], kdo je, pa ni mogel zaradi množice, ker je bil majhne postave. Tekel je torej dalje in splezal *na divjo smokvo* [2], da bi GA [3] videl, zakaj *tam* [2] je moral iti mimo. Ko je JEZUS [3] prišel na *ono mesto* [2], je pogledar gor in **mu** [4] rekel: „**Zahej**, [4] stopi hitro dol“
Dann aber kam ER nach Jericho [1] und zog hindurch [1]. Und siehe, da[1] war **ein Mann mit Namen Zachäus** [4], **der** [4] war Oberzöllner und reich. **Er** [4] suchte JESUS [3] zu sehen, wer ER [3] wäre, vermochte es aber nicht wegen der Volksmenge, denn **er** [4] war klein von Gestalt. Da lief **er** [4] voraus und stieg *auf einen Maulbeerfeigenbaum* [2], um IHN [3] zu sehen; denn *da* [2] mußte ER [3] vorbeikommen. Als nun JESUS [3] *an die Stelle* [2] kam, schaute ER [3] hinauf und sprach zu **ihm** [4]: „**Zachäus** [4], steig schnell herab“	Dann kam ER [3] nach Jericho [1] und ging durch die Stadt [1]. Dort [1] wohnte **ein Mann namens Zachäus** [4]; **er** [4] war der oberste Zollpächter und war sehr reich. **Er** [4] wollte gern sehen, wer DIESER JESUS [3] sei, doch die Menschenmenge versperrte **ihm** [4] die Sicht; denn **er** [4] war klein. Darum lief er [4] voraus und stieg *auf einen Maulbeerfeigenbaum* [2] um JESUS [3] zu sehen, DER [3] *dort* [2] vorbeikommen mußte. Als JESUS [3] an *die Stelle* [2] kam, schaute ER [3] hinauf und sagte zu **ihm**: [4] „**Zachäus** [4], komm schnell herunter“

В приведенных фрагментах некоторые текстовые элементы, отсылающие к идентичным объектам и лицам изображаемой реальности, выделены графически. А именно, город Иерихон [1], смоковница [2] и обе главные фигуры Иисус (JESUS) [3] и Закхей (Zachäus) [4]. Уточним сначала некоторые термины. Соотнесение текстовых элементов с объектами внеязыковой действительности называется референцией (Referenz). Объекты и ситуации внеязыковой действительности, с которыми соотносится языковой знак, называют референтами (Referenten). Текстовые элементы, которые соотносятся с одним и тем же референтом, называют кореферентными (koreferent).

Посмотрим, как вводятся в текст референты и как активизируются представления о них с помощью кореферентных текстовых элементов. Самым обычным средством связи с референтом являются местоимения, используемые в последующем контексте вместо существительного, обозначающего референта (Jesus → er). Вместо местоимений могут употребляться существительные, прилагательные, наречия или именные фразы, даже целые структурные части сложных предложений (Jericho → die Stadt, dort). Подобные сегменты текста называют проформами (Proformen). Местоимения, таким образом, являются всего лишь одним из особых случаев проформ. Совместно с другими средствами когезии они создают сеть взаимосвязей, которая связывает весь текст.

Если посмотреть на субституционные цепочки кореферентных элементов и их распределение по тексту, то несложно заметить, что системы правил, по которым осуществляется соединение элементов текста, должны быть достаточно разными. Так, повторы в отдельных текстах имеет разную частотность. Например, частотность референтных средств, относящихся к главным фигурам Иисусу и Закхею, в немецком тексте единого перевода Библии в два раза выше (6+8), чем в словенском (3+4). В латинском и итальянском вариантах использованы еще и такие средства референции, как указательные местоимения (hic, ipse; il quale et al.), позволяющие разграничить обоих персонажей. Таким образом, даже в таком тексте, как Библия, невозможно выстроить отношения простой эквивалентности на уровне слов и словосочетаний в силу текстограмматических различий.

Соотнесение кореферентных текстовых элементов происходит, как уже упоминалось, не только на основании грамматических правил, но и на основании взаимосвязи. Когерентность может создаваться на основании жизненного и читательского опыта в некоторых случаях даже тогда, когда в тексте нет явных средств когезии или же когда средства когезии отличаются неоднозначностью. К примеру, в газетном заголовке: Contadino aggredito da un leone — Catturato dai carabinieri [«Львы напали на крестьян — схвачены карабинерами»] (Dressler 1987: 24), вряд ли кто-то соотнесет причастие catturato (схвачены) с референтом «гражданин». Помимо различий в когезийных структурах Дресслер подчеркивает различную частотность употребления частиц. Так, можно вывести эмпирическое правило о том, что в немецком языке используется больше частиц, чем в итальянском, английском и славянских языках.

Дресслер обращается также к проблеме конвенций типов текста. Используя примеры из неопубликованной работы Майкла Клайна (см. Clyne 1987), он указывает на разные стратегии при построении немецких и английских научных текстов. Из этого он делает следующий вывод для своей двуязычной южнотирольской публики:

> «При переводе объемных официальных текстов необходимо учитывать также и макроструктуру исходного текста и текста перевода. Применительно к юридическим текстам это возможно лишь в редких случаях по причинам юридического характера, однако, к примеру, в политических обращениях, программных выступлениях и вообще в политических персуазивных текстах макроструктура исходного текста не должна оставаться “священной”, поскольку макроструктура текста в обоих языках должна позволять достичь оптимального воздействия адекватным способом, соответствующим специфике языка» (Dressler 1987: 28).

И, наконец, Дресслер затрагивает проблему интертекстуальности, т.е. взаимодействия текстов и элементов текстов с другими текстами, которые накоплены в сознании языкового сообщества. Он заканчивает свои рассуждения наблюдением о том, что перевод в двуязычном Южном Тироле, с одной стороны, касается уровня текста, а, с другой стороны, с позиции интертекстуальности выходит за пределы текста, однако текстолингвистический подход, в любом случае, оказывается выгодным для перевода.

4.2. Нормативные барьеры

Э. Косериу и В. Дресслер посвятили вопросам перевода лишь некоторые свои статьи. Однако мы осознанно остановились несколько подробнее на их размышлениях, чтобы акцентировать тенденции научного развития за пределами переводоведения и осветить некоторые основные понятия лингвистики текста. В отличие от радикального отказа Ф. Пепке от принципа эквивалентности, оба автора все же были готовы расширить границы постулата эквивалентности до текста как целого.

За то десятилетие, которое отделяет вклад Косериу от идей Дресслера, т.е. в период 1976–1986 гг., оптика научных исследований в переводоведческих школах, основанных на идеях языкознания, во многом изменилась. Вольфрам Вилсс осветил эти изменения в своей монографии "The Science of Translation" («Наука перевода») (Wilss 1982). На фоне описанных тенденций остается непонятным, почему в рамках вузовского обучения переводу этому развитию уделялось так мало внимания. Очевидно, Дресслер осознавал это обстоятельство, ссылаясь снова и снова на сопоставительно-лингвистическую модель.

Расширение единицы перевода до уровня текста представляло собой необходимый промежуточный шаг, на котором переводоведение, однако, уже не могло остановиться. Проблема когерентности текстов, существование интертекстуальности, проблематика функций текста и перевода, а, в первую очередь, закономерности культурного переноса, равно как и социальной и политической плоскости межкультурной и транскультурной коммуникации требовали более просторных рамок для объяснений. С разработкой скопос-теории, о которой речь пойдет в следующей главе, переводоведение, ориентированное на языкознание, начало высвобождаться из тисков сопоставительной лингвистики. С 1978 г. усилия Х. Фермеера были направлены на развитие новых подходов в переводоведении (ср. Vermeer 1978, 1982, 1983, 1986c, d). Дресслеру было известно об этих тенденциях. Однако он, по-видимому, не до конца осознавал всю интенсивность смены парадигм.

Дополнительная литература

Лингвистика текста

Dressler (ed.) (1978); Beaugrande/Dressler (1981); Brinker (1985);

Heinemann/Viehweger (1991); Coseriu (^{3}1994); Vater (^{3}2001);

Heinemann, M./Heinemann, W. (2002); Weinrich (^{2}2003); Linke et al. (^{5}2004); Brinker (^{7}2010a, 2010b).

Лингвистика специальных текстов и перевод[163]

Gülich/Raible (1972); Reiß (1977a); van den Broeck (1980); Spillner (1981); Rothkegel/Sandig (1984); Arntz (ed.) (1988); Schröder (ed.) (1991); Albrecht/Baum (ed.) (1992); Baumann (1992); Baumann/Kalverkämper (ed.) (1992); Oldenburg (1992); Schröder (ed.) (1993); Göpferich (1995; 1996a, b); Kalverkämper/Baumann (ed.) (1996); Engberg 1997; Šarčević (1997); Simmler (ed.) (1997); Trosborg (ed.) (1997); Göpferich (1998); Adamzik (1999); Fix et al. (ed.) (2001); Šarčević (ed.) (2001); Göpferich (2001, 2002); Bauman/Kalverkämper (ed.) (2004); Göpferich (ed.) (2004); Krings/Mayer (ed.) (2008); Reinart (2009); Gansel (2011).

[163] Выборочная библиография, начиная с Kupsch-Losereit (до 2002 г.) и Reinart (2003–2009 гг.) и заканчивая переводом специальных текстов, представлена в интернет-ресурсе http://www.fask.uni-mainz.de/ user/kupsch/biblio.html (последнее обращение 15.11.11).

5. Переводческая деятельность

В 1982 г. из-под пера двух «практиков» института переводоведения, культурологии и языкознания университета Майнц/Гермерсхайм вышла книга (Hönig/Kußmaul 1982, ^{5}1999), которая отличалась от многих других публикаций, выполненных в духе сопоставительной лингвистики, и уже своим заглавием четко указывала направление целевой концепции перевода. Монография называлась «Стратегия перевода», а ее авторами были Ханс Хёниг и Пауль Кусмауль.

5.1. Стратегии

Стратегии имеют смысл только тогда, когда есть заданная цель. Как будет показано ниже, стратегического подхода к (художественному) переводу требовал еще в 1963 г. Иржи Левый, однако этот чешский ученый на тот момент остался вне поля зрения немецкого переводоведения, несмотря на то, что его работа была переведена на немецкий язык (Levý 1969[164]).

5.1.1. Назад к Сепиру и Уорфу

Подобно Ю. Найде, Х. Хёниг и П. Кусмауль начали с идей Э. Сепира и американской этнолингвистики. Социокультура (термин Хёнига и Куссмауля (1984: 55) является корнем всякого языкового высказывания и в значительной степени определяет его форму. Тот, кто хочет взяться за перевод, начиная с его основ, должен ориентироваться не на видимую часть текста, а уметь оценить целостность текста сквозь призму социокультурных предпосылок.

> «Не язык определяет, что можно и что следует сказать, он поставляет лишь необходимый материал» (Hönig/Kußmaul 1984: 44).

[164] Традиционное написание фамилии чешского ученого Levý, закрепившееся в русском языке со времени опубликования его книги в русском переводе: *Левый Иржи*. Искусство перевода. Пер. с чеш. и предисл. Вл. Россельса. – М.: Прогресс, 1974. – 396 с. (*Примеч. ред.*)

«Каждый текст можно понимать как вербализованную часть некоторой социокультуры. Невозможно отделить текст от его социокультурного контекста, если неизвестно, для какой цели это необходимо сделать» (Ibid.: 58).

В отличие от Найды, Хёниг и Кусмауль имеют дело, в первую очередь, не со «священными» текстами, смысл которых необходимо максимально точно перенести в другую культуру под пристальным взором экзегетов, а с текстами из повседневной переводческой практики. Но, тем не менее, именно такие тексты, хотя и в различной степени, оказываются достаточно конвенционализованными и культурно обусловленными.

5.1.2. Речевые акты

Хёниг и Кусмауль разработали образцовый аналитический инструментарий для своих дидактических целей в опоре на теорию речевых актов и лингвистику текста[165]. В качестве вводного примера они приводят следующую историю.

Пример (32): Прощание как речевое действие

На заключительном мероприятии зимних Олимпийских игр 1976 г. в Инсбруке светилась огромная надпись: “GOOD BYE IN LAKE PLACID”. Перед «переводчиком», очевидно, была поставлена задача, перевести немецкое предложение „Auf Wiedersehen in Lake Placid“. Как представляется, именно так и было сформулировано переводческое задание. Во всяком случае, переводчик не подумал, что речь идет о формуле приветствия, в отношении которой в немецком и английском языках существуют разные нормы употребления. Немецкая фраза Auf Wiedersehen может действительно подразумевать последующую встречу, однако это не обязательное следствие. Английское Goodbye также используется для того, чтобы попрощаться друг с другом. При этом, как и в немецком языке, остается открытым вопрос, состоится ли повторная встреча или нет. Однако, если говорящий хочет подчеркнуть свою установку на последующую встречу, то следует использовать другую формулу прощания. Поскольку в нашем случае для следующей встречи указывается даже конкретное место и определенное время, а именно, через четыре года в Лейк-Плэсиде, то следует использовать формулу прощания, которая подразумевает последующую встречу. Кроме того, при поиске вариантов

[165] Х.Г. Хёниг и П. Кусмауль обращаются к модели, которая была разработана Дитером Штайном (1980) на основе так называемой инструктивной лингвистики Зигфрида Й. Шмидта.

перевода следовало бы учесть дистанцию между коммуникативными партнерами (в американском английском, к примеру, возможны такие варианты, как See you/Till + дата, So long …). Одна из возможных нейтральных формулировок прощальной надписи могла бы звучать так: We'll meet again in Lake Placid[166] (см. Hönig/Kußmaul 1984: 9 и далее).

В теории речевых актов, как упоминалось выше, речевые высказывания воспринимаются, в первую очередь, как действия, с помощью которых говорящий хочет достичь в отношении своего коммуникативного партнера определенной цели. В приведенном выше примере речь идет о речевом акте «прощание». Этот речевой акт отличается высокой степенью конвенциализации и предоставляет коммуникантам очень узкий спектр способов его реализации, «корректных» для той или иной социокультуры.

Речевое действие и, соответственно, перевод считаются успешными в том случае, если они не только правильно понимаются коммуникантами, но и вызывают желаемую реакцию, т.е. если они позволяют успешно реализовать интенцию говорящего. Вопрос, что правильно, а что неверно, зависит от норм, которые приняты в соответствующей культуре в соответствующей ситуации в соответствующий момент времени. Так, нормы и традиции употребления, наличие которых предполагается в двух последующих примерах, могут изменяться от поколения к поколению.

Пример (33): Социокультура и речевые акты

В Англии принято эксплицитно выражать благодарность за комплимент, к примеру, речевым действием "What a lovely dress you are wearing! — Thank you, it is nice, isn't it?" В Германии сопоставимая реакция „Vielen Dank!" будет звучать достаточно непривычно или даже иронично (ср. "Danke für das Kompliment" как ироничный ответ на оскорбление). Более привычной реакцией на комплимент является фраза: „Findest du?/ Gefällt es dir?/Freut mich, daß es dir gefällt" (см. Hönig/Kußmaul 1984: 84).

Таким образом, чтобы передать названные речевые акты посредством перевода в другой культуре и, соответственно, в другой ситуации, необходимо знать соответствующие нормы и экстралингвистический контекст. А он не всегда заметен непосредственно на внешнем уровне текста.

[166] Ср. «До встречи в Лейк-Плэсиде». (*Пер. с англ. ред.*)

5.1.3. Необходимая дифференциация

Если же понимать говорение как социальную деятельность, то переводчик уже не может рассматриваться как пассивный трансформатор текстов. Он становится активным участником коммуникативного процесса, в котором он «действует и воздействует» (ibid.: 40). Разумеется, эти действие и воздействие осуществляются не произвольно, а на основании ситуативной погруженности перевода. Существенным фактором при этом является целевая публика со своей культурой и фоновыми знаниями. Хёниг и Кусмауль показывают на двух примерах, как должна осуществляться подобная «настройка» на адресата текста.

Примеры (34): Коммуникация и дифференциация

(1) In Parliament he fought for equality, but he sent his son to Winchester.

(2) When his father died his mother couldn't afford to send him to Eton any more.

В обоих примерах предполагается, что реципиент ИТ знаком с системой английских public schools (частных школ) и знает, какой статус имеют Винчестерский и Итонский колледжи. При переводе эта имплицитная информация может быть передана с разной степенью «заметности»:

(1–1) В парламенте он боролся за равенство возможностей, своего сына, однако, он отправил учиться в Винчестер (ср. Ibid.: 58).

(1–2) В парламенте он боролся за равенство возможностей, однако своего сына он отправил учиться в одну из элитных английских школ (Ibid.: 53).

(2–1) Когда умер его отец, мать не могла позволить себе отправить сына в Итон.

(2–2) Когда умер его отец, мать не могла позволить себе отправить его в одну из дорогих частных школ (Ibid.: 53).

(2–3) Когда умер его отец, мать не могла позволить себе отправить его в Итон, одну из дорогих частных школ, выпускники которых и по сей день составляют основную часть политической и деловой элиты (ср. Ibid.: 58).

Ориентир, которого следует придерживаться переводчику, когда он «настраивает» текст на социокультурный контекст, Хёниг и Кусмауль называют степенью необходимой дифференциации. Перевод вышеприведенного примера мог бы сопровождаться

следующими рассуждениями: для русского реципиента ТП, который *не* знает о специфической функции Винчестерского и Итонского колледжей, необходимо добавить информацию, чтобы обеспечить адекватное понимание текста. Переводы (1–2) и (2–2) соответствуют этому критерию, а варианты (1–1) и (2–1) представляются недостаточно дифференцированными с позиции возможного понимания текста. Степень дифференциации варианта (2–3) больше, чем это необходимо, и поэтому неуместна. А если переводчик предполагает наличие у целевой публики необходимых фоновых знаний о функции и ранге английских частных колледжей, то степень дифференциации переводов (1–1) и (2–1) окажется достаточной.

Помимо настройки на уровень знаний реципиента ИТ, переводчик должен учитывать нормы типов текстов. Типы текстов являются своего рода конденсатом ситуативных факторов, повторяющихся в определенной культуре.

> «Таким образом, мы можем определить типы текстов как производные ряда ситуативных факторов, которые подчиняются социокультурным конвенциям и регулируются определенными правилами» (Hönig/Kußmaul 1984: 71).

Разворачивая дискуссию о типах текстов, Х. Хёниг и П. Кусмауль могли исходить из наработок Катарины Райс, которая очень рано начала заниматься вопросами не только переводческой типологии текстов, но и лингвистических типов текстов, таких как, например, свидетельство о смерти (Reiß 1977a). На примере инструкции по применению лекарственных средств Хёниг и Кусмауль наглядно продемонстрировали, как с помощью работы с параллельными текстами выявить образцы текста, специфичные для того или иного типа текста, с целью учета данной специфики при переводе.

На какую целевую публику должен ориентироваться переводчик и какой будет коммуникативная функция текста перевода — ответы на эти вопросы не заданы изначально. Эту информацию переводчик получает вместе с переводческим заданием. Именно из переводческого задания следует выводить степень необходимой дифференциации и адекватное обращение с нормами типов текста. Хёниг и Кусмауль предлагают следующую схему, в соответствии с которой принимаются эти решения (ср. Hönig/Kußmaul 1984: 58):

- Переводчик воспринимает ИТ и соотносит его с ситуацией именно как переводчик.
- Он уточняет переводческое задание и определяет коммуникативную функцию ТП.
- Из этой коммуникативной функции он выводит степень необходимой дифференциации.
- Он создает текст перевода в соответствии с установленной степенью дифференциации и характерными для культуры ПЯ нормами типов текстов.

В схематичной модели Хёнига и Кусмауля переводчик начинает приобретать характерные черты создателя транскультурной коммуникации, разделяющего ответственность за ее успешность с другими участниками. Его решения ориентированы, прежде всего, на целевую публику с ее ожиданиями и установками. Переводческое задание, а вместе с ним имплицитно и назначение перевода, выходят на передний план и занимают самую высокую позицию в иерархии факторов, обусловливающих принятие решений. Однако аргументация в пользу назначения перевода звучит пока еще крайне сдержанно.

5.1.4. Период смены парадигм

Благодаря четко выраженному дидактическому подходу, Хёниг и Кусмауль, очевидно, попали в самую точку. Многократные переиздания их работы красноречивее других аргументов подтверждают этот факт[167]. К этому моменту научный переводоведческий дискурс уже пришел в движение: в 1984 г. Катарина Райс и Ханс Фермеер опубликовали свой труд „Grundlegung einer allgemeinen Translationstheorie“ («Основы общей теории перевода»), а Юста Хольц-Мянттяри — „Translatorisches Handeln“ («Переводческая деятельность»). Обе монографии объединял деятельностный подход, благодаря которому переводоведение полностью эмансипировалось от языкознания. В том же году Д. Селескович и М. Ледерер выступили со своей интерпретативной теорией (théorie du sens), противопоставив ее языковедческой парадигме. Тогда же переводом заинтересовалось и литературоведение. Фритц Пепке (Paepcke/

[167] Другие издания (^{2}1984, ^{3}1991, ^{4}1996, ^{5}1999, ^{6}2003).

Forget 1981, 1982; Paepcke 1986) вел открытую полемику с главными представителями сопоставительно-лингвистического подхода и изобличал эквивалентность как иллюзию. В Нидерландах еще в 1970-е гг. сформировалась так называемая манипулятивная школа (Manipulation School), представители которой готовили свою первую совместную публикацию (см. Hermans 1999b: 12). Одна из статей этого сборника была посвящена проблематике перевода драматических произведений. Ее автор, Сьюзан Басснетт, основала в 1980-е гг. Центр перевода и сравнительной культурологии (Centre for Translation and Comparative Cultural Studies) при университете Уорик (Великобритания — *примеч. ред.*). Ее научные изыскания стали мощным литературоведческим и культуроведческим импульсом для переводоведениия.

Джеймс Холмс, который еще в 1972 г. выдвинул аргументы в пользу основания переводоведения как отдельной дисциплины и систематизировал сферы переводоведческих исследований (опубл. Holmes 1988), выступил в 1984 г. на Венском конгрессе Международной федерации переводчиков с установочным докладом об актуальном соотношении литературоведения и переводоведения (см. Holmes 1985). Через Дж. Холмса осуществлялись интенсивные контакты («сетевые контакты», как сказали бы мы сегодня) с израильскими исследователями Итамаром Эвен-Зохаром и Гидеоном Тури. В юбилейном сборнике в честь Рене Уэллека один из основателей Гёттингенского центра специальных исследований в области художественного перевода, Армин Пауль Франк, изложил концепцию теории литературного перевода (Frank 1984). Тем самым, совместно с подходами герменевтической школы был заложен фундамент переводоведения с литературоведческой и культурологическиой основой, а также литературоведения, ориентированного на переводоведение. В культурологии этот факт спровоцировал переводческий взрыв (translational turn): в исследовании процессов перевода культурологи увидели новый методологический принцип (Bachmann-Medick 2006: 238 и далее). В США после смерти Пола де Мана в 1984 г. завершилась важная стадия развития гуманитарной и литературоведческой школы деконструкции, которая нашла свое отражение и в переводоведении.

5.2. Скопос-теория

Настойчивое использование принципа целеполагания перевода, который Х. Фермеер разрабатывал еще в своих ранних сочинениях (собрание в Vermeer 1983), набирало обороты, не останавливаясь даже перед традиционным требованием о равенстве функций между ИТ и ТП. То, что в работах Х. Хёнига и П. Кусмауля было сформулировано в достаточно сдержанной форме, в «Основах общей теории перевода» Катарины Райс и Ханса Фермеера оказалось в центре теоретических рассуждений. Фермеер еще раньше отвернулся от лингвистики как ведущей дисциплины, поскольку она вряд ли могла предложить ответы на решающие вопросы. В качестве нового фундамента (Vermeer 1978) для своей теории перевода Фермеер выбрал общую теорию деятельности[168]. В такой парадигме перевод рассматривался как деятельность, а текст перевода как продукт этой деятельности оказывался ситуативно обусловленным коммуникативным элементом деятельности:

> «Согласно скопос-теории, текст перевода рассматривается не только как (в той или иной степени оторванный от ситуации, “самостоятельный”) языковой феномен, но и как коммуникативный элемент деятельности в определенной ситуации» (Vermeer 1990b: 31).

Поскольку деятельность человека, как правило, интенциональна, из этого следует и целенаправленность переводческой деятельности. Интенциональность и целеполагание являются двумя различными неотъемлемыми аспектами переводческого процесса. К. Райс и Х. Фермеер не ограничиваются в своем совместном труде констатацией этого факта, а делают из него соответствующие выводы[169].

5.2.1. Резкое выступление

Первый вывод заключается в том, что назначение перевода теперь недвусмысленно помещается на высший уровень иерархии:

[168] О теории деятельности см. Райт (Wright 1963, 1968), Ребайн Й. (Rehbein, J. 1977), Харрас (Harras 1978).

[169] Согласно К. Норд (1997c: 12), первую теоретическую часть написал Х.Й. Фермеер. Катарина Райс добавила к его теоретическим рассуждениям свою модель типологии текстотипов.

«Доминантой любого перевода является его назначение» (Reiß/Vermeer 1984/1991: 96).

Стремясь подчеркнуть новизну своего подхода, Райс и Фермеер выбрали для постулата интенциональности переводческой деятельности провокационную формулировку:

«Для перевода справедливо следующее положение: “Цель оправдывает средства”» (Reiß/Vermeer 1984/1991: 101)[170].

Вполне понятно, что такой тезис, прозвучавший в разделенной послевоенной Германии оппортунистически, совершенно не вписывался в господствующее научное понимание. После морального краха нацизма на фоне идеологической инструментализации науки в ГДР девизом научного мира был провозглашен объективный, по возможности эмпирически верифицируемый поиск истины. Поэтому этот краеугольный тезис скопос-теории оказался желанным поводом для критики, спровоцировав неправильные интерпретации и домыслы[171]. Новизну подхода должен был подчеркивать и новый термин. Он был заимствован из греческого языка, в котором skopos (скопос), аналогично латинскому соответствию finis, означает «цель». Ориентированность на скопос — это еще одно более-менее синонимичное обозначение целенаправленности перевода. Скопос-теория, а именно так именуется описанный подход, является наиболее последовательным выражением целеполагающей концепции перевода:

Под скопосом понимается постановка цели/цель перевода.

Первоначально отправной точкой для перевода в труде Райс и Фермеера также остается ИТ[172]. Целью же является создание текста перевода. Назначение перевода задано ситуацией получателя: «Можно охарактеризовать назначение как величину, зависимую от получателя» (Vermeer 1978: 54). Тем самым центр тяжести пере-

[170] См. аналогичную позицию Ф. Гюттингера (1963: 66). За эту информацию я благодарен Михаэлю Шрайберу.

[171] См. критику скопос-теории у А.Ф. Келлетата (1987); Р. Кольмайера (1988), а также у Г. Хархофф (1991) и рецензию на эту работу у К. Норд (1993 b). Отстраненная оценка содержится в работе Э. Честермана (2010).

[172] Катарина Райс не отказывалась от этой позиции и в дальнейшем (см. Reiß 1988).

водческого процесса смещается с ИТ на ТП и его погруженность в ситуацию получателя. В свою очередь, ИТ больше не сводится к внешнему уровню текста, а понимается всего лишь как некоторое мультимедиальное предложение информации, которое необходимо «пересадить» на новую почву целевой культуры посредством перевода. Следовательно, перевод является имитацией исходного информационного предложения с помощью информационного предложения на языке перевода.

При этом текст перевода должен выполнять одно условие: он должен быть понятным реципиенту в соответствующей ситуации и иметь для него смысл. Если рассматривать ИТ как часть исходной культуры, а ТП как часть целевой культуры, то собственно процесс перевода начинается с извлечения ИТ из исходной культурной среды и исходного текстового пространства и заканчивается его интеграцией в среду и текстовое пространство целевой культуры.

5.2.2. Свержение исходного текста

Отдельным элементам и частям ИТ с позиции реципиента можно приписать разную степень релевантности. Конкретно это означает, что, хотя текст и считается целостным, его целостность необходимо интерпретировать в конкретной ситуации восприятия, исходя из позиции реципиента. Согласно такому пониманию, ИТ остается открытым для постоянной интерпретации. Следовательно, существует не «один-единственный» ИТ, а конечное количество возможных интерпретаций в таком же конечном количестве ситуаций:

> «Чего ... определенно не существует, так это “одного” исходного текста. Существует лишь некоторый специфически интерпретируемый исходный текст, так сказать, «исходный текст для реципиента X в момент времени tx». Поэтому “единый” исходный текст не может быть основой и отправной точкой для “единого” перевода (который в любом случае встречается крайне редко). Исходный текст низведен со своего пьедестала, а перевод освобожден от этой фикции» (Vermeer 1986c: 42).

Переводчик является всего лишь одним из потенциальных интерпретаторов, одним из реципиентов среди других реципиентов. Следовательно, не существует единого перевода и, конечно же,

единственного продукта этого процесса. Это также всего лишь предложение информации, которое создается для конкретного интерпретатора и реципиента:

> «Перевод — это информационное предложение в целевой культуре на ее языке об информационном предложении из исходной культуры на ее языке» (Reiß/Vermeer 1984/1991: 103).

Итак, с точки зрения функции текста перевода, переводчик осуществляет процесс интерпретации. Соответственно, он может по-разному оценивать отдельные части текста. Только после того как такая интерпретация ИТ под углом предусмотренной функции ТП выполнена, можно создавать и оптимизировать продукт перевода, т.е. ТП.

5.2.3. Иллюзия функциональной константности

Третий вывод, который очевиден при целеполагающем подходе, заключается в том, что равенство функций между ИТ и ТП не обязательно задано изначально. При внимательном рассмотрении оно вообще возможно только в случае одномерных текстов, все элементы которых монофункциональны. Применительно к более сложным текстам, элементы которых выполняют в своем языковом, художественном и культурном окружении несколько наслаивающихся друг на друга функций, обслуживают разные интересы и по-разному интерпретируются реципиентами с разными когнитивными и культурными профилями, абсолютно равнозначный в функциональном отношении текст перевода является исключением, а не правилом. Более того. Иллюзия функциональной константности между конкретным исходным текстом и текстом перевода нередко становится источником культурных недопониманий и ошибочных оценок текстов перевода[173].

Если дело обстоит именно так, то постулат равенства функций между ИТ и ТП оказывается изжитым. На его место приходит создание текстов перевода, определяемое скопосом. В конечном итоге именно от скопоса зависит, нужно ли вообще стремиться к равенству функций или нет. Смена функций оказывается такой же

[173] Ю. Хольц-Мянттяри (1990b) называет функциональную константность фикцией. См. также Х. Фермеер (1990a).

легитимной постановкой цели перевода, как и необходимость сохранения функций. Таким образом, Рубикон, отделяющий традиционное переводоведение, ориентированное на теорию эквивалентности, был окончательно преодолен.

5.2.4. Тонкие различия

Вполне понятно, что в свете вышеназванной позиции распространенное в традиционной переводоведческой литературе представление о переводе как о простом процессе перекодировки, в котором переводчику отводится роль так называемого переключающего реле (ср. Reiß/Vermeer 1984/1991: 42), оказалось несостоятельным. Поэтому Райс и Фермеер ввели терминологическое разграничение между переводом и транскодированием:

> Под транскодированием понимается двухступенчатый процесс, в ходе которого происходит замена эксплицитных элементов внешнего уровня текста, принадлежащих коду ИЯ, эквивалентными элементами кода ПЯ[174].

Однако, как правило, перевод только эксплицитных элементов поверхностного уровня текста с помощью соответствующих эквивалентов ПЯ оказывается недостаточным. Переводчику приходится проникать глубже поверхностного текста и сначала анализировать многослойное мультимедиальное предложение информации ИТ. К. Райс и Х. Фермеер с нескрываемой иронией пишут (относительно) о переводе рекламных проспектов:

> «Плох тот переводчик, который занимается только “транскодированием”» (Reiß/ Vermeer 1984/1991: 56).

Как мало может пригодиться транскодирование даже при передаче относительно простых элементов текста в процессе создания функционального в коммуникативном плане перевода, показывают следующие примеры.

[174] Эта обобщающая дефиниция составлена, вслед за Reiß/Vermeer (1984/1991: 42 и далее).

Пример (35): Перевод и транскодирование

Необходимо перевести обращение в деловом письме (1–2), приветствие (3) и заключительную часть личного письма (4) с английского языка на немецкий. Очевидно, что решения, возможные в результате транскодирования, не будут соответствовать необходимой функции, т.е. не будут восприняты и поняты компетентными носителями ПЯ как части делового (1–2) или личного письма (4) и как приветствие, соответствующее времени суток (3).

	ИТ	транскодирование	коммуникативный перевод
1	Dear Sir	Lieber Herr	Sehr geehrter Herr + фамилия/ звание
2	Dear Madam	Liebe Frau	Sehr geehrte Frau + фамилия/ звание
3	Good afternoon	guten Nachmittag	guten Tag/guten Abend
4	Love	Liebe	alles Liebe/Tschüs

Приведенные примеры наглядно подтверждают, что хотя транскодирование и является возможным способом перевода, однако оно редко достигает цели. Как правило, оно влечет за собой смену функций. Так, коммуникативная цель, которую необходимо было бы достичь при функционально одинаковом переводе, определенно не будет реализована. В приведенных примерах достижение коммуникативной цели стало возможным только благодаря выбору типичных для немецких писем (т.е. адекватных для типа текста) формул обращения и прощания, которые, однако, отличаются от элементов ИТ. Транскодирование всего лишь предлагает информацию о языковой структуре ИТ, т.е. о том, какие формулировки в английском языке существуют для обращения в деловом письме и концовки в личном письме к близкому другу/подруге. Подобная постановка цели перевода вполне оправданна. Какое же из двух решений правильное? Ответ столь же простой, сколь и неожиданный: оба. Дилемма, вокруг которой десятилетия вращался переводческий диспут, разрешается введением скопоса в качестве самого главного ориентира при принятии решений. Какое из приведенных или других решений является лучшим, зависит просто-напросто от цели перевода, другими словами, от его скопоса. Скопос — это колумбово яйцо, которое удивляет спорящие стороны переводоведческого дискурса своим креативным решением.

5.2.5. Осуществимость невозможного

Стремясь еще более точно в терминологическом плане обозначить главенствующую роль скопоса при принятии переводческих решений, Райс и Фермеер вводят еще одно разграничение, а именно, между эквивалентностью и адекватностью. В качестве определяющего признака эквивалентности выступает равенство функций ИТ и ТП:

> «Эквивалентность обозначает отношение между исходным текстом и текстом перевода, которые выполняют (могут выполнять) в соответствующих культурах на одинаковом уровне одинаковую коммуникативную функцию» (Reiß/Vermeer 1984/1991: 139 и далее).

Тем самым они присоединились к традиционному переводоведению, ориентированному на теорию эквивалентности[175]. Новым в их теории было то, что, наряду с равенством функций, в их поле зрения оказалась вероятность смены функций. В свете приоритетности скопоса предлагалось не выискивать эквивалентные связи, а оценивать текст перевода и его элементы с позиции их адекватности. Элемент считается адекватным, если с его помощью можно достичь цели, которая задана скопосом:

> «Адекватность при переводе исходного текста (или его элементов) обозначает отношение между текстом перевода и исходным текстом при последовательном соблюдении назначения (скопоса) перевода, на реализацию которого направлен переводческий процесс» (Reiß/Vermeer 1984/1991: 139).

На место общепринятых, независимых от скопоса постулатов эквивалентности приходит требование уместности используемых языковых средств по отношению к ограниченной, т.е. заданной скопосом постановке цели (Ibid.: 134). Таким образом, критерий эквивалентности смещается на второстепенную позицию не только со своей главенствующей позиции в иерархии факторов, обусловливающих принятие решения, но и как критерий оценки перевода. Эквивалентность, даже если она понимается как эквивалентность

[175] Поскольку каждый текст является реализацией языка в ситуации, то концепцию эквивалентности К. Райс и Х. Фермеера применительно к отдельным элементам текста можно сравнить, скорее всего, с понятием эквивалентности в сопоставительной стилистике (stylistique comparée).

текстов, становится релевантной только тогда, когда, в соответствии со скопосом, необходимо обеспечить константность функций ИТ и ТП. Поскольку сохранение константности функций является всего лишь одним из возможных требований, предъявляемых к переводческим услугам, то эквивалентность превращается в специфическую разновидность адекватности.

«Эквивалентность в нашей дефиниции является специфической разновидностью адекватности, а именно, адекватности при функциональном равенстве исходного текста и текста перевода» (Reiß/Vermeer 1984/1991: 140).

Неразрешимые дилеммы, перед которыми переводчики неизбежно оказывались из-за взаимоисключающих жестких постулатов эквивалентности, сменились, таким образом, целесообразным и выполнимым требованием. В результате постановки адекватности и эквивалентности в один ряд приоритетности предшествующая иерархия решений оказалась перевернутой с ног на голову, а переводчик обрел почву под ногами. Это терминологическое дифференцирование можно проиллюстрировать с помощью приведенного выше примера (35).

Примеры (36): Скопос и адекватность

Скопос 1: Создание текста перевода с идентичной коммуникативной функцией при наличии сопоставимой группы адресатов:

Все способы, приведенные в графе «коммуникативный перевод» адекватны при заданном скопосе 1. Вопрос о возможной эквивалентности на лексическом уровне не возникает, поскольку в данной связи она не релевантна. Формулы приветствия в каждом обществе конвенционально обусловлены. Если на основании общего культурного субстрата или взаимного влияния культур сложились лексические соответствия, то это оказывается не столь важно.

Один из подвариантов этого скопоса мог бы звучать следующим образом: создать на основании этого текста текст другого типа и для другой группы адресатов. В этом случае, к примеру, для группы адресатов-студентов для фраз (1) и (2) подойдет такой способ реализации, как Hallo (+ имя), а для австрийских адресатов в случае (3) подходит Servus, текстовый сегмент (4) можно передать для группы адресатов старшего поколения среднего сословия с помощью фраз Liebe Grüße или Mit freundlichen Grüßen и пр.

Скопос 2: В рамках научного специального текста о формулах приветствия и обращения необходимо перевести приведенные примеры для такой группы адресатов, как читатели специальных текстов (лингвисты, филологи), с той целью, чтобы они смогли извлечь из перевода максимальное количество (лингвистической) информации.

Цель перевода, приведенную в качестве скопоса 2, можно достичь, если эксплицировать с помощью текста перевода отношения эквивалентности, которые существуют на уровне обеих языковых систем. В качестве стратегии, определяющей выбор средств при заданном скопосе 2, подходящим вариантом станет транскодирование. Поэтому варианты, приведенные в графе «транскодирование», могут рассматриваться как адекватные этому скопосу. Можно оптимизировать текст перевода, добавив в качестве примечания сведения об использовании имен и фамилий, а в случае необходимости и информацию о (не)использовании званий. Для переводчика не возникает проблемы коммуникативной функции, поскольку этот критерий был решающим уже для выбора примеров в ИТ (формы приветствия в разных языках).

Отказ от постулата эквивалентности вовсе не подразумевает переводческий произвол и дилетантство. Напротив, в этом случае от переводчика требуется гораздо больший профессионализм. Процесс принятия решений становится более комплексным, поскольку к языковой структуре ИТ как к единственному мерилу для создания ТП добавляется еще и структурированная иерархия решений, которую необходимо все время заново оценивать и творчески учитывать в переводческом процессе. Для иллюстрации сказанного приведем два частично адаптированных примера из Reiß/Vermeer (1984/1991):

Примеры (37): Эквивалентность и адекватность

(1) Траурная речь французского президента Жоржа Помпиду по поводу смерти генерала де Голля начинается предложением: Le général de Gaulle est mort. La France est veuve. Поскольку во французском языке существительное «Франция» женского рода, то метафора в оригинале логична и соответствует экспрессивному характеру траурной речи. Если в соответствии со скопосом (скопос 1) необходимо сформулировать текст перевода так, чтобы передать информацию о том, «какими словами французский автор сформулировал этот текст» (например, при филологическом переводе), то перевод на немецкий язык (а) General de Gaulle ist tot. Frankreich ist eine Witwe (Генерал де Голль умер. Франция стала вдовой.) будет и эквивалентным, и адекватным. Однако, поскольку такое переводческое решение не будет воспринято немецкоговорящими читателями как элемент траурной речи, т.е. не сможет выполнить функцию траурной речи,

то произойдет смена функций. Если же согласно скопосу (скопосу 2) необходимо создать функционально адекватный текст перевода, т.е. такой перевод, который будет воздействовать на немецких читателей/слушателей как траурная речь, то адекватным решением может стать, к примеру, перевод (b) De Gaulle ist tot. Frankreich ist verwaist. (Де Голль умер. Франция осиротела.) Однако такой вариант с позиции понятия лингвистической эквивалентности не является эквивалентным, так как одна языковая картина заменена на другую. Равно как и решение (a) при наличии скопоса 2 окажется неадекватным, хотя в лингвистическом плане оно является эквивалентным (ср. Reiß/Vermeer 1984/1991: 215 и далее).

(2) Строка стихотворения « Moi, je buvais, crispé comme un extravagant » из «Цветов зла» Ш. Бодлера переведена Ф. Кемпом на немецкий язык как „Ich aber trank, im Krampf wie ein Verzückter“. Частица aber во фразе Ich aber trank вызвала недовольство критиков, поскольку она отсутствует в оригинале, и поэтому перевод не является эквивалентным. В отношении скопоса (скопос 1) для художественного перевода можно предположить, что простое создание эквивалентных отношений окажется недостаточным, поскольку к важным признакам текста относятся также ритм и интонация, и поэтому их необходимо сохранять и воспроизводить при переводе. Кроме того, необходимо учитывать, что предмет критики, частица aber, во французском и в немецком языках обусловливается разными языковыми структурами. Во французском языке существует своего рода «ударная» форма личного местоимения. Ударение (эмфаза) выражается в немецком переводе с помощью частицы. В результате предложенного переводчиком решения не достигнута синтаксическая эквивалентность, однако перевод, вопреки недальновидному мнению критика, очень даже хорошо соответствует критерию адекватности, поскольку он, благодаря своей ритмизации (Mói, jè bùváis — Ìch àbèr tránk) и стилизации подходит к стихотворному типу текста. При скопосе, нацеленном на передачу синтаксической структуры французского оригинала (скопос 2), напротив, перевод должен звучать так: Ich, ich trank .... Такой перевод был бы эквивалентным с точки зрения синтаксической эквивалентности, а с позиции принятого скопоса 2 еще и адекватным, однако с позиции скопоса 1 (= сохранение ритма и интонации) неадекватным (Ibid.: 131).

В приведенном ниже примере анализируется перевод простого речевого действия, выполненного на основе разных вариантов скопоса. Речь идет об ответе на альтернативный вопрос или на наводящий вопрос. В подобной ситуации в английском языке после частицы Yes, как правило, повторяется модальный глагол в форме 1-го лица из предшествующего вопроса.

Примеры (38): Возможности перевода речевого действия «утвердительный ответ»

ИТ	Скопос	Перевод
a) Yes I will	Сохранение коммуникативной функции (напр., в языке персонажей в художественном переводе, идентифицирующий устный перевод (переговоров))	= b) Да!
	Синхронизация звука и изображения (синхронизация)	a) (Да), я буду. b) (Да), я хотел бы.
b) Yes I would	максимально краткое графическое воспроизведение при субтитрировании	a) = b) Да.
	филологический перевод	a) Да, я буду/хочу. b) Да, я хотел бы.
	реферирующий устный перевод	a) = b) господин/госпожа X ответил(а) утвердительно / согласился(лась) / сказал(а) «Да».

Приведенные примеры наглядно демонстрируют, насколько широк спектр вариантов от коммуникативно адекватного «Да» до комплексной формулировки в реферирующем устном переводе. Они также показывают, что одно и то же решение при определенных обстоятельствах может соответствовать различным скопосам.

Некоторые недоразумения, связанные со скопос-теорией, возникли в результате того, что во второй части «Основ» Райс и Фермеер чаще всего анализируют только такие случаи, в которых в качестве скопоса видится создание функциональной эквивалентности. Лишь при анализе параллельных примеров авторы затронули и другие скопосы. В результате этого обстоятельства сложилось впечатление, что под адекватностью скопосу понимается исключительно функциональная эквивалентность. Как представляется, такое предпочтение функциональной эквивалентности является следствием тандема авторов «Основ». Именно такой ракурс предоставлял единственную возможность органично встроить модель типологии текстов Райс в разработанную Фермеером теоретическую конструкцию (см. также Nord 1997 c: 12). Его также можно рассматривать как попытку отдать должное дискуссии об эквивалентности 1970-х и 1980-х гг. и придать динамичный импульс понятию эквивалентности изнутри без радикального разрыва с ним. Поэтому отход от традиционных требований эквивалентности был осуществлен лишь частично.

5.2.6. Скопос скопоса

Первоначальная цель скопос-теории, или скопос скопоса, была намного шире. Предполагалось, что на основании абсолютной первичности скопоса можно будет свести в единые теоретические рамки также и переводы с функциями, отличными от оригинала. Наряду с этим в свете всеобщности теории перевода предполагалось преодолеть ее территориальную и временную сосредоточенность на переводческой деятельности европейских культур XIX–XX вв. Ведь как в европейских культурах до периода романтизма, так и в многочисленных культурах за пределами Европы перевод не всегда был и остается ориентированным на эквивалентность[176]. И наконец, первенство скопоса подразумевает в своей радикальной форме возможность свободного определения самого скопоса и открывает, тем самым, в переводоведении области для новых переводческих задач и профессиональных сфер информационного общества.

Мы постарались представить в виде скопос-типологии (Prunč 1997b, 2000a) более подробный анализ возможностей и факторов, которые следует учитывать при переводе. Приведем некоторые способы перевода, при которых языковая эквивалентность уходит на задний план, уступая место требованиям адекватности, подчиняющимся скопосу. Попытка втиснуть такие способы перевода в прокрустово ложе переводоведения, ориентированного на эквивалентность, потребует особых усилий.

Примеры (39): Выбор скопоса

(1) Синхронизация фильмов
При синхронизации кадров, снятых крупным планом, необходимо не только ориентироваться на ИТ, но и учитывать, прежде всего, синхронизацию звука и мимики. Такой перевод создается под давлением двух необходимостей — синхронизации звука и мимики, с одной стороны, и необходимости передать исходные высказывания на язык перевода ситуативно адекватным способом, с другой.

(2) Субтитрирование фильмов
С учетом особенностей зрительного восприятия, необходимо применять различные техники компрессии. Поэтому эквивалентные языковые средства часто остаются незадействованными в силу превалирования формата. Текст перевода все же оказывается адекватным, если он соответствует иерархически более значимому скопосу. Его коммуникативное воздей-

[176] См. к примеру Tymoczko (2007).

ствие достигается за счет взаимодействия между картинкой (как правило, неизменной) и оригинальным звуком (который может быть частично понятным целевой публики), а также благодаря культурно, ментально и физически обусловленной технике чтения целевой аудитории.

(3) Филологический перевод

Филологический перевод преследует цель проинформировать читателя ТП о том, каким образом автор ИТ осуществляет коммуникацию с читателем ИТ. Не только синтаксическое и семантическое, но и прагматическое измерение языковых знаков ИТ полностью «воссоздается», что иногда приводит к полной чужеродности языка перевода. Нельзя сказать, что такой перевод, созданный, как правило, в результате транскодирования, не отвечает требованиям уместности и адекватности по отношению к заданной цели, однако эквивалентность по отношению к ИТ отсутствует, поскольку ИТ звучал для читателя ИТ естественно и не был чуждым по отношению к ИЯ (ср. Reiß/Vermeer 1984/1991: 135).

(4) Реферирующий устный перевод

Оригинальный текст передается не в той форме, в которой он был выражен: устный переводчик эксплицитно или имплицитно указывает на свою роль посредника (и свою дистанцированность). Указания на время (темпоральный дейксис), место (локальный дейксис) и участников коммуникации (дейксис коммуникативных ролей) реализуются, исходя из позиции переводчика (например, настоящее время → прошедшее; здесь → там, там → здесь; 1-е лицо → 3-е лицо и пр.). Переводчик также реферирует и отношение говорящего к содержанию сказанного, добавляя глаголы со значением «высказать мнение» и «отметить» («А говорит, ...»). При этом, в зависимости от применяемой техники устного перевода, текст может быть организован заново. Только пропозициональное содержание переведенных высказываний остается идентичным. Поэтому вести речь об эквивалентности можно, в лучшем случае, применительно к содержательному уровню. Текст перевода, который создает устный переводчик, будет весьма адекватным, если в данной ситуации требуется реферирующий перевод.

Приведенный из монографии Райс и Фермеера пример филологического перевода (3) четко показывает, насколько способно ввести в заблуждение понятие эквивалентности. Именно эта форма филологического перевода изначально полностью подчинялась постулату эквивалентности, ориентированной на внешний уровень текста. Поскольку в языковом обучении большинства европейских образовательных систем доминирующие позиции уже давно занимают лингвисты, вполне понятно, почему филологический перевод еще

и сегодня обусловливает стереотипные представления и ожидания многочисленных заказчиков и потребителей переводческих услуг.

5.2.7. Культурно детерминированная деятельность

Во введении к «Основам общей теории перевода» Фермеер делает оговорку, указывая, что вопрос культурного трансфера будет рассмотрен лишь в том объеме, «в каком он важен для общей теории перевода» (Reiß/Vermeer 1984/1991: 1). Спустя два года (Vermeer 1986c) уже отчетливо наблюдается смена парадигм. Перевод теперь понимается лишь в «ограниченном смысле» как языковой перенос и уже в самом названии определяется как культурный перенос (Ibid.: 37). Это было ожидаемое логическое следствие деятельностной концепции перевода. Ведь если говорение рассматривается как деятельность, а текст как особая разновидность действия, то вполне логично ожидать, что общая теория перевода переместит точку обзора на культуры и аспекты их деятельности[177].

Под таким углом зрения необходимо заново продумать и концепцию ИТ как мультимедиального предложения информации. Последнее состоит не только из вербальных действий, которые оформлены с помощью конкретного текста. В непосредственной коммуникации лицом к лицу вербальные действия сопровождаются обязательными или факультативными невербальными действиями и дополняются паравербальными знаками. Вербальные, невербальные и паравербальные высказывания часто настолько тесно переплетены друг с другом, что их практически невозможно отделить друг от друга. Их можно сравнивать и интерпретировать как в рамках одной культуры, так и в надкультурном пространстве только как семиотическое целое. То же самое относится и к письменным текстам. Они в той или иной степени обязаны традиции, благодаря которой действия по созданию текстов в прошлом сложились в типы текстов. Кроме того, встречаются и письменные тексты в сопровождении других, также культурно обусловленных систем знаков (иллюстрации, макет, оформление переплета). Смысл и значение текстов можно извлечь только в таких общих рамках и в соответствующей конкретной ситуации.

[177] См. также Snell-Hornby (1987).

Если попытаться втиснуть понятие «текст» в границы его эксплицитной языковой части, то в результате этого текст лишится доли своего информационного потенциала. А если определить текст как мультимедиальное предложение информации, то необходимо обратиться к культурным рамкам. При определении понятия культуры Фермеер мог обратиться к дискуссии, которая началась в конце 1970-х гг. в межкультурной германистике[178]. Из этой дискуссии было заимствовано то определение культуры, которое осталось главным для функционального переводоведения:

> «Культурой является все то, что индивид должен (потенциально) уметь, знать, владеть и чувствовать, чтобы уметь оценить, ведут ли себя носители той же культуры, выступая в разных ролях, в соответствии с ожиданиями или нет, а также для того, чтобы самому вести себя в соответствующем обществе в соответствии с ожиданиями, равно как и оценить намерение индивида вести себя соответствующим образом и его готовность отвечать за последствия, вытекающие из поведения, противоречащего ожиданиям» (Göhring 1978, цит. по Vermeer 1990b: 35).

Фермеер резюмирует это определение, делая упор на аспекте норм и конвенций, которые влияют на индивидуума:

> «Культура есть совокупность всех норм и традиций поведения определенного общества и результатов, вытекающих из способов поведения, обусловленных нормами и традициями» (Vermeer 1990b: 36).

Культуры, конечно же, имеют также и социальную дифференциацию, поэтому их необходимо связывать с соответствующими социальными рамками. Фермеер предусматривает три уровня культуры — паракультуру, диакультуру и идиокультуру (Vermeer 1990b: 59 и далее)[179]. Под паракультурой понимается культура целого общества. В такой дефиниции остается открытым вопрос, что следует понимать под «целым обществом». Так, под «целым обществом» можно понимать все европейское, среднеевропейское, немецкое или

[178] См. также Göhring (2002).

[179] Подобное разграничение представляет собой всего лишь обобщенные исходные рамки, которые необходимо наполнить конкретным социокультурным содержанием.

австрийское общество как носителей одной культуры, которая и будет определена как паракультура. Количество специфических черт, которые можно приписать паракультуре, тем меньше, чем шире установленные социальные рамки. Так, для европейской паракультуры возможно указать относительно небольшое количество общих характеристик. Такие особенности становятся очевидными, если сравнить данную культуру с другими, очень дальними (пара)культурами, к примеру, с китайской, латиноамериканской паракультурой и др.

Примеры (40): Паракультурные различия

(1) В китайской культуре важно постоянно «сохранять лицо», т.е. адекватно вести себя в сложившейся ситуации. При этом важна только внешняя форма, а не реальное положение дел. Если у китайца спросить дорогу, он всегда укажет какое-нибудь направление, даже если он не знает, какое из направлений правильное.

(2) Китайцы трижды отказываются в ответ на предложение что-нибудь выпить. Если не повторить такое предложение трижды, то оно будет расценено как недостаточно искреннее (см. Vermeer, M. 1990: 45).

Паракультуры могут частично совпадать друг с другом. Прежде всего следует учитывать, что языковые и культурные границы могут быть как идентичными, так и различными. Среднеевропейская паракультура является типичным примером общей культуры, которая шире языкового пространства и проявляется, в первую очередь, в общей повседневной культуре и в значительной мере в общей системе ценностей. Согласно Фермееру, каждая паракультура представляет собой систему диакультур (Diakulturen). Диакультурой называется культура некоторой части целого общества, т.е. определенного класса или определенной социальной группы, к примеру, городского среднего класса, класса рабочих, молодежи, пожилых людей и пр. Свои диакультуры могут иметь и профессиональные группы или группы, объединенные общими интересами, к примеру, люди искусства, устные переводчики, (профессиональные) участники конгресса, члены фан-клубов и т.д.

Примеры (41): Паракультурные и диакультурные различия

(1) В Австрии, в некоторых районах Южной Каринтии, еще поколение назад было принято сначала отказываться от еды, которая предлагалась в

качестве угощения. Гость должен был дать «себя уговорить», чтобы не прослыть невежливым или «обжорой».

(2) Одним из серьезных нарушений правил поведения (особенно в творческой среде) считается спросить даму о ее возрасте или указать ее возраст. В отношении приветствия и рукопожатия в Австрии существуют достаточно существенные диакультурные различия. В определенных социальных группах рукопожатие принято только по особому поводу. В других решающее значение имеет то, сколько времени прошло с момента последней встречи.

(3) В большинстве среднеевропейских культур поцелуй в щеку как форма приветствия не был распространен. В диакультурах представителей искусства и устных переводчиков двойной поцелуй в щеку как форма приветствия прижился очень быстро. Сегодня поцелуй в щеку относится к принятой форме приветствия у большинства городских средних слоев[180].

Минимальный уровень в системе культуры Фермеер называет идиокультурой (Idiokultur). Этим термином он обозначает «совокупность всех традиций, норм и их результатов, которые определяют поведение отдельного индивида» (Vermeer 1990b: 59).

Относительно этой дефиниции следует сделать критическое замечание: индивиду отводится в ней роль лишь пассивного объекта, формируемого культурой. Однако, как представляется, в свете теории деятельности более последовательным было бы уделить больше внимания интерактивному характеру культуры. Поскольку понятие интерактивности предполагает наличие как минимум двух участников, то идиокультуру можно было бы определить как совокупность традиций, норм и систем ценностей, которые минимальная группа (партнеры, семья, друзья) считает релевантной для своего поведения. Идиокультурные элементы можно выявить только при очень близком знакомстве с носителями данной идиокультуры и их социокультурными корнями, такие элементы практически не поддаются объективной проверке. Поэтому идиокультурные элементы, как правило, не оказывают влияния на рациональные переводческие решения. Однако умение адекватно оценивать идиокультурную специфику, несомненно, является одной из составляющих особого рода квалификации хороших переводчиков. Умение

[180] Этот пример наглядно указывает на то, что в мобильном постколониальном мире понятия «паракультура», «диакультура» и «идиокультура» изжили себя, поэтому в культурологии от них отказались. Однако в обзоре, посвященном концепции перевода и культуры Х. Фермеера, они заслуживают упоминания.

рационально оценивать и учитывать паракультурную и диакультурную обусловленность действий и высказываний следует, скорее всего, отнести к базовым компетенциям профессиональных переводчиков. Из вышесказанного вытекает новое видение переводческой профессии, из которого можно вывести и новые профессиональные профили. Последний вывод, который следует из определения ИТ как мультимедиального предложения информации и из представления о целенаправленной транскультурной деятельности, — это новое определение роли переводчика как эксперта по культуре и медиатора[181]. Такое изменение статуса переводчика — результат развития не только скопос-теории в узком смысле, но и кооперативной модели деятельности (kooperatives Handlungsmodell), которая была предложена Юстой Хольц-Мянттяри[182].

5.3. Перевод как кооперативная игра действий

Почти одновременно с «Основами» (Reiß/Vermeer 1984), комплексную факторную модель, в которой отдельным субъектам деятельности приписывается определенная роль, разработала в своей диссертации «Переводческая деятельность» (1984c) Юста Хольц-Мянттяри. Согласно ее главной идее, важным признаком современного мира, основанного на разделении труда, является специализация. Сложные цели, которые превышают компетенции отдельных специалистов, можно достичь благодаря кооперации. Потребность в кооперации возникает тогда, когда один субъект деятельности не в состоянии функционально выполнить действие или комплекс действий со всеми его составляющими (Ibid.: 41).

Кооперация, основанная на разделении труда, осуществляется между отдельными субъектами деятельности, так называемыми актантами. Разделение труда возможно, однако, только тогда, когда оно определено четкими правилами. Следовательно, между актантами должен быть эксплицитно или имплицитно заключен своего рода кооперативный договор, на основании которого отдельные партнеры берут на себя выполнение четко определенных задач, а также

[181] Профессиональный профиль переводчиков как медиаторов был разработан, в первую очередь, в работах Д. Катана (1999, ^{2}2004).

[182] См. также Witte (1987a, b; 1989, 1994); Vermeer (ed.) (1989, ^{2}1990); Witte (2000).

ответственность за их профессиональное выполнение. Определенная часть необходимых спецификаций может вытекать из образцов поведения, устоявшихся в общественном и культурном плане. Каждый актант выполняет не только определенную индивидуальную, но и социальную роль. К индивидуальным признакам роли относится все, что отличает актанта как личность: его физическая и психическая конституция, его образование, условия жизни, интересы. Если же личность, напротив, действует как часть некоторой социальной структуры, к примеру, в профессиональной или общественной жизни, то она выступает как носитель социальной роли. Социальные роли понимаются, вслед за социологом Ральфом Дарендорфом, как совокупность ожиданий, которые в определенном обществе связаны с поведением носителя роли (Ibid.: 40). Для функционирования кооперации вовсе не обязательно, чтобы в каждом конкретном случае сотрудничества все детали взаимодействия были исчерпывающе определены. Достаточно назвать роли, которые должны выполнять актанты, и согласовать их друг с другом. В идеальном случае необходимое согласие достигается и поддерживается посредством обратного взаимодействия в процессе кооперации (Ibid.: 53).

Таким образом, чтобы применить кооперативную модель к процессу перевода, необходимо определить сферу действий и социальные роли актантов, участвующих в транскультурной коммуникации, и тем самым основные черты их взаимодействия. Потребность в переводе возникает тогда, когда кому-то (в целях сотрудничества) необходимо преодолеть языковые и культурные барьеры, при этом этот кто-то не располагает достаточными компетенциями, временем и возможностями. Правильным решением в данной ситуации будет обратиться к экспертам как к партнерам по кооперации. То есть потребность в переводчиках возникает тогда, когда носители намерения не могут быть функционально или рационально созданы без содействия экспертов для транскультурной коммуникации (Ibid.: 42). В соответствии с этим, в концепции Ю. Хольц-Мянттяри дефиниция перевода ориентирована на профессиональную деятельность:

«Перевод — это система действий специалиста, направленных на созидательный процесс в комплексной и иерархически организованной системе различных действий; конститутивными признаками (перевода) являются аналитическая, синтетическая, оценочная

и креативная деятельность с учетом разных культур, направленная на преодоление дистанции; целью переводческой деятельности является создание текстов, используемых лицом, у которого возникает потребность в переводе, в качестве носителя намерения в совокупности с другими средствами для транскультурной передачи сообщения» (Holz-Mänttäri 1984c: 87).

Помимо профессионализма, на передний план выдвигаются деятельностный характер и направленность, иными словами, скопос-ориентированность переводческой деятельности. Создание текста (перевода) оказывается лишь одной из многих переводческих услуг. Кроме того, косвенное определение текста как «носителя намерения в совокупности с…» оказывается более чем явным указанием на то, что и в отношении текста важную роль играет не только вербализованная часть сообщения. Так, Хольц-Мянттяри в новом определении ИТ и по аналогии в определении ТП оказывается на шаг дальше, чем Фермеер, который определил (исходный) текст как мультимедиальное предложение информации. Для Хольц-Мянттяри ИТ находится на том же уровне, что и любой информационный материал, который переводчик получает от заказчика или самостоятельно находит в результате информационного поиска[183]. Это означает не просто свержение традиционного ИТ, а полное его приравнивание к информационным единицам, которые объединяет только то, что они служат информационной базой для создания текста перевода.

«Исходным текстом называется текст, которому инициатор переводческого процесса, будучи лицом, у которого возникает потребность в переводе, первично или вторично приписывает функцию исходного материала для переводческой деятельности. Он является частью того материала, который переводчик использует в качестве исходного материала» (Holz-Mänttäri 1984c: 31).

Продукт, который должен создать переводчик, может состоять не только из текста перевода. Чтобы это подчеркнуть, Хольц-Мянттяри употребляет термин «текст» в кавычках в определении переводческой деятельности:

[183] В качестве дополнительной информации см. Holz-Mänttäri (1984a, 1987, 1988a, b).

«В результате “переводческих действий”/ которые являются действиями эксперта / должен быть создан носитель намерения “текст” / в совокупности с другими носителями намерения/ ... который выполняет свою функцию в предполагаемой ситуации восприятия, / преодолевая культурные барьеры/ с целью коммуникативного управления кооперацией» (Holz-Mänttäri 1986b: 366).

Из этого определения, абстрактность которого, пожалуй, может вызвать некоторое замешательство, следует, что перевод состоит не только из вербальных действий, но и предполагает использование всех знаков и действий, с помощью которых осуществляется процесс управления ситуацией кооперации в целевой культуре. Для перевода это имеет существенное следствие. Ведь если понимать перевод как составную часть кооперативной системы действий, в которой переводчик отвечает за создание элементов, определяемых в этой системе действий целевой культурой, то в этом случае возникают более интересные и ответственные задачи переводчика. Создание собственно ТП является одной из многих услуг, которые переводчики выполняют в рамках этой системы деятельности. К примеру, они могут проконсультировать клиента о целесообразности перевода, предложить модификацию ИТ, исправить дефектные ИТ, предоставить информацию о культурных подоплеках, средства принятия решений и рекомендации по применению текста и пр.

Примеры (42): Переводческая деятельность

(1) Господин П. является по профессии переводчиком с/на английский и китайский языки. К нему обратился господин З., которому необходимо написать письмо в иностранную фирму в Сингапуре. З. составил проект письма на немецком языке и спрашивает П., оформить ли письмо на английском языке или лучше сделать это на китайском. П. кратко обсуждает эту ситуацию с З. и выясняет, кто точно является фирмой-адресатом и фирмой-получателем. После учета всех фактов они приходят к договоренности, что это письмо будет написано на английском языке непосредственно на фирменном бланке З. и отправлено с целью экономии времени П. авиапочтой. В заключение они обсуждают сроки выполнения и определяют, что З. получит по электронной почте копию текстового документа. Гонорар должен быть выплачен через 8 дней после получения электронного письма, при этом, помимо гонорара за переводческие услуги, стороны договариваются о надлежащем возмещении соответствующих расходов.

(2) Письмо, о котором речь шла в (1), привело к успешным результатам. З. хотел бы теперь сделать свои деловые отношения более интенсивными и начать рекламную кампанию. Он спрашивает П., не хочет ли он перевести на китайский язык рекламные ролики его фирмы, которые как раз демонстрируются по телевидению в Германии. Поскольку создание рекламных роликов было очень затратным, то можно всего лишь составить новый текст, который подошел бы к картинке и музыке. Аналогично поступали и другие фирмы. П. просматривает ролики и высказывает мнение, что и картинка, и музыка вряд ли найдут отклик у китайской публики. Поэтому он советует З. привлечь профессиональное маркетинговое агентство, специализирующееся на Восточной Азии, и разработать новую рекламную линию (с адаптацией по Vermeer 1990b: 38).

В приведенных примерах наряду с З., заказчиком, и П., переводчиком, речь идет и о некоторых других носителях ролей, которые действуют реально или потенциально в качестве актантов на ключевых позициях кооперационного взаимодействия. Ю. Хольц-Мянттяри обобщает их в следующей схеме:

лицо, у которого возникает потребность в переводе (инициатор)	ему необходим текст
заказчик	заказывает текст
текстовик (создатель исходного текста)	создает текст, от которого отталкивается переводчик
переводчик	создает текст (перевода)
пользователь текста (перевода)	работает с текстом (перевода)
реципиент текста (перевода)	воспринимает текст (перевода)

В конкретных ситуациях отдельные роли могут совпадать или отсутствовать. Так, в примерах (42) в примере (1) роли инициатора, заказчика и создателя исходного текста совпадают. В примере (2) З. выполняет роли инициатора и заказчика, а создатель рекламных роликов, которые просматривает П., исполняет роль создателя ИТ. Роль пользователя ТП в обоих примерах отсутствует. Она появилась бы в том случае, если бы П. не отказался от заказа и создал текст, предназначенный для рекламного агентства. В этом случае перед рекламным агентством стояла бы задача интегрировать ТП в существующий рекламный ролик или же создать новый рекламный ролик.

Однако главными партнерами в этом взаимодействии являются инициатор и переводчик. Последний действует как эксперт по

транскультурной коммуникации. Его роль можно описать, вслед за Хольц-Мянттяри, следующим образом:

> «Переводчик является экспертом, который специализируется на создании текстов как носителей намерения в совокупности с другими носителями для транскультурного переноса намерения, являя тем самым образец общественной кооперации» (Holz-Mänttäri 1984c: 27).

Будучи экспертом, переводчику в принципе приходится иметь дело с самыми разными носителями намерения, однако он специализируется на вербальных носителях. Чтобы подчеркнуть это, Хольц-Мянттяри вводит термин «текстовик» (Texter) (1988a). По мере необходимости переводчик сотрудничает с другими экспертами, например, юристами, терминологами, специалистами по рекламе, фотодизайнерами, композиторами и т.д. Чтобы работать в качестве эксперта в команде других экспертов, переводчик должен знать, какую позицию он занимает в иерархии решений, какие задачи он может выполнить сам, а с какими он может справиться лишь совместно с другими. В конечном счете, переводчику следует делегировать другим специалистам те услуги, с предоставлением которых они справятся качественно лучше и/или более экономично.

Задачей инициатора является предоставление переводчику всей информации, которая релевантна для создания носителя намерения. Кооперативный характер перевода предусматривает также, что переводчик может обратиться за разъяснениями к инициатору, если у него возникнут вопросы, и уточнить детали при обсуждении заказа. Переводчик, со своей стороны, выступает при обсуждении заказа как компетентный создатель текстов и специалист по транскультурной коммуникации.

Пример (43): Кооперативная деятельность

Фирма X. из Великобритании выпустила некий прибор, который хотела бы поставлять на рынок другой страны в рамках ЕС. Для этого к прибору должна прилагаться инструкция по эксплуатации на языке целевого рынка. Необходимая информация должна включать указания по эксплуатации данного прибора. Цель предпринимаемых действий заключается в том, чтобы иноязычный и инокультурный пользователи понимали инструкцию и действовали в соответствии с ней. Так, при обсуждении деталей с заказчиком следовало бы, к примеру, определить,

какие части инструкции по эксплуатации необходимо оформить вербально, а какие с помощью изображений и как должны комбинироваться вербальные и графические элементы. Поскольку немецкий текст, как правило, длиннее английского, а инструкция по эксплуатации должна уместиться на одной странице, то переводчик должен предложить способы компрессии информации. В любом случае следует привлечь графика, который сможет предложить более экономичное решение для распределения вербальной и невербальной частей. Если текст содержит языковую метафору, которую невозможно воссоздать в языке перевода, можно подумать об изменении графического решения. Если на приборе есть надписи (например, положения переключателя), необходимо подумать, следует ли сформулировать их средствами языка перевода или будет целесообразнее заменить их символами. Во втором случае переводчик должен проверить, будут ли эти символы правильно поняты в целевой культуре и соответствуют ли они нормам условных графических изображений. Сделанные переводчиком предложения заказчик должен передать в производственный отдел. Кроме того, было бы логично согласовать текстовые элементы на упаковке с соответствующими элементами инструкции по эксплуатации и т.д.

В данном и других подобных случаях следует также обращать внимание на национальные предписания и общепринятые способы указания размеров, изложения содержания, дополнительные сведения, которые являются обязательными в силу законодательных предписаний целевой культуры (например, «манипуляции при открытом пламени и огне запрещены»; «хранить в недоступном для детей месте»; «о возможных побочных эффектах сообщите в информационную службу, врачу или фармацевту»; «предостережение министра здравоохранения: курение вредит здоровью»; «защитите вашего ребенка от табачного дыма»; «курение убивает»). Из вышеприведенных сведений наиболее подвержена изменениям (при определенных обстоятельствах) последняя группа. Вспомнить хотя бы о различных требованиях к маркировке продукции, введенных в ходе антитабачной кампании.

Благодаря кооперативной модели деятельности значительно расширились поле действий и компетенции переводчика. Из подчиненного, который получает приказы, переводчик (естественно, при наличии соответствующей квалификации) превратился в равноправного эксперта, партнера. Работая в одной команде или будучи руководителем проекта, переводчик со всей ответственностью стремится к достижению общей цели (Holz-Mänttäri 1992)[184]. Однако статус эксперта предполагает, что за все самостоятельно предостав-

[184] См. дальнейшую разработку этой модели у Risku (1998).

ленные услуги переводчик несет ответственность сам. Если же он поручает обслуживание кому-то другому, то он все равно несет ответственность если не за качество предоставленной услуги, то за выбор эксперта и за то, как перепорученная услуга работает на общую систему действий. Обрести свободу кооперативной деятельности и повысить свой профессиональный статус можно только при наличии готовности и способности полностью отвечать за свои действия.

Кооперативная модель деятельности Ю. Хольц-Мянттяри представляет собой последовательное завершение скопос-теории. Эту модель Фермеер прямо «встроил» в свою теорию (см., например, Vermeer 1989, 1990b). В итоге скопос-теория достигла максимальной результативности. Фермеер еще более углубил ее, применив к истории перевода (Vermeer 1992b, c; 1996b, c, d; 2000a, b). Новые импульсы скопос-теория получила и под влиянием фреймовой семантики (Fillmore 1977). Эта концепция стала отличной моделью оптимизации, благодаря которой появилась возможность эксплицировать культурные различия — например, не только культурно-специфические представления, обусловленные языком, но и иерархии ценностей и традиции, и вообще социокультурную и психосоциальную относительность реципиентов ТП. Что дало возможность переводчику более эффективно оценивать потенциал и результативность переводческих стратегий, обусловленных скопосом.

5.4. Переводчик как эксперт по культуре и тексту

В концепции переводчика как (лично) ответственного эксперта по культуре и тексту происходит слияние скопос-теории и кооперативной модели деятельности. Внимание исследователей привлекли такие профессиональные профили, как консультирование по вопросам культуры (Ammann/Vermeer 1990). Новые профессиональные компетенции вызвали интерес и у тех переводоведов, которые не принадлежали к числу непосредственных сторонников Ханса Фермеера. Новые сферы деятельности, которые традиционно считались специфическими для культуры — например, составление технической документации, — были переосмыслены как сферы перевода (Schmitt, P.A. 1992, 1996). Назовем в качестве отдельных примеров некоторые проблемные области.

Когда каждый находится в «упряжи» своей культуры, то при выполнении переводческих действий необходимо учитывать различия в системе ценностей, образе мысли, манере поведения, а также коммуникативные привычки (см. Vermeer 1990a). К этим последним относится, например, норма вежливости, принятая в частной и общественной коммуникации. В каждой культуре имеются вопросы, которые вежливый человек, как правило, не задает или, во всяком случае, не формулирует прямо. Знание подобных особенностей может иметь решающее значение для успешности межкультурной и транскультурной коммуникации. Переводчик, будучи как реципиентом текста, так и создателем текста, должен обращать внимание на культурно-специфическую организацию информации, нормы текста, ритуализованные коммуникативные процессы и текстовые структуры[185]. Свои знания о вышеуказанных моментах, полученные в процессе учебы или приобретенные на практике, переводчик вправе передавать в соответствующей форме третьим лицам в качестве своего «ноу-хау». Он также может выступать в функции консультанта заказчика или делегации, обращая внимание партнеров на всевозможные «культурные ловушки» и указывая на табу.

Пример (44): Культурно-специфическая организация информации

В португальской культуре, как правило, не принято задавать прямые вопросы. Слушающий сначала повторяет высказывание своего собеседника, соглашается с ним и пр. и лишь в конце формулирует вопрос, который он изначально намеревался задать, или же высказывает критику по поводу услышанного. Представитель «центрально-европейской» культуры к этому моменту, возможно, уже перестанет следить за разговором, а, может быть, наоборот, уже в самом начале беседы проявит нетерпение. В первом случае сообщение не получит должного отклика, поскольку диспозиция партнеров по диалогу нарушена, а во втором случае коммуникант рискует спровоцировать культурный конфликт, который при некоторых обстоятельствах может привести к прекращению переговоров (см. Ammann 1990: 27). Какую стратегию выберет переводчик, чтобы все-таки обеспечить коммуникацию в сложившейся ситуации? Ответственность за этот выбор несет сам переводчик.

Переводчик также несет ответственность за анализ паравербальной и невербальной составляющих коммуникации и за со-

[185] О проблеме техники и технической документации см. Schmitt, P.A. (1989, 1992, 1996, 1999).

блюдение культурно-специфических особенностей проксемики[186]. Концепция перевода как целенаправленной деятельности, чувствительной к вопросам культуры, открыла возможности для постановки новых исследовательских проблем и более интенсивной интеграции в переводоведение опыта наук, изучающих культуру.

Перемещение центра тяжести со свергнутого ИТ на общие условия деятельности и взаимодействие ее элементов не осталось незамеченным критикой. Столь резкое смещение акцентов контрастировало, прежде всего, с практикой письменных и устных переводчиков, которая по-прежнему зависела от «оков» традиционных представлений о транскодировании («Переводите то, что там написано!»). Постулат эквивалентности с его длинным шлейфом универсальных истин, якобы недвусмысленно звучащих в текстах, по-прежнему распространялся и на исполненную релятивизма реальность мультикультурных обществ.

5.5. Шпагат

Шпагат — это фигура в балете, обозначающая на языке метафор соединение двух непростых или вовсе несоединимых противоположностей. Подобное балансирование осуществила Кристиане Норд, соединив скопос-теорию, ориентированную на цель, и традиционные концепции перевода, ориентированные на эквивалентность. Учитывая принцип целеполагания, она выделила, в зависимости от скопоса, два типа письменного перевода. О стремлении к примирению de-facto с принципом эквивалентности свидетельствует введение ею в научный обиход принципа лояльности (Loyalitätsprinzip) (Nord 1991a, 2004). «Радикальной» скопос-теории К. Норд предпочла функциональный перевод (Nord 1997a: 48)[187].

5.5.1. Документальный и инструментальный перевод

Согласно Норд, функцию текста перевода следует определять, прежде всего, на основании его отношения к ИТ (1997a: 51). Это

[186] См. Poyatos (1983, 1987, 1993, 2008) и Poyatos (ed.) (1988, 1992, 1997). О переводе паралингвальных элементов в художественных текстах см. Vermeer (1992a) и Nord (1997b).

[187] Большая часть цитируемых здесь статей Кристианы Норд были переизданы и содержатся в Nord (2011a, b). Похвальное слово в адрес ученой содержится в юбилейном сборнике Wotjak/Tabares Plasencia/Ivanova (ed.) (2009).

отношение, т.е. функцию перевода, необходимо прояснить до начала перевода, в идеальном случае переводчик должен согласовать эту функцию в беседе с инициатором перевода. Если ТП выполняет согласованную функцию, то такой перевод можно назвать функциональным. Функциональный перевод осуществляется при наличии (свободной) привязки к ИТ и с учетом канала передачи информации в целевой ситуации, которая обусловлена такими факторами, как получатель, время и место. Какие элементы ИТ при этом будут сохраняться, а какие изменяться, зависит от заданного скопоса перевода (см., наряду с другими, Nord 1989b, 1991c, 1997a). Опираясь на такую исходную позицию, которая широко совпадает с основными положениями скопос-теории, К. Норд выделяет два типа переноса: документальный и инструментальный перевод. На основании других параметров, таких как, например, форма переноса и угол зрения, под которым осуществляется перенос, Норд разрабатывает модель (Raster), чтобы охватить возможные случаи перевода.

Документальный перевод функционирует как протокол того, как составитель ИТ общается (общался) со своей целевой публикой. Соответственно, ТП должен отражать коммуникацию между автором ИТ и его целевой аудиторией. Собственно говоря, такой перевод есть текст, сообщающий нечто об ИТ. На основании форм переноса в документальном переводе можно выделить такие его подвиды, как пословный, дословный, филологический и экзотический (exotierend). В отличие от документального перевода, инструментальный перевод служит инструментом для достижения коммуникативной цели нового коммуникативного действия в условиях целевой культуры. Для дальнейшей классификации инструментального перевода Норд использует критерий функции текста. По ее мнению, каждый текст и каждый элемент текста, как ИТ, так и ТП, может выполнять (в зависимости от ситуации, в которой он функционирует или должен функционировать) референциальную, экспрессивную, апеллятивную или фатическую функции.

В такой функциональной классификации нетрудно распознать влияние модели органона Карла Бюлера и привязку к типологии текстов Катарины Райс. А добавленная к традиционным фатическая функция восходит к таксономии Романа Якобсона. Если ТП и его элементы выполняют в ситуации целевой культуры такую же

функцию, что и ИТ в своей коммуникативной ситуации, то К. Норд говорит о функционально константном переводе. Если, напротив, ТП в целом выполняет другую функцию или меняются функции отдельных частей текста, то такой перевод является функционально вариативным. Смена функций может иметь место, поскольку предполагаемый адресат ТП может находиться в других условиях восприятия. В качестве третьей разновидности К. Норд выделяет корреспондирующий, или гомологичный, перевод[188]. Под этой разновидностью она понимает, прежде всего, переводы художественных текстов, так называемые переложения и вольные стихотворные переводы, которые «в контексте целевой культуры, литературы и языка приобретают свою собственную значимость, которую следует рассматривать как подобную значимости исходного текста» (Nord 1989a: 104). В приведенной ниже таблице обобщена типология перевода, предложенная Норд, при этом отчасти имплицитные предположения о функции текста и перевода представлены более эксплицитно.

Таблица (8): Типология перевода по К. Норд

<table>
<tr><th></th><th colspan="4">Документальный перевод</th></tr>
<tr><td>f(ИТ)</td><td colspan="4">нерелевантна</td></tr>
<tr><td>ИТ → ТП</td><td colspan="4">f(ИТ) ≠ f(ТП)</td></tr>
<tr><td rowspan="3">назначение</td><td colspan="4">отражение</td></tr>
<tr><td>системы</td><td>формы</td><td>формы и содержания</td><td>формы, содержания и ситуации</td></tr>
<tr><td>исходного языка</td><td colspan="3">ИТ</td></tr>
<tr><td>тип письменного перевода</td><td>пословный перевод</td><td>буквальный перевод</td><td>филологический перевод</td><td>экзотический перевод</td></tr>
<tr><td>f(ТП)</td><td colspan="4">мета(текстуальная) функция</td></tr>
</table>

[188] Не путать гомологичный перевод, выделенный К. Норд, и предложенный нами тип гомологичного перевода (Prunč 1997b).

	Инструментальный перевод		
f(ИТ)	f1–f4		эстетическая
ИТ → ТП	f(ИТ) = f(ТП)	f(ИТ) ≠ f(ТП)	f(ИТ) = f(ТП)
назначение	достижение		
	функции ИТ	функций, совместимых с ИТ	коррелятивного воздействия в
	для получателя ТП		целевой культуре
тип письменного перевода	функционально константный перевод	функционально вариативный перевод	коррелятивный/гомологичный перевод
f(ТП)	f1–f4	f1–f4	эстетическая

Сокращения:
f = функция (f1 = референциальная, f2 = экспрессивная, f3 = апеллятивная, f4 = фатическая); f(ИТ) = возможная функция (функции) ИТ; f(ТП) = возможная функция (функции) ТП

В вышеизложенных рассуждениях не освещены те нюансы, которые Норд представляет в более поздних публикациях. Она не дает четких определений отдельных типов перевода, а просто описывает их на основании характерных признаков. В дополнение к сказанному приведем некоторые примеры из публикаций Норд.

Примеры (45): Классификация типов письменного перевода по К. Норд[189]

Пословный перевод	
Durch den Schornstein mit Vergnügen / sehen sie die Hühner liegen, / die schon ohne Kopf und Gurgeln / lieblich in der Pfanne schmurgeln. (Wilhelm Busch, „Max und Moritz“, цит. по: Nord 1997a: 52)	Through the chimney with pleasure see they the chickens lie which already without head and necks nicely in the pan spatter. (Nord 1997a: 52)
Дословный перевод	
Durch den Schornstein mit Vergnügen sehen sie die Hühner liegen, die schon ohne Kopf und Gurgeln lieblich in der Pfanne schmurgeln. (Ibid.: 52 и далее)	Peeping through the chimney, they notice with pleasure that the chickens without heads and necks, are spattering already nicely in the frying pan. (Ibid.: 52 и далее)
Филологический перевод	
этот тип имел бы место, если бы более или менее дословный перевод «Макса и Морица» сопровождался лингвистической или культурологической информацией, к примеру, “In Germany, the head and neck of a chicken is usually chopped before frying.” (Ibid.: 53)	

[189] См. также Toury (1995: 79).

Экзотический перевод	
К этому типу относится перевод «Макса и Морица» на английский язык, поскольку в нем сохраняются типично немецкие имена «Макс» и «Мориц». (Ibid.: 53)	
Функционально-константный перевод	
В отличие от английского перевода, к такому типу относится итальянская версия, в которой имена Max и Moritz были заменены, в результате культурной адаптации, именами Pippo и Peppo (Ibid.: 53)	
Функционально-вариативный перевод	
(а) Произведения Даниэля Дефо «Робинзон Крузо» или Джонатана Свифта «Путешествие в Лилипутию» были оформлены как детские книги и считаются детской литературой.	
(b) Durch den Schornstein mit Vergnügen / sehen sie die Hühner liegen, / die schon ohne Kopf und Gurgeln / lieblich in der Pfanne schmurgeln. (Ibid.: 52 и далее)	Through the chimney, gay and reckless, / They can see them, plump and neckless, / Browning nicely in their batter, / Grace the frying pan and spatter. (Ibid.: 54)

Примечательно, что у Норд практически не встречаются более объемные примеры текстов, в которых оценка отдельных текстовых функций оставалась бы неизменной, т.е. весь текст и его части были бы переведены с сохранением функций. Существование текста с абсолютно одинаковыми функциями, в котором от референциальной до фатической функции все части текста оставались бы функционально идентичными, не подтверждается никакими примерами или доказательствами. Равенство функций по отношению ко всем функциям текста, очевидно, остается недостижимой идеальной целью (см. Holz-Mänttäri 1988b: 379; 1990a, b).

Не всегда убедительным кажется и разграничение функционально-вариативного и коррелятивного типов перевода. Так, выше в пункте (b) в качестве примера функционально-вариативного вида приведен фрагмент перевода на английский язык произведения Вильгельма Буша, однако его с тем же успехом можно причислить и к корреспондирующему типу. Воздействие, которое оказывает этот перевод на английского читателя, если рассматривать его как критерий корреспондирующего типа перевода художественного текста, можно вполне приравнять к воздействию текста оригинала. Корреспондирующий тип представляется слабым местом в типологии перевода, предложенной К. Норд. Из-за него художественный перевод оказывается в особом положении. Поэтому с позиции

функционального подхода представляется более последовательным выделить вслед за Р. Якобсоном эстетическую функцию и принять для художественного перевода постулат о константности эстетической функции (ср. раздел 2.1). Это требование характерно для европейского культурного контекста.

5.5.2. Принцип лояльности

Ориентация Норд на европейские переводческие нормы не есть простое совпадение. Для нее действительно важно гармонизировать скопос-теорию с доминирующей практикой перевода и обучения переводу. Ключом к такой гармонизации призвано служить требование лояльности, предъявляемое к переводчику. Аргументация Норд проста, прозрачна и логична: выбор скопоса не является абсолютно свободным. Для привязки текста перевода к ИТ в каждой культуре существуют особые правила. Если их соблюдать, то скопос окажется совместимым с ИТ в заданной целевой культуре:

> «Перевод … зависит от совместимости скопоса перевода с исходным текстом. Эта совместимость определена культурной спецификой» (Nord 1989a: 102).

В европейских культурах, согласно К. Норд, действует правило о том, что скопос перевода не должен идти вразрез с интенциями автора ИТ. И особенно в тех случаях, когда автор ИТ известен в целевой культуре как автор текстов. Поскольку переводчик взаимодействует с другими индивидами, выступающими в роли автора, инициатора/заказчика и реципиента ТП, которые не могут или практически не могут проверить его действия, то он не имеет права злоупотреблять доверием своих партнеров. Поэтому он обязан сохранять по отношению к ним лояльность. Важно, чтобы партнеры могли рассчитывать на то, что переводчик не будет реализовывать скопос перевода, противоречащий интенциям автора. Основная идея принципа лояльности получила дальнейшую разработку в трудах Норд (2001, 2004) и была дополнена такими этическими принципами, как предупреждение конфликтов, профессионализм, доверие и правдивость (см. ниже раздел 11.1.). Правда, в результате введения в модель лояльности европейских представлений о переводе сократился общий радиус действия самой модели.

5.5.3. Дизайнерский текст и текстовый дизайн

В противоположном направлении двигалась Юста Хольц-Мянттяри со своей концепцией так называемого дизайнерского текста (Designtext) (Holz-Mänttäri 1988a, b; 1993a, b). Для нее было очень важно разработать такую модель, которую можно было бы в общих чертах применить ко всем случаям создания текстов. Под дизайнерским текстом понимается текст, который создается лицом, выступающим в качестве дизайнера текста, в интересах и по заказу третьих лиц. Процесс создания дизайнерских текстов называется поэтому текстовым дизайном (Textdesign) (Holz-Mänttäri 1993a и b)[190]. Дизайнерский текст является продуктом деятельности, а именно, текстового дизайна, который определяется следующим образом:

> «Общее понятие “текстовый дизайн” объединяет, таким образом, все разновидности профессиональной деятельности, в результате которых создаются прямо или опосредованно дизайнерские тексты (также и те, которые включают совокупность мультимедийных носителей намерения) для использования их носителями других кооперативных ролей, отличных от роли дизайнера текста» (Holz-Mänttäri 1993a: 261).

До этого момента Хольц-Мянттяри воспроизводит свою исходную модель деятельности и всего лишь облекает ее в новые термины. Определенное смещение акцентов наблюдается в перечислении видов деятельности, которые она причисляет к текстовому дизайну. К ним относятся не только традиционные виды переводческой деятельности, такие как конференц-перевод, устный последовательный перевод, перевод документации и художественный перевод, субтитрирование, синхронизация и т.д., но и такие сферы деятельности, которые ранее не попадали в поле зрения переводоведения: безымянное авторство (ghostwriting), задачи, связанные с пиаром, менеджмент коммуникации и региональное консультирование

[190] Во всяком случае, так звучит терминология, предложенная Ю.Хольц-Мянттяри. В повседневной жизни под *«текстовым дизайном»* скорее понимают визуальную подачу текста. Поэтому, возможно, было бы лучше использовать термины «производство *дизайнерского текста»* и «*создание дизайнерского текста»,* которые ученый использует в качестве синонимов термина *«текстовый дизайн»* (к примеру, в Holz-Mänttäri 1993a: 265).

(Holz-Mänttäri 1993a: 261)[191]. Еще более четким смещение акцентов становится в концептуальной сфере[192]. Систему деятельности, в которую вовлечен дизайнер текстов, Хольц-Мянттяри моделирует по образцу биокибернетических систем управления (Holz-Mänttäri 1988b, 1993a, b). Для последних характерно то, что они имеют многочисленные петли (Schleifen), в которых соответствующий результат некоторого процесса может быть рекурсивно соотнесен с уже пройденными процессами и стадиями. Они настраиваются в процессе саморегуляции на некоторое относительное оптимальное значение при реагировании на внесистемные импульсы и осуществление деятельности с помощью внутрисистемных импульсов. Встроенные петли могут функционировать как контрольные. Но они же могут творчески приводить к новым комбинациям и тем самым к появлению новых сведений.

Как неоднократно подчеркивала Ю. Хольц-Мянттяри, в процессе производства дизайнерских текстов дизайнер текстов находится в искусственной ситуации. Он не является коммуникативным партнером и работает, сохраняя определенную дистанцию, прежде всего, по отношению к деятельностной и коммуникативной ситуации, в которой взаимодействуют кооперирующие стороны, для которых он создает дизайнерский текст. Следовательно, дизайнер текстов должен уметь представить в своем воображении ситуацию, в которой будет функционировать его дизайнерский текст[193]. Это означает, что он, образно выражаясь, должен проникнуть в мозг коммуникантов, чтобы выстроить взаимосвязь между своим собственным представлением о мире и картиной мира коммуникантов. Таким образом, замысел дизайнерского текста создается профессионалом на уровне абстракции как специфический перенос текста в практическую область применения, самостоятельно сконструированную дизайнером. Цель процесса планирования и порождения текста состоит в том, чтобы на основе информации об интенции заказчика, на базе информации, извлеченной переводчиком из ИТ, и на основании собственных знаний о целевой группе и целевой культуре создать

[191] С позиции современного рынка переводческих услуг следовало бы добавить, прежде всего, *локализацию*.

[192] См. предложения по дидактической реализации в Holz-Mänttäri (1986a, 1993a).

[193] См. модель у Х.Г. Хёнига (1995).

такой текст, который вызовет желаемую реакцию (Holz-Mänttäri 1993a: 263). Услуга, которую дизайнер текста предлагает своему клиенту, есть инструмент коммуникации, коммуникационная «подпорка». С ее помощью пользователь может расширить радиус своих действий и преодолеть этнокультурные барьеры общения. Функция и создание дизайнерских текстов сравнимы с другими инструментами. Важно, чтобы инструмент «функционировал» в целевой ситуации, т.е. выполнял функцию, согласованную с заказчиком.

Хольц-Мянттяри пытается объединить переменные, которые становятся действенными в производственном процессе, в обозримые структуры и увязать подсистемы друг с другом. Диаграммы, которые она для этого составляет, должны облегчить профессиональным дизайнерам текстов планирование процесса и его реализацию. Представление дизайнерского текста в виде модели призвано нацелить переводческие действия на соответствие требованиям рынка. При этом Хольц-Мянттяри налагает ответственность на заказчиков, заявляя, что профессиональный долг дизайнера текста ограничивается той сферой употребления и теми ролями, для которых обсуждался, проектировался и создавался дизайнерский текст. Изменения или неправомерное использование защищенного авторскими правами дизайнерского текста исключают, с точки зрения Хольц-Мянттяри, ответственность за конечный продукт (Holz-Mänttäri 1993b: 303). Тот факт, что в своей аргументации ученый не принимает во внимание реальные условия, которые господствуют на рынке, а также не учитывает в должной мере личность переводчика, уже был критически отмечен Х.Г. Хёнигом (Hönig 1992).

5.5.4. Устный перевод как транскультурная деятельность

Такие факторы, как власть и рынок, остались за рамками обсуждаемых проблем и в критическом моделировании скопос-теории для синхронного перевода Франца Пёххакера. Заявленная Ф. Пёххакером цель заключалась в том, «чтобы выстроить мосты между абстрактной (переводоведческой) теорией и конкретными профессиональными действиями с учетом практики устных переводчиков» (Pöchhacker 1994a: 240). Как подчеркивает Пёххакер, в скопос-теории рассматривался, прежде всего, письменный перевод.

Если попытаться применить ее к устному переводу, то первоначально необходимо учесть существенное различие в отношении ситуативных факторов. Если ситуация создания и ситуация восприятия письменных текстов могут быть удалены друг от друга как во временном, так и в пространственном отношении, а также совершенно по-разному структурироваться, то при устном переводе коммуникативные партнеры, как правило, вовлечены в то же самое пространство восприятия[194]. Если тексты состоят не только из языковой части, но и включают в себя другие знаки, которые предлагаются и воспринимаются одновременно с языковой частью, то из такого симбиоза следует, что при создании и восприятии текста необходимо учитывать все присутствующие знаки. В конференц-переводе складывается особая ситуация, поскольку ее участники воспринимают не только невербальные знаки (жесты, мимику) и другие визуальные элементы (графики, таблицы и пр.), но и параллельно с синхронным переводом некоторую часть исходной акустической информации. Порождаемый устным переводчиком текст функционирует как своего рода «закадровое озвучивание» оригинального текста и поэтому является лишь относительно самостоятельным. Отсюда вытекает возможность перекрещивания ИТ и ТП. Проиллюстрируем кратко данную проблематику с помощью нескольких частично адаптированных примеров из проведенного Ф. Пёххакером анализа интеракций на 36-м международном конгрессе Международного совета по малому бизнесу.

Примеры (46): Перекрещивание ситуативных, паравербальных и невербальных элементов

(1) Во время одного из докладов в конференц-зале отключается свет. Докладчик весело продолжает в свете проектора: “Family business. I hope it’s not my fault I … hm … I didn’t touch anything”. Переводчик-синхронист следил за данной ситуацией. Во избежание смешивания ролей говорящих во второй части предложения он временно переключается на реферирующий перевод: «“Я надеюсь, я не виноват в том, что свет погас… Я ничего не трогал”, говорит докладчик» (Ibid.: 191).

[194] Это утверждение необходимо интерпретировать, исходя из контекста, в котором оно было сделано. Сегодня существуют формы устного перевода, к которым вышесказанное не относится: например, устный перевод в СМИ или перевод телефонных разговоров.

(2) Докладчик оформляет положительную оценку с помощью предложения “I guess my best summary statement is: Wow!” и произносит при этом слово wow очень выразительно (= паравербальный знак) и с немецкой фонетикой [wa:u] . Помимо этого, он соединяет паравербальный знак с соответствующим жестом (= невербальный элемент). Синхронист пытается максимально синхронно передать паравербальный компонент ИТ, чтобы он соответствовал впечатлению, которое визуально и акустически производит докладчик (Ibid.: 203 и 204).

(3) Организатору конгресса вручают награду. Выступающий говорит взволнованным голосом и сигнализирует свое личное отношение к награждаемому с помощью паравербального знака, а именно, личного обращения. Переводчик отключает в этом месте микрофон и дает публике возможность самостоятельно прочувствовать происходящее на подиуме (Ibid.: 203).

Следует учитывать специфичность синхронного перевода на конференциях и в плане культурной обусловленности коммуникации. Хотя участники конференции выступают представителями различных культур, у них есть много общего в отношении культурных фоновых знаний и умений. Их языковые привычки значительно унифицированы функцией английского языка как языка науки и как lingua franca, даже если в конкретных случаях они и используют свой родной язык. На основании таких культурных и языковых сходств они образуют своего рода диакультуру. Следовательно, в обстановке международной конференции главная задача синхронного перевода заключается в ориентированном на реципиента переносе информации из исходного языка на язык перевода, а не в преодолении культурных барьеров. Если понимать (конференц-)перевод как комплексную систему действий, то акт устного перевода находится в профессиональной цепочке действий, которая, начинаясь с принятия заказа, включает в себя подготовку и конкретные действия при реализации устного перевода[195]. В этой связи с точки зрения

[195] Логично было бы расширить эту деятельностную цепочку. Сегодня так называемые дебрифинги (debriefings) у крупных заказчиков, таких как служба устных переводчиков в ЕС (SCIC), уже стали рутиной. В эту систему действий можно включить меры по оценке и обеспечению качества, которые могут самостоятельно применять как заказчики, так и устные переводчики. Эти меры, казалось бы, нерелевантные для оказания услуги по устному переводу, влияют в целом на ситуацию заказа. Конкретные случаи, когда при дебрифинге фиксируются некачественные услуги одного из партнеров по интеракции (это необязательно известные политические отговорки «переводческими ошибками»), могут также содержать исправления созданного текста.

методики исследования значимым оказалось то, что Ф. Пёххакер рассматривает концепцию всего происходящего на конференции как гипертекст, в который вовлечены конкретные ситуации устного перевода и конкретно создаваемые тексты всех участвующих в организации конгресса актантов (организаторов конгресса, докладчиков, гостей, устных переводчиков и пр.). Это же относится и к текстам, которые создавались актантами или были предоставлены в их распоряжение (например, брошюры, документы, раздаточные материалы и т.д).

Примеры (47): События конгресса как гипертекст, релевантный для переводческого процесса

(1) Из раздаточных материалов переводчики могут почерпнуть точные сведения об именах, званиях докладчиков и гостей, чтобы затем использовать их, например, в процессе устного перевода с английского языка на немецкий в соответствии с конвенциями целевой культуры, определяющими употребление званий[196].

(2) Открывая конгресс, председатель рассказывает шутку о говорящей лягушке, которую нашедший ее мужчина не целует, а засовывает в карман куртки. К этой шутке возвращаются и некоторые другие выступающие, например, министр торговли (Pöchhacker 1994a: 188). А на заключительном мероприятии достаточно лишь намека на шутку, произнесенную при открытии конгресса, чтобы вызвать соответствующую реакцию публики: "But there's a very old story about this, you know. There were ...". Выкрик из зала: "A frog". Выступающий: "No, no" (демонстрирует пустые карманы своего пиджака). Невербальный жест и гипертекстуальная взаимосвязь вербализуются переводчиком: «Но я думаю, это очень старая история, и она напоминает мне кое о чем… не пугайтесь, в карманах моего пиджака ничего нет. Но однажды ...» (см. Ibid.: 204).

Если рассматривать значимость ИТ и свободного обращения с материалом ИТ с позиции некоторого континуума, то концепцию лояльности К. Норд и модель текстового дизайна Ю. Хольц-Мянттяри, вне всякого сомнения, следует расположить на двух диаметрально противоположных полюсах. Ф. Пёххакер, напротив, делает вывод из деятельностной концепции и определения текстов как мультимедийных предложений информации в конкретной конфигурации деятельности, исходя из эмпирической позиции (см. также Pöchhacker 1994b). Всех трех авторов объединяет то, что они

[196] См. конкретные примеры, приведенные в разделе 1.2.3.

оставляют вне поля зрения один фактор, который, однако, является решающим для реальной конфигурации кооперационных структур в деятельностном поле перевода: социальную обусловленность.

5.6. Критический промежуточный вывод

Скопос функционально равного перевода является всего лишь одним из возможных скопосов. Правда, достичь его можно только на уровне текста. В принципе можно представить и другие скопосы, которые в такой же мере будут легитимны. Основой для определения скопоса служит переводческое задание[197]. На практике существуют следующие возможности, причем в разных сочетаниях[198]:

- переводчик может определить скопос перевода, опираясь на переводческую ситуацию в целом (участники, жанровая специфика норм текста и пр.). Основой для его определения выступают принятые в соответствующей целевой культуре переводческие нормы[199]. Эти последние могут предусматривать как ориентацию на исходный текст, так и ориентацию на текст перевода.
- Скопос может быть эксплицитно задан автором или заказчиком/инициатором перевода на основании его особой заинтересованности в определенной функции перевода.
- Переводчик может определить скопос самостоятельно, на свой страх и риск, сообразно своим интересам.

В этом смысле необходимо сделать еще некоторые уточнения. Системно-языковая эквивалентность является теоретическим конструктом, с помощью которого создаются отношения между двумя конструктами. Языковые системы — это абстракции, оторванные от психосоциальной реальности. Будучи стандартными языками, они репрезентируют языковые структуры, которые действительны в определенном языковом сообществе и воспринимаются руководящей элитой как корректные структуры, являющиеся обязательными в силу языковых норм. Поэтому системно-языковая эквивалентность является, как правило, и нормативно-языковой

[197] О переводческом задании см. (Nord 1989b).
[198] О социокультурных условиях свободного выбора скопоса см. (Prunč 2000b).
[199] В работе (Prunč 2002, 2008) такой скопос называется «имплицитным скопосом».

эквивалентностью[200]. Эвристическая, дидактическая и профессиональная объяснительная ценность системно-языковой эквивалентности сравнительно мала. Однако ее в лучшем случае можно использовать в качестве модели для определения отклонений от норм, релевантных для переводческого процесса. Если понимать язык как систему социально и/или географически обусловленных систем (социолекты, диалекты), то это позволит более точно настроить оптику и направить ее на социальные пограничные слои и их иерархии ценностей. В этом смысле системно-языковую эквивалентность можно определить следующим образом:

> Отношение между отдельными элементами двух языков можно назвать эквивалентными в том случае, если они занимают в социолингвистически сопоставимой системе обоих языков и культур более или менее идентичную позицию и имеют более или менее идентичную значимость. Следовательно, эквивалентность является отношением относительной идентичности (сопоставимости) между элементами исходного языка и элементами языка перевода в системе соотносительных понятий соответствующих языковых и культурных систем или субсистем.

Текст перевода или элементы текста перевода являются или функционально идентичными, и в этом случае они эквивалентны и адекватны, или отмечается смена функции: в этом случае, согласно скопос-теории, они должны быть адекватными. В обоих случаях критерий адекватности имеет решающее значение. Без понятия эквивалентности на уровне текста можно обойтись, оно остается значимым только при сравнении систем. Причины сужения понятия эквивалентности до уровня систем кратко приведены ниже:

- Благодаря четкому терминологическому разграничению между эквивалентностью и адекватностью выбор соответствующего термина показывает, в каких случаях анализ и аргументация соотносятся с уровнем системы, а в каких случаях — с уровнем текста.
- Поскольку в коммуникативной реальности различных культур, как правило, невозможно найти коммуникативные ситуации с

[200] Социолингвистическая составляющая процесса образования языковых норм практически не обсуждается в рамках переводоведения, ориентированного на теорию эквивалентности. Отклонения от норм стандартного языка рассматриваются В. Коллером (см. выше раздел 2.4.1.2) в коннотативной сфере.

такой расстановкой сил, которая была бы идентична во всех отношениях, то критерий эквивалентности оказывается неподходящим для оценки качества перевода. Лишь в роли терминологического инструмента, с помощью которого можно описывать отношение изолированных элементов исходного текста и текста перевода, понятие эквивалентности все еще представляется оправданным.

- С такой точки зрения понятие коммуникативной эквивалентности тоже представляется изжитым, в свете терминологического переустройства его лучше избегать или заменить понятием коммуникативной адекватности. Не в последнюю очередь это есть логическое следствие деятельностной концепции перевода. Действия и их воздействия per definitionem[201] интенциональны. Поэтому они не могут быть эквивалентными, а только адекватными или неадекватными, уместными или неуместными.
- Решающим аргументом против употребления понятия коммуникативной эквивалентности служит то, что оно камуфлирует общественные отношения, в которые вовлечен перевод, при этом ссылаясь на якобы объективные отношения между якобы объективными системами. Оно питает иллюзию, что можно реализовать коммуникативную функцию перевода независимо от расстановки интересов в конкретной коммуникативной ситуации.

В мультикультурном обществе начала XXI в., чреватом разнообразными конфликтами, скопос коммуникативно-адекватного перевода бесспорно служит самым целесообразным ориентиром для переводческих действий. Беглый взгляд на различные нормы и традиции, которые действовали и действуют в отношении перевода, показывает, что и такой скопос не стоит возводить в абсолют. Его абсолютизация будет означать всего лишь замену унаследованных представлений об эквивалентности новой нормой, а значит, и сохранение нормативного подхода к проблеме перевода.

В противоположность этому, мы придерживаемся принципа свободного выбора скопоса как центрального постулата скопос-теории[202]. Из принципа свободного определения скопоса вытекает логическая необходимость допускать создание любого отношения

[201] По определению (лат.).

[202] Этическую оценку выбранного скопоса следует производить в соответствующих деонтических рамках (см. главу 11).

между ИТ и ТП и называть продукт таких трансформационных действий переводом. Для обеспечения кооперативности в поле деятельности транскультурной коммуникации все же необходимо разработать систему правил, к которой смогут обращаться все партнеры по деятельности при реализации их конкретных ролей, не подвергаясь риску быть обманутыми другими партнерами. Последовательно применяя принцип изначально свободного выбора скопоса и интенциональности переводческих действий, определим адекватность следующим образом:

> Под «адекватностью» понимается то отношение между текстом и его переводом, на основании которого скопос перевода был (или может быть) реализован оптимальным образом.

И по этому поводу следует сделать замечание. Перевод — это процесс приближения, поэтому абсолютной адекватности существовать не может: она всегда относительна. В качестве мерила оптимальности перевода следует рассматривать его совместимость с ситуацией ТП. Поэтому критерий адекватности можно использовать как на перспективу, для планирования конкретных переводческих процессов, так и ретроспективно, в качестве критерия оценки уже существующих переводов. Перевод должен вопреки свободному выбору скопоса — или, наоборот, на основании его — уметь встраиваться в мир текстов целевой культуры. Данный вывод из скопостеории все сильнее сближает ее с дескриптивным переводоведением (Descriptive Translation Studies), о котором речь пойдет в разделе 7.4.

5.7. От текста к дискурсу

В 1960-е гг. М.А.К. Халлидей разработал свою «Системно-функциональную грамматику» (Systemic Functional Grammar, сокр. SFG), которая предлагала комплексный аналитический и терминологический инструментарий для описания текстов как вербальных интеракций[203]. Согласно Халлидею, язык — это средство, с помощью которого конструируются и поддерживаются межличностные отношения и лежащий в их основе социальный порядок. С помощью

[203] См., например, Halliday (1978, 1985, 1987, 1990); Halliday/Hasan (1989).

языка человек интерпретирует мир, с помощью языка он (ре)презентирует свой мир другим индивидам. Выбор конкретных языковых средств, которые встречаются в конкретном коммуникативном акте и которые складываются в целостный текст, коррелирует с социокультурными условиями, в которых текст создается или воспринимается. Важнейшими параметрами, с помощью которых определяются смысл и значение (вербальной) интеракции, являются следующие: field of discourse (что происходит, что обсуждают), tenor of discourse (какое отношение между коммуникантами сигнализируется) и mode of discourse (с помощью какого средства, когда и в какой форме осуществляется коммуникация).

В SFG эти три параметра включены в понятие «стиль» (register). К стилевым переменным причислены языковые метафункции, с помощью которых определяется дискурсивная семантика текста: идеационная метафункция, с помощью которой конструируется связь с опытом; интерперсональная метафункция, с помощью которой конструируются связи между участниками общения; текстовая метафункция, с помощью которой конструируется текст как таковой. Эти метафункции реализуются с помощью конкретных лексико-грамматических структур: идеационная метафункция с помощью различных форм транзитивности, интерперсональная метафункция с помощью модальности и текстовая метафункция с помощью информационной структуры, которая считывается с тематического строения и когезии текста.

Модель для описания качества письменных переводов с опорой на SFG одной из первых в немецкоговорящем пространстве разработала Юлиана Хаус (House 1981, 1997)[204]. Ее рассуждения основывались на том, что качество перевода определяется эквивалентностью лексико-грамматических структур ИТ и ТП. Нормативный подход контрастивно-лингвистической парадигмы был несколько смягчен благодаря тому, что Ю. Хаус предусмотрела два типа пере водов: открытый перевод (overt translation) и скрытый перевод (covert translation). Открытый перевод, т.е. перевод, который, в силу своих поверхностных структур, распознается как перевод, востребован там, где ИТ в сильной мере зависим от исходной культуры. Если подобной зависимости нет, то допустим скрытый перевод,

[204] См. также юбилейный сборник Baumgarten et al. (ed.) (2004).

т.е. перевод, соответствующий целевой культуре по стилю и структуре текста. Эта модель до недавнего времени оказывала большое влияние, прежде всего, в кругах лингвистически ориентированных переводоведов. Эту модель можно поместить между классификацией П. Ньюмарка, включающей семантический и коммуникативный типы перевода, и классификацией К. Норд, разграничивающей в переводе документальный и инструментальный типы.

Мона Бейкер в своих первых работах также опиралась на SFG. В своем замечательном пособии «Другими словами» (In Other Words) (Baker 1992) она описывает возможные отношения эквивалентности на языковом и текстовом уровнях и иллюстрирует их многочисленными примерами, приведенными не только из индогерманских языков. Однако, во «Введении» М. Бейкер утверждает:

> "... the term **equivalence** is adopted in this book for the sake of convenience — because most translators are used to it rather than because it has any theoretical status. It is used here with the proviso that although equivalence can usually be obtained to some extent, it is influenced by a variety of linguistic and cultural factors and is therefore always relative"[205] (Baker 1992: 5 и далее; выделено в оригинале).

Обоснование «целесообразности» подхода, ориентированного на эквивалентность, с учетом его традиционной укорененности в головах переводчиков говорит о том, что М. Бейкер занимает отстраненную позицию по отношению к обобщению и идеологизации принципа эквивалентности в переводоведении. В более ранней публикации «Перевод и конфликт» (Translation und Konflikt) (Baker 2006, 2011) она идет намного дальше, исследуя, прежде всего, этические вопросы при переводе «больших нарративов», которые невозможно выяснить с позиции эквивалентности, поскольку такие вопросы должны подниматься в контексте власти и доминирования.

Разнообразные индивидуальные, языковые и культурные факторы на стыках текста и общества, которые оказывают влияние на формы реализации эквивалентности, стали главным объектом

[205] Ср. «термин „**эквивалентность**“ используется в этой книге в силу удобства — не из-за его теоретического веса, а просто потому что большинство переводчиков к нему привыкли. Он используется здесь с той посылкой, что, хотя эквивалентность обычно и достигается в какой-то степени, она подвержена разнообразным языковым и культурным влияниям и, вследствие этого, всегда относительна». (*Пер. с англ. ред.*)

исследовательского тандема Иэна Мэйсона и Бейзила Хатима (Hatim/Mason 1990, 1997)[206]. В многочисленных репрезентативных примерах они обращаются не только к письменным переводам, но и добавляют ценные представления о дискурсивных процессах при устном переводе. Социальная направленность их подхода подчеркнута тем, что предметом анализа выбран устный перевод в социальной сфере. Шаг за шагом Б. Хатим и И. Мэйсон подключают наработки критической лингвистики и разрабатывают социосемиотическую концепцию анализа, которая охватывает самые разные уровни — от лексического и грамматического до дискурсивного[207]. Основное предположение, из которого они исходят, а в конце своего анализа выражают открытым текстом, заключается в том, что каждый случай употребления языка отражает набор предположений, которые самым тесным образом связаны с установками, убеждениями и системами ценностей носителей языка. Если последние по умолчанию, машинально разделяют такие установки, убеждения, мировоззрение, системы ценностей и представления о социальных группах, то в таком случае Хатим и Мэйсон, вслед за П. Симпсоном (1993: 5), говорят об идеологии, значимость которой проявляется в рамках конкретных социальных практик в дискурсах. Таким образом, согласно Хатиму и Мэйсону, под дискурсом понимаются институционализированные формы устной и письменной речи, в которых свое выражение получают определенные установки и позиции по отношению к определенным сферам социокультурных действий. Поэтому, как разновидность социокультурной деятельности, перевод также оказывается объектом дискуссии об идеологии:

> “The translator acts in a social context and is part of that context. It is in this sense that translation is, in itself, an ideological activity”[208] (Hatim/Mason 1997: 146).

Поскольку становление идеологии неотделимо от демонстрации сил противоположных сторон, Хатим и Мэйсон вступили в поле-

[206] О признании заслуг И. Мэйсона см. Baker/Calzada Pérez/Olohan (eds.) (2010).

[207] О критической лингвистике см., например, Fairclough (1998, 2003, 2010); Hodge/Kress (1993); Schäffner/Kelly-Holmes (eds.) (1996).

[208] Ср. «Деятельность переводчика протекает в социальном контексте и составляет его часть. Именно в этом смысле перевод как таковой есть деятельность идеологическая». (*Пер. с англ. ред.*)

мику, которая стала определяющей для переводоведения в конце 1990-х гг.[209].

Дополнительная литература

Скопос-теория и функциональный перевод

Ammann (1989); Gardt (1989); Nord (1989b); Witte (1989); Ammann ([2]1990); Vermeer (1989/1990); Nord (1991b, c, d); Ammann (1992); Nord (1992, 1993a); Ammann ([3]1995); Vermeer (1996a); Nord (1997a); Nord (2006); Snell-Hornby (2006); Vermeer (2006); Martín de León (2008); Chesterman (2010); Nord (2010; 2011a, b).

Дискурс и перевод

Delisle (1980); van den Broeck (1986); House/Blum-Kulka (ed.) (1986); Hatim/Mason (1990); Beaugrande et al. (ed.) (1992); Mason (1992);

Ballard (ed.) (1995); Schäffner/Kelly-Holmes (eds.) (1996); Cunico (1997); Hatim/Mason (1997); House (1999); Schäffner (ed.) (2002); Mason (2004b); Resch (2006); Mason (2009b); Mason (2010).

[209] Помимо совместной публикации с Mason (1990, 1997), см. также Mason (1992, 2009a, b; 2010) и Hatim (1997, 2001, 2009).

6. Как черный ящик стал цветным

Чтобы представить когнитивные процессы наглядно и сделать их более доступными для понимания, в когнитивистике применялись различные модели. Как известно из истории науки и культуры, для построения таких моделей постоянно использовались последние достижения науки и техники. Поначалу когнитивисты пытались описать когнитивные системы по аналогии с работой компьютера: ввод, переработка и выдача данных. Но в рамках так называемой коннекционистской модели (konnektionistisches Modell) стали разграничивать компьютерную метафору и метафору мозга. В этом случае по аналогии с работой мозга не выделяется какое-либо одно контролирующее устройство. Мозг состоит из миллиардов нейронов, которые относительно других нейронов являются в принципе такими же равноправными участниками процесса обработки данных. Все они соединены между собой в единую нейронную сеть (Strohner 1995: 48; Thagard 1999; Feldman 2006). Знание представлено в форме взвешенных связей между скоплениями нейронов, или узлами нейронной сети. В результате процесс обучения осуществляется именно благодаря преобразованию этих связей. Так, наблюдаемые закономерности из окружающей нас действительности перерабатываются в некоторые постоянно меняющиеся динамические образцы активизации сведений. На основе обработки этих образцов система может работать и с неполными данными, дополняя их по уже имеющемуся образцу.

Наиболее комплексной из существующих сегодня моделей считается модель экосистемы. В ее основе лежит предположение о том, что когниция возникает в процессе взаимодействия субъекта с окружающей его действительностью. Субъект, т.е. человек как когнитивный субъект, образует в совокупности с окружающим его миром плотную сеть, экосистему. При этом когнитивный субъект не только подвергается воздействию окружающей среды, но и сам может создавать или менять действительность. Подобных взглядов придерживались различные представители конструктивизма, в особенности социального конструктивизма (ср. Gergen 2002; Berger/

Luckmann 2004; Burr [2]2003) и теории ситуативно обусловленного познания (situated embedded cognition)[210]. С позиций экосистемного подхода (ре)конструировать значения и смыслы в процессе познания можно не только посредством обработки раздражающих сигналов, в том числе декодирования речевых стимулов. Когниция — в большей степени процесс, складывающийся из получения соответствующей ситуативно обусловленной информации и активизации хранимых в памяти субъекта моделей действительности. Наиболее важными при этом оказываются совместимость и ситуативность. Независимо от того, воспринимается ли нами объективная реальность как реально существующая или нет, следующее остается неоспоримым фактом: для каждого субъекта действительностью являются лишь те явления и фрагменты реального мира, с которыми он взаимодействует или может вступить во взаимодействие. С озвученных выше позиций обратимся к истории исследований, связанных с изучением взаимосвязи процессов познания и перевода.

6.1. Черный ящик

Когнитивные процессы, протекающие в теле и мозге человека, не поддаются непосредственному наблюдению, а также измерению сложными техническими приборами. При исследовании процесса перевода появилась, однако, дополнительная сложность, поскольку за испытуемыми можно было наблюдать только в более или менее искусственно созданных ситуациях, что позволяло прийти лишь к умозрительным заключениям о реальных действиях переводчика. В качестве метафорического обозначения начального этапа когнитивных исследований использовался пресловутый «черный ящик» (black box), существующий в головах переводчиков. Исследователи надеялись реконструировать процессы, протекающие в «черном ящике», сравнив помещенные в него данные с результатами их когнитивной обработки. Итоговые данные процесса обработки информации можно было бы затем измерить и проанализировать. Но, как правило, с этим мало что можно было сделать:

[210] См. раздел 6.2.4.

> «Очевидно, что методологические сложности возникают тогда, когда наряду с психологическими параметрами в поле зрения попадают вопросы, связанные с языковым значением» (Pöchhacker 1994a: 8).

Так Ф. Пёххакер обозначил в своем докладе о результатах исследования синхронного перевода уязвимое место всех работ по изучению когнитивных и переводческих процессов, которые основывались только лишь на конкретных сведениях и измеряемых параметрах. Описанным экспериментальным работам противостоят появившиеся в рамках так называемого «прагматического поворота» 1980-х гг. исследования взаимосвязи когниции, языка и культуры, основные принципы которых были сформулированы в теории прототипов Элеоноры Рош и концепции фреймовой семантики (Scenes-and-Frames-Semantics) Чарлза Филлмора. Обе теории могли использоваться с большой пользой для практических исследований.

6.1.1. Прототипы и рамки

В процессе ментальной переработки действительности человек пытается упорядочить хаотичность собственного восприятия, объединяя похожие друг на друга феномены по категориям. Психолог Э. Рош ввела для обозначения типичных представителей определенной категории термин «прототип» (Rosch 1973, 1975)[211]. Принадлежность к определенной категории не определяется, как полагали представители структурной семантики, наличием/отсутствием определенных признаков, которые обязательно присущи всем экземплярам. На место этих признаков должно прийти в большей или меньшей степени осознание того, что может считаться лучшим представителем определенной категории. И чем больше прототипических характеристик имеет какой-либо феномен, тем ближе он к прототипу, в отношении которого остальные представители данной категории обнаруживают большее или меньшее сходство. Поэтому в рамках каждой категории выделяют различные степени прототипичности. Например, умение летать — это прототипическая характеристика категории «птица». А воробьи или синицы являются в большинстве культур типичными представителями данной

[211] Ср. с «прототипической семантикой» Ж. Клебера (Kleiber) (1993).

категории. Пингвины с позиций естествознания также считаются птицами. Но поскольку они не умеют летать, эти птицы относятся, скорее, к периферии рассматриваемой категории. Категории не имеют четких границ. Напротив, они обнаруживают плавные переходы к родственным категориям. Между ними существует своего рода «серая зона», к которой относятся наименее типичные представители близких категорий. Образование самих категорий происходит на самых разных уровнях. Так, животные распределяются традиционно по категориями «собака», «кошка», «лошадь», «птица», «рыба», «жук» и т.д. Такого рода уровень называется базовым. В когнитивном процессе этот уровень имеет определенный приоритет, с психологической точки зрения у него привилегированный статус, что способствует его усвоению в первую очередь. Под базовым уровнем располагаются подкатегории, над ним — более общие и абстрактные категории. Подкатегориями для уже приведенных в качестве примера базовых категорий могли бы быть «терьер», «сиамская кошка», «воробей», «щука» и «божья коровка», а общими категориями — «млекопитающие», «домашние животные», «хищники» или «насекомые».

Для перевода особенно важно то, чтобы консенсус относительно принадлежности к соответствующей категории привел бы к аналогичным результатам на базовом уровне. Чем больше удаление от базового уровня в сторону абстрактных категорий или подкатегорий, тем более субъективным, социально- и культурно-специфическим становится процесс категоризации. Так, формирование категории «домашние» или «хищные животные» зависит, по всей видимости, от индивидуального социокультурного опыта субъекта. Различаются ли подкатегории «собаки» вообще, какие это подкатегории, зависит от предшествующего жизненного опыта, уровня фактического знания и интересов индивида и/или группы. А те, в свою очередь, включаются в процессы прототипизации конкретной культуры и/или субкультуры. В расширенной версии теории прототипов последние трактуются как результат комплексного эффекта от прототипизации (Lakoff 1987; Lakoff/Johnson 2004). Человек создает свои категории в рамках созданных им же идеализированных когнитивных моделей о мире, которые могут возникнуть в том случае, когда человек проецирует свои тактильные ощущения

на внешний мир. Эти категории могут определяться (и это снова очень существенно для перевода) и мифическими представлениями, влиянием стереотипов и установок. Решающим для формирования прототипов является то, что они формируются не в процессе восприятия мира и уж, конечно, еще в меньшей степени благодаря воздействию самой действительности. В этом процессе важен консенсус, который достигается в пределах определенной культуры в отношении категоризации.

Еще больше внимания культурной обусловленности действительности уделяется в концепции фреймовой семантики (Scenes-and-Frames-Semantics) Ч. Филлмора, чьи идеи были озвучены М. Снелл-Хорнби и М. Ваннерем в ходе дискуссии о проблемах переводоведения (Vannerem/Snell-Hornby 1986). В своей концепции Ч. Филлмор исходит из того, что каждый человек владеет определенным набором когнитивных моделей, так называемых сцен (scenes). Под несколько туманным словом «сцена» предлагается понимать любой комплекс когерентных представлений, убеждений и ожиданий. Каждая такая сцена (scene) закодирована при помощи определенного языкового кода — фрейма, букв. рамки (frame). При этом «сцена» и «рамка» оказывают друг на друга взаимное влияние. Каждой сцене соответствует определенная рамка, а каждой рамке — сцена. Если в тексте активизируется какой-то фрейм, то он автоматически активизирует также сведения из соответствующей сцены. Кроме того, такие культурно-специфические сцены, как, например, посещение кофейни, приветствие, представления об отношениях и «семье» всегда связаны с определенным языковым кодом. Так, кодом «официант» (Ober) активизируется сцена «элитный ресторан» или «кафе», а кодом «кельнер» (Kellner) — сцена «забегаловка». В аббатстве есть настоятельница (Oberin), а на фабрике — начальница (Chefin). Более сложные сведения о сценах, связанных с культурно-специфическими образцами межличностных отношений, активизируются фреймами «глава семьи», «родитель», «спутник/спутница жизни», «любимый/любимая» (Geliebte) и «любовник/любовница» (lover).

Переводческие проблемы возникают там, где в разных культурах различные сцены связаны с различными фреймами. С одной стороны, перед переводчиком встает вопрос: «Что это за сцена и

какими средствами, т.е. каким фреймом должны активизироваться сведения у целевой аудитории?» (Vermeer/Witte 1990: 129). С другой стороны, наблюдаемые сдвиги в семантике фрейма при переводе представляют собой довольно известный феномен, что в дальнейшем может сказаться на восприятии всего текста.

Примеры (48): Сцена и фрейм (scene and frame)

(1) Сцена, которая является основой для так называемой «арии с шампанским» (ит. *Fin ch' han dal vino*) в опере «Дон Джованни», представляет собой один из самых разнузданных праздников. Что в немецком переводе передается как „Szene einer netten Tanzstunde“ («Сцена веселого урока танцев»). Эта сцена активизируется, прежде всего, через повтор фрейма побуждения „ordne die Reihn“ («подровнять ряды») (Kaindl 1995: 121).

(2) Когда строки “Ed io frattanto dall'altro canto con questa o quella vo' amoreggiar“ передаются в немецком переводе как „Ich aber leise/nach alter Weise/führ' mein Feinsliebchen ins Kämmerlein“, то сцена необузданного распутства и чувственного наслаждения, активизирующаяся у читателя текста на итальянском языке, заменяется в тексте перевода на немецком сценой, которую К. Кайндл очень точно обозначил как „biedermeierliche Schäferstunde“ («любовная перебранка») (Ibid.: 65 и далее).

Как подчеркивают Х. Фермеер и Х. Витте, было бы неправильно трактовать сцены как «преломленное отражение реальности», как своего рода «фиксированные точки Архимеда», фрейм которых было бы достаточно просто перекодировать средствами другого языка (Vermeer/Witte 1990: 59). В процессе принятия решения о том, какой же фрейм является наиболее подходящим для перевода в зависимости от соответствующего скопоса, переводчик не может не учитывать комплексных связей в сценах, пожалуй, даже в суперсценах (Ibid.: 57), в которые они могут объединяться в исходной и целевой культурах (ср. Vermeer/Witte 1990: 57).

6.1.2. Идти на ощупь при помощи СМП (стенограмм мыслительного процесса)

Даже если, как уже было упомянуто ранее, процессы, происходящие в «черном ящике» переводчиков, не поддаются непосредственному наблюдению, в эмпирических переводоведческих исследованиях были разработаны конкретные методы, позволяющие хотя бы «на ощупь» приблизиться к этим процессам. Д. Селескович

и М. Ледерер попробовали это сделать с помощью интроспекции. Чтобы избавить интроспекцию от налета субъективности и создать солидную эмпирическую базу для исследования, при наблюдении за переводческими процессами стали использовать применяемый в психологии метод озвучивания процессов мышления СМП (стенограмм мыслительного процесса) (от англ. TAPs — Think Aloud Protocols), он же метод ВМП (воспроизведения мыслительного процесса) (от нем. LD-Protokolle — Protokolle des Lauten Denkens) (см. Tirkkonen-Condit 1991). От испытуемых требовалось озвучивать свои мысли во время выполнения письменного перевода. Их высказывания записывались на пленку и анализировались.

Пионеры исследований по методике СМП не смогли избежать упрощенного взгляда лингвистов на процесс перевода, который должен следовать принципу достижения эквивалентности. Это отразилось на выборе и далеких от реальной практики испытуемых, исходных текстов, а также на самих методах оценки (Krings 1986, Lörscher 1991). Привлечение профессиональных или периодически практикующих переводчиков в качестве испытуемых (Krings 1988), сравнение переводов, выполненных профессионалами и непрофессионалами (Jääskeläinen 1999), ведение записей групповых заседаний (Kußmaul 1995, 2000), улучшение возможностей применения технических средств и усовершенствование методики анализа позволили максимально точно реконструировать реальные комплексные связи между «профилем деятельности, самим процессом и продуктом» (Hansen 2006), а также оценить переводческую компетентность испытуемых. Наиболее полезной среди прочих технических новинок, включая применение видеозаписей, оказалась созданная А.Л. Якобсеном компьютерная программа TRANSLOG (Транслог), с помощью которой в реальном времени можно было фиксировать и в любой момент воспроизводить процессы создания письменного перевода (Jakobsen 2011). Улучшение технических возможностей для проведения исследований позволило применять метод визуального наблюдения за движениями глаз (Eye-Tracking Methode). В этом случае при помощи довольно сложной технической аппаратуры записываются все движения глаз испытуемых. В результате предполагалось получить более точное представление о тех переводческих процессах (например, о паузах, сделанных в трудных местах),

которые нельзя понять, используя только лишь программные кейлоггеры (keylogging[212]) (O'Brien 2010; Göpferich/Jakobsen/Mees 2008).

Проблема изучения процесса перевода в рамках этого эмпирического направления (Göpferich 2008), заключается, однако, в том, что, несмотря на наличие сложных дорогостоящих технических средств для проведения анализа, исследуемая ситуация является искусственно созданной, а потому оторванной от реальной ситуации перевода. Выбор критериев, на основе которых оценивается, насколько удачно или неудачно было выбрано переводческое решение, по-прежнему отдан на откуп исследователя, а сами критерии не классифицируются. Суть этой важной проблемы не изменилась даже после того, как из эмпирической социологии был заимствован метод триангуляции (Alves 2003), который предполагает возможность объединения данных, полученных из разных областей различными методами. Пока исследователь оперирует только лишь данными, полученными в ходе эксперимента, от этих данных неизбежно будет веять стерильностью и искусственностью[213].

Еще более чувствительными к социальному контексту оказались дополнительные этапы анализа: воспроизведение и ретроспекция. В этом случае речь идет о последующем оценивании самими испытуемыми сделанных записей того, как они осуществляли процесс перевода. В такой беседе с участниками эксперимента открывается довольно обширное дискурсивное пространство, в рамках которого можно было бы более комплексно описать профили компетенций и стратегии действий испытуемых. Долговременные исследования, проведенные, например, Г. Хансен (Hansen 2009), или привлечение данных наблюдений самих участников эксперимента, как у Х. Риску (Risku ²2009), предоставляют дополнительную возможность не только описать определенные когнитивные процессы, но и получить представление о социальной реальности перевода (см. далее раздел 6.2.4).

[212] Keylogging — компьютерный термин, означающий практику скрытого слежения и мониторинга ударов по клавиатуре удаленного компьютера обычно с использованием программного приложения или встроенного компьютерного устройства (англ.) (*Примеч. ред.*)

[213] Подробнее об исследовании процесса перевода см. также Göpferich/Alves/Mees (eds.) (2010), Mees/Alves/Göpferich (eds.) (2010).

Учитывая возможность дидактического применения результатов исследования, что, однако, не является главным мерилом научных исследований, П. Кусмауль обращается к вопросу, будут ли переводчики лучше переводить, если они узнают, что происходит в их голове (Kußmaul 2009). Заданный Кусмаулем вопрос можно сформулировать иначе: смогут ли преподаватели лучше обучать переводу, если они будут знать о протекающих в головах переводчиков когнитивных процессах? На этот вопрос можно ответить утвердительно, если результаты исследования процесса перевода и когнитивных процессов создают валидную базу для дидактики перевода (Kußmaul 1995, [2]2010; Hansen 2006). При этом с методической точки зрения и, по крайней мере, на уровне рефлексии обязательно нужно более интенсивно вовлекать испытуемых и включать, по возможности, саму ситуацию эксперимента в естественную социальную среду.

6.1.3. Очарование эмпиризма

В исследованиях процессов устного перевода в 80-е гг. XX в. все более заметным становилось сопротивление «прескриптивной идеализации» (Pöchhacker 2004b: 71) теории смысла (théorie du sens). Как и переводоведение, которое в попытке узаконить свое существование стало использовать парадигмы языкознания, наука, исследующая процесс устного перевода, обратилась к уже признанным наукам, в рамках парадигм которых могли бы проводиться соответствующие исследования. Это были, прежде всего, дисциплины естественно-научного цикла: когнитивная психология, нейрофизиология и нейропсихология, а также эргопсихометрия. Устный перевод, осуществляемый в кабине, казался довольно легко поддающимся контролю по типу «входа–выхода данных» (Input–Output Situation) — как раз по вкусу ученых-естествоиспытателей. Самые первые исследователи интересовались, однако, не столько самим процессом устного перевода как таковым, сколько нейрофизиологическими предпосылками процессов переработки информации и выводами, которые можно было сделать в отношении хранения языковых данных в мозге человека. Особый интерес нейропсихологов и нейрофизиологов вызывала способность переводчиков-синхронистов

справляться с несколькими задачами одновременно: восприятием, переработкой и озвучиванием информации. Но удаленная от реальности модель исследования и, прежде всего, неудачный подбор испытуемых, как и использование усеченной модели транскодирования, конечно, снижали, как это уже было установлено в связи с СМП, познавательную ценность анализа для реального процесса устного перевода. Там, где описанные недостатки не могли оказать существенного влияния на результаты исследования, как, например, при измерении длительности пауз во время выступления оратора или работы устного переводчика или замеров так называемых time-lags (продолжительности запаздывания), т.е. временного отрезка между высказыванием говорящего и устным переводом, можно было получить более валидные данные. Однако относительно разработанных при этом критериев оценки (например, типологии опущений при переводе или переводческих ошибок (Barik 1971, 1994)) многие практикующие переводчики-синхронисты высказались очень критично (см. подробнее Pöchhacker 2000b: 69). Новые вехи в развитии эмпирических исследований были намечены Дэвидом Гервером, одним из первых исследователей синхронного перевода, в 1977 г. в Венеции на так называемой конференции НАТО (NATO-Konferenz) на тему «Языковая интерпретация и коммуникация» (Language Interpretation and Communication) (Gerver/Sinaiko 1978). На этой конференции собрались известные представители разных областей науки, которые занимались изучением процесса устного перевода и когнитивной переработки языковых данных. Они попытались определить сферы междисциплинарных исследований. Сам Д. Гервер прославился благодаря ряду публикаций о результатах изучения различных факторов влияния на процесс устного перевода и производительность памяти устных переводчиков. За конгрессом в Венеции последовал симпозиум 1986 г., который состоялся в университете Триеста на факультете иностранных языков и перевода (Scuola Superiore di Lingue Moderne per Interpreti e Traduttoti, сокр. SSLMIT — Высшая школа современных языков для устных и письменных переводчиков). На какое-то время этот факультет стал ведущей площадкой для неврологических и нейрофизиологических исследований процесса устного перевода (см. Gran/Dodds 1989; Gran/Taylor 1990; Fabbro/Gran 1994; Gran/Viezzi 1995).

Новое поколение исследователей, которое сформировалось в 1980-е гг., образовало своего рода интернациональную многополярную сеть. Ингрид Пинтер из Вены расширила свое исследование нейрофизиологических процессов, обратившись к таким вопросам, как возможности человеческой памяти, влияние стресса или эффект от выполнения упражнений (ср. Pinter 1969; по мужу — Kurz 1996). Ученый из Парижа Даниэль Жиль, один из самых ярых критиков интерпретативной теории (théorie du sens) и неутомимый защитник эмпиризма, предложил свою модель перевода — Effort-Modell (букв. модель усилий), которая будет подробнее рассмотрена ниже. Барбара Мозер-Мерсер и Сильвия Ламбер видели свою задачу в том, чтобы преодолеть пропасть между практикующими устными переводчиками и учеными, а также помочь этим группам избавиться от страхов, возникающих при соприкосновении друг с другом. Кроме того, для обеспечения достоверности результатов исследования они пытались разработать различные новые методы анализа (Lambert/Moser-Mercer 1994).

6.2. Моделирование когнитивных процессов

Когнитивные процессы, происходящие во время устного и письменного перевода, представлены в многочисленных моделях, однако из них лишь единицы удостоились в дальнейшем серьезного научного обсуждения.

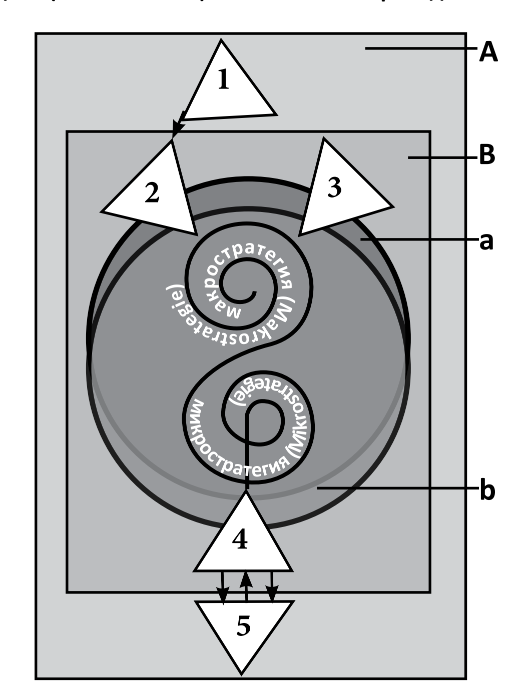
6.2.1. Конструктивный перевод

На основе анализа ошибок, отмеченных на занятиях со студентами или обнаруженных в опубликованных переводах, а также в процессе работы с СМП Ханс Хёниг попытался в рамках разработанной им модели конструктивного перевода представить свою схему протекания когнитивных процессов (Hans Hönig 1995: 50). Хёниг исходил из того, что между реальным миром коммуникации и ментальной реальностью переводчика существует относительно четкая граница. В отличие от Хёнига, мы придерживаемся той точки зрения, что ментальную реальность переводчика невозможно отделить от социальной реальности коммуникации, поскольку в процессе перевода они взаимодействуют друг с другом. Это представлено символически в нашей модифицированной модели Хёнига, где

ментальная реальность переводчика в общем и целом вписана в реальный мир (см. график 6).

Треугольник 1 в начале и треугольник 5 в конце процесса обозначают ИТ и ТП, соответственно, в реальной коммуникативной ситуации. Символ «треугольник» был выбран с опорой на знаковую модель К. Бюлера. Реальный текст отделяется в начале процесса перевода от реальной коммуникативной ситуации и переносится в ментальную реальность переводчика, которая символически обозначается треугольником 2 проецируемого ИТ. Проецируемый ИТ становится объектом процессов переосмысления. Они протекают в контролируемом и неконтролируемом рабочем пространстве, которые частично накладываются друг на друга. Контролируемое рабочее пространство состоит из знания правил, фактического знания и знаний о мире переводчика. Неконтролируемое рабочее пространство, выражаясь фигурально, представляет собой вместилище интуиции и креативности переводчика.

График (6): Модифицированная процессуальная модель Х. Хёнига
Процессуальная модель (Prozessmodell) письменного перевода

A: реальная коммуникация,
B: ментальная реальность
a: неконтролируемое рабочее пространство,
b: контролируемое рабочее пространство

На первом этапе проецируемый ИТ подвергается интуитивной интерпретации и ассоциативному обогащению, т.е. он совмещается с когнитивными схемами переводчика. Недостаток понимания текста можно устранить за счет поиска дополнительной информации, обратной связи с автором или заказчиком перевода. Это процесс не хаотичный, а управляемый, причем управляют им возникающие «в голове» переводчика представления о переводимом им тексте. Этот последний Хёниг называет «предполагаемым ТП» (prospektiver ZT), обозначая его на графике треугольником 3. На этом этапе перевода подключается рекурсивный процесс (обращаем внимание на это наблюдение — оно есть важное добавление к модели Х. Хёнига), протекающий в контролируемом и неконтролируемом рабочем пространстве; действуя в нем, переводчик постепенно приближается к выполнению своего переводческого задания посредством постоянного подключения контура обратной связи (Feedback-Schleifen) к насыщенному когнитивной информацией ИТ и последовательной конкретизации предполагаемого ТП. Из контролируемого рабочего пространства могут извлекаться знания общего (теоретического) плана о правилах перевода определенного типа текста, о необходимости соблюдения при этом переводческих норм, а также о необходимости компрессии и ожидаемом формате текста перевода. В то же время опытный переводчик-профессионал в неконтролируемом рабочем пространстве имеет в своем арсенале целый спектр различных навыков и стратегий для разрешения проблем, а также способность интуитивно оценивать ожидания реципиента относительно ТП.

Результатом этого процесса рефлексии должен стать, по сути, выбор макростратегии перевода, которая может уточняться посредством обратной связи с автором или заказчиком перевода. Если при выборе макростратегии обнаруживается невозможность выполнения переводческого задания, переводческий процесс может прерваться. Рекурсивность в процессе принятия решений представлена в виде спирали как символа макростратегии. Смысл выбора макростратегии состоит, прежде всего, в возможности (осознанно или бессознательно) лучше структурировать протекающие процессы перевода, что позволяет переводчику не запутаться в ненужных

поисковых стратегиях. Кроме того, имея ясное представление о макростратегии, переводчик может лучше организовать необходимый ему поиск дополнительной информации и оценить затрачиваемые на это усилия.

Только после определения макростратегии должен начаться собственно процесс перевода, а также выбор микростратегий (на графике это вторая спираль), которые позволяют тексту перевода постепенно приобретать необходимую форму. При разработке микростратегий речь снова идет о перманентном и рекурсивном взаимодействии контролируемого и неконтролируемого рабочего пространства. Переводчик вновь помещает в контролируемое рабочее пространство свои знания о мире и правила и строит процесс перевода согласно выбранным микростратегиям, постоянному мониторингу, т.е. выбирает способы решения определенных проблем[214]. Прежде всего, в этом случае следует избегать излишней генерализации и применения неподходящих правил. Осознанный мониторинг позволяет также обрабатывать поступающие из неконтролируемого рабочего пространства решения и импульсы в соответствии с целью перевода, а затем преобразовать их в конкретную микростратегию, согласно принципу целесообразности.

Ближе к концу появляется произведенный в ментальном пространстве переводчика ТП (треугольник 4), который «овнешняется» и материализуется на последнем этапе. Затем готовый ТП (треугольник 5) предстает в своей материальной форме в реальной коммуникации. В этом месте наша модель отступает от модели Хёнига, так как мы предусматриваем еще один цикл обратной связи между ментальным производством ТП и его материализацией в письменной форме.

6.2.2. Модель усилий (Effort-Modell)

Если у письменных переводчиков в идеале есть определенное время для выполнения перевода, то устные переводчики вынуждены постоянно бороться с фактором времени в процессе управления

[214] Ср. концепцию В. Вилсса, трактующего процесс перевода как процесс поиска решения проблем (Wilss 1988: 60ff.).

своими когнитивными ресурсами. Разработанные в рамках этого направления модели были в основном ориентированы непосредственно на описание самого процесса[215]. В своей Effort-Modell (модели усилий) Д. Жиль представляет пошаговое схематичное описание процесса перевода, где управление ресурсами переводчика распадается на составляющие этого процесса (Gile 1995a: 169–190)[216]. При этом Д. Жиль основывается на том, что для осуществления устного перевода требуется умственная энергия, которую переводчик, особенно во время синхронного перевода, должен тщательно рассчитать. Так, переводчики должны распределить имеющиеся у них в арсенале когнитивные ресурсы в отведенный для перевода промежуток времени по четырем видам прилагаемых усилий: L = Listening and analysis Effort (усилие для слухового восприятия информации и ее анализа), P = Speech production Effort (усилие для речевого воспроизведения), M = Short term memory Effort (усилие для сохранения данных в краткосрочной памяти) и C = Coordination Effort (усилие координации). Каждому из описанных четырех видов усилий соответствуют специфические требования, предъявляемые к так называемой производительности переводчика. Однако при сложении всех усилий, затрачиваемых на выполнение каждого вида работы, их сумма не должна превышать величину общей производительности устного переводчика. Д. Жиль выразил это в следующей формуле:

$$SI = L + P + M + C.$$

Усилие, прилагаемое для восприятия и анализа данных (L) предполагает выполнение всех операций, направленных на обеспечение понимания информации, начиная от анализа звуковых волн и распознавания слов и заканчивая принятием окончательного решения об их значении. Усилие для речевого воспроизведения (P) включает в себя все операции этого процесса: ментальную репрезентацию высказывания, его речевое планирование и реализацию на практике. Усилие для сохранения данных (M) предполагает, прежде всего,

[215] Обзор моделей предлагают в своих трудах Б. Мозер-Мерсер (Moser-Mercer 2002), Р. Сеттон (Setton 2003) и Ф. Пёххакер (Pöchhacker 2004b: 84-109).

[216] См. о признании заслуг Д. Жиля в юбилейном сборнике, изданном под ред. Г. Хансен, Э. Честермана и Х. Герцимиш-Арбогаст (Hansen/Chesterman/Gerzymisch-Arbogast 2009); строго научный анализ его труда см. у Н. Грбич и С. Пёллабауэр (Grbić/Pöllabauer 2009).

обращение к кратковременной памяти и ее взаимодействие с долговременной памятью: восприятие звучащей фразы и распознавание затем соответствующих фонем или лексем. Усилие координации вышеописанных видов усилия (С), добавленное в формулу Д. Жилем позднее, состоит в возможной минимизации затрачиваемых усилий в процессе выполнения устного перевода.

Факторами, затрудняющими или мешающими выполнению устного перевода, могут стать высокая плотность информации в ИТ, быстрый темп речи или недостаток риторических навыков говорящего. К внешним факторам такого рода относится плохое качество звука, а к помехам структурного характера — незнакомые имена и цифры. Более серьезные различия между исходным языком и языком, на который осуществляется перевод, на синтаксическом уровне требуют при выполнении работы М больших затрат когнитивной энергии, поскольку переводчику в период между восприятием ИТ и озвучиванием ТП приходится хранить в кратковременной памяти довольно крупные отрезки текста. И даже если модель Д. Жиля кому-то кажется простой и не представляющей особой ценности для объяснения процессов устного перевода, все же она позволяет некоторым образом структурировать исследования, посвященные уточнению источников ошибок и помех, оказывающих определенное воздействие на отдельные виды выполняемой работы переводчиком.

Более сложную модель, описывающую процессы, протекающие во время синхронного перевода, предложил Р. Сеттон (Setton 1999). Он обратился не только к новейшим достижениям когнитивных наук, но и попытался соединить все известные ему результаты исследований когниции и коммуникации в одной, как он сам ее обозначил, «гибридной» модели (ср. также Setton 2002, 2003). Поэтому в когнитивистике он отдавал предпочтение теории релевантности.

6.2.3. Модель релевантности

Коммуникация — это не просто обмен информацией при помощи общего кода. Она постоянно связана с выводами (инференцией), которые коммуниканты делают, основываясь на собственных знаниях. Такой способ переработки информации называют инферен-

ционным. Чтобы правильно спланировать и реализовать коммуникативный акт, каждый партнер по коммуникации должен сделать предположение по поводу того, каким знанием обладает его партнер по коммуникации, что в свою очередь вызывает бесконечный ряд подобного рода предположений у обоих партнеров по коммуникации. Решение проблемы координации деятельности коммуникантов, как считают основатели теории релевантности Д. Шпербер и Д. Уилсон, очень простое (Sperber/Wilson 1986). В этом случае нужно просто исходить из того, что оба партнера по коммуникации руководствуются общепринятым и унаследованным в процессе эволюции принципом релевантности. Чтобы коммуникативный акт стал оптимально релевантным, необходимо установить оптимальное соотношение между количеством энергии, затрачиваемой в процессе коммуникации, и познавательным приростом[217]. Когнитивный прирост, который достигается путем соединения уже имеющихся у коммуникантов знаний с информацией, полученной ими во время конкретного коммуникативного акта, называется контекстуальным приростом. Критерием оптимальной релевантности следует считать следующее:

> чем выше контекстуальный эффект от выполненной ментальной работы в коммуникативном процессе, тем выше релевантность предположения.

При этом, согласно теории Д. Шпербера и Д. Уилсон, контекстом считается не ситуативный контекст, а сумма всех предположений, которые может сделать соответствующий коммуникант. Если же в процессе коммуникации поступает новая информация, то когнитивный субъект стремится извлечь максимум контекстуального эффекта, затратив на это минимум когнитивной энергии. Контекстуальными эффектами считаются вычленение новой информации, подкрепление или выражение сомнения в сделанных предположениях, а также отказ от неверных предположений. Любой коммуникант вправе предположить, что его партнер действует по принципу релевантности. Поэтому предсказуемо, что партнеры

[217] Краткое описание теории релевантности см. в работе П. Фосетта (Fawcett 1997: 135–143); о ее применении в исследованиях процесса устного перевода см. труды Р. Сеттона (Setton 1999, 2005).

по коммуникации обратятся к соответствующему когнитивному контексту. При этом коммуникантам помогает деление знаний об окружающем мире на специальные (Focus), базовые (Vordergrund) и фоновые (Hintergrund). Специальные знания представляют собой ту часть ментальной или физической реальности, на которой концентрируется внимание субъекта. Базовые знания включают в себя ту часть когнитивной реальности, которая особенно релевантна для обработки полученной информации. Все остальные сведения о когнитивной системе составляют знания фоновые.

Наименьших затрат для осуществления коммуникативного процесса требуют те когнитивные элементы, которые относятся к специальным знаниям. Если же в зоне специальных знаний контекстуальный прирост не наблюдается, тогда необходимо задействовать имеющиеся у коммуникантов базовые и фоновые знания до тех пор, пока контекстуальный прирост не проявится. Если же в процессе конкретной коммуникации все же возникает недопонимание между партнерами по коммуникации, поскольку они не обращаются к необходимым для них знаниям, то тогда они могут получить помощь в виде лингвистических или нелингвистических сигналов (cues). Помимо когнитивного моделирования действительности, для достижения необходимого результата процесса коммуникации важное значение имеет также и структура знания. Прототипы, скрипты, схемы, а также известные в пределах определенной культуры нарративы требуют при их обработке меньших затрат когнитивной энергии, чем культурно и когнитивно неструктурированное знание.

Иногда, например, при осуществлении косвенного речевого акта, когда используют метафоры или иронию, партнеры по коммуникации говорят не то, что думают на самом деле. Предложение „Sie zog sich in ihr Schneckenhaus zurück“ (Она снова спряталась в своей ракушке) может описывать как поведение самой улитки, так и метафорически — поведение человека. В этом случае Д. Шпербер и Д. Уилсон предлагают проводить различие между дескриптивным и интерпретативным сходством (descriptive и interpretive resemblance) «мыслей и высказываний». Э.А. Гутт обращается к этим различиям, чтобы выделить две группы перевода. К первой группе относятся те переводы, в которых знаки кодирования информации используются «дескриптивно» (descriptive use), т.е. они переносятся из ИТ в

целевую культуру, в которой осуществляется перевод и в которой они начинают функционировать. Ко второй группе относятся переводы, которые устанавливают интерпретативное сходство между исходным текстом и его переводом (Gutt 1991, 2000)[218]. В обоих случаях теория релевантности Гутта предлагает почти все решения, поэтому теория перевода как самостоятельная дисциплина становится ненужной (Gutt 2000: 69, 199). Первая группа решений, по словам Э.А. Гутта, ничем не отличается от дескриптивного использования (descriptive use) знаков в процессе интерлингвальной коммуникации (Ibid.: 78). Во второй группе интерпретативное сходство между оригиналом и переводом может быть установлено с помощью тех же средств, которые теория релевантности предусматривает в целом для интерпретативного использования знаков (interpretive use).

Несмотря на странную неприязнь к теории и несколько грубоватую форму изложения, которые Э.А. Гутт демонстрирует в своей монографии по переводу, он высказывает вполне рациональные идеи. Так, он моделирует ситуации, в которых когнитивная действительность реципиентов может быть сконструирована в удаленных друг от друга в культурном отношении коммуникативных ситуациях, а процесс коммуникации может регулироваться при помощи так называемых сигналов (cues) таким образом, что в идеале реципиенты письменного или устного перевода получат при условии соблюдения принципа оптимальной релевантности тот же когнитивный прирост, что и реципиенты оригинала.

6.2.4. Ситуативно обусловленное познание

Примером наиболее последовательного использования в когнитивистике экологической метафоры стала «концепция ситуативно обусловленного познания» (situated embedded cognition) Х. Риску (Risku 2000), предложившей свою теорию в рамках обсуждения проблем переводоведения и подкрепившей ее примерами из проведенного исследования в одном из переводческих бюро (Risku 2002, 2004, [2]2009). Один из важнейших постулатов этой концепции — мысль о том, что познание не локализовано и не изолировано в мозге человека. Намного более важную роль играют при этом само тело

[218] Ср. разницу между явным или скрытым переводом у Ю. Хаус и между документальным и инструментальным типами перевода у К. Норд.

человека, а также окружающая индивида действительность, в формировании которой он сам активно участвует[219]. Как показали исследования, проведенные в рамках коннекционизма (Konnektionismus), для процесса познания очень важны схемы, скрипты, прототипы и другие виды ментальной репрезентации действительности, которые когнитивный субъект избирательно и в зависимости от контекста создает и сохраняет. При этом их значение относительно, поскольку человек использует созданные им ментальные репрезентации действительности в качестве ориентиров в окружающем его мире, которые в процессе своего соприкосновения с действительностью человек постоянно модифицирует, так как разумное действие означает постоянное лавирование в сложном материальном мире и социальной ситуации:

> «Поведение — это не просто получаемый в жизни абстрактный и меняющийся с течением времени опыт. Это динамическая система, включающая в себя деятельность мозга, тела и взаимодействие индивида с окружающим миром» (Risku 2009: 72).

При столкновении с материальным и социальным миром человек использует различные приемы, чтобы снизить когнитивную нагрузку на встроенную ментальную систему в процессе обработки действительности. Например, содержание своего сознания он может трансформировать и хранить в форме артефактов. Спектр такого рода артефактов варьируется от пресловутой пуговицы в носовом платке[220], плакатов, блокнотов и табличек с указателями до сложных систем типа компьютеров и компьютерных программ.

[219] В когнитивистике такой подход обозначается аббревиатурой DEEDS (Dynamical, Embodied, Extended, Distributed, Situated — динамический, воплощенный, расширенный, распределенный, расположенный [разум]). Очень наглядно иллюстрирует обозначенную тему Э. Кларк в своей книге “Natural-born Cyborgs” (в рус. переводе «Мы — естественные киборги») (Clark 2003). По его мнению, люди всегда были в некотором роде киборгами, т.е. смесью человека и машины, как это показано в научной фантастике и фантастических фильмах. Люди давно поняли, как важно интегрировать созданные человеком артефакты в качестве своеобразных «подпорок» в когнитивные процессы. В мире киборгов и компьютеров такая способность — уметь адекватно обращаться с артефактами в когнитивных процессах — становится основным условием выживания.

[220] Название песни (Der Knopf im Taschentuch) известного австрийского певца и актера Курта Совинеца (Kurt Sowienetz, 1928–1991). Немецкая идиома „der Knopf in Taschentuch“ (пуговица в носовом платке) аналогична русскому выражению «завязать узелок на память». (*Примеч. ред.*)

Эти артефакты являются такими же неотъемлемыми частями когнитивной действительности индивида, как и уже имеющееся у него знание, хранимое в мозге. При этом в принципе несущественно, проводятся ли вычисления в уме или для этого используется калькулятор. Просто на этом примере можно показать, как первоначальное автоматическое знание арифметических действий утрачивается из-за того, что мы все чаще выполняем их с помощью артефакта «калькулятор». Аналогичным образом действует конкретный когнитивный субъект в социальной среде, с которой он связан, например, на своем рабочем месте. Взаимодействие с непосредственными и опосредованными партнерами по коммуникации, которые действуют в одном социальном пространстве, представляет собой некую сеть, в которой генерируются, видоизменяются и хранятся приобретенные знания и навыки. Резюмируя все вышесказанное, отметим, что в «концепции ситуативно обусловленного познания» мозг, как точно выразилась Х. Риску, сдает свои позиции в качестве единственного средства познания мира (Ibid.: 73). На его место во все усложняющейся структуре социальных отношений встает сложная концептуальная игра между когнитивным субъектом и артефактами, созданными либо им самим, либо другими субъектами.

6.3. Голова, креативность, культура

В центре первых когнитивных исследований, посвященных переводоведческим аспектам, часто оказывались анализируемые в чисто бихевиористской манере и оцениваемые с прескриптивных позиций процессы, которые происходят в так называемом черном ящике, т.е. в голове переводчика. Благодаря применению все более совершенных дескриптивных методов оценки типа СМП стало возможным более конкретно описать процессы, происходящие в «черном ящике», переводческие стратегии, а также выявить на основе показательных примеров источники ошибок и составить полезные рекомендации для преподавания перевода. То, как полученные опытным путем и в процессе социализации личности знания о мире, становящиеся по этой причине культурно-специфическими, находят свое отражение в конкретном акте перевода, Х. Хённиг отразил в своей коннекционистской модели (Hönig 1995), а Д. Кирали

рассмотрел с позиций социального конструктивизма (Kiraly 2000). Через все исследование красной нитью проходит утверждение, что креативность (Kußmaul 1993, 2000) и интуиция переводчика делают сам перевод в высшей степени его личным интеллектуальным достижением, поскольку они зависят от специфического, развитого самим переводчиком сознания. В «концепции погруженного в ситуацию» перевода (situation embedded translation) на место развитого самим переводчиком сознания встает многогранная сеть, включающая артефакты и социальные отношения. Вместе взятые, они образуют индивидуально и коллективно моделируемую когнитивную реальность, которую можно обозначить одним термином — культура. Посредством введения в когнитивный мир переводчика артефактов из глобальной сети и благодаря расширению и разветвлению контактов в виртуальном пространстве когнитивные процессы выходят за границы физического жизненного пространства переводчика.

Дополнительная литература

Когниция и перевод

Krings (1988); Wilss (1988); Gambier/Tommola (1993); Lambert/Moser-Mercer (eds.) (1994); Wilss (1996); Danks et al. (ed.) (1997); Risku (1998); Kußmaul (2000); Tirkkonen-Condit, Jääskeläinen (ed.) (2000); Jääskeläinen (2002); Hansen, G. (ed.) (2002); Alves (ed.) (2003); Gile (2005a); Hansen, G. (2006); Risku (^{2}2009); Muñoz Martín (2010); Risku (2010); Shreve/Angelone (eds.) (2010); Alvstad/Hild/Tiselius (eds.) (2011); O'Brien (ed.) (2011).

Исследование процессов, связанных с конференц-переводом[221]

Gile (1985); Seleskovitch (1988); Pöchhacker (1991, 1992, 1994a, b); Gile (1994); Pöchhacker (1995a, b); Gile (1995a, b, c); Gile (ed.) (1995); Kurz (1996); Gambier/Gile/Taylor (eds.) (1997); Jones (1998/2002);

Kalina (1998); Pöchhacker (1998); Setton (1999); Gile (2000); Kalina et al. (eds.) (2000); Pöchhacker (2000b); Gile (2001); Gile/Dam et al. (eds.) (2001); Pöchhacker/Shlesinger (eds.) (2002); Setton (2002, 2003); Collados Aís/Gile/Fernández Sánchez (ed.) (2003); Pöchhacker (2004b); Hansen/Chesterman/Gerzymisch-Arbogast (eds.) (2009); Gile (2009); Pöchhacker (2009a, b, c; 2010).

[221] См. раздел 5.5.4.

7. Сопоставительное переводоведение

Теория эквивалентности перевода оказалась «беспомощной» в отношении художественного перевода. Лейпцигская школа сделала соответствующие выводы, а потому исключила художественный перевод из области своих исследований. Сторонники сопоставительной стилистики (stylistique comparée) решили не усложнять этот вопрос. Другие, например, П. Ньюмарк и В. Коллер, при обращении к художественному переводу не стали выходить за рамки проблем, связанных с нормой, с зависимостью перевода от культурно-исторической специфики. Однако их нормативные предписания противоречили в конечном итоге эмпирическим данным, которые они сами приводили или цитировали, например, в дискуссии о переводе метафор. Катарина Райс попыталась по-своему решить эту проблему, предложив отнести все художественные тексты к экспрессивному типу текстов. И хотя ИТ был для нее мерилом всех переводческих решений, она приписывала ему тот статус, который он имел в системе представлений о художественном переводе в рамках европейского переводоведения того времени, но который тем не менее менялся, едва ИТ выходил за рамки определенной культуры и исторической эпохи. Единственная концепция, в которую вписывался художественный перевод вне поля действия европейских переводческих норм, была предложена скопос-теорией. Таким образом, исследователи, чьим объектом изучения был художественный перевод, вели более-менее обособленный образ жизни, не слишком часто попадая в поле зрения представителей «официального переводоведения».

Закреплению художественного перевода как одного из направлений переводоведения способствовали импульсы, пришедшие практически одновременно из двух разных областей. Одни были связаны непосредственно с переводческой практикой, когда переводчики стремились осмыслить особенности своего «ремесла», «искусство перевода» („Kunst des Übersetzens“). К сторонникам этого направления можно отнести Фрица Гюттингера (Güttinger 1963). Как мы увидим ниже, существенный вклад в этот процесс внес и лауреат многочисленных премий, переводчик художественной литературы Джеймс Холмс (Holmes). Однако в научном плане и с

исторической точки зрения более существенную роль сыграли другие веяния, связанные с литературоведением, которые официально признали важность художественных переводов для становления (национальных) литератур. Чтобы проследить весь путь развития художественного перевода, необходимо сделать небольшой экскурс в историю. Нам необходимо вернуться к уже неоднократно цитировавшемуся научному сочинению Романа Якобсона. Р. Якобсон, как уже говорилось в разделе 2.1, считал поэтические произведения по определению (per definitionem) непереводимыми. Поэтому относительно перевода художественных произведений, полагал он, можно говорить лишь об их творческой транспозиции. Учитывая дальнейшее развитие переводоведения, попытаемся уточнить некоторые положения Р. Якобсона. Принцип переводимости в общем и целом относился к языковым структурам, т.е. касался уровней языковых систем. Исходным пунктом при этом был постулат эквивалентности. Утверждение о непереводимости относилось лишь к одному виду текстов, а именно, художественных. Тогда, в 1959 г., текст еще не стал объектом научного исследования. С этой точки зрения, утверждение Р. Якобсона говорит лишь о том, что эквивалентность мало полезна в отношении типов текстов, которые можно отнести к сфере художественной литературы. Герменевтика сделала соответствующие выводы и объявила эквивалентность иллюзией.

Различия между художественными и нехудожественными текстами не столь существенны. Художественные тексты просто сложнее, поскольку над функциями их структурных частей доминирует функция эстетическая. Именно посредством выполнения эстетической функции переводы художественной литературы встраиваются не только в языковую и культурную систему, но и в особенности в систему соответствующей национальной литературы. Этот вывод о художественной литературе в переводе действителен как в отношении ИТ, так и в отношении ТП. Если задаться целью интегрировать художественный перевод в модель перевода, то нужно попытаться адекватно отразить его связи с литературной и культурной системами в единой функциональной модели.

Здесь следует добавить, что до своей эмиграции из Советского Союза Р. Якобсон был одним из самых выдающихся представителей так называемого Московского лингвистического кружка. Отсюда и начнем наш исторический экскурс.

7.1. Русский формализм

Петербургские студенты и молодые ученые давно выработали телеологический взгляд на язык[222]. Под «языком» понималась деятельность человека, «которая в любом случае преследовала определенную цель» (см. Erlich 1973: 68). Это звучало как вызов традиционному языкознанию, по большей части разделявшему идеи младограмматиков. Отныне речевые высказывания следовало изучать с точки зрения их назначения, выявляя их функцию и описывая структуру. Подобная дискуссия развернулась и среди молодых лингвистов и литературоведов Московского университета, которые в 1915 г. объединились в Московский лингвистический кружок. Год спустя их коллеги из Петрограда создали «Общество по изучению поэтического языка» (ОПОЯЗ). Так было положено начало исследованиям в рамках нового теоретического направления, которое получило общее название «русский формализм».

7.1.1. Остранение как поэтический прием

В центре внимания русских формалистов находились поэзия и поэтический язык (см. Striedter (ed.) 1994). Художественное произведение, согласно Виктору Шкловскому, — это сумма используемых в нем поэтических приемов. Но тогда произведение кажется застывшим. В определении Юрия Тынянова под художественным произведением понимается динамическое единство, в котором каждое из применяемых «средств создания художественности» должно выполнять свою функцию (Erlich 1973: 99). Борис Эйхенбаум, третья ключевая фигура в этом союзе, занимался, прежде всего, литературоведческим анализом отдельных произведений конкретных авторов.

Средства художественной выразительности были отнесены к эстетическим системам, которые определяют историческое развитие национальной литературы. Важнейшим литературным приемом формалисты полагали творческую деформацию. При этом главным средством художественной выразительности становился прием

[222] От греч. télos, «цель», отсюда производное «телеологический аспект»; целеполагание/целеустремленность (от. лат. finis, «конец», «цель») и Skopos (греч. skopos, тоже «цель») восходит к греч./лат. синониму и обозначает по сути то же самое, а именно «ориентированность на цель или назначение».

остранения (Verfremdung)[223]. Посредством остранения разрушается автоматизм привычного восприятия вещей, что позволяет узнать описываемые объекты с другой стороны и открыть для себя новое видение привычного. Прием остранения может использоваться как в отношении плана содержания (например, выбор необычного ракурса описания), так и формальной структуры текста.

Остранение воспринимается как таковое только на фоне наличия привычного, т.е. уже устоявшихся норм. Искусство возникает и развивается в «поле напряжения» между действующими нормами и новаторским приемом остранения. Так, конвенциональность искусства, т.е. действие эстетических норм в каждом конкретном произведении и в определенную эпоху, становится центральной темой обсуждения формалистов. По мнению формалистов, не тема произведения или объект описания в нем являются мерилом того, насколько этот текст художественный. Они считали, что каждый объект может стать предметом искусства. Решающую роль играют при этом эстетические нормы, которые присущи поэзии как таковой и которые «навязываются автору без учета социальных условий и его собственного творческого темперамента» (Erlich 1973: 211). Эволюция литературы состоит в перманентной деформации уже устоявшихся литературных норм и приемов, изобретении новых выразительных средств и в расширении их нормативных систем координат.

7.1.2. Литература как система систем

Ю. Тынянов и Р. Якобсон являются авторами концепции литературы как системы систем (Tynjanov/Jakobson 1928). Если рассматривать литературу как систему, что и является основной мыслью этой концепции, то развитие литературы можно тогда считать развитием систем. Значит, литература — это система, состоящая из интегрированных друг в друга систем. Решающую роль для возникновения полисистемной теории сыграла предложенная Ю. Тыняновым в 1920-е гг. теория о противоречиях между доминирующими и пери-

[223] Термин, введенный В.Б. Шкловским в 1916 г. На немецкий язык термин "остранение" переведен Б. Брехтом как „die Verfremdung“, что в обратном переводе на русский язык ошибочно смешивали с марксистским понятием „die Entfremdung“ (отчуждение). (*Примеч. ред.*)

ферийными, каноническими и неканоническими литературными моделями (по-нем.: Tynjanov 1994a, b).

7.2. Пражский структурализм

В середине 20-х гг. XX в. Прага стала значимым европейским центром лингвистических и литературоведческих исследований. В 1926 г. под председательством Вацлава Матезиуса здесь был создан Пражский лингвистический кружок (см. Kondrašov 1967). Представители так называемого Пражского структурализма, или функционализма, вступили в оживленную дискуссию с другими школами структурализма. В Европе это были, как правило, последователи Фердинанда де Соссюра. После того как к ним примкнул Р. Якобсон, установилась прямая связь с русскими формалистами. А после эмиграции Р. Якобсона в США идеи их стали известны и за океаном.

7.2.1. Концепция системы

В центре внимания пражских лингвистов и литературоведов находились два понятия: «система» и «функция». Если следовать внутренней логике аргументации, к ним добавилось и понятие «норма». Подобно другим структуралистам, участники Пражского кружка понимали язык как систему, элементы которой выполняют определенную функцию в конкретной письменной и устной коммуникации. Если же погрузить язык в общественный или культурный контекст, как это было у русских формалистов, то понятие «система» должно распространяться на всю объектную область, которую следует обозначить как систему систем.

Ян Мукаржовский видел особого рода системные отношения в соотношении литературного и поэтического языка. По его мнению, функцией поэтического языка является максимальная актуализация высказываний. Через актуализацию такого рода, как и в случае с приемом остранения, достигается деавтоматизация языковой структуры. Посредством актуализации и деавтоматизации повышается информационная значимость отдельного феномена. А через сознательное нарушение нормы литературного языка в

поэтическом языке рождается эстетическая информация. Процесс автоматизации идет в обратном направлении. Из-за своей повторяемости отдельные элементы теряют свою информационную значимость. Их генерализация и автоматизация приводят в конечном итоге к обеднению и схематизации информации. При помощи актуализации эта схематизация может быть все же разрушена и «загружена» новой информацией. И эту «игру» с автоматизацией можно начинать заново. Принцип актуализации применяется и в других текстах, например, в публицистике, где, как полагает Я. Мукаржовский, принцип актуализации позволяет обратить внимание читателя на описываемые объекты или обстоятельства. В литературных же текстах актуализация есть самоцель. Она обращает внимание читателя на сам акт создания высказывания. Одновременная актуализация всех элементов текста все же невозможна, да и была бы бессмысленной. Ведь таким образом практически все элементы поднялись бы до одного уровня, что вновь привело бы к очередной схематизации информации.

Произведение искусства и, конечно же, произведение словесности есть семиологический факт (Mukařovský 1967)[224]. Все элементы словесного произведения соединены между собой и образуют единую структуру. При этом под структурой понимается единство, части которого приобретают затем особые свойства, поскольку становятся составляющими этой структуры (Ibid.: 413). В итоге, с позиций гештальт-теории, полагает Я. Мукаржовский, получается величина бóльшая, чем сумма составных ее частей. Если посредством актуализации выделяется какой-либо элемент и он начинает доминировать в тексте, то тогда возникает «напряжение» по отношению к остальным элементам, включая схематизированные и актуализированные. Динамическое взаимодействие элементов опять же находит свое отражение в структуре словесного произведения. Так, посредством конструирования доминантных отношений создается единство художественного произведения.

[224] См. на русском языке: Мукаржовский Ян. Искусство как семиологический факт // Мукаржовский Я. Исследования по эстетике и теории искусства. – М.: Искусство, 1994. С. 190–198. Впервые: Actes du huitième Congrès international de philosophie à Prague. 1934. Prague, 1936. (*Примеч. ред.*)

7.2.2. Схематизация и актуализация

В исторической перспективе можно проследить и другие системные отношения. Так, любое произведение художественной литературы воспринимается на фоне определенных литературных традиций, т.е. в рамках схематизированных представлений о литературных канонах. Это и есть его актуализация. Однако, согласно принципу деавтоматизации, литературное произведение представляет собой в то же время и разрушение существующего канона. Таким образом, в каждом художественном произведении существует своего рода «напряжение» между тем, что меняется, и тем, что остается неизменным. Если посмотреть на этот процесс в более глобальном масштабе, то обнаружится, что в истории развития национальной литературы периоды, в которых акцент сделан на актуализации, сменяются периодами, в которых на первый план выходит стабилизация нормы.

Представленные выше положения были высказаны Я. Мукаржовским в 1946 г. в Париже в докладе «О структурализме» (опубликован в Mukařovský 1966; по-нем. Flaker/Žmegač (eds.) 1974:88), в котором он попытался связать литературные процессы и целостность культуры. Первая система, с которой соотносится литература, — национальная культура. Любое произведение искусства, будь то литературное произведение, картина, скульптура или музыкальная пьеса, находится в «напряженных отношениях» со всеми другими произведениями искусства в пределах определенной культуры. Другими словами, подобно тому, как в каком-либо художественном произведении наблюдается доминирование определенного элемента и выстраивается соответствующая иерархия остальных элементов, так и в пределах конкретной национальной литературы наблюдаются доминантные отношения среди соответствующих жанров искусства. В каждом конкретном обществе эти доминантные отношения постоянно выстраиваются заново. Что и обусловливает динамику литературного развития.

7.2.3. Доминантные отношения

Я. Мукаржовский не останавливается на изучении системных отношений в пределах национальных литератур. В своей концепции системы он обращается также к исследованию взаимоотношений

национальных литератур и культур. Как полагает Мукаржовский, в традиционном сравнительном литературоведении проблема взаимовлияния литератур рассматривается как процесс однонаправленного действия. В результате тщательному разбору подвергалось лишь влияние более «сильных» литератур на более «слабые». На самом деле принимающая литература не остается при этом «пассивной». Воздействие других литератур наталкивается в новой «среде» на местную литературную традицию, «к условиям и потребностям которой приходится приспосабливаться» (Ibid.: 89). Таким образом, под давлением системы принимающей литературы происходит переоценка и переструктурирование «чужого» воздействия. Так возникают новые доминантные отношения, подходящие для принимающей литературы. В них оказываются вовлечены все факторы влияния «чужих» литератур, которые в стремлении к доминантности в пределах системы-реципиента конкурируют друг с другом. Например, в чешской литературе XIX–XX вв. прослеживаются диалектические связи, установившиеся в результате влияния русско-славянской литературы, с одной стороны, и западной, с другой. В результате из-за доминирующего влияния славянских литератур, как правило, усиливалась национальная специфика литературы-реципиента, а из-за западного эта индивидуальность ослабевала. По мнению Мукаржовского, принимающая литература — это «структура, отдельные части которой подчинены определенной иерархии. Но в процессе развития структуры соподчинение этих частей меняется» (Ibid.: 90). То, что Мукаржовский назвал абстрактным термином «литературное влияние», происходит в конкретных социальных и исторических условиях не только потому, что участники (Akteure) литературного процесса говорят на разных языках. Прежде всего, оно становится возможным благодаря переводу, посредством которого принимающая литература открывает для себя духовный мир и формальные структуры соответствующей «чужой» литературы.

В последней части доклада Мукаржовский сосредоточивает свое внимание на знаковом характере литературных произведений. Как любой знак, художественное произведение может быть своего рода посредником между автором и реципиентом. Конечно, это в высшей степени сложно организованный знак. Каждая его часть и каждый элемент выступает носителем определенного значения. Совокупность значений и общий смысл произведения закрепля-

ются в виде семантической связи в соответствующем контексте (Ibid.: 90 и далее). В контекст входит и отношение к общественной реальности. Отношение к реципиенту и обществу Мукаржовский определяет как функцию:

> «Функция касается отношения художественного произведения к наблюдателю и обществу. Но в полной мере понятие “функция” объективируется только тогда, когда имеются в виду цели, которым служит искусство в обществе» (Мукаржовский 1946; цит. по Flaker/Žmegač (eds.) 1974: 88).

Таким образом, функция включает в себя целенаправленность структуры. Это присуще самой природе художественного произведения — выполнять одновременно множество функций. Произведение художественной литературы per definitionem многофункционально. В свою очередь, некоторые функции при определенных общественных условиях могут становиться доминирующими. Из-за того, что происходит смена доминирующих функций, меняется и общая значимость произведения. Таким образом, произведение невозможно толковать в отрыве от исторической реальности и контекста.

Что подкупает в теории Я. Мукаржовского, так это последовательное применение концептуальной модели пражских структуралистов ко всем сплетениям и связям, которые присутствуют в повествовательной «ткани» художественного произведения, а также его настойчивость в доказательстве полифункциональности литературных текстов.

7.2.4. Норма и традиция

В предисловии к своему главному труду «Искусство перевода» (Umění překladu) Иржи Левый выдвинул требование, чтобы наряду с общей теорией перевода развивались теории перевода, специфичные для конкретных предметных областей, поскольку иерархия инвариантных и вариативных элементов в переводе зависит от структуры текста и цели перевода (Levý 1963; по-нем. 1969)[225].

[225] В этом случае мы опираемся на перевод Богдана Л. Дабича (Levý 1982: 7). Он кажется нам убедительным, если учесть тот факт, что за текстом следует таблица, в которой степень обязательности отдельных инвариантов находится в зависимости от поставленной цели и измеряется по шкале от I до V. Немецкий же перевод в ис-

С позиций методологии И. Левый различает лингвистический и литературоведческий подходы. Сторонников лингвистического метода перевода Левый упрекает в том, что они игнорируют влияние переводчика на переводческий процесс. Если же принимать во внимание личность переводчика, то, с точки зрения литературоведения, его следует не только критиковать за всевозможные ошибки, но и попытаться отдать должное особенностям его индивидуального стиля и креативности, проявленным в процессе интерпретации текста. Поскольку переводчик неотделим от своего времени и народа, к которому принадлежит, то его поэтика как отражение различий между поэтикой двух разных народов и эпох может стать предметом специального анализа. Наконец, переведенное произведение можно считать результатом стратегии, выбранной переводчиком, отражением определенных переводческих норм и степени развития перевода. Любая национальная литература имеет не только литературную, но и переводческую традицию. Поэтому не стоит удивляться тому, что можно столкнуться с противоречащими друг другу требованиями к переводам, отмечает Т. Сейвори (Savory 1957, 1968). По большей части дискуссии ведутся вокруг дихотомии «верный — вольный перевод», а потому абсолютизируется то один, то другой вид перевода. Таким образом, в критике перевода и историко-литературных исследованиях художественных переводов отсутствует понимание взаимосвязи между выбором метода перевода и эстетическими взглядами, характерными для соответствующих культур и эпох, между конкретным оригиналом произведения и функциями переводов в определенной культуре (см. Levý 1969: 26).

полнении В. Шамшулы свидетельствует как раз об обратном: «*... и эта степень обязательности зависит от структуры текста, а не от цели перевода*» (Levý 1969: 18, выделено нами). Так, история с текстом этого классика переводоведения может быть показательным примером «запутанных путей» переводов. В чешском издании 1963 г., которое мы привлекли для сравнения, эта глава намного короче и по-другому структурирована. В предисловии к немецкому тексту от февраля 1968 г. В. Шамшула пишет, что оригинальный текст И. Левого «переведен на немецкий язык и **переработан**» [выделено нами] (Levý 1969: 10). В какой форме предложен этот «переработанный оригинал», теперь уже вряд ли можно выяснить. Чешское издание, опубликованное Карелом Гаузенбласом в 1983 г., уже после смерти автора, не следует рассматривать в качестве основы для сравнения с немецким переводом, поскольку оно, по словам издателя, представляет собой дополненную и адаптированную версию немецкого перевода 1969 г. (Levý 1983: 12).

Большая часть критиков перевода, не вдаваясь в подробности, исходит из представления о том, каким должен быть перевод. Несмотря на кажущуюся описательность, переводы на самом деле соответствуют норме. В этом никто из критиков художественной литературы не видит ничего особенного, так как без существования нормы не было бы самой критики. Правда, при этом обычно замалчивается тот факт, что появление норм не связано с природой самого перевода. На самом деле нормы — это проявление «меняющихся философских взглядов в зависимости от исторической эпохи» (Ibid.: 28). Поэтому в теории перевода необходимо говорить об этом открыто.

7.2.5. Произведение и реальность

И. Левый выделяет две группы методов перевода, происхождение которых связано с общепринятыми переводческими нормами: иллюзионистские и антииллюзионистские[226]. Противопоставление «иллюзионистский ↔ антииллюзионистский» было выбрано И. Левым по аналогии с современным ему театральным миром. Иллюзионистский театр со своим панорамным представлением на сцене, декорациями и реквизитом пытается создать у зрителя иллюзию реальности происходящего на сцене. Антииллюзионистский же театр пытался открыто показать те средства, которыми достигается иллюзия на сцене. Прежде всего, Бертольд Брехт требовал в своем «эпическом театре» отказаться от иллюзионистских декораций. При этом он использовал драматический прием «остранения», создавая дистанцию между актерами и их ролями, а также между зрителями и происходящим на сцене. Таким образом, возникающая все же иллюзия и идентификация зрителя с происходящим на сцене снова и снова должны были разрушаться, побуждая зрителя к переосмыслению сценического действия.

Подобно драматургу в театре, переводчик может попытаться разрушить иллюзию в переводе, обратившись к антииллюзионистскому методу, открыто показывая свое отношение к произведению и прекращая при этом имитировать оригинал. Например, переводчик может снабдить перевод собственными намеками, рассчитанными

[226] Зд. и далее цит. в переводе В. Россельса по: *Левый И.* Искусство перевода. М.: Прогресс, 1974. С. 47–48. (*Примеч. ред.*)

на (целевую) аудиторию. Но вообще-то в истории перевода случаи использования антииллюзионистского метода встречаются редко и относятся, скорее, к категории пародии или травестии. По сути это «антиперевод», а потому его роль не может быть более значимой, чем, например, у какого-то эксперимента. Для иллюзионистского метода, будь то театр или литература, характерно то, что между актерами и публикой заключается молчаливое соглашение. То есть все участники договора прекрасно знают, что предлагаемое публике — это иллюзия. И тем не менее, они не хотят отказываться от иллюзии и требуют, чтобы произведение соответствовало реальности. Так и иллюзионистский перевод «подсовывает» читателю перевод, уверяя его, что это и есть оригинал. Читатель закрывает глаза на то, что это иллюзия, в ней есть несообразности. Но, несмотря на это, в иллюзионистском переводе не действует принцип простого отражения действительности, поскольку художественное произведение представляет собой сложное переплетение разнообразных отношений, функции которых необходимо учитывать. Цель иллюзионистского перевода достигается путем аналогичного погружения его в систему целевой культуры. При этом главное условие обеспечения одинакового воздействия произведения на читателей оригинала и перевода состоит в соблюдении основной функции произведения, которую оно выполняет в соответствующем культурно-историческом контексте.

Особенности применения иллюзионистского метода И. Левый иллюстрирует примерами из переводов мировой литературы. И тут обращают на себя внимание два момента: его концепция процесса восприятия и системный подход к искусству перевода.

7.2.6. На пути к читателю

Чтобы попытаться сохранить иллюзию, применяя иллюзионистский метод перевода, необходимо, как уже было сказано, «установить взаимопонимание» с читателем. Ведь читатель перевода знает, «что перед ним не оригинал, но требует сохранения качества оригинала» (Ibid.: 47). Таким образом, читатель, наряду с переводчиком, становится одним из важнейших участников, обеспечивающих процесс восприятия:

«Мы будем рассматривать отнюдь не "произведение в себе", а его ценность для восприятия (т.е. дистинктивную или социальную функцию его элементов); мы не будем настаивать на идентичности того, что получает читатель перевода, с тем, что получает читатель оригинала, а потребуем, чтобы перевод и подлинник выполняли одну и ту же функцию в системе культурно-исторических связей читателей подлинника и перевода; мы будем исходить из необходимости подчинять частности целому в соответствии с требованиями функционального подобия или типизации» (Ibid.: 48).

Художественное произведение, прежде чем дойти до читателя, проходит множество стадий. Как полагает И. Левый, поначалу оно возникает «как отражение и субъективное преобразование объективной действительности» (Ibid.: 50). Но при этом авторское начало проявляется в тексте «не только как фактор … индивидуальный: оно в значительной степени обусловлено исторически» (Ibid.). То же самое относится и к читателю. Ведь текст начинает функционировать в обществе и воздействовать на него в качестве художественного произведения только тогда, когда его читают. Только в этом случае осуществляется субъективная трансформация произведения читателем и, соответственно, его конкретизация:

«Читательская конкретизация не менее исторически обусловлена, чем авторская концепция» (Ibid.: 54).

Конкретизацией текста читателем, т.е. реконструкцией его образа в сознании реципиента заканчивается процесс восприятия непереведенного оригинала. Когда же оригинал подвергается переводу, то сначала именно переводчик становится его первым читателем. От обычного читателя он отличается, прежде всего, тем, что должен разработать концепцию этого произведения и представить ее на другом языке для читателя другой культуры. Но процесс перевода не заканчивается тем, что вырабатывается определенная переводческая концепция на другом языке. Подобно оригиналу, текст перевода только тогда оказывает воздействие на общество, когда его читают. Так в процессе чтения текста перевода происходит третья субъективная трансформация материала об объективном мире. Первая трансформация — преобразование реальности автором. Вторая — это понимание и трактовка текста оригинала

переводчиком и отражение этого процесса в переводе. Третья — конкретизация текста читателем во время чтения текста перевода. В отличие от обычного читателя, который, обращаясь к оригиналу, трактует его более или менее интуитивно и исключительно со своей точки зрения, хороший переводчик изначально сознательно предлагает свою интерпретацию оригинала, ориентируясь на читателя текста перевода и учитывая то, что бы он сам хотел ему сказать (Ibid.: 51). В то же время, полагает И. Левый, переводчик обязан исходить из эстетических и духовных ценностей текста оригинала, которые присутствуют в нем явно или скрыто. Конечно, иллюзионистский перевод может открывать новый взгляд на произведение, раскрывая какой-то аспект более подробно или акцентируя на чем-то особое внимание. Однако случаи, когда переводчик успешно «полемизирует» с оригиналом и когда он может противопоставить поэтике оригинала свою поэтику, крайне редки (Ibid.: 53).

7.2.7. Перевод как искусство

И. Левый считал художественный перевод особым видом искусства, который находится между воссозданием и оригинальным творчеством. Если говорить о переводе, то это художественная репродукция. А вот сам процесс перевода — это созидательная деятельность, сродни творчеству художника. Процесс перевода можно сравнить, скорее всего, с игрой актеров, которые своим исполнением привносят в постановку конкретный художественный образ. Левый понимал, что, определяя художественный перевод как искусство воссоздания, сродни оригинальному творчеству, он противоречит устоявшемуся нормативному определению. Если согласиться с И. Левым, то тогда основой для критериев качества перевода становятся следующие нормы: норма воспроизведения, т.е. норма верности и корректного понимания оригинала, а также норма художественного оформления, т.е. «красота» текста. Кажущиеся противоречия, которые возникают в связи с самой природой этих норм, довольно часто становятся причиной ошибочных суждений о работе переводчика:

«красоту и верность часто противопоставляют как взаимоисключающие качества. Но они могут стать взаимоисключающими,

только если красоту понимать как красивость, а верность как дословность». (Ibid.: 97).

Недоразумения возникают еще из-за убежденности в том, что переводческие нормы неизменны. На самом деле они подвержены постоянному воздействию исторических условий. Они действуют в определенный временной промежуток и лишь в определенных культурах. К тому же они постоянно связаны со всеми другими художественными нормами соответствующей культуры. Перевод как продукт художественного творчества также вступает в сложные отношения с национальной литературой-донором. Он может «встроиться» в ее систему и обогатить ее, а может и начать конкурировать с ней. При этом выбор методов перевода зависит от потребностей определенной эпохи, т.е. от отношения общества к «чужому» миру и его толкованию в целом, а также к техническим деталям перевода (Ibid.: 103). Таким образом, у И. Левого вновь появляется та самая концепция системы, которая нам уже известна по работам Ю. Тынянова и Р. Якобсона о литературе как целостной системе (Tynjanov/Jakobson 1928), а также по трудам Я. Мукаржовского о взаимовлиянии литератур (Mukařovský 1946). Впрочем, у И. Левого есть еще одна интересная мысль, требующая подробного рассмотрения.

7.2.8. Принцип минимакса

Незадолго до смерти Иржи Левый опубликовал в юбилейном сборнике, посвященном Р. Якобсону, статью «Перевод как процесс принятия решения», вызвавшую большой резонанс (Levý 1967/1989, на нем. 1981). Перевод описывается в ней с телеологических позиций как процесс коммуникации. Цель перевода, полагает Левый, состоит в передаче читателю, говорящему на другом языке, сведений из оригинала. Для переводчика достижение этой цели есть процесс принятия решений. По аналогии с теорией игр И. Левый описывает, как переводчик шаг за шагом пытается приблизиться к цели перевода. Каждый «шаг» переводчика означает выбор одного варианта из имеющегося множества альтернатив. Но количество альтернатив может быть ограничено рядом факторов, например, контекстом. В остальных случаях переводчик должен принять решение самостоятельно. Сделав свой выбор, переводчик предопределяет тем самым

дальнейшие шаги в этой «игре», поскольку, поступая определенным образом, он исключает другие альтернативы. То, как переводчик осуществляет свой выбор, похоже на алгоритм решения проблемы: прибегая к направляющим векторным и выборочным инструкциям, переводчик постепенно отказывается от альтернативных вариантов, пока у него не остается только один.

И. Левый приводит в этой связи классический пример из своей книги «Искусство перевода». Это перевод стихотворения-нонсенса Кристиана Моргенштерна „Das ästhetische Wiesel" («Эстетическая ласка»[227]):

Ein Wiesel
saß auf einem Kiesel
inmitten Bachgeriesel[228].

Указание на вектор перевода можно найти во второй строфе: „Das raffinier-/te Tier / Tat's um des Reimes Willen". Она гласит: «Найди такое животное, которое что-то делает», и это «что-то» рифмуется с местом действия и с обозначением самого действия. Абстрагируясь от конкретного примера, заметим, что направляющая векторная инструкция выглядела бы так: (1) функция игры слов как структуры с более высокой степенью организации должна быть в целом сохранена; (2) три элемента, а именно (а) название животного, (б) его действие, (в) место действия нужно соединить таким образом, чтобы (3) имя животного и обозначение места и действия рифмовались друг с другом. То, как эти три абстрактных принципа действуют в зависимости от обстоятельств на практике, представлено в пяти

[227] *Левый И.* Искусство перевода. С. 144. (*Примеч. ред.*)

[228] Существует русский перевод этого стихотворения, выполненный Юлианом Анисимовым. (*Примеч. перев.*)

Хорек
Сел на валунок,
Вокруг которого тек
Ручеек.

Зачем этот риск?
Вам невдомек?
Но лунный телок
Мне открыл необычайную тайну:

Изысканный зверек
Из-за рифмы там сел, но отнюдь не случайно.

переводах предложенного стихотворения Максом Найтом (Max Khight).

Пример (49): Результаты процесса принятия решений при переводе (Levý 1981: 229).

1
A weasel
perched on an easel
within a path of teasel.

2
A ferret
nibbling a carrot
in a garret.

3
A mink
sipping a drink
in a kitchen sink.

4
A hyena
playing a concertina
in an arena.

5
A lizard
shaking its gizzard
in a blizzard.

Этот пример показывает, что переводчик может принимать решения (несмотря на то, что они заданы самим текстом и его интерпретацией) путем выбора из некоторого множества альтернативных вариантов. Кроме того, решения могут быть подсказаны прагматикой, т.е. переводческой практикой. Или же переводчик ориентируется на внетекстовые критерии, например, на более или менее предсказуемую реакцию читателей:

«Переводчик выбирает из множества возможных решений одно, которое позволяет достигнуть максимального эффекта воздействия перевода при минимальных затратах усилий самого переводчика. Т.е. он интуитивно выбирает так называемую СТРАТЕГИЮ МИНИМАКСА» (Levý 1981: 231; выделено в оригинале).

Принцип достижения максимальной эффективности при минимальных затратах предвосхитил открытый позднее в когнитивной психологии принцип релевантности[229]. Если интерпретировать идеи И. Левого с современной точки зрения, то названный принцип подразумевает наряду с расчетами вероятности, т.е. предположениями о возможном существовании определенных феноменов, рассмотрение и нестандартных решений. Размышления о целесообразности использования отдельных приемов в зависимости от когнитивных возможностей целевой аудитории, ее эстетических

[229] Наверное, неслучайно Э.А. Гутт очень подробно разбирает приведенный нами выше пример перевода стихотворения «Эстетическая ласка» с точки зрения теории релевантности (Gutt 2000: 107–119).

взглядов и предпочтений могут также влиять на процесс принятия решений переводчиком. Таким образом, на прагматическом уровне эти предположения оказывают наибольшее воздействие на принятие решений, несмотря на нормативную необходимость привязки к ИТ. Так они становятся посредниками в обмене культурными ценностями.

7.3. Словацкий вариант

С традициями пражского структурализма была связана деятельность и двух словацких ученых: лингвиста Франтишека Мико и литературоведа Антона Поповича. Ф. Мико пытался создать на уровне абстракции аналитический инструментарий, с помощью которого можно было бы понять и описать суть трансформации экспрессивных признаков (expressive features) в процессе перевода и который коррелировал бы с экспрессивными средствами принимающей литературной системы. Одним из важнейших критериев такой корреляции ученый считал равнозначность выполняемых функций (см. Gentzler 1993: 84f.; Hermans 1999b: 24f.).

7.3.1. Сдвиги (shifts)

А. Попович сконцентрировал свое внимание на семантических, стилистических и эстетических трансформациях, которые (почти) всегда неизбежны при переводе (Popovič 1970, 1971). Опираясь на уже существующую типологию способов перевода, он вводит новый термин «экспрессивные сдвиги» (shifts of expression):

> «Если в переводе есть то, что изначально отсутствует в оригинале, или, напротив, отсутствует там, где должно быть, то данную ситуацию можно интерпретировать как сдвиг (shift)» (Popovič 1970: 79).

Сдвиги могут происходить по объективным причинам, т.е. быть обусловленными межъязыковыми различиями. А могут быть и отражением субъективных факторов, например, эстетических предпочтений переводчика. И если сдвиги первой группы неизбежны, то сдвиги второй группы не следует изначально считать недостатком перевода. Напротив, нужно оценить положительно

креативность переводчика. В этом случае перевод «является суммарным результатом творчества автора оригинала и переводчика» (Popovič 1981: 101). Ведь задача переводчика состоит не в том, чтобы «слиться» с оригиналом, — наоборот:

> «Переводчик тоже имеет право отличаться, быть независимым, свободным, правда, если это не искажает оригинал» (Popovič 1970: 80).

Элементы, общие для оригинала и перевода, можно обозначить как интертекстуальный инвариант, который состоит из общего семантического ядра обоих текстов. Остальные элементы вариативны и могут подвергаться различным модификациям или даже быть купированы при переводе. Сделать удачный перевод — значит, «сохранить в общем и целом основные характерные черты оригинала» (Popovič 1981: 100). По этой причине «верность» и «свободу» переводчика можно понимать только как их «диалектическое взаимодействие». Функциональный принцип предполагает нормативное требование, чтобы переводчик принимал свои решения после изучения стилистических особенностей оригинала и с учетом условий целевой культуры. В любом случае необходимо компенсировать все потери в переводе, которые возникают в результате качественных изменений информации при использовании данного канала коммуникации. Все остальные сдвиги остаются на усмотрение переводчика.

> «Оптимальная передача оригинала средствами другого языка — это адекватная реализация инварианта текста в иных условиях другой системы кодов»[230] (Popovič 1981: 100).

С точки зрения типологии следует различать сдвиги на уровне макроструктуры текста и сдвиги на микроуровне[231]. Сдвиги на макроструктурном уровне текста, по мнению А. Поповича, редки. Они могут появиться в результате актуализации, локализации и адаптации тематической структуры. На микроструктурном уровне текста выразительные структуры могут обогащаться благодаря типизации или индивидуализации. Если переводчик не располагает

[230] Под системой кодов следует понимать не только языковой код, но и литературный код.

[231] Об анализе сдвигов (shifts) см. Munday (1998).

в целевой культуре соответствующими категориями языковых выражений, например, идиомами, то тогда он может прибегнуть к методу субституции. При этом он все же останется в пределах адекватности, если просто поменяет местами отдельные категории выразительности. А. Попович называет этот прием инверсией[232]. Но не исключено и использование таких приемов, которые приводят к обеднению категорий выразительности, например, посредством их нивелирования или из-за реальных потерь в переводе.

7.3.2. Праксиология перевода

В процессе поиска решений переводчик находится в поле напряжения между полюсом автора и полюсом виртуального читателя перевода[233]. Значимость автора и читателя зависит от соответствующей литературной ситуации. Если рассматривать методы перевода в исторической перспективе, то обнаруживается, что они определяются, прежде всего, переводческими нормами. При этом, как и в эпоху романтизма, подчеркивается самобытность оригинала. Следовательно, вырабатываются такие переводческие нормы, которые требуют «хранить верность» оригиналу, вплоть до мельчайших деталей[234]. Но переводческие нормы могут также требовать от перевода, как это было, например, во времена (словацкого) классицизма, «померяться силами» с оригиналом или даже попытаться его превзойти (Popovič 1970: 80). Таким образом, в центре внимания историков перевода находятся то импульсы, исходящие от автора, то эстетические и стилистические конвенции читателей (Popovič 1981: 103).

Что касается читателя и конкретного восприятия перевода, то здесь нужно условно выделить две принципиально разные ситуации. Либо читатель знаком с оригиналом и воспринимает перевод как метатекст, либо же он не имеет никакого доступа к исходному тексту и потому воспринимает перевод как первичный текст. Обычно переводчик ясно представляет себе первый тип читателей перевода, поскольку только они могут оценить проделанную им

[232] См. о приеме смещения эквивалента в нормативном переводоведении, ориентированном на эквивалентность.

[233] См. о концепции А. Поповича у Špirk (2009).

[234] Тут заметно влияние И. Левого на взгляды А. Поповича.

работу. В общекультурном контексте перевод представляет собой вид метакоммуникативных действий (Popovič 1975, 1981: 106). Эти действия относятся к метакоммуникативным, поскольку переводы функционируют в системе литературы в виде текстов, которые сообщают комплексные сведения об оригинале произведения[235]. То, что переводы по своей сути есть метатексты, «вторичное коммуникативное действие» (Popovič 1981: 107), отражается и в их стилистической структуре. В результате из функции перевода как метатекста вытекают следующие приемы обработки перевода: его логизация, т.е. установление логических связей между отдельными элементами текста; его рационализация; устранение двусмысленности перевода и стандартизация языковых выражений в переводном тексте.

Переводы представляют собой противостояние двух культурных систем, что находит свое выражение во временной системе координат. А. Попович называет это временным фактором. Иногда перевод и исходный текст близки друг к другу по времени создания, а иногда отстоят друг от друга довольно далеко. Переводчик может попытаться сохранить исторический фон и стилевые признаки временной эпохи, к которой принадлежит оригинал. Но он также вправе попытаться приблизить ТП к реалиям своего времени, обращаясь к актуальным для своей эпохи фоновым знаниям и соблюдая действующие в этот период стилистические нормы. В первом случае речь идет о сохраняющем, во втором — о воссоздающем переводе[236].

Противостояние перевода и оригинала включает в себя и социологические аспекты. Ведь перевод — это встреча оппозиций «мы» и «вы», «свое» и «чужое». А. Попович называет это пространственным фактором (несколько туманное определение) (Ibid.: 105). С точки зрения типологии в этом случае речь может идти о двух одинаково сильных или о двух разных по силе культурах. Если культуры находятся в так называемых «напряженных отношениях» друг с другом, то следствием такого сильного противостояния «сил» будет «форенизация» перевода (Ibid.: 105). Особенно четко это можно проследить по темам и жанрам, которые еще отсутствуют в принимающей литературе. Конкретные различия в уровне развития определенной

[235] См. дефиницию перевода как предоставление информации о предоставлении информации у Reiß/Vermeer (1984/1991: 105).

[236] См. различия между документальным и инструментальным переводом у Норд.

литературы могут в значительной мере отразиться на выборе методов перевода.

А. Попович считает, что воздействие социологических факторов сказывается еще до начала процесса перевода. Даже выбор произведения для перевода обусловлен в равной степени как социальными, культурными, политическими и экономическими, так и литературными факторами (Ibid.: 96)[237].

Поэтому к праксиологии перевода следует причислить и такие факторы, как отношение к переводу с позиций определенной культурной и издательской политики. Наконец, к социологическим факторам относятся также издательская практика и вся информационная система, сложившиеся в определенной культуре относительно переводов (Ibid.: 111). Благодаря этим факторам происходит регулирование процесса перевода, оформления и, в особенности, восприятия продуктов перевода.

7.3.3. Наследие формалистов и функционалистов

Подводя итог деятельности чешских и словацких функционалистов, следует признать, что симбиоз системной лингвистики, семиотики и литературоведения оказался очень плодотворным для переводоведения. По мнению пражских структуралистов, все тексты погружены в некую семиотическую сеть, каждый элемент которой сформирован по определенным канонам и соединен с другими элементами в единую систему. В синхроническом аспекте данные элементы вступают в определенные отношения с другими элементами текста и соответствующей языковой системы. В диахронической перспективе эти элементы взаимодействуют с другими элементами и текстами, которые существовали в этом же языковом сообществе задолго до появления соответствующего текста или перевода[238].

Я. Мукаржовский для своих исследований привлекал не только языковые факты, но и данные о литературной и культурной системах, а также о сфере искусства. И хотя художественный перевод не был главной темой размышлений ученого, его концепция интеграции литературного влияния в принимающую литературу

[237] См. предварительные нормы у Toury в разделе 7.4.4.3.

[238] В этом отношении концепция пражских структуралистов предвосхитила теорию интертекстуальности.

и его наблюдения над взаимодействием литературы с социальной и культурной системами предвосхитили многие взгляды, которые, благодаря так называемой теории «полисистемы», определили основное направление (mainstream) развития переводоведения. И. Левый и А. Попович могут по праву считаться не просто предшественниками, а основателями сравнительного дескриптивного переводоведения (см. также Popovič 1975, 1976b). Оба писали о «теории перевода» как о самостоятельной дисциплине. А функциональная и целевая концепции перевода Левого позволяет проследить сегодня ее связь со скопос-теорией. Принцип минимакса Левого предвосхитил также появление главного «элемента управления» в теории релевантности. В своих трудах Левый и Попович очень подробно разбирают концепцию переводческих норм, которая затем, благодаря Г. Тури, станет центральной в переводоведении. Кроме того, Попович, рассуждая о праксиологии перевода (пусть введенные им термины звучат для нас сегодня не совсем привычно), начал разговор о влиянии на перевод тех факторов, которые спустя 20 лет стали предметом обсуждения в рамках ориентированной на литературоведение теории перевода в связи с предложенным термином «переписывание» (rewriting).

7.4. Дескриптивное переводоведение (Descriptive Translation Studies)

Термин «дескриптивное переводоведение» охватывает все направления и научные школы, целью которых стало описание сущности (исторического) феномена перевода в противовес нормативной теории перевода, ориентированной на эквивалентность. В этом смысле пражских структуралистов можно также отнести к представителям дескриптивного переводоведения. В более узком смысле термином «дескриптивное переводоведение» (ДП, сокр. по-английски DTS) обозначают одно из направлений в рамках ориентированной на литературоведение теории перевода, которая заявила о себе в 1970-е гг. в Нидерландах и достигла своего расцвета в 90-е гг. XX в. Схожие теории развивались приблизительно в то же время в Израиле.

То, что дескриптивное переводоведение (ДП) появилась именно в этих странах, неслучайно. Вследствие геополитического положения названных государств, общество в той и в другой стране придавало переводу большое значение. Перед Израилем, объявленным в 1948 г. независимым государством, встала проблема сделать иврит не просто государственным языком, посредством соответствующего языкового планирования, но и создать на этом языке современную национальную литературу с развитой системой жанров. Поэтому «культурный импорт» посредством перевода был крайне необходим. Кроме того, в Израиле ощущалась проблема интеграции иммигрантов из разных стран, прежде всего выходцев из Восточной Европы. Хотя фламандская и голландская литература постоянно ощущала мощное (литературное) влияние соседних культур. Обе страны объединяло также принятое в них двуязычие. В Бельгии после разразившегося там языкового конфликта в 50–60-е гг. прошлого века также оказывали поддержку силам, выступавшим за интеграционные процессы. И наконец, для обеих культур перевод стал важным экономическим фактором, значение которого нельзя было недооценивать (см. в этой связи также Gentzler 1993: 106 и далее).

Идейными истоками для обоих течений стали русский формализм и пражский структурализм. Контакты нидерландских исследователей с чешскими и словацкими коллегами были установлены в 1960 г., благодаря посредничеству Джеймса Холмса (Hermans 1999b: 11). После смерти И. Левого в 1969 г. словацкие и чешские лингвисты надолго «замолчали». Контакты с ними сошли на «нет» на фоне репрессий, последовавших за реставрацией прежних порядков после Пражской весны[239]. Д. Холмс установил связи и с израильскими исследователями Итамаром Эвен-Зохаром и Гидеоном Тури (Toury/Shlesinger 2000). Результатом создания такой сети контактов стало проведение совместных научных мероприятий (начиная с первого конгресса 1976 г. в г. Лёвен (Leuven)), которые заложили основу для появления новой концепции в переводоведении (см. Lambert 1995)[240].

[239] Еще в 1970 г. Д. Холмс издал совместно с А. Поповичем сборник научных трудов (= Holmes et al. (eds.) 1970

[240] Наиболее масштабные и престижные конгрессы состоялись в Лёвене в 1976 г. (Holmes et al. (eds.) 1978), Тель-Авиве в 1978 г. (Even-Zohar, Toury 1981) и Антверпене в 1980 г.

7.4.1. Провидец

На международном конгрессе прикладной лингвистики в Копенгагене в 1972 г. Д. Холмс[241] выступил с докладом «Определение и природа переводоведения» (The Name and Nature of Translation Studies), в котором он призвал выделить новую дисциплину и назвать ее переводоведением (Translation Studies) (опубликовано в: Holmes (ed.) 1988: 67–80)[242]. Опираясь на доклад В. Коллера, выступившего на симпозиуме по проблемам перевода в Швеции (Koller 1971), Д. Холмс предложил под переводоведением (Translation Studies) понимать следующее:

> “Translation studies is to be understood as a collective and inclusive designation for all research activities taking the phenomena of translating and translation as their basis of focus”[243] (Holmes 1988: 71).

В своем докладе Д. Холмс провидчески наметил контуры науки, предвосхитив ее будущее развитие[244]. Двенадцать лет спустя, в 1984 г., ученый выступил на Венском конгрессе Международной ассоциации переводчиков «О положении переводчиков в обществе» с первым отчетом (Holmes 1985) о статусе переводоведения (Bühler 1985). В своем докладе Д. Холмс указал на существующие препятствия для развития новой дескриптивной парадигмы переводоведения, отметив, впрочем, и факторы, стимулирующие новое научное направление. По мнению Д. Холмса, развитию препятствует узость концепций языкознания и литературоведения. В лингвистике это обусловлено, прежде всего, доминированием сопоставительной системной лингвистики и генеративной грамматики, представители которых не желают «выйти» за границы предложения. Новые импульсы для развития переводоведение получило от дискурсивного

---

[241] Описание достижений, а также краткую биографию Д. Холмса можно найти в предисловии ван дер Брека к изданию трудов Holmes (ed.) (1988). О взаимоотношениях Д. Холмса и сторонников теории манипулирования, а также представителей дескриптивного переводоведения см. Lambert (1991: 35f.).

[242] Hermans (1999b: 30) образно назвал этот доклад «Декларацией независимости переводоведения».

[243] Ср. «Под “переводоведением“ следует понимать общее наименование всех научных исследований, чьим предметом является процесс и продукт перевода». (*Пер. с англ. ред.*)

[244] См. восприятие Katharina Reiß (1989a), а также передачу и модификацию информации Toury (1995: 10, 14f.).

анализа (например, см. Brown/Yule 1983) и лингвистики текста. В свою очередь, литературоведение, несмотря на частую смену парадигм, отчасти продиктованную модой (примером может служить переход от американской «новой критики» (New Criticism) к структурализму и постструктурализму и далее — к исследованию восприятия и деконструкции), никак не может осознать в полной мере, что при оценке продукта литературного творчества речь идет, прежде всего, о том, какой корпус текстов в определенном обществе воспринимается как высокая литература и вписывается в литературные каноны. Теория деконструкции, однако, позволила вскрыть противоречия и парадоксы, скрытые в глубинах текста, а также «мотивы, стремления и фрустрацию автора» (Holmes 1988b: 106), которые автор предусмотрительно «спрятал» между строк. И все же в процессе интерпретации текста до сих пор исходят из того, что оригинал художественного произведения представляет собой неповторимое целое, отражающее гениальную волю автора. Таким образом, невзирая на заслуги перевода в процессе развития литературы, ему изначально отведена роль вторичного текста.

В противовес этой точке зрения, Д. Холмс напомнил, что переводы сыграли важную роль в истории (западной) литературы. Например, такие литературные новшества, как распространение итальянской формы сонетов или французского классицизма, или же знакомство с творчеством Г. Ибсена или Ф. Достоевского были бы невозможны без существования переводов. И подобно тому, как деконструкция стремится вскрыть тайные мотивы и обнаружить противоречия, содержащиеся в глубине текста оригинала, так же и исследователи процесса перевода могут поведать о субъективных представлениях, страхах и стремлениях переводчика, которые сознательно или бессознательно отражаются в переводе.

Какое-то время назад, заключил Д. Холмс в присущей ему образной манере, существовала лишь горстка энтузиастов, которые задались вопросом, что же происходит, если люди занимаются таким необычным делом, как "... feeding a text in one language into themselves and somehow excreting a strangely similar text in another language"[245] (Ibid.: 109). Но в последующие годы эта кучка единомышленников

[245] См. «проглотить текст на одном языке и, пропустив его через себя, выдать потом до странности похожий текст, но уже на другом языке». (*Пер. с англ. ред.*)

стала «почти признанным» сообществом исследователей, которые преодолели национальные границы и поставили перед собой определенную цель — наблюдать процесс перевода, изучать проблемы, с ним связанные, обобщать результаты анализа, разрабатывать правила, модели и структурные схемы. И снова слова Холмса прозвучали, как предвидение:

> “The result has been that a number of such scholars are now doing exciting research ... that could change the face of literary history, with the role of translating and translations within that history for the first time really coming into its own” [246] (Holmes 1988b: 110).

А спустя всего год во время 2-го конгресса в Лёвене этой «почти признанной» группе исследователей удастся совершить прорыв, который, благодаря вызванному резонансу, позволит осуществить смену парадигмы в пользу дескриптивного переводоведения[247].

7.4.2. Теория манипулирования

Внешне неброский сборник научных трудов под редакцией Тео Херманса, изданный по материалам симпозиума в Лёвене, оказался очень интересен по содержанию (Hermans 1985). Само название «Манипулирование литературой» (The Manipulation of Literature) звучало, как вызов. Оно же дало название группе, состоящей по большей части из фламандских и голландских исследователей и сформировавшейся вокруг Жозе Ламбера, Хендрика ван Горпа, Раймонда ван ден Брека, — манипулятивная школа (Manipulation School)[248]. Вместе с Тео Херменсом из Лондона, неугомонным Андре Лефевром из Остина, Сьюзан Басснетт-Макгуайр из Уорика и Марией Тымочко из Массачусетса они представляли как раз ту «горстку исследователей», о которой и говорил в своем венском докладе Д. Холмс. (Уже

[246] Ср. «Результат налицо: сегодня уже целый ряд ученых занимаются потрясающими исследованиями... которые, возможно, изменят наше представление об истории литературы, и тогда роль в ней перевода и переводчиков будет впервые оценена по достоинству». (*Пер. с англ. ред.*)

[247] Ср. со скопос-теорией, развивавшейся в то же время, а также с первыми исследованиями Г. Тури второй половины 1970-х гг. О скопос-теории и дескриптивной теории перевода см. также Toury (1995: 25).

[248] Ж. Ламбер сообщает, что название «манипулятивная школа» происходит от шутки, прозвучавшей на симпозиуме в Гёттингене в 1986 г. (Lambert 1991: 333).

в предисловии к сборнику Т. Херманс сразу идет в атаку, говоря о том, что главная причина явной недооценки значения перевода коренится в «наивной романтической концепции художественного гения (artistic genius), самобытности (originality), креативности (creativity) и строго регламентированного представления о том, что относится к национальной литературе (national literature)» (Hermans 1985b: 7). Традиционное литературоведение воспринимает художественные переводы исключительно как вторичные тексты, моментально причисляя их к «неполноценным» продуктам вроде театральных или кинопостановок по мотивам оригинальных произведений, детской или развлекательной литературы. Имплицитная, по сути своей утопическая и трансцендентная переводческая норма требует от перевода всего лишь воспроизводить «полностью оригинал и ничего, кроме оригинала» (Ibid.: 9). Если же когда-нибудь переводчику удается создать перевод, отвечающий всем эстетическим требованиям, то дальше возникает следующее: переводчика вводят в «пантеон великих деятелей искусств», а его произведение причисляется к канонам соответствующей национальной литературы (Ibid.: 8)[249].

Досталось также и самому переводоведению. Исследователи перевода были названы «самыми злейшими его врагами» (Ibid.: 9). Под предлогом совершенствования практики обучения переводу представители этой отрасли науки, не задумываясь, лишь упрочивают традиционные нормы перевода, твердя о том, что переводчик должен только фиксировать ИТ средствами другого языка. При этом ученые озабочены вопросами эссенциалистского характера. Например, как нужно определять (хороший) перевод, из-за каких «препятствий» переводчик может потерпеть неудачу. Переводоведение занималось все это время, как Нарцисс, исключительно «самолюбованием», а именно обсуждением терминов и абстрактных лингвистических схем. Предпринимались даже попытки проникнуть в глубинные психологические процессы, связанные с переводом, и выяснить, что происходит в голове переводчика, этом «самом черном из всех черных ящиков» (Ibid.: 10). Из этого тупика

[249] Подобные идеи высказывал также А. Лефевр / Lefevere (1984 b: 12), указавший на популярную стратегию — присвоить успешному переводчику статус гения для того, чтобы отпала нужда разбираться с переводческими проблемами. О мнении А. Лефевра относительно креативности в процессе перевода художественного произведения см. Lefevere (1984 a).

науку могла вывести только новая парадигма, важными параметрами которой являются:

- понимание литературы как динамической системы;
- убеждение в существовании постоянного взаимодействия между теоретическими моделями и исследованиями частных случаев;
- разработка дескриптивного целевого, функционального и системного подхода к художественному переводу (Ibid.: 10).

Однако самым важным тезисом, благодаря которому этот сборник трудов вызвал большой резонанс и который содержится уже в самом провокационном названии, было утверждение о манипулятивном характере перевода:

> “From the point of view of the target literature, all translation implies a degree of manipulation of the source text for a certain purpose”[250] (Hermans 1985b: 11).

На фоне общепризнанного научного подхода провокационный потенциал этого утверждения можно сравнить с аналогичным по воздействию высказыванием К. Райс и Х. Фермеера о том, что в переводе цель оправдывает средства. Возможно, последнее даже более провокационно, поскольку оно затрагивало самое святое с точки зрения культурного самопонимания: представления о вечных ценностях, веру в стабильность смысла художественного произведения во все времена и гений творца, создавшего это произведение.

Т. Хермансу удалось также затронуть нерв господствовавших в то время переводоведческих школ, поскольку в своей вступительной статье он без обиняков предложил отказаться от критерия эквивалентности и обратиться к конвенциональности целевой культуры, проявляющейся при переводе. В этом мнение голландских сторонников идеи манипулирования совпадало с идеями представителей израильской школы, о которой будет рассказываться в двух последующих разделах.

Тезисы из вступительной статьи Херманса представляли собой всего лишь обзор некоторых важных мыслей из опубликованных докладов, авторы которых называли вещи своими именами. Например, ван ден Брек полагал ограниченную критику перевода

[250] Ср. «С точки зрения целевой литературы перевод всегда есть некоторое манипулирование исходным текстом для достижения определенной цели».

просто дилетантством (van den Broeck 1985: 55). Благодушному и к тому же бестолковому и некомпетентному поиску отдельных переводческих ошибок он противопоставляет свою концепцию критики перевода, в центре которой находятся системные отношения между исходным текстом и текстом перевода в соответствующей литературной системе. При этом отправным пунктом должен стать не конкретный текст, а теоретическая реконструкция всех текстуальных отношений исходного текста в исходной культуре. Напрашивалось определение такого подхода: модель текстуальности исходного текста. Только такая модель может стать мерилом для оценки переводческих решений. При этом критик должен, прежде всего, учитывать, что переводчик вынужден реализовать в своем переводе обусловленные соответствующей культурой и временной эпохой переводческие нормы. Ж. Ламбер и Г. ван Горп предложили схему анализа, которая должна была охватывать все функционально релевантные аспекты действий переводчика с учетом исторического контекста, “including the process of translation, its textual features, its reception, and even sociological aspects like distribution and translation critics” (Lambert, van Gorp 1985: 45)[251].

В соответствии с описанной целевой установкой — определить обратную связь между анализом отдельных случаев перевода и теоретическими концепциями, принципы действия новой парадигмы были опробованы в процессе изучения конкретных эпизодов. Например, при изучении плутовского романа (van Gorp 1985), в исследованиях метафоры и картин в переводческом дискурсе Ренессанса (Hermans 1985a). Во всех докладах ясно прослеживалось влияние пражского структурализма и русского формализма. Распространение новых идей происходило благодаря контактам, установленным непосредственно Д. Холмсом, либо благодаря посредничеству И. Эвен-Зохара.

[251] Ср. «включая процесс перевода, его текстуальные характеристики, восприятие и даже такие социологические аспекты, как распространение и критику перевода». Об истории становления моделей анализа в рамках дескриптивной теории перевода см. Hermans (1999 b: 64 f.).

7.4.3. Посредник

Итамару Эвен-Зохару были очень хорошо известны труды русских формалистов[252]. Понимание литературы как системы систем, о чем писали Ю. Тынянов и Р. Якобсон, а затем Я. Мукаржовский, И. Левый и А. Попович, нашло свое отражение и в концепции И. Эвен-Зохара, которую он предложил в 1970-е гг. и которой он дал очень подходящее название — теория полисистемы (Even-Zohar 1978a, b; 1979, 1981, 1990)[253]. Неслучайно в представленных ниже основных положениях его теории снова встретятся уже знакомые нам тезисы. То, что эти идеи вошли в переводоведение только благодаря писавшему на английском языке израильскому ученому, объясняется в какой-то степени некачественными переводами со славянских языков или даже полным их отсутствием. Ведь перевод является решающим фактором и для коммуникации в мире переводоведения.

Под системой И. Эвен-Зохар понимает сеть отношений, которая может быть применена к определенному множеству случаев (Even-Zohar 1990: 27). Термином «полисистема» ученый стремился подчеркнуть тот факт, что каждая культура представляет собой систему систем. Элементы и функции, которые на первый взгляд кажутся несовместимыми, создают альтернативные системы конкурирующих друг с другом опций (Ibid.: 14 и далее). Эти системы построены по принципу иерархии. Их историческая динамика заключается во внутрисистемной борьбе за доминирование в рамках этой иерархии. Сами системы могут быть связаны с другими системами и вступать с ними в рамках полисистемы в борьбу за доминирующие позиции. Эти противоречия внутри системы можно смоделировать на уровне бинарных оппозиций, а именно: «канонический ↔ неканонический», «в центре ↔ на периферии» и «первичный ↔ вторичный».

Каноническими считаются элементы и функции, которые в большинстве слоев общества признаются обязательными и/или корректными. Каноничность не является, таким образом, свойством, которым должны априори обладать культурные феномены. Оппозиция

[252] Полную биографию И. Эвен-Зохара и тексты его трудов для скачивания можно найти в Интернете, перейдя по ссылке http://www.tau.ac.il/~itamarez/ez_vita/ez-publications.htm#_2010 (последнее обращение – 20.11.11).

[253] См. Lambert (1994 b); Weissbrod (1998).

«в центре ↔ на периферии» относится к положению внутри всей системы или полисистемы. Эту оппозицию можно понимать и как противопоставление высокой культуры маргинальным субкультурам. Первичными считаются те элементы и функции, которые по отношению к соответствующей культуре являются «новаторскими», в то время как элементы и функции, обнаруживающие консервативный характер, обозначаются как вторичные. Концепция динамической полисистемы может быть применена по отношению ко всем культурным феноменам и разного рода деятельности человека: образцы поведения, язык, искусство, литература и т.д. Каждый из этих феноменов имеет свой «репертуар»:

> «Под репертуаром следует понимать набор правил и объектов, которые обязательны для создания определенных продуктов и обращения с ними» (см. Even-Zohar 1990: 39).

Чем шире сообщество, которое пользуется определенным продуктом, тем более широкий консенсус должен быть достигнут в отношении соответствующего «репертуара». В языковом отношении «репертуар» состоит из грамматики и лексики. Конфронтация принадлежащих и не принадлежащих к канонам «репертуаров» находит свое отражение в языке в виде существующего напряжения между стандартизированными и нестандартизированными языковыми вариантами (социолектами, региональными диалектами).

Под литературой понимают сеть отношений или комплекс действий, функцией которых является «производство литературы». Другими словами, литература — это продукт «репертуара», который признается господствующими классами общества как литература. В ее ядерной части закрепляется канонический репертуар. А тексты и отдельные фрагменты текстов, которые появились как результат существования канонического репертуара, как правило, считаются частью исторического наследия соответствующего сообщества[254]. Так что и литературность не суть свойство текстов, которым они

[254] И. Эвен-Зохар / Even-Zohar (1990: 44) совершенно верно замечает в связи с этим, что в каждой литературе есть такие тексты, которые известны только по отдельным фрагментам и используются в коммуникации как фон. Они часто включаются в хрестоматии, сборники цитат и т.д. и распространяются таким образом. См. также понятие *«рефракция»* А. Лефевра или термин «переписывание» (*rewriting*) (Lefevere 1992 b: 13). См. раздел 9.1.1.

обладают изначально. Этим свойством тексты наделяются подобно тому, как общество становится обладателем каноничности.

С одной стороны, канонические репертуары находятся в постоянной оппозиции к периферийным и маргинальным, неканоническим репертуарам. Канонические репертуары благодаря повторению «потребляются», автоматизируются и конвенциализируются. Информативность их продуктов снижается по мере увеличения степени конвенциональности. Поэтому они постепенно вытесняются на периферию системы, где и «застывают» в виде стереотипов. С другой стороны, периферийные репертуары внедряются в каноническую область. Они могут служить средством деавтоматизации, с помощью которого может повышаться информативность продуктов репертуаров, а также и создаются новые эстетические ценности. Таким образом, эстетические репертуары, т.е. коды, будь то литературные течения, школы, тенденции или жанры, находятся в пределах соответствующей (национальной) культуры в постоянном споре за лидирующие позиции и борьбе за внимание читателей и соответственно за собственный престиж и власть[255].

И. Эвен-Зохар последователен в своих рассуждениях и потому включает перевод в это поле напряжения конкурирующих между собой систем и субсистем. Согласно его теории, для интеграции художественного перевода в полисистему принимающей литературы существуют два способа:

- отбор ИТ происходит с учетом специфических потребностей принимающей литературы[256];
- переводная литература разрабатывает свой набор специфических норм и стратегий, т.е. свой собственный репертуар, который тесно взаимодействует с имеющимися сегментами местной системы.

Перевод может взять на себя при этом функцию по укреплению доминирующего литературного репертуара. Но он также способен

[255] Т. Херманс / Hermans (1999 b: 108) указывает на то, что литературные системы часто ошибочно отождествляют с национальными литературами и что теория полисистемы о конфликте периферийных и канонических форм применима и по отношению к транснациональным формам деятельности литераторов и других деятелей искусств.

[256] И. Эвен-Зохар / Even-Zohar (1990: 69) подчеркивает все же относительность действия этого правила, указывая на случаи доминантности в (пост)колониальном контексте, когда сопротивление принимающей литературы слишком слабое, чтобы в своих собственных интересах достойно уметь противостоять «чужой» литературе, принадлежащей к культуре страны-колонизатора (см. также Hermans 1999 b: 110).

играть роль генератора креативных импульсов, способствуя появлению в национальной литературе целевой культуры новых идей, литературных концепций, форм, жанров и т.д. Последнее актуально для тех случаев, когда речь идет о молодой или периферийной литературе, или же если определенная литературная система переживает кризисные времена (Even-Zohar 1978a, 1990: 85ff.). Так, если переводу необходимо выполнить свою новаторскую функцию в целевой культуре, то тогда, как правило, разрабатываются такие переводческие нормы, которые ТП максимально сближают с ИТ, чтобы таким образом обеспечить импорт новых литературных образцов. И, наоборот, в стабильных, насыщенных и уже самостоятельных системах наблюдается тенденция к приспособлению перевода к доминирующему или к уже вытесненному из центральной области литературы эстетическому коду[257]. Таким образом, перевод играет в полисистеме отнюдь не маргинальную роль. Он является ее неотъемлемой составной частью, а во многих случаях — даже ее самым активным репертуаром. Поэтому всестороннее изучение перевода обязательно для объективной оценки протекающих в литературе процессов.

Таким образом, напрашивается вывод о том, что характер взаимодействия перевода с принимающей литературой не может рассматриваться только лишь под углом воспроизведения оригинала. Выражаясь образно, это уже «второе низвержение» оригинала в переводоведении. В то время как Х. Фермеер подвергает сомнению тот факт, что оригинал, т.е. исходный текст, является стабильной основой перевода, в теории И. Эвен-Зохара текст оригинала лишается своих господствующих позиций с точки зрения принимающей полисистемы. А чтобы проанализировать «репертуары» переводной литературы, нужно провести эмпирические исследования, как этого требовал соотечественник И. Эвен-Зохара Гидеон Тури.

7.4.4. Страстный эмпирик

Свой доклад на конгрессе в Лёвене Гидеон Тури начал с утверждения, что ни одна эмпирическая наука не может притязать на

[257] О критике теории И. Эвен-Зохара, в особенности его некритического подхода к идейному наследию русских формалистов и его склонности к неоправданно широким обобщениям см. Gentzler (1993: 122ff.); Bassnett/ Lefevere (eds.) (1998: 127) и Hermans (1999 b: 106ff.).

полноту полученных данных, пока она не сможет развить соответствующее дескриптивное направление и соответствующую ему теорию (Toury 1985: 16)[258]. Г. Тури сам начал поиски именно такой теории (Toury 1980a). На конгрессе в Лёвене он повторил по большей части тезисы, уже опубликованные им ранее (например, Toury 1978, 1980a, 1982)[259].

7.4.4.1. «Якорь»

В отличие от нормативной теории перевода, ориентированной на эквивалентность, эмпирическая наука может исходить только из поддающихся проверке фактов. Так, перевод для Г. Тури представляет собой телеологическую деятельность (Toury 1995: 14). Единственное, что ученым доступно непосредственно для наблюдения, — это результат перевода. Значит, с эмпирической точки зрения, проблема заключается в необходимости развертывания исследования, исходя из конечного продукта процесса перевода[260]. Г. Тури приводит меткий аргумент в пользу того, что перевод релевантен лишь в принимающей литературе (Toury 1985: 19). Поэтому (художественные) переводы необходимо помещать, прежде всего, в понятийные рамки целевой культуры. При этом к переводам относится все то, что считается таковым в соответствующей культуре:

> “A translation will be taken to be any target-language utterance which is presented or regarded as such within the target cultures on whatever grounds”[261] (Toury 1985: 20).

Если «якорь брошен» в этом месте, то на основе изучения конкретных переводов можно высказать предположения относительно сущности процесса перевода, исследовать соотношение перевода и гипотетического оригинала, а также сделать обзор связанных с

[258] См. список публикаций Г. Тури на сайте http://www.tau.ac.il/~toury/pub.html (последнее обращение: 15.11.11). О достижениях ученого и его деятельности см. Pym/Shlesinger/Simeoni (eds.) (2008).

[259] Здесь и далее приводятся цитаты из более поздних публикаций Г. Тури.

[260] О смене парадигмы см., прежде всего, Hermans (1991, 1996) и Snell-Hornby (2006); о связях дескриптивного переводоведения и сопоставительной лингвистики см. Toury (1981).

[261] Ср. «Под “переводом” следует понимать любое высказывание на языке перевода, которое представляется или воспринимается как таковое в пределах целевой культуры по любому основанию». См. Toury (1980 a: 37 и 1995: 29).

ними представлений о нормах (см. также Toury 1981: 257). При этом, конечно, сразу же встает вопрос о том, что является объектом исследований, осуществляемых в рамках эмпирической парадигмы переводоведения. Ответ на него, как это утверждает в своем «рабочем определении» Херманс, кроется в обманчиво простом, с точки зрения прагматического применения, определении перевода:

> “A (literary) translation is that which is regarded as a (literary) translation by a certain cultural community at a certain time”[262] (Hermans 1985b: 13).

Итак, если текст в целевой культуре маркируется как «перевод», то тогда и в дескриптивном переводоведении он должен считаться переводом. Однако при этом должны выполняться три условия, поддающихся эмпирической проверке (Г. Тури называет их постулатами):

1. Постулат исходного текста. В другом языке и/или культуре должен существовать текст, который обнаруживает временную или логическую связь с текстом перевода. При этом хотелось бы подчеркнуть, что речь не идет о каком-то реально бытующем тексте. Постулат исходного текста выполняется даже в том случае, если такой текст может существовать гипотетически или его легко можно воссоздать[263].

2. Постулат трансфера. Из другого языка/другой культуры должен быть осуществлен трансфер реального или гипотетического текста в язык перевода/целевую культуру таким образом, чтобы результат воздействия ТП был сходным и/или похожим на результат воздействия ИТ.

3. Постулат отношений. Между исходным текстом и текстом перевода должны существовать связи, наличие которых можно доказать и которые в целевой культуре воспринимаются как необходимые и/или достаточные для того, чтобы считать текст переводом (Toury 1995: 35).

Насколько первым двум постулатам присуща определенная динамичность, настолько третьему свойственна некоторая статич-

---

[262] Ср. «... (художественный) перевод — это то, что воспринимается как (художественный) перевод в определенном культурном сообществе в конкретную эпоху».

[263] См. далее о термине «псевдоперевод».

ность; во всяком случае, он кажется недостаточно ясным. Но, если названные условия, при которых перевод в целевой культуре по праву обозначается как «перевод», надо было бы соблюдать постоянно, то тогда любое развитие стало бы невозможным. В этом случае доминировали бы лишь жесткие требования эквивалентности при переводе, которые в сегодняшней критике перевода и современном переводоведении до сих пор все еще связаны с понятием «перевод». Если быть последовательным, то, по сути, в большинстве современных европейских культур все случаи перевода, которые не соответствуют нормативному критерию эквивалентности и потому обозначаются как «переводческие обработки», а не как собственно «переводы», должны быть забракованы в качестве объектов эмпирического исследования. При более детальном рассмотрении именно эти случаи не будут соответствовать третьему критерию. А утверждение Г. Тури о том, что фиксируемые в реальной действительности феномены не всегда соответствуют нормативным представлениям, также оказывается малополезным. Таким образом, разорвать этот порочный круг дефиниций не удается. Третий постулат Г. Тури можно поэтому рассматривать как методическое закрепление эмпирического подхода к переводу. Он может выступать в качестве эвристического метода, обеспечивая будущим исследователям твердую почву под ногами. Если же этот постулат возвести в абсолют, то тогда эмпирическое переводоведение лишит себя возможностей, которые вытекают из динамического определения первого и второго критериев. Поэтому тексты, маркированные в целевой культуре как «перевод», или «транслят», более уместно было бы понимать исключительно как прототипическую область, благодаря которой можно существенно раздвинуть область исследования по всем направлениям, с учетом действия первого и второго критериев.

Тури прекрасно понимает всю сложность проблемы. И все же он постоянно говорит о будущих исследованиях. Если все-таки задаться вопросом о формировании термина «перевод» в целевой культуре в его исторической динамике, а сам термин трактовать как достижение консенсуса в отношении формы и результата перевода не только в целевой культуре, но и на транскультурном уровне, то тогда постулат отношений может получить более динамическое определение. Тогда переводческие концепции, которые все еще предлагаются

на межкультурном уровне в виде потенциальных переводческих моделей и которые пока еще не нашли своего отражения в целевой культуре, можно было бы рассматривать в динамике. Да и сама концепция перевода обсуждалась бы тогда представителями разных культур, а не только в пределах целевой культуры. Понятие «перевод» также можно импортировать из другой культуры вместе с самим переводом, придавая ему post festum[264] законную силу, как это случилось, например, с феминистским, постколониальным и деконструктивистским переводом. Если же эти факты постоянно игнорировать, возникает риск «хронического отставания» от реального хода событий. Третий критерий — постулат отношений, — выполняется и в том случае, когда между ИТ и ТП устанавливается связь, существование которой допускает транскультурный консенсус.

7.4.4.2. Целина

В самом начале развития дескриптивных исследований было выдвинуто требование о том, что продукт перевода в целевой культуре получает наименование «перевод» только при условии эмпирически проверенных данных. Несмотря на принципиальные возражения к самому требованию, его оказалось достаточно, чтобы разрушить традиционное определение эквивалентности. В действительности встречается множество случаев, которые сами переводчики называют «переводами», хотя они не соответствуют понятию «перевод», основанному на эквивалентности и инвариантности. Случаи, когда текст обозначается как перевод, позволили Тури поставить проблему, на которую до него никто не обращал внимания. Речь идет о псевдопереводе (см. Toury 1984b; 1995: 40 и далее).

Если в терминологии И. Эвен-Зохара текст получает статус собственного репертуара, то из этого следует, что составные части репертуара, т.е. переводы, образуют отдельный тип текстов. Знание об особом статусе перевода помогает удержать читателя, принадлежащего к целевой культуре, от неверных ожиданий в смысле соблюдения переводчиком языковых, литературных и эстетических норм. Бóльшая открытость и терпимость читателя по отношению к пере-

[264] Задним числом (лат.).

воду делает этот последний излюбленным средством проведения атаки на канонические репертуары.

Пример (50): Псевдоперевод[265]

> В 1889 г. основатель натурализма Арно Хольц вместе со своим напарником Йоханнесом Шлафом издали произведение «Папа Гамлет», приписав его авторство ими же выдуманному норвежцу Бьярне П. Хольмсену. На титульном листе сообщалось, что это перевод, выполненный неким д-ром Бруно Франциусом, с его же предисловием». Книга сопровождалась вымышленной биографией автора и даже его «портретом». В своем произведении А. Хольц и И. Шлаф использовали структурные образцы текстов, представлявших собой подражания немецким переводам из натуралистической литературы скандинавских стран. Критики попались на эту удочку, посыпались восторженные похвалы в адрес перевода. Долгие месяцы Бьярне П. Хольмсена считали реально существующим писателем, а перевод его «Папы Гамлета» — удачным. Таким образом при помощи псевдоперевода подлинным авторам удалось импортировать в немецкую литературу модель натурализма (см. Toury 1995: 47 и далее).

Итак, чтобы разрушить господствующие в литературе нормы и традиции, авторы маскируют свои тексты под шапкой-невидимкой в виде перевода, как правило, с несуществующих оригинальных произведений, якобы принадлежащих к другой, уже признанной национальной литературе. Характерно, что число подобного рода псевдопереводов значительно возрастает в переломные для литературы эпохи.

[265] См. также о ключевом понятии Тури «псевдоперевод» у Baker (1998: 183ff.) и о предложениях по дифференциации, распространенных Bassnett (1998: 25–40). В свое время на псевдоперевод обратил внимание И. Левый / Levý (1963: 76) (как, впрочем, и на многие другие важные вопросы дескриптивного переводоведения): это произошло в процессе анализа детективных и ковбойских историй (тогда еще не получивших точного определения), а также на основе изучения сборника баллад Проспера Мериме (1803–1870) «Гузла» («Гусли»). В этом сборнике П. Мериме утверждал, что он собрал народные песни южнославянских народов из Далмации, Боснии, Герцеговины и Хорватии и перевел их на французский язык. Впоследствии эти оригинальные тексты П. Мериме были переложены на русский язык А. Пушкиным и отнесены им к западнославянской народной поэзии. Подобного рода псевдопереводы не были редкостью в XVIII и XIX вв. Джеймс Макферсон (1736–1796) придумал мифического барда Оссиана, а затем историю, что он перевел его песни с гэльского языка. «Оссиан» Д. Макферсона с триумфом завоевал все европейские национальные литературы, прежде чем была обнаружена эта подделка. Классический пример появления нового литературного жанра благодаря хитроумно придуманным псевдопереводам приводит также Анико Шохар / Aniko Sohár (1998, 1999), которая в своих исследованиях обратилась к анализу жанра научной фантастики в венгерской литературе послевоенного периода.

7.4.4.3. Пространство для маневров

По мере того как эмпирическое переводоведение все больше переключалось на переводы из реальной переводческой практики, выяснилось (об этом уже неоднократно говорилось), что классическое понятие эквивалентности как обязательно устанавливаемое тождество или подобие элементов исходного и переводного текста является слишком узким. На его место у Г. Тури приходит, как уже было замечено выше, исторически обусловленное понятие эквивалентности. Теоретик предлагает функционально-обусловленную концепцию, которую можно определить следующим образом, если опираться на его собственные рассуждения (Toury 1995: 61, 86):

> Под эквивалентностью следует понимать такой набор отношений между исходным и переводным текстом, который является типичным (и обязательным) для перевода в конкретной культуре в определенный (промежуток времени) период и при определенных условиях.

Подобное определение эквивалентности de facto[266] бессодержательно. Оно может наполниться содержанием и смыслом только по отношению к действующим переводческим нормам. При более детальном рассмотрении эта дефиниция представляется ярлыком, который навесили только для того, чтобы терминологические дебри вокруг термина «эквивалентность» стали еще более непроходимыми. При этом пропадают как раз те терминологические различия, которые в результате применения дескриптивного подхода могли бы стать исторически релевантными. Такая психологически понятная «зацикленность» на выхолощенном понятии эквивалентности приводит к тому, что те уровни принятия решения, которые Г. Тури совершенно верно считает основополагающими для перевода, вновь отходят на задний план. Речь идет о меняющихся в зависимости от исторических условий переводческих традициях и нормах[267].

То есть характер действий переводчиков, играющих свою социальную роль посредников, определяется переводческими нормами, варьирующимися в зависимости от культуры и временной эпохи, и

---

[266] В действительности, фактически (лат.)

[267] См. также Hermans (1999 b: 97f.). В этой связи предлагается термин «эквивалентность» заменить термином «соотношение со скопосом».

это одна из самых существенных гипотез представителей дескриптивного переводоведения[268]. Нормы — это вошедшие в свод правил поведения представления общества о ценностях и целях. Они определяют, что верно или неверно, что обязательно для выполнения, а что запрещено. Несоблюдение норм не значит, что они потеряли свою силу. Индивид, который решается нарушить норму, обязан учитывать возможность последующих за этим более или менее жестких общественных санкций.

Перевод, по Г. Тури, — это некая социокультурная деятельность, которая определяется тремя комплексами норм: предварительными (preliminary norms), исходными (initial norms) и операционными нормами (operational norms) (Toury 1995: 56 и далее). Предварительные нормы определяют в зависимости от действующей в определенный момент переводческой политики выбор соответствующих типов текста и самих текстов. Как правило, речь идет о более или менее ярко выраженных предпочтениях в отношении определенных типов текстов и произведений. Предварительные нормы связаны также с так называемым «прямым/непосредственным» переводом, т.е. они определяют, обязателен ли перевод оригинала с исходного языка на язык перевода. Или же возможен перевод «из вторых рук»[269]. Так называют переводы, выполненные с языка-посредника.

Действие исходных норм касается континуума, расположенного между постулатами адекватности и приемлемости. Под адекватностью (adequacy) Г. Тури понимает ориентацию на нормы и функции ИТ[270]. В адекватном переводе последние переносятся в целевую культуру, не нарушая при этом правил языка перевода[271]. Таким об-

[268] См. о теории норм у Levý выше в разделе 7.2.3.

[269] Ср. с разделом 7.5. о переводоведческих исследованиях и см. Stackelberg (1984).

[270] См. приведенное выше определение адекватного перевода, которое касается абстрактной модели текстуальности исходного текста. Размытость и многозначность этого важнейшего для перевода термина делает очевидным необходимость нормирования переводческих терминов. В одной из своих публикаций Г. Тури (Toury 1995: 56) приводит следующее определение И. Эвен-Зохара: «Адекватный перевод — это такой перевод, который реализует на языке перевода текстовые связи исходного текста, не нарушая при этом свою собственную (базовую) языковую систему». Подробнее о проблеме ключевых понятий и терминов переводоведения см. Hebenstreit (2008).

[271] Термины «адекватность» и «адекватный перевод» в толковании Г. Тури не следует путать с одноименными понятиями в скопос-теории (см. Reiß 1984a и 1989a). В противоположность пониманию этих терминов Г. Тури в скопос-теории когерентность является решающим критерием адекватности.

разом, адекватные переводы отклоняются от ИТ только в том случае, если это необходимо по причине структурных различий контактирующих языков. Причем адекватность предполагает выполнение так называемых обязательных сдвигов. Тогда как под приемлемостью (acceptability) Тури понимает, грубо говоря, возможность приспособить переводной текст к нормам целевой культуры[272].

И, наконец, операционные нормы — это комплекс норм, которые определяют принятие конкретных решений в процессе перевода. Их действие относится к тому, какие из переводческих инвариантов должны оставаться без изменений, а какие — подвергаться модификации. В этом случае речь идет, во-первых, о решениях, принимаемых относительно так называемой матрицы текста: переструктурирование языковых средств в языке перевода (сегментация, перестановка отдельных фрагментов, опущения, дополнения) (Toury 1995: 48 и далее). Тури использует для обозначения этого явления термин «матричные нормы» (matricial norms). И, во-вторых, речь идет о текстолингвистических нормах, под которыми Г. Тури понимает конкретный выбор лексического материала и его организацию в тексте в виде синтаксических конструкций и сверхфразовых единств.

Нормы — это не жесткое «так или не так», как можно было бы заключить из вышеприведенного скупого определения. Нормы условно-обязательны и потому в пределах социальной реальности маркируют пространство для маневров между полярными понятиями. Так, между крайностями «верно» и «неверно», «разрешается» и «не разрешается» есть довольно обширное пространство нормативности и некая «серая зона», к которой относится то, что в какой-то мере соответствует норме. Даже самые жесткие нормы связаны с континуумом, в котором действуют более или менее допустимые нормы поведения. Кроме того, нормы нестабильны и могут в конкретных исторических и общественных ситуациях конкурировать друг с другом (Idid.: 62). В одной из статей о подготовке переводчиков Тури указывает на то, что будущих специалистов по переводу необходимо обучать и побуждать к творческому использованию пространства для маневров, а при необходимости и к сознательному нарушению нормы (Toury 1980b). Даже если перевод есть регули-

[272] См. также Toury (1982, 2002).

руемая нормами деятельность, все же (и об этом еще будет сказано далее) в пределах пространства нормативности, а также в «серых» зонах действия обязательных норм и в поле напряжения конкурирующих друг с другом норм существуют довольно обширные зоны, в рамках которых переводчики в процессе поиска решений могут свободно «маневрировать» и на деле творчески доказывать способность нести моральную ответственность за свой труд.

7.4.4.4. Процесс

Почти все представители дескриптивного переводоведения трудились ранее в рамках родственной дисциплины — сравнительного литературоведения. Поэтому их концепции и принципы анализа были разработаны, прежде всего, для соответствующего объекта исследования, т.е. художественных переводов. Чем яснее осознавалась специфика феномена перевода и важность переводов для развития национальных литератур, тем сильнее становилось стремление отделиться от дисциплины-родоначальницы и создать свою собственную. Таким образом, можно наблюдать процесс высвобождения дескриптивного переводоведения, как это было и с самим переводоведением, зародившемся в недрах сопоставительной лингвистики. Поэтому необходимо было укрепить позиции вновь созданной дисциплины и придать ей официальный статус.

В 1990-е гг. дескриптивное направление стало ведущим в переводоведении. Эмпирический и семиотический подходы стали обязательными принципами этой дисциплины. Одновременно крепла необходимость в обобщении результатов исследования, которые были получены в процессе изучения художественных переводов. Начался поиск так называемых переводческих универсалий и возможностей применения теории полисистемы и в отношении переводов, не относящихся к художественным (см. Chesterman 2004).

Статья Г. Тури в «Энциклопедии семиотики» (Encyclopedic Dictionary of Semiotics) отражала эту тенденцию (Toury 1994). В этом, как он сам отмечал, «программном эссе» (Ibid.: 1112) он вновь обращается к уже озвученным ранее проблемам с тем, чтобы провести четкие различия между следующими тремя терминами: (a) перевод или трансляция (translating) как серия операций, посредством которых одна семиотическая единица заменяется соответствую-

щей ей единицей другого кода или другой семиотической системы; (б) переводимость (translatability), т.е. взаимозаменяемость семиотических единиц, принадлежащих к двум разным системам; (в) перевод или транслят (translation) как единица, принадлежащая к одной семиотической системе, но которой в это же время логически и хронологически предшествует единица другой семиотической системы, с которой единица первой системы состоит в определенных отношениях[273].

Тури модифицирует типологию переводческого процесса Р. Якобсона (Jakobson 1959) (см. раздел 2.1.), сначала проводя различия между внутри- и межсемиотическим переводом, а затем — дифференциацию внутри- и межсистемного перевода.

внутрисемиотический перевод		межсемиотический перевод
внутрисистемный перевод	межсистемный перевод	
например, внутриязыковой п. литературный язык ⇔ диалект; изложение литературного текста более раннего периода при помощи современных средств (нормативного) языка	например, межлингвистический п. осуществление письменного и устного перевода между естественными языками	например, язык ⇔ не язык; невербальная ⇔ вербальная коммуникация; экранизация литературного произведения; создание текста на основе восприятия визуального ряда

Таким образом, получается типологическая таблица, как у Р. Якобсона, хотя, возможно, и не совсем последовательно заполненная. Новшество данной типологии состоит в том, что в нее включена система промежуточного уровня. Но важнее этой абстрактной типологической таблицы то, что Тури выделяет не три этапа процесса перевода, как Найда (см. раздел 3.1.5.), а четыре:

[273] Чтобы избежать ненужной терминологической путаницы, связанной с термином «эквивалентность» у Г. Тури, мы приводим его определение в краткой и слегка видоизмененной форме. Оригинальные и более пространные версии дефиниций звучат так: «(1) перевод как последовательность действий, посредством которых семиотический объект преобразуется в другой семиотический объект или заменяется объектом, относящимся к другому субкоду или семиотической системе; (2) переводимость как первичная взаимозаменяемость двух семиотических объектов, относящихся к различным системам при определенных условиях эквивалентности; (3) и перевод как категория, относящаяся к автономной семиотической системе. Но вместе с этим предполагается существование другой категории, порожденной логически и хронологически на более раннем этапе в иной системе и находящейся в рамках фактической эквивалентности по отношению к первой категории» (Toury 1994: 1112).

1. декомпозиция исходной единицы до определенного уровня, элементам которого присваивается статус сигнификативного признака (features);

2. выбор признаков, которые соответствуют определенной точке зрения, отвечают критерию релевантности и должны сохраниться в процессе перевода[274];

3. перенос отобранных признаков через одну или несколько семиотических границ;

4. рекомпозиция единицы в языке перевода из «перенесенных» единиц и присвоение последним тех же критериев или другого критерия релевантности.

Новым в этой модели является второй этап — выбор признаков, согласно критерию релевантности. К сожалению, Тури не уточняет, что он понимает под критерием релевантности, и предоставляет читателю самому интерпретировать этот термин в меру своей языковой компетенции. Все попытки найти пояснения к этому термину в его монографии, вышедшей годом позже (Toury 1995), также оказываются тщетными. При сравнении концепции Г. Тури с другими теориями, в особенности со скопос-теорией, кажется, что позиция в отношении определения релевантности для единицы перевода может выбираться или, по меньшей мере, изменяться. Согласно же основным телеологическим или целевым направлениям дескриптивного переводоведения (ДП) можно предположить, что в этом случае мы имеем дело с определением критериев релевантности в целевой культуре, в которой они регулируются соответствующими культурными нормами (Ibid.: 1117). Если же рассматривать отношения между исходной единицей и единицей перевода во вневременной перспективе и без учета сферы действия норм, то они трактуются в принципе, как и отношения между ИТ и ТП, довольно произвольно.

7.4.5. Оригинал

Жозе Ламбер принадлежал к кругу ученых, образовавшемуся в университете Лёвен. Ж. Ламбер инициировал внедрение различных новшеств и часто размышлял над серьезными вопросами.

[274] См. принцип необходимой дифференциации у Hönig/Kußmaul (1982, 1984, ^{5}1999) и в разделе 5.1.2.

Он был идейным борцом и искусным пиарщиком (Hermans 1999b: 13), а также критиком теории полисистемы[275]. Ему было слишком тесно мыслить в рамках систем, особенно систем национальных литератур (см. также Lambert/Lefevere (ed.) 1993). Его привлекали, прежде всего, процессы в периферийных и «серых» зонах: рынок переводов (представителей меньшинств) в билингвальном обществе и многоязычных сообществах, переводческая политика транснациональных корпораций, СМИ и монополий[276].

Ж. Ламбер пропагандировал идеал «этнолингвистической демократии» (ethnolinguistic democracy), концепцию которой развил известный социолингвист Джошуа Фишман (Fishman 1993) в русле проводимой в ЕС языковой и переводческой политики. Суть этнолингвистической демократии в том, что каждый может сообщать и воспринимать информацию на любом языке, в зависимости от выбора самого субъекта, не подвергаясь при этом языковой дискриминации, связанной с доминированием отдельных языков. Реализацию этнолингвистической демократии в многоязычном сообществе можно обеспечить, согласно Фишману, посредством последовательного применения устного и письменного перевода. Официальная языковая политика ЕС преследует цель — обеспечить равноправие языков в многоязычном информационном обществе и направить значительные денежные средства на развитие соответствующей переводческой политики, которая должна гарантировать коммуникативное равноправие партнеров. Но Ж. Ламбер критически замечает, что это не более чем идеал этнолингвистической демократии[277]. Прежде всего, недооценивается манипулятивный потенциал перевода (Lambert 1994a: 26). Это просто технократическое решение и часть политической игры, цель которой — завуалировать мобильность и гетерогенность языков. На самом деле взаимоотношения языков между собой не всегда отличаются демократичностью. По сути это постоянная борьба языков за господствующие позиции. Впрочем, верно и то, что перевод как основное средство в обеспечении мирного сосуществования языков будет играть все

[275] См. среди прочего Lambert (1988, 1989 a, c; 1991, 1993 b и 1995).

[276] См. собрание его сочинений и библиографию у Delabastita/D'hulst/Meylaerts (eds.) (2006).

[277] К. Коскинен / Koskinen (2000b) метко обозначила его словосочетанием «институциональная иллюзия».

более важную роль (Ibid.: 27). Хотя, конечно, перевод не сможет устраниться от игр власть имущих различных общественных институтов. При помощи эмпирических исследований можно попытаться сделать правила языковых «состязаний» более прозрачными, улучшив таким образом прогнозируемость этих процессов.

Благодаря современным средствам коммуникации и информационной индустрии, традиционные границы распространения языков стираются. В киберпространстве (Lambert 1998) интернет-коммуникации категории времени и места вообще упразднены, но вопрос с выбором языка все еще открыт, поскольку закрепившиеся модели поведения не могут быть просто так перенесены на новое средство коммуникации из-за ограниченного физического контакта. Коммерциализация коммуникации, правила и традиции организации международного общественного дискурса, структурирование рынков переводов и обмен ценностями на международном уровне при помощи СМИ стали, таким образом, главными проблемами современных культур (Lambert 1994b). Принцип национального языка оказывается изжившим себя, даже когда его пытаются поддержать с помощью протекционистских методов.

Перевод является барометром культурных изменений (Lambert 1993c: 33). Вопрос о разрушении культурного и языкового пространства должен найти выражение в переводческой политике — области, где отражаются различные, иногда противоречивые возможности, существующие в обществе относительно выбора конкретного языка и/или языков. Составляющая основу этого процесса система ценностей обнаруживает зависимость от экономических факторов только на поверхностном уровне. Для транснациональных концернов, а, следовательно, и для Евросоюза, перевод, полагает Ж. Ламбер, создает возможности для уважительного отношения к языку целевой аудитории и предотвращения конфликтов, связанных с местными или националистическими традициями (Lambert 1993c). Поэтому готовность вкладывать крупные средства в развитие переводческой отрасли имеется. Однако, если общество придет к пониманию того, что тех же целей можно достигнуть при помощи языка межнационального общения (lingua franca), то это будет сделано без долгих раздумий. То же самое будет и с языковыми традициями в

общественной жизни. Где, когда и какие стратегии будут применяться, пока еще не изучено на практике.

Наиболее значительные изменения наблюдаются в области аудиовизуальных средств (Lambert 1989b; Lambert/Delabastita 1996). Все реже люди, представляющие соответствующую финансовую или административную власть, сообщают что-то постоянно растущей в количественном отношении публике. В результате того, что государство стало отходить от информационного бизнеса и сферы СМИ, возникли новые международные сети и частные монополии. СМИ проникают в буквальном смысле этого слова в спальни своих потребителей. Но если они хотят добраться до публики, без переводчиков им не обойтись. Так перевод становится массовым феноменом. И все же СМИ оказывают должное воздействие только тогда, когда они поддерживают иллюзию прямой коммуникации. Почему они и вынуждены скрывать перевод в качестве посреднической инстанции, делая вид, что никаких языковых барьеров не существует.

Кинопромышленность и видеоиндустрия наводняют рынок не только качественной продукцией, но и продуктами массового потребления. И в этом случае за рычаги дергают мощные транснациональные монополии. Их интересам противостоят интересы и ожидания сообществ реципиентов. В одних культурах языковой барьер преодолевают посредством дублирования фильмов, которое представляет собой вынужденную маскировку перевода и как результат — источник манипулирования[278]. В других культурах при кинопереводе используют субтитры, в третьих, например, в России, — технику закадрового перевода (voice-over). В двух последних случаях перевод предстает как явно посредническая инстанция, но при этом выполняет лишь вспомогательную функцию. Выбор конкретного вида киноперевода из трех вышеописанных связан не только с экономическими и технологическими проблемами, но и, прежде всего, с культурно обусловленными ожиданиями и расстановкой политических сил. В условиях маргинализации перевода перенос ценностей осуществляется благодаря доминированию видеоряда, легко запоминающимся историям и придуманным мирам.

Процессы интернационализации и монополизации затрагивают также печатные СМИ и рынок печатных изданий. Карманные

[278] См. об этом Fawcett (2003).

издания книг, журналы и другие периодические издания распространяются вне зависимости от национальных и языковых границ. Здесь без перевода опять-таки не обойтись. Причем, как и в случае с электронными СМИ, предпринимаются попытки всячески замаскировать иностранное происхождение печатной продукции и сам перевод как посредническую инстанцию. Различия между переводом в узком понимании и разными формами соавторства соответствующих посредников, обеспечивающих коммуникацию, довольно нечеткие (Lambert 1993c). Тексты переводятся не полностью, а частично и/или подвергаются творческой обработке. Да и между ИТ и ТП нельзя больше провести четкую границу, поскольку текст, первоначально созданный на другом языке, проходит множество промежуточных стадий обработки, прежде чем приобретает окончательный вид. Наконец, следует помнить о заметном влиянии, которое на все СМИ оказывает рекламная индустрия. С помощью перевода реклама может использовать местные языки с целью оптимизировать свои стратегии в ситуации многоязычного рынка. Перевод опять же играет здесь ключевую роль, но при этом он должен оставаться «незаметным», чтобы намерение рекламного текста воспринималось бы целевой аудиторией как намерение текста оригинала. Ведь только личное обращение к публике служит залогом успешного воздействия рекламы на целевую аудиторию.

СМИ и политические институты пытаются создать впечатление однородности и подлинности материала там, где в действительности господствуют неоднородность и посреднические инстанции. Границы между цельным текстом и текстовым фрагментом, автором и соавтором, ИТ и ТП становятся, по Ламберу, все более размытыми, а потому все менее существенными. А сокрытие самого факта осуществления перевода заставляет задуматься над необходимостью переосмысления традиционной концепции перевода в терминах эмпирического его понимания Гидеоном Тури. Вследствие намеренного замалчивания факта существования перевода как посреднической инстанции более нецелесообразно руководствоваться старым определением. Наконец, на фоне международной деятельности СМИ и литераторов сегодня перевод представляет собой уже не часть целевой культуры, а сегмент вышедшей за пределы национальных границ сети. Системная концепция перевода оказывается

в долгосрочной перспективе устаревшей, если система отождествляется со структурной сетью в пределах национальной культуры. Если же возникнет потребность в оперировании национальными понятиями, то в этом случае, наверное, их следует конкретизировать. Так, желательно говорить не о немецкой или индийской литературе, а о литературе в Германии или в Индии. Концепция нации — это вообще-то проявление европоцентризма. Если же пытаться удовлетворительно отразить комплексность культурных процессов и их гетерогенность, то следует в обязательном порядке обратиться к другим концепциям и логическим моделям. Ламбер предлагает мыслить ареалами, или, по его выражению, картографическими моделями (Lambert 1993a). Такие родственные дисциплины, как антропология, социология и социолингвистика, уже давно, по его словам, овладели такими схемами мышления. Подобного рода ареальная модель сможет тогда объяснить гибридность культурных феноменов в интернациональном медийном мире. Карты географического распространения литератур и переводов, как предлагает Ламбер в перспективе (Ibid.), смогут лучше смоделировать как общее, так и полицентрическое развитие, а также выходящие за государственные границы гегемониальные структуры, нежели это могут сделать системные концепции перевода, использующие именно национальные категории. В своем критическом анализе «Культурология» (Cultural Studies) Ж. Ламбер поставил под сомнение концепцию локализации в пространстве. В противоположность XX в., когда люди, по образному выражению Ламбера, не могли «подбирать» себе соседей, сегодня в виртуальном мире можно отказаться от принадлежности к определенному сообществу и принять участие в создании новых сообществ, существование которых идентифицируется исключительно участием в коммуникации (Ibid.: 169f.).

7.4.6. Генератор импульсов и теоретик интеграции

Названием своего первого сборника Тео Херманс не только ввел в употребление броское и дерзкое понятие «манипулирование», но и дал мощный толчок развитию дескриптивного переводоведения (ДП) (Hermans (ed.) 1985). Научный вклад Херманса выражается, прежде всего, в его размышлениях о формировании норм (Hermans

1991, 1996). При этом Херманс берет за основу не метафорический тезис русских формалистов о борьбе и противоречиях, сформулированный ими в духе своего времени и позаимствованный в этом же виде представителями теории полисистемности, а тезис о кооперации. Такой подход не позволяет игнорировать интересы различных представителей власти или напряженные отношения между полюсами власти, объяснять игры властных структур категориями «защита и нападение», «победа и поражение». В большей степени речь идет о поиске консенсуса между участниками этого процесса с целью соблюдения интересов всех сторон.

> "Translation, like any other use of language, is a matter of communication, i.e. a form, of social behavior which requires a degree of interaction, of cooperation, among those involved"[279] (Hermans 1997: 7).

Согласно системной теории Никласа Луманна (Luhmann 1986, 2006), Херманс представляет процесс перевода как социальную систему, которая непрерывно создает саму себя и свои границы (autopoiesis[280]). В ее построении задействованы все, кто имеет законное право участвовать в дискурсе о переводе. В любом случае социальные системы состоят не из отдельных индивидуумов или групп, а из типов коммуникации. Коммуникация, в свою очередь, состоит из знаков, которые, объединяясь в тексты, актуализируются только в соответствующих контекстах. Херманс иллюстрирует это наглядным примером:

Пример (51): Ситуативность конструирования смысла

> Когда в Великобритании исполняют национальный гимн «Боже, храни королеву» (God Save the Queen), то смысл этого действа состоит не в том, чтобы пожелать королеве долголетия, а принцу Чарльзу держаться подальше от престола. Пение гимна может быть частью ритуальной церемонии или политическим жестом, тогда как в исполнении группы хулиганов он может прозвучать неожиданно провокационно (см. Hermans 1997: 12).

---

[279] Ср. «Перевод, как и любой другой способ использования языка, есть средство коммуникации, т.е. форма социального поведения, которая требует определенного взаимодействия, кооперации всех участников процесса».

[280] Аутопоэзис, или аутопойезис, или аутопоэз, или автопозис — сотворение, производство (др.-греч.).

Пример Херманса можно дополнить следующим фактом: во времена движения панков группа «Секс пистолс» (Sex Pistols) выбрала в качестве названия песни протестного содержания первую строчку гимна. Слова God Save the Queen повторялись в начале каждой строфы, каждый раз в новом контексте, иронично освещая действительность[281]. Протест панков вызвал не менее сильную ответную реакцию общественности. Первая и вторая строфы: God save the queen / The fascist regime и God save the queen / She ain't no human being / There is no future / In England's dreaming («Боже, храни королеву/фашистский режим» и «Боже, храни королеву/Она не человек/ Будущего нет/Англия спит») были восприняты как оскорбление Ее Величества. Во время празднования сорокалетнего юбилея королевы 27.7.1977 г. эту песню-протест исполнили с речного ботика, плывшего по Темзе мимо Вестминстерского дворца. Члены группы и остальные участники акции были арестованы. Несмотря на предпринятые меры бойкотирования песни, она стала популярной в английских чартах. На ее основе были созданы другие тексты, которые в новых ситуациях наполнялись все новым смыслом.

По мнению Херманса, коммуникация обретает смысл благодаря контексту, в котором употребляются слова, а вовсе не благодаря их информативной ценности (Ibid.: 12).

> "Texts therefore have no fixed meanings in themselves. They acquire meaning, they are invested with meaning as communications in a selective environment"[282] (Hermans 1997: 12).

Причем важно не только то, что говорится и включается в коммуникацию, но и то, что исключается из нее или умалчивается. Благодаря состоявшимся коммуникативным актам, а также контрасту с ними коммуникация приобретает исторические масштабы[283]. То, что важно для текстов, важно и для перевода. Переводы не могут ограничиваться словами, которые написаны на бумаге и

[281] Полный текст песни можно найти по адресу http://www.plyrics.com/lyrics/sexpistols/godsavethequeen.html (последнее обращение: 15.11.11).

[282] Ср. «Поэтому в самих текстах нет фиксированных значений. Значения приобретаются ими, тексты наполняются смыслом в процессе коммуникации при определенных условиях».

[283] Здесь Т. Херманс ссылается на герменевтику Х.-Г. Гадамера и на теорию семиотики русского ученого Юрия Лотмана.

расшифровываются в социальном вакууме с помощью определенного лингвистического или другого кода. Переводы не могут также зацикливаться только лишь на чисто семантических отношениях между ИТ и ТП. В обоих подходах не учитывается аспект селективной дифференциации. Это можно даже назвать частичным конструированием смысла переводного текста, поскольку именно этот текст, а никакой другой из доступных переводчику, был выбран для перевода. Принцип селективной дифференциации работает также в процессе выбора некоторого ограниченного набора средств, которые позволяют переводу считаться таковым и быть признанным обществом. Другими словами, речь идет о том, что делает переводы в той или иной степени отличными от других способов репрезентации предшествующего дискурса, как-то: парафразы, адаптации, плагиата, обобщения, цитат, транслитерации и т.д. (Ibid.: 13).

В социальной системе существуют определенные ожидания относительно переводов. Достигнутый консенсус по этому вопросу отражается в традициях или нормах, которые, в свою очередь, действительны для всех участников[284]. Формирование переводческих норм и традиций осуществляется в той области перевода, которая предстает в виде структурированного взаимодействия между переводчиками и их заказчиками, покровителями, распространителями и потребителями, а также преподавателями и критиками переводов (Ibid.: 7). Все это образует единую социальную систему, которую Херманс предлагает назвать «институцией» (institution). Социальная институция «перевод» имеет самореференциальный характер. Это означает, что связанные с переводом ожидания утверждаются с каждым новым переводом, выполненным в соответствии с нормами, а также обсуждаются учителями, издателями, критиками, учеными и преподавателями, посредством чего осуществляется передача этих ожиданий последующим поколениям (см. Hermans 1997, 1999b: 137 и далее). Переводческий дискурс формируется не только посредством самих переводов, но и при помощи сопровождающих его текстов, таких, как предисловие, послесловие, рецензия на перевод, эссе, данные анализа и учебных материалов, используемых в учебных заведениях, а также научно-исследовательских трудов.

[284] Довольно доступно об этом написано в реферативном обзоре о формировании переводческих традиций у Huntemann (1990). См. также Lewis, D. (1975).

Херманс полагает, что переводоведение в этом смысле есть относительно самостоятельная субсистема перевода как институции, действующая на метауровне и затрагивающая основополагающие вопросы перевода. Чем чаще переводоведение выходит на общий межкультурный уровень, тем в большей степени оно вынуждено учитывать культурные связи аутопоэтических систем в переводе. В пределах этой системы перевод требуется выделять как модус, в котором он существует на практике и который признан обществом. Вопрос о том, кто кого в этой системе контролирует и играет первую скрипку, кто играет на контрабасе и кто дирижирует оркестром, относится к вопросу о власти, в систему которой встроен перевод:

> “If there is something new in this by now well-worn perspective, it is the emphasis on the translator as an active decision-maker within complex structures of power”[285] (Hermans 1997: 6).

С точки зрения метауровня, переводоведение вынуждено осознать, что оно в процессе разработки концепций перевода никак не может освободиться от евро- и этноцентрических стереотипов мышления, создавая исторически или культурно обусловленные теории.

Подобно тому, как своим первым сборником трудов Херманс определил интеллектуальный облик дескриптивного переводоведения (ДП), двумя последующими публикациями он обозначил поворот в его развитии. Первая из публикаций — это сборник «Перевод в системах» (Translation in Systems) (Hermans 1999b). Главное здесь — его критическая оценка развития ДП. Херманс очень осторожно, с присущим ему остроумием, переключает внимание с закономерностей взаимодействия литературных систем на социальные системы, которые эти закономерности и воспроизводят. Причем главное внимание уделено переводчику как активному субъекту, ответственному за принятие решений в процессе межкультурной коммуникации, в рамках которого необходимо обеспечить совместимость не только действующих лиц, но и культур. Таким образом, Херманс развивает заявленную концепцию перевода как институции, давая сильный

[285] Ср. «Если в этом взгляде на перевод (уже порядочно избитом) и есть что-то новое, так это внимание к роли переводчика как активного участника, ответственного за принятие решения внутри сложной структуры отношений власти».

импульс развитию социологии перевода. В сборниках под общим названием «Переводить других» (Translating Others) теоретик подводит итоги изучения европоцентрической концепции перевода, а также представляет обзор неевропейских теорий (Hermans (ed.) 2006a, b).

7.4.7. Приложения

Семиотические и социологические перспективы исследований, намеченные Тури, Ламбером и Хермансом, получили воплощение во многих переводоведческих трудах. Представить то великое множество межсемиотических и междисциплинарных исследований по истории переводоведения можно только в самом сжатом виде[286]. Наиболее плодотворными для разработки переводческой деятельности, которая входила в противоречие с официальной теорией нормативной эквивалентности, оказались концепция норм перевода Г. Тури и ее модификация, предложенная Э. Честерманом (Chesterman 1997b). Переводы детской литературы также давали благодатный материал для исследований, поскольку из-за необходимости приспосабливать их к психическим, когнитивным и культурным особенностям потенциального читателя, они оказывались вне поля действия жестких европейских норм эквивалентности (см., например, Puurtinen 1989, 1994, 1995; Oittinen 1993, 2000, 2001). Не менее обширное поле для исследований предоставляли дублирование и субтитрирование фильмов (Gambier (ed.) 2003; 2004), где в процессе создания переводного текста формат переводов подчиняется ограничительным предписаниям. Это же относится и к субтитрам оперных постановок и переводам оперных либретто (например, Kaindl 1995, 1997a). Интерес для дескриптивных исследований представляют также многочисленные сочетания изображения и текста в СМИ[287]. Перевод рекламы (например, Jettmarová 1997, 2004), экранизация литературных произведений (Eguíluz et al.

[286] Например, D'hulst (1987, 1990); Delabastita/D'hulst (eds.) (1993), Delabastita (1993).

[287] О комплексе проблем, связанных с переводом в различных формах объединения СМИ см., кроме всего прочего, Delabastita (1989, 1990); Gambier (ed.) (1994, 1996, 1998); а также Bollettieri Bosinelli et al. (eds.) (2000); Gambier/Gotlieb (2001); Orero (ed.) (2004); Gambier (2008); Díaz Cintas (ed.) (2008, 2009); Mubenga (2009); Weissbrod (2010).

(eds.)[288] 1994) и перевод комиксов — это только немногие из множества показательных примеров.

7.5. Исследование процесса перевода

Швейцарец Саломон Гесснер (1730–1788), который прославился как автор поэтических сочинений и произведений живописи, посвященных аркадским идиллиям, так отзывался о переводах своих творений:

> «Я не обвиняю переводчика: его язык не позволяет ему сделать это по-другому. Но затем с этого перевода меня перевели на другие языки... И каждый из этих языков требовал в переводе каких-то отклонений от оригинала. И вот, наконец, я уже больше не я» (цит. по: Stackelberg 1984: V).

Эта цитата могла бы послужить девизом одной исследовательской группы, речь о которой пойдет ниже, хотя сами члены этой группы не ощущают себя причастными к переводоведению. Несколько ученых из Германии, занимающиеся исследованиями в таких официально признанных областях науки, как филология и сравнительное литературоведение, озабоченные интеллектуальной близорукостью, из-за которой художественный перевод, несмотря на его «вездесущность», был вытеснен в область «теневой культуры» (Kittel 1998: 3), поставили вопрос о роли перевода в формировании национальных литератур. Эта концепция побудила специалистов в разных областях науки, занимающихся прямо или косвенно переводом, начать междисциплинарный диалог, вовлекая в него как можно больше языков для коллективной реализации крупных исследовательских проектов, и привела в конечном итоге к образованию в 1985 г. в Гёттингенском университете «научного проекта в области перевода 309» (das Sonderforschungsbereich 309). В качестве объекта исследования были отобраны переводы, созданные за период начиная с XVIII в. В течение двенадцати лет (такова была продолжительность научного проекта в области перевода) рабочие исследовательские группы под руководством Армина Пауля Франка

[288] О переводе комиксов см. Schmitt, P.A. (1997), Kaindl (1999b, c; 2004a, b); Zanettin (ed.) (2008).

проводили специальные исследования. Можно смело сказать, что гёттингенский научный проект стал крупнейшим исследовательским проектом, посвященным проблемам перевода (Hermans 1999b: 152), не считая проектов по изучению машинного перевода. В нем участвовало много исследователей, представлявших самые разные языки (арабский, китайский, германские, романские, славянские и финно-угорские языки) и национальные литературы (Kittel 1998).

Исследователей из самых разных областей объединила тема — исследование процесса перевода. Причины того, что немногие высказывали готовность участвовать в проекте «Переводоведение как самостоятельная дисциплина», следует искать в сопротивлении дисциплин, давших начало переводоведению. Кроме того, известные сегодня учебные заведения, в которых готовят устных и письменных переводчиков и которые были призваны способствовать становлению переводоведения, представляли собой (по крайней мере, в 1980-е гг.) не слишком «привлекательных» партнеров для сотрудничества, поскольку в центре их внимания было одно: достижение эквивалентности и внимание к ИТ, что можно определить как «нормативную близорукость» и «методологическую одышку».

Методы исследования и область интересов в изучении процесса перевода были заданы, в первую очередь, сравнительным литературоведением и рецептивной эстетикой. Методический подход определялся как «исторический, дескриптивный и ориентированный на перевод» (Kittel 1998: 5). Целью проекта было описать пути восприятия отдельных литературных течений и произведений, то, как они отражаются в переводах. Поскольку исследование процесса перевода было ориентировано на изучение перевода как такового, то первоочередной целью ученых был лингвистический анализ изменений, которые происходят с художественными произведениями в процессе их восприятия. Поэтому особый интерес представляли переводы, существенно отличавшиеся от оригиналов. Высказывание об этом как о чем-то «само собой разумеющемся» прозвучало по-новому и вызывающе на фоне утвердившегося в Германии в середине 1980-х гг. переводоведения:

> «Так как это само собой разумеется, что переводы тем интереснее для историка перевода, чем больше они отличаются от своих оригиналов» (Stackelberg 1984: X).

Поэтому было принято решение привлекать к исследованию не только переводы оригиналов, но и так называемые переводы из вторых рук, т.е. переводы переводов. Однако участники проекта так и не смогли принять концепцию переписывания (rewriting), которую представлял А. Лефевр. Да и теорию полисистемы они подвергли резкой критике. Основные же направления исследования можно проследить в логической последовательности этапов анализа. На первом этапе проводилось, если можно так сказать, зондирование «двусторонних» литературных отношений. Изучение (многочисленных) переводов небольших рассказов с английского (Frank (ed.) 1987), а также переводов произведений отдельных авторов, например, А. Стриндберга или Ч. Диккенса на немецкий язык позволило получить интереснейшие данные (см. также Schultze 1987; Kittel 1988, 1992 и т.д.). На втором этапе на передний план выдвинулся совокупный аспект. Речь шла о попытке обозначить контуры переводческой культуры (см. Frank 1987, 1989) в немецкоязычном пространстве (Kittel 1998: 9). На третьем этапе проводился анализ переводов художественных произведений в качестве отражения и проводника «чужой» культуры (например, Lönker 1992; но, прежде всего, Bachmann-Medick 1997). На четвертом, заключительном, этапе результаты исследования были обобщены, обработаны в терминах герменевтики, истории и системных отношений, а затем сформулированы в виде рекомендаций специалистам по сравнительному литературоведению (Mueller-Vollmer/Irmscher 1998). Особенно успешным был дополнительный проект, посвященный изучению переводов театральных постановок, результаты которого были опубликованы на форуме «Современный театр»[289]. По сути то же самое можно сказать и об изучении репрезентации литературы в антологиях (например, Kittel 1995; Bödeker, Eßmann 1997).

Спектр методов, применявшихся в рамках научного переводоведческого проекта, был очень широким и разнообразным. Поначалу большую часть методов составляли лингвистические (в хорошем смысле этого слова) методы. Во второй половине 1990-х гг. применение нашли и такие методы, которые едва отличались от методов

[289] См., к примеру, Fischer-Lichte (1990, 1994, 1995a, b); Fischer-Lichte (1988); Schultze et al. (eds.) (1990); Paul/Schultze (eds.) (1991), Paul/Ranke/Schultze (eds.) (1993).

уже известных переводческих исследований[290]. Таким образом, результаты проекта интересны и теми междисциплинарными конвергенциями, которые имели место в области специальных исследований и в переводоведении.

7.6. Тяжкий путь к признанию

Манипулятивная школа, а вместе с ней и израильская школа поначалу подверглись остракизму со стороны традиционного переводоведения (Snell-Hornby 1988: 22–26, особенно 25). Причины первоначальной маргинализации этих исследовательских направлений следует искать и в недостатке информации о результатах исследований «голландской школы» в конце 1980-х гг. (см. Hermans 1999b: 106), когда авторитет теории эквивалентности перевода, казалось, был непререкаем. Подобно тезису о целеполагании в скопос-теории, мысль о манипулятивном потенциале перевода входила в противоречие с общеевропейским пониманием перевода как отражения оригинала. Постепенно, вследствие общего критического дистанцирования от понятия эквивалентности, манипулятивная школа стала одним из основных направлений переводоведения. Недаром М. Снелл-Хорнби вычеркнула из «Заключения» к новому изданию своей монографии «Переводоведение» (Translation Studies) критические замечания относительно манипулятивной школы, определив, тем не менее, эту дисциплину как часть литературоведения (Snell-Hornby 1995). Эдвин Генцлер провел научно-исторические связи с русским формализмом и пражским структурализмом (Gentzler 1993, 2001).

Когда же центр тяжести сместился в исследованиях в сторону дескриптивной теории, переводоведение превратилось из прикладного сегмента сопоставительной лингвистики в междисциплинарную область научной деятельности, на стыке лингвистики, литературоведения и культурологии. Ярко выраженный тезис М. Снелл-Хорнби о переводоведении как о междисциплинарной науке (см. также Kadrić/Kaindl 1996) оказался особенно продуктивным для объединения дескриптивных переводческих исследований,

[290] См., к примеру, Frank/Schultze (1988); Kittel (ed.) (1992); Poltermann (ed.) (1995), Turk (ed.) (1998); Frank/Turk (eds.) (2004).

основанных на литературоведении, в едином «храме знаний» переводоведения[291]. Теория полисистемы Эвен-Зохара и концепция нормы Тури, в силу их рационализма, очень хорошо подходили для изучения конкретных, исторически обусловленных частных случаев перевода. Таким образом, высказанные ранее Д. Холмсом идеи о взаимосвязи построения теорий и результатов изучения частных случаев смогли воплотиться на практике. Однако в дальнейшем возникла необходимость в корректировке полисистемной теории и концепции норм. Ведь сосредоточенность на нормах и правилах, на противоречиях между центральными и периферийными, инновационными и консервативными тенденциями задавала слишком тесные рамки. Борьба за власть представлялась в обезличенной форме как противоречие между системами и подсистемами. Переводчик же как социально действующий субъект и связанные с его деятельностью ожидания так и не стали предметом научного анализа.

Дополнительная литература

Пражский структурализм

Macura/Schmid (eds.) (Macura/Schmid 1999); Jettmarová (Jettmarová 2010); Levin, R. (Levin 2010).

Теория полисистемы, манипулятивная школа перевода и дескриптивная теория перевода (DTS)

Dimič, Garstin (1988); Lambert (1988, 1991); Leuven-Zwart/Naaijskens (1991); Schjoldager (1994); Lambert (1995, 1997); Weissbrod (1998); Hermans (1999b); Dizdar (2000); Chang (2001); Munday (2002); Králová/Jettmarová (2008); Chesterman (2009b); Hagemann (2009).

Исследование процесса перевода

Schulte (1997); Kittel (1998); Frank/Maaß (1993); Hermans (1999b: 152f.).

[291] См. Kaindl (1997c); прежде всего Kaindl (1999a, 2004b).

8. Деконструкция

Деконструкция представляет собой метод мышления, подвергающий основательному сомнению существование любых схем мышления и возможность их языковой фиксации. В силу данного обстоятельства деконструкции невозможно дать точное определение, поскольку любое определение противоречило бы самим принципам деконструкции и при каждом повторном употреблении само бы деконструировалось. Под деконструкцией подразумевается постоянный перевод. Это постоянное установление связей между осознанным или сказанным и другими смысловыми структурами, приводящее к возникновению нового смысла. Переводчик и переводческие процессы приобретают в рамках деконструкции новое значение.

8.1. Исходные положения

Более широкий научно-исторический и культурный контекст, в который может быть вписана деконструкция, представлен постструктурализмом и постмодерном. Отход от структурализма и модерна и движение в противоположном направлении были обусловлены идеологическим климатом, порожденным студенческими волнениями во Франции в мае 1968 г. и движением за гражданские права в США. Отсюда и столь неистовое неприятие всего устоявшегося и традиционного. Под модерном в европейском контексте принято понимать исторические процессы, определявшие развитие Европы, начиная с эпохи Просвещения и открытия индивидуальности человека. Главной чертой модерна была вера в рациональность, инновации и прогресс. Развитие науки и техники, индустриализация, капитализм и демократия — это одна сторона эпохи модерна, массовое производство, обезличивание индивида, идеологическое и экономическое соперничество новообразовавшихся национальных государств и устроенная ими гонка вооружений — другая. Две мировые войны и установление диктаторских режимов существенно подорвали веру в процессы и идеалы модерна. В отличие

от модерна постмодерн провозглашает несостоятельность рассудочного рационализма, утрату автономности субъекта и солидарности. Существование всеобщих «истин» подверглось серьезному сомнению, а им на смену пришли такие ключевые понятия, как хаос, толерантность, свобода и плюрализм.

К важнейшим авторам постмодернизма, чьи идеи нашли свое отражение в переводоведении, относятся Жак Деррида и Жан-Франсуа Лиотар. На формирование постмодернистского мышления ключевое влияние оказали теория дискурса Мишеля Фуко, анализ дискурса Жан-Франсуа Лиотара и грамматология Жака Деррида. Сочетание функционализма, прагматизма и деконструкции отличает подчас запутанную методологию постмодернизма. Основным же методом мышления в постмодернизме считается деконструкция. Данное понятие обычно связывается с именем французского философа Жака Деррида (Derrida 1994, 1995, 1997) и во многом основывается на идеях Ролана Барта. Деконструкция не стремится разрешить противоречия. Наоборот, один из ее методов анализа заключается в том, чтобы вскрыть противоречия и постепенно, шаг за шагом довести их до некоторого неразрешимого противоречия, или апории. Наряду с названными авторами следует назвать писательницу и философа Юлию Кристеву и психоаналитика Люс Иригарей, внесших значительный вклад в развитие феминистской теории.

Как новая философская школа, деконструкция утвердилась в конце 1970-х гг. прежде всего в США, став ведущим направлением в литературоведении. Поль де Ман, Джон Хиллис Миллер, Джеффри Х. Хартман и Харольд Блум, известные также как Йельская школа (Davis 2001: 5), являются важнейшими ее представителями. Во втором поколении рассмотрением идей Ж. Деррида в США занималась Барбара Джонсон. Ссылки на философское наследие Ж. Деррида и других постмодернистов присутствуют в последующих главах. Прежде всего феминистское и постколониальное переводоведение немыслимо без данных идей. Поэтому представляется целесообразным посвятить отдельную главу рассмотрению сущностных характеристик деконструкции. В целях краткости изложения здесь не будет рассмотрено все многообразие сложных взаимосвязей и противоречий внутри деконструкции.

Следующее упрощенное описание ограничивается рассмотрением лишь тех идей, которые оказались плодотворными для переводоведения.

8.1.1. Смерть автора

Одной из первых сущностей, подвергшихся деконструкции в постмодернизме, стала категория автора. Согласно Р. Барту, текст не является посланием Автора-Бога, а представляет собой всего лишь сеть цитат, заимствованных из бесчисленных центров культуры. Текст обретает цельность не на этапе своего порождения, а в месте своего назначения, т.е. попадая к читателю. Читатель же является пространством, в котором запечатлены все цитаты. Таким образом, Р. Барт заявляет о «смерти автора», поскольку лишь смерть автора делает возможным рождение читателя (Barthes 1977, 1991; см. также Culler 1999: 34f.). Схожей точки зрения придерживается и М. Фуко (Foucault 1977: 130f.). Автор низводится всего лишь до функции собственно автора. То, что мы воспринимаем как творческий акт, является не результатом спонтанного вдохновения, а серией процессов, которым вынужден следовать автор. Данные процессы обусловлены институциональными системами, действующими в определенном культурном пространстве в ту или иную эпоху. Логическим следствием низведения автора до функции автора является изменение отношений между автором и читателем и, как следствие, между автором и переводчиком (см. Arrojo 1997b, d, e).

8.1.2. Деконструкция присутствия смысла

Феноменом, ставшим объектом деконструкции, является текст. Под текстом при этом понимается любая интерпретируемая совокупность знаков или объектов. Тексты, в том числе вербальные, отныне больше не понимаются как стабильные, замкнутые в себе единицы, обладающие определенным значением, определенным смыслом. В поле рассмотрения наряду с когерентностью текстов попадают и противоположные ей явления — их внутренние противоречия и разрывы, лакуны и пробелы в них. Текст обретает свой смысл за счет связей с другими текстами. Интертекстуальность становится его сущностным признаком. Она вписана в сущность каждого

текста. Диалог читателя с текстом и межтекстовый диалог не являются исключительно литературными диалогами, — они включают также связи с историей, идеологией, властью и обществом.

Согласно М. Фуко (Foucault 1999), язык в ходе культурного развития отсоединился от реальности. В XIX в. язык еще понимался как первый «набросок какого-то порядка в представлениях мира»[292], как «первичный и неизбежный способ представлять представления». Затем язык «замыкается на самом себе, приобретает собственную плотность» (Foucault 1999: 360):

> «Выражая свои мысли словами, над которыми они не властны, влагая их в словесные формы, исторические измерения которых от них ускользают, люди полагают, что их речь им повинуется, не ведая о том, что они сами подчиняются ее требованиям» (Ibid.: 362).

Если М. Фуко еще связывал конструирование смысловых единств, находящих свое выражение в языке, а также формирование и изменение реальности посредством дискурсов с общественными отношениями власти, то деконструкция в крайне игровой и аисторичной форме подрывает одну из важнейших аксиом структурализма — идею о двуединстве сигнификата и сигнификанта. Язык отсылает не к объективируемой внеязыковой реальности, а к самому себе, к своим моделям, образам и метафорам. Поэтому язык поддается истолкованию только через бесконечный процесс языковых замен. За языком ничего нет, кроме него самого. Он самореферентен.

8.2. Логоцентризм

Ведущая роль в развитии теории деконструкции принадлежит французскому философу Ж. Деррида. Одним из главных объектов его деконструктивной критики является так называемый логоцентризм западной философии. Различные центризмы (европоцентризм, этноцентризм, фаллоцентризм и т.д.), предоставляющие морфологическую парадигму для неологизма Ж. Деррида, обозначают

[292] Зд. и далее цит. по: *Фуко М.* Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / М. Фуко; Пер. с фр. В.П. Визгина, Н.С. Автономовой. – М.: Прогресс, 1977. – 406 с. *(Примеч. перев.*) В основном тексте цитируемые страницы указываются по источнику (Prunč 2011). (*Примеч. ред.*)

одностороннее, необоснованное, манипулятивное сужение поля зрения до перспективы — зачастую насильственно установленного или сконструированного — центра. Параллельно с этим происходит подавление или вытеснение других, потенциально таких же продуктивных, но периферийных перспектив. С помощью термина «логоцентризм» Ж. Деррида обозначает господство слова как оплота истины и пытается деконструировать данное положение.

Западная философия, по мнению Ж. Деррида, со времен Платона стремится утвердить господство (устного) слова, с которым связан определенный неизменный смысл. Ж. Деррида называет данную связь присутствием смысла. Согласно точке зрения философа, слово как носитель знака (сигнификант), вопреки представлениям структуралистов, не связано с некоторым фиксированным смыслом (сигнификатом), который был бы доступен человеку объективно, вне зависимости от слова и текста. Это, по мнению Ж. Деррида, является иллюзией. Слово, ввиду непредсказуемости его употреблений и его повторного использования в некотором конечном числе контекстов, «контаминируется». При повторном употреблении (итерации) слова в пространстве и времени постоянно происходят смысловые сдвиги. Таким образом, каждое слово, как и любой знак, указывает на предшествующие и последующие слова и знаки и тем самым способствует распаду присутствия смысла. Возникающие при этом сдвиги Ж. Деррида (Derrida 2003) называет дифферансом (différance)[293]. Письменность, т.е. возможность использовать знак в бесчисленных контекстах вне зависимости от его использования в момент создания текста, лишь ускоряет распад идентичности данного знака (Derrida 1994/2003). Повторяемость (итерабельность) знака оказывает, таким образом, деконструирующее воздействие на его идентичность. Каждый знак и каждый текст, в котором употребляется данный знак, обнаруживают следы (traces) прошлых и возможных будущих его употреблений. Перевод заключается в том, чтобы проследовать по следам, заложенным в некотором тексте, и продолжить их. Перевод, таким образом, превращается в генератор дифферанса. Он разрушает оригинал и одновременно раскрывает его в системе новых отношений.

---

[293] О переводе неологизма Ж. Деррида « *différance* » на немецкий язык как „*Differänz*“ см. работу П. Зима (Zima 1994: 53).

8.3. Деконструкция и перевод

Перевод находится в центре философских размышлений Ж. Деррида. Его критику метафизики «невозможно представить без темы перевода» (Dizdar 2006: 124). Речь при этом, однако, идет не о переводе в привычном понимании, т.е. не о переводе между языками и культурами, а о феномене, который Р. Якобсон называет внутриязыковым переводом (см. выше раздел 2.1.), т.е. о переводе внутри одного и того же языка, прежде всего, о переводе между философскими дискурсами. Как откровенно признается сам Ж. Деррида (Derrida 1995: 80), речь идет не только об интерпретации и переводе, но и о «приписывании желаемого смысла» словам, о «неопределенности» и «переопределении» слов, что сказывается также и на интерпретации текста. Так, слово pharmakon в сочинениях Платона может быть переведено без искажения смысла как лекарство, яд, снадобье или зелье, что не может не сказаться на интерпретации текста (ср. также Ibid.: 124).

Существенным элементом деконструктивистской интерпретации является радикально новое прочтение текстов. Чтобы не попасть в ловушку логоцентризма, происходит постоянная смена перспектив, центральная перспектива заменяется периферийными, и осуществляется утрированное движение по следам, оставленным языком или другими текстами в некотором конкретном тексте. Во внутриязыковом философском дискурсе Ж. Деррида разрабатывает два метода, которые вполне можно рассматривать как переводческие стратегии: суратюр (sourature) и бриколаж (bricolage). Под суратюром Ж. Деррида понимает стратегию, «которая заключается в обращении к старым структурам с целью их трансформации» (Dizdar 2006: 132). При этом лишь кажется, что «старые структуры» сохраняются. Используемые вновь сигнификанты, т.е. слова и сочетания слов, не соотносятся с одними и теми же сигнификатами (которых, с онтологической точки зрения, на самом деле не существует), а связываются с другими сигнификантами и деконструируются. Цель данной стратегии заключается в том, чтобы отойти от традиции, не поддаваясь при этом иллюзии, что с традицией можно порвать. Поскольку не существует никакого привилегированного трансцедентального сигнификата и поскольку «игра означения»

не знает границ, то необходимо отказаться и от самого понятия «знак», т.е. поместить его sous rature[294] (см. Ibid.: 133f.).

Термин «бриколаж» используется в этнографии для обозначения ситуации, когда объекты, созданные с определенной целью, используются в новом, совершенно не характерном контексте. Например, стальные бочонки, используемые на Карибских островах во время карнавала в качестве музыкальных инструментов, или булавки, используемые в культуре панков в качестве украшений для ушей. Данный термин восходит к этнографу К. Леви-Строссу, который в своих работах использовал мифические элементы практически в качестве составной части своих описаний, не проверяя при этом их истинность и связь с действительностью. Ж. Деррида воспользовался этим обозначением в критической полемике с К. Леви-Строссом, поскольку видел в данном словоупотреблении подходящий прием, позволяющей избежать центральной перспективы в дискурсе, активировать экс-центричные ракурсы рассмотрения и соотнести их с прежними сигнификантами. В данном смысле бриколаж — это лишь частный случай метода суратюра. Общая черта обоих методов заключается в том, что они отсылают не к сигнификату, который имел бы онтологическое происхождение, а к сигнификату, который теряется в бесконечном сплетении следов (см. Dizdar 2006 134–139).

8.3.1. Невозможная возможность перевода

Ж. Деррида (Derrida 1997) рассматривал тему переводимости в своей работе «Вокруг вавилонских башен» прежде всего во взаимосвязи с мифом о Вавилонской башне. Слово Babel (Вавилон) выступает у Ж. Деррида метафорой апории о невозможности и одновременной возможности, даже необходимости перевода. Согласно мифу, Яхве спускается на землю и разрушает надежды людей на универсальный язык, а вместе с тем и на однозначность и присутствие устойчивого смысла. С помощью вавилонского смешения языков Бог заставил людей признать многообразие языков. Он приговорил их к переводу и в то же время запретил его (Derrida 1997: 124). Это противоречие между одновременной переводимостью и непереводимостью содержится и в библейском тексте о вавилонской башне.

[294] Под черту, т.е. перечеркнуть (фр.). (*Примеч. перев.*)

Слово Babel является именем собственным, которое в семитских языках так же, как и имя Бога YHWH, прозрачно, т.е. его значение можно понять на основании значения составляющих его компонентов. Ba Bel означает «град Божий», поэтому Babel — это имя нарицательное. Поскольку же в семитских культурах этим названием обозначались столицы, то это также и имя собственное. Таким образом, данное обозначение является одновременно и именем собственным, и именем нарицательным. Как имя собственное Babel непереводимо, как имя нарицательное — переводимо. В древнееврейском тексте произошел перевод с имени собственного на имя нарицательное, поскольку имя собственное было понято как имя нарицательное, т.е. было переведено. Таким образом, текст переводим, но в то же время в силу своей неоднозначности непереводим. К какому бы решению ни обращался переводчик — выделял бы имя курсивом или пояснял бы его с помощью приложения или в сноске, — для него не будет удовлетворительного решения. Переводчик «комментирует, разъясняет, парафразирует, но не переводит» (Ibid.: 126).

Невозможности перевода противостоит его необходимость. Бог заставил семитов расстаться с претензией на универсальность их языка. Он обрек их на занятие переводом. Перевод стал обязанностью, долгом, который, однако, невозможно исполнить, поскольку слово Babel одновременно и поддается, и не поддается переводу. Таким образом, пример со словом Babel выступает у Ж. Деррида в качестве архетипа и аллегории теоретической проблемы перевода.

8.3.2. Бесконечное движение перевода

Многократное движение перевода, зачастую представляющее собой движение по кругу, Ж. Деррида иллюстрирует во второй части своей работы «Вокруг вавилонских башен» (Derrida 1997: 130ff.) на примере современного текста — эссе Вальтера Беньямина «Задача переводчика» (Benjamin 1977). Данный текст имел статус «культового текста», предложить интерпретацию которого считал своим долгом каждый автор, претендовавший на какую-то роль в сообществе деконструктивистов (de Man 1997: 182; Bannet 1993: 581). Рассматриваемое эссе было опубликовано в 1923 г. в качестве предисловия к выполненному В. Беньямином переводу поэтического

цикла Ш. Бодлера «Парижские картины» и содержало уже некоторые постструктуралистские идеи, поэтому представляется целесообразным сначала рассмотреть основные положения данной работы[295].

В основе концепции В. Беньямина лежит претензия на абсолютность художественного произведения. Он доводит до крайности характерный для романтизма антикоммуникативный подход, при котором реципиенту не уделяется особого внимания, утверждая в начале своего сочинения, что «ни одно стихотворение не предназначается читателю, ни одна картина — зрителю, ни одна симфония — слушателям»[296] (Benjamin 1977: 50)[297]. Вопрос непосредственно о переводимости заключается для В. Беньямина в том, «допускает ли» то или иное произведение «по самой своей сути перевод, и, далее ... нуждается ли оно в переводе» (Ibid.: 51). Если «перевод — это форма, то для определенных произведений переводимость должна быть сущностной» (Ibid.: 51). Переводы, «означающие нечто большее, чем просто передачу сообщения» (Ibid.: 52), возникают,

> «если произведение в течение своей дальнейшей жизни достигло эпохи своей славы. ... В них жизнь оригинала обретает неустанно возобновляющийся, самый исчерпывающий и самый поздний расцвет» (Ibid.: 52). ... «Ибо в своей дальнейшей жизни, которая не имела бы права называться так, если бы не означала изменения и обновления живого, оригинал меняется. Ведь даже для раз и навсегда установленных слов существует некая пора дозревания. То, что при жизни автора считалось, возможно, чертой своеобразия его поэтического языка, позднее может утратить это значение; скрытые же прежде черты способны вновь выступить на свет из уже сложившегося. То, что раньше было молодо, позже поистрепалось, то, что тогда было в ходу, может потом звучать архаично» (Ibid.: 53f.).

Требование передачи смысла ставит перевод перед неразрешимой задачей, поскольку в таком случае задача перевода, состоящая в том, чтобы «взрастить в переводе семя чистого языка ... никогда не

[295] См. М. Гэддис Роуз (Gaddis Rose 1982).

[296] Зд. и далее цит. по: *Беньямин В.* Задача переводчика / В. Беньямин; Пер. с нем. И. Алексеевой // Маски времени. Эссе о культуре и литературе. — СПб.: symposium, 2004. – С. 27–46. (*Примеч. перев.*) В основном тексте цитируемые страницы указываются по источнику (Prunč 2011). (*Примеч. ред.*)

[297] См. в данной связи также работы П. Зима (Zima 1994: 84) и Х. Фермеера (Vermeer 1996e).

представляется разрешимой, и ни одним из решений она не определяется» (Ibid.: 58):

«Ведь подобно осколкам некоего сосуда, которые, чтобы совместиться в единое целое, должны следовать один другому в мельчайших изгибах, а не просто быть одинаковыми, перевод, вместо того чтобы создавать подобие смыслу оригинала, должен скорее любовно, до мельчайших подробностей стараться воссоздать способ выражения подразумеваемого средствами собственного языка, чтобы они оба, подобно тем осколкам, дающим представление о фрагменте сосуда, помогли опознать фрагменты некоего более величественного языка» (Ibid.: 59).

В. Беньямин утверждает, что в отношении перевода также имеет силу и библейское «в начале было слово», т.е. дословность имеет больший приоритет по сравнению с передачей смысла. Поэтому, полагает он, высшей похвалой для перевода никогда не было то, что он читается как оригинал.

«Знаком верности, залогом которой служит дословность, будет скорее та великая жажда языковой завершенности, которая исходит от произведения. Истинный перевод весь просвечивает, он не скрывает оригинала, не заслоняет ему свет, он позволяет лучам чистого языка беспрепятственно освещать оригинал, словно усиливая их своими собственными средствами» (Ibid.: 59).

При возникновении противоречия между верностью и свободой действует следующее[298]:

«вовсе не в смысле сообщения, в освобождении от которого как раз и заключается задача верности, обретает она [= свобода] свою опору. Во имя чистого языка свобода скорее утверждает себя в своем родном языке. Спасти этот чистый язык в своем собственном языке от изгнания на чужбину, освободить этого пленника поэтического произведения с помощью поэтического переложения на другой язык — вот задача переводчика» (Ibid.: 60).

Поэтому известные переводчики, такие как М. Лютер, Г. Фосс, Ф. Гёльдерлин и Ш. Георге, ломали «ветхие заслоны собственного» языка (Ibid.: 60) и расширяли его границы. Какое значение при этом

[298] Подробнее об этом см. в деконструкции Ж. Деррида в разделе 8.3.3.

отводится смыслу, В. Беньямин поясняет с помощью следующего, часто цитируемого сравнения:

> «Подобно касательной, которая соприкасается с кругом лишь мимолетно и только в одной точке ..., перевод лишь мимолетно и только в одной бесконечно малой точке касается смысла оригинала, чтобы, подчиняясь закону верности, проследовать своим собственным путем в сфере свободы языкового движения» (Ibid.: 60).

Остановка возможна лишь в случае священных текстов, в которых «смысл перестает служить водоразделом для изливающегося потока языка и уже не является изливающимся откровением» (Ibid.: 62), поскольку там, где (священный) текст «непосредственно, без посредничества смысла, со всей своей дословностью истинного языка, принадлежит истине или учению, то он так или иначе переводим» (Ibid.: 62). Это, однако, происходит не по причине текста, а по причине языка. В подобных текстах язык и откровение о «дословности и свободе» совмещаются в форме подстрочного перевода:

> «Ибо во всех великих писаниях в определенной степени, а в священных текстах — в высочайшей, содержится между строк их подспудный перевод. Интерлинеарная версия священного текста есть праобраз или идеал всякого перевода» (Ibid.: 62).

Ж. Деррида в начале своей интерпретации утверждает, что он ставит своей задачей «перевести перевод другого текста о переводе»[299] (Derrida 1997: 130), который к тому же был опубликован как предисловие к переводу[300]. В связи с этим он ссылается сначала не на оригинал, а на французский перевод Мориса де Гандильяка. За ним, за переводчиком, он должен «признать» долг, заключающийся в переводе и введении В. Беньямина в сознание автора. Он признает этот долг, но не рассматривает это как «возмещение или даже ... уплату» (Ibid.: 130). Метафора дара и долга указывает на то, что

[299] Зд. и далее, за исключением оговоренных случаев, цит. по: *Деррида Ж*. Вокруг Вавилонских башен / Ж. Деррида; Пер. с фр. и коммент. В.Е. Лапицкого. — СПб.: Академический проспект, 2002. — 111 с. (*Примеч. перев.*) В основном тексте цитируемые страницы указываются по источнику (Prunč 2011). (*Примеч. ред.*)

[300] Поскольку мы читаем и комментируем Ж. Деррида в немецком переводе, то в духе деконструкции можно утверждать, что мы переводим перевод перевода некоторого другого текста о переводе.

данный долг может оказаться неоплатным, так что это приведет к некоторому виду «переноса»:

> «откуда ... любовь и ненависть, со стороны того, кто находится, обязанный переводить, в положении переводчика по отношению к подлежащему переводу тексту ..., к языку и письму, к связи и любви, скрепляющей своей подписью бракосочетание между автором “оригинала” и его собственным языком» (Ibid.: 131).

8.3.3. À-traduire

Ж. Деррида выводит из рассуждений В. Беньямина три тезиса, а именно, что перевод не является ни рецепцией, ни коммуникацией, ни репрезентацией (Derrida 1997: 136). При этом Ж. Деррида вводит понятие, которое в своей противоречивости типично для деконструкции — à-traduire. Данное сочетание слов во французском оригинале в зависимости от фонетической реализации может пониматься по-разному: с одной стороны, как до-перевод, т.е. как расширение, добавление, интерпретация, с другой стороны, в силу значения префикса à- как не-перевод, т.е. непереводимость; третье возможное значение — это императивное значение, за которым кроется необходимость перевода, благодаря которому язык обретет самого себя. При каждом употреблении слова à-traduire следует учитывать все три его значения, что в конкретных контекстах приводит к неразрешимым апориям. Вводя данный термин, Ж. Деррида стремится продемонстрировать непереводимость и своего собственного текста. Непереводимость, как он сам бы выразился, вписана в его текст.

À-traduire осуществляется, как пишет дальше Ж. Деррида, с одного языка на другой. Когда В. Беньямин говорит о родстве языков, он имеет в виду не их историческое родство, а их сродство, предшествующее à-traduire. Перевод представляет присутствие данного сродства «опережающим, предвосхищающим, почти пророчествующим образом»[301] (Ibid.: 143). À-traduire может обозначать прибавление чего-либо дополнительного к некоторому языку, например, какого-либо имени, метафоры, определенного способа выраже-

[301] Цит. по: *Деррида Ж.* Вокруг Вавилонских башен / Ж. Деррида; Пер. с фр. и коммент. В.Е. Лапицкого. — СПб.: Академический проспект, 2002.

ния подразумеваемого, скрытого в том или ином слове. Это также обусловливает приоритет имени слова как «основного элемента перевода», вытекающий из интерпретации Жаком Деррида следующего утверждения В. Беньямина: «она [= дословность перевода.– *примеч. перев.*] показывает, что слово, а не предложение является первичным элементом, мельчайшим кирпичиком для переводчика. Ибо предложение — это стена, встающая перед языком оригинала, а дословность — это аркада»[302] (Benjamin 1977: 59). В духе à-traduire Ж. Деррида добавляет к метафоре В. Беньямина:

> «В то время как стена подпирает, скрывая (она *перед* оригиналом), аркада поддерживает, пропуская свет и позволяя увидеть оригинал» (Derrida 1997: 144; выделено в оригинале).

8.3.4. Рост, дальнейшая жизнь и освобождение оригинала

À-traduire Ж. Деррида соотносится с используемыми В. Беньямином метафорами роста, как, например, в следующей цитате:

> «то как раз [задача][303] перевод[а] воспламеняется ради вечной жизни поэтических произведений и бесконечного возрождения языков, чтобы все вновь и вновь подвергать испытаниям этот священный рост языков» (Benjamin 1977: 55).

Перевод, согласно Деррида (Derrida 1997: 145), в данном контексте является на самом деле одним из моментов в процессе роста оригинала, оригинал дополняет себя в переводе, он пополняется, увеличиваясь. Если же оригинал требует перевода, то это означает, что изначально он «не был безупречным, полным, исполненным, целым, самотождественным» (Ibid.: 145). Уже при порождении оригинала происходит падение, изгнание, ссылка. Переводчик должен сначала освободиться от своего языка и перейти к чистому языку. Освобождение достигается за счет свободы переводчика. Оно происходит путем преодоления и преобразования границ переводяще-

---

[302] Цит. по: *Беньямин В.* Задача переводчика / В. Беньямин; Пер. с нем. И. Алексеевой // Маски времени. Эссе о культуре и литературе. — СПб.: Symposium, 2004.

[303] Добавлено нами. В имеющемся в нашем распоряжении варианте написано *„so ist es die Übersetzung“* («*то как раз перевод*»), что, однако, не согласуется с замыкающей предложение инфинитивной группой.

го языка, который переводчик должен «расширять, увеличивать, побуждать ... к росту» (Ibid.: 145). Рост не представляет оригинал, «он не воспроизводит, он соединяет, присоединяя» (Ibid.: 145).

Также и в беньяминовской метафоре о сосуде (см. раздел 8.3.2.) речь идет об «увеличении [языка] посредством присоединения фрагмента по линии слома» (Ibid.: 146). Метафора о касательной и круге (см. раздел 8.3.2.) символизирует контакт со смыслом. При этом мимолетность является ключевым словом, которым В. Беньямин характеризует смысловые отношения между оригиналом и переводом. То же самое наблюдается в картине мимолетного касания эоловой арфы в следующем высказывании Беньямина, воздающем должное гельдерлиновским переводам греческих трагедий: «Гармония языков в них настолько велика, что язык лишь прикасается к смыслу, подобно ветру, колеблющему струны эоловой арфы» (Ibid.: 61).

8.3.5. Следы, игры, конструкты смысла

В каждом знаке и в каждом тексте, содержащем данный знак, о чем уже шла речь в начале данной главы, содержатся следы (traces) прошлых и возможных будущих употреблений. Перевод, таким образом, состоит в том, чтобы в игровой, нестандартной форме проследовать по данным следам и проложить их дальше. Тем самым перевод превращается в генератор дифферанса. Он разрушает оригинал и одновременно раскрывает его в системе новых отношений. Деконструкция беньяминовского эссе Ж. Деррида предлагает показательный в данном отношении пример.

Уже в самом названии эссе В. Беньямина перевод рассматривается как Aufgabe. Ж. Деррида сначала анализирует непосредственно немецкое слово Aufgabe[304] и устанавливает, что оно обозначает «миссию, для которой ты предназначен (всегда другим), вовлеченность, обязанность, долг, ответственность»[305] (Derrida 1997: 130f.), следовательно, речь идет «о законе, о наказе, на который должен ответить переводчик» (Ibid.: 131). Но тут же он ломает данные рамки, обращаясь к французскому переводу эссе и используя омофонию французского « tâche » (= задача) в его заглавии и фр. « tache » (=

[304] задача (нем.) (*Примеч. перев.*)

[305] Зд. и далее цит. по: *Деррида Ж.* Вокруг Вавилонских башен / Ж. Деррида; Пер. с фр. и коммент. В.Е. Лапицкого. — СПб.: Академический проспект, 2002.

пятно, ошибка, изъян) для того, чтобы прийти к следующему заключению: переводчик должен освободиться от чего-то, от некоторого изъяна, «он должен отделаться от чего-то, что, возможно, таит в себе разрыв, падение, ошибку и даже преступление»[306] (Ibid.: 131).

Ж. Деррида продолжает свое «интерпретирующее чтение» морфологическим и семантическим разбором слова Auf-gabe. К задаче, к тому, что вменяется или предписывается, относятся также воспроизведение, воспроизведение смысла, «возмещение смысла» (Ibid.: 131). Но каким образом подобная задача, заключающаяся в возвращении данного долга, может быть достигнута как оправдание? В конечном итоге переводчик сталкивается с противоречием, поскольку, если он задастся вопросом о значении слова Aufgeben, то установит, что слово это многозначно и обозначает как отправление, послание (Verschicken), так и оставление, покидание (Verlassen)[307] (Ibid.: 131).

Деррида затем вновь обращается к слову Aufgabe, чтобы отметить еще одну особенность его значения: Беньямин определяет Auf-gabe как нечто, что конкретный субъект берет себе в обязанность или в долг. Переводчик находится «в положении наследника ... как пере-живающий или агент пережитка» (Ibid.: 134). При этом имеется в виду пережиток произведений, а, возможно, также имен, подписей и авторов. Такой пережиток

[306] Ввиду содержательного различия в передаче данного пассажа из эссе Ж. Деррида в немецком переводе А. Гарсиа Дюттманна и в русском переводе В.Е. Лапицкого, здесь цитата приводится на основании не русского, а немецкого перевода эссе. В оригинале данное предложение сформулировано следующим образом: « Il *doit s'acquitter* aussi, et de quelque chose qui implique peut-être une faille, une chute, une faute, voire un crime ». Немецкий переводчик перевел данное предложение как „Er muß sich von etwas lösen, das vielleicht einen Riß, einen Fall, einen Fehler, ja, ein Verbrechen in sich birgt“ («Он должен освободиться от чего-то, что, возможно, таит в себе разрыв, падение, ошибку и даже преступление»). В русском же переводе В.Е. Лапицкого данный пассаж переведен так: «Он должен к тому же выполнить нечто, что возможно, влечет за собой дефект, провал, ошибку и даже, возможно, преступление». Расхождение в русском и немецком переводах объясняется многозначностью французского глагола *s'acquitter*, который может обозначать как «рассчитаться, расквитаться с чем-то», так и «выполнить, исполнить что-либо». (*Примеч. перев.*)

[307] Здесь цитата приводится на основании немецкого перевода эссе Ж. Деррида, выполненного А. Гарсиа Дюттманном, поскольку в русском переводе В.Е. Лапицкого соответствующий пассаж отсутствует. (*Примеч. перев.*)

> «дает больше жизни, больше, нежели выживание. Произведение не только живет дольше, оно живет больше и лучше, сверх средств своего автора»[308] (Ibid.: 135).

Ж. Деррида рассматривает свою интерпретацию как текст, вписывающий новые следы в текст В. Беньямина и тем самым приписывающий ему новый смысл. Поэтому беньяминовские метафоры и сравнения постоянно развиваются и заменяются новыми метафорами, связанными между собой порой лишь мимолетными ассоциациями. Языковые образы переплетаются друг с другом, поскольку в соответствии с их внутренней (мнимой) логикой их написание продолжается дальше и они обогащаются за счет косвенных цитат из собственных текстов Деррида. Единственная и мимолетная точка, в которой соприкасаются смысл оригинала и перевода, описывается как ласка, как жест в движении любви. Договор перевода — это «договор о супружестве с обещанием произвести ребенка, чье семя даст место истории и росту» (Ibid.: 147), но дитя, «способное говорить и само по себе» и представляющее собой «нечто иное, отличное от подчиненного закону воспроизводства продукта» (Ibid.: 148).

В связи с беньяминовскими метафорами вызревания, семени и пережитка Ж. Деррида задает риторический вопрос о том, не исходя ли

> «из мысли о языке и его “сверхжизни” в переводе, мы и получаем доступ к мысли о том, что же, собственно, жизнь и семя[309] подразумевают» (Ibid.: 133).

Именно данную смену направлений — так звучит скрытый ответ Деррида — между мышлением и языком, между переводом и оригиналом и осуществил В. Беньямин.

8.3.6. Непереводимый остаток

Перевод, по мнению В. Беньямина, представляет собой «лишь своего рода предварительный способ преодоления чужести

[308] Цит. по: *Деррида Ж*. Вокруг Вавилонских башен / Ж. Деррида; Пер. с фр. и коммент. В.Е. Лапицкого. (*Примеч. перев*.)

[309] Очевидно, в русском переводе эссе Ж. Деррида допущена опечатка и следует читать «семья» вместо «семя», поскольку ранее в данном пассаже речь идет о «семье». (*Примеч. перев.*)

языков»[310] (Benjamin 1977: 55). Ж. Деррида добавляет к этому в своей интерпретации/деконструкции следующее: обещание перевода указывает на ту сферу, «где языки примиряются и свершаются», которая, однако, «никогда не досягаема, не прикосновенна, не хожена — для перевода»[311] (Derrida 1997: 148). Неприкосновенное, т.е. то, что не поддается передаче, — это оставшееся после того, как было переведено то, что можно передать. Точно так же и он, Ж. Деррида, пытается сообщить о том, что поддается передаче, в беньяминовском тексте с помощью переводчика М. де Гандильяка, но он также осознает, что и после его вмешательства останется «неприкосновенный остаток беньяминовского текста» (Ibid.: 149). Данный остаток лежит за беньяминовскими метафорами и переносными значениями, которые являются лишь «переводами и метафорами перевода, переводами (Übersetzungen) перевода или метафорами метафоры» (Ibid.: 149). Деррида иллюстрирует это с помощью следующего примера из эссе Беньямина:

> «... то нетронутым останется то, на что, собственно, и направлена работа истинного переводчика. Это нечто не поддается передаче, как и поэтическое слово оригинала, поскольку связь между содержанием и языком в оригинале и в переводе в корне различны. Ибо если в первом из них они составляют некое единство, подобно плоду и его оболочке, то во втором язык перевода окутывает содержание, подобно широким складкам королевской мантии»[312] (Benjamin 1977: 56).

Если с данного отрывка снять его риторическую «кожуру», то, как пишет Деррида, снова останется непереводимое, недосягаемое ядро, неприкосновенное, неприступное, к которому нельзя прикоснуться и которое невозможно увидеть. Но ядром по сути является не содержание, «но сцепление между содержанием и языком, между плодом и оболочкой»[313] (Derrida 1997: 150). Метафора струящейся

---

[310] Цит. по: *Беньямин В.* Задача переводчика / В. Беньямин; Пер. с нем. И. Алексеевой. (*Примеч. перев.*)

[311] Зд. и далее цит. по: *Деррида Ж*. Вокруг Вавилонских башен / Ж. Деррида; Пер. с фр. и коммент. В.Е. Лапицкого. (*Примеч. перев.*)

[312] Цит. по: *Беньямин В.* Задача переводчика / В. Беньямин; Пер. с нем. И. Алексеевой. (*Примеч. перев.*)

[313] Зд. и далее цит. по: *Деррида Ж*. Вокруг Вавилонских башен / Ж. Деррида; Пер. с фр. и коммент. В.Е. Лапицкого. (*Примеч. перев.*)

мантии вызывает у Деррида особое воодушевление, и он продолжает развивать ее с помощью отчасти гротескной, отчасти лиричной трансформации образов, к которым он добавляет новые образы, метафоры и собственные понятия: «Очень красиво, такой красивый перевод: белая горностаевая мантия, коронация, скипетр и величественная поступь» (Ibid.: 151). Король, выступающий в качестве метафоры содержания переводимого текста, имеет тело, но это тело в переводе лишь обещано, перевод указывает на него и в то же время скрывает его (Ibid.: 151).

> «Одеяние к лицу, но не охватывает достаточно туго королевскую особу. Это отнюдь не слабость, напоминает такую королевскую мантию и наилучший перевод. Он остается отделенным от тела, с которым, однако, соединяется, облегая, сочетается с ним, с ним не брачуясь» (Ibid.: 151).

Обе метафоры символизируют единство содержания и языка. Единственное различие заключается в том, что в первой метафоре речь идет о естественном, а во второй — о производном, символическом единстве (Ibid.: 152). Это и является основанием различия между переводом и оригиналом. Однако уже в оригинале истинность некоторого действия или события взята в долг. Язык не является истинным языком. В действительности это язык, «чья истина отсылала бы только к самой себе» (Ibid.: 158).

С помощью данной акробатики с мыслями и образами Ж. Деррида демонстрирует на примере собственного текста принцип диссеминации, или рассеивания, исключающий любую возможность понятийной фиксации (см. Derrida 1995). Даже различие между метафорическим и не-метафорическим и метонимическим и не-метонимическим способами выражения стирается, поскольку там, где все метафорично, согласно Ж. Деррида, не существует больше никакого подлинного смысла, а следовательно, также и никакой метафоры (см. Zima 1994: 71).

Двумя важнейшими, относящимися к числу ключевых, понятиями у В. Беньямина являются употребляемые в определенной степени как синонимы выражения «интенция» (Intention) и «способ выражения подразумеваемого» (Art des Meinens). Чтобы их «перевести», т.е. чтобы их проинтерпретировать, необходимо рассмо-

треть, где обнаруживается сродство в родстве языков. Точность при этом может быть достигнута, по мнению В. Беньямина, только через совокупность их взаимно дополняющих интенций, в «чистом языке». Таким образом, то, к чему стремится перевод, это «сам язык как вавилонское событие» (Derrida 1997: 159), т.е. язык как таковой, то «единство без какой бы то ни было самотождественности, которое делает так, что имеются языки и что они суть языки[314]» (Ibid.: 159).

Беньямин говорит на языке «религиозн[ого] код[а]» (Ibid.: 160) о священном росте и священном тексте как о праобразе чистой переводимости. À-traduire (данное слово обозначает, среди прочего, также и не-перевод) священного оригинала представляет данный оригинал как à-traduire-уемое. Он содержит в себе призыв к переводу,

> «но из-за этой неразличимости смысла и буквальности (Wörtlichkeit) чистое переводибельное может заявить о себе, выдать себя, представить себя, предоставить себя переводу под видом непереводимого» (Ibid.: 161).

Это как раз то, что в работе Деррида обозначается с помощью слова Babel, т.е. одновременное установление и стирание границ, одновременное требование и запрет перевода — иными словами, апория перевода. Ссылаясь на высказывание Беньямина о том, что в случае священного текста смысл перестает быть водоразделом потоков языка и откровения (см. выше раздел 8.3.2.), Деррида утверждает:

> «Оно [= священное] вверяется переводу, который ему поклоняется[315]. Оно не было бы ничем без него, он не имел бы без него места, оба они неразделимы. ... Это абсолютный текст, поскольку в своем событии он ничего не сообщает, он не говорит ничего, что имело бы смысл вне самого этого события. ... И поскольку никакой смысл не дает себя отделить, переместить, перенести, перевести в другой язык как таковой (как смысл), он тут же заказывает перевод, от которого он, кажется, отказывается. Он переводибелен, но непереводим. Только и есть, что буква, такова истина чистого языка, истина как чистый язык» (Ibid.: 162).

[314] Букв. «суть разнообразие языков». (*Примеч. перев.*)

[315] Букв. «отдается». (*Примеч. перев.*)

Деррида таким образом утрирует имеющиеся в тексте Беньямина внутренние противоречия, кружит в метафорическом круговороте вокруг его метафор, чтобы в конечном итоге разоблачить даже «откровение» священного текста как метафору, за которой не скрывается ничего, кроме языка, т.е. бесконечной цепочки метафор. В данные цепочки метафор и между строк вписаны все пользователи и составители текста, включая переводчиков с их подписями, которые работали над тем, чтобы «воссоединить то, что, однако, прошло, уже дано, прямо здесь, между строк, подписано даже» (Ibid.: 163). В данном смысле подстрочный перевод действительно, как считал В. Беньямин, вписан как праобраз перевода в (священный) текст.

8.3.7. Смерть оригинала и поражение перевода

Если эссе Деррида представляло собой диалог между Деррида, Беньямином и его переводчиком, то деконструкция П. де Мана, изложенная в конспекте его лекции (de Man 1997), включает в диалог с Беньямином также полемический дискурс с Деррида и французским переводчиком Беньямина — М. де Гандильяком. В ходе своей лекции П. де Ман иронизирует над тем, что М. де Гандильяк перевел ключевое предложение в беньяминовском заключении „ist er [= der heilige Text] übersetzbar schlechthin" («он [= священный текст] так или иначе переводим») как « Il est purement et simplement **in**traduisible » (de Man 1997: 191; выделено в оригинале). Таким образом, поскольку переводчик неверно понял слово schlechthin, он перевел относительно простое предложение, придав ему в переводе противоположное значение. Самое интересное при этом то, что Деррида, хотя понимал и непосредственно немецкий оригинал, основывает свою интерпретацию на переводе, выполненном М. де Гандильяком. Когда же один из учеников Ж. Деррида обратил его внимание на данную ошибку, то он, как иронически замечает П. де Ман, «определенно [мог] объяснить, что это одно и то же» (Ibid.: 191).

Однако, как продолжает П. де Ман, это действительно одно и то же, поскольку переводчику — главной фигуре в эссе В. Беньямина — суждено потерпеть поражение, столкнувшись со своей задачей. Слово Aufgabe в названии данного эссе может быть воспринято «как тавтология»[316] — как Aufgabe (задача) и как Aufgeben (отказ,

[316] Очевидно, П. де Ман имел в виду здесь омонимию.

капитуляция). Так, об Auf-geben (отказе, капитуляции) речь может идти, когда кто-либо на Тур де Франс начинает гонку, но затем выходит из нее, сдается. «Переводчик должен капитулировать перед лицом задачи, заключающейся в отыскании того, что было дано в оригинале» (Ibid.: 192). Ему суждено потерпеть поражение подобно тому, как и М. де Гандильяк потерпел поражение при работе над другими фрагментами своего перевода. П. де Ман доказывает это своей аудитории на примере английского перевода, выполненного Гарри Зоном, признавая при этом, однако, что М. де Гандильяк как переводчик все-таки лучше. Некоторые фрагменты М. де Гандильяк понял неверно, потому что высказывания В. Беньямина настолько противоречили внутреннему пониманию образованного и уверенного в себе переводчика, что он, очевидно, не увидел, просмотрел это в тексте. Ключевое утверждение о переводе и искусстве у Беньямина звучит следующим образом: „hierin unähnlich der Kunst" («не сходен в этом с искусством»), т.е., по его мнению, перевод существенно отличается от искусства[317]. М. де Гандильяк снова перевел это наоборот: « n'est pas sans ressemblance avec l'art » (Ibid.: 193). Это означает, что перевод не непохож на искусство, т.е. они похожи. В. Беньямин, наоборот, утверждает, что между переводчиком и поэтом имеется существенное различие. Поэт исходит из «отношения к значению ..., к высказыванию, которое существует неисключительно в сфере языка» (Ibid.: 193). Для переводчика и перевода, наоборот, справедливо следующее:

> «Переводчика с оригиналом связывает отношение, соответствующее отношению одного языка к другому, в котором совершенно отсутствует проблема значения или желания что-то сказать, сделать высказывание. Перевод — это отношение языка к языку, а не отношение к внеязыковому значению, которое могло бы быть скопировано, парафразировано или сымитировано» (Ibid.: 194).

Перевод, согласно В. Беньямину, не выполняет функцию отражения, точно так же, как и познание не является просто отражени-

[317] В полном виде данный пассаж звучит следующим образом: «Таким образом, перевод, хотя он и не может претендовать на длительность существования своих результатов и не сходен в этом с искусством, не скрывает своей направленности на последнюю, окончательную и решающую стадию всего предназначения языков» (Benjamin 1977: 55).

ем действительности. П. де Ман устанавливает связь с «критической философией» и выводит из этого, что перевод у В. Беньямина располагается ближе к критике и теории литературы, чем к художественному творчеству[318]. Перевод способствует канонизации оригинала, но одновременно с этим оригинал, как и в случае критического прочтения, деканонизируется:

> «Перевод канонизирует оригинал, способствует его застыванию и позволяет распознать в оригинале подвижность, нестабильность, которая сначала была незамеченной» (Ibid.: 195).

Перевод обнаруживает также сходство и с историей, если историю понимать не в соответствии с моделью органического, а как обращенную в прошлое перспективу. Точно так же и на оригинал необходимо посмотреть с позиции перевода. Философия, критика и история вышли из существовавших ранее видов деятельности: философия — из восприятия, критика — из художественного творчества, история — из предшествующего действия. Поэтому они с самого начала обречены на поражение, поскольку являются производными и второстепенными. В. Беньямин настаивает на том, что происхождение перевода от оригинала нельзя понимать ни как сходство, ни как подражание. Поскольку переводы не являются имитациями оригинала, они не могут рассматриваться и как его метафоры. Здесь П. де Ман путем последовательной замены сигнификантов снова выявляет противоречие в работе В. Беньямина:

> «Перевод не является метафорой оригинала; но тем не менее немецкое слово übersetzen обозначает метафору. Übersetzen является как раз переводом греческого metaphorein, означающего перевозить, переводить, переносить. Übersetzen, как выразился бы я, переводит метафору, что, как уверяет В. Беньямин, далеко не одно и то же. ... Метафора — это не метафора, говорит В. Беньямин. Ничего удивительного, что переводчики сталкиваются с трудностями. Необычная точка зрения — говорить, что übersetzen не является метафорой, что übersetzen не основывается на сходстве, что нет никакого сходства между переводом и оригиналом. Поразительно

[318] Ср. понятия перевода как метатекста у А. Поповича и переписывания (rewriting) у А. Лефевра.

парадоксальное утверждение, что метафора не является метафорой» (Ibid.: 196).

Критическую философию, теорию литературы и историю объединяет то,

«что они не похожи на то, от чего они происходят. Однако все они вращаются внутри языка: они соотносятся с тем, что в оригинале принадлежит языку, а не со значением как с внеязыковым коррелятом» (Ibid.: 196).

Они читают оригинал из перспективы «чистого языка», «языка, который был бы полностью освобожден от иллюзии значения» (Ibid.: 197). «Они убивают оригинал, поскольку они устанавливают, что оригинал уже был мертв» (Ibid.: 197). Облекая свое утверждение в сложную синтаксическую структуру, П. де Ман во второй раз приписывает беньяминовскому тексту свою собственную интерпретацию «чистого языка», определяя его как «фикцию или гипотезу», «свободную от бремени значения» (Ibid.: 197)[319].

Другой отрывок из текста В. Беньямина послужил П. де Ману основанием для пространного дискурса относительно ключевых слов деконструкции. Перевод, как пишет В. Беньямин, с исторической перспективы весьма далек от того, чтобы быть «бесплодным отождествлением двух мертвых языков», он скорее должен «примечать дозревание чужого слова и муки рождения собственного» („auf jene Nachreife des fremden Wortes, auf die Wehen des eigenen zu merken“) (Benjamin 1977: 54). В полемике с обоими переводчиками, которые поняли и перевели слово Wehen в данном контексте как родовые схватки, П. де Ман приписывает сигнификанту Wehen и связанным с ним ключевым словам Nachreife (дозревание) и Überleben (пережиток) свои собственные значения. По мнению П. де Мана, слово Wehen означают «любой вид страданий, необязательно связанных с рождением или возрождением» (de Man 1997: 198). Слово Nachreife означает не процесс созревания, оно скорее обладает, подобно словам Spätlese (поздний сбор урожая) или Nachsommer (бабье лето), значением «меланхолии, чувства легкого изнеможения, жизни, на которую не имеешь права» (Ibid.: 198). Из этого он заключает:

[319] См. в связи с этим работу Т.И. Бэннета (Bannet 1993: 582).

> «Перевод относится не к жизни оригинала, оригинал уже мертв; перевод относится к послежитию (Fortleben) оригинала, т.е. он имеет смерть оригинала в качестве своей предпосылки и подтверждает ее. Дозревание* относится к тому же регистру, связано с тем же самым; речь идет вовсе не о процессе созревания, речь идет о том, чтобы оглянуться на процесс созревания, который завершился и больше не идет» (Ibid.: 198).

> «Изменение и движение, составляющие процесс перевода — если его можно обозначить как процесс, — производят впечатление жизни, но жизни как послежития (Fortleben), поскольку перевод разоблачает смерть оригинала» (Ibid.: 198f.).

Страдания и провал, о которых идет речь, — это не человеческие страдания, не человеческий провал. Пропасть, представляющая опасность, — это языковая пропасть. Беньямин выражает это с помощью различения того, что имеется в виду (das Gemeinte) и способа выражения подразумеваемого (Art des Meinens). В основе данного противопоставления, которое П. де Ман обозначает термином дизъюнкция[320], лежит феноменологическое предположение о том, что значение и способ производства значения являются интенциональными актами[321]. Однако данный способ выражения подразумеваемого не обязательно должен согласовываться с интенцией индивидуума. Способ, которым тот или иной индивидуум может выразить некоторое значение, устанавливается не индивидуумом как историческим существом. У него нет никакого иного выбора, кроме как позаимствовать данный способ из средств «языка в том виде, в котором он существует» (Ibid.: 201).

Другие дизъюнкции представлены противопоставлениями герменевтики и поэтики, слова и предложения, а также — у В. Беньямина — символа и символизируемого. Вопрос об отношениях между словом и предложением трансформируется у Беньямина в вопрос о совместимости грамматики и значения. Если, как в переводе Ф. Гёльдерлина, осуществляется буквальный перевод, то при этом распадается предложение: «значение слова ускользает от нас ...

[320] Под *дизъюнкцией* в логике понимаются два комплементарных, но взаимоисключающих понятия.

[321] На это, очевидно, указывает квази-синонимичное использование В. Беньямином понятий «интенция» (Intention) и «способ выражения подразумеваемого» (Art des Meinens).

и это ускользание невозможно контролировать с помощью грамматики» (Ibid.: 203)[322]. Но слово ускользает также и в том случае, если следовать синтаксису, так что данная апория вновь напоминает об Aufgabe в значении Auf-geben (отказ, капитуляция). Отношениями такого же рода связаны буква и слово. Буквы не обладают абсолютно никаким значением, они присутствуют в слове исключительно в своей материальности:

> «То, что здесь именуется дизъюнкцией грамматики и значения, слова* и предложения*, является материальностью буквы, независимостью, или тем способом, которым буква проламывает якобы стабильное значение предложения и вводит в него скольжение, по причине которого это значение исчезает, улетучивается и из-за которого утрачивается любой контроль над данным значением» (Ibid.: 203f.).

Дизъюнкция символа и символизируемого приводит к апории и обрекает перевод на поражение. Она представлена прежде всего дизъюнкцией между тропами и стоящими за ними значениями. В этом заключается и одна из основных проблем эссе В. Беньямина, изобилующего тропами. Так, в тексте постоянно используются образы сеяния, созревания, гармонии, плода и оболочки, которые вроде бы основываются на аналогии природы и языка. Вместе с тем постоянно отмечается, что подобной аналогии не существует. Каждый раз, когда Беньямин использует тот или иной троп, он создает впечатление тотальности значения:

> «он манипулирует контекстуальными отсылками в своем произведении так, что традиционный символ смещается таким образом, который скорее приводит к распаду символа и значения, чем к их согласованию» (Ibid.: 204).

П. де Ман настаивает на том, что глагол folgen в метафоре о разбитом сосуде (см. выше раздел 8.3.2.) следует понимать не как gleichen (быть под стать) или zueinander passen (сочетаться, стыковаться). Подобная интерпретация наводит на мысль о том, что вполне возможно соединение данных осколков и получение сосуда чистого языка. Глагол же folgen следует понимать в его прямом значении как

[322] См. мнение Ж. Деррида о переводах Ф. Гёльдерлина в разделе 8.3.2.

aufeinanderfolgen (следовать друг за другом). Речь, таким образом, идет о преемственности, последовательности. Оригинал и перевод следуют друг за другом. Вначале, согласно Беньямину, происходит фрагментация чистого языка. Таким образом, любой оригинал уже является фрагментом. Следующий за этим перевод является фрагментом фрагмента.

В. Беньямин касается данной проблемы при описании апории вольности и верности, свойственной переводу. Каким же образом верный перевод (а таковым всегда является буквальный перевод) может в то же время быть вольным? П. де Ман предлагает следующую интерпретацию беньяминовской апории:

> «Он [= перевод] может быть вольным лишь в том случае, когда он обнажает нестабильность оригинала и когда он разоблачает нестабильность как языковую разницу между тропом и значением» (Ibid.: 207).

Беньямин, который сам постоянно использует тропы, смещает их таким образом, что оригинал приводится в движение. Это движение оригинала является движением распада, дробления:

> «Это движение оригинала представляет собой скитания, errance, своего рода длительную ссылку ..., но это не является ссылкой на самом деле, поскольку не существует родины, не существует ничего, откуда можно было бы быть изгнанным. И в еще меньшей степени возможно нечто вроде чистого языка*, его не существует, разве что постоянная дизъюнкция, свойственная всем языкам как таковым, является им ...» (Ibid.: 208).

Это «блуждание языка, никогда не достигающее цели ..., эту видимость жизни, являющейся всего лишь послежитием (Fortleben)» В. Беньямин называет историей. Понимая под историей не историю человечества и уж, конечно, не мессианскую идею истории: «Она принадлежит единственно только порядку языка» (Ibid.: 208).

8.4. Деконструкция и конструирование

При описании деконструкции мы в куда большей степени, чем в остальных главах, позволили текстам говорить самим за себя, поскольку любая попытка распутать данное сплетение мыслей и ассоциаций, разрешить апории и многозначность написанного, противоречило бы, как уже было замечено вначале, самой сути деконструкции. Мы постарались в соответствии с духом деконструкции показать апории и следы, вписанные или вписывающиеся в тексты. Читателю предлагается самостоятельно проследовать дальше по данным следам. Деконструкция, во всяком случае, рассеяла иллюзию рационалистов о прозрачности и универсальности языка, об устойчивом и непоколебимом смысле (см. Zima 1994: 86). Язык отсылает к самому себе. Смысл постоянно конструируется заново при каждом обращении к тексту, в том числе и в случае перевода. Прежде всего, П. де Ман подробно демонстрирует, как с помощью нового, неконвенционального, практически деструктивного прочтения оригинала и с помощью постоянной смены точки зрения можно прийти к новому пониманию, диаметрально противоположному традиционной интерпретации.

Если же оригинал освобожден от «бремени» стабильного смысла, а иллюзия о наличии устойчивой связи между символическим и символизируемым разоблачена, то переводчик может по-новому понимать свою роль в процессе создания смысла. Как и все прочие, кто задействован в конструировании смысла, переводчик может при чтении оригинала направиться против течения и приписать оригиналу такой смысл и такие значения, которые никто ранее в нем не усматривал. Он может взять на себя роль со-автора и уравнять в правах свое смысло-творение со всеми остальными формами образования смысла и значения. Если текст является лишь риторической игрой многозначных сигнификантов, то переводчик может — порой подрывным, бунтарским образом, а то и вовсе с целью сознательного искажения (Bannet 1993: 582) — продолжить данную игру. Мертвый оригинал не сможет этому воспрепятствовать точно так же, как он не сможет воспрепятствовать любым другим попыткам вмешательства в его смысловую структуру и подчинить их своим целям. Настоящим противником переводчика, таким образом, является не

автор и его оригинал, а все остальные интерпретаторы, с которыми он конкурирует (ср. также Bannet 1993; Arrojo 1992a, 2002).

Традиционные иерархические оппозиции ИТ и ТП (Koskinen 1994: 448), а также всемогущего автора-продуцента и бессильного переводчика-репродуцента (Arrojo 1997e), при таком рассмотрении устаревают. Из смерти оригинала следует не только рождение читателя, но вместе с тем и рождение переводчика. При постмодернизме в дискурсе о художественном переводе, который берет свое начало с догмата о священном и непоколебимом оригинале, остались не-автор и не-оригинал, которые оказались лишь одним из звеньев в бесконечной цепи отношений между знаками. Они представляют собой открытую структуру, которая остается мертвой, если только ее не пробуждают к жизни интерпретация и перевод.

Критика деконструкции (Ellis J. 1988) иногда указывает на то, что деконструктивистский метод всего лишь подрывает устоявшиеся интерпретации и выявляет апории и противоречия, присущие текстам и их традиционным интерпретациям. Однако, как бы мы ни относились к деконструкции, в одном ей нельзя отказать: вопреки, а может быть, даже и благодаря своим игровым элементам, она заострила внимание на проблемах конструирования смысла и привнесла динамику в картину текстовых миров. Данная динамика нашла свое отражение в переводческих культурах и в переводоведении и привела к размыванию неподвижных границ между верностью и вольностью перевода. К результатам «нужной и полезной критики» (Zima 1996: 24), родившейся в данной дискуссии (см. Arrojo 1994a), во всяком случае относятся возможность переосмысления оригинала, рассмотрение взаимодействия идентичности и различия, а также внимание к общим условиям текстовых и культурных миров, в которых функционируют переводы (Dizdar 1997). Это, несмотря на отдельные разногласия, можно рассматривать в качестве итога полемики между Э. Пимом, Р. Аррожо и К. Коскинен. Э. Пим (1993, 1995a), исходя из различных, сомнительных (с его точки зрения) переводов текстов Ж. Деррида, вначале вообще высказывал сомнения в деконструктивистском методе, поскольку ему в нем недоставало переводческого ремесленничества. Р. Аррожо (Arrojo 1996) в своем ответе указала на то, что Э. Пим в ходе своего анализа сам использовал деконструктивистский метод

и тем самым деконструировал свои собственные тезисы. Она решительно возражала Э. Пиму, принижавшему роль перевода и рассматривавшему последний как что-то неполноценное в рамках теории деконструкции[323]. Р. Аррожо утверждает, что, благодаря деконструкции и тезису о нестабильности смысла, переводчик, наоборот, приобрел адекватный статус и соответствующую свободу действий. К. Коскинен (Koskinen 1996), в свою очередь, указывает — в своего рода argumentum ad hominem[324], адресованном Э. Пиму, заботившемуся об этике перевода, — на этическую составляющую, проистекающую из того пространства свободы, которое открылось для переводчиков благодаря деконструкции.

Деконструкция и конструирование, с точки зрения логики, представляют собой комплементарные понятия. С исторической точки зрения, благодаря деконструкции радикальным образом раскрылась контингентность конструирования смысла, при которой связи знаков друг с другом могут устанавливаться в бесконечном процессе семиозиса. Тем самым было создано пространство для новых и целенаправленных конструирований смысла. Для всех наук, изучающих знак и текст, отныне стало невозможно наивное обращение к tertium comparationis чего-то реально существующего и общего для всех мира. Переводимость одних сигнификантов другими сигнификантами, за которыми не скрываются никакие объективные истины, сделало перевод метафорой деконструкции, а деконструкцию — метафорой перевода (Davis 2001; Koskinen 2000a: 26ff.). Решающее значение имеет то, что знание и истина, как это сформулировал М. Фуко (Faucault 1984), устанавливаются в пространстве, не свободном от власти. Их открытие и овладение ими не может не зависеть от истории и идеологии (см. Calzada Pérez (eds.) 2003; Cunico/Munday (eds.) 2007). Наоборот, «истины» постоянно являются конвенционализированными, обусловленными идеологией и временем конструктами (Arrojo 1994a: 6f.). Наличие и влияние власти будет предметом нашего рассмотрения в следующих разделах. Благодаря деконструкции вскрылось пространство между знаком

[323] Э. Пим включил свои ответы Р. Аррожо в электронную версию своей статьи http://usuaris.tinet.cat/apym/on-line/research_methods/decon.html (дата обращения: 15.11.11).

[324] Аргумент к человеку, аргумент, основанный на личности человека, а не на объективных фактах и логике рассуждений (лат.). (*Примеч. ред.*)

и смыслом в бесконечной цепи создания смысла, то пространство, которое испокон веков занимали власть и идеологии. Однако данное пространство открыто и для переводчиков, для их критического вмешательства и их политических целей. Это две стороны так называемого «властного поворота» (power turn), обозначившегося в 1990-е гг. (Gentzler 2002: 197). Деконструкция до предела абсолютизирует арбитрарность языка. Вытекающий из этого вывод о том, что перевод не может быть простым нейтральным открытием заново и повторением смысла, вкупе с «культурным поворотом» (cultural turn) превратили переводоведение в настоящую «историю успеха» (Arrojo 1998: 44f.).

Дополнительная литература

Arrojo (1986); Benjamin A. (1989); Arrojo ([2]1992b), Arrojo (ed.) (1992); Bannet (1993); Zima (1994); Arrojo (1994a, b); Koskinen (1994); Hirsch (1995); Johnson (1995); Pym (1995a); Arrojo (1996); Koskinen (1996); Zima (1996); Arrojo (1997a, b, c, d, e); Hirsch (ed.) (1997); Culler 1999); Koskinen (2000a); Davis (2001); Arrojo (2002); Vermeer (2005); Dizdar (2006); Thomas (2006).

9. «Культурный поворот»

То, что обычно обозначается «культурным поворотом» (см. Hermans 1999b: 14; Snell-Hornby 2006: 47–68), наметилось давно. Уже в скопос-теории образца Х. Фермеера в центр рассмотрения наряду с обусловленностью переводческой деятельности некоторой целью выдвинулась также и ее культурная обусловленность. Кристиане Норд усматривала в совместимости с целевой культурой поправку для свободного выбора скопоса. Вклад перевода в формирование духовных миров и литератур в свете результатов исследований, полученных в рамках полисистемной теории и теории манипулирования, невозможно было не заметить. Простое выявление сдвигов, каким бы сложным ни был инструментарий их анализа (см. Leuven-Zwart 1989, 1990), ввиду отсутствия четкой цели, не давало удовлетворительных результатов. Для более же глубокого социокультурного анализа полисистемная теория оказалась слишком формализованной и ограниченной (см. Gentzler 1993: 139ff.). Равно и понятие перевода, сформулированное в рамках дескриптивного переводоведения на основании эмпирических, позаимствованных у самих культур норм, было слишком узким и вращалось в неразрешимом круге дефиниций. Вопрос о том, кто, как, с помощью каких средств, преследуя какой интерес, с какой целью и с каким притязанием на власть дает поручение на перевод, устанавливает переводческие конвенции и предписывает переводческие нормы, оставался открытым.

9.1. Тандем

Еще в 1970-х гг. недовольство сложившейся ситуацией прозвучало у Андре Лефевра, изложившего свой взгляд весьма последовательно и внятно в серии статей (Lefevere 1975, 1977a, b)[325]. Проблема идеологий, которые с помощью стимулов или в репрессивной форме предписывают переводчикам, какое влияние те могут или должны оказывать посредством своего продукта на интеллектуальную среду

[325] См. посмертную статью об А. Лефевре (Lambert/Hermans 1996).

целевого общества, наконец, подверглась рассмотрению. Появилось новое понятие — рефракция. А. Лефевр понимал под этим адаптацию, разбивку или отражение текстов для определенной публики, определенной идеологии или определенной поэтики (ср., например, Lefevere 1982a, b). Его тезис звучит так: тексты перенимаются в каноническую сферу некоторой культуры не во всей их целостности, а как рефракты. Благодаря их взаимодействию с сознанием общества целевой культуры возникает определенная текстовая и дискурсивная среда, в которую и вводятся переводы. В своей статье, опубликованной в сборнике материалов Лёвенского конгресса (Lefevere 1985), ставшем в научных кругах своеобразной визитной карточкой сторонников теории манипулирования, он заменил понятие «рефракция» термином «переписывание» (rewriting). А. Лефевр дал данному термину такое определение, согласно которому он охватывал все формы манипуляций с текстом, а также всю совокупность интеракций между (литературной) системой и общественным окружением и позволял раскрыть присущие последнему внутренние механизмы организации и контроля.

Сьюзан Басснетт и Андре Лефевр происходили из схожей социокультурной и интеллектуальной среды. Социализация С. Басснетт, как и А. Лефевра, протекала в билингвальном обществе, а сама она (как и он) была переводчицей и литературоведом. В своем введении к работе «Переводоведение» (Translation Studies) она определила науку о переводе как субдисциплину сравнительного литературоведения (Bassnett 1980, 1991). В статье (Bassnett 1985), опубликованной в сборнике «Манипулирование литературой» (Manipulation der Literatur), она сравнила подготовку театральной постановки с лабиринтом, через который приходится проходить текстам на пути к живой интеракции с публикой. Как утверждает С. Басснетт, текст, предназначающийся для театра, связан диалектическими отношениями со своими потенциальными постановками. Будучи письменно зафиксированным, текст с помощью постановки помещается в пространство и время общества-реципиента. В различных культурах выработались различные стратегии преодоления данных диалектических отношений с помощью перевода. Сама С. Басснетт выступает за идею кооперативного перевода. Согласно данной идее, переводчик должен, отталкиваясь от написанного текста, составить

ориентированный на ИТ базовый вариант сценария, который затем будет доработан совместно с режиссером и другими членами труппы (Bassnett 1985: 91). Однако, независимо от выбранной переводческой стратегии, театральный перевод вынужден ориентироваться на стиль постановки, театральные конвенции и ожидания публики, а также на материальные условия (дотируемый государственный театр vs. частный театр, зависимый от успеха у публики) целевой культуры. Конечный результат — реализация на сцене — есть плод взаимодействия вербально закодированной текстовой части и других знаковых систем, таких, как пространство, движение, свет, жестикуляция, и т.д. В постановке переведенная пьеса, благодаря новому культурному контексту, попадает, образно выражаясь, под свет иной рампы. С. Басснетт (см. также Bassnett (eds.) 1997) основала в 1980-е гг. Центр перевода и сравнительной культурологии (Centre for Translation and Comparative Cultural Studies) в университете г. Уорик, который вскоре превратился в важную кузницу идей по переводоведению и культурологическим исследованиям.

Чтобы в наглядной форме обобщить идеи А. Лефевра и С. Басснетт, можно исходить из метафоры театральной постановки: по причине творческой воли выражения и лабиринта, который приходится преодолевать текстам и актерам, на мировой сцене возникают репертуары культур. При этом для текстов шьется новый костюм, и надеваются другие маски. Однако все задействованные в постановке лица подчиняются концепции режиссера. Они вынуждены следовать его указаниям и мириться с его вмешательством как положительным, так и отрицательным. Переводчикам как составителям новых литературных оригиналов при подготовке постановок могут отводиться ведущие роли, вокруг которых, подобно исполнителям второстепенных ролей и статистам, выстраиваются прочие пересоставители и составители новых вариантов текста. Впрочем, не исключено и противоположное распределение ролей. Не переводчики, а режиссеры, т.е. лица, наделенные властью в том или ином обществе, могут обладать правом голоса и стремиться насадить свои собственные представления о мире, свою идеологию и реализовать свои интересы. Во взаимодействии и в борьбе с ними формируются конкретные очертания культуры. А. Лефевр и С. Басснетт последовательно помещают семиотическое образование, возника-

ющее как продукт этих процессов, как результат трансформации, присвоения и манипулирования, т.е. саму культуру, в центр изучения переводоведения.

9.1.1. Переписывание и патронаж

Смена парадигм, которую предвещал А. Лефевр, в подготовке которой участвовали также и другие сторонники теории манипулирования, была наконец объявлена А. Лефевром и С. Басснетт в их совместном сборнике “Translation, History and Culture” (Bassnett/Lefevere (eds.) 1990), почему данная публикация и считается историческим свидетельством «культурного поворота» (cultural turn)[326]. Вот ключевое утверждение, содержащееся в написанном соавторами предисловии:

> “Translation has been a major shaping force in the development of world culture, and no study of comparative literature can take place without regard to translation”[327] (Lefevere/Bassnett 1990: 12).

При ближайшем рассмотрении требование о смене парадигм относится не к переводоведению, а к сравнительному литературоведению. В последнем необходимо пересмотреть границы объекта за счет включения в него перевода и акцентирования роли переводоведения (translation studies). А. Лефевр и С. Басснетт высказывают даже «бунтарскую» мыль о том, чтобы пересмотреть отношения между двумя данными дисциплинами и признать сравнительное литературоведение «субкатегорией» переводоведческих исследований (translation studies) (Ibid.: 12)[328].

Данный проект смены парадигм в сравнительном литературоведении не удался из-за резистентности уже устоявшейся дисциплины. С нашей точки зрения, ориентация исключительно на литературоведение не способствовала бы развитию переводоведения как самостоятельной дисциплины, поскольку это снова создавало бы

[326] См. весьма критичную рецензию Т. Д’ана (D’haen 1991).

[327] Ср. «Перевод был главной формирующей силой в развитии мировой культуры, и ни одно исследование по сравнительному литературоведению не может обойтись без обращения к переводу». Зд. и далее, кроме специально оговоренных случаев, перевод с английского языка приводится в редакции переводчика главы.

[328] Ср. также с точкой зрения С. Басснетт (Bassnett 1980), С. Басснетт-Макгуайр (Bassnett-MacGuire ^{3}2004).

пропасть между художественным и нехудожественным переводом. Поэтому мы ограничимся тем, что попробуем выделить линии аргументации и инструменты анализа, которые были бы применимы и в переводоведении, понимаемом в более широком смысле. Особый упор при этом будет сделан на те элементы, которые — хотя бы по принципу аналогии — были бы релевантны и для нехудожественного перевода.

В собственной монографии А. Лефевра с программным названием «Перевод, переписывание и манипулирование литературной славой» (Translation, Rewriting, and the Manipulation of Literary Fame) (Lefevere 1992b) и в связанном с ней сборнике текстов по той же проблематике, снабженном комментариями (Lefevere (eds.) 1992), перевод в еще более явной форме определяется как особый случай переписывания (rewriting) и, по аналогии с точкой зрения А. Поповича (см. выше в разделе 7.3.2.), помещается в рамки других метатекстовых процессов принимающей культуры:

> “Translation is, of course, a rewriting of an original text. All rewritings, whatever their intention, reflect a certain ideology and a poetice and as such manipulate literature to function in a given society in a given way. Rewriting is manipulation, undertaken in the service of power”[329] (Bassnett/Lefevere 1992: VII).

Наряду с переводом, как более или менее полной трансформацией иноязычного текста, речь может идти также о частичной передаче или редактировании текстов в антологиях, сборниках цитат, учебниках и хрестоматиях. К выборочной передаче содержания может также относиться и адаптация, обусловленная особенностями целевой аудитории, как, например, преобразование литературного оригинала в книгу для детей, в комикс или экранизацию. Точно такой же селективный характер носят типы текстов, обозначенные как метатексты, например, рецензии, критические статьи, сводки и словарные статьи. В конечном счете, даже образованные читатели порой обращаются к резюме, краткому пересказу содержания или

[329] Ср. «Перевод — это, конечно же, переписывание оригинального текста. Все переписывания, какую бы цель они ни преследовали, отражают определенную идеологию и поэтику и как таковые манипулируют литературой, чтобы функционировать в данном обществе данным образом. Переписывание — это манипуляция, состоящая на службе у власти».

к справочникам, чтобы получить информацию о той или иной литературе, авторе или произведении. Все данные формы переписывания (rewriting) определяют тот образ, который складывается в определенном обществе о том или ином тексте, авторе или культуре. Одновременно с помощью данных способов присвоения чужого конструируется также и своя литература, своя культура, ее текстовая среда и картина мира (см. Ibid.: Lefevere 1996).

А. Лефевр интересуется в первую очередь конструктивными принципами литературной подсистемы и ее механизмами контроля. Они проистекают из самой литературной системы или из ее интеракции с обществом. Ключевые положения, на которые опирается общественная интеракция, А. Лефевр обозначает термином «патронаж» (patronage). Под термином «патронаж» понимается демонстрация власти, осуществляемая индивидуумом, группой или некоторым институтом с целью управления — путем поощрения или установления препятствий — процессами чтения, написания и переписывания (rewriting) (см. Lefevere 1992b: 15). Тремя его сущностными компонентами являются идеология, экономика и статус.

Идеология, несомненно, занимает самое важное место среди тех инструментов управления, которые могут создавать и использовать лица, наделенные властью, властные монополии, картели и иерархии. Под идеологией А. Лефевр (Lefevere 1985: 226) сначала понимает мировоззрение в общем. Позже он рассматривает идеологию как доминирующую (ценностную) систему представлений об обществе, т.е. господствующие представления о том, каким общество должно быть и каким ему можно быть (Lefevere 1992b: 14). В конечном счете, он включает в свое понятие идеологии и такие точки зрения и взгляды, которые в определенный момент больше не требуют критического рассмотрения в том или ином обществе, а считаются общепризнанными (Ibid.: 48).

Действие экономической составляющей проявляется, прежде всего, там, где патроны, выступая в качестве меценатов, могут оказывать непосредственное влияние на условия существования актеров. Согласно А. Лефевру, с помощью своей власти патроны могут добиться для актеров престижа и признания и тем самым обеспечить им соответствующий статус в обществе (Ibid.: 16). Ввиду все большего усложнения экономических и статусных отношений

между патронами и актерами, данную связь, скорее, следует понимать как взаимную зависимость. В мире, в котором господствуют медиа, статус автора и экономический успех бестселлера могут легко отразиться на экономическом и общественном статусе «патрона», например, издателя, медиаконцерна и т.д., но точно так же статус и экономический успех некоторого автора могут создаваться и контролироваться его «патронами»[330].

Роль, которая в обществе отводится идеологиям, в литературных системах принадлежит поэтике. Под поэтикой, согласно А. Лефевру, понимается доминирующая концепция литературы, т.е. господствующее представление о том, какой должна быть литература. Она включает инструментарий предпочитаемых или допустимых приемов, мотивов, жанров, прототипических характеров, ситуаций и символов. С функциональной точки зрения, поэтика включает также правила о том, как должна функционировать литература в некотором конкретном обществе, т.е. как следует использовать данный арсенал приемов, чтобы тот или иной текст воспринимался как литературный (см. Ibid.: 26f.). Как идеологический контроль в обществе, так и поэтологический контроль внутри литературной системы осуществляется группой лиц, обладающих в данном обществе статусом экспертов. В консенсусе, но также и в полемическом дискурсе с ними авторы и переводчики формируют вид и образ культур. «Настоящая, внутренняя ценность» (intrinsic value) литературного произведения, таким образом, не является — и это можно подтвердить с помощью бесчисленного количества примеров — единственным условием для его международного признания и функционирования в рамках мировой литературы. Последнее есть продукт описательных метатекстуальных видов деятельности переписывания (rewriting).

Несмотря на то, что следующее программное заявление справедливо для всех лиц, задействованных в процессе переписывания (rewriting), его, с учетом конкретного содержания публикации, стоит отнести, прежде всего, к переводчикам:

> “This book deals with those in the middle, the men and women who do not write literature, but rewtite it. It does so because they are, at

[330] В социологии перевода данные факторы изображаются в качестве модели взаимного приписывания капитала (см. раздел 10.1.1. и далее).

> present, responsible for the general reception and survival of works of literature among non-professional readers, who constitute the great majority of readers in our global culture, to at least the same, if not a greater extent than the writers themselves"[331] (Lefevere 1992b: 1).

Среди всех форм переписывания (rewriting) переводу принадлежит ключевая роль, поскольку «рядовой потребитель» перевода не задается вопросом об отношении между переводом и оригиналом, а просто отождествляет перевод и оригинал. И он оказывается полностью сбит с толку (см., прежде всего, Lefevere/Bassnett 1990; Lefevere 1990), когда узнает, что герои, которых он знает благодаря чтению перевода, в оригинале носили другие имена, по-другому одевались и совсем по-другому вели себя, т.е. когда в реальности меж- и транскультурной коммуникации выясняется, что отождествление оригинала и перевода является тем, чем оно в силу социокультурных и языковых условий и должно быть, — фикцией.

Переводчики, будучи творческими участниками оформления предназначенной для целевой культуры реализации литературного произведения, перестают, таким образом, исполнять выбранную ими самими или отведенную им кем-то другим роль статистов. Результат их языко- и культуротворческой деятельности, их (идеологические) интересы, равно как зависимость и давление, которым они подвержены во властной структуре общества, в конечном итоге становятся определяющими для транскультурного дискурса. Переводчики, а не сами авторы, ответственны за образы авторов, а вместе с тем и за образы представляемых ими литератур и культур, которые складываются в других литературах.

Для иллюстрации лефевровской концепции патронажа и переписывания (rewriting) можно привести два показательных примера из сборника «Перевод, история и культура» (Translation, History and Culture) (Bassnett/Lefevere (eds.) 1990). Так, Петр Кухивчак (Kuhiwczak 1990), основываясь на переводах центрально- и восточноевропейских авторов, рассматривает перевод как полити-

[331] Ср. «Эта книга о тех, кто посередине, о мужчинах и женщинах, которые не пишут, а переписывают литературу. Причина этого в том, что в настоящее время они, в конечном счете, несут ответственность в той же самой, если не в большей степени, чем сами авторы, за общее восприятие и выживание литературных произведений среди непрофессиональных читателей, составляющих большинство читателей в нашей глобальной культуре».

ческое и культурное присвоение (апроприацию). Избранные произведения (западно)славянских, прежде всего чешских, авторов хоть и доступны в (английских) переводах элитарной публике на международном литературном рынке, но в общем и целом к ним относятся, как к экзотам из политического зоопарка, и всех без разбора записывают в диссидентскую литературу. Не избежал этой участи и Милан Кундера. Сложная структура повествования и времени в его романе „Der Scherz" («Шутка») была адаптирована в 1969 г. переводчиком и издателем к мнимым вкусам целевой аудитории: действие было упрощено и выстроено в хронологическом порядке, причем вся авторская риторика была опущена. Однако благодаря своей высокой литературной репутации, а также на основании авторских прав М. Кундера в 1970 г. смог добиться второго перевода, который отвечал его литературным притязаниям. Другой пример: антологии чешских, русских и венгерских литератур, появившиеся в начале XIX в., как показывает Владимир Мацура (Macura 1990), были не лишены налета экзотики. Цель антологий, однако, заключалась в том, чтобы с помощью моделирующих культуру переводов проинформировать целевую культуру об исходных литературах (translation as culture). В отличие от этого, провозглашенная цель чешского Возрождения первой половины XIX в. заключалась в доказательстве того, что чехи в состоянии усвоить мировую литературу с помощью переводов на чешский язык (culture as translation), сделать литературный язык более гибким и усовершенствовать систему жанров по аналогии с образцовыми литературами. Перевод при этом понимался не как пассивное подчинение чужому влиянию, а как активный, порою даже агрессивный акт присвоения чужих культурных ценностей, нацеленный на то, чтобы в духе идеологии Возрождения занять равноправные позиции среди «культурных наций».

9.1.2. Конструирование культур

Сборник трудов под названием «Конструирование культур» (Constructing cultures) (Bassnett/Lefevere (eds.) 1998), изданный С. Басснетт, был своего рода посвящением скоропостижно скончавшемуся А. Лефевру. В нем представлены не публиковавшиеся ранее материалы, отражающие состояние дискуссии в Центре из-

учения перевода и сравнительной культурологии в университете г. Уорик. Задуманная как моментальный снимок исследовательского процесса, данная публикация не преследовала задачи дать готовые ответы, а стремилась, прежде всего, проверить возможность реализации новых идей и обсудить ряд проблем. После распада некогда центрального понятия эквивалентности его место занял процесс выторговывания (Aushandeln) специфических отношений между ИТ и ТП, которые в истории перевода можно соотнести с различными моделями. Для европейских культур ключевое значение имели три модели, которые метафорически можно назвать именами трех известных авторитетов донаучного дискурса о переводе, а именно Иеронима, Горация и Ф. Шлейермахера.

Модель Иеронима исходит из наличия центрального священного текста, который необходимо предельно точно воспроизвести. Идеальной формой перевода в данной модели является подстрочный перевод. Перевод фокусируется лишь на лингвистическом уровне. Строгое требование эквивалентности оказывается достижимым, однако, лишь ценой непонятных текстов и порождает нескончаемый спор о том, насколько верной должна быть точность. Кроме того, упрощенное сведение перевода к лингвистическому уровню создает представление о том, что перевод является простым процессом, что им может овладеть каждый, кто мало-мальски понимает язык и умеет пользоваться словарем. Данная упрощенная модель перевода отрицательно отражается и на имидже переводчика. Невыполнимость требования эквивалентности является причиной «постоянного чувства вины» переводчика из-за того, что он не в состоянии справиться со своей задачей. В противоположность данной модели пришло осознание того, что невозможно только строго ориентироваться на слово или текст и что необязательно осуществлять свою деятельность в общественном вакууме, а необходимо также учитывать контекст истории и культуры.

Требование римского поэта Горация о “fidus interpres”, т.е. о верном переводчике, часто понималось неверно, поскольку в европейской истории культуры на нее накладывалась более влиятельная модель Иеронима. Гораций же под “fidus interpres” имел в виду переводчика, которому можно доверять, поскольку тот выполняет свою задачу для удовлетворения участвующих сторон. Поэтому модель

Горация исходит из того, что переводчик может выполнить свою задачу, лишь осуществляя свою деятельность и ведя переговоры между двумя клиентами, заказчиком и адресатом, и между двумя языками. Концепция выторговывания (Aushandeln) при этом находится в явном противоречии с тем видом верности, которая традиционно связывалась с постулатом эквивалентности. Предмет данного договора составляет, прежде всего, вопрос о том, какие типы текстов требуют каких переводческих стратегий, а также какие исторически и ситуативно обусловленные ожидания и какие текстовые модели следует принимать во внимание.

Модель Ф. Шлейермахера касается, прежде всего, текстов, представляющих «культурный капитал» некоторого общества, т.е. текстов, которые необходимо знать, чтобы получить признание со стороны образованных членов данного общества. Именно в данной сфере переводчики в состоянии способствовать процессу конструирования культур. Они совершают это, когда договариваются, какие тексты будут участвовать в обмене между культурами, и разрабатывают стратегии, с помощью которых тексты из одной культуры могут проникнуть в сеть текстов и понятий другой культуры (Ibid.: 7). Простейшей формой договора служит аналогия. В случае аналогии исходная культура ориентируется на целевую культуру, вследствие чего тексты переводов подчиняются механизмам стандартизации языка перевода. Модель Ф. Шлейермахера, наоборот, направлена на то, чтобы развернуть целевую культуру к исходной культуре, позволить увидеть в ТП чужое и дать читателю почувствовать данную чуждость. Выбираемый для этого метод — это так называемый чужеродный перевод.

Перевод как процесс аккультурации совершается, однако, не только между культурами, но и внутри культур. Культурный капитал постоянно заново переписывается и адаптируется к предполагаемому горизонту понимания целевой аудитории. Большинство носителей той или иной культуры никогда в своей жизни не читали большую часть оригиналов, будь они из чужой или из своей культуры. Зачастую у них нет иного выбора, кроме как довольствоваться переписанным (rewritings). Вряд ли кто-то читал в оригинале «Математические начала натуральной философии» И. Ньютона. Все, что в отдельных культурах знают о физике И. Ньютона, изложено в

учебниках по физике и сжато до нескольких формул. Точно также лишь немногие любители литературы читали «Гордость и предубеждение» в оригинале. Остальные знают о романе Джейн Остен на основании переписываний (rewritings) в книгах по истории литературы и учебниках, а то и вовсе из экранизаций. Из этого следует:

> “The more the socialization process depends on rewritings, the more the image of one culture is constructed for another by translations”[332] (Bassnett/Lefevere (eds.) 1998: 10).

Если соотнести модель Горация с моделью Ф. Шлейермахера, то это позволит поставить фундаментальные вопросы, касающиеся перевода, а именно вопросы о престиже и об относительной власти взаимодействующих культур. С этим связаны и вопросы о доминировании, подчинении и сопротивлении (Ibid.: 8). Отдельные статьи из рассматриваемого сборника служат в качестве иллюстрации данного ключевого тезиса. Так, Лефевр сравнивает европейские и китайские концепции перевода и приходит к заключению, что факторы, определяющие дефиниции перевода в отдельных культурах, хоть и не зависят от языков, но являются в значительной степени культурно-специфичными (Ibid.: 24). С. Басснетт с помощью нескольких необычных примеров указывает на размытость границ между переводом и оригиналом. В Средние века вопрос о соотношении перевода и оригинала вообще не мог возникнуть, поскольку понятие оригинала было разработано лишь в эпоху Просвещения. Средневековые авторы не обременяли себя этим вопросом, а вставляли, не раздумывая, имеющиеся в их распоряжении тексты в свой собственный текст. Равно и в случае псевдо- и автопереводов данный вопрос был нецелесообразен, в то время как переводы фиктивных или реальных диалогов в описаниях путешествий служили для усиления правдоподобия авторского рассказа. Это в конечном итоге подводит С. Басснетт к новой дефиниции перевода, в центре которой находится договоренность между автором и читателем об использовании специфических практик организации текста: [333]

[332] Ср. «Чем сильнее зависимость процесса социализации от переписывания (rewritings), тем больше образ одной культуры в глазах другой конструируется посредством переводов».

[333] Ср. в связи с этим размышления И. Левого о соглашении между автором и читателем как основы для иллюзионистского перевода (см. выше раздел 7.2.5).

"It is probably more helpful to think of translation not so much as a category in its own right, but rather as a set of textual practices with which the writer and reader collude" [334] (Bassnett 1998: 39).

На основании данного широкого понятия перевода С. Басснетт поднимает в заключительной главе вопрос о соотношении между переводоведением и культурологией. Там она приводит сжатый обзор развития и точек соприкосновения обоих междисциплинарных научных направлений — переводоведения (translation studies) и культурологии (cultural studies) — и требует осуществления «переводоведческого поворота» (translation turn) в культурологических исследованиях. Обе дисциплины имеют дело с манипулятивным характером процесса создания текстов и с сетью властных отношений, в которых порождается смысл (Ibid.: 136). Обе дисциплины созрели, отошли от своих первоначальных, явно европоцентристских концепций и вступили в интернациональную фазу, чтобы с помощью усовершенствованных методов изучить отношения между глобальным и локальным (Ibid.: 138).

То, что здесь изображено в качестве замкнутой системы, на самом деле является системой неустойчивой (что особенно заметно в работах А. Лефевра), содержащей многочисленные оговорки и отступления. Его эссеистический стиль, а также его фрагментарно-скачкообразная, но неизменно творческая манера мышления позволяли ему формулировать свои тезисы как сверкающий фейерверк метких замечаний, как остроумные, провокационные и готовые для цитирования высказывания и иллюстрировать их наглядными (иногда задетыми лишь вскользь) конкретными примерами. Ранняя смерть трагически оборвала его творческий поиск.

9.2. Перспективы и вызовы

В своей статье для сборника «Перевод, история и культура» (Translation, History and Culture) Мария Тымочко (Tymoczko 1990) на примере древнеирландской литературы рассматривает вопрос о проблеме перевода устной традиции в бесписьменных культу-

[334] Ср. «Куда предпочтительнее, вероятно, считать перевод не столько самостоятельной категорией, сколько набором текстовых практик, о которых договорились писатель и читатель».

рах. Вначале она описывает один случай, произошедший с этнографом Лорой Боханнан, которую группа старейшин в Западной Африке попросила рассказать какую-либо историю, передаваемую из поколения в поколение в ее стране с давних времен. Она решила пересказать «Гамлета» У. Шекспира, поскольку предположила, что история принца датского затрагивает общие человеческие чувства и является «универсально понятной». Чтобы сократить культурную дистанцию, она попыталась еще и адаптировать реалии к условиям целевой культуры. Однако она была удивлена, обнаружив, что оценки персонажей, их мотивов и поступков оказались практически диаметрально противоположными оценкам, принятым в европейских культурах. Когда слушавшая ее аудитория пересказывала затем дальше данную историю, то ход действия, персонажи и оценки были полностью изменены и подогнаны под мифические представления, системы ценностей и стратегии повествования аудитории. В культурах, где принята устная передача информации, процесс адаптации понятий, ценностей, обычаев, мотиваций и предметов материальной культуры, а также сюжетов и риторических фигур является само собой разумеющимся (Ibid.: 40). Однако тот факт, что в большинстве культур до наступления Нового времени господствовала устная традиция (что справедливо также и для значительной части современных культур), часто игнорируется (Ibid.: 53). Оказалось, что концепция эквивалентного или же дословного перевода характерна, скорее, для письменных культур и свойственной им ориентации на слово и текст. В условиях же устной традиции исходные тексты разбиваются на такие единицы, которые можно адаптировать к целевой культуре. Они «натурализуются», т.е. адаптируются к поэтике и идеологии принимающей литературы. Лишь в адаптированной и подвергнутой рефракции форме они становятся пригодными для запоминания и передачи из поколения в поколение. Тем самым М. Тымочко затрагивает две важные темы, выдвинувшиеся на авансцену в англо-американском переводоведении 1990-х гг.: тему репрезентации чужих культур посредством перевода и тему соперничества властей при конструирования знаний и смыслов во взаимодействии господствующих и подчиненных культур. Появление данной темы было обусловлено крушением великих колониальных держав.

9.2.1. Постколониальный дискурс

В статье М. Тымочко постколониальный контекст затрагивается лишь между строк и в истории, описанной во вступлении. Вторая статья из названного сборника, отсылающая к постколониализму, принадлежит перу индийской исследовательницы Махасветы Сенгупты (1990). На примере восприятия поэзии лауреата Нобелевской премии Рабиндраната Тагора она показывает механизмы, действующие при переводе авторов из колониальных культур. Р. Тагор, относившийся в своей исходной бенгальской культуре к литературному авангарду, был воспринят на Западе как восточный святой или пророк, который направил сотрясаемой кризисом материалистической Европе накануне Первой мировой войны послание о мире и восточной духовности (Ibid.: 60). Запад был готов признать Р. Тагора как поэта по двум причинам: поскольку считал его мистиком и религиозным пророком, а также личностью, которая преследует цель христианских миссионеров, заключающуюся в освобождении «отсталого» населения своей страны из-под ига традиции. Однако ирония данной истории заключается в том, что Р. Тагор в своих стихотворениях, написанных на английском языке, сам попал под действие данного стереотипа и адаптировал свои стихотворения в соответствии с господствующей поэтикой английской метрополии и расхожим стереотипом о восточной склонности к мистицизму.

Статьи М. Тымочко и М. Сенгупты указывают на две главные задачи постколониального переводоведения: показать, как перевод может служить целям открытого или скрытого контроля колонизированных культур и раскрыть, как политическое и культурное неравенство вписывается в тексты переводов и как этот процесс продолжается и после крушения колониализма. Третье направление данного дискурса проистекает из выводов, полученных при решении данных задач, и имеет явный (переводческо-)политический характер. Оно касается вопроса о возможных стратегиях, с помощью которых перевод мог быть использован в качестве средства (духовной) деколонизации (см. Robinson 1997a: 31).

Начало дискуссии о постколониализме (см. do Mar Castro Varela/Dhawan 2005) положил Эдвард Саид. В 1978 г. в своей работе «Ориентализм» (см. Said 1978/1991) Э. Саид с опорой на теорию дис-

курса М. Фуко попытался показать, как посредством избирательного изображения специалистами по Востоку, считавшимися на Западе признанными авторитетами, конструировался образ «Востока» как Другого по отношению к Европе. Одновременно данный дискурс служил делу упрочения — узаконивания европейского господства. Американская исследовательница бенгальского происхождения Гаятри Чакраворти Спивак, которая была также и практикующим переводчиком, воспользовалась методами деконструкции, чтобы в работе «Другие миры» (The Other Worlds) (Spivak 1987) установить противоречия в (пост)колониализме[335]. Ее критика направлена не только против противоречий и эксплуатации, вызванных действиями колонизаторов, но и против антиколониального освободительного движения в Индии и его националистско-буржуазно-маскулинных аспектов. Она отмежевывается от Э. Саида, упрекая его в эссенциалистском бинарном мышлении и в содействии утверждению оппозиции «Европа и остальной мир». Третьей ключевой фигурой в постколониальном дискурсе является Хоми К. Баба (Homi K. Bhabha). В его многочисленных сочинениях, объединенных позднее в сборник «Местонахождение культуры» (The Location of Culture) (Bhabha 2000), в центре внимания находятся формы репрезентации культурного различия, а также понятия гибридности и третьего пространства (см. Wolf 2000). Х.К. Баба полагает, что колониальный дискурс имеет противоречивую структуру и никогда не бывает стабильным и законченным. Односторонние, асимметричные отношения переходят в амбивалентные, в различной степени гибридные отношения, которые постоянно смешиваются друг с другом и пронизывают друг друга.

Данная фоновая информация о развитии культурологии позволяет проследить путь развития переводоведения с момента публикации сборника С. Басснетт и А. Лефевра (Bassnett/Lefevre 1990). Год спустя Эрик Хейфиц (Cheyfitz 1991), занимавшийся литературами коренного населения США, опубликовал работу «Поэтика империализма» (Poetics of Imperialism). В ней он попытался — исходя из этимологического развития латинского слова translatio и английско-

[335] Многократно переиздававшийся и пользующийся популярностью у читателей перевод «Грамматологии» (Derrida 1976), выполненный Г.Ч. Спивак, в значительной степени способствовал развитию деконструкции в США.

го translation — определить перевод в широком смысле как метафору, т.е. как пере-нос своих значений в чужие социоисторические контексты, как пере-вод, т.е. как передвижение из одного места в другое и как материальное присвоение. Перевод, по мнению исследователя, позволяет колониальной державе придать эстетически приятный вид всей сложности языковых и культурных различий, отношениям подчиненности и превосходства, а также феномену наделенного властью центра и лишенной власти периферии и трактовать все это как историческое движение от примитивного к цивилизованному. На примере двоякого перевода понятия «собственность» Э. Хейфиц (Cheyfitz 1991: 10f.) показывает, как за счет подкладывания английских правовых понятий не только осуществляется, но и получает идеологическое обоснование экспроприация коренного населения.

Теясвини Нираньяна воспользовалась в работе «Позиционирование перевода» (Siting translation) (Niranjana 1992) методом деконструкции, чтобы показать, как с помощью традиционного понятия перевода английской метрополии в Индии удалось посредством серии переводов литературных и юридических текстов сформировать образ индийцев как экзотических Других. Тем самым этими Другими стало легче манипулировать и использовать их в корыстных целях. Ученые, миссионеры и чиновники переводили юридические тексты и литературу колонизированного народа, чтобы расширить границы империи. С помощью перевода в данные тексты вписывались идеалы и иерархии ценностей колониальной гегемонии, которые одновременно с этим изображались как ценности и смыслы, порожденные индийской культурой. Посредством идеализации и мистификации собственной гегемониальной роли вырабатывались стратегии для оправдания и конструировались стереотипы, отражавшие в первую очередь ожидания и интересы колонизаторов. Так, например, британский востоковед Уильям Джонс (William Jones) в своих переводах индийских юридических текстов стремился к тому, чтобы «очистить» их и привести в соответствие с понятиями и потребностями колонизаторов. Под предлогом того, что речь в данном случае идет о собственной правовой системе населения Индии, данные тексты подсовывались колонизированному населению и определяли их самосознание. Тем самым

обеспечивалось постоянное присутствие империи в духовной сфере колонизированного населения.

Висенте Рафаэль (Rafael 1993/1996) рассматривал в своей работе «Договор с колониализмом» (Contracting Colonialism) колонизацию Филиппин как процесс обращения в другую веру, перевода и завоевания в духе испанской конкисты. Цель испанских колонизаторов заключалась в том, чтобы завоевать не только тела, но и души коренного населения. Испанские миссионеры кодифицировали язык тагалов, тагалог, с помощью латинского алфавита и адаптировали его к испанскому языку. Проповедование слова Божьего осуществлялось в рамках четкой языковой иерархии: латинский — испанский — тагалог, причем центральные понятия христианского учения оставались непереведенными на местный язык, находившийся на низшей ступени в данной иерархии. Наряду с этим перевод использовался в качестве средства разграничения между социально желательным и нежелательным, легитимным и нелегитимным, этичным и неэтичным. Нежесткие, основывающиеся на признании и уважении социальные иерархии местного населения слились с более жесткими категориями работы и колониальных привилегий. Нормы социального поведения, которые основывались на привязанности и авторитете, переплелись с категориями греха и наказания, дара и благодарности. Так же как и Т. Ниранъяна, В. Рафаэль показал стратегии, с помощью которых образ местного населения (natives) формировался сообразно с духом и интересами колонизаторов.

Конструктивный подход В. Рафаэля сознательно избегает черно-белого изображения процесса колонизации. В переходе от колониализма к постколониальной игре за власть он видит процесс становления филиппинской нации как амбивалентного исполнения обещаний чужого (Rafael 2005), при котором перевод играл центральную роль. Последний понимается как двусторонний процесс присвоения и замены чужого, при котором вместе с тем не упускается из внимания чуждость чужого (Ibid.: xvii). Рафаэль пытается показать, что процесс колонизации не всегда протекал в соответствии с намерениями колонизаторов, а сталкивался с более или менее неконтролируемыми реакциями и с сопротивлением колонизируемых. Ввиду непредсказуемости действия перевода, его

результат оказывался чем-то новым, гибридным, отличающимся как от доколониальной культуры колонизируемых, так и от культуры колонизаторов. Столкнувшись с шоком колонизации, тагалы, насколько смогли, ассимилировали испанские модели. Однако они постоянно озадачивали миссионеров, допуская существенные ошибки. Например, когда во время чуждой им тайной исповеди признавались не в своих грехах, а рассказывали о чужих прегрешениях.

Перевод для В. Рафаэля — это среда культурного выживания, располагающаяся между адаптацией и сопротивлением, где выживание находит свое выражение в игровом обращении с чужими текстами и в их намеренно-творческих переводах-переиначиваниях (creative mistranslation). По аналогии с этим он видит в творческих переводах-переиначиваниях возможную переводческую стратегию деколонизации. Рафаэль иллюстрирует (1993: 8) эту мысль на примере отрывка из романа «Не прикасайся ко мне» (Noli me tangere) национального филиппинского писателя Хосе Рисаля. Х. Рисаль изображает в этом романе напыщенную, вычурную проповедь, которую брат Дамасо обращает к христианской общине, состоящей из тагалов и представителей колониальной администрации. Тагалы, основываясь на жестикуляции проповедника и нескольких понятных им именах, практически хаотично конструируют историю. Данная история не противоречит явно тексту проповеди, которая читалась на испанском языке, но и не соответствует колониальному порядку, представителем которого выступает священник.

Пример (52): Творческий перевод-переиначивание

«Блеск и сияние источает алтарь, ... и да подхватит ветер святое и божественное слово, сошедшее с уст моих! Внемлите же ушами душ и сердец ваших, дабы слова господа не упали на каменистую почву ..., но да и произрастут они и принесут плоды, как священное семя в вертограде славного отца нашего святого Франциска! Слушайте, великие грешники ..., глядите с почтительным раскаянием на того, кто спасает души от плена диавольского, глядите на этого бесстрашного Гедеона, храброго Давида, победоносного Роланда христианского воинства, на этого небесного жандарма, более отважного, чем все земные жандармы прошлого и будущего! (Тут альферес нахмурил брови.) Да, сеньор альферес, более храброго и могущественного, ибо, не имея другого оружия, кроме деревянного креста, он бесстрашно побеждает вечного тулисана тьмы и всех прихвостней Люцифера и уничтожил бы всех их навсегда, если бы духи не были бессмертны! Это чудо божественного

творения ..., наш благословенный Диего из Алькала, который ... всего лишь простой солдат, рядовой нашей могучей рати, которой командует с небес блаженный отец наш святой Франциск ... .

Неотесанные индейцы ... уловили из этой части лишь слова: «жандарм», «тулисан», «святой Диего» и «святой Франциск», а заметив насупленное лицо альфереса и воинственные жесты проповедника, заключили, что отец Дамасо порицал офицера за то, что тот не выловил тулисанов. Очевидно, думали они, это поручат сделать святому Диего и святому Франциску, и правильно поступят, как то подтверждает картина в манильском монастыре, изображающая святого Франциска, который одним лишь вервием сдерживает нашествие китайцев ... . Набожные прихожане очень обрадовались и возблагодарили бога за подобную помощь, не сомневаясь в том, что, когда исчезнут тулисаны, святой Франциск истребит также и жандармов»[336] (Rizal 1987: 210ff.).

Несмотря на то что в данном литературном тексте коммуникативная ситуация преувеличена, все подчиненные народы — как метко замечает Дуглас Робинсон (Robinson 1997a: 1995) — пользовались похожими переводческими стратегиями. Благодаря этому, т.е. приписывая текстам, порожденным чужой властью, свой собственный смысл, они нашли не только средство сопротивления, но и средство культурной репрезентации и социальной практики. Тем самым они стремились сохранить определенную групповую солидарность и целостность.

В поисках адекватных переводческих стратегий деколонизации переводчик и исследователь должны, по мнению Т. Нираньяны (Niranjana 1992: 166ff.), сохранять критическую дистанцию по отношению к дискурсам постколониальных национализмов и нативизмов. В процессе конструирования постколониальных национальных культур созданные колонизаторами мифы о девственности, эмоциональности и первозданности подверглись лишь противоположному истолкованию. Так, приписываемая индийцам склонность к мистицизму и иррациональности в национальных дискурсах трактовалась не как выражение их невежества и примитивности, а наделялась в интересах новых элит знаком «плюс» и объявлялась конститутивным признаком их идентичности. Новый миф об истинной сущности и славном доколониальном прошлом служит лишь тому, чтобы подавить различие, гетерогенность и гибридность постколониального

[336] Цит. по: *Рисаль Х.* Не прикасайся ко мне. Пер. с исп. М. Былинкиной. — М.: Государственное изд-во художественной литературы, 1963. — 462 с.

субъекта. Поэтому в критическом постколониальном дискурсе необходимо разработать понятие перевода, который бы как раз учитывал данную противоречивую идентичность (Ibid.: 168). В силу данного обстоятельства она рекомендует критически прочесть существующие колониальные историографии и перевести их заново. Такой перепеэревод (re-translation) следует по определению признать единым целым в духе деконструкции и эссе В. Беньямина «Задача переводчика» (см. выше раздел 8.3.2).

Особое положение в отношении радикальности сопротивления занимает бразильская теория перевода, с которой немецкое переводоведение познакомилось благодаря сборнику Михаэлы Вольф (Wolf (ed.) 1997). Бразильская концепция восходит к социально-критическому и культурно-революционному движению антропофагии, начало которому в 1928 г. положил Освальд де Андраде. В качестве ответной реакции на европейское культурное доминирование данное движение иронически переосмыслило стереотип дикарей-людоедов и использовало его в качестве метафоры процесса перевода. Сторонники данного движения призывали «проглатывать» оригиналы и в качестве компенсации прибегать к наивности, дикости, неконтролируемому «тропическому буйству» и поэзии. Двое наиболее известных представителей конкретной поэзии, братья Аугусто и Арольдо де Кампос, в 1970-е гг. пытались применить поэтическую практику конкретистов, игру со словами, с интертекстуальными и интерсемиотическими ссылками к практике перевода. Иерархия между оригиналом и переводом была разрушена, а автор и переводчик приобрели равный статус. Перевод «Фауста», выполненный Арольдо де Кампосом, может служить тому примером. Он носит название «Бог и дьявол в “Фаусте” Гёте» (Deus e o Diablo no Fausto da Goethe) и тем самым не только указывает на самостоятельность данной обработки, но и устанавливает интертекстуальные ссылки внутри бразильской культуры.

Постколониальное переводоведение, представленное здесь на основе нескольких классических работ, вскоре подверглось расширению и включило и европейский контекст. В своей монографии «Перевод в постколониальном контексте» (Translation in a Postcolonial Context) М. Тымочко (Tymoczko 1999) изобразила историю ирландской литературы как литературы «первой английской

колонии» и как результат борьбы доминирующей и подчиненной культур. Тем самым был создан прецедент для использования постколониальной теории применительно и к внутриевропейским культурным отношениям.

Исследование культурного трансфера, которое также было посвящено данной теме, ориентировалось в большей степени на французское направление постколониальной теории, к важнейшим представителям которого относятся Лорье Тюржон, Серж Грузински, Алексис Нусс, Жан-Лу Амсель и Эдуард Глиссан[337]. К понятию «гибридность» добавились понятия «метисация» (métissage) и «креольность» (créolité). Оба являются метафорами постмодернистского мира с его мультиэтническими и мультикультурными метрополиями и их сетями информационного обмена. Смешение еще больше усиливается благодаря миграции между и внутри национальных государств (см. Mitterbauer 2003; Vorderobermeier/Wolf (eds.) 2008). Смешение происходит как на транснациональном, так и на национальном и индивидуальном уровнях, вследствие чего отграничение лишенных границ культурных пространств становится вряд ли возможным.

В дискурсе, касающемся изучения культурного трансфера, переводоведение лишь постепенно смогло привлечь к себе внимание. Прошло немало времени, прежде чем переводоведение начало применять выработанные в постколониальном дискурсе подходы к европейскому контексту, хотя размышления М. Тымочко и восходят к раннему этапу. Если выявить механизмы власти, определяющие культурный обмен между культурами, то данная теория окажется применимой также и к отношениям между Римом и Грецией, Россией и Прибалтикой, Австрией и ее окраинами (Feichtinger et al. (eds.) 2003, Mitterbauer/Balogh (eds.) 2006). Границы колониального статуса, как показала М. Тымочко на примере Ирландии, исторически нечеткие. В Европе отыщется лишь немного культур, которые в тот или иной период своей истории не были бы или не являлись в настоящий момент колониями некоторой чужой власти. Наоборот, большинство из них, прежде всего, центрально-европейские культуры, имели на протяжении большего периода своей истории статус

[337] Ср., например, точки зрения, представленные в работах (Celestini/Mitterbauer (eds.) 2003), (Kokorz/Mitterbauer (eds.) 2004), (Mitterbauer/Scherke (eds.) 2005), (Mitterbauer/Balogh (eds.) 2006).

колонии. Их культурное развитие, а также их национальная реакция и националистская сверхреакция отмечены схожей асимметрией власти, которая наблюдается и в классических колониальных странах[338]. Данная неизученная проблема затрагивалась в отдельных исследованиях, а также была рассмотрена с переводоведческой точки зрения в докторской диссертации М. Вольф «Многоязычная душа Какании[339]» (Die vielsprachige Seele Kakaniens) (Wolf 2005c, опубликована в 2012 г.). На основании метафорического понятия перевода и с позиций культурологии Вольф изучает поликультурное пространство монархии Габсбургов на предмет процессов трансфера и конструирования (см. также Wolf 2001, 2003c). На основе обширного эмпирического материала она показывает, «что перевод в своих различных проявлениях в существенной мере» способствовал «образованию многонационального государства с его поликультурной структурой» (Ibid.: 12) и созданию национальной идентичности. В целях систематического описания всего мультилингвального коммуникативного процесса в данном многонациональном государстве Вольф предлагает различать поликультурную коммуникацию и поликультурный перевод. Под поликультурной коммуникацией

> «понимаются те техники общения, в которых дву- или многоязычность внутри монархии выступала предпосылкой для повседневного общения, и для осуществления данной коммуникации, как правило, не требовалось посреднической инстанции» (Ibid.: 120).

К поликультурному переводу

> «причисляются все те формы перевода между языками монархии ..., предпосылкой для осуществления которых является акт посредничества, и в большинстве случаев наличествует ориентация на некоторый текст» (Ibid.: 121).

В качестве косвенного признака колониального самосознания ведущих общественных слоев стоит рассматривать полученный в ходе исследования вывод о том, что

[338] Ср. с точками зрения, изложенными в работе (Bogner/Brandtner (eds.) 1999) и представленными в трудах Ш. Симонека (Simonek 2002), Г. Хебенштрайта и М. Вольф (Hebenstreit/Wolf 2001), М. Вольф (Wolf 2005a, b, e), Э. Прунча (Prunč 2005a, 2007).

[339] «Какания», или «К. и К.», или «Королевско-Кайзерская» — варианты ироничного названия несуществующего государства, придуманного Робертом Музилем в романе «Человек без свойств» (1921–1942). (*Примеч. ред.*)

«институционализация деятельности письменных и устных переводчиков не достигла той степени, которой следовало бы ожидать от гигантского управленческого аппарата монархии» (Ibid.: 179).

Развитие данного направления в переводоведении можно обобщить следующим образом: за полтора десятилетия, прошедших со времени опубликования статьи М. Тымочко, рассмотренной нами в начале раздела, властный поворот (power turn) в переводоведении приобрел конкретные очертания. Красной нитью через все работы проходит осознание того, что перевод как средство репрезентации Чужого и конструирования знания совершается не в вакууме, а размещается по границам конфликтов и конвергенций властных интересов. Утвердившийся в отдельных культурах стандарт беспристрастности перевода в свете данных положений становится все более и более сомнительным.

Это позволяет сформулировать два заключения:

- ввиду наличия соперничающих властей, сущностным признаком перевода как культурного процесса является пристрастность (см. Tymoczko/Gentzler 2002: XXI). М. Гэддис Роуз (Gaddis Rose 1995: 7) сформулировала данное положение в виде меткого выражения: «Перевод никогда не бывает безгрешным»[340] (Translation is never innocent). Что, напротив, означает, что предписываемая в европейских культурах норма объективности и беспристрастности переводчика является всего лишь попыткой скрыть соперничество властей между культурами.

Поскольку перевод per se пристрастен, то — как будет показано в двух последующих главах — правомерно использовать его в собственных политических и культурных интересах. Этическая ценность такой переводческой деятельности определяется не самим фактом манипуляции, а целью, которой служит данная манипуляция.

9.2.2. Феминистский дискурс

Второй круг тем, хотя еще и относительно слабо представленный в сборнике 1990 г., но шедший рука об руку с культурным поворотом

[340] В этом выражении присутствует тонкая игра слов, благодаря многозначности слова “innocent” — безгреховный, девственный; невинный; невиновный. (*Примеч. ред.*)

и частично переплетавшийся с постколониальным дискурсом, представлен феминистским переводоведением. Данная проблематика просматривается в статьях Шерри Симон и Барбары Годар. Ш. Симон (Simon 1990) уже в названии своей статьи о переводческой практике в Канаде «Перевести волю к знанию» (Translating the will to knowledge) показывает направление, по которому движется феминистское переводоведение и феминистский перевод — анализ гендерно-специфического конструирования знаний и смысла, изучение методов овнешнения и сокрытия женского, а также демонстрация вклада, внесенного и вносимого женщинами с помощью их текстов и переводов в конструирование знаний и идентичностей. Свою аргументацию Ш. Симон строит на основании изучения роли предисловий при помещении переведенных текстов в новые социокультурные контексты. Переводческая практика в Канаде концентрировалась в первую очередь на своей посреднической роли. Переводчики пытались предложить аутентичную репрезентацию переводимой литературы и сообщить сведения о ней. Однако касательно вопроса о том, каким образом должна реализовываться через перевод «воля к знанию», согласованной точки зрения не было (Ibid.: 115). Лишь недавно в феминистском переводе начали разрушать данные рамки, подвергать рассмотрению сам акт перевода и создавать совместные англо-французские проекты, цель которых заключается в новаторской трансформации текстов.

Б. Годар (Godard 1990) затрагивает непосредственно проблематику феминистского перевода. Переводы французских феминисток с их игровым разрушением господствующих дискурсов (Ibid.: 87) поставили перед переводчицами новые проблемы. Критическая трансформация дискурса мужского доминирования, преодоление замалчивания и элиминации женщин посредством языка, стремление вырвать из тишины и дать зазвучать в текстах женским голосам находились в центре внимания как феминистского дискурса, так и феминистского перевода. Феминистский дискурс по своей сути является эмансипаторским, а, следовательно, и политическим дискурсом. Это двоякий дискурс, включающий отзвуки и Своего, и Других, а также ориентирующийся на альтеральность (другость), т.е. на способность заменять свою собственную перспективу перспективами Других. Он отличается своим полиморфизмом и

диалогичностью и стремится таким образом подорвать монологичность господствующих дискурсов. При таком понимании феминистский дискурс также является переводом в широком смысле. При последовательном продолжении данных стратегий перевод и в узком смысле следует понимать не просто как репродукцию, а как создание смысла. Его задача заключается в том, чтобы с помощью данного дискурса выявить место эксплуатации женщин и отклонить претензии на единственную, установленную мужчинами истину (Ibid.: 90). Данное место должен занять полиморфизм, который включает в себя также и Другое. Перевод как активная форма бесконечного нового прочтения (re-reading) и нового написания (re-writing) признается в манипулировании текстом и открыто выставляет напоказ признаки данной манипуляции. Его цель заключается не в миметическом отражении ИТ, не в сохранении тождественности ИТ и ТП, а в акцентировании критического различия между ними. В духе womanhandling[341] переводчицы уверенно и в радикальной форме подвергли сомнению такой процесс приписывания смысла, в котором доминируют мужчины, и вторглись в процесс перманентного создания смысла путем переноса в новые контексты.

Обе статьи являются своего рода сиюминутными снимками, запечатлевшими начало феминистского переводоведения[342]. Они обращаются к тезисам феминистского движения, которое впервые заявило о себе в 1960-е гг. в Западной Европе и Северной Америке в качестве протестного движения. Ядро их теории представляет различение биологического (sex) и социально сконструированного пола (gender). Согласно Симоне де Бовуар, женщиной не рождаются, а становятся ею лишь в процессе социализации (Flotow 1997b: 5). Причем важным средством социализации выступает язык, в котором словно окаменели отношения мужского доминирования.

[341] Термин womanhandling, предложенный Б. Годар, используется в феминистском переводоведении для обозначения специфического стиля работы феминистского переводчика, заключающегося в том, что он не должен скрывать своего присутствия в тексте, а наоборот, должен активно вмешиваться в текст оригинала, чтобы сделать явным в тексте перевода женскую перспективу. (*Примеч. перев.*)

[342] См. точки зрения Л. фон Флотов (Flotow 1997a, b), а также Н. Грбич и М. Вольф (Grbić/Wolf 1999). Предпринятый в рамках систематического документирования литературы в Институте переводоведения г. Грац библиометрический анализ литературы о феминистском переводоведении, изданной до 1999 г., описан в работе С. Месснер и М. Вольф (Messner/Wolf 2000: 13–33).

Женщины — так звучит основной тезис феминистского переводоведения — в обществе, для которого характерно доминирование мужчин, были лишены своего голоса в языке и текстах. Поэтому задача феминистского письма в общем и феминистского перевода и переводоведения в частности заключается в том, чтобы снова сделать женщин заметными. Отчуждение женщины происходит через язык, поскольку свойственный им физический и психический опыт находится в противоречии с языком. Поэтому язык, с точки зрения феминистской критики, должен подвергнуться изменению (см. Trömel-Plötz 1991). Радикальная форма данной критики требует даже вторжения в его структуры, поскольку, как утверждает Л. Иригарей, если мы будем говорить на том же самом языке, мы будем воспроизводить ту же самую историю, в которой доминируют мужчины (Flotow 1997b: 10f.). Феминистский перевод, согласно Франсуазе Массардье-Кенни (Massardier-Kenny 1997), не изобретает никаких новых переводческих стратегий, а адаптирует уже существующие приемы. Предлагаемые решения (см. Flotow 1991) начинаются экстенсивным использованием эксплицирующих переводческих стратегий, включают (как было описано выше со ссылкой на Ш. Симон) сноски, комментарии, предисловия и послесловия и завершаются непосредственным вмешательством переводчиц в текст (hijacking)[343]. Благодаря этому, в текст вписывается специфический исторический, психический и физический опыт и взгляды женщин[344]. Излюбленными средствами при этом служат словотворчество (например, her-story vs. his-story[345]), новые грамматические конструкции, использование омофонии и омографии, создание многозначности посредством графического остранения словоформ, игры слов и метафоры, с помощью которых вскрывается аспект языка и текста, касающийся конструирования идентичности.

---

[343] См. в данной связи критику, изложенную в работе Ф. Массардье-Кенни (Massardier-Kenny 1997).

[344] С. де Лотбиньер-харвуд (Lotbinière-Harwood 1991: 173) формулирует это следующим образом: « donner raison à notre expérience de corps, de coeur et de pensée ».

[345] Хрестоматийная для феминизма игра словом “history” (история), в котором первый слог трактуется как личное местоимение «его» (his), а вторая половина слова — как единица «рассказ» (story), в результате чего слово получает значение «его рассказ, его история», которому противопоставляется неологизм “her-story” (ее рассказ, ее история). (*Примеч. ред.*)

Показательный в данном отношении пример предлагает экспериментальная проза из билингвального Квебека, на которую ссылались Ш. Симон и Б. Годар в своих вышеназванных статьях. Так, Николь Броссар попыталась в своей экспериментальной работе « L'Amèr, ou le chapitre effrité » с помощью неологизма amèr сослаться одновременно на французские слова mère (мать), mer (море) и amer (горький), чтобы таким образом описать свой горький и отравляющий жизнь опыт материнства (см. Flotow 1997b: 15). Одна из ключевых фигур феминистской переводческой практики, Сюзанн де Лотбиньер-Харвуд (Lotbinière-Harwood 1991), высказывается в работе под примечательным названием « Re-Belle et infidèle » в защиту переводческих стратегий, благодаря которым отменяется верность автору, а вместо этого объявляется верность проекту, имеющему целью озвучить, сделать заметной женскую перспективу.

Согласно Ш. Симон (Simon 1996), переводчицы должны в качестве «литературных активисток» проникать в процесс культурного посредничества. Сьюзен Джилл Ливайн (Levine 1991) воспользовалась своим переводом романа «Три тоскливых тигра» (Tres tristes tigres) кубинского писателя Гильермо Кабрера Инфанте, чтобы в работе под названием «Подрывной переписчик» (The Subversive Scribe) постулировать подрывную деятельность против оригинала. Она изображает, по ее собственному выражению, историю создания своего перевода с «иронической улыбкой» на губах (Ibid.: 167). Она также признает, что позволила себе некоторую свободу, в результате чего ее перевод получился на 40 страниц длиннее оригинала. С. Джилл Ливайн понимает перевод как реализацию потенциала, содержащегося в оригинале. Поэтому она, с одной стороны, добавляла в текст перевода шутки, орнаментальность и "fulfillments"[346] (Ibid.: 25), чтобы передать юмор автора (Ibid.: 80). С другой стороны, она оставила непереведенным предисловие, поскольку оно понятно лишь в испано-кубинском языковом контексте. Все это было совершено ради сохранения верности автору. Оригинал ведь также является текстом, написание которого постоянно продолжается. Она могла наблюдать за его развитием, начиная от переписывания

[346] Выбор английского слова "fulfillment" (в американской орфографии), обозначающего и выполнение, и исполнение, и удовлетворение, является в данном контексте значимым ввиду полного исчерпывания С. Джилл Ливайн содержательного потенциала используемых лексем.

его (rewriting) учреждением, осуществляющим цензуру, при первой публикации в Испании, и вплоть до завершения его перевода на английский язык. Перевод продолжает процесс написания оригинала, начиная с критического его прочтения и заканчивая добавлением в него при создании текста перевода «подрывной нагрузки» (subversive cargo). На примере описания своего сотрудничества с автором С. Джилл Ливайн хочет показать, как оригинал и перевод влияют друг на друга и как они связаны в творческом акте. И тот, и другой — и оригинал, и перевод — могут удаваться или не удаваться как коммуникативные акты. Слова лишь на первый взгляд являются теми же самыми, и вопреки «модернистской» точке зрения, что форма является и значением, при переводе в первую очередь подрывается именно форма, а не смысл (Ibid.: 167).

При ближайшем рассмотрении приводимых С. Джилл Ливайн примеров в них можно обнаружить стратегии, которые, при всей их дерзости, она посчитала необходимым предварительно обсудить с автором оригинала[347]. Используя свое привилегированное положение, переводчица узаконивает свои притязания на верность. Однако описанные стратегии, равно как и предложенный Филиппом Льюисом (Lewis 1985/2000) переводческий метод насильственной верности (abusive fidelity), уже давно использовались переводчиками. Новыми в нем являются лишь философское обоснование в духе деконструкции и политическая инструментализация в духе эмансипации.

Однако данная двунаправленность таила в себе опасность недопустимой и односторонней абсолютизации и идеализации женского начала. В этом также заключается и основное положение цеховой критики, которое в предельно резкой форме высказала с точки зрения деконструкции Р. Аррожо (Arrojo 1994b, 1995). Позиции, которых придерживаются некоторые авторы, по ее мнению, несовместимы с представлением о том, что смысл не ингерентен словам и текстам как интенциональным артефактам, а что связанные с этим конструирования действительности являются выражением борьбы за власть определений. Лори Чемберлен (Chamberlain 1992/2000)

[347] Похожий случай, когда автор в рамках сотрудничества с переводчиком изменил оригинал таким образом, что он стал переводим, описывает и Э. Пфайффер (Pfeiffer 2001).

с полным основанием раскрыла мужское доминирование в переводческой метафорике Джорджа Стайнера (Steiner 1994). Однако такая же односторонность имеет место и тогда, когда женские конструирования смысла и метафоры изображаются как лучшие или вообще как единственно верные. Недостаточно проповедовать смерть оригинала. Речь идет скорее о том, чтобы деконструировать логоцентристскую полярность между «мужским» и «женским» и уяснить, что собственная, т.е. феминистская позиция, тоже не лишена пристрастности и является составной частью дискурса власти (Arrojo 1995). Цеховая критика высказывалась в адрес феминистских переводчиц и переводоведов также и Г.Ч. Спивак (Spivak 1992). Она установила, что благодаря в чем-то благородному, но слегка наивному стремлению распространить с помощью перевода женскую литературу из третьего мира, продолжение получают неоколониальные конструирования не-западных культур (см. Flotow 1997b: 83f.).

Как бы то ни было, значение изучения феминистского переводоведения для того, чтобы дать голос женщинам-авторам и переводчицам, которые замалчивались в дискурсе мужского доминирования, остается бесспорным. Так, например, с греческого и латинского языков переводились классические стихотворения, составленные мужчинами, в то время как поэтессы, например, Сапфо, долгое время оставались непереведенными. Инициативные исследования воскресили в нашей памяти переводчиц практически всех эпох[348]. Были восстановлены и оценены по достоинству заслуги женщин, которые долгое время находились в тени мужчин. Примерами их могут служить Каролина Шлегель-Шеллинг (El-Akramy 2001), Луиза Готтшед (Wolf 2005d) и Луиза фон Якоб (Grbić 2001a), служившие анонимными ассистентками своих мужей-переводчиков. Предварительные результаты исследований, посвященных изучению переводческой деятельности женщин, представлены в сборнике Ж. Делиля « Portraits de traductrices » (Delisle (ed.) 2002). Его описания известных переводчиц позволяют предположить, насколько обширное поле исследований в истории перевода еще предстоит освоить феминистскому переводоведению.

[348] Ср. с точками зрения, представленными в работах (Flotow 1997b: 30–34), (Messner/Wolf 2000: 19–21) и (Messner/Wolf (eds.) 2001).

Критика перевода — этот третий столп феминистского переводоведения — сосредоточивает внимание на феномене замалчивания, искажения и превратного толкования женской перспективы. Известнейшим примером, пожалуй, является манипулятивный перевод одного из ключевых для философии феминизма текста — «Второго пола» (Le deuxième sexe) Симоны де Бовуар. В первом английском переводе зоолога Ховарда М. Паршли 10 процентов текста было опущено без какого-либо указания на купюры, а послание автора было искажено из-за стремления адаптировать текст к господствующему мужскому дискурсу (Flotow 1997b: 49f.)[349]. Перевод дневника одной японки благородного происхождения (Messner/Wolf 2000: 26f.), произведения Орианы Фаллачи «Письмо нерожденному ребенку» (Messner 1996) и американских романов о научной фантастике (Kraus 1999) — вот лишь некоторые части пазла, которые критикам еще предстоит сложить в законченную картину (см. Grbić/Wolf 1999: 272ff.).

Особую актуальность феминистская критика приобрела в связи с так называемыми «священными» текстами, например, в связи с Библией (Stolze 2005a). В немецком языковом пространстве бурные дискуссии вызвал начатый в 2001 г. масштабный протестантский проект „Bibel in gerechter Sprache“ (букв.: «Библия на справедливом языке») (Kuhlmann (ed.) 2005; Bail (ed.) 2007), результат которого был представлен в октябре 2006 г. В этом амбициозном проекте наряду с теологами принимали участие и видные переводоведы (Salevsky 2001). По примеру американских правил использования гендерно-нейтрального языка (inclusive language) упоминаемые или подразумеваемые в библейских текстах женщины должны были стать заметными в новом переводе (Stolze 2005a). Данный проект изначально планировался как дискурсивный и коллективный процесс-написание, в ходе которого предложенные решения испытывались на практике и тем самым должны были вызвать максимально широкий процесс формирования сознания, касающийся возможных приписываний смысла.

Подводя итог, можно отметить следующее: после бурного начала, которое не всегда было свободно от эссенциалистского обобщения

[349] Несокращенный, предельно близкий к оригиналу перевод Констанс Борд и Шейлы Маловани-Шевалье появился лишь в 2010 г. (см. Beauvoir 2010).

женского, феминистское переводоведение пришло к выводу о необходимости включать в свой критический дискурс социальную, культурную и этническую, индивидуальную и историческую обусловленность женской личности. Благодаря внутренней, цеховой критике были высказаны сомнения и в собственных позициях. Воинственное единство трансформировалось в нормальное разнообразие. Обоснование своей легитимности феминистское переводоведение, подобно переводоведению постколониальному, черпало в выводе, сформулированном в рамках деконструкции и теории дискурса, о контингентности процессов приписывания смысла и их подверженности влиянию тех или иных властей.

9.2.3. Заметный переводчик

Метод вторжения в оригинал и следования по вписанным в текст «следам» и апориям применялся уже при рецепции работ Ж. Деррида его переводчиками (Davis 2001: 67–90). Первым шагом в данном направлении стала публикация докладов, прочитанных на конгрессе в Бингхэмптоне в 1980 г. и изданных под редакцией Джозефа Ф. Грэма (Graham (ed.) 1985), признанного переводчика Ж. Деррида. Кроме того, и практикующие переводчики, например, Лоренс Венути и упоминавшаяся в предыдущем разделе С. Джилл Ливайн приободрились в стремлении связать свою переводческую практику с (культурно-)политическими задачами.

Согласно Л. Венути (Venuti (ed.) 1992: 1), переводчики сами загоняют себя в тень. К данному заключению он приходит на основании беглого взгляда на историю перевода и анализа современного рынка перевода в США. Последний представляет собой «империалистический [рынок. — *примеч. ред.*] за границей и ксенофобный дома» (imperialistic abroad and xenophobic at home) (Venuti 1995a: 17). Незаметность (die Unsichtbarkeit)[350], в которой пребывают

[350] Мы предлагаем антонимическую пару «заметный/незаметный переводчик», «заметность/незаметность переводчика» в качестве соответствия оппозиции “a translator’s visibility/invisibility”, введенной в оборот переводоведения Л. Венути. Используемое, но не устоявшееся в отечественном научном дискурсе (из-за отсутствия переводов трудов Венути на русский язык) соответствие «видимость/невидимость переводчика» представляется неудачным в силу иного, отличного от исходного значения слова «видимость» (возможность видеть далеко отстоящие предметы; внешний вид; что-либо, производящее обманчивое впечатление). (*Примеч. ред.*)

переводчики, есть, прежде всего, следствие нормы «гладкого перевода» (fluent translation), господствующей в англо-американской переводческой практике с XVI в.[351] Данная норма предусматривает адаптацию текстов переводов к доминирующим языковым и эстетическим стандартам целевой культуры. Благодаря соблюдению этой нормы, текст становится сразу понятным, он отвечает нормам лексики, синтаксиса и идиоматики литературного языка. Любой след чужого стирается, перевод не воспринимается как перевод, становится удобным и одомашнивается. Поэтому Л. Венути называет соответствующую стратегию также «доместицирующим переводом» (domesticating translation). Переводчик, следующий данной переводческой стратегии, сам делает себя незаметным, поскольку такой перевод не отличается от принятой в целевой культуре технике создания текста. Альтернативные переводческие стратегии, благодаря которым чужое, неадаптированное и многозначное из ИТ делается явным и тем самым сопротивляется нормам целевой культуры, Л. Венути находит в адаптации предложенного Ф. Шлейермахером термина «чужеродный перевод» (verfremdenes Übersetzen). Однако предлагаемое Л. Венути понятие «форенизирующего перевода» (foreignizing translation) существенно отличается от точки зрения Ф. Шлейермахера. Согласно Ф. Шлейермахеру, переводчик должен ориентироваться на исходный язык и «склонить» язык перевода к «чужому подобию», т.е. отразить чужие языковые и текстовые модели в языке перевода, чтобы таким образом спасти «дух языка» и обогатить эстетический код языка перевода (Schleiermacher 1813; Störig (ed.) 1973: 38–70). Предлагаемый же Л. Венути «форенизирующий перевод» (foreignizing translation) направлен, в соответствии с ключевым понятием сопротивления (resistence), против господствующих в целевой культуре структур власти и кодов:

> "Foreignizing translation is a dissident cultural practice, maintaining a refusal of the dominant by developing affiliations with marginal linguistic and literary values at home, including foreign cultures that have been excluded because of their own resistence to dominant values"[352] (Venuti 1995a: 148).

[351] Ср. также с точкой зрения М. Гэддис Роуз (Gaddis Rose 1994).

[352] Ср. «Форенизирующий перевод — это диссидентская культурная практика, выступающая за отказ от доминирующих ценностей и за присоединение к маргинальным

Чужое в переводе, по мнению Л. Венути, противится существующей в целевой культуре иерархии ценностей. Оно идет вразрез с господствующим дискурсом и подрывает его. Указывая на маргинальное и маргинализируемое, перевод пытается с помощью отстранения создать культурное различие (Ibid.: 203). В качестве средства отстранения на языковом уровне могут служить эксперименты с социолектами, жаргонизмами, архаизмами, игра с литературными конвенциями (Ibid.: 310) и индивидуальные языковые конструкты. При ближайшем рассмотрении понятие форенизирующего перевода (foreignizing translation) Л. Венути оказывается куда ближе к понятию остранения русских формалистов, чем к понятию чужеродного перевода Ф. Шлейермахера, ориентирующегося на конструирование и обогащение национальных культур. В отличие от этноцентристского взгляда Ф. Шлейермахера, цель Л. Венути заключается в том, чтобы утвердить перевод как акт сопротивления против этноцентризма и расизма, культурного нарциссизма и империализма, чтобы бороться в интересах демократических геополитических отношений против узурпаторских тенденций англо-американской культуры (Ibid.: 20). Лишь путем данного сопротивления переводчики покончат со своим существованием в тени и войдут в качестве действующих лиц в сознание читателей и культур. Чтобы справиться с данной задачей, недостаточно просто знать исходную культуру. Прежде чем приступать к переводу и выбирать переводческую стратегию, необходимо ознакомиться с целевой культурой, ее иерархиями и механизмами исключения, ее отношением к Другому в общем интернациональном культурном контексте (Ibid.: 309).

Последнее положение дает ключ к пониманию часто цитируемой и порою неверно интерпретируемой (из-за излишнего обобщения) стратегии форенизирующего перевода (foreignizing translation). Политические задачи Л. Венути, вопреки, точнее, благодаря тому, что они касаются глобальных отношений, следует рассмотреть сначала с точки зрения пишущего, находящегося в центре сильного общества и мощной культуры. Прежде чем вслепую использовать форенизирующий или доместицирующий перевод, необходимо оценить

языковым и литературным ценностям своей культуры, включая и ценности тех иностранных культур, которые запрещались из-за их собственного сопротивления доминантным ценностям».

их значимость в соответствующем социоисторическом контексте, в межкультурном соперничестве властей. Только после этого можно будет определить, какой из переводов — доместицирующий или форенизирующий — обладает импульсом сопротивления. Культуры, которые вынуждены сопротивляться могуществу гегемониальных культур, будут иметь иные предпочтения в континууме между форенизирующими и доместикационными стратегиями, нежели те, что спокойно пребывают в тени власти.

9.3. Что остается в итоге

«Культурный поворот» вызвал целый вал публикаций. Именно в культурологических исследованиях переводоведение нашло инструментарий, позволивший представить в истинном свете историческое значение перевода. Фактор власти и заинтересованность власть имущих в манипуляции посредством перевода выдвинулись на передний план. В силу данного обстоятельства «культурный поворот» (cultural turn) оказался также и «властным поворотом» (power turn). В духе постмодернистской и постструктуралистской теорий процессы формирования культурной идентичности и конструирования знаний были помещены в силовые поля культурных и политических гегемоний и рассмотрены во взаимосвязи с фактором власти. Выяснилось, что в процессах конструирования, протекающих под влиянием некой власти, перевод представляет собой гибкое средство. Теперь его больше нельзя было задвинуть в тень как простой акт подражания. Под тяжестью доказательных фактов на него стали смотреть как на акт отбора, переработки и структурирования знания, равно как и на инструмент замалчивания, искажения или блокирования информации. Все очевиднее становилось то, что понятие эквивалентности является европоцентристским понятием. Оно не только находится в серьезном противоречии с пониманием перевода в неевропейских культурах, но и было изобличено как (напрасная) попытка скрыть под личиной мнимой объективности отражение неравенства властей в конкретных переводах.

Разорвать порочный круг приписываний смысла, протекающих под влиянием некой власти, пытаются все: практики и теоретики феминистского перевода, практики и теоретики постколониального

переводоведения. Их главная эмансипаторская задача состоит в том, чтобы в переводах и в анализах переводов дать «голос Другим». Размышления о социокультурной обусловленности перевода неизбежно повлекли за собой изменение позиции переводчика в посредническом процессе и саморефлексию переводоведения о собственной культурно-исторической обусловленности. Переводчики должны действовать не просто как покорные слуги власть имущих, а как активные творцы, которые на основании силы дефиниций своего языка и текстов заявляют о себе как о равноправных партнерах в глобальном соперничестве властей в межкультурном пространстве, а также в процессе конструирования репрезентаций и систем знаний. В их распоряжении находятся как средства положительного и кооперативного конструирования систем ценностей и сфер смыслов, так и средства разрушающей деконструкции, позволяющие им оказывать сопротивление господствующим дискурсам.

Колонизация как отчасти насильственное подчинение и насаждение чужих культур разрушила представление о чистых и органически возросших культурах. На смену ему пришло распознавание гибридных смешанных форм, которые представляются и оговариваются в неком «третьем пространстве». Постколониальная теория (postcolonial studies) позволила окончательно отказаться от европоцентристского понимания перевода, ввести в поле рассмотрения неевропейские переводческие миры и развенчать биполярную модель мышления Я—Другие (см. Cronin 2006). По тем же причинам норма эквивалентности лишилась своей центральной позиции. Теперь уже не эквивалентность между текстами и элементами текстов, а креативное различие между текстовыми и культурными сферами выдвинулось в центр культурного сознания и вытекающих из этого переводческих норм глобализированного мира. Переводимость и контингентность культур, текстов и символов позволяют переводу позиционировать себя ввиду своей диалогичности как надежную альтернативу абсолютизации гегемониальных позиций и опасной изоляции сообществ с определенными символами, интерпретациями и ценностями.

Дополнительная литература

Культурный поворот

Bachmann-Medick (1996); Cronin (2002); Gentzler (2002).

Бразильская культура перевода

Vieira (1992, 1994, 1997); Wolf (eds.) (1997); Sandführ (2001).

Феминистское переводоведение

Hannay (1985); Simon (1990); Flotow (1991); Lotbinière-Harwood (1991); Chamberlain (1992): Simon (1996); Flotow (1996a, b; 1997b); Massardier-Kenney (1997); Flotow (1998); Grbić/Wolf (1999); Messner/Wolf (2000); Messner/Wolf (eds.) (2001); Grbić/Wolf (eds.) (2002); Grbić (2005); Flotow (2005 b); Hannemann (2005); Wolf (2006a); Wolf (2008); Federici (eds.) (2011); Flotow (eds.) (2011).

Переводоведение в постколониальном контексте

Cheyfitz (1991); Mehrez (1992); Niranjana (1992); Rafael (1993/1996); Bhabha (1994); Álvarez/Vidal (eds.) (1996); Robinson (1997a);

Bassnett/Trivedi (eds.) (1999); Tymoczko (1999); Bhabha (2000);

Gouanvic (2000); Rafael (2005).

Заметный переводчик

Arrojo (1997c); Venuti (1986); Venuti (eds.) (1992); Arrojo (1992a);

Venuti (1995a); Arrojo (1997b, d); Angelelli (2001).

10. Многообразие полей власти

В готовности признать, что в переводоведении произошел социологический поворот и сформировалось новое направление исследования — социология перевода, иногда проявляется идеологическая позиция, а иногда это просто дело вкуса (см. Gambier 2006, 2007). Однако никто не может отрицать очевидного: важными факторами, влияющими на перевод, являются власть и ее место в обществе. Не обойтись нам и без реконструкции контролируемых властью процессов репрезентации и генерирования знаний, а также конструирования идентичности и культуры. Так как для моделирования данных процессов в переводоведении используется терминологический инструментарий, предложенный французским социологом Пьером Бурдьё[353], необходимо рассмотреть, пусть и в несколько упрощенной и адаптированной форме, такие ключевые термины социологии символических форм, как поле, капитал и габитус[354].

10.1. Моделирование социального пространства

В образованных слоях общества власть очень часто недолюбливают, автоматически ассоциируя ее со злоупотреблениями и репрессиями. Однако власть одновременно представляет собой тот потенциал, который может быть использован для производства объектов, инициации дискурса, организации знаний, т.е. для формирования общества, коммуникации и культуры (Foucault 1977). Власть и ее реализация суть не только интегральная составляющая политики. Они воплощают собой структурные свойства межличностных отношений, охватывая широкий спектр от физического насилия до способности защищать свою точку зрения в равноправном дискурсе,

---

[353] О рецепции П. Бурдьё в переводоведении см. Wolf (1999, 2003b, 2006b); Inghilleri (2003); Inghilleri (ed.) (2005), Wolf (2010).

[354] Ср., например, Bourdieu (1982, 1992, 1993, 1994, 1995, 1997, 1999, 2001); вводную информацию см. Schwingel (1995); Ebrecht/Hillebrandt (eds.) (2004); Fuchs-Heinritz/König (2005); Rehbein, B. (2006).

используя силу аргументов и риторики[355]. Форма реализации интересов и проявления конфликта интересов определяется, согласно Бурдьё (1982, 1992), действием капитала в социальном пространстве.

10.1.1. Поле

Говоря о социальном пространстве, Бурдьё использует принятый в физике термин «силовое поле» (Kräftefeld). Для того чтобы раскрыть это понятие, Бурдьё метафорически сравнивает «силовое поле» с игровой площадкой, где, для того чтобы игра состоялась, все участники должны соблюдать определенные правила. Отношения и правила, действующие в социальном пространстве, ограничены в пространстве и времени и определяются установленными институциональными рамками. Бурдьё выделяет такие поля, как политика, экономика, наука, религия, искусство и литература. Определяющим фактором внутри полей является объем властных полномочий, которыми наделены участники поля. Таким образом, поля — это исторически конституированные игровые площадки власти. Причем границы между отдельными полями не являются изначально жестко заданными. Они исторически обусловлены и постоянно меняются с течением времени. Вопрос отграничения одного поля от других полей решается исключительно входящими в данное поле участниками. Они определяют, кого можно включить в ряды участников данного поля, а кого нельзя. В основе каждого поля лежит своя форма интересов.

Вера в ценность продукта и его производства, а также в значимость самого поля — Бурдьё использует для этого термин illusio[356] — является условием существования поля. Готовность участников данного поля соблюдать негласные договоренности свидетельствует о ценности поля для участников, а также об их готовности вступать в борьбу за важные элементы данного поля. Борьба в данном случае ведется за сохранение или изменение соотношения сил. Игроками и конкурентами в борьбе за власть могут быть как отдельные личности,

[355] См. Foucault (1984, 2008, 2010) и Rabinov (ed.) (1984). О критическом дискурс-анализе, базирующемся на разработанной М. Фуко концепции власти, см., среди прочего, Jäger (2009).

[356] Игра (лат.). Зд. и далее, кроме специально оговоренных случаев, цитаты на латинском, английском и других иностранных языках приводятся в редакции переводчика данной главы.

так и институты. Причем все они вынуждены играть в рамках установленных правил, однако они свободны в выборе стратегий для достижения поставленной цели. Для обозначения ресурсов, которые находятся в распоряжении участников, Бурдьё вводит и использует термин «капитал».

10.1.2. Капитал

Капитал — это аккумулированный собственный или чужой труд. В рамках классической марксистской теории речь всегда велась лишь об экономическом капитале, накапливаемом за счет чужого труда, прежде всего, за счет труда наемного. Бурдьё расширяет данный термин, распространяя его на все материальные и духовные блага, которыми может обладать отдельный индивид или институт. Капитал может быть материализован в объектах или получен в форме интериоризованных знаний и умений. Капитал, будучи аккумулированным трудом, есть одновременно и «накопленная история» (akkumulierte Geschichte). Он способен самовоспроизводиться, увеличиваться и приносить дивиденды. Бурдьё выделяет следующие основные формы капитала: экономический, социальный и культурный.

Экономический капитал конституируется путем того, что результаты собственного или чужого труда накапливаются в различных формах материальных благ. Предпочтительная форма экономического капитала (например, земельный участок, недвижимость, акции и т.п.) определяется уровнем развития общества. В условиях рыночной экономики накопленные материальные блага могут быть конвертированы в деньги и измерены в денежном эквиваленте. Поэтому экономический капитал упрощенно приравнивают к финансовым ресурсам. Экономический капитал институционализируется в форме прав собственности. Социальный капитал рождается из социальных контактов и связей. Он представляет собой ресурс получения выгод, доступ к которому отдельный индивид имеет или может получить благодаря членству в более или менее устойчивой институционализированной социальной группе. Данные связи образуются в ходе реализации индивидуальных или коллективных инвестиционных стратегий, сознательно или бессознательно

направленных на формирование социальных связей. Непрерывный взаимообмен, протекающий между участниками, служит одновременно средством проверки связей внутри поля и взаимного признания участников. Чем сильнее связи внутри данной группы, тем существеннее вклад отдельных индивидов в социальный капитал. Культурный капитал — вид капитала, который реализуется в форме образования, знаний, навыков, творчества, искусства и их продуктов. Культурный капитал может накапливаться в трех формах: объективированной, инкорпорированной и институционализированной. Объективированный культурный капитал проявляется в форме артефактов. Сюда относятся, например, картины, скульптуры и другие произведения искусства, а также музыкальные инструменты и т.п. Для переводчика наибольший интерес представляет такая форма воплощения культурного капитала, как текст. Эта специфическая форма капитала может передаваться на материальных носителях и является юридической собственностью, на которую распространяются нормы купли–продажи. Когда в силовом поле социального пространства задействуются определенные склонности и предрасположение, Будьё предлагает использовать термин «инкорпорированный культурный капитал». В такой своей форме капитал неразрывно связан с той или иной личностью. Он приобретается путем учебы, в широком смысле этого слова, и поэтому не может быть делегирован. Инкорпорация культурного капитала — процесс достаточно длительный, и основной инвестицией здесь, посредством которой происходит инкорпорированние культурного капитала, является время (время учебы). Предрасположенностью при этом считается не только способность получать знания и навыки, но и креативность. При необходимости в процессе перевода отдельные культурные действия могут быть выполнены — как сказала бы Хольц-Мянттяри — носителем чужого культурного капитала по поручению третьих лиц.

Относительная ценность инкорпорированного капитала на рынке делегированных культурных действий определяется тем, насколько ценны и востребованны указанные способности и умения в данном конкретном поле. Институционализированный **культурный** капитал приобретается в форме (академических) званий, которые присуждают лицензированные учреждения. Вес академического

звания зависит, в первую очередь, от того положения, которое занимает присуждающий его институт в обществе. Поэтому институционализированный культурный капитал относительно независим от лица, которому присуждается академическое звание. При этом институционализированный культурный капитал может отличаться от инкорпорированного культурного капитала, которым обладает носитель академического звания. Наивысшую ступень на пьедестале капиталов занимает символический капитал. Любой из указанных выше видов капитала может быть конвертирован в символический капитал, если он достаточно высоко котируется в системе ценностей данного общества. Другими словами, символический капитал воспринимается в обществе и признан законной формой экономического, культурного и социального капитала (см. Bourdieu 1995: 11).

Пример (53): Приобретение символического капитала

> Перевод романа “Stella Mattutina”[357] итальянской писательницы Ады Негри был напечатан в 1938 г. мюнхенским издательством «Брукманн» под названием «Утренний рассвет (История одной юности)» (Frühdämmerung. Geschichte einer Jugend). Владелец издательства Хуго Брукманн поддерживал с 1930-х гг. тесные контакты с руководством нацистской рабочей партии Германии, а также с функционерами из ее верхушки, курировавшими вопросы культуры (=социальный капитал), обладал значительным состоянием (=экономический капитал) и, будучи известным издателем, имел соответствующий культурный капитал. Так как в его издательстве публиковались все самые известные деятели искусства и представители научных кругов нацистской Германии, в частности, многие из тех, кто защищал расовую теорию, этот культурный капитал являлся в условиях того исторического и идеологического окружения одновременно и огромным символическим капиталом (см. Jauk 2002).

Трансформация различных видов капитала в символический капитал происходит в соответствии с нормами, действующими на настоящее время в обществе. Поведение и взаимодействие индивидумов и социальных групп внутри поля определяются габитусом.

[357] «Утренняя звезда» (итал.). (*Примеч. ред.*)

10.1.3. Габитус

Габитус[358] является социокогнитивным конструктом и представляет собой интериоризированные индивидом правила и нормы поведения в поле. Он является отражением и прототипом взаимодействий между группами или классами внутри определенного поля. Действующие в поле агенты руководствуются практическим смыслом, а также приобретенной в процессе социализации и обучения системой преференций. Важную роль здесь играют принципы восприятия и структуризации, категории представлений и оценок, формы классификации, а также организационные формы. Эти принципы порождают различные, служащие дифференциации практики. Габитус объединяет в единую структуру когнитивные, оценочные и двигательные схемы действующего индивида. Бурдьё называет габитус структурированной структурой, которая состоит из схем восприятия, мышления и действий. Одновременно габитус — это и структурирующая структура, «порождающий принцип», реализуемый в конкретных формах социальной практики. Можно сказать, что габитус — это усвоенная традиция. Он обеспечивает совместимость действий одного индивида с действиями других участников социального поля. Посредством этого устанавливается ограниченный характер намерения отдельного деятеля-субъекта и его соотношение с системой норм и правил, контролируемой обществом.

10.2. От переводчика идеального к переводчику реальному

Долгое время переводоведение рассматривало переводчика как некий идеальный конструкт в отрыве от объективной социальной реальности. В свое время Джеймс Холмс (Holmes 1988a: 72) выделил в своей концепции дисциплинарного членения науки такой раздел, как «социология перевода» (translation sociology). В дескриптивном переводоведении социальное пространство переводчиков рассматривалось через призму концепции нормы ex negativo[359] как

[358] Одно из основных понятий в теории Пьера Бурдьё, означающее систему приобретенных схем, действующих на практике как категории восприятия и оценивания, равно как и принцип распределения по классам. Не путать с буквальным значением слова «габитус» (Habitus) — внешний вид, манера поведения. (*Примеч. ред.*)

[359] В противоположном значении (лат.).

ограниченное и реакционное, а не как креативное и интеракционное пространство. Произошедший в 90-х гг. XX в. культурный поворот (cultural turn) заставил переводоведение обратить внимание на переводчика, на его активную посредническую функцию и его роль в конструировании культур, а также на те сложности, с которыми ему приходится сталкиваться, пробираясь по лабиринту социокультурных условностей. Аналогичная тенденция наблюдалась и в когнитивном переводоведении. Как было сказано, в конечном итоге развивавшие это направление исследователи пришли к концепции «ситуативно обусловленного познания» (situated embedded cognition) (Risku 2000), в рамках которой в центре внимания оказались также социальные детерминанты взаимодействующих субъектов, области работы и институции (Risku/Freihoff 2000; Risku 2004). Дуглас Робинсон (Robinson 1991) показал, опираясь на переводческую практику, что переводчик может не только сотрудничать с заказчиком или автором, но в некоторых случаях действовать в ущерб их интересам (см. также Gaddis Rose 1995). Вопросы профессиональной компетенции и обучения переводчиков редко оказывались в центре внимания переводоведов (Kapp (ed.) 1984, Holz-Mänttäri 1986b, Schilling 1994, Kurz/Moisl (eds.) 1997, ^{2}2002)[360]. Переломный момент наступил после выхода работы Тео Херманса. Предложенная им институциональная модель перевода (см. раздел 7.4.6) и его критика дескриптивного переводоведения (Hermans 1999b) позволяют считать его родоначальником социологии перевода.

10.2.1. Безликие слуги или сознательные творцы

Одним из первых, кто применил в переводоведении теорию Бурдьё о символических формах, был Даниэль Симеони (Simeoni 1998)[361]. Он рассматривал перевод как гетерономное, т.е. регламентируемое различными правилами, поле, не имеющее жестких границ с соседними полями. Критически проанализировав теорию норм, господствовавшую в дескриптивном переводоведении, он попытался найти ответ на вопрос, почему при наличии альтернатив

[360] Ср. научные статьи по профессиональной социологии Фридриха Вольфа (Wolf 2006: 243–304).

[361] В своей статье о месте переводоведения Д. Симеони указывает на возможные точки пересечения с теорией П. Бурдьё. См. Simeoni (1995).

переводчики безоговорочно подчиняются действующим переводческим нормам. Для объяснения этого феномена он предложил дополнить теорию норм Гидеона Тури концептом габитуса, разработанным Бурдьё. По его мнению, с течением времени внешнее давление интериоризируется и становится частью габитуса переводчика. Это соответствует — во всяком случае, в западной традиции — образу идеального слуги: «квалифицированного, аккуратного, трудолюбивого, молчаливого и, конечно, незаметного» (efficient, punctual, hard-working, silent and yes, invisible) (Ibid.: 12). В концепции Бурдьё габитус предстает как место конфликта, как сложное и ярко выраженное переплетение межкультурных и глобальных отношений. В этом поле напряжения переводчик не только подчинен норме, но одновременно — так как габитус является структурирующей структурой — и сам влияет на процесс формирования нормы (Ibid.: 26)[362]. Следует также учитывать, что габитус является динамической категорией. Являясь побочным продуктом социального окружения, результатом сложного персонализированного социально- и культурно-исторического процесса (Ibid.: 32), габитус оказывается вовлечен в социокультурные связи и может трансформироваться в случае изменения этих связей.

Жан-Марк Гуанвик подробно анализирует конструкт габитуса (Gouanvic 1994, 1997, 1999), применив предложенный Бурдьё инструментарий для анализа корпуса французской научной фантастики. На многочисленных примерах он наглядно показал, какое влияние переводчики оказали на становление переводческой нормы и как при их целенаправленном участии возникло относительно автономное поле литературной коммуникации. Действующий в том или ином литературном поле переводчик должен хорошо знать культуру, на язык которой выполняется перевод, а также хорошо разбираться в жанровых нормах и правилах. Переводчики принимали активное участие в формировании литературного дискурса, а также в полемике, которая развернулась по поводу признания этого нового жанра (Gouanvic 1999: 81). Благодаря своим переводам они заработали символический капитал, который затем смогли использовать в дискурсе.

[362] Ср. критические замечания Жан-Марка Гуанвика, полагающего, что Симеони, который не обращался к первоисточникам и имел лишь поверхностное представление об идеях Бурдьё, уделяет недостаточное внимание понятиям поля и габитуса (Gouanvic 2005: 148f.).

В своем комплексном исследовании Гуанвик (Gouanvic 2005) показывает тесную взаимосвязь персональной социализации, литературной активности и переводческого габитуса. Он демонстрирует это на примере трех переводчиков, одним из которых был Морис-Эдгар Куандро (Maurice-Edgar Coindreau), снискавший славу своими переводами произведений Уильяма Фолкнера. Куандро был высокообразованным человеком, история семьи которого была тесно связана с жизнью американского Юга. Он происходил из древнего рода, жившего в провинции Вандея на западе Франции. Имя этого региона тесно связано с историей Французской революции XVIII в., так как именно в Вандее в 1793 г. вспыхнула роялистская контрреволюция, которая затем была жестоко подавлена властями. Куандро сравнивал это восстание с борьбой южных штатов США за отделение во время Гражданской войны XIX в. Именно этим объясняется тот факт, что свое переводческое предпочтение он отдавал авторам американского Юга, чье творчество он открывал французским читателям и которым он помогал занять достойное место на поле реалистической литературы.

Другой, Марсель Дюамель (Marcel Duhamel), был самоучкой. Он самостоятельно выучил английский язык посредством прямой коммуникации. Отсюда проистекает его любовь к разговорному языку, который он привнес в свои переводы и возвел в ранг стилевого приема. Признание его переводческого таланта принесло Дюамелю значительный символический капитал, а близкое знакомство с издателем Гастоном Галлимаром обеспечило ему социальный капитал. Два эти фактора определили успех его романов из так называемой черной серии (Série noire). Он открыл для научно-фантастических романов путь во французскую культуру, где они образовали собственное достаточно автономное поле. Для реализации своего проекта он собрал большую команду переводчиков, которая получила прозвище "gang of translators" («переводческая банда»).

Еще одним переводчиком, который способствовал признанию научной фантастики в качестве самостоятельного поля литературы, был Борис Виан. Он переводил романы из «черной серии» и был активным популяризатором научной фантастики, которая в 50-х гг. XX в. окончательно утвердилась на литературном рынке Франции и получила статус автономного поля. Этому способствовали в

том числе и публикации Бориса Виана в известных литературных журналах.

Приведенные выше три примера заставляют под критическим углом взглянуть на образ переводческого габитуса, предложенный Даниэлем Симеони. Образ габитуса переводчика, как его рисует Симеони, выглядит обобщенным и односторонним. Он соответствует communis opinio[363] о вторичном статусе переводчика и перевода (см. Dollerup 2000). Отрицательный образ укрепляется также публикациями в СМИ, фильмами и литературными текстами[364], где переводчик зачастую представляется в образе полусумасшедшего пария общества, безропотно служащего могущественному заказчику. Однако и в истории развития перевода, и в современной переводческой практике есть много примеров, свидетельствующих об обратном: Ян Гус, Этьен Доле и Уильям Тиндейл заплатили жизнью за право иметь свое мнение и быть несогласным с господствующей идеологией; преисполненный собственного достоинства, Мартин Лютер создает в своем «Послании о переводе» (Sendbrief vom Dolmetschen) габитус переводчика, наделенного силой слова и пользующегося авторитетом; габитус работающих в международных организациях устных переводчиков[365], осознающих свой статус «хранителей слова», развивается до такой степени, что становится сравним с габитусом священника (Koskinen 2000b: 87f.; Prunč 2007)[366].

Габитус переводчика зависит не только от его индивидуальной социализации, но и от того, насколько в данном обществе ценится культурный контакт и возможность «импорта» (import) чужой культуры. Чем выше статус у таких контактов и заимствований, тем больше символического капитала может иметь переводчик. Как было сказано выше, когда мы анализировали дескриптивную теорию перевода, на этапе своего становления национальная культура Израиля была ориентирована на интеграцию иноязычных текстов. Такая ситуация способствовала развитию у переводчиков

[363] Общепринятое мнение (лат.).

[364] См. также Kurz (1996); Hewson (1997); Inghilleri (2003); Sela-Sheffy (2005, 2006).

[365] О профессии конференц-переводчиков см. Feldweg (1996).

[366] Kurz (1987); Kurz/Basel et al. (1996); Bardeleben (1997); Strümper-Krobb (2003); Morascher (2004); Kurz/Kaindl (eds.) (2005); Kaindl/Kurz (eds.) (2008, 2010); Kaindl (2010b).

самосознания и чувства собственного достоинства. Ракафет Села-Шеффи (Sela-Sheffy 2006) свидетельствует о высоком статусе переводчика в израильском обществе, которое ставит их на одну ступень с деятелями искусства и культуры. Гизела Фордеробермайер (Vorderobermeier 2011) критически отнеслась к предложенному Бурдьё концепту габитуса. В своем эмпирическом исследовании она показывает широту и динамику, присущую габитусу литературного переводчика. Богатый материал, который Фордеробермайер собрала в ходе многочисленных опросов и интервью, опровергает тезис о том, что литературными переводчиками становятся, как правило, выходцы из бикультурных семей, которые, не видя для себя других перспектив, посвящают себя этому «нехлебному занятию». Результаты исследования доказывают, что, в противовес распространенному мнению, профессиональными переводчиками художественной литературы становятся люди из монокультурных семей, выучившие иностранный язык и получившие университетское образование. Литературные переводчики ожидают «адекватного отношения к себе, соответствующего их достижениям и заслугам» (Ibid.: 427), и стремятся занять достойное место в общем пространстве культуры и на поле литературного перевода в частности.

Ретроспективное и современное исследование динамики конкретных переводческих проявлений, влияния социального и профессионального окружения на поведение письменных и устных переводчиков, а также выявление различительных нюансов, отличающих прототипичные формы, относятся к насущным проблемам отдельной области социологии перевода. Тем более ценными представляются данные, полученные в результате эмпирических исследований отдельных видов и типов перевода.

10.2.2. Власть сильных

На сегодняшний момент из областей, связанных с гетерономным полем перевода, лучше всего изучена литература. Мы уже ссылались на исследования Жан-Марка Гуанвика, говоря о габитусе переводчика. Большой вклад в раскрытие условий, необходимых для обмена символическими благами в рамках глобального переводческого поля, внесли Йохан Хайльброн (Heilbron 1999, 2000), Жизель

Сапиро (Heilbron/Sapiro 2002) и Паскаль Казанова (Casanova 1999). Определяющим здесь является доминирование одного из языков. Потенциал влиятельности языка непосредственно вытекает из экономической и политической мощи социума, использующего данный язык, уровня грамотности и начитанности носителей данного языка, наличия мощной сети для распределения символических благ. В поле перевода существуют доминирующие и подчиненные языки и культуры. Причем такая иерархия наблюдается как на мировом, так и на региональном уровне. Господствующие языки и культуры не склонны заимствовать что-либо из подчиненных языков или культур. При этом последние стремятся экспортировать в доминирующие языки как можно больше, ведь тем самым они увеличивают свой собственный символический капитал. Однако каждый новый перевод на господствующий язык одновременно является вкладом и в его копилку символического и экономического капитала. В результате мы наблюдаем общемировой тренд, когда доминирующие языки еще более укрепляют свое господство, а подчиненные продолжают терять свой вес и значение.

Говоря о поле литературного перевода, можно констатировать, что на экономические процессы и количественное доминирование накладывается борьба за литературную легитимацию. Отдельные литературные произведения и отдельные национальные литературы проходят в «мировой республике литературы» (République mondiale des lettres) (Casanova 1999) своеобразный «обряд посвящения», в котором задействованы литературные институты, журналы, академии, жюри, критики и литераторы. В результате прохождения этого обряда они увеличивают свой литературный капитал. Литературный капитал какой-либо национальной литературы может быть измерен частотностью, авторитетностью и весомостью фактов ее признания. При этом национальные литературы, уже утвердившиеся на международном поле, оценивают новых кандидатов, бросая на чашу весов свой престиж и вес традиции. Разножанровость, наличие уже получивших мировое признание «классиков», известность издательств, динамичность литературного языка, находящегося в состоянии стабильности, а также высокий образовательный ценз читательской аудитории способствуют успешному прохождению процедуры посвящения. Международное поле литературного перевода имеет

полицентричную структуру. Наряду с Нью-Йорком и Лондоном, чья роль обусловлена доминирующим положением английского языка, еще одной «столицей литературного мира», по мнению Казановы, является Париж. При этом не стоит недооценивать и такие центры отдельных языковых ареалов, как Барселона, Лиссабон, Сан-Паулу и Берлин (см. Bachleitner /Wolf 2004; Bachleitner/Wolf (ed.) 2010: 10). Молодым, находящимся в процессе становления литературам очень сложно пробиться на международный литературный рынок. Оказать содействие этим национальным литературам в налаживании литературного импорта и экспорта призваны специальные государственные программы поддержки, транснациональные и национальные институты, такие, например, как немецкий культурный институт имени Гёте. Поддержка может быть оказана как в виде финансовой помощи на оплату расходов, связанных с изданием и распространением переводов, так и в виде предоставления стипендий и присуждения премий талантливым писателям и переводчикам. Победившие в конкурсах авторы, произведения и переводчики увеличивают свой символический капитал.

Чем больше книга становится массовым продуктом, способным принести прибыль, тем более ожесточенная борьба за книжные рынки разворачивается среди издательств. Международные книжные ярмарки превращаются в арену баталий, где представители маркетинговых отделов различных издательств отчаянно сражаются за авторов, книги и роялти. С помощью продуманного маркетинга, как это, например, было в случае с выходом из-под пера английской писательницы Джоан Роулинг серии романов о Гарри Поттере (см. Wolf 2002c: 41), книжный рынок целенаправленно готовят к одновременному появлению переводов новинки на разных языках.

Экономический капитал, превращенный в символический капитал, а также отношения между людьми и институтами в виде социального капитала образуют поле сложных взаимосвязей[367], где все агенты заняты выторговыванием интересов и должностей. Переводчики, не обладающие достаточным символическим и социальным капиталом, занимают при этом маргинальное положение. Шанс выйти из маргинального состояния они получают лишь

[367] О развитии предложенного П. Бурдьё понятия поля и о проблематике его разграничения см. Wolf (2005e).

в случае успешного обмена символическим капиталом с другими партнерами по переводческому делу. Это, в частности, относится к взаимоотношениям между автором и переводчиком, которые связаны одинаковыми механизмами повышения балансовой стоимости капитала и действуют в одной системе торговых ограничений.

Точно так же, как было намечено в связи с габитусом, можно говорить о различных конфигурациях в социально-исторической перспективе. От эпохи Ренессанса вплоть до XVIII в. статус переводчика в европейских культурах был сравним со статусом автора, и переводческая деятельность также поддерживалась меценатами (Pöckl 2002). Позднее культ гениальности и романтизм сместили акцент в сторону оригинального творчества и придали подлиннику больший вес по сравнению с переводом. Оригинальность и креативность стали признаваться исключительно за авторами художественных произведений (Prunč 2001). Андреас Польтерманн (Poltermann 1987) ввел для обозначения процесса авторского творчества метафору «изобретение оригинала». Статус текста перевода как вторичного был зафиксирован в 1886 г. Бернской конвенцией об охране литературных и художественных произведений, в соответствии с положениями которой все права на использование текстов принадлежали авторам и их законным представителям. Лишь сравнительно недавно, после подписания в 1971 г. Парижского акта, текст перевода был признан «самостоятельным продуктом интеллектуальной деятельности» (Venuti 1995a: 8f., Venuti 1995c; Dillenz 2004). Пока трудно предсказать, какие последствия для габитуса переводчика будут иметь решения национальных Верховных судов, если они будут приниматься, исходя из этой нормы.

Интересные результаты дало проведенное под социально-историческим углом исследование феномена «переводческих фабрик», появившихся в первой половине XIX в. В погоне за читательским спросом одним из важнейших факторов успеха стало время. Это заставило издателей искать новые технологии по примеру производственных отраслей экономики, вставших на путь индустриализации. Решение было найдено. Теперь заказ на перевод стал распределяться между несколькими анонимными переводчиками (Bachleitner 1989, 2000).

На протяжении истории своего существования перевод неоднократно испытывал на себе прямое влияние со стороны смежных полей власти, прежде всего, со стороны политики и идеологии. Спектр такого влияния достаточно широк: от религиозного запрета на перевод священных текстов до государственного цензурирования переводов. Эффект цензуры усиливается тем, что цензурируемый — будь то автор или переводчик, покорно подчиняясь неизбежности и предвосхищая правку цензора, начинают практиковать самоцензуру. Цензура (см. Merkle (ed.) 2002) присуща не только тоталитарным режимам, например, диктатуре национал-социализма (Sturge 2002, 2004), но она может служить и одним из ключевых элементов государственного управления, как это было вплоть до середины XIX в. во многих европейских странах[368]. Несмотря на стыдливое замалчивание и отрицание присутствия цензуры, соответствующие методы руководства и по сегодняшний день используются в средствах массовой информации (Gambier 2002). Во время кризисов или войн ни одна власть не может устоять от искушения взять под контроль творчество писателей и переводчиков ради защиты своих интересов. Демократические общества также не могут полностью отказаться от контроля за распространением печатной и медиа-продукции. Для защиты своих ценностей и устоев они даже вводят уголовное наказание для нарушителей. Так, например, в Австрии в соответствии с положениями «Закона о запрещении» (Verbotsgesetz) уголовно наказуемым считается «отрицание, преуменьшение, одобрение или оправдание холокоста или иных преступлений национал-социализма против человечества» (Федеральный вестник законов 148/1992).

Характерным для указанных полей деятельности является то, что все они тесно связаны с полем перевода и литературным переводом в частности. Начиная с конца XVIII в., в этом поле наблюдается (по крайней мере, в Европе) доминирование авторов над переводчиками. Коммерциализация литературного и переводческого рынков поставила инициаторов переводов на вершину иерархии власти (Hönig 1992). Однако родившееся одновременно с постмодернизмом движение эмансипации ставит под вопрос такое распределение ролей и влияния.

[368] О вопросе цензуры в различных контекстах см. также Billiani (ed.) 2007; Seruya/Moniz (eds.) (2008), Merkle/Wolf/Van Doorslaer (eds.) (2010).

10.2.3. Бессильные и маргинализированные

На протяжении всей своей истории устный перевод являлся средством языкового посредничества главным образом между людьми, облеченными властью: кайзеров и королей, послов и государственных чиновников. Переводить общение полководцев с солдатами или победителей с побежденными переводчикам приходилось крайне редко. «Стандартной» являлась ситуация, когда устный перевод выполнялся для двух лиц, занимающих примерно одинаковое положение на ступенях пирамиды власти, или (в случае неравного положения лиц) на стороне более сильного. С ростом профессионализации переводчики предприняли попытку сделать свой статус более независимым от других партнеров по коммуникации. Было декларировано, что в переводе должны соблюдаться нормы объективности, а переводчик обязан сохранять нейтральность. Однако данный постулат требует критического анализа.

В действительности существовало и существует лишь несколько (привилегированных) областей, где переводчик может сохранять нейтральность и дистанцироваться от позиций говорящих. Для обозначения таких ситуаций принято использовать термин «конференц-перевод». Под этим несколько туманным обозначением понимается устный перевод в международных организациях и транснациональных институтах, а также на конгрессах и других подобных мероприятиях. В международных организациях и транснациональных институтах все партнеры по коммуникации находятся в одинаковых правовых и институциональных рамках. Несмотря на различный потенциал власти государств, которые они представляют, все партнеры по коммуникации имеют одинаковый статус, находятся в одинаковых коммуникативных условиях и действуют в четко установленных и единых для всех рамках поведения. На (научных) конгрессах пользователями перевода (до начала 90-х гг. XX в. число рабочих языков на международных конгрессах было весьма ограничено) являются представители научной, политической, экономической или культурной элиты. Эти люди, как правило, принадлежат к одному социальному слою и имеют схожий когнитивный фон[369].

[369] Тот факт, что все языки, используемые обычно при проведении конгрессов в Европе, относятся к индоевропейской группе и имеют устоявшиеся нормы, значительно снизил круг острых проблем.

Поля именно такого типа коммуникации находились в центре внимания переводческих организаций, продвигавших идею профессионализации переводческой деятельности, и являлись предметом исследований переводоведов (см. Pöchhacker 2004a). В такой интеракции, учитывая равный баланс сил у партнеров по коммуникации, фактор власти является нерелевантным. Однако, если между партнерами по коммуникации наблюдается существенный дисбаланс уровня власти, этот фактор играет значительную роль в переводческой практике и, следовательно, заслуживает специального исследования (Pöchhacker 2009a, c).

Противоположностью конференц-перевода является так называемый коммунальный перевод (community interpreting), для которого в англоязычной литературе в последнее время начал активно использоваться термин «устный перевод для общественных и государственных институтов» (Public Service Interpreting, сокр. PSI) (Mikkelsen 1996)[370]. Под общим термином «коммунальный перевод» понимается устный перевод при общении представителей государственных органов власти или неправительственных организаций с различными социальными группами: эмигрантами, беженцами и меньшинствами. Ситуация, в которой происходит общение, может быть при этом самой разной — от допроса в суде или полицейском участке до приема у врача или психотерапевта, собеседования в школе или общения с сотрудником социальной службы (см. Angelelli 2004, Angelelli в соавт. 2007), а также участия в индивидуальных или групповых программах адаптации[371]. К коммунальному переводу можно также отнести языковое посредничество между представителями международных гуманитарных организаций и местным населением в регионах боевых действий или природных катастроф. Вплоть до 90-х гг. XX в. для работы в этой сфере — за исключением

[370] Рамки обзора не позволяют нам более подробно остановиться на терминологических отличиях конференц-перевода от других видов устного перевода: перевода беседы, перевода переговоров, коммунального перевода и перевода для общественных и государственных институтов; см. Gentile/Ozolins/Vasilakakos (2001); Pöchhacker (2004b: 15–17, 161–164); Pöllabauer (2005a: 21 f.); Obermayer (2008).

[371] См. «спектр» переводоведения в Pöchhacker (2000b: 124); о развитии см. Salevsky (1992); Pöchhacker (2004b: 29ff.), о различиях между конференц-переводом и коммунальным переводом см. Prunč (2010). Спорным остается вопрос, является ли судебный перевод частью коммунального перевода или его следует выделять отдельно как самостоятельно оформившийся.

перевода судебных заседаний — привлекали, как правило, непрофессиональных переводчиков[372]. В роли таковых выступали представители той или иной этнической группы, владеющие иностранным языком (см. Angelelli 2010). Нередкими были случаи, когда роль языкового посредника играли близкие родственники, а иногда даже дети (Kuljuh 2003).

Изучением этого вида переводческой деятельности в 80-х гг. XX в. занимались Карлфрид Кнапп и Аннели Кнапп-Поттхофф (Knapp/Knapp-Potthoff 1985). Они провели сравнительный анализ, сопоставив любительский перевод с работой профессиональных переводчиков. В качестве дифференцирующего признака, разграничивающего эти два вида перевода, они назвали дистанцированность переводчика от происходящего в рамках коммуникативного акта (ср. выше раздел 1.1.2). Проблема заключается в том, что при такой дифференциации имплицитно ставится знак равенства между профессионализмом и незаметностью устного переводчика. Представление о незаметности как признаке профессионализма происходит из недопустимого обобщения деятельности конференц-переводчиков. Первыми, кто внес поправку, взглянув на перевод через призму дискурс-анализа, были Бейзил Хатим и Иэн Мэйсон (см. раздел 5.7, а также Mason 2009a, b). Они признали за устным переводчиком активную роль в процессе коммуникации. В модели, предложенной Сесилией Ваденсьё (Wadensjö 1998), перевод рассматривается как взаимодействие, результат которого во многом зависит от активного участия переводчика.

На рубеже XX–XXI вв. на фоне серьезных социально-исторических изменений коммунальный перевод вступил в активную фазу профессионализации и оказался в центре внимания переводоведов. Глобализация, развал Советского Союза и многочисленные локальные военные конфликты привели к значительному усилению миграционных потоков. После отмены границ внутри Европы заметно выросла миграция трудоспособного населения внутри ЕС. Результатом этого стало появление в индустриально развитых странах многочисленных группы мигрантов и увеличение числа иноязычных граждан. Стремясь сдержать рост конфликтного потенциала, правительства этих государств вынуждены искать пути интеграции

[372] Общую информацию о судебном переводе см. Driesen/Petersen (2011).

новоприбывших в общество или, по крайней мере, разрабатывать методы управления конфликтами. В этой связи необходимо определить те коммуникативные структуры, для функционирования которых требуется участие переводчика. Кроме социально-исторического фактора важную роль играет также и идеологический фактор: внимание общества к чувствительным проблемам гражданских прав и прав человека, противодействие общества скрытым формам дискриминации различных меньшинств. В свою очередь, представители меньшинств (например, глухие и слабослышащие) начали отстаивать свои права и бороться за вхождение в систему общественной коммуникации.

На фоне стремительно возрастающей потребности в переводчиках и существования «серого» рынка переводческих услуг, поставщиками на котором являются непрофессионалы и полупрофессионалы, профессиональные переводческие организации начали активную работу по закреплению за коммунальным переводом профессионального статуса (Mikkelson 1996; Pöchhacker 2004b: 29f.). В странах с традиционно высоким уровнем иммиграции, таких, например, как Австралия (Gentile с соавт. 1996/2001), уже давно используется система обеспечения качества, разработанная при участии Национального органа по аккредитации устных и письменных переводчиков (NAATI) (Pöchhacker 2004b: 30). В США и Канаде первыми, кто включился в процесс профессионализации и привлек к себе внимание переводоведов, стали сурдопереводчики (Roy (ed.) 2000). Однако решающим моментом для начала широкого исследования и профессионализации коммунального перевода стало проведение в июне 1995 г. на базе конгресс-центра «Женева Парк» (Канада) конгресса под программным названием «Критическое звено. Переводчики в социальной сфере» (The Critical Link. Interpreters in the Community). За ним последовали конгрессы в Ванкувере, Монреале, Стокгольме, Сиднее и Бирмингеме[373]. Целью этих встреч было создание международной «Экспертной сети» (Netzwerk der Expertise) (Brunette et al. (eds.) 2003: 3), которая способствовала бы повышению профессионального уровня переводчиков, вела про-

[373] См. сборники материалов конгрессов Carr/Roberts et al. (eds.) (1997); Carr/Roberts et al. (eds.) (2000); Brunette/Bastin et al. (eds.) (2003); Wadensjö/Englund Dimitrova/ Nilsson (eds.) (2007); Hale/Stern/Ozolins (eds.) (2009).

светительскую деятельность и формировала в обществе уважительное отношение к профессии переводчика[374]. Идейными вдохновителями и организующим началом этого движения были переводоведы Сесилия Вадensьё из Швеции и Холли Миккелсон из США. Сесилия Ваденсьё (Wadensjö 1992) приняла активное участие в организации первого эмпирического исследования, построенного на дискурсивно-аналитическом подходе: в центре внимания аналитиков находился устный перевод судебных слушаний с участием эмигрантов (immigration hearing). Холли Миккелсон (Mikkelson 2000) провела, в свою очередь, критический анализ судебной системы США, действующих в ней норм и распределения ролей во время судебного заседания. Иэн Мэйсон, научный интерес которого был направлен на изучение устного перевода (последовательного перевода на переговорах (liaison interpreting), подготовил специальный номер журнала "The Translator" (Mason (ed.) 1999) и опубликовал статью в сборнике «Тройственный обмен» ("Triadic Exchanges") (Mason (eds.) 2001).

В предисловии к этому изданию Мэйсон указал на специфические сложности, с которыми приходится сталкиваться переводчику, работающему в сфере коммунального перевода. Помимо выполнения своих прямых профессиональных обязанностей, ему приходится участвовать в распределении ролей, помогать в управлении разговором и выторговывать ход беседы. При коммуникации такого типа ответственность за ее успех несут не только партнеры по коммуникации, но и те, кто ее осуществляет, — устные переводчики. Даже в рамках судебного перевода, который согласно (американским) правовым нормам предусматривает дословный перевод речи, переводчик оказывается вовлечен в организацию процесса коммуникации. Это происходит, когда переводчик, пусть даже незначительно, изменяет стилевую окраску или прагматику исходного высказывания. Суд может попросить переводчика (или же переводчик может самостоятельно принять такое решение) прокомментировать оригинал или перевод того или иного высказывания. Вывод, который делает из исследований Сьюзен Берк-Селигсон (Berk-Seligson 1990) обычно сдержанный в оценках Иэн Мэйсон, звучит следующим образом:

[374] См. также материалы, размещенные на сайте http://www.criticallink.org/ (последний доступ 15.12.11).

“The invisibility of the courtroom interpreter is, quite simply, a myth”[375] (Mason (ed.) 2001: II).

Миф о незаметности переводчика, о его дистанцированности, объективности и нейтральности разбивается о результаты эмпирических исследований. Тот факт, что партнеры по коммуникации находятся в физической близости друг от друга, делает расположение людей в помещении, расстояние между ними и язык тела важными элементами коммуникации. Определенное влияние на коммуникацию оказывает и то, что говорящий вынужден делать паузы, чтобы дать возможность перевести свои слова. Переводчики влияют на ход коммуникации также своими уточняющими вопросами и комментариями, использованием в отдельных случаях реферативного или идентифицирующего перевода. Распределение ролей между участниками коммуникации, на которое указывал Иэн Мэйсон, осложняется наличием смешанных профессиональных профилей и гибридных моделей ролевого поведения. Несовпадение у партнеров по коммуникации и у переводчика представлений о распределении ролей может привести к конфликту ролей.

Это был лишь краткий обзор проблемных вопросов, связанных с коммунальным переводом (см. также Pöchhacker 2000e, 2004a). Обсуждение этих проблем на конгрессе «Критическое звено. Переводчики в социальной сфере» (The Critical Link. Interpreters in the Community) вызвало оживленный обмен мнениями среди практикующих переводчиков. Проследить развитие дискуссии, которая, по-видимому, еще далека от завершения, позволяют материалы третьей конференции на данную тему. Показательным является сравнение вступительной статьи, открывающей опубликованный по результатам конференции сборник, с некоторыми материалами, подготовленными участниками конференции по результатам собственных исследований. Оба сопредседателя конференции придерживаются той точки зрения, что переводчик должен оставаться незаметным: “to interpret with complete neutrality”[376] (Brunette (ed.) 2003: 4). При этом результаты эмпирических исследований говорят об обратном. Переводчики из США, Канады и Мексики (Angelelli

[375] Ср. «Судебный переводчик — заметная фигура, он не невидимка». (*Примеч. ред.*)

[376] Ср. «переводить совершенно нейтрально». (*Пер. с англ. ред.*)

2003) не просто не боятся выйти из тени, но занимают активную позицию:

> “in building trust, facilitating mutual respect, communicating affect as well as message, explaining cultural gaps, controlling the communication flow, and aligning with one of the two parties in interaction” [377] (Angelelli 2003: 26).

Ханнеке Бот (Bot 2003) провела исследование, посвященное переводу в условиях психотерапевтического сеанса. Результаты ее исследования свидетельствуют о наличии некоторых общих компетенций в действиях врача и переводчика. Опираясь на полученные результаты, она выступает за то, чтобы в Кодексе этических норм (Code of Ethics) был заложен дифференцированный подход к определению роли переводчика, работающего в сфере коммунального перевода. Линн Айхингер и Бен Карлин (Eighinger/Karlin 2003) разработали динамическую концепцию перевода, согласно которой переводчик стремится предоставить участвующим в коммуникации партнерам возможность реализовать себя. При этом он использует приемы, основанные на принципах сотрудничества и социальной справедливости. Основным тезисом, который сформировался в процессе многолетнего обсуждения этого вопроса и был сформулирован на пятом конгрессе (Hale et al. (eds.) 2009), стало то, что переводчик и партнеры по интеракции несут совместную ответственность за качество и успех перевода.

Первым в Австрии обратился к проблеме коммунального перевода и начал проводить исследования в этой области Франц Пёххакер (Pöchhacker 1997a, b; 1999, 2000a, c, d). Проанализировав многочисленные примеры, взятые из практики и иллюстрирующие, как происходит отбор переводчиков для работы в центральной клинической больнице Вены, он обнаружил, что в некоторых случаях выбор переводчика был весьма сомнительным (см. Pöchhacker/Kadrić 1999). На пятой конференции «Критическое звено. Переводчики в социальной сфере» он совместно с Вальтрауд Кольб представил результаты другого, не менее показательного исследования, которое

[377] Ср. «создавая атмосферу доверия, укрепляя взаимное уважение, сопровождая передачу сообщения эмоциями, заполняя культурные лакуны, направляя общение в нужное русло и выступая на стороне одного из участников коммуникации». (*Пер. с англ. ред.*)

касалось отбора переводчиков для работы с группами политических беженцев (Pöchhacker/Kolb 2009). Внимание к проблематике коммунального перевода он уделял и в своих работах по истории перевода (см. Pöchhacker 2006a; 2007b, 2009c, 2010). В Вене одним из ведущих специалистов по судебному переводу была Мира Кадрич (Kadrić 2001a, b). Она провела большое количество эмпирических исследований в данной области (Kadrić 2009). Ее концепция эмансипаторской дидактики (Kadrić 2011) (подобно работам Шебнем Бахадыр (Bahadir 2009, 2010), проводившей свои исследования в Гермерсхайме) может быть использована в процессе обучения переводчиков, специализирующихся на работе в сфере коммунального перевода.

Институт теоретического и прикладного переводоведения в Граце (Австрия) выбрал коммунальный перевод в качестве одного из объектов своих исследовательских программ. В 1990 г. институт начал подготовку сурдопереводчиков и параллельно запустил исследовательскую программу для изучения специфики сурдоперевода[378]. Сотрудники и выпускники института приняли активное участие в разработке Кодекса этических норм (Code of Ethics) для сурдопереводчиков. Большой вклад в формирование профессионального профиля и профессионализацию сурдопереводчиков внесла Надя Грбич, посвятившая этому вопросу свое диссертационное исследование (Grbić 1994)[379]. В 2002 г. сурдоперевод был включен на постоянной основе в учебную программу института, а коммунальный перевод получил статус отдельного учебного модуля. Был также разработан специальный учебный курс «Коммунальный перевод». Он начинался вводным циклом лекций «Наведение мостов вместо возведения барьеров» (Brücken bauen statt Barrieren) (Pöllabauer/Prunč (eds.) 2003). В разработке этого цикла, помимо переводоведов, приняли участие практикующие переводчики и представители заказчиков. В рамках данного цикла рассматривались такие вопросы, как множественная идентичность переводчика (Bahadir 2003), проблемы перевода при предоставлении мигрантам медицинской, психологической, психиатрической и реабилитационной помощи

[378] О сурдопереводе см. Janzen (ed.) (2005).

[379] См. Grbić (1995, 1997a, b; 1998, 2001b, 2004b, 2006, 2007, 2009a, b); Grbić/Andree/Grünbichler (2004).

(см. Allaoui 2005), привлечение детей в качестве переводчиков (Kuljuh 2003). Дипломные работы выпускников, посвященные вопросам коммунального перевода, легли в основу отдельного научного сборника (Grbić/Pöllabauer (eds.) 2006, 2008). Анализ немецкоязычной научной литературы показывает, что в настоящее время активные исследования ведутся в следующих областях: коммунальный перевод (Grbić/Pöllabauer 2008, Pöllabauer/Grbić 2008), сурдоперевод (Grbić 2007), пути профессионализации (Grbić 1998, 2010) и обеспечение качества (Grbić 1998, 2010).

Соня Пёллабауэр провела полевое исследование и проанализировала ситуацию в сфере коммунального перевода, сложившуюся в городе Грац (Pöllabauer 2000). Продолжив свои изыскания, она опубликовала ряд статей по данной тематике (Pöllabauer 2002). В центре ее внимания была работа переводчика на слушаниях дел о предоставлении убежища (Pöllabauer 2004, 2005a, b, 2006, 2007, 2008). В рамках своих эмпирических исследований она собрала большой корпус текстов, которые позволяют сделать убедительный вывод о том, что при рассмотрении дел о предоставлении убежища переводчик является активным участником коммуникации. Переводчик по собственной инициативе берет на себя функции регулятора беседы и даже ведущего допрос. Проведенное эмпирическое исследование выявило и слабые места: отсутствие у переводчика необходимого культурного багажа, недостаточно тренированная память и неумение пользоваться переводческой скорописью приводят к тому, что переводчик прерывает или переспрашивает говорящего. При слушании таких дел переводчик по умолчанию находится на стороне следствия, так как его задача заключается в том, чтобы предоставить служителям правосудия перевод, которой может быть включен в протокол. Причем решение возможного ролевого конфликта предопределено заранее, так как в справочниках и пособиях переводчику предписана роль помощника полиции.

Свой вклад в изучение коммунального перевода внесли также участники международного проекта по исследованию перевода в медицинских учреждениях (Andres/Pöllabauer (eds.) 2009) и прошедшего в сентябре 2009 г. конгресса, посвященного вопросам коммунального перевода (Kainz/Prunč/Schögler (eds.) 2011). В помощь переводчикам, работающим при рассмотрении дел о предоставлении

убежища, была составлена терминологическая база, получившая название AsylTerm (Hebenstreit/Pöllabauer/Soukoup-Unterweger 2009).

Если в первой половине 90-х гг. XX в. профессиональное переводческое сообщество, вкупе с переводоведами, игнорировало коммунальный перевод, считая его уделом недопрофессионалов (Gile 1998: 41), то сегодня ситуация коренным образом изменилась. За это время, как показывает анализ исследовательской базы данных, увеличилось количество и выросло качество исследований, посвященных коммунальному переводу (Prunč 2010). Одновременно, хотя и медленно, происходила профессионализация и специализация переводчиков, работающих в различных областях социальной сферы. Со временем пришло и осознание того, что к коммунальному переводу должны применяться не менее высокие, хотя и иные (с учетом специфики его использования) критерии оценки качества, в целом же не менее строгие по своим характеристикам (Prunč 2011b).

Происходящие сегодня миграционные процессы поставили перед обществом ряд серьезных вопросов, что, в свою очередь, заставляет обратить внимание на работу коммунальных переводчиков. В странах ЕС проживает 32,4 миллиона человек, имеющих гражданство других государств, что составляет около 6,4% всего населения Европейского сообщества (European Commission DG Interpretation 2011). В докладе, подготовленном рабочей группой Европейского совета по языкам (European Language Council), отмечается, что каждый может оказаться завтра в положении туриста, пациента, потерпевшего или обвиняемого, которому для общения с представителями органов государственной власти требуется помощь профессионального переводчика. Исходя из этого, составители доклада делают следующий вывод:

> “When required in public service settings, translation and interpreting are about people and, to the extent to which they may have an impact on people’s lives [sic], they are not just a matter of communication.They are, clearly and more importantly, a matter of rights — natural rights, human rights; rights to be promoted, defended and guaranteed”[380] (European Commission DG Interpretation 2011).

[380] Ср. «В бытовой жизни перевод, письменный или устный, касается, в первую очередь, людей и степени воздействия на их жизнь (sic), — так что это не просто средство общения. Перевод есть, прежде всего, вопрос прав человека — права на жизнь,

Этот тезис заставляет нас обратить внимание на те области, где пересекаются социология перевода, переводческая политика и переводческая этика. Мы подробнее остановимся на них в следующем разделе.

10.3. Перспективы смены парадигмы

Вопрос о целесообразности смены парадигмы и обращении к социологии перевода стоял в центре дискуссии, развернувшейся на конгрессе «Перевод как социальная деятельность» (Translation als soziale Praxis), который прошел в мае 2005 г. в городе Грац в Институте теоретического и прикладного переводоведения[381]. По прошествии десяти лет мы можем с уверенностью ответить на этот вопрос утвердительно. Социология перевода, методы и результаты исследований которой даны здесь лишь в общих чертах, представляется чрезвычайно перспективным полем для междисциплинарных исследований. Она позволяет изучать вопросы, к которым классическое переводоведение обращалось лишь имплицитно. Обратив внимание на конкретные социальные условия, в которых переводчики выполняют свою работу, переводоведение преодолело разрыв между теорией и практикой (Prunč 2004a).

Социология перевода позволяет проверить валидность и уточнить модели перевода, например, модель переводческой деятельности или теории полисистемы в историческом и современном контексте. С помощью социологии перевода может быть создана эмпирическая база для дальнейшей профессионализации и разработки новых полей взаимодействия, таких, например, как коммунальный перевод. Социология перевода, разработанная на ее основе дидактика (см. Chesterman 2000) и этика перевода имеют эмансипированную функцию. Ввиду этого необходимо прослеживать становление и проявление в различных исторических контекстах габитуса переводчика, показать образцы по-настоящему ответственного поведения переводчика в условиях, когда он выполняет свою работу, испытывая на себе давление власти.

права личности; права эти следует обеспечивать, защищать и гарантировать». (*Пер. с англ. ред.*)

[381] См. Wolf (ed.) (2006); Wolf/Fukari (eds.) (2007); Wolf (2009).

Дополнительная литература

Социология перевода

Gouanvic (1994, 1997); Parks (1998); Gouanvic (1999); Heilbron (1999); Hermans (1999b); Wolf (1999); Heilbron (2000); Gouanvic (2002a, b); Heilbron/Sapiro (2002); Wolf (2002c); Inghilleri (2003); Wolf (2003b); Bachleitner/Wolf (eds.) (2004); Grbić (2004a); Kaindl (2004a); Gouanvic (2005); Inghilleri (2005a, b); Inghilleri (eds.) (2005); Gambier (2006); Gouanvic (2006); Pym et al. (eds.) (2006); Wolf (2006b); Wolf (eds.) (2006); Wolf/Fukari (eds.) (2007); Gambier (2007); Gouanvic (2007); Wolf (2007); Kaindl (2009); Wolf (2009); Wolf (2010a, b); Bachleitner/Wolf (eds.) (2010); Gouanvic (2010).

Коммунальный перевод / устный перевод для общественных и государственных институтов (PSI)

Brislin (eds.) (1976); Brislin (1978); Wadensjö (1992); Morris (1995); Wadensjö (1995); Gentile et al. (1996); Barsky (1996); Pöchhacker (1997a, b); Bahadir (1998); Wadensjö (1998); Pöchhacker/Kadrić (1999); Mason (eds.) (1999); Pöchhacker (1999); Angelelli (2000); Bahadir (2000); Carr et al. (eds.) (2000); Mason (2000); Mikkelson (2000); Pöchhacker (2000a, c, d); Roy (ed.) (2000); Gentile/Ozolins/Vasilakakos (2001); Mason (ed.) (2001); Pöchhacker (2001a, b); Wadensjö (2002); Brunette et al. (eds.) (2003); Bot (2003); Hertog (ed.) (2003); Mason (2004); Wadensjö (2004); Barsky (2005); Bot (2005); Pöllabauer (2005a, b); Rudvin (2005); Grbić/Pöllabauer (2006); Pöchhacker (2006a, b); Rudvin (2006); Valero Garcés (2006); Hale (2007); Mason (2007);

Wadensjö/Englund Dimitrova/Nilsson (eds.) (2007); Pöchhacker (2007a,c); Pöchhacker/Shlesinger (eds.) (2007); Rudvin (2007); Valero-Garcés (2007); Grbić/Pöllabauer (2008); Pöchhacker (2008); Shlesinger/Pöchhacker (eds.) (2008); Valero-Garcés/Martin (eds.) (2008); Andres/Pöllabauer (eds.) (2009); Bot (2009); Hale/Stern/Ozolins (eds.) 2009; Pöchhacker/Kolb (2009); Grbić (2010); Pöchhacker (2010); Wadensjö (2010); Kainz/Prunč/Schögler (eds.) (2011); Vargas-Urpi (2011).

11. Этика перевода

Актуальность вопроса переводческой этики напрямую зависит от общественной значимости перевода. В качестве явного или скрытого средства транскультурной коммуникации перевод в условиях глобализации стал неотъемлемой частью международных контактов и одновременно генератором и фильтром информации, идей, убеждений и ценностей. Компрессия времени и пространства, которую мы наблюдаем в современном мире, наполненном мультимедиальными текстами и опосредованной информацией (Koskinen 2000a: 33), размывает границы между реальностью и вымыслом. Миграция, мобильность и цифровая коммуникация стирают «культурные границы». В условиях совместного компактного проживания представителей различных культур происходит смешение культурных ареалов, и культуры, которые еще недавно были чужими, сплавляются в различные гибридные комбинации, создавая новое жизненное пространство. При информационной избыточности (information overkill), которую мы имеем в эпоху Интернета, очень важным становится умение сортировать и переписывать (rewrite) тексты. Благодаря успехам в развитии машинного перевода (см. раздел 2.4.7), переводчики оказались избавлены от выполнения однообразной рутинной работы и смогли посвятить себя текстам, предполагающим творческий подход и этическую ответственность, что лежит вне поля возможностей даже самых хитроумных систем машинного перевода.

Вопрос этики значительно более остро стоит при устном переводе, чем при выполнении письменного перевода, так как последний можно отредактировать. Физическая вовлеченность устного переводчика в коммуникативный акт делает его — в большей степени, чем письменного переводчика, — вольным или невольным участником процесса перетягивания каната (в социальном смысле), который разыгрывают партнеры по коммуникации. После этого небольшого вступления давайте перейдем к непосредственному рассмотрению вопросов этики в переводческой профессии. Не имеет смысла требовать от переводчика дистанцированности и «объективности»,

которые, согласно общепринятому мнению, должны являться подтверждением его профессионализма, если они — как показывают теоретические исследования — не в состоянии быть реализованы из-за властных отношений, царящих в процессе коммуникации. Ответственность, которую несет (и может нести) устный переводчик в той или иной конкретной коммуникативной ситуации и при дискурсивном конструировании социальных процессов, должна быть результатом общественного договора и оговариваться с потенциальными партнерами по коммуникации. Необходимо также провести диверсификацию ролей и закрепить новое их распределение посредством конвенций или норм. Прежде всего, необходимо задаться вопросом о том, в состоянии ли, готов ли переводчик принять на себя роль, в соответствии с которой он должен будет — в духе социальной справедливости — встать на сторону представителей маргинальных групп общества или людей с ущемленными правами. Основной вопрос при этом заключается в том, готов ли переводчик предоставить этим людям слово, т.е. поставить себя на их место и высказаться от их имени, не возвышаясь над ними, не искажая дискурс, не выступая в роли судьи. При этом принцип справедливости должен иметь разумные границы. Недопустимо, чтобы благодаря помощи красноречивого и натренированного переводчика иноязычный участник коммуникации оказался в более выигрышном положении по сравнению с другими участниками коммуникации, которые, несмотря на то, что язык коммуникации является для них родным, не обладают риторическим талантом.

Принимая во внимание эти внешние факторы, можно заключить, что перевод обязательно должен опираться на этическую базу. Данное требование подкрепляется и теоретической базой, накопленной переводоведением на различных этапах своего развития. Смена парадигмы, когда сначала произошел переход от системной лингвистики к лингвистике текста, а затем к культурологии, когнитивистике и социологии, заставляет отказаться от жесткой бинарности, предлагавшей лишь выбор одного из двух вариантов — правильного и неправильного. Эта двоичная система была характерна для нормативного переводоведения, базировавшегося на постулатах эквивалентности. Постепенно пришло понимание, что поиск переводческого решения идет непрерывно и

выбор его определяется контекстом и коммуникативной ситуацией. Возможность осуществить деконструкцию сигнификатов, а также конструктивных свойств текстов и жизненного пространства превращает переводчика из незаметного (де)шифровщика сообщений в осознающего свою ответственность участника коммуникации, в сотворца интеллектуальных ландшафтов, текстовых миров и культур. Усилия этики перевода должны быть направлены на то, чтобы обретенная переводчиком свобода и открывшееся перед ним многообразие возможностей не превратились в хаос взаимоисключающих условностей, а обрели четко определенные контуры ответственности. Остроту данной проблемы, заметную на фоне традиционного Кодекса этических норм (Code of Ethics), можно проиллюстрировать на следующих примерах.

Пример (54): Этические принципы и устный перевод

В своей автобиографии «Пленница Сталина и Гитлера» (Als Gefangene bei Stalin und Hitler) Маргарете Бубер-Нойманн описывает, как она, находясь в концлагере Равенсбрюк, использовала свое положение переводчицы, чтобы «формулировать ответы допрашиваемых по своему усмотрению», а также для того, чтобы выдавать записки русских пленных к новоприбывшим «женщинам Красной армии» (Frauen der Roten Armee) за чисто сентиментальные приветствия, хотя эти письма содержали актуальнейшую информацию (Buber-Neumann 2002: 316ff.).

Переводчица в данном случае явно и сознательно нарушает нормы объективности, согласно которым она должна была выполнять роль нейтрального посредника, передающего сообщение от отправителя получателю. Мы оправдываем такое переводческое поведение Маргарете Бубер-Нойманн, даже не вдаваясь в научную рефлексию, а исходя лишь из чувства гуманности и справедливости, и считаем ее поступок высокогуманным, правильным с моральной и этической точки зрения. Она сознательно обманывает адресатов и заказчиков, рискуя в этих нечеловеческих условиях собственной жизнью, чтобы уберечь своих товарищей по несчастью от расправы. Очевидно, что этическую оценку действий переводчика нельзя давать, исходя лишь из отношений между ИТ и ТП. Этика перевода предполагает выход за границы передаваемого послания и внешнего уровня текста, но требует обращения к общественно-политическому и идеологическому контексту. Кроме того, этика перевода

соотносится с существующей системой ценностей. Переводчик должен иметь достаточную свободу для принятия решений. Лишь при этом условии переводческое действие может стать в полном смысле ответственным этическим поступком. Полученные в рамках социологии перевода результаты исследований раскрывают структуры, а также поле перевода и транскультурной коммуникации, в которые вовлечены актанты. Если к этим полям добавить этическую составляющую, то на этой базе может быть построена деонтологическая структура — культура перевода (Prunč 1997a, 2008)[382].

11.1. Культура перевода

Культура перевода — это общественный конструкт, существующий в рамках определенной культуры на правах относительно самостоятельной субкультуры. Она отражает имеющиеся в обществе на настоящий момент договоренности и разногласия, касающиеся допустимых, рекомендуемых и обязательных форм перевода.

> «Под культурой перевода понимается исторически сложившаяся, опирающаяся на диалектическое отношение к переводческой практике, самореференциальная и саморегулирующаяся подсистема какой-либо культуры, относящаяся к полю перевода. Она состоит из утвердившихся в обществе регулируемых норм, договоренностей, ожиданий, ценностных представлений и привычных моделей поведения, которые определяют действия всех реальных и потенциальных участников переводческого процесса, осуществляемого в рамках определенной культуры» (см. Prunč 1997a, 2008).

[382] Мы не случайно рассматриваем вопросы *культуры перевода* в главе, посвященной *этике перевода*. Тем самым мы хотим показать, что проблематика этики перевода гораздо шире рамок процессов, анализируемых в главе 10 (ср. критические размышления Михаэлы Вольф (Wolf 2010 a)). Осознавая правила и закономерности, определяющие поле перевода, мы постарались обозначить этически детерминированные границы свободы действий не только для того, чтобы осмыслить существующие отношения власти, но и раскрыть перспективы достижения равенства возможностей и справедливости, а также реализации, пожалуй, утопичной идеи, согласно которой переводчик, понимающий возложенную на него ответственность, является полноправным участником культурных и социальных процессов. То, что мы при этом заменили когнитивные метафоры борьбы и концепты конфликта метафорами и концептами переговоров и поиска консенсуса (разумеется, управляемого), было сделано лишь с целью подчеркнуть этические ориентиры конструкта культур перевода.

История знала самые различные модели устройства мира и общества — от теоцентрических, в которых всякая событийность и наделение происходящего смыслом объяснялись одной-единственной причиной и приписывались высшим силам, действовавшим per se[383], до антропоцентричных, согласно которым человек совершает поступки, движимый желанием самореализации. Культура перевода есть общественный конструкт, и как таковой она отражает баланс интересов, так или иначе связанных с переводом или переводческой деятельностью индивидов и институций, в автономном и гетерономном поле перевода. Действующими лицами здесь выступают не только переводчики, но и — по крайней мере, в европейской культуре — другие участники коммуникации, обладающие по сравнению с переводчиком даже большим потенциалом власти. Так образуется квадрат власти, состоящий из автора, инициатора перевода, переводчика и адресата. Помимо вышеназванных основных участников в процессе конструирования перевода задействованы и другие лица — агенты и агентства, обслуживающие основных игроков[384].

Задача переводоведения заключается в том, чтобы изучить различные переводческие культуры и выработать, опираясь на результаты проведенного анализа, рекомендации для переводчиков. В авторитарных обществах переводческая культура определяется авторитарно или, по крайней мере, вертикалью власти. В условиях же демократии система принятия решений имеет полицентрический характер. При этом степень свободы, которую общество предоставляет переводчику, пропорциональна той мере этической ответственности, которую берут на себя отдельный переводчик и переводческое сообщество в целом. Одно из непременных условий переводческой этики, базирующейся на демократических принципах (Prunč 2005b), — это требование ответственного отношения к интересам и потенциалу влияния партнеров по коммуникации, протекающей в социальном силовом поле транскультурного взаимодействия. Кристиане Норд (Nord 1989a, 2001) предложила использовать для обозначения отношения переводчика к автору, заказчику

[383] Сами по себе (лат.)

[384] Под «агентами» понимаются лица, а под «агентствами» — организации, действующие от имени и в интересах других лиц. Их деятельность точно так же, как и действия остальных участников, регулируется отношениями и конфликтными ситуациями, возникающими в данном поле.

и адресату термин «лояльность»[385], в основу которого положены критерии морали. Однако концепт лояльности является в данном случае недостаточно точным (см. Prunč 1997a; Chesterman 1997b: 181f.), ибо в нем не учитывается этическая составляющая действий переводчика и переводчик не рассматривается как интегральная личность. При подготовке переиздания своей книги (Nord 2004) Норд расширила содержание понятия переводческой лояльности, включив в него предотвращение конфликтов, профессионализм, благонадежность и правдивость. И все-таки бремя ответственности продолжало лежать только лишь на переводчике. Одним из основополагающих принципов демократической культуры перевода считается замена одностороннего требования лояльности переводчика по отношению к другим участникам коммуникации требованием взаимной лояльности всех четырех участников коммуникации. Лишь в том случае, если ответственность за успех или неудачу перевода делят все участники процесса, можно говорить о том, что переводческий проект был построен на принципах равноправия.

Было бы наивно полагать, что пространство, в котором осуществляется перевод, может быть полностью свободно от конфликтов. В реальности гармоничная концепция лояльности нарушается конфликтом интересов автора, инициатора и адресата. Переводчик не может, как это до недавнего времени предписывалось нормативной теорией перевода, ориентированной на эквивалентность, занимать сторону автора или выступать на стороне заказчика или адресата, как это следует из упрощенных интерпретаций скопос-теории. Вместо этого он должен обладать компетенцией, которая позволила бы ему творчески подходить к решению проблемы конфликта интересов в поле интеракциии, выступать в роли посредника и принимать на себя ответственность за свои действия в пользу того или иного партнера по интеракции. Переводчик должен также проявлять солидарность по отношению к коллегам и нести перед ними ответственность. Будучи членом переводческого сообщества, он обязан осознавать свою ответственность за поддержание авторитета и высокого общественного статуса своей профессии (Pym 1992: 166; Chesterman 1997b: 181). Переводчик должен уметь предвидеть

[385] Об использовании термина «лояльность» в литературном переводе см. Snell-Hornby (2003); Schreiber (2006 c).

возможные последствия своих действий и то, какое влияние они могут оказать в долгосрочной перспективе на исходную и принимающую культуру, а также на культуру перевода.

В отдельных случаях соблюсти профессиональное требование взаимной лояльности оказывается невозможным, так как оно вступает в противоречие с одним из высших принципов человеческой нравственности. Это относится, например, к случаю Маргарете Бубер-Нойманн, когда в условиях нацистской диктатуры и бесчеловечно жестокого режима концлагеря пирамида этических ценностей оказалась перевернутой и беззаконие стало нормой. В процессе коммунального перевода (community interpreting) подобные ситуации складываются, когда возникает угроза для жизни и здоровья лиц, вовлеченных в переводческий процесс.

Демократическая культура перевода, предполагающая, что переводчик осознает свою ответственность перед обществом, предлагает ему стать активным участником формирования культуры перевода. Такой подход может и должен быть поддержан переводоведением. При этом конструирование культуры перевода должно учитывать интересы как общества, так и переводчика, и осуществляться на принципах сотрудничества, лояльности, прозрачности и экологичности (см. Prunč 2008). В условиях политической реальности сегодняшнего дня такая культура перевода пока еще может показаться идеалистической утопией. Однако переводчики и представляющие их интересы институции могли бы уже сегодня начать работу по превращению этой утопии в реальность.

11.2. Знания переводчика

Перевод — это социокогнитивный процесс, регулируемый обществом и реализуемый в рамках культуры перевода. И он же — непрерывный процесс принятия решений, — начиная с выбора текста и заканчивая принятием оперативных решений при создании транслята и встраивании его в принимающую культуру. Как специалист по транскультурной коммуникации, переводчик играет в этом процессе ключевую роль. Наивно полагать, что переводчик может самоустраниться и не принимать решения. Эта необходимость возникает даже в том случае, если подходить к переводу чисто механистически,

рассматривая его как простое транскодирование или «объективное» воссоздание исходного текста. При транскодировании переводчик также оказывается перед необходимостью принимать ценностно-ориентированные решения и делать нравственно-ценностный выбор (Prunč 2000c). Утверждая обратное, переводчик обманывает самого себя. Если рассматривать этот вопрос на историческом и социально-этическом метауровне, мы видим, что использование транскодирования является идеологически обусловленным, что и в этом случае переводчик служит интересам тех коммуникантов, которые хотят сохранить за собой монопольное право на интерпретацию. Но, даже оставаясь формально в рамках транскодирования, переводчик делает нравственно-ценностный выбор, отказываясь от интерпретации и делегируя право интепретации другим игрокам на поле транскультурной коммуникации. Насколько активно и в какой форме переводчик участвует в коммуникативном процессе и участвует ли вообще, определяется нормами и традициями данной культуры перевода. Хотя рамки переводческой деятельности заданы культурой перевода, необходимо, чтобы в сознании переводчиков прочно закрепились принципы саморефлексии, профессионального «кодекса чести» и этической ответственности.

11.2.1. Переводить или не переводить (to translate or not to translate)

Первое морально-этическое решение, которое переводчику предстоит принять еще до того, как он приступит к выполнению полученного заказа и за которое он как профессионал несет полную ответственность, есть решение о том, готов ли он взяться за перевод, выполнить данный заказ[386]. Это решение носит морально-этический характер и имеет определяющее значение. Нулевой перевод может быть реализован в одной из трех форм: уклонение от выполнения перевода, отказ от выполнения перевода и запрет на перевод.

Уклонение от выполнения перевода предполагает, что переводчик отказывается от заказа в силу каких-либо причин этического, морального, идеологического или профессионального характера.

[386] Термин «заказ на перевод» включает в себя также собственную инициативу переводчика, когда он одновременно выступает в роли заказчика перевода.

Этический диссонанс может возникнуть у переводчика, если форма или содержание транслята противоречит его ценностным ориентирам, таким, например, как человеческое достоинство, включая достоинство самого переводчика. В качестве примера можно привести перевод сексистских, расистских и неонацистских текстов или же текстов, содержащих призывы к насилию, порнографию, особенно если последние официально запрещены и считаются уголовно наказуемыми, как в Австрии[387]. По причинам профессионального характера переводчик может отказаться от выполнения перевода и в том случае, если не были созданы адекватные условия для работы. Переводчик может отказаться от заказа, если он понимает, что недостаточно компетентен, у него нет необходимых для выполнения перевода знаний или навыков[388]. Самокритичный переводчик откажется от заказа и в том случае, если ясно видит, что ему будет трудно выполнить перевод в силу психологических причин (например, чувства эмоциональной привязанности или обиды)[389].

Отказаться от заказа переводчик может и на другом основании: оценив заказ с точки зрения вложенных затрат и полученного результата, он видит, что перевод экономически нецелесообразен или его можно выполнить более оптимальным способом. В этом случае переводчик может порекомендовать заказчику не реализовывать запланированный переводческий проект. Переводчик не должен обманывать заказчика и, исходя из собственных интересов, навязывать ему не выгодные с экономической и не целесообразные с функциональной точки зрения переводческие услуги. Руководствуясь моральными принципами, он должен предложить заказчику более

[387] Питер Ньюмарк говорит о том, что переводчик, столкнувшись с сексистским, шовинистическим или расистским текстом, может в силу этических причин отказаться от выполнения заказа или отклониться от исходного текста, адаптировав его или сопроводив его комментариями. См. Newmark (1996).

[388] Соответствующие нормы и правила содержатся в большинстве кодексов переводческой этики. См., например, профессиональный кодекс Германского союза переводчиков (BDÜ) и Союза переводчиков Австрии (Universitas).

[389] Многие докладчики, принявшие участие в цикле лекций «Наведение мостов вместо возведения барьеров» (Brücken Bauen statt Barrieren), приводили в качестве примера психологических препятствий опыт беженцев и жертв пыток из бывшей Югославии. Врачи настоятельно рекомендовали не использовать переводчиков, переживших психологическую травму. Если же в силу сложившихся обстоятельств избежать этого невозможно, в любом случае следует отказаться от точного перевода в пользу реферативного (см. Pöllabauer/Prunč (eds.) 2003).

экономичные варианты выполнения заказа. Это будет стратегически разумным решением, и такое поведение переводчика укрепит доверие заказчика к нему и переводческому сообществу в целом[390]. До недавнего времени на переводческом рынке Австрии действовала норма ÖNORM D 1201 (подробнее см. Prunč 2006a), которая регламентировала проведение предпереводческой экспертизы размещаемого заказа и подготовку технико-экономического обоснования перевода. Такая экспертиза представляла особую форму переводческих услуг и могла содержать в своих выводах рекомендацию о нецелесообразности выполнения перевода.

Запрет на перевод является обязательным для соблюдения всеми переводчиками. При нарушении переводчиком действующего запрета к нему могут быть применены санкции, установленные обществом. В некоторых случаях запрет на перевод, отказ от перевода и противодействие, оказываемое со стороны переводчика, могут пересекаться или входить в конфликт. Если общественная интенция к запрету перевода не противоречит моральным и/или политическим убеждениями переводчика, возможно совпадение мотивов, побудивших переводчика к тому, чтобы уклониться от выполнения перевода, и мотивов, побудивших общество к введению данного запрета. Мы можем наблюдать это на примере, когда форма и содержание транслята подпадают под действие запрета на распространение неонацистских идей или являются уголовно наказуемыми как разжигающие национальную рознь[391].

Если в какой-либо конкретной исторической ситуации действует запрет на перевод, введенный с целью сохранения власти в руках недемократических сил и/или репрессивного государственного аппарата, то переводчик, движимый чувством морального долга, может сознательно пойти на нарушение данного запрета во имя таких высших этических ценностей, как, например, свобода слова,

[390] Энтони Пим считает, что связанные с переводом затраты не должны превосходить выгоды, которые могут быть получены от установления межкультурных отношений.

[391] О распространении идей национал-социализма см. раздел 10.2.2: согласно § 283 уголовного кодекса Австрии, под разжиганием межнациональной, межрелигиозной и межрасовой розни понимается призыв к «совершению враждебного действия против церкви или против религиозного общества, находящихся на территории Австрии, или против принадлежности определенных групп населения к такой церкви или религиозному обществу, к расе, народу, народности или государству».

эмансипация, сопротивление монополии власти или борьба против маргинализации бедных слоев населения. Несоблюдение запрета будет в этом случае его ответом на ограничительную и диктаторскую политику государства в области перевода[392]. Одним из возможных вариантов развития ситуации в данном случае может быть переводческая диверсия (subversion).

Если с моральной, прагматической и экономической точек зрения переводчик не видит причин отказываться от заказа и приступает к работе, все его дальнейшие переводческие действия следует подвергать морально-этической оценке, исходя из системы норм и ценностей, действующей в данной культуре перевода. Учитывая, что нормы, конвенции и преференции, существующие в культуре перевода, отражают расстановку и иерархию интересов в обществе, действия внутри культуры перевода предполагают взаимодействие с институтами власти, определяющими конфигурацию этих интересов.

11.2.2. Исторические дихотомии

Если говорить об этике перевода в рамках профессионального сообщества и этики культуры, то в контексте общемировой и исторической рефлексии можно выделить две осевые тенденции, которые Кайса Коскинен (Koskinen 2000a: 16ff.) назвала этикой идентичности (Ethik der Identität) и этикой дифференциации (Ethik der Differenz). Эти две противоположные тенденции проистекают из дихотомии дословного (wörtliches) и смыслового (sinngemäßes), или вольного (freies) перевода (Übersetzen) (Barbe 1996). Указание на эти пары противоположностей мы находим в классических трудах, посвященных переводу. Так, например, Цицерон говорил, что можно переводить «как толмач» (ut interpres) или «как оратор» (ut orator), Св. Иероним противопоставляет перевод «слово в слово» (verbum de verbo) переводу «смысл в смысл» (sensum de senso), а Шлейермахер пишет об онемечивающем (eindeutschendes) и чужеродном (verfremdendes) переводе (Übersetzen). Этой дихотомии были посвящены работы Иржи Левого, выделявшего «иллюзионистский» (illusionistisches) и антииллюзионистский (antiillusionisches) перевод (Übersetzen)

[392] О запрете на перевод по идеологическим причинам см. Chesterman (1997a); о влиянии идеологии и религии см. Burrell/Kelly (1995).

(Levý 1969). В 90-е гг. XX в. отзвуки дискуссии на эту тему мы находим в трудах Лоренса Венути, который противопоставлял «доместикационный перевод» (domesticating) и «форенизирующий перевод» (foreignising translation) (Venuti 1995a). Сторонники этики идентичности (sameness) во главу угла ставят эквивалентность и говорят о необходимости сохранения и миметическом воссоздании авторской и культурной подписи (Signatur) исходного текста. Постструктуралистская этика идентичности преследует цель не только сохранить «самобытность “другости”», но также познакомить реципиентов принимающей культуры с опытом «другости» и помочь им наладить диалог с «другостью»[393]. «Форенизирующий» перевод, когда языковая и культурная асимметрия заставляет нарушать при создании переводного текста языковые и эстетические нормы принимающей культуры, может иметь различные исторические и прагматические последствия. В художественном переводе, — этой излюбленной области исследований для сторонников этики идентичности, яркими представителями которой являются Антуан Берман (Berman 1984) и Лоренс Венути (Venuti 1995a, 1998), — этика идентичности позволяет обогатиться благодаря знакомству с «другостью», понять, что значит «другость других», внедрить «другость» в собственную литературную и культурную систему (Bachmann-Medick (ed.) 1997; Bachmann/Medick 2004). В сфере коммунального перевода (community interpreting) «форенизирующий» перевод может привести, если в обществе присутствуют ксенофобские настроения, к окончательной изоляции маргинализованных иммигрантских меньшинств, так как в этом случае происходит идеологизирование когнитивных и культурных барьеров и исключается всякое посредничество. Этика же дифференциации, наоборот, выдвигает на передний план различия между системами и изобличает эквивалентность как иллюзию. К этой форме переводческой этики склоняются сторонники функциональной теории перевода,

[393] Очевидно, что используемые Кайсой Коскинен термины «этика идентичности» (ethics of sameness) и «этика дифференциации» (ethics of difference) (Koskinen 2000a), определяются, исходя из перспективы исходной культуры. Следствием этого, к сожалению, является то, что при чтении переводоведческих текстов эпохи постмодернизма, прежде всего, текстов Лоренса Венути, возникает путаница, так как в этом контексте метод «форенизирующего перевода» (foreignizing translation), исходя из внутренней перспективы принимающей системы, называется «этикой дифференциации» (ethics of difference) (Venuti 1998).

среди представителей которой следует в первую очередь назвать Ханса Фермеера (Vermeer 1980a, 1996a et al.) и менее категоричную Кристиане Норд (Nord 1991b, 1993b et al.). Предложенные ими проспективные модели переводческой деятельности содержат уважение к «другости других» и предусматривают контекстуализацию переводимого текста.

Учет фактора власти помогает разрешить, казалось бы, непреодолимое противоречие между ориентацией либо на исходный текст, либо на текст перевода, между этикой идентичности и этикой дифференциации. Уравнивание сил между культурами является причиной того, что развитие норм внутри той или иной культуры идет в ту или другую сторону. Прагматическая и контекстуальная амбивалентность переводческих стратегий объясняет, почему одна и та же переводческая стратегия может быть по-разному интерпретирована в диссидентствующих кругах: с одной стороны, как идеологическая опора культур, стремящихся к усилению своего влияния, с другой, — как подрыв мировых гегемоний. Это можно проиллюстрировать на примере таких представителей этики идентичности, как Антуан Берман и Лоренс Венути, чьи труды имеют четкие социоисторические предпосылки. Анализ развития немецкой культуры в эпоху романтизма позволил Берману выдвинуть понятие «восприятие “Чужого”» (Erfahrung des Fremden) (Berman 1984, 1992). Немецкая культура смогла реализовать свою этноцентрическую концепцию культурного развития и укрепить свою систему благодаря тому, что она активно импортировала модели из других культур и систематически вступала в конфронтацию с «Чужим». В отличие от этого контекстуализация принципа отстранения во французской культуре, определившая этическую мотивацию Бермана, имеет своей целью ослабление этноцентризма в господствующей культуре, прежде всего во французской. Похожие мотивы были и у Лоренса Венути. Безоговорочное следование принципу «доместицирующего перевода», который подвергался с его стороны острой критике, грозило привести к тому, что доминантная культура — в данном случае американская — культурно-идеологически задохнется от собственной доминантности и монолингвистического этноцентризма. Поэтому диссиденты, к которым принадлежал Венути, надеялись, что провокативная встреча с чужой культурой будет способство-

вать ослаблению американского этноцентризма. Они считали, что встреча с «Чужестью» может дать принимающей культуре новый импульс для интеллектуального, эстетического, идеологического и политического развития. Однако с диалектической точки зрения именно эта стратегия ведет к дальнейшему усилению принимающей системы и тем самым к закреплению доминирующего положения господствующей культуры.

В отличие от этого, имеющая более высокий статус максима этики дифференциации предполагает трансформацию и интеграцию сообщения и его текстовой формы в систему принимающей культуры. Она нацелена на поддержание коммуникации, регулирование иностранного влияния и сохранение культурного разнообразия. Эти принципы занимают главенствующее положение чаще всего в слабых и маргинализированных культурах, испытывающих на себе давление со стороны культурного империализма. Максимально ярко они проявляются в «антропофагическом методе перевода» (см. раздел 9.2.1), разработанном в рамках бразильской культуры перевода.

Этика перевода, базирующаяся на принципах экологии, a priori не должна отдавать предпочтение ни одной из этих двух максим. На международном культурном поле она призвана играть роль корректива, обеспечивающего максимально возможную сбалансированность власти и демократическое равноправие культур. Она должна способствовать установлению устойчивого, гармоничного и креативного диалога между идентичностью и «другостью». В конечном итоге, все это должно привести к гибридизации и омультикультуриванию пространств, находящихся сегодня, в начале третьего тысячелетия, в культурной изоляции.

11.2.3. Конформизм и нонконформизм

На определенном этапе своего развития построенная на демократических принципах культура перевода, являясь общественным конструктом, может содержать нормы, которые будут противоречить моральным, идеологическим или эстетическим воззрениям переводчика. Гидеон Тури (Toury 1980b) видит в готовности переводчика к нонконформистскому поведению важный

элемент переводческой компетенции, которая должна быть сформирована у будущих переводчиков на этапе обучения. Однако для переводческой индивидуальной этики как деонтической системы, согласующейся с демократической культурой перевода, этого явно недостаточно. Если исходить из принципа демократического консенсуса, то у переводчика должно быть право не только на нонконформистское поведение, но и на то, чтобы наряду с другими участниками коммуникации иметь свои политические и идеологические цели и использовать перевод для их достижения. При этом принцип взаимной лояльности требует от переводчика раскрытия этих целей перед другими партнерами по интеракции[394].

Однако для глобальной этики перевода даже эта максима переводческой деятельности является недостаточной. Глобальная этика перевода, если исходить из указанной выше системы ценностей, должна включать также право и обязанность бороться за эмансипацию маргинализированных и дискриминированных, сопротивляться гегемонии, стремиться к созданию устойчивого экологического паритета языков и культур (Cronin 2003, 88f., 138ff.). Наглядными примерами реализации эмансипаторских устремлений и собственной морально-политической программы могут служить феминистская и постколониальная практика и теория перевода.

Если в какой-либо культуре перевода вследствие многочисленных случаев проявления нонконформистского поведения возникает привычка к такому переводческому поведению или если в поле перевода влияние и власть переходят к бунтующим диссидентам, то это дает толчок для появления и закрепления новых норм и договоренностей. Подтолкнуть к пересмотру норм и правил может также изменение требований общества или специфика конкретных переводческих ситуаций. Пока новые нормы не войдут в практику или как минимум не будут признаны, переводчик рискует быть обвиненным в нарушении прежних этических принципов перевода. Актуальным примером служит распространение в переводе этики развлечений (Ethik des Entertainments). Мы наблюдаем эту тенденцию при переводе событий, типичных для мира медиа и индустрии развлечений. Дэвид Катан и Франческо Страньеро-Серджио

[394] Мы, в свою очередь, предлагаем различать имплицитный и подлежащий сообщению эксплицитный скопос (Prunč 2000b, 2008).

(Katan/Straniero-Sergio 2001, 2003) подробно проанализировали работу устного переводчика на телевизионном ток-шоу. Развитие индустрии локализации и информационного менеджмента также требует вследствие фактических предписаний снижения действующих в этих сферах норм, ориентированных на принцип эквивалентности[395]. Особенность перевода в этих областях заключается в том, что на входе мы имеем дело с так называемыми «интернационализированными» (internationalisierte) текстами, т.е. с информацией, не имеющей культурной специфики. Однако в процессе локализации эти тексты раскрашиваются красками культуры. Это делается с целью снятия коммуникативных барьеров и лучшего восприятия информации реципиентами. В этом интеракционном поле постулат эквивалентности полностью устаревает. Поэтому на место этики дифференциации приходит этика адаптации (Gouanvic 1999: 113), которую, в силу ее сложности, может реализовать только команда компетентных специалистов. Учитывая глобальный характер феномена локализации, нормы и договоренности этой специфической культуры перевода формируются не в рамках одной переводческой культуры и, тем более, не в рамках одной национальной культуры, а в третьем надкультурном пространстве, подобном постколониальному контексту.

11.2.4 Аспекты нейтральности

При рассмотрении культуры перевода как общественного конструкта вопрос функциональности переводческих норм оказывается неразрывно связан с вопросом “cui bono?”, т.е. в интересах кого из участников конкретной переводческой ситуации — автора, инициатора или адресата — осуществляется перевод. При этом этическая оценка действиям переводчика может быть дана только при условии, что соответствующие этические нормы, регулирующие действия переводчика, закреплены в культуре перевода. В связи с чем возникают следующие вопросы:

а) Чьим интересам отвечают те или иные нормы, т.е. кто из участников оказывается в более выгодном положении, кто получает защиту или монополизирует дискурс, а кто оказывается исключенным из этого дискурса?

[395] См. библиографию в конце раздела 11.3.

b) Насколько свободен в своих действиях переводчик и какие последствия эта переводческая свобода может иметь для общества и для этических максим?

Рассмотрим эти вопросы на примере постулата о нейтральности переводчика. Идеологические корни постулата о необходимости соблюдения нейтральности при переводе лежат в унаследованной нами вере в неизменность смысла, т.е. в положении, которое даже с традиционных позиций контекстуальности, не говоря уже об оптике деконструктивизма, не выдерживает никакой критики. Если же исходить из условия, что любой текст может иметь столько смыслов, сколько есть интерпретаторов у данного текста, то получается, что переводчику приходится иметь дело с интересами очень разных, порой противоречащих друг другу интерпретаторов. Переводчик нередко оказывается в сложной ситуации, когда он должен сделать выбор в пользу одной из возможных интерпретаций многозначного фрагмента текста. При этом его выбор будет совпадать с интересами одного и противоречить интересам другого участника коммуникации. Поэтому, как было уже сказано ранее, переводчик должен обладать компетенцией, которая позволит ему творчески разрешать конфликт интересов партнеров по интеракции и брать на себя ответственность за свое посредничество и за принятое им переводческое решение. При этом мера ответственности переводчика пропорциональна степени его свободы, рамки которой определяются нормами данной культуры перевода, а также соответствующими институтами[396].

Если для переводоведов, изучающих письменный перевод, вопрос о присутствии смысла (Sinnpräsenz) исходного текста является одним из ключевых с момента наступления эпохи деконструкции, то об их коллегах, сконцентрировавших свое внимание на изучении устного перевода, этого сказать нельзя. Это объясняет, почему дискурс продолжают определять эссенциалистские по своей сути модели интерпретации текста. Проистекающий отсюда постулат нейтральности как показатель профессионализма нашел свое воплощение в первую очередь в профессиональной этике конференц-перевода, который в профессиональной иерархии всегда занимал

[396] См. Inghilleri 2003: 257f.

самую высокую позицию. В ходе профессионализации коммунального перевода для него был бездумно заимствован постулат о нейтральности переводчика. Нейтральность должна была стать тем отличительным признаком профессионального переводчика, который выделит его среди переводчиков-любителей, а также среди сотрудников социальной службы[397].

Нам видится, что в чрезвычайно эмоциональной дискуссии, которая периодически вспыхивает вокруг темы нейтральности переводчика, смешиваются три понятия, которые следует четко различать, если подходить к этому вопросу с позиций структурированной этики перевода, а именно: непредвзятость, беспристрастность и нейтральность.

Непредвзятость подразумевает, что переводчик стремится не допустить, чтобы имеющиеся у него предубеждения влияли на процесс перевода. Принцип непредвзятости требует также, чтобы переводчик с уважением относился ко всем партнерам по коммуникации и к ценностям, которые они разделяют. Непредвзятость является, таким образом, моделью поведения и чертой характера, на которые должна ориентироваться каждая зрелая личность. Способность проявлять непредвзятость, бесспорно, входит в переводческую компетенцию, так как без нее переводчик не сможет увидеть все нюансы коммуникативного акта. Непредвзятость поможет ему избежать искушения отбросить какие-либо детали, которые могут показаться ему в силу собственных предубеждений мелкими и незначительными.

Беспристрастность диктуется посреднической функцией переводчика. Беспристрастность означает, что переводчик старается соблюдать одинаковую интеллектуальную и эмоциональную дистанцию по отношению ко всем участникам коммуникации и не ставит никого из них в привилегированное положение. Такое определение беспристрастности возводит ее в ранг неоспоримой этической максимы, которой переводчик руководствуется в ситуациях, когда должен проявить свой нейтралитет. Партнеры по коммуникации ожидают от переводчика, которого они воспринимают как посредника, беспристрастности, без которой они не смогут ему доверять, а без доверия, в свою очередь, невозможно успешное посредничество

[397] См. Bahadir 2007: 170ff; Grbić 2008.

(см. Chesterman 1997a: 152f.). При этом в споре о беспристрастности часто забывается, что лишь по-настоящему независимая личность или институция может быть беспристрастной. Невозможно требовать беспристрастности от переводчика в ситуациях, когда он находится в бесправном положении и вынужден работать в условиях полной зависимости. Такое оторванное от реальности требование оставляет нас на уровне обсуждения беспристрастности как идеального конструкта. Таким образом, беспристрастность переводчика всегда коррелирует со степенью его свободы, и мы обязаны помнить об этом, давая этическую оценку действиям переводчика.

Нейтральность — понятие еще более узкое. В данном случае речь идет о любых преднамеренных или непреднамеренных действиях переводчика, которые непосредственно или косвенно ставят одного из партнеров по коммуникации в более (или менее) выгодное положение. Таким образом, если непредвзятость относится к уровню установок и ценностных позиций, а беспристрастность к уровню социальной роли и статуса переводчика, то нейтральность соотносится с дискурсивным конструктом реальности и ценностных установок в конкретном коммуникативном акте. На этом уровне от того, насколько внимательно мы рассматриваем коммуникативный процесс, зависит, можно ли в данном конкретном случае говорить о нейтральности (см. Mason 2007). Нейтральность невозможна в тех случаях, когда мы имеем дело с контекстуальной многозначностью. В зонах конфликта, где одна ситуация формирует противоположные нарративы (Baker 2006), переводчик вынужден выбирать один из возможных нарративов, невольно вставая при этом на чью-либо сторону. Таким образом, если в конфликтной ситуации окажется почти недопустимым, чтобы переводчик занял равноудаленную позицию по отношению ко всем участникам коммуникации по причине внутренней многозначности коммуникативного акта, к переводчику не может быть предъявлено требование о соблюдении абсолютной нейтральности.

Все больше переводчиков, осознавая лежащую на них ответственность, движимые чувством нравственного долга, действуют в нарушение принципов верности и полноты воспроизведения, выбирают активную позицию в процессе перевода с целью защиты таких высших ценностей, как человеческое достоинство, безупречность

нравственного и физического поведения человека, защита гражданских прав и сохранение мира. В условиях катастроф (Bulut/Kurultay 2001; Kurultay/Bulut-Kahraman 2006), когда жизнь и здоровье людей находятся под угрозой, перевод должен быть нацелен на оказание эффективной помощи. Добровольное или вынужденное участие переводчиков в военных операциях, пытках и геноциде (см. Inghilleri 2009, 2010), а также случаи, когда переводчику приходится быть свидетелем нарушения прав человека, являются тяжелым испытанием не только для этических принципов отдельного переводчика, но и для находящегося в стадии становления этического сознания переводческого сообщества. Этика перевода, если она не хочет быть просто номинальной или элитарной, не должна оставлять без внимания те трудности, случаи принуждения и опасности, с которыми переводчику приходится сталкиваться при работе в экстремальной ситуации военных действий или конфликтов (Kahane 2006, 2008).

Современная этика перевода должна найти в себе смелость критически переосмыслить доставшиеся ей в наследство такие мифы, как «объективность», «репрезентативность» и «нейтральность», взглянув на них с позиции современного понимания многосложности мира и многозначности истины. Она должна дать переводчикам больше свободы, но одновременно и укрепить понимание возложенной на них этической и моральной ответственности. Отправной точкой для размышлений на эту тему может послужить следующая рабочая типология, в основу которой положена оправданная и/или необходимая переводческая интервенция. Вследствие сложного переплетения интересов, определяющих конструкцию реальности, можно проследить нарастающую от типа 1 к типу 4 тенденцию к переводческой интервенции. С конфликтами этического характера переводчику приходится сталкиваться, прежде всего, на стыке и периферии отдельных типов, где институциализированные типы взаимодействия не совпадают с целевыми или функциональными типами коммуникации. Мы будем выделять следующие типы интеракции в качестве прототипических: монолог, диалог, триалог и полилог.

Монологический тип интеракции предполагает наличие институциональных условий для того, чтобы наделенный в той или иной степени властью автор мог обратиться к относительно гомогенной

группе реципиентов. При таком типе интеракции переводчик выступает на стороне автора исходного текста, является его alter ego[398] (Gile 1995a: 29)[399]. В этом случае переводчик является носителем намерения, и его задача состоит в том, чтобы в полной мере передать намерение автора/оратора[400]. Типичными примерами данного типа интеракции являются письменный перевод специальных текстов и устный перевод на специализированных конференциях. В том случае, если когнитивные предпосылки у адресатов и автора совпадают и они объединены одной диакультурой, так как принадлежат к одному научному сообществу (scientific community), то переводчик вполне может действовать в рамках принципа репродукции оригинала. Будучи alter ego оратора, переводчик вправе использовать, не нарушая действующие для конференц-перевода принципы качества, различные стратегии оптимизации[401]. Переводчик, следующий принципам демократической культуры перевода, может столкнуться с необходимостью принимать решения этического характера, касающиеся модификации исходного текста и отхода от

---

[398] Другой я (лат.).

[399] При более внимательном рассмотрении обнаруживается, что при постулируемой нейтральности конференц-переводчика он все-таки симпатизирует тому или иному участнику дискуссии.

[400] Результаты эмпирических исследований, проведенных Эрбу Дирикер (Diriker 2004), свидетельствуют о несоответствии практики конференц-перевода идеальной доктрине конференц-перевода. Это несоответствие выражается в том, что в реальных условиях конференц-перевода переводчик нередко занимает активную позицию. Дирикер называет переводческий продукт «разноязычным конструктом» (Ibid.: 139), который формируется в актуальном контексте через взаимодействие различных социальных, интеракциональных, когнитивных и психологических факторов. См. модель, предложенную Килианом Зебером и Кристианом Зелгером (Seeber/Zelger 2007).

[401] Ср., например, классическое правило, которым руководствуется в конференц-переводе одна из переводчиц: “What our listeners receive through their earphones should produce the same effect on them as the original speech does on the speaker’s audience. It should have the same cognitive content and be presented with equal clarity and precision in the same type of language. Its language and oratory quality should be at least on the same level as that of the original speech, **if not better, given that we are professional communicators, while many speakers are not**, and sometimes even have to express themselves in languages other than their own.” (Déjean Le Féal 1990: 155; выделено нами). Ср. «То, что наши слушатели воспринимают через наушники, должно производить на них то же самое впечатление, что оригинальная речь оказывает на аудиторию носителя языка. Перевод должен иметь то же когнитивное содержание, он должен быть представлен так же ясно, точно, тем же стилем. Учитывая, что мы — профессиональные трансляторы, чего не скажешь о выступающих, которым нередко приходится говорить не на родном языке, мы обязаны обеспечить языковое и риторическое оформление текста перевода на уровне не хуже, а может быть, и лучше, чем у оригинала». (*Пер. с англ. ред.*)

его буквы, в том случае, если отдельными актерами сознательно или неосознанно нарушаются интересы других участников коммуникации — например, заказчика или адресата, — по отношению к которым переводчик также обязан соблюдать лояльность.

Диалогический тип интеракции предполагает наличие у партнеров по коммуникации молчаливой договоренности о том, что они строят диалог продуктивно, с учетом когнитивных и культурных особенностей партнера. Все участники коммуникации выбирают общую платформу, на базе которой они смогут эффективно взаимодействовать. При такой конфигурации устный перевод может быть реализован по одному из двух сценариев: (а) у каждого из участников/ у каждой стороны есть свой переводчик; (б) оба партнера по интеракции/обе стороны пользуются услугами одного переводчика.

В первом случае (сценарий «а») проблема беспристрастности не возникает, так как каждый из переводчиков может действовать в интересах своей стороны и сообразно ее интенции. Такой сценарий реализуется во время политических переговоров, когда (согласно правилам протокола) каждая из сторон имеет в составе своей делегации собственного переводчика. В такой обстановке от переводчика требуется подчеркнутая пристрастность, так как она является частью коммуникативной борьбы. Во втором случае (сценарий «б») переводчик, наоборот, обязан соблюдать нейтральность, обеспечивая принцип равенства возможностей для каждой из сторон. Можно допустить, что для поддержания баланса интересов участвующих в переговорах сторон и обеспечения конечного успеха коммуникации переводчик может отойти от принципов строгой нейтральности, проявляя лояльность по отношению то к одному, то к другому партнеру по интеракции. Для передачи синхронистом полемического обмена мнений сторон может пригодиться ротационная модель (rotating side taking), которую предложил Даниэль Жиль (Gile 1995a: 28).

Конфликты этического плана, с которыми переводчику приходится сталкиваться при коммуникации данного типа, вызваны тем, что в Кодексе этических норм (Code of Ethics) и в коммуникативной практике монологическая модель коммуникации поставлена впереди диалогической (Wadensjö 2004). Такие конфликты неоднократно становились предметом исследований в области коммунального и

судебного перевода (см. раздел 10.2.3). Если в коммунальном переводе свобода ответственного переводчика охватывает пространство от солидарности до опеки, то в судебном переводе, как и на переговорах различных институций, должна соблюдаться верность принципам беспристрастности и нейтральности[402]. В обоих последних случаях беспристрастность и нейтральность являются конститутивной особенностью процесса перевода. Поэтому в институциональных рамках интеракций не может быть отменен принцип нейтральных и беспристрастных переводчиков. До тех пор, пока партнеры по интеракции не откажутся от своей монополии на интерпретацию и действие, им будет нужен идеологический конструкт транслята как копии, подобия (simulacrum) оригинала, опираясь на который они могли бы принимать свои решения. В такой ситуации недостаточно изменить Кодекс этических норм и, исходя из наличия у переводчика языковой и культурной компетенции, признать за ним право на интерпретацию. Главная задача — убедить наделенных властью участников коммуникации делегировать переводчику часть своих полномочий и ответственности. Для этого потребуется долгий процесс переговоров, так как это вопрос не коммуникативной функциональности и компетенции, а перераспределения власти[403].

О триалогичном типе интеракции можно говорить в том случае, когда переводчик выступает активным и самостоятельным участником транскультурной коммуникации. При устном переводе переводческая инверсия может носить «мягкую» форму, когда переводчик участвует лишь в управлении диалогом, или проявляться более ярко, когда переводчик участвует в дискурсе при создании общественного конструкта «правды» и формировании в обществе различных идей (см. Wadensjö 2000).

Концепция устного перевода как акта триалогичной коммуникации не нова. О похожей модели перевода говорили в свое время Даница Селескович (Seleskovitch 1968), Сесилия Ваденсьё (Wadensjö 1998: 12), называвшая коммуникацию с использованием устного

[402] См. проистекающие отсюда ошибки, случаи принуждения и ошибочного развития, с которыми пришлось столкнуться переводчикам, работавшим в условиях гражданской войны в Югославии (Strahuljak 1999; Dragovic-Drouet 2007).

[403] См. забавные и одновременно шокирующие примеры, приводимые Рут Моррис (Morris 2007). Об институционализированных формах судебного дискурса см. Stygall (1994).

перевода «коммуникативным па-де-труа» (communicative pas de trois), и Иэн Мэйсон, указывавший на тройственный (в нашей терминологии «триалогичный») характер транскультурной интеракции непосредственно в названии своей работы, посвященной вопросам коммунального перевода (Mason (ed.) 2001). В случае письменного перевода к этому типу можно отнести также постколониальный и феминистский перевод (см. разделы 9.2.1 и 9.2.2).

Однако до настоящего времени ни в одной культуре перевода, во всяком случае, ни в одной европейской культуре перевода, модель триалогичной коммуникации в полной мере не выявлена. Этому мешает глубоко укоренившееся в обществе и среди части переводческого сообщества логоцентрическое представление о неизменности смысла текста и о миметическом характере перевода. Еще одним препятствием на пути к институциализации триалогичной коммуникации, которая призвана вывести переводчика из тени, служит приписываемый переводчику габитус слуги (Inghilleri 2003). Эмпирические исследования, вскрывающие труднопреодолимую пропасть между мифом о беспристрастности и незаметности переводчика, а также переводческом этико-профессиональном кодексе, с одной стороны, и переводческой реальностью — с другой, могли бы помочь перейти рубикон и изменить отношение к переводчикам со стороны общества и самоидентификацию переводческого сообщества. Такой шаг помог бы приблизить переводческие нормы к реальности и показал бы транскультурный дискурс в реальном свете. Поэтому, на наш взгляд, этот вопрос является самым острым, он требует безотлагательного обсуждения как в обществе, так и внутри переводческого цеха (см., например, Tymoczko 2007, 2008).

Под полилогом понимается любая форма транскультурной коммуникации, в которой присутствует полифоническое взаимодействие голосов, сосуществующих в текстах (Wolf 1997b, 2000a, 2001). Классический пример переводческого полилога — художественный перевод. Обобщая сказанное в главах 7, 8 и 9, можно сделать следующее наблюдение: литературные тексты, являясь сложным семиотическим образованием, выступают в изменяющемся во времени многоголосном диалоге в роли оригинала по отношению к остальным текстам, существующим в текстовом пространстве исходного языка, в том числе по отношению к утвердившимся в нем переводным

текстам. Посредством перевода этот диалог не только переносится в новое текстовое пространство, но и вступает с ним в новый диалог. При этом голос переводчика звучит в процессе текстовой, эстетической и идеологической интеграции, абсолютно легитимно и неизбежно соединяясь с голосом исходного текста.

11.3. Культура перевода и культуры перевода

Перевод, выступая в роли проводника социально-когнитивного принципа формирования культуры, хранителя собственной культуры и креативного провокатора чужого, гаранта однородности и творца разнообразия, предъявляет большие этические требования и к переводчику, который несет ответственность перед культурой, и к культуре, которая пользуется результатами труда переводчика. Поэтому индивидуально-этические установки должны быть закреплены в принципах свободы и ответственности. В той ситуации, в которой сегодня находится европейская культура перевода, базирующаяся на этических принципах максима переводческой деятельности может быть сформулирована следующим образом:

> Будь лоялен по отношению к твоим партнерам, в то же время сохраняй чувство собственного достоинства и требуй от своих партнеров взаимной лояльности; экономно используй собственные ресурсы и ресурсы своих партнеров, думай о последствиях своих действий, выполняй свою работу профессионально и укрепляй уважительное отношение к профессии переводчика в обществе, соблюдай нормы переводческой культуры, но вместе с тем имей мужество взять на себя ответственность, чтобы нарушить существующие нормы и открыто заявить о причинах, побудивших тебя это сделать. Такая максима могла бы заменить собой свод профессиональных обязательств, разработанный Эндрю Честерманом (Chesterman 2001) в духе известной «Клятвы Св. Иеронима».

Развитие демократической культуры перевода открывает перед переводчиком возможности для активного участия в генерировании смыслов и формировании культур, в том числе и собственной культуры перевода. Для этого нужно уметь разбираться в том, какие силы действуют в социальном поле транскультурной коммуни-

кации, быть готовым бороться против маргинализации переводческой профессии и отстаивать свою роль равноправного партнера, аргументируя свою позицию наличием необходимой профессиональной компетенции. Эта профессиональная компетенция включает в себя способность разглядеть скрывающиеся за частоколом сигнификантов и за тканью текста принципы конструирования смыслов, определяемые властными отношениями, понять реальные социально-когнитивные процессы и адекватно на них реагировать. Наряду с этим переводчик не должен давать невыполнимых обещаний верности и объективности, даже если остальные партнеры по коммуникации ожидают от него этого. В сложно организованном и релятивистском мире третьего тысячелетия переводчик сможет заслужить доверие и занять положение посредника в межличностной и межкультурной коммуникации лишь при условии, что его действия будут осознанными, этически обоснованными и социально ответственными.

Максимы переводческой деятельности и системы ценностей, составляющие фундамент конструкта культуры перевода, могут и должны сохранять свои демократические принципы. Ценности, к которым мы обращаемся, это ценности демократического и плюралистического общества *homo oecologicus*[404] (Pieper 2003: 70). В этом обществе верхние позиции в иерархии ценностей занимают: права человека, человеческое достоинство, терпимость, уважительное отношение к «другости других», равенство возможностей (см. Cronin 2010), солидарность, способность вести диалог и искать компромиссы, эмансипация дискриминируемых групп и меньшинств (см. Venuti (ed.) 1998), бережное использование ресурсов, минимизация конфликтов и защита устойчивости. Однако, прежде чем предпринять попытку экспортировать эту иерархию ценностей в другие национальные культуры перевода с целью придания ей глобального характера, следует проявить самокритичность и задуматься: не станет ли это очередной попыткой привить другим народам европейские ценности и европейский образ жизни, как это уже неоднократно было в истории? На фоне поляризации мира шансы на успех создания такой глобальной системы ценностей кажутся нам весьма призрачными. Более реалистичным нам представляется развитие

[404] Человек, заботящийся об экологии (лат.).

прагматических связей между относительно автономными региональными и секторальными культурами перевода. Первым шагом на этом пути могло бы стать признание «другости» других культур перевода. Одновременно необходимо инициировать процесс, который сделал бы переводчиков и переводоведов активными участниками работы по формированию системы ценностей и смыслов, помог бы им в минимизации конфликтов и в разоблачении стратегии установления гегемонии. Возможно, сегодня разговор о включении в глобальную культуру перевода таких компонентов, как «защита прав человека» и «обеспечение физической и интеллектуальной неприкосновенности личности», кажется непродуктивным. Однако на фоне потенциальной угрозы глобальной конфронтации такие устремления могли бы стать реальной альтернативой войне текстов и интерпретаций.

В заключение скажем следующее: переводчик — это не супермозг, свободный от влияния психологических и социальных факторов (Robinson 2001). Переводчик является частью социума и имеет право, а в некоторых случаях и обязанность на общественную интервенцию. Одной из центральных задач переводческой этики должно стать исследование границ переводческой деятельности (agency) (Kinnunen/Koskinen (eds.) 2010) и определение места перевода в общественном и историческом контексте.

Дополнительная литература

Этика перевода

Venuti (1995a); Arrojo (1997a, e); Chesterman (1997a); Lane-Mercier (1997); Pym (1997b); Venuti (1998); Koskinen (2000a); Gouanvic (2001); Monacelli/Punzo (2001); Pym (ed.) (2001); Pym (2001); Koskinen (2002); Rudvin (2002); Cook (2004); Pym (2004b); Arrojo (2005);

Bermann/Wood (eds.) (2005); Corsellis (2005); Marzocchi (2005); Prunč (2005b); Baker (2006); Robinson (2006); Hekkanen (2007); Inghilleri (2007, 2008); Tymoczko (2007, 2008); Chesterman (2009a); Hermans (2009); Inghilleri (2009); Tymoczko (2009); Vihelmaa (2009); Baker (2010); Bahadır (2010); Hebenstreit (2010); Inghilleri (2010); Kinnunen/Koskinen (eds.) (2010).

Локализация

Esselink (2000); Schmitz/Wahle (eds.) (2000); Thibodeau (2000);

Cadieux/Esselink (2002); Pym (2003); Hovy/Ide/Frederking et al. (eds.) (2003); Pym (2004a); Reineke/Schmitz (eds.) (2005); Austermühl (2006); Esselink (2006); Pym (2006); Decombe/Mayer (2007); Uckermann (2007); Dollerup (2008); García (2008); Bondarenko (2009); Mazur (2009); Sandrini (2009a, b); Jiménez-Crespo (2010);

Cancio-Pastor/Belmonte (2010); McDonough Dolmaya (2010).

Использование корпусов текстов

Baker (1995); Tymoczko (1998); Zanettin (2000); Laviosa (2002);

Olohan (2004); Bernardini (2005); Anderman/Rogers (eds.) (2007);

Bernardini/Castagnoli (2008); Beeby/Rodríguez Inés/Sánchez-Gijón (eds.) (2009); Akbari/Mahadi Tengku/Vaezian et al. (2010); Xiao (ed.) (2010).

12. Основные вехи развития

Прошло почти 50 лет с момента опубликования работы Юджина Найды «О науке перевода» (Toward a Science of Translating) (Nida 1964, ^{2}2003a) и выхода в свет первых номеров серии «Лингвистика перевода» (Translationslinguistik) Лейпцигской школы перевода (Kade 1963). Примерно в то же время Иржи Левый издал свою монографию «Umění překladu» («Искусство перевода») (Levý 1963), а Джеймс Холмс опубликовал материалы своего доклада «Определение и природа переводоведения» (The Name and Nature of Translation Studies), с которым он выступил в 1972 г. в Копенгагене на III Международном конгрессе по прикладной лингвистике (Holmes 1988a). К тому времени переводоведение уже заявило о себе как о sui generis[405] дисциплине. К концу XX в. переводоведение окончательно сформировалось как научная дисциплина и заняло достойное место среди гуманитарных наук. Это было ознаменовано практически одновременным выходом в свет нескольких справочников по переводоведению (Shuttleworth/Cowie 1997; Snell-Hornby et al. (eds.) 1998; Baker (ed.) 1998, ^{2}2009). На этапе становления переводоведение часто меняло свои парадигмы (Snell-Hornby 2006). Причинами такого непостоянства была, во-первых, необходимость утвердиться в качестве самостоятельной научной дисциплины, во-вторых, сложность объекта исследования.

Самоутверждение переводоведения в качестве научной дисциплины сопровождалось стремлением обрести твердую почву под ногами и отмежеваться от других наук. На различных этапах своего развития переводоведение обращалось к парадигмам лингвистики, литературоведения, культурологии. Последней в этом списке стала социология. На этом пути переводоведение практиковало различные формы междисциплинарного сотрудничества и внутридисциплинарного взаимодействия. На этапе господства лингвистического и литературоведческого подходов переводоведение пережило процесс постепенной эмансипации. Внутренняя структура переводоведения как научной дисциплины определила его междисциплинарные

[405] Особого рода (лат).

связи. Отношения с культурологией строились уже на основе относительно равноправного диалога. В развитии сотрудничества были заинтересованы обе стороны — как переводоведение, так и культурология. В период «социологического поворота» в прочный научный фундамент переводоведения были выборочно интегрированы некоторые концепции и методы социологии. Разрабатывая свою концепцию переводоведения как междисциплинарной науки, Мэри Снелл-Хорнби указывала на сложность и комплексность объекта исследования, что оказало значительное влияние на уровень саморефлексии в переводоведении на начальном этапе его развития (Snell-Hornby 1995). Каждая смена парадигм не только накладывала отпечаток на профиль переводоведения, но и расширяла его горизонты. Разноплановость объекта исследования не допускала внутридисциплинарного герметизма, но требовала такого же разнообразия подходов и методов исследования.

В то время, когда переводоведение находилось под знаком лингвистической парадигмы, акцент делался, в первую очередь, на сходстве языков. Исходя из (поздне)рационалистической модели лингвистических универсалий, которые, как предполагалось, едины для всех языков, была предпринята попытка установить совпадения или, по меньшей мере, соответствия между языковыми системами, используя для этого считавшийся неизменным tertium comparationis. Найти волшебный алгоритм, который позволил бы преодолеть языковые барьеры, надеялись не только исследователи машинного перевода. Команда переводоведов Лейпцигской школы в начале своего научного пути также пыталась разработать своеобразную грамматику перевода. Однако языковая реальность показала, что двигаться следует в другом направлении. Обнаружилось, что для неспециальных текстов эквивалентность является скорее исключением, чем правилом. Долгий дискурс о свободе и верности перевода, который разгорелся на пути поиска иллюзии эквивалентности, блокировал развитие переводоведческой мысли. Культивирование жестких постулатов эквивалентности, которыми было отягощено западное переводоведение, обслуживавшее элитарные культуры перевода, привело к отрыву теории от переводческой практики. Научные обоснования постулатов эквивалентности мало чем могли помочь практикующим письменным и устным переводчикам,

и последние, испытывая угрызения совести, просто не обращали на них внимания в своей работе.

Разрубить гордиев узел удалось благодаря сделанному в лингвистике текста «открытию» принципа целеполагания и разработанной в 80-х гг. XX в. в рамках скопос-теории концепции переводческих действий. Переводчиков стали активно привлекать в качестве экспертов в области текстологии и культурологии для разработки новых моделей. После того как переводоведение покинуло, по выражению Гидеона Тури (Toury 1981: 258), «прокрустово ложе сопоставительной лингвистики» и обратило свое внимание на культуру, у него появились новые объекты и методы исследования. Черту под этим этапом развития подвела Мэри Снелл-Хорнби, выступившая с критикой концепции эквивалентности и призвавшая к смене ориентиров (Snell-Hornby 1986). Одновременно это стало сигналом к появлению в недрах переводоведения новой модели взаимодействия и положило начало диалогу двух групп переводоведов: сторонников лингвистического подхода и сторонников литературоведческого подхода. Джеймс Холмс обозначил рамки этого диалога в упомянутой выше работе 1972 г. «Определение и природа переводоведения». Прошедший в сентябре 1992 г. в Вене конгресс «Перевод как междисциплинарная область» (Translation as Interdiscipline) продемонстрировал сближение позиций. С программными докладами выступили Ханс Фермеер, сторонник деятельностного подхода, и представитель литературоведческого крыла переводоведения Жозе Ламбер (Vermeer 1994b; Lambert 1994b).

Внимание литературоведческого переводоведения первоначально было сосредоточено на литературных системах и функции перевода в рамках национальных литератур. Транслят использовался в качестве инструмента для сравнительного анализа исходной и принимающей литератур. Предложенная Итамаром Эвен-Зохаром теория полисистемы, а также дескриптивная теория перевода (Descriptive Translation Studies), разработанная Гидеоном Тури, сформировали новое понимание перевода как регулируемого взаимодействия двух (или более) литературных систем. Литературоведческое крыло переводоведения должно благодарить школу пражского структурализма и Иржи Левого в частности за то, что они уберегли

сторонников этого течения от хождения по лабиринту требований эквивалентности.

В середине 80-х гг. прошлого века сторонники теории мапулирования (Manipulation School) впервые поставили вопрос о воле переводчика, заявив, что кажущийся произвол переводчика в действительности является его вкладом в развитие и формирование принимающей культуры.

Следующим логичным шагом стало осознание и исследование имеющихся социокультурных взаимозависимостей и детерминантов. Особая заслуга в этом принадлежит Сьюзан Басснетт и Андре Лефевру, которые в начале 90-х гг. XX в. провозгласили культурный поворот в переводоведении (Translation Studies) и призвали окончательно отказаться от литературоведческой парадигмы. В итоге были расставлены новые акценты: внимание переводоведов сместилось от эквивалентности к различию. В центре внимания исследователей теперь оказался переводчик, призванный и преодолевать, и даже создавать различия между ИТ и ТП в процессе конституирования культуры совместно с общественными агентами, которые рекомендуют, требуют или запрещают переводчику создавать или ослаблять эти различия.

Под влиянием скопос-теории лингвистическое переводоведение пересмотрело свое отношение к лингвистике, за которой ранее безоговорочно признавалось доминирующее положение. Ослабление связи с лингвистикой как ведущей дисциплины произошло в тот момент, когда новый толчок развитию получили такие направления, как дискурс-анализ и критическая лингвистика. Это открывало широкие возможности для исследования социокультурных и социосемиотических факторов, влияющих на процесс перевода. Поэтому рецепция критической лингвистики и дискурс-анализа со стороны переводоведения оказалась ограниченной: лишь небольшое число переводоведов проявили интерес к возможностям, которые предлагали эти новые направления, и использовали их в своих исследованиях. Это объясняется тем, что к тому времени доминирующим в теории перевода уже стал культурологический подход. Вопрос использования методов дискурс-анализа и корпусной лингвистики

заслуживает глубокого и детального исследования в рамках лингвистического переводоведения[406].

Рецепция концепций постмодернизма, в частности теории деконструкции, сделала невозможным обращение к надъязыковому tertium comparationis. В парадигме культурологии (Cultural Studies) внимание уделялось не только идеологическим, но и политическим аспектам. Позиции представителей постколониального и феминистского переводоведения во многом совпадали. На смену представления о константности смысла пришла теория управляемой властью контингенции (Kontingenz), подразумевающей сопряженность смыслов. Это привело к тому, что «культурный поворот» (cultural turn) одновременно ознаменовал собой и «властный поворот» (power turn).

В процессе производства символических благ переводчики, несмотря на свое традиционно маргинализированное положение в обществе, играют чрезвычайно важную роль. Социология перевода с особым интересом изучает сегодня, в какой ситуации и при каких условиях отдельный переводчик и переводческое сообщество в целом могут занять достойное положение в обществе, перестав балансировать между общественным признанием и маргинализацией. Одновременно стал проявляться интерес и к социальной личности переводчика, которая ранее не принималась во внимание при рассмотрении переводческого процесса. До этого времени переводчик рассматривался как некий обезличенный идеализированный конструкт. Наделяя переводчика личностно-социальным статусом, переводоведение создает тем самым почву для профессионально-политической самоорганизации переводческого сообщества. Власть, которую переводчик при определенных обстоятельствах может получить в какой-либо культуре в поле перевода, есть его символический капитал, который он волен использовать в борьбе за свое право на интерпретацию, а также в политическом диалоге.

Признание субъективного характера смыслополагания привело к усилению чувства ответственности переводчика за свои действия. С приходом эпохи постмодернизма возвращение к постулату «объективного» перевода, который был бы полностью нейтрален и не зависел бы ни от культуры, ни от интересов власти, стало невозможным.

[406] См. библиографию в конце раздела 11.3.

Если объективный перевод и существует, то его объективность обеспечивается не какими-то наивно установленными отношениями эквивалентности. Объективность перевода возможна только при условии осознания всеми партнерами по коммуникации того факта, что создание и рецепция текста в условиях межкультурного/межъязыкового взаимодействия происходит под влиянием ряда субъективных, социокультурных и идеологических факторов. Этика перевода имеет сложную структуру и включает в себя анализ действующих сил, интересов и их диспозиции, а также тщательный выбор средств и путей для продвижения этих интересов. Наивное желание переводчика спрятаться за исходным текстом или просто за внешним уровнем исходного текста тем более оправдывает политическую деятельность. Страусовое поведение переводчика, его желание сложить с себя ответственность низводит его на уровень слуги тех, кто наделен властью интерпретации. Это не означает, что переводчик должен полностью отказаться от работы с внешней структурой исходного текста. Однако при обращении к внешнему уровню структуры исходного текста, как того требуют, например, представители «новой буквальности» (Neue Wörtlichkeit), переводчик не должен забывать, что смысловое наполнение исходного текста может меняться. Деконструкция знаков открывает доступ в интеллектуальное пространство, где обсуждаются вопросы, касающиеся групп населения, лишенных голоса, маргинализированных: женщин, меньшинств или даже целых культур. Отчуждение при переводе знаковых систем гегемониальных культур — это знак сопротивления социальной травле «Чужого», давлению всеобщей унификации в современном замакдональдизированном глобальном обществе.

Исторические тенденции развития переводоведения можно кратко обрисовать следующим образом. На первом этапе произошла переориентация от мнимой симметрии языков к реальной языковой асимметрии. На следующем этапе пришло понимание, что асимметрия языков усугубляется асимметрией культур. Расширение понятия «культура» за счет включения компонента «власть» вывело на первый план вопрос асимметрии власти в историческом, локальном и глобальном контекстах. Одновременно произошло низвержение исходного текста, смерть Автора, рождение Читателя и наконец

смерть оригинала. За смертью оригинала следует его Возрождение в контингентном переводе или, в крайнем случае, в контингентности перевода.

Состояние переводоведения, в котором оно находится сейчас, в начале третьего тысячелетия, наглядно иллюстрируют две публикации. В европейском контексте важное место занимает энциклопедическая серия „Übersetzung Translation Traduction". Первый том, подготовленный в рамках этого масштабного международного проекта, вышел в свет в 2004 г. В редакционный совет энциклопедии входят члены бывшей рабочей группы Гёттингенского проекта по переводоведению (Göttinger Sonderforschungsbereich) Харальд Киттель (Harald Kittel), Арним Пауль (Arnim Paul), Франк и Норберт Грайнеры (Frank Greiner, Norbert Greiner); родоначальники теории манипулирования (Manipulation School) Тео Херманс (Theo Hermans), Жозе Ламбер (José Lambert), а также представитель классического, ориентированного на эквивалентность переводоведения Вернер Коллер (Werner Koller) (Kittel et al. (eds.) 2004, 2007, 2011). Данная энциклопедическая серия, а также обновленная редакция «Энциклопедии переводоведения издательства Раутледж» (Routledge Ency clopedia of Translation Studies) (Baker/Saldanha (eds.)[2] 2009) дают исчерпывающее представление о переводе и переводческой деятельности.

В мировом контексте упоминания заслуживает еще одно издание: двухтомный сборник, вышедший под редакцией Тео Херманса «Перевести Других» (Translating Others) (Hermans (ed.) 2006a, b), подробно освещающий тему культуры перевода (см. Tymoczko 2006). В отличие от европейского переводоведения, которое первоначально отличалось исключительным европоцентризмом, здесь переводческие традиции подробно представлены в глобальном контексте. Открытый разговор и критическая саморефлексия, внимательное отношение к «другости» и многообразию — вот отличительные черты современного переводоведения. Принимая во внимание широкое использование сегодня термина «перевод» в культурологии и в гуманитарных науках, можно предположить, что вскоре потребуется новый пересмотр предметной области переводоведения и согласование ее со смежными дисциплинами.

Bibliographie

Literatur

Adamzik, Kirsten (1999) *Textsorten, Reflexionen und Analysen.* Tübingen: Stauffenburg.

Agar, Michael (1994) *Language Shock. Understanding the Culture of Conversation.* New York: William Morrow and Company.

Albrecht, Jörn (1973) *Linguistik und Übersetzung*. Tübingen: Niemeyer (Romanistische Arbeitshefte 4).

Albrecht, Jörn (1998) *Literarische Übersetzung, Geschichte – Theorie – Kulturelle Wirkung.* Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft.

Albrecht, Jörn (2001) „Das Verhältnis von Sprachwissenschaft und Übersetzungswissenschaft“, in: Albrecht + Gauger eds. 2001, 1-12.

Albrecht, Jörn + Baum, Richard eds. (1992) *Fachsprache und Terminologie in Geschichte und Gegenwart*. Tübingen: Narr (Forum für Fachsprachen-Forschung 14).

Albrecht, Jörn + Drescher, Horst W. + Göhring, Heinz + Salnikow, Nikolaj eds. (1987) *Translation als interkulturelle Kommunikation. 40 Jahre Fachbereich Angewandte Sprachwissenschaft der Johannes Gutenberg-Universität Mainz in Germersheim*. Frankfurt/ Main etc.: New York-Paris: Lang.

Albrecht, Jörn + Gauger, Hans-Martin eds. (2001) *Sprachvergleich und Übersetzungsvergleich. Leistung und Grenzen, Unterschiede und Gemeinsamkeiten.* Frankfurt/Main etc.: Lang.

Albrecht, Jörn + Gerzymisch-Arbogast, Heidrun + Rothfuß-Bastian, Dorothee eds. (2004) *Übersetzung - Translation - Traduction. Neue Forschungsfragen in der Diskussion*. Tübingen: Gunter Narr.

Allaoui, Raoua (2005) *Dolmetschen im Krankenhaus. Rollenerwartungen und Rollenverständnisse.* Göttingen: Cuvillier (Interdisziplinäre Reihe: Migration - Gesundheit - Kommunikation 1).

Álvarez, Román + Vidal, M. Carmen-África, Margret (1989 a) „’Landeskunde’ in der Translationsausbildung“, in: *TcT* 4.1989/1-2, 90-105.

Ammann, Margret (1989 b/²1990) *Grundlagen der modernen Translationstheorie – Ein Leitfaden für Studierende*. Heidelberg: Institut für Übersetzen und Dolmetschen (th= translatorisches handeln 1).

Ammann, Margret (1992) „Von Tennisschuhen, großen Onkeln und dem Gedankenstrich als Übersetzungsproblem: Übersetzungslehrbücher unter translatologischer Lupe“, in: *TcT* 7.1992, 219-239.

Ammann, Margret (³1995) *Kommunikation und Kultur. Dolmetschen und Übersetzen heute. Eine Einführung für Studierende.* Frankfurt a.Main: Verlag für interkulturelle Kommunikation.

Ammann, Margret + Vermeer, Hans J. (1990) *Entwurf eines Curriculums für einen Studiengang Translatologie und Translatorik.* Heidelberg: Universitätsdruckerei (th = translatorisches handeln 4).

Amos, Flora Ross (1973/2001) *Early Theories of Translation.* New York: Columbia Univ. Press.

Anderman, Gunilla + Rogers, Margaret eds. (1999) *Word, Text, Translation. Liber amicorum for Peter Newmark*. Clevedon etc: Multilingual Matters.
Angelelli, Claudia (2000) „Interpretation as a Communicative Event: A Look through Hymes' Lenses", in: *Meta* 45/4, 580-592.
Angelelli, Claudia (2003) „The Interpersonal Role of the Interpreter in Cross-Cultural Communication. A Survey of Conference, Court and Medical Interpreters in the US, Canada and Mexico", in: Brunette et al. eds. 2003, 15-26.
Apel, Friedmar (1983) *Literarische Übersetzung*. Stuttgart: Metzler.
Arnold, Doug + Balkan, Lorna + Humphreys, Richard et al. (1994) *Machine Translation. An Introductory Guide*. Manchester, Oxford: NCC: Blackwell.
Arntz, Reiner (1996) „Methoden und Probleme des juristischen Übersetzens im Sprachenpaar Italienisch-Deutsch", in: *Der Gerichtsdolmescher* 1996/2, 17-31.
Arntz, Reiner ed. (1988) *Textlinguistik und Fachsprache. Akten des internationalen übersetzungswissenschaftlichen AILA-Symposiums 13.-16.April 1987*. Hildesheim-Zürich-New York: Olms (Studien zu Sprache und Technik 1).
Arntz, Reiner + Thome, Gisela eds. (1990) *Übersetzungswissenschaft. Ergebnisse und Perspektiven. Festschrift für Wolfram Wilss zum 65. Geburtstag*. Tübingen: Narr (Tübinger Beiträge zur Linguistik 354).
Arrojo, Rosemary ([2]1992 a) *Oficina de tradução – A teoria na prática*. São Paulo: Ática.
Arrojo, Rosemary (1992 b) „A tradução passada a limpo e a visibilidade do tradutor", in: *Trabalhos em Lingüística Aplicadada* 19.1992, 57-73.
Arrojo, Rosemary (1994 a) „Deconstruction and the teaching of translation", in: *TcT* 9, 1-12.
Arrojo, Rosemary (1994 b) „Fidelity and the Gendered Translation", in: *TTR* 7/2, 147-163.
Arrojo, Rosemary (1995) „Feminist 'Orgasmic' Theories of Translation and their Contradictions", in: *TradTerm* 2, 67-75.
Arrojo, Rosemary (1996 a) „Asymmetrical Relations of Power and the Ethics of Translation", in: *TcT* 1997 (11 = NF 1), 5-24.
Arrojo, Rosemary (1996 b) „On Perverse Readings, Deconstruction and Translation Theory: A Few Comments on Anthony Pym's Doubts", in: *TradTerm*, 3, 9-21.
Arrojo, Rosemary (1997 a) „Pierre Menard und eine neue Definition des ‚Originals'", in: Wolf ed. 1997, 25-34.
Arrojo, Rosemary (1997 b) „Gedanken zur Translationstheorie und zur Dekonstruktion des Logozentrismus", in: Wolf ed. 1997, 63-70.
Arrojo, Rosemary (1997 c) „Die Endfassung der Übersetzung und die Sichtbarkeit des Übersetzens", in: Wolf ed. 1997, 117- 132.
Arrojo, Rosemary (1997 d) „The 'death' of the author and the limits of the translator's visibility", in: Snell-Hornby et al. eds. 1997, 21-32.
Arrojo, Rosemary (1998) The Revision of the Traditional Gap between Theory & Practice & Empowerment of Translation in Postmodern Times, in: The Translator 4/1, 25-48.
Arrojo, Rosemary (2002) „Writing, Interpreting, and the Power Struggle for the Control of Meaning: Scenes from Kafka, Borges, and Kosztolanyi", in: Tymoczko + Gentzler eds. 2002, 63-79.
Arrojo, Rosemary ed. (1992) *O Signo Desconstruído. Implicações para a traduçao, a leitura e o ensino*. Campinas: Pontes.
Austin, John L. (1962) *How to Do Things with Words*. Oxford: Clarendon.

Austin, John L. (1972) *Zur Theorie der Sprechakte*. Stuttgart: Reclam.
Bachleitner, Norbert (1989) „Übersetzungsfabriken. Das deutsche Übersetzungswesen in der ersten Hälfte des 19. Jahrhunderts", in: *Internationales Archiv für Sozialgeschichte der deutschen Literatur* 14/1, 1-50.
Bachleitner, Norbert + Wolf, Michaela (2004) „Auf dem Weg zu einer Soziologie der literarischen Übersetzung im deutschsprachigen Raum", in: Bachleitner + Wolf eds. 2004, 1-25.
Bachleitner, Norbert + Wolf, Michaela eds. (2004) *Internationales Archiv für Sozialgeschichte der deutschen Literatur. Themenheft: Soziologie der literarischen Übersetzung* [= 29. Bd., 2. Heft]. Tübingen: Niemeyer.
Bachmann-Medick, Doris (1996) „Texte zwischen den Kulturen: ein Ausflug in ‚postkoloniale Landkarten'", in: Böhme + Scherpe eds. 1996, 60-77.
Bachmann-Medick, Doris (2004) „Übersetzung als Medium interkultureller Kommunikation", in: Jaeger, Friedrich + Straub, Jürgen eds. *Handbuch der Kulturwissenschaften*. Band: 2, Stuttgart, Weimar: Metzler, 439-565.
Bachmann-Medick, Doris (2006) *Cultural Turns. Neuorientierung in den Kulturwissenschaften*. Reinbeck bei Hamburg: Rowohlt (rowohlts enzyklopädie).
Bachmann-Medick, Doris ed. (1997) *Übersetzung als Repräsentation fremder Kulturen*. Berlin: Erich Schmidt Verlag (Göttinger Beiträge zur Übersetzungsforschung 12).
Bahadir, Sebnem (1998) „Der Translator als Migrant - der Migrant als Translator ?", in: *TcT* 12/3-4, 263-273.
Bahadir, Sebnem (2000) „Von natürlichen Kommunikationsbrücken zu professionellen Kommunikationsbrücken", in: *TcT*, 14/2, 211-230.
Bahadir, Sebnem (2003) „'Multiple Identitäten' – Wer oder Was ist eine Türkin? Möglichkeiten und Grenzen des Kulturmittelns", in: Pöllabauer + Prunč eds. 2003, 58-80.
Bail, Ulrike ed. (^{3}2007) *Bibel in gerechter Sprache*. Gütersloh: Gütersloher Verlagshaus.
Baker, Mona (1992) *In Other Words. A Coursebook on Translation*. London-New York: Routledge.
Baker, Mona (1996) „Linguistics & Cultural Studies. Complementary or Competing Paradigms in Translation Studies", in: Lauer et al. eds. 1996, 9-19.
Baker, Mona (2006) *Translation and Conflict. A Narrative Account*. London & New York: Routledge.
Baker, Mona ed. (1998) *Routledge Encyclopedia of Translation Studies*. London-New York: Routledge.
Balkan, Lorna (1992) „Translation Tools", in: *Meta* 37/3, 408-420.
Ballard, Michel ed. (1995) *Relations discursives et traduction*. Lille: Presse Universitaires (Collection Étude de la traduction).
Balliu, Christian (1996) „Préface", in: Nida 1996, 9-13.
Bannet, Tavor Eve (1993) „The Scene of Translation: After Jakobson, Benjamin, de Man and Derrida", in: *New Literary History* 24, 577-599.
Barbe, Katharina (1996) „The Dichotomy Free and Literal Translation", in: *Meta* 41/3, 328-337.
Barchudarow, Leonid (1979) *Sprache und Übersetzung. Probleme der allgemeinen und speziellen Übersetzungstheorie*. Moskau: Progress.
Bardeleben, Renate von (1997) „The Translator as Mediator and Metaphor. Joyce Carol

Oates' 'Détente', Eva Hoffman's Lost in Translation and Ward Just's The Translator", in: Drescher ed. 1997, 325-345.
Barik, Henri C. (1971) „A description of various types of omissions, additions and errors of translation encountered in simultaneous interpretation", in: *Meta* 16, 199-210.
Barsky, Robert F. (1996) „The Interpreter as Intercultural Agent in Convention Refugee Hearings", in: *The Translator* 2/1, 45-63.
Barthes, Roland (1977) *Image, Music, Text*. New York: Hill & Wang.
Barthes, Roland (1991) „The Death of the Author", in: Lodge, David ed. *Modern Criticism and Theory*. London/New York: Longman, 167-172.
Bassnett, Susan (1980) *Translation Studies*. London/New York: Methuen.
Bassnett, Susan (1985) „Ways Through the Labyrinth. Strategies and Methods for Translating Theatre Texts", in: Hermans ed. 1985, 87-102.
Bassnett, Susan (1991) *Translation Studies. Revised Edition*. London/ New York: Routledge.
Bassnett, Susan + Lefevere, André (1990) „Introduction: Proust´s Grandmother and the Thousand and One Nights: The ‚Cultural Turn' in Translation Studies", in: Bassnett + Lefevere eds. 1990, 1-13.
Bassnett, Susan + Lefevere, André (1992) „General editors´ preface", in: Lefevere ed. 1992, VII-VIII.
Bassnett, Susan ed. (1997) *Translating Literature*. Cambridge: D.S. Brewer.
Bassnett, Susan + Lefevere, André eds. (1990) *Translation, History and Culture*. London and New York: Pinter Publishers.
Bassnett, Susan + Lefevere, André eds. (1998) *Constructing Cultures. Essays on literary translation*. Clevendon-Philadelphia etc.: Multilingual Matters (Topics in translation 11).
Bassnett, Susan + Trivedi, Harish eds. (1999) *Post-colonial Translation. Theory and practice*. London/New York: Routledge.
Bassnett-MacGuire, Susan (1980) *Translation Studies*. London etc.: Routledge.
Bassnett-MacGuire, Susan (³2004) *Translation Studies. New Accents*. London etc.: Routledge.
Baumann, Klaus-Dieter (1992) *Integrative Fachtextlinguistik*. Tübingen: Narr (Forum für Fachsprachen-Forschung 18).
Baumgarten, Nicole + Böttger, Claudia + Motz, Markus + Probst, Julia eds. (2004) *Übersetzen, Interkulturelle Kommunikation, Spracherwerb und Sprachvermittlung - das Leben mit mehreren Sprachen. Festschrift für Juliane House zum 60. Geburtstag*. Bochum: AKS-Verl (Fremdsprachen in Lehre und Forschung 34).
Bausch, Karl-Richard (1968) „Die Transposition. Versuch einer neuen Klassifikation", in: *Linguistica Antverpiensia* 2, 29-50.
Bausch, Karl-Richard (1970) „Übersetzungswissenschaft und angewandte Sprachwissenschaft. Versuch einer Standortbestimmung", in: *Lebende Sprachen* 15/6, 161-163.
Bausch, Karl-Richard (1973) „Sprachmittlung", in: Althaus, Hans Peter ed. *Lexikon der germanistischen Linguistik*. Band: 3, Tübingen: Niemeyer, 610-615.
Bausch, Karl-Richard + Gauger, Hans-Martin eds. (1971) *Interlinguistica. Sprachvergleich und Übersetzen. Festschrift zum 60. Geburtstag von Mario Wandruszka*. Tübingen: Niemeyer.

Bausch, Karl-Richard + Klegraf, Josef + Wilss, Wolfram (1970) *The Science of Translation: An Analytical Bibliography*. Band: 1: 1962-1969, Tübingen: Narr (Tübinger Beiträge zur Linguistik 21).
Bausch, Karl-Richard + Klegraf, Josef + Wilss, Wolfram (1972) *The Science of Translation: An Analytical Bibliography*. Band: 2: 1970-1971, Tübingen: Narr (Tübinger Beiträge zur Linguistik 33).
Beaugrande, Robert-Alain de + Dressler, Wolfgang Ulrich (1981) *Einführung in die Textlinguistik*. Tübingen: Niemeyer.
Beaugrande, Robert-Alain de + Shunnaq, Abdulla + Heliel, Mohammed H. eds. (1992) *Language, Discourse and Translation in the West and Middle East. Selected and Revised Papers from the International Conference on Language and Translation. Irbid, Jordan*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins (Benjamins Translation Library 7).
Bechert, Johannes + Wildgen, Wolfgang (1991) *Einführung in die Spachkontaktforschung*. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft.
Bell, Roger T. (1991) *Translation and Translating, Theory and Practice*. London/New York: Longman.
Bender, Karl-Heinz + Berger, Klaus + Wandruszka, Mario eds. (1977) *Imago Linguae. Beiträge zu Sprache und Übersetzen. Festschrift zum 60. Geburtstag von Fritz Paepcke*. München: Fink.
Benjamin, Andrew E. (1989) *Translation and the Nature of Philosophy. A New Theory of Words*. London-New York: Routledge.
Benjamin, Walter (1977) *Illuminationen. Ausgewählte Schriften 1. Ausgewählt von Siegfried Unseld.* Suhrkamp (suhrkamp taschenbuch 345).
Berger, Klaus + Speier, Hans-Michael eds. (1986) *Im Übersetzen leben. Übersetzen und Textvergleich*. Tübingen: Narr (Tübinger Beiträge zur Linguistik 281).
Berger, Peter L. + Luckmann, Thomas ([20]2004) *Die gesellschaftliche Konstruktion der Wirklichkeit. Eine Theorie der Wissenssoziologie* [übers. v. Plessner Monika]. Frankfurt/Main: Fischer Taschenbuch Verlag.
Berk-Seligson, Susan (1990) *The Bilingual Courtroom. Court Interpreting in the Judicial Process*. Chicago & London: The University of Chicago Press.
Berman, Antoine (1984) L'épreuve de l'étranger. Culture et traduction dans l'France romantique. Paris: Gallimard.
Berman, Antoine (1992) *The Experience of the Foreign. Culture and tanslation in romantic Germany*. Albany, NY: State University of New York Press.
Bermann, Sandra + Wood, Michael (2005) *Nation, Language and the Ethics of Translation*. Princeton: Princeton University Press.
Bernardo, Anna Maria (2004) „Quo vadis, Übersetzungswissenschaft? Haupttendenzen der aktuellen Übersetzungsforschung", in: Albrecht et al. eds. 2004, 23-32.
Bernhard, Ursula (1994) „Maschinelle Übersetzung in der Praxis. Anspruch und Realität aus Anwendersicht", in: *Lebende Sprachen* 39/2, 49-52.
Best, Joanna + Kalina, Sylvia eds. (2002) *Übersetzen und Dolmetschen. Eine Orientierungshilfe*. Tübingen: Francke (UTB 2329).
Bhabha, Homi K. (1994) *The Location of Culture*. London: Routledge.
Bhabha, Homi K (2000) *Die Verortung der Kultur* [übers. v. Michael Schiffmann und Jürgen Freund]. Tübingen: Narr.
Biguenet, John + Schulte, Rainer eds. (1989) *The Craft of Translation*. Chicago/London:

University of Chicago Press.
Bitterli, Urs ([2]1991) *Die ‚Wilden' und die ‚Zivilisierten'. Grundzüge einer Geistes- und Kulturgeschichte der europäisch-überseeischen Begegnung.* München: Beck.
Black, Matthew + Smalley, William A. (1974) *On Language, Culture and Religion. In honor of Eugene A. Nida*. The Hague: Mouton.
Bödeker, Birgit + Eßmann, Helga eds. (1997) *Weltliteratur in deutschen Versanthologien des 20. Jahrhunderts*. Berlin: Erich Schmidt Verlag (Göttinger Beiträge zur internationalen Übersetzungsforschung 13).
Bödeker, Birgit + Freese, Katrin (1987) „Die Übersetzung von Realienbezeichnungen bei literarischen Texten: Eine Prototypologie", in: *TcT*, 2/2-3, 137-165.
Bogner, Ralf Georg ed. (1999) *Interkulturelle Asymmetrie. Edward Samhabers Übertragung des slowenischen Nationalautors France Prešeren*. Wien etc.: Böhlau (Schriften zur Literatur und Sprache in Oberösterreich 6).
Böhme, Hartmut + Scherpe, Klaus eds. (1996) *Literatur und Kulturwissenschaften. Positionen, Theorien, Modelle*. Reinbeck bei Hamburg: Rowohlt Taschenbuch Verlag (rowohlts enzyklopädie).
Bollettieri Bosinelli, Rosa Maria + Heiss, Christine + Soffritti, Marcello + Bernardini, Silvia eds. (2000) *La traduzione multimediale: Quale traduzione per quale testo? Atti del convegno internationale La traduzione multimediale: Quale traduzione per quale testo? Mulimedia translation: Which translation for which text? Forli, 2-4 aprile 1998*. Bologna: CLUEB.
Börner, Wolfgang + Vogel, Klaus eds. (1999) *Kontrast und Äquivalenz. Beiträge zu Sprachvergleich und Übersetzung*. Tübingen: Narr (Tübinger Beiträge zur Linguistik 442).
Bot, Hanneke (2005) *Dialogue interpreting in mental health*. Amsterdam/ New York: Rodopi (Utrecht Studies in Language and Communication 19).
Bourdieu, Pierre (1982) *Die feinen Unterschiede. Kritik der gesellschaftlichen Urteilskraft. Übersetzt von Bernd Schwibs und Achim Russer*. Frankfurt am Main: Suhrkamp (suhrkamp taschenbuch wissenschaft 658).
Bourdieu, Pierre (1992) *Les règles de l'art. Genèse et structure du champs littéraire.* Paris: Seuil.
Bourdieu, Pierre (1993) *Soziologische Fragen* [übers. v. Hella Beister + Bernhard Schwibs]. Frankfurt/Main: Suhrkamp.
Bourdieu, Pierre ([3]1995) *Sozialer Raum und ‚Klassen". Leçon sur la leçon. Zwei Vorlesungen* [übers. v. Bernd Schwibs]. Frankfurt am Main: (stb 500).
Bourdieu, Pierre (1999) *Die Regeln der Kunst. Genese und Struktur des literarischen Feldes* [übers. v. Bernd Schwibs und Achim Russer]. Frankfurt am Main: Suhrkamp (suhrkamp taschenbuch wissenschaft 1539).
Bowker, Lynne + Cronin, Michael + Kenny, Dorothy + Pearson, Jennifer eds. (1998) *Unity in Diversity? Current Trends in Translation Studies*. Manchester, UK: St. Jerome.
Bowker, Lynne + Kenny, Dorothy + Pearson, Jennifer (1998) *Bibliography of Translation Studies*. Manchester: St. Jerome Publishing.
Brinker, Klaus ([2]1988, [3]1992) *Linguistische Textanalyse. Eine Einführung in Grundbegriffe und Methoden*. Berlin: Erich Schmidt Verlag (Grundlagen der Germanistik 29).
Brislin, Richard W. (1978) „Contributions of cross-cultural programs and power analysis to translation/interpretation", in: Gerver + Sinaiko eds. 1978, 205-216.

Brislin, Richard W. ed. (1976) *Translation. Applications and Research*. New York: Gardener Press.
Broeck, Raymond van den (1978) „The Concept of Equivalence in Translation Theory: Some Critical Reflexions“, in: Holmes et al. eds. 1978, 29-47.
Broeck, Raymond van den (1980) „Towards a text-type-oriented theory of translation“, in: Poulsen + Wilss eds. 1980, 82-96.
Broeck, Raymond van den (1985) „Second Thoughts on Translation Criticism“, in: Hermans, Theo ed. 1985, 54-62.
Broeck, Raymond van den (1986) „Contrastive Discourse Analysis as a Tool for the Interpretation of Shifts in Translated Texts“, in: House + Blum-Kulka, eds. 1986, 37-47.
Brower, Reuben A. ed. (1959/1966) *On Translation*. New York: Oxford University Press.
Brown, Gillian + Yule, George (1983) *Discourse Analysis*. Cambridge: Cambridge University Press.
Brunette, Louise + Bastin, Georges + Clarke, Heather eds. (2003) *The Critical Link 3: Interpreters in the Community. Selected papers from the Third International Conference on Interpreting in Legal, Health, and Social Service Settings,* Montréal, Québec, Canada, 22 - 26 May 2001. Amsterdam: Benjamins, (Benjamins translation library 46).
Bühler, Hildegund (1979) „Suprasentential Semantics and Translation“, in: *Meta* 24, 451-458.
Bühler, Hildegund (1984) „Textlinguistische Aspekte der Übersetzungsdidaktik“, in: Wilss + Thome eds. 1984, 250-259.
Bühler, Hildegund ed. (1985) *Der Übersetzer und seine Stellung in der Öffentlichkeit. Translators and their Position in Society. Le traducteur et sa place dans la société. X. Weltkongreß der FIT.* Wien: Braumüller.
Bühler, Karl (1934) *Sprachtheorie. Die Darstellungsfunktion der Sprache*. Jena: Fischer.
Bühler, Karl (1999) *Sprachtheorie. Die Darstellungsfunktion der Sprache*. Tübingen: Francke (UTB 1159).
Bulut, Alev + Kurultay, Turgay (2001) „Interpreters-in-Aid at Disasters: Community Interpreting in the Process of Disaster Management“, in: Pym, ed. 2001, 249-264.
Burr, Vivien (^{2}2003) *Social Constructivism*. London: Routledge.
Burrell, Todd + Kelly, Sean K. eds. (1995) *Translation: Religion, Ideology, Politics*. Binghampton-New York: State University of New York at Binghampton (Translation Perspectives VIII).
Bussmann, Hadumod (^{2}1990) *Lexikon der Sprachwissenschaft*. Stuttgart: Kröner.
Cadieux, Pierre + Esselink, Bert (2002) „Feeling GILTy. Defining the terms Globalization, Internationalization, Localization and Translation“, in: *LI*, 14/3, 22-25.
Carr, Silvana E. + Roberts, Roda P. + Dufour, Aideen + Steyn, Dini eds. (1997) *The Critical Link. Interpreters in the Community : Papers from the first International Conference on Interpreting in Legal, Health, and Social Service Settings (Geneva Park, Canada, June 1 - 4, 1995)*. Amsterdam etc.: Benjamins (Benjamins translation library 19).
Carrol, John B. ed. (1956) *Language, Thought and Reality. Selected Writings of Benjamin Lee Whorf*. Cambridge: M.I.T. Press.
Cary, Edmond (1963) *Les grands traducteurs français. Etienne Dolet, Amyot, Mme. Dacier, Houdar de la Motte et les traducteurs d'Homère, Galland et les traducteurs des Mille et une Nuits. Gérard de Nerval, Valery Larbaud.* Genève: Georg & Cie S.A.
Casanova, Pascale (1999) *La république mondiale des lettres*. Paris: Éditions du Seuil.

Catford, John Cunnison (1965) *A Linguistic Theory of Translation. An Essay in Applied Linguistics*. London: Oxford University Press.
Celestini, Federico + Mitterbauer, Helga eds. (2003) *Ver-rückte Kulturen. Zur Dynamik kultureller Transfers*. Tübingen: Stauffenburg (Stauffenburg Discussion 22).
Chamberlain, Lori (1992) „Gender and the Metaphorics of Translation", in: Venuti ed. 1992, 57-74.
Chamberlain, Lori (2000) „Gender and the Metaphorics of Translation", in: Venuti ed. 2000, 314-329.
Chang, Nam Fung (1996) „Towards a Better General Theory of Equivalent Effect", in: *Babel* 42/1, 1-17.
Chesterman, Andrew (1997 a) *Memes of Translation. The spread of ideas in translation theory*. Amsterdam/Philadelphia: Benjamins.
Chesterman, Andrew (1997 b) "Ethics of Translation", in: Snell-Hornby et al. 1997, 147-157.
Chesterman, Andrew (2001) „Proposal for a Hieronymic Oath", in: Pym ed. 2001, 139-154.
Chesterman, Andrew + San Salvador, Natividad Gallardo + Gambier, Yveseds. (2000) *Translation in Context. Selected Contributions from the EST Congress, Granada 1998*. Amsterdam: Benjamins.
Cheyfitz, Eric (1991) *The Poetics of Imperialism. Translation and Colonization from the Tempest to Tarzan.* New York: University Press.
Clarc, Robert (1994) „Computer-assisted translation. The state of the art", in: Dollerup + Loddegaard eds. 1994, 301-308.
Clyne, Michael (1987) „Cultural Differences in the Organization of Academic Texts, English and German", in: *Journal of Pragmatics* 11, 201-238.
Cole, Peter + Morgan, J. eds. (1975) *Syntax and Semantics 3: Speech Acts*. Band: 3. New York: Academic Press.
Cooper, Robert L. + Spolsky, Bernard eds. (1991) *The Influence of Language on Culture and Thought. Essays in Honor of Joshua A. Fishman's Sixty-Fifth Birthday*. Berlin/New York: Mouton.
Cormier, Monique C.ed. (1992) Études et recherches en traductique. Studies and Researches in Machine Translation [= Meta 37.1992.4 (Numéro spécial)].
Coseriu, Eugenio (1978) „Falsche und richtige Fragestellungen in der Übersetzungstheorie", in: Grähs + Korlén eds. 1978, 17-32.
Coseriu, Eugenio ([2]1981 a) *Textlinguistik. Eine Einführung*. Tübingen: Narr.
Coseriu, Eugenio (1981 b) „Falsche und richtige Fragestellungen in der Übersetzungstheorie", in: Wilss ed. 1981, 27-47.
Coseriu, Eugenio ([3]1994) *Textlinguistik. Eine Einführung. Hrsg. und bearbeitet von Jörn Albrecht.* Tübingen & Basel: Francke (UTB 1808).
Cronin Michael (2002) „The Empire Talks Back:. Orality, Heteronomy, and the Cultural Turn in Interpretation Studies", in: Tymoczko + Gentzler eds. 2002, 45-62.
Cronin, Michael (2003) *Translation and Globalization*. London + New York: Routledge.
Culler, Jonathan (1999) *Dekonstruktion. Derrida und die poststrukturalistische Literaturtheorie* [übers. v. Manfred Momberger]. Reinbeck bei Hamburg: Rowohlt Taschenbuch Verlag (rowohlts enzyklopädie).
Cunico, Sonia (1997) „Syntax, Discourse Analysis, and Translation Studies", in: *Babel*

43/2, 126-137.
Cunico, Sonia ed. (2007) *Translation and Ideology: Encounters and Clashes*. [Special issue: *The Translator* (Volume 13, Number 2, November 2007].
Danks, Joseph H. + Shreve, Gregory M. + Fountain, Stephen B. + McBeath, Michael K. eds. (1997) *Cognitive Processes in Translation and Interpreting*. Thousand Oaks, London, New Delhi: Sage Publications (Applied Psychology 3).
Davis, Kathleen (2001) *Deconstruction and Translation*. Manchester/ Northampton: St. Jerome.
Delabastita, Dirk (1989) „Translation and mass-communication: film and T.V. translation as evidence of cultural dynamics", in: *Babel* 35/4, 193-218.
Delabastita, Dirk (1990) „Translation and the Mass Media", in: Bassnett + Lefevere eds. 1990, 97-109.
Delabastita, Dirk (1993) *There's a Double Tongue. An investigation into the translation of Shakespeare's wordplay, with special reference to Hamlet.* Amsterdam-Atlanta: Rodopi (Approaches to Translation Studies 11).
Delabastita, Dirk ed. (1996) *Wordplay and Translation. Dedicated to the memory of André Lefevere* (1945-1996) [Special issue: *The Translator* 2/2].
Delabastita, Dirk ed. (1997) *Traductio. Essays on Punning and Translation*. Manchester: St. Jerome.
Delabastita, Dirk + D'hulst, Lieven eds. (1993) *European Shakespeares. Translating Shakespeare in the Romantic Age*. Amsterdam-Philadelphia: Benjamins.
Delabastita, Dirk + D'hulst, Lieven + Meylaerts, Reine eds. (2006) *Functional Approaches to Culture and Translation. Selected papers by José Lambert*. Amsterdam: John Benjamins (Benjamins translation library 69).
Delisle, Jean (1980) *L'Analyse du discours comme méthode de traduction*. Ottawa: Editions de l'Université d'Ottawa.
Delisle, Jean (1993) *La traduction raisonée. Manuel d'initiation à la traduction France de l'anglais vers le français.* Ottawa: Presses de I'Universite d'Ottawa (Pédagogie de la traduction).
Delisle, Jean (2002) *Portraits de traductrices*. Arras: Artois Presses Univ (Collection Traductologie).
Delisle, Jean + Lee-Jahnke, Hannelore + Cormier, Monique C. (1999) *Terminologie de la traduction. Translation Terminology. Terminología de la traduccion. Terminologie der Übersetzung*. Amsterdam/Philadelphia: Benjamins.
Delisle, Jean + Woodsworth, Judith (1995) *Translators through History*. Amsterdam - Philadelphia: Benjamins (Benjamins translation library 13).
Derrida, Jaques (1994) *Die Schrift und die Differenz.* [Übers. v. Rodolphe Gasché] Frankfurt/Main: Suhrkamp (suhrkamp taschenbuch wissenschaft 177).
Derrida, Jaques (1997) „Babylonische Türme. Wege, Umwege, Abwege" [übers. v. Alexander García Düttmann], in: Hirsch ed. 1997, 119-181.
D'hulst, Lieven (1987) *L'évolution de la poésie en France (1789-1830). Introduction à une analyse des interférences systémiques.* Leuven: Leuven University Press.
D'hulst, Lieven ed. (1990) *Cent ans de théorie française de la traduction (1748-1847)*. Lille: Presses Universitaires de Lille.
Dil, Answar D. ed. (1975) *Language Structure and Translation. Essays by Eugene A. Nida*. Stanford: Stanford University Press.

Dillenz, Walter ([2]2004) *Praxiskommentar zum Urheberrecht. Österreichisches Urheberrechtsgesetz und Verwertungsgesellschaftengesetz*. Wien etc.: Springer.
Diller, Hans-Jürgen + Kornelius, Joachim (1978) *Linguistische Probleme der Übersetzung*. Tübingen: Niemeyer.
Dimič, Milan V. + Garstin, Maguerite K. (1988) *The Polysystem Theory. A Brief Introduction, with Bibliography*. Edmonton: University of Alberta (Papers on the Theory and History of Literature 1).
Dizdar, Dilek (1997) „Die Norm brechen. Möglichkeiten eines neuen Vokabulars in der Translationswissenschaft", in: *TcT*, 11=NF 1, 129-147.
do Mar Castro Varela, María + Dhawan, Nikita (2005) *Postkoloniale Theorie*. Bielefeld: Transcript - Verlag für Kommunikation, Kultur und soziale Praxis.
Doleschal, Ursula (1992) *Movierung im Deutschen. Eine Darstellung der Bildung und Verwendung weiblicher Personenbezeichnungen.* Unterschleissheim/ München: Lincom Europa.
Dollerup, Cay (2000) „The status of translation and translators", in: *Lebende Sprachen* 45/4, 145-149.
Dollerup, Cay + Orel-Kos, Silvana (2001) „Co-prints and translation", in: *Perspectives: Studies in Translatology*, 9/2, 87-108.
Dollerup, Cay + Loddegaard, Anne eds. (1992) *Teaching Translation and Interpreting. Training, Talent and Experience. Papers from the First Language International Conference. Elsinore, Denmark, 31 May-2 June 1991*. Amsterdam/Philadelphia: Benjamins (Copenhagen Studies in Translation).
Dollerup, Cay + Loddegaard, Anne eds. (1994) *Teaching Translation and Interpreting. 2: Insights, Aims, Visions. Papers from the Second Language International Conference. Elsinore, Denmark, 4-5 June 1993*. Amsterdam/ Philadelphia: Benjamins (Translation Library 5).
Drescher, Horst W. ed. (1997) *Transfer. Übersetzen – Dolmetschen – Interkulturalität. 50 Jahre Fachbereich Angewandte Sprach- und Kulturwissenschaft der Johannes Gutenberg-Universität Mainz in Germersheim*. Frankfurt/Main etc: Lang (Publikationen des Fachbereiches Angewandte Sprach- und Kulturwissenschaft der Johannes Gutenberg-Universität Mainz in Germersheim A 25).
Dressler, Wolfgang Ulrich (1972) „Textgrammatische Invarianz in Übersetzungen", in: Gülich + Raible eds. 1972, 98-106.
Dressler, Wolfgang Ulrich (1974) „Der Beitrag der Textlinguistik zur Übersetzungswissenschaft", in: Kapp ed. 1974, 61-71.
Dressler, Wolfgang Ulrich (1987) „Die Bedeutung der Textlinguistik für Übersetzung und Umkodierung. Atti del Convegno Internazionale - Tradurre: teoria ed esperienze", in: *Educazione Bilingue – Zweisprachige Bildung*, 14/27/2, 28/2, 1/3 1986, 21-34.
Dressler, Wolfgang Ulrich ed. (1978) *Textlinguistik*. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft.
Ebrecht, Jörg + Hillebrandt, Frank eds. ([2]2003) *Bourdieus Theorie der Praxis. Erklärungskraft - Anwendung - Perspektiven*. Hamburg-Wiesbaden: Verlag für Sozialwissenschaften.
Eguíluz, Federico + Merino, Rachel + Olsen, Vickie + Pajares, Eterio + Santamaría, José Miguel eds. (1994) *Transvases culturales: Literatura, cine y traducción. Actes du Congreso Internacional sobre Transvases Culturales, 20 y 22 de mayo 1993*. Vitoria:

Universidad del Pais Vasco.
Ehnert, Rolf + Schleyer, Walter eds. (1987) *Übersetzen im Fremdsprachenunterricht. Beiträge zur Übersetzungswissenschaft. Annäherungen an eine Übersetzungsdidaktik. Vorträge und Arbeitspapiere der AKDaF-Fachtagung vom 9. bis 12. September 1986 am Fachbereich Angewandte Sprachwissenschaft der Johannes-Gutenberg-Universität Mainz in Germersheim*/Rhein. Regensburg: AKDaF (Materialien Deutsch als Fremdsprache 26).
El-Akramy, Ursula (2001) „Caroline Schlegel-Schelling. Salonière und Shakespeare-Übersetzerin", in: Messner + Wolf eds. 2001, 71-76.
Ellis, John M. (1988) „What Does Deconstruction Contribute to Theory of Criticism", in: *New Literary History* 19/2, 259-279.
Ellis, Roger ed. (1989) *The Medieval Translator. The Theory and Practice of Translation in the Middle Ages*. Woodbridge, Suffolk: D.S. Brewer.
Ellis, Roger ed. (1991 a) *The Medieval Translator II*. London: Center for Medieval Studies (Westfield Publications in Medieval Studies 5).
Ellis, Roger ed. (1991 b) *Translation in the Middle Ages*. Colchester: University of Essex.
Ellis, Roger + Evans, Ruth eds. (1994) *The Medieval Translator 4*. Exeter: University of Exeter Press.
Ellis, Roger + Tixier, René (1995) *The Medieval Translator 5*. Turnhout: Brepols.
Ellis, Roger + Tixier, René eds. (1996) *The Medieval Translator / Traduire au Moyen Age. Proceedings of the International Conference of Conques (26-29 July 1993)*. Turnhout: Brepols.
Engberg, Jan (1997) *Konventionen von Fachtextsorten. Kontrastive Analysen zu deutschen und dänischen Gerichtsurteilen*. Tübingen: Narr (Forum für Fachsprachen-Forschung 36).
Erlich, Victor (1973) *Russischer Formalismus. Mit einem Geleitwort von René Wellek* [übers. v. Marlene Lohner]. München: Carl Hanser.
Esselink, Bert (2000) *A Practical Guide to Localization*. Amsterdam & Philadelphia: Benjamins.
Even-Zohar, Itamar (1978 a) *Papers in Historical Poetics. A collection of papers on literary history, literatures in contact and literary symbiosa*. Tel Aviv: Porter Institute.
Even-Zohar, Itamar (1978 b) „The Position of Translated Literature within the Literary Polysystem", in: Holmes et al eds. 1978, 117-127.
Even-Zohar, Itamar (1979) „Polysystem Theory", in: *Poetics Today*, 1/1-2, 287-310.
Even-Zohar, Itamar (1981) „Translation Theory Today. A Call for Transfer Theory", in: *Poetics Today*, 2/4, 1-7.
Even-Zohar, Itamar (1990) *Polysystem Studies. [= Special issue of Poetics Today. Vol. II, no. 1]*. Durham: Duke University Press [http://www.tau.ac.il/~itamarez/ps/ps-th.htm].
Even-Zohar, Itamar (1996) „The Role of Literature in the Making of the Nations of Europe. A Socio-Semiotic Study", in: *Applied Semiotics/Sémiotique Appliquée*, 1, 20-30.
Even-Zohar, Itamar (1997) „Factors and Dependencies in Culture: A Revised Outline for Polysystem Culture Research", in: *Canadian Review of Comparative Literature*, XXIV/1, 15-34.
Even-Zohar, Itamar (^{2}1998) „The Position of Translated Literature within the Literary Polysystem", in: Toury ed. 1998, 109-117.

Even-Zohar, Itamar + Toury, Gideon eds. (1981) *Translation Theory and Intercultural Relations* [= *Poetics today* 2/4]

Fabbro, Franco + Gran, Laura (1994) „Neurological and Neuropsychological Aspects Of Polyglossia and Simultaneous Interpretation“, in: Lambert + Moser-Mercer eds. 1994, 273-317.

Fairclough, Norman (1989/[3]1998) *Critical Discourse Analysis. The Critical Study of Language*. London et al.: Longman.

Fairclough, Norman (2003) *Analysing Discourse. Textual analysis for social research*. London and New York: Routledge.

Fawcett, Peter (1997) *Translation and Language. Linguistic Theories Explained*. Manchester: St. Jerome.

Feichtinger, Johannes + Prutsch, Ursula + Csáky, Moritz eds. (2003) *Habsburg postcolonial. Machtstrukturen und kollektives Gedächtnis*. Innsbruck etc.: Studien-Verlag (Gedächtnis - Erinnerung - Identität 2).

Feldweg, Erich (1996) *Der Konferenzdolmetscher im internationalen Kommunikationsprozess*. Heidelberg: Groos.

Filipec, Josef (1971) „Der Äquivalenzbegriff und das Problem der Übersetzbarkeit“, in: *Fremdsprachen*, Beiheft V/VI, 81-85.

Fillmore, Charles J. (1977) „Scenes-and-Frames Semantics“, in: Zampolli, Antonio ed. *Linguistic Structures Processing*. Amsterdam/New York/Oxford: North-Holland Publishing Company (Fundamental Studies in Computer Science 5), 55-81.

Fischer-Lichte, Erika (1990) „Zum kulturellen Transfer theatralischer Konventionen“, in: Schultze et al. eds. 1990, 35-62.

Fischer-Lichte, Erika ([3]1994) *Semiotik des Theaters. Eine Einführung. Das System der theatralischen Zeichen.* Band: 1, Tübingen: Narr.

Fischer-Lichte, Erika ([3]1995 a) *Semiotik des Theaters. Eine Einführung. Vom ‚künstlichen' zum „natürlichen“ Zeichen: Theater des Barock und der Aufklärung.* Band: 2, Tübingen: Narr.

Fischer-Lichte, Erika ([3]1995 b) *Semiotik des Theaters. Eine Einführung. Die Aufführung als Text.* Band: 3, Tübingen: Narr.

Fischer-Lichte, Erika + Paul, Fritz + Schultze, Brigitte + Turk, Horst eds. (1988) *Soziale und theatralische Konventionen als Problem der Dramenübersetzung*. Tübingen: Narr (Forum Modernes Theater 1).

Fishman, Joshua A. (1960) „A Systematization of the Whorf Hypothesis“, in: *Behaviorial Science*, 5/4, 323-339.

Fishman, Joshua A. (1993) „Ethnolinguistic democracy varieties, degrees and limits“, in: *LI*, 5/1, 11-17.

Fix, Ulla + Habscheid, Stephan + Klein, Josef eds. (2001) *Zur Kulturspezifik von Textsorten*. Tübingen: Stauffenburg (Textsorten 3).

Flaker, Aleksandar + Žmegač, Viktor eds. (1974) *Formalismus, Strukturalismus und Geschichte. Zur Literaturtheorie und Methodologie in der Sowjetunion, ČSSR, Polen und Jugoslawien.* Kronberg/ Taunus: Scriptor Verlag.

Fleischmann, Eberhard + Kutz, Wladimir + Schmitt, Peter A. eds. (1997) *Translationsdidaktik. Grundfragen der Übersetzungswissenschaft*. Tübingen: Narr.

Flotow, Luise von (1991) „Feminist Translation:. Contexts, Practices and Theories“, in: *TTR* IV/2, 69-83.

Flotow, Luise von (1997) *Translation and Gender. Translation in the ‚Era of Feminism'*. Manchester: St. Jerome (Translation theories explained 2).
Flotow, Luise von (1998) „Dis-Unity and Diversity. Feminist Approaches to Translation Studies", in: Bowker et al. 1998, 3-13.
Flotow, Luise von (2005) „Tracing the Context of Translation. The Example of Gender", in: Santaemilia, José ed. 2005, 39-51.
Folkart, Barbara (1991) *Le conflit des énonciations: traduction et discours rapporté*. Quebec: Les Editions Balzac.
Forstner, Martin (2000) „Zwischen globalisierter Kommunikation und kultureller Fragmentierung. zur Rolle der Translatoren in der neuen Informations- und Kommunikations-Welt", in: Wilss ed. 2000, 139-183.
Foucault, Michel (1977) *Language, Counter-memory, Practice* [übers. v. Donald F. Bouchard und Simon Sherry]. Ithaca: Cornell University Press.
Foucault, Michel (1984) „Truth and Power", in: Rabinow ed. 1984, 51-75.
Foucault, Michel (1999) *Die Ordnung der Dinge. Eine Archäologie der Humanwissenschaften*. Frankfurt/Main: Suhrkamp (suhrkamp taschenbuch wissenschaft 96).
Frank, Armin Paul (1984) „Theories and Theory of Literary Translation", in: Strelka ed. 1984, 203-221.
Frank, Armin Paul (1989) „‚Translation as System' and ‚Übersetzungskultur'. On Histories and Systems in the Study of Literary Translation", in: *New Comparison* 8, 85-98.
Frank, Armin Paul (2004) „Ein Weg in die Übersetzungsforschung", in: Pöckl ed. 2004, 91-102.
Frank, Armin Paul + Schultze, Brigitte (1988) „Normen in historisch-deskriptiven Übersetzungsstudien", in: Kittel ed. 1988, 96-121.
Frank, Armin Paul ed. (1987) *Die literarische Übersetzung. Der lange Schatten kurzer Geschichten. Amerikanische Kurzprosa in deutschen Übersetzungen*. Berlin: Erich Schmidt (Göttinger Beiträge zur internationalen Übersetzungsforschung 3).
Frank, Armin Paul + Gulya, János + Mölk, Ulrich eds. (1993 a) *Übersetzen, Verstehen, Brücken bauen. Geisteswissenschaftliches und literarisches Übersetzen im internationalen Kulturaustausch*. Band: 8.1, Berlin: Erich Schmidt (Göttinger Beiträge zur Internationalen Übersetzungsforschung).
Frank, Armin Paul + Gulya, János + Mölk, Ulrich eds. (1993 b) *Übersetzen, Verstehen, Brücken bauen. Geisteswissenschaftliches und literarisches Übersetzen im internationalen Kulturaustausch*. Band: 8.2, Berlin: Erich Schmidt (Göttinger Beiträge zur Internationalen Übersetzungsforschung Band 8.2).
Fraser, Janet (1996) „Mapping the Process of Translation", in: *Meta* 41/1, 84-96.
Friederich, Wolf (1977) *Technik des Übersetzens. Englisch und Deutsch*. München: Hueber.
Fuchs-Heinritz, Werner + König, Alexandra (2005) *Pierre Bourdieu. Eine Einführung*. Konstanz: UVK Verlagsgesellschaft (UTB 2649).
Fürst, Gebhard ed. (1990) *Gottes Wort in der Sprache der Zeit. 10 Jahre Einheitsübersetzung*. Stuttgart: Akademie der Diözese Rottenburg-Stuttgart (Hohenheimer Protokolle 35).
Gallagher, John D. (1987) *Cours de traduction allemand-français. Lehrbuch mit Texten über Politik und Wirtschaft.* München/Wien: Oldenbourg.
Gallagher, John D. (1999) „Möglichkeiten und Grenzen der Übersetzungsäquivalenz", in:

Börner + Vogel eds. 1999, 1-29.
Gallén, Enric + Llanas, Manuel + Ortín, Marcel et al. eds. (2000) *L'Art de traduir: reflexions sobre la traducció all llarg de la història*. Barcelona: EUMO Editorial (Biblioteca de traducció i interpretació 4).
Gambier, Yves ed. (1994) *Language Transfer and Audiovisual Communication. A bibliography*. Turku: Turku Yliopisto.
Gambier, Yves ed. (1996) *Les transferts linguistiques dans les médias audiovisuels*. Villeneuve d'Ascq (Nord): Presses Universitaires du Septentrion.
Gambier, Yves ed. (1997) *Conference Interpreting: Current Trends in Research. Proceedings of the International Conference on Interpreting: What Do We Know and How?* (Turku, August 25-27, 1994). Amsterdam etc.: Benjamins (Benjamins Translation Library 23).
Gambier, Yves ed. (1998) *Tanslating for the Media. Papers from the International Conference LANGUAGES & THE MEDIA*. Turku: University of Turku.
Gambier, Yves ed. (2001) *(Multi) media translation. concepts, practices, and research*. Amsterdam etc.: (Benjamins translation library 34).
Gambier, Yves ed. (2003) *Screen translation.* [=Special issue: *The Translator* 9,2]. Manchester: St. Jerome.
Gambier, Yves + Tommola, Jorma eds. (1993) *Translation and Knowledge: Proceedings from the Scandinavian Symposium on Translation Theory*. Turku: University of Turku: Centre for Translation and Interpreting (SSOTT IV).
Gardt, Andreas (1989) „Möglichkeiten und Grenzen einer pragmatischen Übersetzungstheorie", in: *TcT*, 4, 1-59.
Gentile, Adolfo + Ozolins, Uldis + Vasilakakos, Mary (1996/2001) *Liaison interpreting. A Handbook*. Melbourne: Melbourne University Press.
Gentzler, Edwin (1993) *Contemporary Translation Theories*. London/ New York: Routledge (Translation Studies).
Gentzler, Edwin (1996) „Translation, Counter-Culture, and The Fifties in the USA", in: Álvarez + Vidal eds. 1996, 116-137.
Gentzler, Edwin ([2]2001) *Contemporary Translation Theories. 2., rev. ed.* Clevedon etc.: Multilingual Matters (Topics in translation 21).
Gentzler, Edwin (2002) „Translation, Poststructuralism, and Power", in: Tymoczko + Gentzler eds. 2002, 195-218.
Gergen, Kenneth J. (2002) *Konstruktive Wirklichkeiten. Eine Hinführung zum sozialen Konstruktionismus*. Stuttgart:Kohlhammer.
Gerver, David + Sinaiko, H. Wallace eds. (1978) *Language Interpretation and Communication. NATO Conference Series*. London/New York: Plenum Press.
Gerzymisch-Arbogast, Heidrun (1994) *Übersetzungswissenschaftliches Propädeutikum*. Tübingen und Basel: Francke (UTB 1782).
Gerzymisch-Arbogast, Heidrun + Gile, Daniel + House, Juliane + Rothkegel, Annely eds. (1999) *Wege der Übersetzungs- und Dolmetschforschung*. Tübingen: Narr (Jahrbuch Übersetzen und Dolmetschen 1).
Gil, Alberto + Haller, Johann + Steiner, Erich + Gerzymisch-Arbogast, Heidrun eds. (1999) *Modelle der Translation. Grundlagen für Methodik, Bewertung, Computermodellierung*. Frankfurt am Main etc.: Lang (Saarbrückner Beiträge zur Translationswissenschaft 1).
Gile, Daniel (1994) „Opening up in Interpretation Studies", in: Snell-Hornby, et al. eds. 1994, 149-158.

Gile, Daniel (1995 a) *Regards sur la recherche en interprétation de conference*. Lille: Presses universitaires de Lille.
Gile, Daniel (1995 b) *Basic Concepts and Models for Interpreter and Translator Training*. Amsterdam & Philadelphia: Benjamins (Benjamins Translation Library 8).
Gile, Daniel (2005) *La traduction. la comprendre, l'apprendre*. Paris: Presses Univ. de France (Linguistique nouvelle).
Gile, Daniel ed. (1995) *Interpreting Research.* [= Special Issue: *Target* 7/1].
Gile, Daniel ed. (2001) *Getting started in interpreting research. Methodological reflections, personal accounts and advice for beginners.* Amsterdam et al.: Benjamins (Benjamins translation library 33).
Godard, Barbara (1990) „Theorizing Feminist Discourse/Translation", in: Bassnett + Lefevere eds. 1990, 87-96.
Goffin, Roger (1971) „Pour une formation universitaire 'sui generis' du traducteur: Réflexions sur certain aspects méthodologiques et sur la recherche scientifique dans le domaine de la traduction", in: *Meta* 16, 57-68.
Göhring, Heinz (1978) „Interkulturelle Kommunikation: Die Überwindung der Trennung von Fremdsprachen- und Landeskundeunterricht durch einen integrierten Fremdverhaltensunterricht", in: Hartig, Matthias + Wode, Henning eds. *Kongressberichte der 8. Jahrestagung der Gesellschaft für Angewandte Linguistik GAL e.V. Mainz 1977*. Band: 4, Stuttgart: Hochschulverlag (Soziolinguistik, Psycholinguistik), 9-14.
Göhring, Heinz (2002) *Interkulturelle Kommunikation. Anregungen für Sprach- und Kulturmittler*. Tübingen: Stauffenburg.
Göpferich, Susanne (1995) *Textsorten in Naturwissenschaft und Technik. Pragmatische Typologie – Kontrastierung – Translation*. Tübingen: Narr (Forum für Fachsprachenforschung 27).
Göpferich, Susanne (1996 a) „Textsortenkanon: Zur Text(sorten)auswahl für fachsprachliche Übersetzungsübungen", in: Kelletat, Andreas F. ed. *Übersetzerische Kompetenz. Beiträge zur universitären Übersetzerausbildung in Deutschland und Skandinavien*. Band: 22, Frankfurt/Main: Lang (Reihe A).
Göpferich, Susanne (1996 b) „Direktive Sprechakte im Textsortenspektrum der Kraftfahrzeugtechnik: Konventionen im Deutschen und im Englischen", in: Kalverkämper + Baumann eds. 1996, 65-99.
Göpferich, Susanne (1998) *Interkulturelles Technical Writing. Fachliches adressatengerecht vermitteln. Ein Lehr- und Arbeitsbuch.* Tübingen: Narr (Forum für Fachsprachen-Forschung 40).
Göpferich, Susanne (2001) „Von Hamburg nach Karlsruhe: Ein kommunikationsorientierter Bezugsrahmen zur Bewertung der Verständlichkeit von Texten", in: *Fachsprache* 23/3-4, 117-138.
Göpferich, Susanne (2002) *Textproduktion im Zeitalter der Globalisierung. Entwicklung einer Didaktik des Wissenstransfers.* Tübingen: Stauffenburg (Studien zur Translation 15).
Göpferich, Susanne ed. (2004) *Qualität fachsprachlicher Kommunikation*. Tübingen: Narr (Forum für Fachsprachen-Forschung 66).
Gorp, Hendrik van (1985) „The European Picaresque Novel in the 17th and 18th Centuries", in: Hermans ed. 1985, 136-148.
Gouanvic, Jean-Marc (1994) *La Science-fiction française au XX-e siècle (1900-1968).*

Essai de socio-poétique d'un genre en émergence. Amsterdam-Atlanta: Éditions Rodopi.
Gouanvic, Jean-Marc (1997) „Pour une sociologie de la traduction: le cas de la littérature américaine traduite en France après la Seconde Guerre mondiale (1945-1960)", in: Snell-Hornby et al. eds. 1997, 33-44.
Gouanvic, Jean-Marc (1999) *Sociologie de la traduction. La science-fiction américaine dans l'espace culturel français des années 1950.* Arras Cedex: Artois Presses Universite.
Gouanvic, Jean-Marc (2001) „Ethos, Ethics and Translation: Towards a Community of Destinies", in: Pym ed. 2001, 203-212.
Gouanvic, Jean-Marc (2002 a) „The Stakes of Translation in Literary Fields", in: *Across Languages and Cultures*, 3/2, 159-168.
Gouanvic, Jean-Marc (2002 b) „A Model of Structuralist Constructivism in Translation Studies", in: Hermans ed. 2002, 93-102.
Gouanvic, Jean-Marc (2005) „A Bourdieusian Theory of Translation, or the Coincidence of Practical Instances: Field, ‚Habitus', Capital and ‚Illusio'", in: *The Translator* 11/2, 147-166.
Graham, Joseph F. ed. (1985) *Difference in translation*. Ithaca, NY: Cornell Univ. Press, (Cornell paperbacks).
Grähs, Lillebill + Korlén, Gustav + Malmberg, Bertil eds. (1978) *Theory and Practice of Translation. Nobel Symposium 39, Stockholm, September 6-10, 1976*. Bern/Frankfurt/Main/Las Vegas: Lang.
Gran, Laura + Dodds, John eds. (1989) *The theoretical and practical aspects of teaching conference interpretation. First International Symposium on Conference Interpreting at the University of Trieste.* Udine: Campanotto (Zeta università 12 : Saggi, convegni).
Gran, Laura + Viezzi, Maurizio (1995) „Development of Research Work at SSLM, Trieste", in: Gile ed. 1995, 107-118.
Grassegger, Hans (1985) *Sprachspiel und Übersetzung. Eine Studie anhand der Comic-Serie Asterix*. Tübingen: Stauffenburg-Verlag.
Grbić, Nadja (1994) *Gebärdensprachdolmetschen als Gegenstand einer angewandten Sprach- und Translationswissenschaft.* Graz: Phil. Diss.
Grbić, Nadja (1995) „Gebärdensprachdolmetschen - Ein neues Berufsbild?", in: *Mitteilungsblatt der Universitas* 4, 6-9.
Grbić, Nadja (1996) „La traductologie dans les pays germanophones", in: *TTR* 9/2, 279-299.
Grbić, Nadja (1998) „Professionalisierung - Ein soziologisches Modell und ein Beispiel aus der Praxis des Gebärdensprachdolmetschens in Österreich:", in: *Das Zeichen 12/46, 612-623*.
Grbić, Nadja (2001 a) „First Steps on Firmer Ground. A Project for the Further Training of Sign Language Interpreters in Austria", in: Mason ed. 2001, 149-171.
Grbić, Nadja (2001 b) „‚Nein, nein, hier hab´ ich offenbar Recht!' Zur Übersetzungstätigkeit der Therese Albertine Luise von Jakob", in: Hebenstreit ed. 2001, 141-164.
Grbić, Nadja (2004) „Von der individuellen Dolmetschleistung zur gemeinschaftlichen Qualitätssicherung. Ein kooperatives Modell", in: *Das Zeichen*, 18/68, 429-435.
Grbić, Nadja (2005) „Vom Weiblichen im Text zur Akteurin im Handlungsfeld. Marksteine der feministischen Translationswissenschaft", in: *AEP Informationen. Feministische Zeitschrift für Politik und Gesellschaft*, 3/22-24.

Grbić, Nadja + Andree, Barbara + Grünbichler, Sylvia (2004) *Zeichen setzen. Gebärdensprache als wissenschaftliche und gesellschaftspolitische Herausforderung.* Graz: ITAT (GTS 8).

Grbić, Nadja + Pöllabauer, Sonja (2006 a) „Community Interpreting: signed or spoken? Types, modes and methods“, in: *Linguistica Antverpiensia New Series*, 5, 247-261.

Grbić, Nadja + Pöllabauer, Sonja (2006 b) „Forschung zum Community Interpreting im deutschsprachigen Raum: Entwicklung, Themen und Trends“, in: Grbić + Pöllabauer eds. 2006, 1-36.

Grbić, Nadja + Pöllabauer, Sonja eds. (2006) *‚Ich habe mich ganz peinlich gefühlt.‘. Forschung zum Kommunaldolmetschen in Österreich: Problemstellungen, Perspektiven und Potenziale.* Graz: ITAT (GTS 10).

Grbić, Nadja + Wolf, Michaela (1997 a) „Feministische Translationswissenschaft“, in: *Information*, 3/1, 23-26.

Grbić, Nadja + Wolf, Michaela (1997 b) „Gendern Sie mir den Text, bitte. Überlegungen zu fraueneinbindender Sprache in der Translation“, in: *TcT* 11 = NF 1/4, 247-266.

Grbić, Nadja + Wolf, Michaela (1999) „Von den ‚belles infidèles‘ zu den ‚rebelles infidèles‘. Zum Stand der feministischen Translationswissenschaft in Österreich“, in: Hey, Barbara ed. *Standpunkte feministischer Forschung und Lehre*. Wien: Bundesministerium für Wissenschaft und Verkehr (Materialien zur Förderung von Frauen in der Wissenschaft), 263-286.

Grbić, Nadja + Wolf, Michaela (2002) „Zur Konstruktion des Weiblichen durch Übersetzen“, in: Grbić + Wolf eds. 2002, 9-14.

Grbić, Nadja + Wolf, Michaela eds. (1997) *Text – Kultur – Kommunikation. Translation als Forschungsaufgabe*. Tübingen: Stauffenburg (Studien zur Translation 4).

Grbić, Nadja + Wolf, Michaela eds. (2002) *Grenzgängerinnen. Zur Geschlechterdifferenz in der Übersetzung.* Graz: ITAT (GTS 4).

Grice, Herbert Paul (1975) „Logic and Conversation“, in: Cole + Morgan eds. 1975, 41-58.

Groß, Walter ed. (2001) *Bibelübersetzung heute - Geschichtliche Entwicklungen und aktuelle Anforderungen. Stuttgarter Symposion 2000.* Stuttgart: Deutsche Bibelgesellschaft.

Grosman, Meta + Kadric, Mira + Kovačič, Irena + Snell-Hornby, Mary eds. (2000) *Translation into Non-Mother Tongues In Professional Practice and Training*. Tübingen: Stauffenburg (Studien zur Translation 8).

Gutt, Ernst-August (1991/²2000) *Translation and Relevance. Cognition and Context*. Oxford: St. Jerome Publishing.

Gülich, Elisabeth + Raible, Wolfgang eds. (1972) *Textsorten: Differenzierungskriterien aus textlinguistischer Sicht*. Frankfurt/Main: Athenäum.

Güttinger, Fritz (1963) *Zielsprache. Theorie und Technik des Übersetzens*. Zürich: Manesse Verlag.

Halliday, M.A.K. (1987) *Language as social semiotic. The social interpretation of language and meaning.* London: Arnold.

Halliday, M.A.K. + McIntosh, Andrew et al. eds. (1985) *Language, Context, and Text. Aspects of Language in a Social-Semiotic Perspective*. Victoria: Deakin University Press.

Halverson, Sandra (1997) „The Concept of Equivalence in Translation Studies: Much Ado About Something“, in: *Target*, 9/2, 297-233.

Halverson, Sandra (1999) „Image Schemas, Methaphoric Processes and the ‚Translate' Concept“, in: *Metaphor and Symbol* 14/3, 199-219.
Halverson, Sandra (2000) „Prototype Effects in the ‚Translation' Category“, in: Chesterman et al. eds. 2000, 3-16.
Halverson, Sandra (2002) „Cognitive models, prototype effects and ‚Translation'. The role of cognition in translation (meta)theory“, in: *Across Languages and Cultures* 3/1, 21-42.
Hannay, Margaret Patterson (1985) *Silent but for the Word. Tudor women as patrons, translators, and writers of religious works*. Ohio: Kent State Univerity.
Hannemann, Britta (2005) *Weltliteratur für Bürgertöchter. Die Übersetzerin Sophie Mereau-Brentano*. Wallstein Verlag.
Hansen, Gyde (2006) *Erfolgreich übersetzen. Entdecken und Beheben von Störquellen*. Tübingen: Narr (Translations-Wissenschaft 3).
Hansen, Gyde ed. (2002) *Empirical translation studies*. Samfundslitteratur (Copenhagen studies in language 27).
Hansen, Gyde + Malmkjær, Kirsten + Gile, Daniel eds. (2004) *Claims, changes and challenges in translation studies. Selected contributions from the EST Congress, Copenhagen 2001*. Amsterdam etc.: Benjamins (Benjamins translation library 50).
Hansen, Klaus P. (1995) *Kultur und Kulturwissenschaft. Eine Einführung*. Tübingen und Basel: Francke Verlag (UTB 1846).
Harhoff, Gabriele (1991) *Grenzen der Skopostheorie von Translation und ihrer praktischen Anwendbarkeit*. Frankfurt/Main: Lang (Anglo-American Forum 21).
Harras, Gisela (1978) *Kommunikative Handlungskonzepte oder: Eine Möglichkeit, Handlungsabfolgen als Zusammenhänge zu erklären, exemplarisch an Theatertexten.* Tübingen: Niemeyer (Reihe Germanistische Linguistik 16).
Harris, Brian (1977) *Papers in translatology*. Ottawa: Ottawa University.
Harris, Brian + Sherwood, Bianca (1978) „Translating as an Innate Skill“, in: Gerver + Sinaiko eds. 1978, 155-170.
Harris, Marvin (1989) *Kulturanthropologie. Ein Lehrbuch* [übers. v. Sylvia M. Schomburg-Scherff]. Frankfurt/Main, New York: Campus.
Harvey, Keith (1995) „A Descriptive Framework for Compensation“, in: *The Translator* 1/1, 65-86.
Hatim, Basil (1997) *Communication Across Cultures. Translation Theory and Constrastive Text Linguistics*. Exeter: University of Exeter Press.
Hatim, Basil (2001) *Teaching and Researching Translation*. London/New York: Longman (Applied Linguistics in Action).
Hatim, Basil + Mason, Ian (1990) *Discourse and the Translator*. London/New York: Longman (Language in Social Life Series).
Hatim, Basil + Mason, Ian (1997) *The Translator as Communicator*. London/New York: Routledge.
Hebenstreit, Gernot (2005) *Die Terminologie(n) translationswissenschaftlicher Theorien. Eine deskriptive begriffsorientierte Untersuchung*. Graz: Dissertation
Hebenstreit, Gernot + Wolf, Michaela (2001) „Eine Rechtsterminologie für die ‚in Österreich cultivierten slavischen Dialekte. Die k.k. Terminologiekommission von 1849“, in: Hebenstreit ed. 2001, 165-186.
Hebenstreit, Gernot ed. (2001) *Grenzen erfahren – sichtbar machen – überschreiten.*

Festschrift für Erich Prunč zum 60. Geburtstag. Frankfurt/Main etc: Lang.

Heibert, Frank (1993) *Das Wortspiel als Stilmittel und seine Übersetzung am Beispiel von sieben Übersetzungen des ,Ulysses' von James Joyce.* Tübingen: Narr (Kodikas/Code 20).

Heilbron, Johan (1999) „Towards A Sociology of Translation. Book Translations as a Cultural World-System", in: *European Journal of Social Theory*, 2/4, 429-444.

Heilbron, Johan (2000) „Translation as a cultural world-system", in: *Perspectives. Studies in Translatology*, 8/1, 9-26.

Heilbron, Johan + Sapiro, Gisèlle (2002) „La traduction littéraire, un objet sociologique", in: *Actes de la recherche en sciences sociales,* No. 144, 3-6.

Heinemann, Margot + Heinemann, Wolfgang (2002) *Grundlagen der Textlinguistik. Interaktion - Text - Diskurs*. Tübingen: Niemeyer (Germanistische Linguistik: Kollegbuch).

Heinemann, Wolfgang + Viehweger, Dieter (1991) *Textlinguistik. Eine Einführung*. Tübingen: Max Niemeyer Verlag.

Henry, Jacqueline (1995) „La fidélité, cet éternel questionnement. Critique de la morale de la traduction", in: *Meta* XL/3, 367-371.

Henschelmann, Käthe (1980) *Technik des Übersetzens Französisch – Deutsch*. Heidelberg: Quelle und Mayer.

Henschelmann, Käthe (1993) *Zur Beschreibung und Klassifizierung von Übersetzungsverfahren*. Lausanne: Université de Lausanne, Centre de traduction littéraire.

Hepp, Andreas (2006) *Transkulturelle Kommunikation*. Konstanz: UVK Verlagsgesellschaft (UTB 2746).

Hermans, Theo (1985 a) „Translation Studies and a New Paradigm", in: Hermans ed. 1985, 7-15.

Hermans, Theo (1985 b) „Images of Translation. Metaphor and Imagery in the Renaissance Disourse on Translation", in: Hermans ed. 1985, 103-135.

Hermans, Theo (1991) „Translational Norms and Correct Translation", in: Leuven-Zwart + Naaijkens eds. 1991, 155-169.

Hermans, Theo (1996) „Norms and the Determination of Translation: A Theoretical Framework", in: Álvarez + Vidal eds. 1996, 25-51.

Hermans, Theo (1997) „Translation as institution", in: Snell-Hornby et al eds. 1997, 3-20.

Hermans, Theo (1999 a) *Translation in Systems*. Manchester: St. Jerome (Descriptive and Systemic Approaches Explained).

Hermans, Theo (1999 b) „Translation and Normativity", in: Schäffner ed. 1999, 50-71.

Hermans, Theo (2006) „Introduction", in: Hermans ed. 2006, 9-10.

Hermans, Theo ed. (1985) *The Manipulation of Literature. Studies in literary translation.* New York: St. Martin Press.

Hermans, Theo ed. (2002) *Crosscultural Transgressions. Research Models in Translation Studies II: Historical and Ideological Issues.* Manchester: St. Jerome.

Hermans, Theo ed. (2006 a) *Translating Others*. Band: 1, Manchester, UK & Kinderhook, USA: St. Jerome.

Hermans, Theo ed. (2006 b) *Translating Others*. Band: 2, Manchester, UK & Kinderhook, USA: St. Jerome.

Hewson, Lance (1997) „Change in Translation and the Image of the Translator", in: Simms

ed. 1997, 47-56.
Hirsch, Alfred (1995) *Der Dialog der Sprachen. Studien zum Sprach- und Übersetzungsdenken Walter Benjamins und Jacques Derridas*. München: Fink (Phänomenologische Untersuchungen 4).
Hirsch, Alfred ed. (1997) *Übersetzung und Dekonstruktion*. Frankfurt am Main: Suhrkamp.
Hodge, Robert + Kress, Gunther (^{2}1993) *Language as Ideology*. London and New York: Routledge.
Holmes, James S. (1985) „The State of Two Arts: Literary Translation and Translation Studies in the West Today. Referat am FIT-Kongreß in Wien 1984", in: Bühler ed. 1985, 147-153.
Holmes, James S. (^{2}1988) *Translated! Papers on Literary Translation and Translation Studies*. Amsterdam: Rodopi (Approaches to Translation Studies 7).
Holmes, James S. + Haan, Frans de + Popovič, Anton eds. (1970) *The Nature of Translation. Essays on the Theory and Practice of Literary Translation*. The Hague-Paris: Mouton (Approaches to translation studies 1).
Holmes, James S. + Lambert, José + Broeck, Raymond van den eds. (1978) *Literature and Translation. New Perspectives in Literary Studies*. Leuven: Acco.
Holz-Mänttäri, Justa (1984 a) *Translatorisches Handeln. Theorie und Methode*. Helsinki: Suomalainen Tiedeakatemia (Annales Academiae Scientiarum Fennicae B 226).
Holz-Mänttäri, Justa (1984 b) „Sichtbarmachung und Beurteilung translatorischer Leistungen bei der Ausbildung von Berufstranslatoren", in: Wilss + Thome eds. 1984, 176-185.
Holz-Mänttäri, Justa (1984 c) „Die Produktbeschreibung im Werkvertrag des Profi-Übersetzers", in: *Kääntäjä-Översättaren*, 3, 4-7.
Holz-Mänttäri, Justa (1986 a) „Translatorisches Handeln – theoretisch fundierte Berufsprofile", in: Snell-Hornby ed. 1986, 348-374.
Holz-Mänttäri, Justa (1986 b) „Translatorische Fort- und Weiterbildung – Ein Organisationsmodell", in: *TcT* 1, 75-95.
Holz-Mänttäri, Justa (1987) „Ausgangstext oder Produktspezifikation als Beurteilungsgrundlage? Ein Gerichtsurteil setzt Maßstäbe", in: *TcT* 2, 177-178.
Holz-Mänttäri, Justa (1988 a) „Texter von Beruf", in: *TcT* 3, 153-173.
Holz-Mänttäri, Justa (1988 b) „Was übersetzt der Übersetzer? Zu Steuerfaktoren der Translatorhandlung und ihrer theoretischen Erfassung", in: Arntz ed. 1988, 375-392.
Holz-Mänttäri, Justa (1990 a) „Funktionskonstanz – eine Fiktion", in: Salevsky ed. 1990, 66-74.
Holz-Mänttäri, Justa (1990 b) „Das Transfer-Prinzip", in: Arntz + Thome eds. 1990, 59-70.
Holz-Mänttäri, Justa (1992) „Entwicklungen in der Theorienbildung über professionellen Textbau: vom Instruktionsausführer zum Projektmanager", in: Salevsky ed. 1992, 119-128.
Holz-Mänttäri, Justa (1993 a) „Bildungsstrukturen und Netzwerke für ein Tätigkeitenfeld Textdesign", in: *TcT* 8, 259-293.
Holz-Mänttäri, Justa (1993 b) „Textdesign – verantwortlich und gehirngerecht", in: Holz-Mänttäri + Nord eds. 1993, 301-320.
Holz-Mänttäri, Justa + Vermeer, Hans J. (1985) „Entwurf für einen Studiengang Translatorik und einen Promotionsstudiengang Translatologie", in: *Kääntäjä-Översättaren*, 3, 4-6.
Holz-Mänttäri, Justa + Nord, Christiane eds. (1993) *Traducere navem. Festschrift für*

Katharina Reiß zum 70. Geburtstag. Tampere: Tampereen Yliopisto.
Hönig, Hans G. (1986) „Übersetzen zwischen Reflex und Reflexion – ein Modell der übersetzungsrelevanten Textanalyse“, in: Snell-Hornby ed. 1986, 230-251.
Hönig, Hans G. (1992) „Von der erzwungenen Selbstentfremdung des Übersetzers – Ein offener Brief an Justa Holz-Mänttäri“, in: *TcT* 7, 1-14.
Hönig, Hans G. (1995) *Konstruktives Übersetzen*. Tübingen: Stauffenburg.
Hönig, Hans G. + Kußmaul, Paul (1982) *Strategie der Übersetzung. Ein Lehr- und Arbeitsbuch*. Tübingen: Gunter Narr Verlag (Tübinger Beiträge zur Linguistik 205).
Hönig, Hans G. + Kußmaul, Paul ([2]1984) *Strategie der Übersetzung. Ein Lehr- und Arbeitsbuch*. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft.
Hönig, Hans G. + Kußmaul, Paul ([5]1999) *Strategie der Übersetzung. Ein Lehr- und Arbeitsbuch*. Tübingen: Narr (Tübinger Beiträge zur Linguistik 205).
Hoof, Henri van (1991) *Histoire de la traduction en Occident*. Paris & Louvain-la-Neuve: Editions Duculot.
Horn-Helf, Brigitte (1999) *Technisches Übersetzen in Theorie und Praxis*. Tübingen etc.: Francke (UTB 2038).
Houlind, Martin (2001) „Translation and adaptation“, in: *Perspectives: Studies in Translatology*, 9/2, 127-138.
House, Juliane (1977) „A model for assessing translation quality“, in: *Meta* 22, 103-109.
House, Juliane (1981) *A Model for Translation Quality Assessment*. Tübingen: Narr (Tübinger Beiträge zur Linguistik 88).
House, Juliane (1997) *Translation Quality Assessment. A Model Revisited.* Tübingen: Narr.
House, Juliane (1999) „Zur Relevanz kontrastiv-pragmatischer und interkultureller Diskursanalysen für das Fachübersetzen“, in: Gerzymisch-Arbogast et al. eds. 1999, 43-54.
House, Juliane + Blum-Kulka, Shoshana eds. (1986) *Interlingual and intercultural communication. Discourse and cognition in translation and second language acquisition studies*. Tübingen: Narr (Tübinger Beiträge zur Linguistik 272).
Hovy, Eduard + Ide, Nancy + Frederking, Robert et al. (2003) *Multilingual Information Management: Current Levels and Future Abilities*. [http://www.cs.cmu.edu/~ref/mlim/index.html].
Huntemann, Willi (1990) „Überlegungen zum Begriff der sozialen Konvention“, in: Schultze, Brigitte et al. eds. 1990, 15-33.
Huntemann, Willi + Rühlig, Lutz eds. (1997) *Fremdheit als Problem und Programm. Die Literarische Übersetzung zwischen Tradition und Moderne*. Berlin u.a.: Erich Schmidt.
Huntsman, Jeffrey F. (1985) *Translation Theory: A Comprehensive Bibliography*. Amsterdam: Benjamins.
Hutchins, John + Somers, Harold L. (1992) *An Introduction to Machine Translation*. London-San Diego: Academic Press.
Hutchins, John ed. (2000) *Early Years in Machine Translation. Memoirs and Biographies of Pioneers*. Amsterdam-Philadelphia: Benjamins (Studies in the History of the Language Sciences 97).
Hymes, Dell (1982 a) „Kompetenz und Performanz in der Sprachtheorie“, in: Steger ed. 1982, 109-141.
Hymes, Dell (1982 b) „Soziolinguistik und Ethnographie des Sprechens“, in: Steger ed. 1982, 142-197.

Hymes, Dell ed. (1964) *Language in Culture and Society. A Reader in Linguistics and Anthropology.* New York: Harper & Row.
Inghilleri, Moira (2003) „Habitus, field and discourse. Interpreting as a socially situated activity“, in: *Target*/15, 243-268.
Inghilleri, Moira ed. (2005) *Bourdieu and the Sociology of Translation and Interpreting.* Manchester: St. Jerome.
Israël, Fortunato + Lederer, Marianne (2005) *La théorie interprétative de la traduction. Genèse et développement*. Paris: Minard (Lettres Modernes).
Jääskeläinen, Riitta (1999) *Tapping the Process. An Explorative Study of the Cognitive and Affective Factors Involved in Translating*. Joensuu: University of Joensuu (University of Joensuu Publications 22).
Jäger, Gert (1975) *Translation und Translationslinguistik*. Halle (Saale): VEB Max Niemeyer.
Jäger, Gert (1983) „Theorie der sprachlichen Bedeutungen und Translation“, in: Jäger + Neubert eds. 1983, 53-61.
Jäger, Gert + Müller, Dietrich (1982) „Kommunikative und maximale Äquivalenz von Texten“, in: Jäger + Neubert eds. 1982, 42-61.
Jäger, Gert + Neubert, Albrecht eds. (1982) *Äquivalenz bei der Translation*. Leipzig: VEB Verlag Enzyklopädie (Übersetzungswissenschaftliche Beiträge 5).
Jäger, Gert + Neubert, Albrecht eds. (1983) *Semantik und Übersetzungswissenschaft. Materialien der III. Internationalen Konferenz „Grundfragen der Übersetzungswissenschaft“.* Leipzig: VEB Verlag Enzyklopädie (Übersetzungswissenschaftliche Beiträge 6).
Jakobson, Roman (1959) „On Linguistic Aspects of Translation“, in: Brower ed. 1959, 232-239.
Jakobson, Roman (1981) „Linguistische Aspekte der Übersetzung“, in: Wilss ed. 1981, 189-198.
Jansen, Peter ed. (1995) *Translation and the Manipulation of Discourse. Selected Papers of the CERA Research Seminars in Translation Studies 1992-1993.* Leuven: CETRA.
Jasper, David ed. (1993) *Translating Religious Texts. Translation, Transgression and Interpretation*. London: MacMillan Press Ltd.
Jettmarová, Zuzana (1997) „The Initiator and the Initial Norms in the Advertisement Translation“, in: Klaudy, Kinga + Kohn, János eds. *Transferre necesse est. ESTI Proceedings of the 2nd International Conference on Current Trends in Studies of Translation and Interpreting, 5-7 September, 1996, Budapest, Hungary*. Budapest: Scholastica, 161-166.
Jettmarová, Zuzana (2004) „Norms and Other Factors in Advertisement Translation“, in: Müller ed. 2004, 163-175.
Jill Levine, Suzanne (1991) *The Subversive Scribe. Translating Latin American Fiction*. Saint Paul: Graywolf Press.
Jones, Roderick (1998) *Conference Interpreting Explained*. Manchester, UK: St. Jerome.
Kade, Otto (1963) „Aufgaben der Übersetzungswissenschaft“, in: *Fremdsprachen*, 1963, 83-94.
Kade, Otto (1968 a) *Zufall und Gesetzmäßigkeit in der Übersetzung*. Leipzig: VEB Enzyklopädie (Beiheft zur Zeitschrift Fremdsprachen I).
Kade, Otto (1968 b) „Kommunikationswissenschaftliche Probleme der Translation“, in:

Neubert ed. 1968, 3-19.
Kade, Otto (1980) *Die Sprachmittlung als gesellschaftliche Erscheinung und Gegenstand wissenschaftlicher Untersuchung.* Leipzig: VEB Enzyklopädie (Übersetzungswissenschaftliche Beiträge 3).
Kade, Otto (1981 a) *Probleme des übersetzungswissenschaftlichen Textvergleichs*. Leipzig: VEB Enzyklopädie (Übersetzungswissenschaftliche Beiträge 4).
Kade, Otto (1981 b) „Kommunikationswissenschaftliche Probleme der Translation“, in: Wilss ed. 1981, 199-218.
Kadric, Mira (2001) *Dolmetschen bei Gericht. Erwartungen, Anforderungen, Kompetenzen*. Wien: WUV-Univ.-Verl.
Kadric, Mira + Kaindl, Klaus + Kaiser-Cooke, Michèle (2005) *Translatorische Methodik*. Wien: Facultas.
Kadric, Mira + Kaindl, Klaus eds. (1996) *Mary Snell-Hornby. Translation und Text. Ausgewählte Vorträge*. Wien: WUV-Universitätsverlag (WUV Studienbücher – Geisteswissenschaften 2).
Kadric, Mira + Kaindl, Klaus + Pöchhacker, Franz eds. (2000) *Translationswissenschaft. Festschrift für Mary Snell-Hornby zum 60. Geburtstag*. Tübingen: Stauffenburg.
Kaindl, Klaus (1995) *Die Oper als Textgestalt. Perspektiven einer interdisziplinären Übersetzungswissenschaft.* Tübingen: Stauffenburg (Studien zur Translation 2).
Kaindl, Klaus (1997 a) „Die Übersetzung als Inszenierung: Ein interdisziplinärer Rahmen zur Analyse der Opernübersetzung“, in: *Target*, 9/2, 271-287.
Kaindl, Klaus (1997 b) „Von Hauptdarstellern und Statisten: Zur Rolle des Textes im translationswissenschaftlichen Handlungsspiel“, in: Grbić + Wolf eds. 1997, 53-65.
Kaindl, Klaus (1997 c) „Wege der Translationswissenschaft – Ein Beitrag zu ihrer disziplinären Profilierung“, in: *TcT* NF 1, 221-246.
Kaindl, Klaus (1999 a) „Thump, Whizz, Poom: A Framework for the Study of Comics under Translation“, in: *Target*, 11/2, 263-288.
Kaindl, Klaus (1999 b) „Warum sind alle Japaner Linkshänder? Zum Transfer von Bildern in der Übersetzung von Comics“, in: *TcT* (13) NF 3, 1-24.
Kaindl, Klaus (1999 c) „Interdisziplinarität in der Translationswissenschaft. Theoretische und methodische Implikationen“, in: Gil et al. eds. 1999, 137-155.
Kaindl, Klaus (2004) *Übersetzungswissenschaft im interdisziplinären Dialog. am Beispiel der Comicübersetzung*. Tübingen: Stauffenburg (Studien zur Translation 16).
Kainz, Friedrich (1965) „Das Problem der Sprachmittlung“, in: Kainz, Friedrich *Psychologie der Sprachen. Psychologie der Einzelsprachen*. Band: 5, Stuttgart: Ferdinand Enke Verlag, 375-422.
Kalina, Sylvia (1998) *Strategische Prozesse beim Dolmetschen. Theoretische Grundlagen, empirische Fallstudien, didaktische Konsequenzen.* Tübingen: Narr.
Kalina, Sylvia + Buhl, Silke + Gerzymisch-Arbogast, Heidrun eds. (2000) *Dolmetschen: Theorie - Praxis - Didaktik. mit ausgewählten Beiträgen der Saarbrücker Symposien*. St. Ingbert: (Arbeitsberichte des Advanced Translation Research Center (ATRC) an der Universität des Saarlandes).
Kalverkämper, Hartwig (1999) „Translationswissenschaft als integrative Disziplin“, in: Gerzymisch-Arbogast et al. 1999, 55-76.
Kalverkämper, Hartwig + Baumann, Klaus-Dieter eds. (1996) *Fachliche Textsorten, Komponenten - Relationen – Strategien*. Tübingen: Narr (Forum für

Fachsprachenforschung 25).
Kapp, Volker ed. ([2]1984) *Übersetzer und Dolmetscher. Theoretische Grundlagen, Ausbildung, Berufspraxis*. München: Francke (UTB 325).
Kassühlke, Rudolf (1998) *Eine Bibel – viele Übersetzungen. Ein Überblick mit Hilfen zur Beurteilung*. Wuppertal: RB.
Katan, David (1999) *Translating Cultures. An Introduction for Translators, Interpreters and Mediators*. Manchester: St. Jerome.
Katan, David + Straniero-Sergio, Francesco (2001) „Look Who`s Talking: The Ethics of Entertainment and Talkshow Interpreting", in: Pym ed. 2001, 213-238.
Katan, David + Straniero-Sergio, Francesco (2003) „Submerged Ideologies in Media Interpreting", in: Perez ed. 2003, 131-144.
Kautz, Ulrich (2000) *Handbuch Didaktik des Übersetzens und Dolmetschens*. München: Iudicium.
Kelletat, Andreas F. (1987) „Die Rückschritte der Übersetzungstheorie. Anmerkungen zur Grundlegung einer allgemeinen Translationstheorie von Katharina Reiß und Hans J. Vermeer", in: Ehnert + Schleyer eds. 1987, 33-49.
Kelly, Louis (1979) *The True Interpreter. A History of Translation Theory and Practice in the West*. Oxford: Basil Blackwell.
Kiraly, Donald C. (1995) *Pathways to Translation. Pedagogy and Process*. Ohio etc.: Kent State Univ. Press (Translation studies 3).
Kiraly, Don (2000) *A Social Constructivist Approach to Translator Education. Empowerment from Theory to Practice*. Manchester etc.: St. Jerome.
Kittel, Harald (1998) „Inclusions and Exclusions: The ‚Göttingen Approach' to Translation Studies and Inter-Literary History", in: Mueller-Vollmer + Irmscher eds. 1998, 3-13.
Kittel, Harald ed. (1988) *Die literarische Übersetzung. Stand und Perspektiven ihrer Erforschung*. Berlin: Erich Schmidt (Göttinger Beiträge zur Internationalen Übersetzungsforschung 2).
Kittel, Harald ed. (1992) *Geschichte, System, literarische Übersetzung/ Histories, Systems, Literary Translations*. Berlin: Erich Schmidt (Göttinger Beiträge zur Internationalen Übersetzungsforschung 5).
Kittel, Harald ed. (1995) *International Anthologies of Literature in Translation*. Berlin: Erich Schmidt Verlag (Göttinger Beiträge zur internationalen Übersetzungsforschung 9).
Kittel, Harald + Frank, Armin Paul + Greiner, Norbert + Hermans, Theo + Koller, Werner + Lambert, José + Paul, Fritz eds. (2004) *Übersetzung Translation Traduction. Ein internationales Handbuch zur Übersetzungsforschung. An international Encyclopedia of Translation Studies. Encyclopédie internationale de la recherche sur la traduction*. Band: 1, Berlin & New York: de Gruyter (Handbücher zur Sprach- und Kommunikationswissenschaft 26,1).
Klaudy, Kinga (1997) *A fordítás elmélete és gyakorlata. Harmadik, bővített kiadás*. Budapest: Scholastica.
Klaudy, Kinga + Lambert, José + Sohár, Anikó (1996) *Translation Studies in Hungary*. Budapest: Scholastica
Kleiber, Georges (1993) *Prototypensemantik. Eine Einführung. Übersetzt von Michael Schreiber*. Tübingen: Gunter Narr (Narr Studienbücher).
Klöpfer, Rolf (1967) *Die Theorie der literarischen Übersetzung*. München: Fink.

Knapp, Karlfried + Knapp-Potthoff, Annelie (1985) „Sprachmittlertätigkeit in interkultureller Kommunikation“, in: Rehbein ed. 1985, 450-463.
Köchlin, Bernard (1992) „Prolegomenon to the Elaboration of a New Discipline: Ethnogestics“, in: Poyatos ed. 1992, 59-76.
Kocijančič-Pokorn, Nike + Prunč, Erich + Riccardi, Alessandra eds. (2005) *Beyond Equivalence – Jenseits der Äquivalenz – Oltre l'equivalenza – Onkraj ekvivalence*. Graz: ITAT (GTS 9).
Kohlmayer, Rainer (1988) „Der Literaturübersetzer zwischen Original und Markt. Eine Kritik funktionalistischer Übersetzungstheorien“, in: *Lebende Sprachen* 33/4, 145-146.
Kohlmayer, Rainer + Pöckl, Wolfgang eds. (2004) *Literarisches und mediales Übersetzen. Aufsätze zu Theorie und Praxis einer gelehrten Kunst*. Frankfurt am Main et.: Peter Lang.
Kokorz, Gregor + Mitterbauer, Helga eds. (2004) *Übergänge und Verflechtungen. Kulturelle Transfers in Europa. (Hg. gemeinsam mit Gregor Kokorz)*. Bern etc.: Lang ((= Wechselwirkungen 7)).
Koller, Werner (1971) „Übersetzen, Übersetzung und Übersetzer. Zu schwedischen Symposien über Probleme der Übersetzung“, in: *Babel* 17, 3-11.
Koller, Werner (1978 a) „Kritik der Theorie der Übersetzungskritik“, in: *IRAL*, 16/2, 89-107.
Koller, Werner (1978 b) „Äquivalenz in kontrastiver Linguistik und Übersetzungswissenschaft“, in: Grähs et al. eds. 1978, 69-85.
Koller, Werner (1978 c/1983) *Einführung in die Übersetzungswissenschaft*. Heidelberg: Quelle & Meyer (UTB 819).
Koller, Werner (^{4}1992) *Einführung in die Übersetzungswissenschaft*. Heidelberg: Quelle & Meyer (UTB 819).
Koller, Werner (1993) „Zum Begriff der ‚eigentlichen Übersetzung'“, in: Holz-Mänttäri + Nord eds. 1993, 49-64.
Koller, Werner (1995) „The Concept of Equivalence and the Object of Translation Studies“, in: *Target* 7/2, 191-222.
Koller, Werner (1999) „Das Problem der Übersetzbarkeit – sprachliche, textuelle und kulturelle Aspekte“, in: Börner + Vogel eds. 1999, 118-135.
Koller, Werner (^{6}2001/) *Einführung in die Übersetzungswissenschaft*. Wiebelsheim: Quelle & Meyer (UTB 819).
Koller, Werner (^{7}2004) *Einführung in die Übersetzungswissenschaft*. 7., aktualisierte Aufl. Wiebelsheim: Quelle und Meyer.
Komissarov, V. N. (1973) *Slovo o perevode*. Moskva: Meždunarodnye otnošenija.
Komissarov, V. N. (1975) *Teorija perevoda.* Moskva: Vysšaja škola.
Komissarov, V. N. (1980) *Lingvistika perevoda*. Moskva: Meždunarodnye otnošenija.
Komissarov, V. N. (^{2}2004) *Sovremennoe perevodovedenie*. Moskva: ETS.
Kondrašova, N.A. ed. (1967) *Pražskij lingvističeskij kružok*. Moskva: Izdatel'stvo Progress.
Koskinen, Kaisa (1994) „(Mis)translating the Untranslatable – The Impact of Deconstruction and Post-Structuralism on Translation Theory“, in: *Meta* 39/3, 446-452.
Koskinen, Kaisa (2000 a) „Institutional Illusions: Translating in the EU Commission“, in: *The Translator* 6/1, 49-66.
Koskinen, Kaisa (2000 b) *Beyond Ambivalence. Postmodernity and the Ethics of Translation*. Tampere: University of Tampere [http://acta.uta.fi/english/teos.phtml?4347].

Koskinen, Kaisa (2002) *From Text to Context: Translation and Ethics*. Helsinki: Helsinki University (Helsinki University Translation Series 2).

Kraus, Andrea (1999) *Starke Frauen und ihre Fäuste im Cyberspace. Pat Cadigans Synners und Michael Windgassens Synder: Übersetzungskritik unter Berücksichtigung feministischer Aspekte.* Graz: Diplomarbeit.

Krings, Hans P. (1986) *Was in den Köpfen von Übersetzern vorgeht. Eine empirische Untersuchung zur Struktur des Übersetzungsprozesses an fortgeschrittenen Französischlernern.* Tübingen: Narr.

Krings, Hans P. (1988) „Blick in die ‚Black-Box' – Eine Fallstudie zum Übersetzungsprozeß bei Berufsübersetzern", in: Arntz ed. 1988, 393-412.

Krings, Hans P. (1992) „Bilinguismus und Übersetzen: Eine Antwort an Brian Harris", in: *Target*, 4/1, 105-110.

Krings, Hans P. (2000) *Repairing Texts. Empirical Investigation of Machine Translation Post-Editing Processes* [übers. v. Geoffrey S. Koby et al.]. Kent, Ohio & London: The Kent State University Press.

Kuhiwczak, Piotr (1990) „Translation as Appropriation: The Case of Milan Kundera's The Joke", in: Bassnett + Lefevere eds. 1990, 118-130.

Kuhlmann, Helga ed. (2005) *Die Bibel – übersetzt in gerechte Sprache? Grundlagen einer neuen Übersetzung.* Mit einem Geleitwort von Peter Steinacker und Beiträgen von Ulrike Bail.Gütersloh: Gütersloher Verlagshaus.

Kühlwein, Wolfgang + Thome, Gisela + Wilss, Wolfram eds. (1981) *Kontrastive Linguistik und Übersetzungswissenschaft. Akten des Internationalen Kolloquiums Trier/Saarbrücken, 25.-30.9.1978*. München: Fink.

Kuljuh, Emir (2003) „Kinder als Dolmetscher", in: Pöllabauer + Prunč eds. 2003, 143-148.

Kupsch-Losereit, Sigrid (1991) „Die Relevanz von kommunikationstheoretischen Modellen für Übersetzungstheorie und übersetzerische Praxis", in: *TcT* 6, 77-100.

Kupsch-Losereit, Sigrid (1995) „Die Modellierung von Verstehensprozessen und die Konsequenzen für den Übersetzungsunterricht", in: *TcT* 10, 179-196.

Kurth, Ernst-Norbert (1995) *Metaphernübersetzung. Dargestellt an grotesken Metaphern im Frühwerk Charles Dickens in der Wiedergabe deutscher Übersetzungen.* Frankfurt/ Main etc: Lang (Europäische Hochschulschriften 81).

Kurz, Ingrid (1987) „Conference interpreting – myth and reality", in: Kummer, Karl ed. (1987) *American Translators Assosiciation Conference – 1987. Proceedings of the 28th Annual Conference of the American Translators Associaton,* Albuquerque, New Mexico, October 8-11, 1987. Medford, NJ: Learned Information, Inc., 315-319.

Kurz, Ingrid (1996 a) *Simultandolmetschen als Gegenstand der interdisziplinären Forschung.* Wien: WUV-Universitätsverlag.

Kurz, Ingrid (1996 b) „Scribe or Actor. A survey paper on personality profiles of translators and Interpreters", in: *The interpreters newsletter*/7, 3-18.

Kurz, Ingrid + Kaindl, Klaus eds. (2005) *Wortklauber, Sinnverdreher, Brückenbauer? DolmetscherInnen und ÜbersetzerInnen als literarische Geschöpfe*. Wien: LIT-Verlag (Im Spiegel der Literatur 1).

Kurz, Ingrid / Moisl, Angela eds. (1997) *Berufsbilder für Übersetzer und Dolmetscher*. Wien: WUV.

Kurz, Ingrid / Moisl, Angela ([2]2002) *Berufsbilder für Übersetzer und Dolmetscher : Perspektiven nach dem Studium.* 2., überarb. u. erw. Aufl. Wien: WUV-Univ.-Verl.

Kußmaul, Paul (1986) „Übersetzen als Entscheidungsprozeß. Die Rolle der Fehleranalyse in der Übersetzungsdidaktik“, in: Snell-Hornby ed. 1986, 206-229.
Kußmaul, Paul (1993) „Empirische Grundlagen einer Übersetzungsdidaktik: Kreativität im Übersetzungsprozeß“, in: Holz-Mänttäri + Nord eds. 1993, 275-286.
Kußmaul, Paul (1995) *Training the Translator*. Amsterdam and Philadelphia: Benjamins (Benjamins Translation Library).
Kußmaul, Paul (2000) *Kreatives Übersetzen*. Tübingen: Stauffenburg (Studien zur Translation 100).
Ladmiral, Jean-René (2002) *Traduire. Théorèmes pour la traduction / Jean-René Ladmiral*. [Paris]: Gallimard (Collection tel 246).
Lakoff, George (1987) *Women, Fire and Dangerours Things. What Categories Reveal about the Mind*. Chicago: University of Chicago Press.
Lakoff, George (2000) *Leben in Metaphern. Konstruktion und Gebrauch von Sprachbildern. H*eidelberg: Carl-Auer-Systeme.
Lambert, José (1988) „Twenty Years of Translation Research at the KU Leuven“, in: Kittel ed. 1988, 122-138.
Lambert, José (1989 a) „Translation Studies and (Comparative) Literary Studies in 1989”, in: *Actas do I. Congresso da APCL*. Lisboa. Associação Portuguesa de la Literatura Comparada, 229-239.
Lambert, José (1989 b) „La traduction“, in: Angenot, Marc + Bessiére, Jean + Fokkema, Douwe + Kushner, Eva eds. *Théorie littéraire: Problémes et perspectives*. Paris: Presses Univ. De France, 151-159.
Lambert, José (1989 c) „La Traduction, les langues et la communication de masse. Les ambiguïtes du discours international“, in: *Target*, 1/2, 215-237.
Lambert, José (1991) „Shifts, Oppositions and Goals in Translation Studies: Towards a Genealogy of Concepts“, in: Leuven-Zwart + Naaijkens eds. 1991, 25-37.
Lambert, José (1993 a) „History, Historiography and the Discipline. A Programme“, in: Gambier + Tommola eds. 1993, 3-25.
Lambert, José (1993 b) „Translation, Societies and the Shift of Values“, in: *Folia translatologica*, 3, 27-47.
Lambert, José (1993 c) „Auf der Suche nach literarischen und übersetzerischen Weltkarten“, in: Frank et al. eds. 1993 a, 85-105.
Lambert, José (1994 a) „The cultural component reconsidered“, in: Snell-Hornby et al. eds. 1994, 17-26.
Lambert, José (1994 b) „Ethnolinguistic Democracy, Translation Policy and Contemporary World (Dis)order“, in: Eguíluz et al eds. 1994, 23-33.
Lambert, José (1995) „Translation, Systems and Research. The Contribution of Polysystem Studies to Translation Studies“, in: *TTR* 8/1, 105-152.
Lambert, José (1997) „Itamar Even-Zohar’s Polysystem Studies. An Interdisciplinary Perspective on Culture Research“, in: *Canadian Review of Comparative Literature / Revue Canadienne de Littérature Comparée*, XXIV/1 (March 1997), 8-14.
Lambert, José (1998) „Language and social challenges for tomorrow: questions, strategies, programs“, in: Gambier ed. 1998, 13-32.
Lambert, José (2006) „Cultural studies, the study of cultures and the question of language: facing / excluding the new milennium“, in: Delabastita et al. eds. 2006, 163-171.
Lambert, José + Delabastita, Dirk (1996) „La traduction de textes audiovisuels: modes et

enjeux cultureles“, in: Gambier ed. 1996, 33-59.
Lambert, José + Gorp, Hendrik van (1985) „On describing translations“, in: Hermans ed. 1985, 42-53.
Lambert, José + Lefevere, André eds. (1993) *La traduction dans le développement des littératures / Translation and the Development of Literatures*. Frankfurt/Main: Lang.
Lambert, José + Hermans, Theo (1996) „In Memoriam André Lefevere“, in: *TTR* 9/1, 7-8.
Lambert, Sylvie + Moser-Mercer, Barbara eds. (1994) *Bridging the Gap. Empirical Research in Simultaneous Interpretation*. Amsterdam/ Philadelphia: Benjamins (Benjamins Translation Library 3).
Lane-Mercier, Gillian (1997) „Translating the Untranslatable: The Translator's Aesthetic, Ideological and Political Responsibility“, in: *Target*, 9/1, 43-68.
Larose, Robert (1989) *Théories contemporaines de la traduction*. Quebec: Presses de l'Université du Québec.
Lauer, Angelika + Gerzymisch-Arbogast, Heidrun + Haller, Johann + Steiner, Erich eds. (1996) *Übersetzungswissenschaft im Umbruch. Festschrift für Wolfram Wilss zum 70. Geburtstag*. Tübingen: Narr.
Lederer, Marianne (1994) *La traduction aujourdh'hui. Le modèle interprétativ*. Paris: Hachette.
Lederer, Marianne ed. (1990) *Études traductologiques. en hommage à Danica Seleskovitch*. Paris: Lettres Modernes Minard (Cahiers Champollion).
Lefevere, André (1975) *Translating Poetry. Seven Strategies and a Blueprint*. Assen/ Amsterdam: Van Gorcum.
Lefevere, André (1977 a) *Translating literature: the german tradition. From luther to rosenzweig*. Amsterdam: Van Gorcum (Approaches to translation studies 4).
Lefevere, André (1977 b) *Literary Knowledge. A Polemical and Programmatic Essay on its Nature, Growth, Relevance and Transmission*. Assen/New York: Van Gorcum / Humanities Press.
Lefevere, André (1982 a) „Mother Courage's Cucumbers: Text, System and Refraction in a Theory of Literature“, in: *Modern Language Studies*, 12/4, 3-20.
Lefevere, André (1982 b) „Literary Theory and Translated Literature“, in: *Dispositio*, 19-20, 3-22.
Lefevere, André (1984 a) „That Structure in the Dialect of Men Interpreted“, in: *Comparative Criticism*, 6, 87-100.
Lefevere, André (1984 b) „Teaching Literary Translation: The Possible and the Impossible“, in: Wilss + Thome eds. 1984, 90-97.
Lefevere, André (1985) „Why Waste our Time on Rewrites? The Trouble with Interpretation and the Role of Rewriting in an Alternative Paradigm“, in: Hermans ed. 1985, 215-243.
Lefevere, André (1990) „Translation: Its Genealogy in the West“, in: Bassnett + Lefevere eds. 1990, 14-28.
Lefevere, André (1992 a) *Translation, Rewriting, and the Manipulation of Literary Fame*. London/New York: Routledge (Translation Studies).
Lefevere, André (1992 b) *Translating Literature. Practice and Theory in a Comparative Literature Context*. New York: The Modern Language Association of America.
Lefevere, André (1996) „Translation and Canon Formation: Nine Decades of Drama in the United States“, in: Álvarez + Vidal eds. 1996, 138-155.
Lefevere, André (1998) „Translation Practice(s) and the Circulation of Cultural Capital.

Some Aeneids in English“, in: Bassnett + Lefevere eds. 1998, 41-56.
Lefevere, André + Bassnett, Susan (1990) „Introduction: Proust´s Grandmother and the Thousand and One Nights. The ´Cultural Turn´ in Translation Studies“, in: Bassnett + Lefevere eds. 1990, 1-14.
Lefevere, André ed. (1992) *Translation/History/Culture. A Sourcebook*. London and New York: Routledge.
Lehmann, Dorothea (1982) *Arbeitsbibliographie Übersetzen: Interdisziplinäre Aspekte der Sprach- und Übersetzungswissenschaft sowie der Übersetzungspraxis*. Trier: University of Trier (Papers - Linguistic Agency Series B 83).
Leuven-Zwart, Kitty M. (1989) „Translation and Original“, in: *Target*, 1, 151-182.
Leuven-Zwart, Kitty M. (1990) „Translation and Original: Similarities and Dissimilarities, II“, in: *Target*, 2/1, 69-95.
Leuven-Zwart, Kitty M. + Naaijkens, Ton eds. (1991) *Translation Studies: The State of the Art. Proceedings of the First James S. Holmes Symposium on Translation Studies.* Amsterdam-Atlanta: Rodopi.
Levý, Jiří (1963) *Umění překladu*. Praha: Československý spisovatel.
Levý, Jiří (1967) „Translation as a Decision Process“, in: *To Honor Roman Jakobson. Essays on the occasion of his 70. birthday, 11. October 1966*. Band: 2, The Hague etc.: Mouton (Janua linguarum. Series maior 32), 1171-1182.
Levý, Jiří (1969) *Die literarische Übersetzung. Theorie einer Kunstgattung*. Frankfurt/ Main,Bonn: Athenäum Verlag.
Levý, Jiří (1981) „Übersetzung als Entscheidungsprozeß“, in: Wilss ed. 1981, 219-235.
Levý, Jiří (1982) *Umjetnost prevođenja.* Prevod i predgovor: Bogdan L. Dabić. Sarajevo: Svjetlost.
Levý, Jiří (1983) *Umění překladu*. Praha: Panorama.
Lewandowska-Tomaszczyk, Barbara + Thelen, Marcel eds. (2002*) Translation and Meaning 6. Proceedings of the Lodz Session of the 3rd International Maastricht-Lodz Duo Colloquium on ‚Translation and Meaning', Held in Lodz, Poland, 22 - 24 September 2000.* Hogeschool Zuyd Maastricht School of Translation and Interpreting.
Lewis, David K. (1975) *Konventionen. Eine sprachphilosophische Abhandlung*. Berlin–New York: de Gruyter.
Lewis, Philipp E. (1985) „The Measure of Translation Effects“, in: Graham ed. 1985, 31-62.
Lewis, Philipp E. (2000) „The Measure of Translation Effects“, in: Venuti ed. 2000, 264-283.
Linke, Angelika + Nussbaumer, Markus + Portmann, Paul R. ([5]2004) *Studienbuch Linguistik*. Tübingen: Niemeyer (Germanistische Linguistik 121 : Kollegbuch : Studienbuch).
Loffredo, Eugenia + Perteghella, Manuela (2006) *Translation and Creativity*. London New York: Continuum Books.
Loibner, Elke (1996) *Contrada contra Kontrade. Realienbezeichnungen und ihre Übersetzung in Darstellungen des Palio di Siena in der Reiseliteratur.* Graz: Diplomarbeit.
Lönker, Fred ed. (1992) *Die literarische Übersetzung als Medium der Fremderfahrung*. Berlin: Erich Schmidt Verlag.
Lörscher, Wolfgang (1991) *Translation Performance, Translation Process and Translation*

Strategies. A Psycholinguistic Investigation. Tübingen: Narr (Language in Performance 4).
Lotbinière-Harwood, Susanne de (1991) *Re-Belle et infidèle. La traduction comme pratique de réécriture au féminin. The body bilingual. Translation as a rewriting in the feminine.* Québec: Women's Press (Lés édition du remue-ménage).
Luckhardt, Heinz-Dirk + Zimmermann, Harald H. (1991) *Computergestützte und maschinelle Übersetzung. Praktische Anwendung und angewandte Forschung.* Saarbrücken: AQ-Verlag (Computerlinguistik 14).
Luhmann, Niklas (1986) „Das Kunstwerk und die Selbstreproduktion der Kunst", in: Gumbrecht, Hans Ulrich + Pfeiffer, K. Ludwig eds. *Stil. Geschichten und Funktionen eines kulturwissenschaftlichen Diskurselements*. Frankfurt/Main: Suhrkamp (stw 633), 620-672.
Luhmann, Niklas (2000) *Soziale Systeme*. Frankfurt am Main: Suhrkamp (Suhrkamp Taschenbuch Wissenschaft 666).
Macnamara, John (1991) „Linguistic relativity revised", in: Cooper + Spolsky, eds. 1991, 45-60.
Macura, Vladimir (1990) „Culture as Translation", in: Bassnett + Lefevere eds. 1990, 64-70.
Malblanc, Alfred (1961) *Stylistique comparée du français et de l´allemand*. Paris: Didier.
Malblanc, Alfred ([5]1984) *Stylistique comparée du français et de l'allemand. Essai de représentation linguistique comparée et étude de traduction.* Paris: Didier (Bibliothèque de stylistique comparée 2) [Nachdruck 2002].
Malmkjær, Kirsten (1993) „Underpinning Translation Theory", in: *Target* 5/2, 133-148.
Malone, Joseph L. (1988) *The Science of Linguistics in the Art of Translation*. Albany: State University of New York Press.
Man, Paul de (1997) „Schlußfolgerungen: Walter Benjamins ‚Die Aufgabe des Übersetzers'", in: Hirsch ed. 1997, 182-227.
Mandelbaum, David G. ed. (1949) *Selected Writings of Edward Sapir in Language, Culture and Personality*. Berkely: University of California Press.
Mason, Basil + Munday, Jeremy (2004) *Translation. An advanced resource book*. London and New York: Routledge.
Mason, Ian (1992) „Discourse, Ideology, and Translation", in: Beaugrande et al. eds. 1992, 23-34.
Mason, Ian ed. (1999) *Dialogue Interpreting.* [Special issue: *The Translator* 5/2].
Mason, Ian ed. (2001) *Triadic Exchanges. Studies in Dialogue Interpreting*. Manchester, UK & Northampton MA: St.Jerome.
Massardier-Kenney, Françoise (1997) „Towards a Redefinition of Feminist Translation Practice", in: *The Translator* 3/1, 55-69.
Mehrez, Samia (1992) „Translation and the Postcolonial Experience. The Francophone Northafrican Text", in: Venuti ed. 1992, 120-138.
Melzer-Tükel, Jale ed. (1991) *Abenteuer des Übersetzens*. Graz: Literaturverlag Droschl.
Ménacère, Karim (1999) „Lingusitic Acrobatics: Translating a Web of Cultural Connections", in: *Babel* 45/4, 345-354.
Merino Alvarez, Raquel (1992) „Rewriting for the Spanish Stage", in: *KOINÉ. Annali della Scuola Superiore per Interpreti e Traduttori ‚San Pellegrino'*, 2/1-2, 283-289.
Merkle, Denise ed. (2002) *Censure et traduction dans le monde occidental - Censorship*

and Translation in the Western World. [Special issue: *TTR* XV/2].
Messner, Sabine (1996) *Feministische Translation am Beispiel Lettera a un bambino mai nato von Oriana Fallaci*. Graz: Diplomarbeit.
Messner, Sabine + Wolf, Michaela (2000) *Mittlerin zwischen den Kulturen – Mittlerin zwischen den Geschlechtern? Studie zu Theorie und Praxis feministischer Übersetzung*. Graz: ITAT (GTS 2).
Messner, Sabine + Wolf, Michaela eds. (2001) *Übersetzung aus aller Frauen Länder. Beiträge zu Theorie und Praxis weiblicher Realität in der Translation*. Graz: Leykam (Grazer Gender Studies 7).
Meurer, Siegfried ed. (1993) *Die vergessenen Schwestern. Frauengerechte Sprache in der Bibelübersetzung*. Stuttgart: Deutsche Bibelgesellschaft (Bibel im Gespräch 1).
Mikkelson, Holly (2000) *Introduction to Court Interpreting*. Manchester etc.: St. Jerome (Translation practices explained 1).
Mitterbauer, Helga (2003) „'Acting in the Third Space'. Vermittlung im Spannungsfeld kulturwissenschaflicher Theorien", in: Celestini + Mitterbauer eds. 2003, 53-66.
Mitterbauer, Helga + Balogh, András F. eds. (2006) *Zentraleuropa. Ein hybrider Komminikationsraum*. Wien: Praesens
Mitterbauer, Helga + Scherke, Katharina eds. (2005) *Ent-grenzte Räume. Kulturelle Transfers um 1900 und in der Gegenwart*. Wien: Passagen.
Morascher, Arnold (2004) *The Good, the Bad, and the Ugly. Rolle und Status des Dolmetschers und Übersetzers im US-amerikanischen und europäischen Spielfilm ab 1990*. Graz: Diplomarbeit.
Morris, Ruth (1995) „The Moral Dilemmas of Court Interpreting", in: *The Translator* 1/1, 25-46.
Mounin, Georges (1955) *Les belles infidèles*. Paris: Cahiers du Sud.
Mounin, Georges (1967) *Die Übersetzung. Geschichte, Theorie, Anwendung*. München: Nymphenburger Verlagsbuchhandlung.
Mueller-Vollmer, Kurt + Irmscher, Michael eds. (1998) *Translating literatures – Translating Cultures: new vistas and approaches in literary studies*. Berlin: Erich Schmidt (Göttinger Beiträge zur internationalen Übersetzungsforschung 17).
Mukařovský, Jan (1946) O strukturalismuse. [Pariser Vortrag 1946, veröff. in Mukařovský 1966, 109-116].
Mukařovský, Jan (1966) *Studie z estetiky*. Praha: Odeon.
Mukařovský, Jan ([2]1967) *Kapitel aus der Ästhetik* [übers. v. Walter Schamschula]. Frankfurt/Main: Suhrkamp (edition suhrkamp 428).
Mukařovský, Jan (1974) „Über Strukturalismus. Vortrag, Paris 1946" [übers. v. Walter Schamschula], in: Flaker + Žmegač eds. 1974, 86-99.
Müller, Ina ed. (2004) *Und sie bewegt sich doch…. Translationswissenschaft in Ost und West Festschrift für Heidemarie Salevsky zum 60. Geburtstag*. New York/Oxford/Wien: Peter Lang.
Munday, Jeremy (1998) „A Computer-assisted Approach to the Analysis of Translation Shifts", in: *Meta* 43/4, 542-556.
Munday, Jeremy (2002) *Introducing Translation Studies. Theories and applications*. London: Routledge.
Neubert, Albrecht (1973 a) „Theorie und Praxis für die Übersetzungswissenschaft", in: *Linguistische Arbeitsberichte* 7, 120-144.

Neubert, Albrecht (1973 b) „Invarianz und Pragmatik“, in: Neubert + Kade eds. 1973, 13-25.
Neubert, Albrecht (1983) „Translation und Texttheorie“, in: Jäger + Neubert, eds. 1983, 100-110.
Neubert, Albrecht (1985) *Text and Translation*. Leipzig: Enzyklopädie.
Neubert, Albrecht (1986) „Translatorische Relativität“, in: Snell-Hornby ed. 1986, 85-105.
Neubert, Albrecht (1991) „Models of Translation“, in: Tirkkonen-Condit ed. 1991, 17-26.
Neubert, Albrecht (1996) „Textlinguistics of Translation: The Textual Approach to Translation“, in: Rose ed. 1996, 87-106.
Neubert, Albrecht (1997) „Postulates for a Theory of Translation“, in: Danks et al eds. 1997, 1-24.
Neubert, Albrecht (1999) „Übersetzungswissenschaft im Widerstreit. Äußere und innere Entwicklung einer Disziplin“, in: Gil et al. eds. 1999, 11-32.
Neubert, Albrecht (2005) „Theory and practice in translation teaching. Looking back on forty years of good and bad experiences“, in: Peeters, Jean ed. *On the Relationships between Translation Theory and Translation Practice*. Frankfurt am Main etc.: Lang, 249-258.
Neubert, Albrecht ed. (1968) *Grundfragen der Übersetzungswissenschaft*. Leipzig: VEB Verlag Enzyklopädie (Beihefte zur Zeitschrift Fremdsprachen 2).
Neubert, Albrecht + Jäger, Gert eds. (1988) *Semantik, Kognition und Äquivalenz*. Leipzig: Enzyklopädie.
Neubert, Albrecht + Kade, Otto eds. (1973) *Neue Beiträge zu Grundfragen der Übersetzungswissenschaft*. Leipzig: VEB Verlag Enzyklopädie.
Neubert, Albrecht + Shreve, Gregory M.eds. (1992) *Translation as Text*. Kent, OH: The Kent State University Press.
Newmark, Peter (1973 a) „Twenty-three Restricted Rules of Translation“, in: *The Incorporated Linguist* 12/1, 12-19.
Newmark, Peter (1973 b) „An approach to translation“, in: *Babel* 19/1, 3-19.
Newmark, Peter (1979) „Sixty further Propositions on Translation (Part 2)“, in: *The Incorporated Linguist* 18/2, 42-49.
Newmark, Peter (1982) *Approaches to Translation*. Oxford/New York/ Toronto: Pergamon Press.
Newmark, Peter (1988 a) *A Textbook of Translation*. New York etc.: Prentice Hall.
Newmark, Peter (1988 b) *Approaches to Translation*. New York etc.: Prentice Hall International.
Newmark, Peter (1991) *About Translation*. Clevedon etc: Multilinugual matters.
Newmark, Peter (^{4}1993) *Approaches to translation*. New York etc.: Prentice Hall (Applied linguistics).
Newmark, Peter (1995) *A Textbook of Translation*. New York etc.: Phoenix ELT.
Nida, Eugene Albert (1945) „Linguistics and Ethnology in Translation-Problems“, in: *Word*, 1/2, 194-208.
Nida, Eugene Albert (1947) *Bible Translating. An Analysis of Principles and Procedures, with Special Reference to Aboriginal Languages*. London: United Bible Societies.
Nida, Eugene Albert (1959) „Principles of Translation as exemplified by Bible Translating“, in: Brower ed. 1959, 11-31.
Nida, Eugene Albert (1961) *Bible Translating: An Analysis of Principles and Procedures.*

New York: UBS.
Nida, Eugene Albert (1964) *Toward a Science of Translating. With Special Reference to Principles and Procedures Involved in Bible Translating*. Leiden: Brill.
Nida, Eugene Albert (1966) „Principles of Translation as exemplified by Bible Translating", in: Brower A. ed. 1966, 11-31.
Nida, Eugene Albert (1974 a) „Bible Translating", in: Wilss + Thome eds. 1974, 1-31.
Nida, Eugene Albert (1974 b) „Semantic Structures in Translation", in: Wilss, + Thome eds. 1974, 33-63.
Nida, Eugene Albert (1974 c) *Exploring Semantic Structures*. München: Fink.
Nida, Eugene Albert (1974 d) „Translation", in: Sebeok, Thomas A. ed. (1974) *Current Trends in Linguistics. [Linguistics and the verbal arts - Special languages - Linguistic aspects of translation - Linguistics and psychology]*. Band: 12.2, The Hague: Mouton.
Nida, Eugene Albert (1975 a) *Customs and Cultures: Anthropology for Christian Missions*. South Passadena, California: William Carey Library.
Nida, Eugene Albert (1975 b) *Componential Analysis of Meaning*. The Hague: Mouton.
Nida, Eugene Albert (1976) „A Framework for the Analysis and Evaluation of Theories of Translation", in: Brislin ed. 1976, 47-91.
Nida, Eugene Albert (1977) „Translating means communicating: A sociolinguistic theory of translation", in: Saville-Troike ed. 1977, 213-229.
Nida, Eugene Albert (1981) „Das Wesen des Übersetzens", in: Wilss ed. 1981, 123-149.
Nida, Eugene Albert (1991) „Theories of Translation", in: *TTR* 4/1, 19-32.
Nida, Eugene Albert (1993) *Language, Culture and Translating*. Shanghai: Foreign Language Education Press.
Nida, Eugene Albert (1996) *The Sociolinguistics of Interlingual Communication*. Bruxelles: Éditions du Hazard (Collection Traductologie).
Nida, Eugene Albert ([2]2003) *Toward a Science of Translating*. Leiden: Brill.
Nida, Eugene Albert + Taber, Charles Russel (1969 a/1992) *The Theory and Practice of Translation*. Leiden: E.J. Brill (Helps for the Translators vol. VIII).
Nida, Eugene A. + Taber, Charles R. (1969 b) *Theorie und Praxis des Übersetzens unter besonderer Berücksichtigung der Bibelübersetzung*. [Stuttgart]: Weltbund der Bibelgesellschaften.
Niranjana, Tejaswini (1992) *Siting Translation. History, Poststructuralism, and the Colonial Context*. Berkely-Los Angeles-Oxford: University of California Press.
Nölle-Fischer, Karen (1995) „Können weibliche Schreibweisen Bewegung in die Geschlechterbeziehung bringen", in: *Der Übersetzer*, 29/1, 1-8.
Nord, Britta + Schmitt, Peter A. eds. (2003) *Traducta navis. Festschrift für Christiane Nord*. Tübingen: Stauffenburg.
Nord, Christiane (1988) „Übersetzungshandwerk – Übersetzungskunst. Was bringt die Translationstheorie für das literarische Übersetzen?", in: *Lebende Sprachen* 33/2, 51-57.
Nord, Christiane (1989 a) „Loyalität statt Treue. Vorschläge zu einer funktionalen Übersetzungstypologie", in: *Lebende Sprachen* 14/3, 100-105.
Nord, Christiane (1989 b) „Textanalyse und Übersetzungsauftrag", in: Königs, Frank G. ed. *Übersetzungswissenschaft und Fremdsprachenunterricht. Neue Beiträge zu einem alten Thema*. München: Goethe Institut, 95-119.
Nord, Christiane (1991 a) *Übersetzen lernen – leicht gemacht. Ein Kurs zur Einführung*

in das professionelle Übersetzen aus dem Spanischen in das Deutsche. Band: 2, Heidelberg: Selbstverlag (th = translatorisches handeln 5).
Nord, Christiane ([2]1991 b) *Textanalyse und Übersetzen. Theoretische Grundlagen, Methode und didaktische Anwendung einer übersetzungsrelevanten Textanalyse.* Heidelberg: Julius Groos Verlag.
Nord, Christiane (1991 c) „Scopos, Loyalty, and Translational Conventions", in: *Target*, 3/1, 91-109.
Nord, Christiane (1991 d) *Text Analysis in Translation. Theory, Methodology, and Didactic Application of a Model for Translation-Oriented Text Analysis.* Amsterdam and Atlanta: Rodopi.
Nord, Christiane (1992) „Text Analysis in Translator Training", in: Dollerup + Loddegaard eds. 1992, 39-48.
Nord, Christiane (1993 a) *Einführung in das funktionale Übersetzen. Am Beispiel von Titeln und Überschriften.* Tübingen und Basel: Francke Verlag (UTB 1734).
Nord, Christiane (1993 b) „Gabriele Harhoff: Grenzen der Skopostheorie. Von Translation und ihrer praktischen Anwendbarkeit", in: *Target*, 5/1, 102-106.
Nord, Christiane (1994) „It's tea-time in Wonderland: culture markers in fictional texts", in: Pürschel ed. 1994, 523-538.
Nord, Christiane (1996 a) „‚Wer nimmt denn mal den ersten Satz?'. Überlegungen zu neuen Arbeitsformen im Übersetzungsunterricht", in: Lauer et al eds. 1996, 313-327.
Nord, Christiane (1996 b) „Revisiting the Classics. Text Type and Translation Method. Objective Approach to Translation Criticism, Review of Catharina Reiss", in: *The Translator* 2/1, 81-88.
Nord, Christiane (1997 a) *Translating as a Purposeful Activity. Functionalist Approaches Explained*. Manchester: St. Jerome Publishing.
Nord, Christiane (1997 b) „A Functional Typology of Translations", in: Trosborg, ed. 1997, 43-66.
Nord, Christiane (1997 c) „Alice abroad. Dealing with descriptions and transcriptions of paralanguage in literary translation", in: Poyatos ed. 1997, 107-129.
Nord, Christiane (2001) „Loyalty Revisited. Bible Translation as a Case in Point", in: Pym ed. 2001, 185-202.
Nord, Christiane (2004) „Loyalität als ethisches Verhalten im Translationsprozess", in: Müller ed. 2004, 235-245.
Nord, Christiane (2006) „Translationsqualität aus funktionaler Sicht", in: Schippel ed. 2006, 11-30.
Obermayer, Cathérine (2006) „Von Alphatieren und schwarzen Schafen. Typologieversuche im Dolmetschbereich", in: Grbić + Pöllabauer eds. 2006, 39-71.
Oittinen, Riitta (1993) *I Am Me - I Am Other. On the Dialogics of Translating for Children*. Tampere: University of Tampere (Acta Universitatis Tamperensis : Ser A ; 386).
Oittinen, Riitta (2000) *Translating for Children*. New York: Garland.
Oittinen, Riitta (2001) „On translating picture books", in: *Perspectives: Studies in Translatology*, 9/2, 109-125.
Oldenburg, Hermann (1992) *Angewandte Fachtextlinguistik. ‚Conclusions' und Zusammenfassungen*. Tübingen: Narr (Forum für Fachsprachenforschung 17).
ÖNORM (2000 a) *ÖNORM D 1200. Übersetzungsleistungen. Anforderungen an die Dienstleistung und an die Bereitstellung der Dienstleistung.* Wien: Österreichisches

Normungsinstitut.
ÖNORM (2000 b) *ÖNORM D 1201. Übersetzungsleistungen. Übersetzungsverträge*. Wien: Österreichisches Normungsinstitut.
ÖNORM (2000 c) *ÖNORM D 1200 Dienstleistungen - Übersetzen und Dolmetschen – Übersetzungsleistungen. Anforderungen an die Dienstleistung und an die Bereitstellung der Dienstleistung*. Wien: Österr. Normungsinstitut.
ÖNORM (2006) *EN 15038. Translation services - Service requirements Übersetzungs-Dienstleistungen - Dienstleistungsanforderungen.* Wien: Österreichisches Normungsinstitut.
Orero, Pilar ed. (2004) *Topics in Audiovisual Translation. Contributions*. Amsterdam: Benjamins.
Paepcke, Fritz (1986) „Die Illusion der Äquivalenz", in: Grözinger, Elvira + Lawaty, Andreas eds. *Suche die Meinung. Dedecius, dem Übersetzer und Mittler zum 65. Geburtstag*. Wiesbaden: Harrasowitz, 116-151.
Paepcke, Fritz + Forget, Philippe (1981) *Textverstehen und Übersetzen. Ouvertures sur la traduction*. Heidelberg: Groos (Studienbücher Deutsch als Fremdsprache).
Paepcke, Fritz + Forget, Philippe (1982) *Textverstehen und Übersetzen. Ouvertures sur la traduction. [Begleitband: Übersetzen als Praxis]*. Heidelberg: Groos (Studienbücher Deutsch als Fremdsprache).
Parks, Gerald (1998) „Towards a Sociology of Translation", in: *Rivista internazionale di tecnica della traduzione* 3, 25-35.
Paul, Fritz + Ranke, Wolfgang + Schultze, Brigitte eds. (1993) *Europäische Komödie im übersetzerischen Transfer*. Tübingen: Narr (Forum Modernes Theater 11).
Paul, Fritz + Schultze, Brigitte eds. (1991) *Probleme der Dramenübersetzung 1960-1988. Eine Bibliographie*. Tübingen: Narr (Forum Modernes Theater 7).
Pérez, María Calzada ed. (2003) *Apropos of Ideology. Translation Studies on Ideology - Ideologies in Translation Studies*. Manchester, UK & Northampton MA: St. Jerome Publishing.
Pérez, María Calzada (2003) „Introduction", in: Pérez ed. 2003, 1-22.
Pfeiffer, Erna (2001) „Macht und Ohnmacht der Übersetzerin im Wechselspiel zwischen Autorin, Verlag und anderen Instanzen des Translationsgefüges", in: Messner + Wolf eds. 2001, 163-169.
Pieper, Annemarie ([3]1995) *Einführung in die Ethik*. Stuttgart: Francke (UTB).
Pinter, Ingrid (1969) *Der Einfluß der Übung und Konzentration auf simultanes Sprechen und Hören*. Wien: Phil. Diss.
Pöchhacker, Franz (1991) „Einige Überlegungen zur Theorie des Simultandolmetschens", in: *TcT* 6, 37-54.
Pöchhacker, Franz (1992) „The role of theory in simultaneous interpreting", in: Dollerup + Loddegaard eds. 1992, 211-220.
Pöchhacker, Franz (1994 a) *Simultandolmetschen als komplexes Handeln*. Tübingen: Narr (Language in Performance 10).
Pöchhacker, Franz (1994 b) „Simultaneous interpretation: ‚Cultural transfer' or ‚voice-over text'?",", in: Snell-Hornby et al. eds. 1994, 169-178.
Pöchhacker, Franz (1995 a) „‚Those Who Do …'. A Profile of Research(ers) in Interpreting", in: *Target*, 7/1, 47-64.
Pöchhacker, Franz (1995 b) „Simultaneous Interpreting: A Functionalist Perspective", in:

Hermes 14, 31-53.
Pöchhacker, Franz (1995 c) „Writings and Research on Interpreting: A Bibliographical Analysis“, in: *The Interpreters Newsletter* 6, 17-31.
Pöchhacker, Franz (1998) „Unity in Diversity. The Case of Interpreting Studies“, in: Bowker et al. eds. 1998, 169-176.
Pöchhacker, Franz (1999) „‚Getting Organized'. The Evolution of Community Interpreting“, in: *Interpreting*, 4/1, 125-140.
Pöchhacker, Franz (2000 a) „Dolmetschwissenschaft. Zu Gegenstand und Gliederung der Disziplin“, in: Kalina et al. eds. 2000, 3-18.
Pöchhacker, Franz (2000 b) *Dolmetschen. Konzeptuelle Grundlagen und deskriptive Untersuchungen*. Tübingen: Stauffenburg (Studien zur Translation 7).
Pöchhacker, Franz (2000 c) „Dolmetschen – ein Kinderspiel? Eine klinische Fallstudie“, in: *TcT* 14 = NF 4, 153-179.
Pöchhacker, Franz (2004) *Introducing Interpreting Studies*. London and New York: Routledge.
Pöchhacker, Franz + Kadric, Mira (1999) „The Hospital Cleaner as Healthcare Interpreter. A Case Study“, in: *The Translator* 5/2, 161-178.
Pöchhacker, Franz + Shlesinger, Miriam eds. (2002) *The Interpreting Studies Reader*. London & New York: Routledge (Routledge Language Readers).
Pöckl, Wolfgang (1995) „Nationalstile in Fachtexten? Vom Tabu- zum Modethema.“, in: *Fachsprache. Internationale Zeitschrift für Fachsprachenforschung, -didaktik und Terminologie*, 17/3-4, 98-106.
Pöckl, Wolfgang (2002) „Zur Sozialgeschichte der Übersetzung“, in: Zybatow ed. 2002, 119-137.
Pöckl, Wolfgang ed. (2003) *Übersetzung und Kulturwandel. Traducción y cambio cultural.* [Wien]: Ed. Praesens.
Pöckl, Wolfgang ed. (2004) *Übersetzungswissenschaft Dolmetschwissenschaft. Wege in eine neue Disziplin*. Wien: Edition Praesens.
Pöllabauer, Sonja (2000) „‚Nema problema, alles paletti ...?'“. Community Interpreting aus der Sicht von NGOs – einige Überlegungen zum Thema Community Interpreting“, in: *TcT* 14=NF4, 181–210.
Pöllabauer, Sonja (2002) „Community Interpreting als Arbeitsfeld – Vom Missionarsgeist und von moralischen Dilemmata“, in: Best + Kalina eds. 2002, 283–295.
Pöllabauer, Sonja (2004) „Interpreting in asylum hearings. Issues of role, responsibility and power“, in: *Interpreting*, 6/2, 143–180.
Pöllabauer, Sonja (2005 a) *‚I don't understand your English, Miss.'. Dolmetschen bei Asylanhörungen*. Tübingen: Gunter Narr Verlag (Translationswissenschaft 2).
Pöllabauer, Sonja (2005 b) „‚Ich hatte Angst dem Dolmetscher zu widersprechen'. Eine Inhaltsanalyse von Berufungsentscheidungen der zweiten Instanz im Asylverfahren“, in: Kocijančič-Pokorn et al. eds. 2005, 209-232.
Pöllabauer, Sonja + Prunč, Erich eds. (2003) *Brücken bauen statt Barrieren. Sprach- und Kulturmittlung im sozialen, medizinischen und therapeutischen Bereich.* Graz: ITAT (GTS 7).
Polterman, Andreas ed. (1995) *Literaturkanon – Medienereignis – Kultureller Text: Formen interkultureller Kommunikation und Übersetzung*. Berlin: Erich Schmidt Verlag (Göttinger Beiträge zur internationalen Übersetzungsforschung 10).

Popovič, Anton (1970) „The Concept ‚Shift of Expression' in Translation Analysis“, in: Holmes et al. eds. 1970, 78-87.
Popovič, Anton (1971) *Poetika umeleckého prekladu*. Bratislava: Tatran.
Popovič, Anton (1975) *Teórija umeleckého prekladu. Aspekty textu a literárnej metakomunikácie.* Bratislava: Tatran.
Popovič, Anton (1976 a) *Dictionary for the Analysis of Literary Translation*. Edmonton/ Nitra: Univ. of Alberta/University of Nitra.
Popovič, Anton (1976 b) „Aspects of Metatext“, in: *Canadian Review of Comparative Literature*, 3, 225-235.
Popovič, Anton (1977) „Translation as Communication“, in: Popovič, Anton + Déneš, I. eds. 1977, 5-24.
Popovič, Anton (1981) „Übersetzung als Kommunikation“, in: Wilss ed. 1981, 92-111.
Popovič, Anton + Déneš, I. eds. (1977) *Translation as Comparison*. Nitra: KLKEM.
Poulsen, Sven-Olaf + Wilss, Wolfram eds. (1980) *Angewandte Übersetzungswissenschaft*. Aarhus: Business school.
Poyatos, Fernando ed. (1992) *Advances in Nonverbal Communication. Sociocultural, Clinical, Esthetic and Literary Perspectives.* Amsterdam/ Philadelphia: Benjamins.
Poyatos, Fernando ed. (1997) *Nonverbal Communication and Translation. New Perspectives and Challenges in Literature, Interpretation and the Media.* Amsterdam/ Philadelphia: Benjamins.
Prunč, Erich (1967) *Das innere Lehngut in der slowenischen Schriftsprache. Versuch einer Typologie der Lehnprägungen im Slowenischen.* Graz: Phil. Diss.
Prunč, Erich (1994) „Was können SprachmittlerInnen wirklich leisten? Sprachen Lernen – Menschen Verstehen“, in: *Zukunftsforum*, 5, 69-99.
Prunč, Erich (1997 a) „Translationskultur“, in: *TcT* 11 = NF 1, 99-127.
Prunč, Erich (1997 b) „Versuch einer Skopostypologie“, in: Grbić + Wolf, eds. 1997, 33-52.
Prunč, Erich (2000 a) „Vom Translationsbiedermeier zur Cybertranslation“, in: *TcT* 14, NF 4, 3-74.
Prunč, Erich (2000 b) „Wie viele Kühe hat der/ein Graf“, in: Kadric et al. eds. 2000, 133-142.
Prunč, Erich (2000 c) „Translation in die Nicht-Muttersprache und Translationskultur“, in: Grosman et al. eds. 2000, 5-20.
Prunč, Erich ([2]2001 a) *Einführung in die Translationswissenschaft, Bd. 1: Orientierungsrahmen*. Graz: ITAT (GTS 3).
Prunč, Erich (2001 b) „Quod licet Iovi ...“, in: *TcT* 15=NF 5/2, 165-179.
Prunč, Erich (2002 a) „Translation in die Nicht-Muttersprache und Translationskultur“, in: *TcT NF* 5/2, 283-299.
Prunč, Erich (2002 b) „Translation zwischen Absolutheitsansprüchen und Konventionen“, in: Zybatow ed. 2002, 139-166.
Prunč, Erich (2003) „Óptimo, subóptimo, fatal: reflexiones sobre la democracia etnolingüística en la cultura europea de traducción“, in: Kelly, Dorothy + Martin, Anne + Nobs Federer, Marie-Louise + Sánchez, Dolores + Way, Catherine eds. *La direcconalidad en traducción e interpretación: perspectivas teóreticas, profesionales y didácticas*. Granada: Atrio, 67-89.
Prunč, Erich (2004 a) „Zum Objektbereich der Translationswissenschaft“, in: Müller ed.

2004, 263–285.
Prunč, Erich (2004 b) „Translationsethik“, in: Sandrini ed. 2004, 165-194.
Prunč, Erich (2004 c) „Translationspraxis und Translationswissenschaft – Fremde oder Verbündete?“, in: *50. Jahre Universitas – Perspektiven im 21 Jahrhundert. Universitas, Sonderausgabe*, 4, 9-16.
Prunč, Erich (2005) „Hypothesen zum Gattungsprofil deutsch-slowenischer Übersetzungen im Zeitraum 1848-1918“, in: Kocijančič-Pokorn et al. eds. 2005, 19-37.
Prunč, Erich (2006 a) „Die ÖNORMen D 1200 und 1201 und die ÖNORM EN 15039“, in: *Univesitas* 4, 3-7.
Prunč, Erich (2006 b) „Diskurzi o prevajanju in njihov odraz v prevjalskih normah druge polovice 19. stoletja“, in: Jesenšek, Marko + Zorko, Zinka eds. *Jezikovna predanost. Akademiku prof. dr. Jožetu Toporišiču ob 80-letnici*. Maribor: Slavistično društvo Maribor (Zora 44), 294-307.
Pürschel, Heiner ed. (1994) Intercultural *Communication. Proceedings of the 17th International L.A.U.D. Symposium Duisburg, 23-27 March 1992*. Frankfurt/Main: Lang.
Puurtinen, Tiina (1989) „Assessing Acceptability in Translated Children´s Books“, in: *Target*, 1/2, 201-213.
Puurtinen, Tiina (1994) „Dynamic style as a parameter of acceptability in translated children’s books“, in: Snell-Hornby et al. eds. 1994, 83-90.
Puurtinen, Tiina (1995) *Linguistic Acceptability in Translated Children’s Literature*. Joensuu: Joensuun Yliopisto.
Pym, Anthony (1992) *Translation and Text Transfer. An Essay on the Principles of Intercultural Communication*. Band: 16, Frankfurt/ Main etc.: Lang (Publikationen des Fachbereichs Angewandte Sprach- und Kulturwissenschaft der Johannes Gutenberg-Universität Mainz in Germersheim, Reihe A, Bd. 16).
Pym, Anthony (1995 a) „Doubts about Deconstruction as a General Theory of Translation“, in: *TradTerm*, 2, 11-18.
Pym, Anthony (1995 b) „European translation studies, ‚Une science qui dérange’ and why equivalence needn’t be a dirty word“, in: *TTR* 8/1, 1-59.
Pym, Anthony (1997) *Pour une éthique du traducteur*. Arras: Artois Presses Université.
Pym, Anthony (1998) *Method in Translation History*. Manchester: St Jerome [http://www.tinet.org/~apym/publications/method.html].
Pym, Anthony (2001) „Introduction. The Return to Ethics in Translation Studies“, in: Pym ed. 2001, 129-138.
Pym, Anthony (2003) „What Localization Models Can Learn From Translation Theory“, in: *The LISA Newsletter*/XII.
Pym, Anthony (2006) „On History in Formal Conceptualizations of Translation“ [www.tinet.org/~apym/on-line/translation_ny.pdf].
Pym, Anthony ed. (2001) *The Return to Ethics*. [Special issue: *The Translator* 7/2]. Manchester, UK: St. Jerome.
Pym, Anthony + Shlesinger, Miriam + Jettmarová, Zuzana eds. (2006) *Translation and Interpreting: Socio-Cultural Perspectives*. Amsterdam/Philadelphia: Benjamins (Benjamins translation library 67).
Quale, Per (2003) *From St. Jerome to Hypertext. Translation in Theory and Practice*.

Manchester & Northampton: St. Jerome.
Rabinow, Paul ed. (1984) *The Foucault Reader*. New York: Pantheon Books.
Rafael, Vicente L. (1993/[2]1996) *Contracting Colonialism. Translation and Christian Conversion in Tagaglog Society under Early Spanish Rule.* Durham/London: Duke University Press.
Rafael, Vicente L. (2005) *The Promise of the Foreign. Nationalism and the Technics of Translation in the Spanish Philippines.* Durham and London: Duke University Press.
Rashkow, Ilona N. (1990) *Upon the Dark Places, Anti-Semitism and Sexism in English Renaissance Biblical Translation*. Sheffield: Almond Press (Bible and Literature Series,28).
Rehbein, Boike (2006) *Die Soziologie Pierre Bourdieus*. Konstanz: UVK Verlagsgesellschaft (UTB 2778).
Rehbein, Jochen ed. (1977) *Komplexes Handeln. Elemente zur Handlungstheorie der Sprache*. Stuttgart: Metzler.
Rehbein, Jochen ed. (1985) *Interkulturelle Kommunikation*. Tübingen: Narr.
Reiß, Katharina (1971, [3]1986) *Möglichkeiten und Grenzen der Übersetzungskritik. Kategorien und Kriterien für eine sachgerechte Beurteilung von Übersetzungen.* München: Hueber (Hueber Hochschulreihe 12).
Reiß, Katharina (1976) *Texttyp und Übersetzungsmethode. Der operative Text*. Kronberg/Ts: Scriptor (Monographien Literatur + Sprache + Didaktik 11).
Reiß, Katharina (1977 a) „Texttypen, Übersetzungstypen und die Beurteilung von Übersetzungen“, in: *Lebende Sprachen* 22/3, 97-100.
Reiß, Katharina (1977 b) „Textsortenkonventionen. Vergleichende Untersuchung zur Todesanzeige“, in: *Le Langage et l’Homme*, 35, 46-54.
Reiß, Katharina ([2]1983) *Texttyp und Übersetzungsmethode*. Heidelberg: Groos.
Reiß, Katharina (1984 a) „Adäquatheit und Äquivalenz“, in: Wilss + Thome eds. 1984, 80-89.
Reiß, Katharina (1984 b) „Methodische Fragen der übersetzungsrelevanten Textanalyse. Die Reichweite der Lasswell-Formel“, in: *Lebende Sprachen* 29/1, 7-10.
Reiß, Katharina (1988) „Der Text und der Übersetzer“, in: Arntz ed. 1988, 67-75.
Reiß, Katharina (1989 a) „Was heißt und warum betreibt man Übersetzungswissenschaft“, in: *Lebende Sprachen* 34/3, 97-100.
Reiß, Katharina (1989 b) „Adäquatheit und Äquivalenz“, in: *Hermes*, 3, 161-177.
Reiß, Katharina (2000) *Translation Criticism – The Potentials & Limitations* [übers. v. Errol F. Rhodes]. Manchester: St. Jerome Publishing.
Reiß, Katharina + Vermeer, Hans J. (1984/[2]1991) *Grundlegung einer allgemeinen Translationstheorie*. Tübingen: Niemeyer (Linguistische Arbeiten 147).
Rener, Frederick M. (1989) *Interpretatio. Language and translation from Cicero to Tytler*. Amsterdam/Atlanta: Rodopi (Approaches to Translation Studies 8).
Risku, Hanna (1998) *Translatorische Kompetenz. Kognitive Grundlagen des Übersetzens als Expertentätigkeit*. Tübingen: Narr (Studien zur Translation 5).
Risku, Hanna (1999) „Constructivist Consequences: Translation and Reality“, in: Riegler, Alexander + Peschl, Markus F. + von Stein, Astrid eds. *Understanding Representation in the Cognitive Sciences. Does Representation Need Reality?* York, NY etc: Kluwer, 247-252.
Risku, Hanna (2000) „Situated Translation and Situated Cognition: Ungleiche Schwestern,

in: Kadric et al. eds. 2000, 81-92.
Risku, Hanna (2002) *Interkulturelle Fachkommunikation als kooperative Textgestaltung.* Wien: Habilitationsschrift.
Risku, Hanna (2004) *Translationsmanagement. Interkulturelle Fachkommunikation im Informationszeitalter.* Tübingen: Gunter Narr (Translationswissenschaft 1).
Risku, Hanna + Freihoff, Roland (2000) „Kooperative Textgestaltung im translatorischen Handlungsrahmen“, in: Chesterman et al. eds. 2000, 49-59.
Robbins, Derek (2000) *Bourdieu and culture*. London etc.: SAGE.
Roberts, Roda P. ed. (2000) *The Critical Link 2, Interpreters in the Community. Selected papers from the Second International Conference on Interpreting in Legal, Health, and Social Service Settigs. Vancouver, B.C., Canada, 19 - 23 May 1998.* Amsterdam etc.: Benjamins (Benjamins translation library 31).
Robinson, Douglas (1991) *The Translator´s Turn*. Baltimore and London: The Johns Hopkins University Press (Parallax: Revisions of Culture and Society).
Robinson, Douglas (1992) „Classical theories of translation from Cicero to Aulus Gellius“, in: *TcT* 7, 15-55.
Robinson, Douglas (1997 a) *Translation and Empire*. Manchester: St. Jerome Publishing (Translation Theories Explained 4).
Robinson, Douglas (1997 b) *Western Translation Theory, from Herodotus to Nietzsche*. Manchester: St. Jerome Publishing.
Robinson, Douglas (1997 c) *What is Translation? Centrifugal theories, critical interventions*. Kent, Ohio, and London: The Kent State University Press.
Rosch, Eleanor (1973) „Natural Categories“, in: *Cognitive Psychology* /4, 328-350.
Rosch, Eleanor (1975) *Basic Objects in Natural Categories*. Berkeley: University of California (Working papers of the Language Behavior Research Laboratory 43).
Rose, Marylin Gaddis (1981) „Translation Types and Conventions“, in: Rose ed. 1981, 31-40.
Rose, Marylin Gaddis (1982) „Walter Benjamin as Translation Theorist. A Reconsideration“, in: *Dispositio*, VII/19-20-21, 163-176.
Rose, Marylin Gaddis (1994) „Foreignizing or Domesticating Translation“, in: *The Jerome Quarterly*, 9, 5-7.
Rose, Marylin Gaddis (1995) „Religion and Translation: Innocence and Guilt“, in: Burrell + Kelly eds. 1995, 1-9.
Rose, Marylin Gaddis (1997) *Translation and Literary Criticism. Translation as analysis.* Manchester: St. Jerome.
Rose, Marylin Gaddis ed. (1977) *Translation and the Humanities*. Binghamton: State University of New York at Binghamton.
Rose, Marylin Gaddis ed. (1981) *Translation Spectrum. Essays in Theory and Practice*. Albany: State University of New York Press.
Rose, Marylin Gaddis ed. (1996) *Translation Horizons Beyond the Boundaries of Translation Spectrum*. State University of New York at Binghampton: Center for Research in Translation (Translation Perspectives IX).
Rothkegel, Annely + Sandig, Barbara (1984) *Text – Textsorten – Semantik. Linguistische Modelle und maschinelle Verfahren.* Hamburg: Buske (Papiere zur Textlinguistik 52).
Roy, Cynthia B. ed. (2000) *Innovative Practices for Teaching Sign Language Interpreters*. Washington, D.C.: Gallaudet Univ. Press.

Sager, Juan C.(1994) *Language Engineering and Translation. Consequences of Automation*. Amsterdam and Philadelphia: Benjamins (Benjamins Translation Library).
Said, Edward W. ([2]1991) *Orientalism*. Harmondsworth et al.: (Penguin books: Penguin history).
Salevsky, Heidemarie (1992) „Dolmetschen - Objekt der Übersetzungs- oder Dolmetschwissenschaft?“, in: Salevsky ed. 1992, 85-117.
Salevsky, Heidemarie (1993 a) „The Distinctive Nature of Interpreting Studies“, in: *Target* 5/2, 149-167.
Salevsky, Heidemarie (1993 b) „Translationswissenschaft – eine apokryphe wissenschaftliche Disziplin“, in: Holz-Mänttäri + Nord eds. 1993, 19-35.
Salevsky, Heidemarie (1998) *Über die Sprache hinaus. Beiträge zur Translationswissenschaft*. Heidelberg: TEXTconTEXT (TEXTconTEXT Wissenschaft 5).
Salevsky, Heidemarie (2001) „Übersetzungstyp, Übersetzungstheorie und Bewertung von Bibelübersetzungen. Ein Beitrag aus übersetzungstheoretischer Sicht“, in: Groß, Walter ed. *Bibelübersetzung heute - Geschichtliche Entwicklungen und aktuelle Anforderungen. Stuttgarter Symposion 2000*. Stuttgart: Deutsche Bibelgesellschaft, 119-150.
Salevsky, Heidemarie (2002) *Translationswissenschaft. Ein Kompendium*. Frankfurt/Main etc.: Lang.
Salevsky, Heidemarie ed. (1990) *Übersetzungswissenschaft und Sprachmittlerausbildung*. Berlin: Humbold Universität.
Salevsky, Heidemarie ed. (1992) *Wissenschaftliche Grundlagen der Sprachmittlung*. Frankfurt/Main-Bern-New York-Paris-Wien: Lang (Berliner Beiträge zur Übersetzungswissenschaft).
Salevsky, Heidemarie ed. (1996) *Dolmetscher- und Übersetzerausbildung gestern, heute und morgen. Berliner Beiträge zu Translationswissenschaft. Akten des internationalen wissenschaftlichen Kolloquiums anläßlich des 100jährigen Jubiläums der Dolmetscher- und Übersetzerausbildung Russisch an der Berliner Universität (1894-1994),*. Frankfurt/Main etc.: Lang.
Salevsky, Heidemarie ed. (2005) *Kultur, Interpretation, Translation. Ausgewählte Beiträge aus 15 Jahren Forschungsseminar*. Frankfurt am Main etc.: Lang.
Sandführ, Thomas (2001) *Só a Antropofagia nós une : Assimilation und Differenz in der Figur des Anthropophagen*. Düsseldorf: Phil Diss. [http://diss.ub.uni-duesseldorf.de/ebib/diss/diss_files/302.doc].
Sandrini, Peter ed. (2004) *Fluctuat nec mergitur. Translation und Gesellschaft, Festschrift für Annemarie Schmid zum 75. Geburtstag*. Frankfurt am Main et al.: Peter Lang.
Santaemilia, José ed. (2005) *Gender, Sex and Translation. The Manipulation of Identities*. Manchester, UK & Northhampton MA:.
Šarčević, Susan (1997) *New Approach to Legal Translation*. The Hague etc.: Kluwer Law International.
Šarčević, Susan ed. (2001) *Legal Translation. Preparation for Accession to the European Union*. Rijeka: Faculty of Law.
Saville-Troike, Muriel ed. (1977) *Linguistics and Anthropology. Georgetown University Round Table on Languages and Lingustics*. Washington, D.C.: Georgetown University Press.

Savory, Theodore H. (1957) *The Art of Translation*. London: Jonathan Cape.
Savory, Theodore H. (1968) *The Art of Translation*. Boston: The Writer.
Sawyer, John F.A. (1999) *Sacred Languages and Sacred Texts*. London and New York: Routledge.
Schäffner, Christina (2003) „Third Ways and New Centres. Ideological Unity or Difference?“, in: Pérez ed. 2003, 23-41.
Schäffner, Christina ed. (1999) *Translation and Norms*. Clevendon etc: Multilingual Matters.
Schäffner, Christina ed. (2002) *The Role of Dicsourse Analysis for Translation and in Translator Training*. Clevedon: Multilingual Matters.
Schäffner, Christina + Kelly-Holmes, Christina eds. (1996) *Discourse & Ideologies*. Clevedon: Multilingual Matters.
Schilling, Peter (1994) *Die Praxis des Übersetzens. Profil und Alltag eines Berufes*. Berlin: Frieling.
Schippel, Larissa (2006) „Europäische Textsortennetze – eine translatorische Annäherung“, in: Schippel ed. 2006, 43-54.
Schippel, Larissa ed. (2006) *Übersetzungsqualität: Kritik - Kriterien - Bewertungshandeln*. Berlin: Frank & Timme (TransÜD. Arbeiten zur Theorie und Praxis des Übersetzens und Dolmetschens).
Schjoldager, Anne (1994) „Interpreting Research and the ‚Manipulation School' of Translation Studies“, in: *Hermes*, 12, 65-89.
Schmid, Annemarie (1986) „Übersetzerausbildung und Übersetzeralltag“, in: Snell-Hornby ed. 1986, 252-282.
Schmidt, Heide ed. (1989) *Interferenz in der Translation*. Leipzig: Enzyklopädie.
Schmidt, Lothar ed. (1973) *Wortfeldforschung. Zur Geschichte und Theorie des sprachlichen Feldes*. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft (Wege der Forschung CCL).
Schmidt, Siegfried J. (1973) *Texttheorie. Probleme einer Linguistik der sprachlichen Kommunikation*. München: Fink (UTB 202).
Schmitt, Christian ed. (1991) *Neue Methoden der Sprachmittlung*. Wilhelmsfeld: Egert (Pro lingua 10).
Schmitt, Peter A. (1989) „Kulturspezifik von Technik-Texten: Ein translatorisches und terminographisches Problem“, in: Vermeer ed. 1989, 49-87.
Schmitt, Peter A. (1992) „Cultural Specific Elements in Technical Translation“, in: Schwend, Joachim + Hagemann, Susanne + Völkel, Hermann eds. *Literatur im Kontext – Literature in Context. Festschrift für Horst W. Drescher*. Frankfurt/Main: Lang, 495-515.
Schmitt, Peter A. (1996) „Warnhinweise in deutschen und englischen Anleitungen“, in: *Lebende Sprachen* 41/2, 49-57.
Schmitt, Peter A. (1997) „Comics und Cartoons: (k)ein Gegenstand der Übersetzungswissenschaft?“, in: Drescher ed. 1997, 619-662.
Schmitt, Peter A. (1999) *Translation und Technik*. Tübingen: Stauffenburg.
Schmitt, Peter A. ed. (2000) *Paradigmenwechsel in der Translation. Festschrift für Albrecht Neubert zum 70. Geburtstag*. Tübingen: Stauffenburg.
Schmitz, Klaus-Dirk + Wahle, Kirsten (2000) *Softwarelokalisierung*. Tübingen: Stauffenburg.

Schneider, Thomas (2000) „Globalisierung – Kulturelle und sprachliche Aspekte der internationalen Zusammenarbeit“, in: Wilss ed. 2000, 264-281.
Schneiders, Hans-Wolfgang (1995) *Die Ambivalenz des Fremden. Übersetzungstheorie im Zeitalter der Aufklärung (Frankreich und Italien)*. Bonn: Romanistischer Verlag (Abhandlungen zur Sprache und Literatur 80).
Schreiber, Michael (1993) *Übersetzung und Bearbeitung. Zur Differenzierung und Abgrenzung des Übersetzungsbegriffes*. Tübingen: Narr (Tübinger Beiträge zur Linguistik 389).
Schreiber, Michael (1999) „Von der ‚rechten’ und der ‚linken’ Grenze der Übersetzung“, in: Greiner, Norbert + Kornelius, Joachim + Rovere, Giovanni eds. *Texte und Kontexte in Sprachen und Kulturen. Festschrift für Jörn Albrecht*. Trier: Wissenschaftlicher Verlag Trier, 269-279.
Schreiber, Michael (2006 a) „Loyalität und Literatur. Zur Anwendung des Loyalitätsbegriffs auf die literarische Übersetzung“, in: Wolf ed. 2006, 79-87.
Schreiber, Michael (2006 b) *Grundlagen der Übersetzungswissenschaft. Französich, Italienisch, Spanisch*. Tübingen: Max Niemeyer (Romanistische Arbeitshefte 49).
Schröder, Hartmut ed. (1991) *Subject-oriented texts. Languages for special purposes and text theory*. Berlin, New York: de Gruyter (Research in Text Theory/Untersuchungen zur Texttheorie 16).
Schröder, Hartmut ed. (1993) *Fachtextpragmatik*. Tübingen: Narr (Forum für Fachsprachenforschung; 19).
Schulte, Hans + Teuscher, Gerhart eds. (1993) *The Art of Literary Translation*. Lanham/New York/London: University Press of America.
Schulte, Rainer (1997) „Profile: The Göttingen Approach to Translation Studies“, in: *Translation Review* /53, 1-4.
Schulte, Rainer + Biguenet, John eds. (1992) *Theories of Translation. An Anthology of Essays from Dryden to Derrida*. Chicago and London: The University of Chicago Press.
Schultze, Brigitte (1987) *Die literarische Übersetzung. Fallstudien zu ihrer Kulturgeschichte*. Berlin: Erich Schmidt Verlag (Göttinger Beiträge zur internationalen Übersetzungsforschung 1).
Schultze, Brigitte + Fischer-Lichte, Erika + Paul, Fritz + Turk, Horst eds. (1990) *Literatur und Theater. Traditionen und Konventionen als Problem der Dramenübersetzung*. Tübingen: Narr (Forum modernes Theater 4).
Schulz-Buschhaus, Ulrich (1996) „Übersetzung und Kanonbildung. Notizen zur deutschsprachigen Rezeption italienischer Literatur“, in: *Literaturwissenschaftliches Jahrbuch NF* 27, 363-379.
Schwanke, Martina (1991) *Maschinelle Übersetzung. Ein Überblick über Theorie und Praxis*. Berlin-Heidelberg-New York: Springer.
Schwanke, Martina (1994) „Maschinelle Übersetzung und ihr Image“, in: *TcT* 9, 95-120.
Schwanke, Martina (2005) „Bibliography on Machine Translation“ [http://www.mt-archive.info/Schwanke-2005.pdf].
Schwingel, Markus (1995) *Pierre Bourdieu zur Einführung*. Hamburg: Junius Verlag.
Sdun, Winfried (1967) *Probleme und Theorien des Übersetzens in Deutschland vom 18. bis zum 20. Jahrhundert.* München: Hueber.
Sela-Sheffy, Rakefet (2005) „How to be a (recognized) translator: Rethinking habitus, norms, and the field of translation“, in: *Target*, 17/1, 1-26.

Sela-Sheffy, Rakefet (2006) „The Pursuit of Symbolic Capital by a Semi-Professional Group: The Case of Literary Translation in Israel“, in: Wolf ed. 2006, 243-252.
Seleskovitch, Danica (1968) *L'interprete dans les conferences internationales. Problemes der language et de communication.* Paris: Minard Lettres Modernes.
Seleskovitch, Danica (1988) Der *Konferenzdolmetscher. Sprache und Kommunikation.* Heidelberg: Groos.
Seleskovitch, Danica + Lederer, Marianne (1984) *Interpréter pour traduire*. Paris: Didier érudition (Collection «Traductologie 1»).
Seleskovitch, Danica + Lederer, Marianne (1996/2003) *A Systematic Approach to Teaching Inteperetation. Translated by Jaclyn Harmer.* Manchester: St. Jerome.
Seleskovitch, Danica + Lederer, Marianne (2002) *Pédagogie raisonnée de l'interpretation*. Didier Érudition, Office des publications officielles des Communautés européennes.
Sengupta, Mahasweta (1990) „Translation, Colonialism and Poetics: Rabindranath Tagore in Two Worlds“, in: Bassnett + Lefevere eds. 1990, 56-63.
Shuttleworth, Mark + Cowie, Moira (1997) *Dictionary of Translation Studies*. Manchester: St. Jerome Publishing.
Simeoni, Daniel (1995) „Translating and studying translation: the view from the agent“, in: *Meta* 40/3, 445-460.
Simeoni, Daniel (1998) „The Pivotal Status of the Translator's Habitus“, in: *Target*, 19, 1-39.
Simmler, Franz ed. (1997) *Textsorten und Textsortentraditionen*. Franfurt/Main etc.: Lang.
Simms, Karl ed. (1997) *Translating Sensitive Texts: Linguistic Aspects*. Amsterdam/ Atlanta: Rodopi.
Simon, Sherry (1987) „Délivrer la Bible: la théorie d'Eugène Nida“, in: *Meta* 32/4, 342-355.
Simon, Sherry (1990) „Theorizing Feminist Discourse/Translation“, in: Bassnett + Lefevere eds. 1990, 87-96.
Simon, Sherry (1992) „The Language of Cultural Difference: Figures of Alterity in Canadian Translation“, in: Venuti ed. 1992, 159-176.
Simon, Sherry (1996) *Gender in Translation. Cultural identity and the politics of transmission*. London and New York: Routledge (Translation Studies).
Simon, Sherry + St-Pierre, Paul eds. (2000) *Changing the Terms. Translating in the Postcolonial Era*. Ottawa: University of Ottawa Press.
Simonek, Stefan (2002) *Distanzierte Nähe. Die slawische Moderne der Donaumonarchie und die Wiener Moderne*. Bern etc.: Lang (Wechselwirkungen 5).
Simpson, Paul (1993) *Language, ideology and point of view*. London etc.: Routledge.
Smalley, William A. (1992) *Translation as Mission. Bible Translation in the Modern Missionary Movement.* Macon: Mercer.
Smith, Alfred G. ed. (1966) *Communication and Culture: Readings in the Codes of Human Culture*. New York: Holt, Rinehart and Winston.
Snell-Hornby, Mary (1987) „Translation as a Cross-Cultural Event: Salman Rushdie's ‚Midnight´s Children'. in: *Indian Journal of Applied Linguistics*, XIII/2, 91-105.
Snell-Hornby, Mary (1988) *Translation Studies. An Integrated Approach*. Amsterdam/ Philadelphia: Benjamins.
Snell-Hornby, Mary (1989) „Andere Länder, andere Sitten. Zum Problem der kulturbedingten Interferenz in der Translation“, in: Schmidt ed. 1989, 135-143.

Snell-Hornby, Mary (1990) „Linguistic Transcoding or Cultural Transfer? A Critique of Translation Theory in Germany“, in: Bassnett + Lefevere eds. 1990, 79-86.
Snell-Hornby, Mary (1991) „Translation Studies – Art, Science or Utopia“, in: Leuven-Zwart + Naaijkens eds. 1991, 13-23.
Snell-Hornby, Mary ([2]1995) *Translation Studies. An Integrated Approach*. Amsterdam/ Philadelphia: Benjamins.
Snell-Hornby, Mary (2003) „Loyalität in der literarischen Übersetzung“, in: Nord, B. + Schmitt, P.A. eds. 2003, 231-240.
Snell-Hornby, Mary (2006) *The Turns of Translation Studies. New paradigms or shifting viewpoints?* Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins.
Snell-Hornby, Mary ed. (1986) *Übersetzungswissenschaft – eine Neuorientierung. Zur Integrierung von Theorie und Praxis*. Tübingen: Francke (UTB 1415).
Snell-Hornby, Mary + Hönig, Hans G. + Kußmaul, Paul + Schmitt, Peter A. eds. (1998) *Handbuch Translation*. Tübingen: Stauffenburg.
Snell-Hornby, Mary + Jettmarová, Zuzana + Kaindl, Klaus eds. (1997) *Translation as intercultural communication. Selected papers from the EST Congress, Prague 1995*. Amsterdam-Philadelphia: Benjamins (Benjamins Translation Library 20).
Snell-Hornby, Mary + Kadric, Mira eds. (1995, [2]2000) *Grundfragen der Übersetzungswissenschaft. Wiener Vorlesungen von Katharina Reiß*. Wien: WUV-Universitätsverlag (WUV-Studienbücher. Geisteswissenschaften 1).
Snell-Hornby, Mary + Pöchhacker, Franz + Kaindl, Klaus eds. (1994) *Translation Studies. An Interdiscipline*. Amsterdam/Philadelphia: Benjamins (Benjamins Translation Library).
Sohár, Anikó (1998) „‚Genuine' and ‚Fictitious' Translation of Science Fiction and Fantasy in Hungary“, in: Bowker et al. eds. 1998, 39-46.
Sohár, Anikó (1999) *The cultural transfer of science fiction and fantasy in Hungary 1989 - 1995*. Frankfurt am Main etc.: Lang.
Sperber, Dan + Wilson, Deirdre (1986) *Relevance. Communication and Cognition*. Oxford: Blackwell.
Spillner, Bernd (1981) „Textsorten im Sprachvergleich. Ansätze zu einer Kontrastiven Textologie“, in: Kühlwein et al. eds. 1981, 239-250.
Spivak, Gayatri Chakravorty (1987) *In Other Worlds. Essays in Cultural Politics*. London: Methuen.
Spivak, Gayatri Chakravorty (1992) „The Politics of Translation“, in: Barrett, Michèle / Phillips, Anne eds. *Destabilizing Theory*. Stanford: Stanford University Press, 177-200.
Sprung, Robert C. ed. (2000) *Translating Into Success. Cutting-edge strategies for going multilingual in a global age*. Amsterdam/ Philadelphia: Benjamins (American Translators Association Scholarly Monograph Series XI).
Stackelberg, Jürgen von (1984) *Übersetzungen aus zweiter Hand. Rezeptionsvorgänge in der europäischen Literatur vom 14. bis zum 18. Jahrhundert.* Berlin/New/York: de Gruyter.
Stackelberg, Jürgen von (1988) „Blüte und Niedergang der ‚Belles infidèles'“, in: Kittel ed. 1988, 16-29.
Steger, Hugo ed. (1982) *Soziolinguistik. Ansätze zur soziolinguistischen Theoriebildung*. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft (Wege der Forschung CCCXLIV).
Stein, Dieter (1980) *Theoretische Grundlagen der Übersetzungswissenschaft*. Tübingen:

Narr (Tübinger Beiträge zur Linguistik 140).
Steinacher, Susanne (1996) *Ostbahn-Kurti & Die Chefpartie. Vom Rhythm'n'Blues zum FavoRiten'n'Blues. Eine translationsorientierte Studie der Übertragung anglo-amerikanischer Rhythm'n'Blues- und Rock'n'Roll-Songtexte in ein Wiener Umfeld durch Ostbahn-Kurti-Erfinder Günter Brödl.* Graz: Diplomarbeit.
Steiner, Erich (1999) „Linguistik und Translationswissenschaft – (getrennte Disziplinen)?", in: Gil et al. eds. 1999, 477-506.
Steiner, George (1994) *Nach Babel. Aspekte der Sprache und des Übersetzens. Deutsch von Monika Plessner unter Mitwirkung von Henriette Beese.* Frankfurt/Main: Suhrkamp.
Steiner, Thomas Robert (1975) *English Translation Theory 1650-1800*. Assen/Amsterdam: Van Gorcum.
Stine, Philip C. ed. (1990) *Bible Translation and the Spread of the Church. The Last 200 Years*. Leiden-New York-Kobenhavn-Köln: E.J. Brill.
Stoll, Karl-Heinz (2000) „Zukunftsperspektiven der Translation", in: *Lebende Sprachen* 2, 49-58.
Stolze, Radegundis (1992) *Hermeneutisches Übersetzen. Linguistische Kategorien des Verstehens und Formulierens beim Übersetzen.* Tübingen:.
Stolze, Radegundis (1994) *Übersetzungstheorien. Eine Einführung*. Tübingen: Narr.
Stolze, Radegundis (2003) *Hermeneutik und Translation*. Tübingen: Narr (Tübinger Beiträge zur Linguistik 467).
Stolze, Radegundis (2005) „Textwahrheit und Übersetzen. Beobachtungen an neueren Bibelübersetzungen", in: *Linguistik online*, 23/2 [http://www.linguistik-online.com/23_05/stolze.pdf].
Störig, Hans Joachim ed. (1963, [2]1973) *Das Problem des Übersetzens*. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgemeinschaft (Wege der Forschung 8).
Strelka, Joseph P. ed. (1984) *Literary Theory and Criticism. Presented to René Wellek in Honor of his Eightieth Birthday.* Bern: Lang.
Striedter, Jurij ed. ([5]1994) *Russischer Formalismus. Texte zur allgemeinen Literaturtheorie und zur Theorie der Prosa.* München: Fink (UTB 40).
Strümper-Krobb, Sabine (2003) „The Translator in Fiction", in: *Language and Intercultural Communication* 3/2, 115-121.
Strutz, Johann + Zima, Peter V. eds. (1996) *Literarische Polyphonie. Übersetzung und Mehrsprachigkeit in der Literatur*. Tübingen: Narr.
Sturge, Kate (2004) *"The Alien Within". Translation into German during the Nazi Regime.* München: Iudicium.
Stygall, Gail (1994) *Trial Language. Differential Discourse Processing and Discursive Formation*. Amsterdam/Philadelphia: Benjamins (Pragmatics & Beyond. New Series 26).
Svejtser, Aleksandr D. (1987) *Übersetzung und Linguistik*. Berlin: Akademie Verlag (Sammlung Akademie-Verlag 47).
Svejtser, Aleksandr D. (1988) *Teorija perevoda. Status, problemy, aspekty*. Moskva: Nauka.
Tack, Lieven (2000) „Translation and the Dialectics of Difference and Equivalence: Some Theoretical Propositions for a Redefinition of the Source-target Relation", in: *Meta* 45/2, 210-227.
Taraman, Soheir (1986) *Kulturspezifik als Übersetzungsproblem. Phraseologismen in*

arabisch-deutscher Übersetzung. Heidelberg: Groos (TcT Beiheft 1).
Thagard, Paul (1999) *Kognitionswissenschaft. Ein Lehrbuch*. Stuttgart: Clett-Cotta.
Thibodeau, Ricky P. (2000) „Translating for Success. How MapInfo created a localization process that cut cost and time", in: *LI*, 12, 30-44.
Thiede, Carsten Peter ed. (1993) *Bibelübersetzung zwischen Inkulturation und Manipulation*. Paderborn: Deutsches Institut für Bildung und Wissen (Beiträge zur Diskussion 17).
Tirkkonen-Condit, Sonja ed. (1991) *Empirical Research in Translation and Intercultural Studies. Selected Papers of the TRANSIF Seminar, Savonlinna 1988*. Tübingen: Narr (Language in Performance 5).
Tötösy de Zepetnek, Steven (1995) *A Selected Bibliography of Work in Systemic and Empirical Approaches to Literature, 1996-1995*. Purdue: Purdue University Press [http://clcwebjournal.lib.purdue.edu/library/sysbib95.html].
Tötösy de Zepetnek, Steven (1998) *A Selected Bibliography of Works in the Systemic and Empirical, Institution, and Field Approaches to Literature and Culture (to 1998).* Purdue: Purdue University Press [http://clcwebjournal.lib.purdue.edu/library/sysbib97.html].
Toury, Gideon (1980 a) *In Search of a Theory of Translation*. Tel Aviv: The Porter Institute for Poetics and Semiotics (Meaning and Art 2).
Toury, Gideon (1980 b) „Translator as a Nonconformist-to-be, or: How to Train Translators So As to Violate Translational Norms", in: Poulsen + Wilss eds. 1980, 180-194.
Toury, Gideon (1981) „Contrastive Linguistics and Translation Studies. Towards a Tripartite Model", in: Kühlwein et al. eds. 1981, 251-261.
Toury, Gideon (1982) „A Rationale for Descriptive Translation Studies", in: *Dispositio*, 7/19/20, 23-39.
Toury, Gideon (1984 a) „Translation, Literary Translation and Pseudotranslation", in: *Comparative Criticism*, 6, 73-85.
Toury, Gideon (1984 b) „The Notion of ‚Native Translator' and Translation Teaching", in: Wilss + Thome eds. 1984, 186-195.
Toury, Gideon (1985) „A Rationale for Descriptive Translation Studies", in: Hermans ed. 1985, 16-41.
Toury, Gideon (1994) „Translation", in: Sebeok, Thomas A. ed. *Encyclopedic Dictionary of Semiotics. Band 2, N-Z*. Band: 2, Berlin/New York: Mouton de Gruyter, 1107-1124.
Toury, Gideon (1995) *Descriptive Translation Studies and beyond*. Amsterdam/ Philadelphia: Benjamins (Benjamins Translation Library 4).
Toury, Gideon (1999) „A Handful of Paragraphs on ‚Translation, and ‚Norms'.", in: Schäffner ed. 1999, 9-31.
Toury, Gideon + Shlesinger, Miriam (2000) „My Way to Translation Studies. Gideon Toury interviewed by Miriam Shlesinger", in: *Across Languages and Cultures*, 1/2, 275-286 [http://www.tau.ac.il/~toury/interview.html].
Toury, Gideon ed. (1987/1998) *Translation Across Cultures*. New Delhi: Bahri Publications.
Trager, George L. (1959) „The Systematization of the Whorf Hypothesis", in: *Anthropological Linguistics*, 1/1, 31-35.
Trömel-Plötz, Senta (1991) *Frauensprache – Sprache der Veränderung*. Frankfurt am Main: Fischer-Taschenbuch-Verlag (Fischer-Taschenbücher 3725).
Trosborg, Anna (1994) „Translation Studies. Some Recent Developments", in: *Hermes*/12,

9-28.
Trosborg, Anna ed. (1997) *Text Typology and Translation*. Amsterdam/ Philadelphia: Benjamins.
Truffaut, Louis (1968) *Grundprobleme der deutsch-französischen Übersetzung*. Washington: Georgtown University Press.
Truffaut, Louis (1997) *Traducteur tu seras. Dix commandements librement argumentés*. Bruxelles: Éditions du Hazard.
Turk, Horst (1998) *Kulturelle Grenzziehungen im Spiegel der Literaturen: Nationalismus, Regionalismus, Fundamentalismus*. Göttingen: Wallstein-Verlag (Veröffentlichung aus dem Sonderforschungsbereich 529, Internationalität Nationaler Literaturen: Ser. B, Europäische Literaturen und internationale Prozesse).
Tymoczko, Maria (1990) „Translation in Oral Tradition as a Touchstone for Translation Theory and Practice", in: Bassnett + Lefevere eds. 1990, 46-55.
Tymoczko, Maria (1998) „Computerized Corpora and the Future of Translation Studies", in: *Meta* 43/4, 652-659.
Tymoczko, Maria (1999) *Translation in a Postcolonial Context*. Manchester: St. Jerome Publishing.
Tymoczko, Maria (2000) „Translation and Political Engagement: Activism, Social Change and the Role of Translation in Geopolitical Shift", in: *The Translator* 6/1, 23-49.
Tymoczko, Maria (2006) „Reconceptualizing Translation Theory. Integrating Non-Western Thought about Translation", in: Hermans ed. 2006 a, 13-42.
Tymoczko, Maria + Gentzler, Edwin eds. (2002) *Translation and Power*. Amherst and Boston: University of Massachusetts Press.
Tynjanov, Jurij (1994 a) „Das literarische Faktum", in: Striedter ed. [5]1994, 393-431.
Tynjanov, Jurij (1994 b) „Über die literarische Evolution", in: Striedter ed. [5]1994, 434-461.
Tynjanov, Jurij + Jakobson, Roman (1928) „Problemy izučenija literatury i jazyka", in: *Novyj lef* 12, 36- 37.
Vannerem, Mia + Snell-Hornby, Mary (1986) „Die Szene hinter dem Text: ‚scenes-and-frames semantics' in der Übersetzung", in: Snell-Hornby ed. 1986, 184-205.
Vasconcellos, Muriel (1994) „The Issue of Machine Translation", in: Hammond, Deanna L. ed. *Professional Issues for Translators and Interpreters*. Amsterdam/Philadelphia: Benjamins (ATA Scholarly Monograph Series 7), 109-125.
Vater, Heinz ([3]2001) *Einführung in die Textlinguistik. Struktur und Verstehen von Texten*. München: Fink (Uni-Taschenbücher 1660).
Venuti, Lawrence (1986) „The Translator´s Invisibility", in: *Criticism*, 28, 179-212.
Venuti, Lawrence (1995 a) *The Translator´s Invisibility. A History of Translation*. London and New York: Routledge (Translation Studies).
Venuti, Lawrence (1995 b) „Translation, Autorship, Copyright", in: *The Translator* 1/1, 1-24.
Venuti, Lawrence (1996 a) „Translation, Heterogeneity, Linguistics", in: *TTR* IX/1, 91-115.
Venuti, Lawrence (1996 b) „Translation and the Formation of Cultural Identities", in: Schäffner + Kelly-Holmes eds. 1996, 9-25.
Venuti, Lawrence (1998/1999) *The Scandals of Translation. Towards an Ethics of Difference*. London-New York: Routledge.
Venuti, Lawrence ed. (1992) *Rethinking Translation. Discourse, Subjectivity, Ideology*.

London and New York: Routledge.
Venuti, Lawrence ed. (1998) *Translation and Minority.* [= Special Issue, *The Translator* 4/2, 1998]. Manchester, UK: St. Jerome.
Venuti, Lawrence ed. (2000) *The Translation Studies Reader. [Reprint: 2001, 2002, 2003]*. London & New Yourk: Routledge.
Vermeer, Hans J. (1978) „Ein Rahmen für eine allgemeine Translationstheorie", in: *Lebende Sprachen* 23/3, 99-102.
Vermeer, Hans J. (1982) „Translation als ‚Informationsangebot'", in: *Lebende Sprachen* 27/3, 97-101.
Vermeer, Hans J. (²1983) *Aufsätze zur Translationstheorie*. Heidelberg: Groos.
Vermeer, Hans J. (1986 a) „Übersetzen als kultureller Transfer", in: Snell-Hornby ed. 1986, 30-53.
Vermeer, Hans J. (1986 b) *voraussetzungen für eine translationstheorie. einige kapitel kultur- und sprachtheorie.* Heidelberg: Selbstverlag.
Vermeer, Hans J. (1986 c) „Betrifft: Dolmetschausbildung", in: *TcT* 1/4, 234-248.
Vermeer, Hans J. (1986 d) „Naseweise Bemerkungen zum literarischen Übersetzen", in: *TcT* 1/3, 145-150.
Vermeer, Hans J. (1989) *Skopos und Translationsauftrag*. Heidelberg: th = translatorisches handeln 2.
Vermeer, Hans J. (1990 a) „‚Funktionskonstanz' und ‚tertium comparationis'. Zu zwei Begriffen der Translationstheorie", in: Fürst ed. 1990, 39-42.
Vermeer, Hans J. (²1990 b) *Skopos und Translationsauftrag*. Heidelberg: (th = translatorisches handeln 2).
Vermeer, Hans J. (1990 c) „Texttheorie und Translatorisches Handeln", in: *Target*, 2/2, 219-242.
Vermeer, Hans J. (1992 a) *Skizzen zu einer Geschichte der Translation*. Band: 1, Frankfurt/Main: Verlag für Interkulturelle Kommunikation.
Vermeer, Hans J. (1992 b) *Skizzen zu einer Geschichte der Translation*. Band: 2, Frankfurt/Main: Verlag für Interkulturelle Kommunikation
Vermeer, Hans J. (1992 c) „Describing Nonverbal Behavior in the Odyssey: Scenes and Verbal Frames as Translation Problems", in: Poyatos 1992, 285-299.
Vermeer, Hans J. (1993) „Skopos und Bibelübersetzung", in: *TcT* 8, 81-115.
Vermeer, Hans J. (1994 a) „Hermeneutik und Übersetzung(swissenschaft)", in: *TcT* 9, 163-182.
Vermeer, Hans J. (1994 b) „Translation today: Old and new problems", in: Snell-Hornby et al. eds. 1994, 3-16.
Vermeer, Hans J. (1996 a) *A skopos theory of translation (Some arguments for and against)*. Heidelberg: TcT-Verlag (Reihe Wissenschaft 1).
Vermeer, Hans J. (1996 b) *Die Welt, in der wir übersetzen. Drei translatologische Überlegungen zu Realität, Vergleich und Prozeß.* Heidelberg: TcT-Verlag (Reihe Wissenschaft 2).
Vermeer, Hans J. (1996 c) *Übersetzen als Utopie. Die Übersetzungstheorie des Walter Bendix Schoenflies Benjamin.* Heidelberg: TextConText.
Vermeer, Hans J. (1996 d) *Das Übersetzen im Mittelalter (13. und 14. Jahrhundert). Band 1: Das arabisch-lateinische Mittelalter.* Heidelberg: TcT-Verlag (Reihe Wissenschaft 4).

Vermeer, Hans J. (1996 e) *Das Übersetzen im Mittelalter (13. und 14. Jahrhundert). Band 2: Deutsch als Zielsprache.* Heidelberg: TcT-Verlag (Reihe Wissenschaft 4).
Vermeer, Hans J. (1996 f) *Das Übersetzen im Mittelalter (13. und 14. Jahrhundert). Band 3: Literaturverzeichnis und Register.* Heidelberg: TcT-Verlag (Reihe Wissenschaft 4).
Vermeer, Hans J. (2000 a) *Das Übersetzen in Renaissance und Humanismus (15. und 16. Jahrhundert).* Band 1: Westeuropa. Heidelberg: TcT-Verlag (Reihe Wissenschaft 6).
Vermeer, Hans J. (2000 b) *Das Übersetzen in Renaissance und Humanismus (15. und 16. Jahrhundert. Band 2: Der deutschsprachige Raum. Literatur und Indices.* Heidelberg: TcT-Verlag (Reihe Wissenschaft 7).
Vermeer, Hans J. (2005) „Die Aufhebung der Translation", in: Salevsky, Heidemarie ed. 2005, 27-52.
Vermeer, Hans J. (2006) *Versuch einer Intertheorie der Translation*. Berlin: Frank&Timme.
Vermeer, Hans J. + Witte, Heidrun (1990) *Mögen Sie Zistrosen? Scenes & frames & channels im translatorischen Handeln*. Heidelberg: TcT-Verlag (TcT Beiheft 3).
Vermeer, Hans J. ed. (1989, [2]1990) *Kulturspezifik und translatorisches Handeln*. Heidelberg: Selbstverlag (th = translatorisches handeln 3).
Vermeer, Manuel ([2]1990) „‚Fremde Teufel und blaue Ameisen'. Vom Einfluß der Mentalitätsproblematik beim Dolmetschen Chinesisch-Deutsch und Deutsch-Chinesisch", in: Vermeer ed. 1990, 33-47.
Vernay, Henri (1984) „Elemente einer Übersetzungswissenschaft", in: Kapp ed. [2]1984, 26-37.
Viaggio, Sergio (2006) *A General Theory of Interlingual Mediation*. Berlin: Frank&Timme.
Vieira, Else Ribeiro Pires (1992) *Por uma teoria pós-moderna da tradução*. Belo Horizonte: Universidade Federal de Minas Gerais.
Vieira, Else Ribeiro Pires (1994) „A postmodern translational aesthetics in Brasil", in: Snell-Hornby et al. eds. 1994, 65-72.
Vieira, Else Ribeiro Pires (1997) „Eine postmoderne Übersetzungstheorie" [übers. v. Annette Wußler], in: Wolf ed. 1997, 103-116.
Vinay, Jean-Paul + Darbelnet, Jean (1958/1976) *Stylistique comparée du français et de l'anglais. Méthode de traduction*. Paris, Didier und Montreal: Beauchemin.
Vinay, Jean-Paul + Darbelnet, Jean (1995) *Comparative Stylistics of French and English. A methodology for translation* [übers. v. Juan C. Sager und M.J Hamel]. Amsterdam / Philadelphia: Benjamins.
Waard, Jan de + Nida, Eugene Albert (1986) *From one Language to another. Functional Equivalence in Bible Translating*. Nashville, Camden, New York: Thomas Nelson.
Wadensjö, Cecilia (1992) *Interpreting as Interaction. On dialogue-interpreting in immigration hearings and medical encounters*. Linköping: Linköping University (Linköping Studies in Arts and Science 83).
Wandruszka, Mario (1981) „Unsere Sprachen: Instrumentale Strukturen, mentale Strukturen", in: Wilss ed. 1981, 323-335.
Weber, Horst (1996) *Von Híeronymus bis Schlegel. Vom Übersetzen und Übersetzern*. Heidelberg: C. Winter.
Weinreich, Uriel (1953) *Languages in Contact. Findings and Problems*. New York: Publication of the Linguistic Circle of New York.
Weinreich, Uriel (1977) *Sprachen in Kontakt. Ergebnisse und Probleme der Zweisprachigkeitsforschung.* München: Beck.

Weinrich, Harald (2003) *Textgrammatik der deutschen Sprache*. Hildesheim etc.: Olms.
Weissbort, Daniel (2006) *Translation - Theory and Practice: A Historical Reader*. Oxford etc.: Oxford Univ. Press.
Weissbrod, Rachel (1998) „Translation research in the framework of the Tel Aviv school of poetics and semiotics“, in: *Meta* 43/1, 35-45.
Weizmann, Elda + Blum-Kulka, Shoshana (1987) „Identifying and Interpreting Translated Texts. On the Role of Pragmatic Adjustment“, in: Toury ed. 1987, 61-73.
Whorf, Benjamin Lee (1963) *Sprache, Denken, Wirklichkeit. Beiträge zur Metalinguistik und Sprachphilosophie* [übers. v. P. Krausser]. Hamburg: Rowohlt.
Wilpert, Gero von ([5]1969) *Sachwörterbuch der Literatur*. Stuttgart: Alfred Kröner Verlag.
Wilss, Wolfram (1975) „Übersetzen“, in: Stammerjohann, Harro ed. *Handbuch der Linguistik. Allgemeine und Angewandte Sprachwissenschaft*. München: Nymphenburger, 515-537.
Wilss, Wolfram (1977 a) Übersetzungswissenschaft. Probleme und Methoden. Stuttgart: Klett.
Wilss, Wolfram (1977 b) „Textanalyse und Übersetzen“, in: Bender et al. eds. 1977, 625-651.
Wilss, Wolfram (1980) *Semiotik und Übersetzen*. Tübingen: Narr (Kodikas/Code Supplement 4).
Wilss, Wolfram (1981) „Einleitung“, in: Wilss ed. 1981, 1-23.
Wilss, Wolfram (1982) *The Science of Translation. Problems and Methods*. Tübingen: Narr.
Wilss, Wolfram (1987 a) „Zum Selbstverständnis und zum Fremdverständnis der Übersetzungswissenschaft oder: Wieviel Notiz nimmt die Öffentlichkeit von der Übersetzungswissenschaft?“, in: Albrecht et al. eds. 1987, 11-25.
Wilss, Wolfram (1987 b) „Theoretische und empirische Aspekte der Übersetzungswissenschaft“, in: *Lebende Sprachen* 32/4, 145-150.
Wilss, Wolfram (1988) *Kognition und Übersetzen. Zur Theorie und Praxis der menschlichen und maschinellen Übersetzung*. Tübingen: Niemeyer (Konzepte der Sprach- und Literaturwissenschaft 41).
Wilss, Wolfram (1991 a) „Kognitive Aspekte des Übersetzungsprozesses“, in: Schmitt ed. 1991, 121-148.
Wilss, Wolfram (1991 b) „Zur Praxisrelevanz der Übersetzungswissenschaft“, in: *Lebende Sprachen* 36/1, 1-7.
Wilss, Wolfram (1992) *Übersetzungsfertigkeit. Annäherungen an einen komplexen übersetzungspraktischen Begriff*. Tübingen: Narr (Tübinger Beiträge zur Linguistik 376).
Wilss, Wolfram (1993 a) „Translation Studies. The State of the Art“, in: Schulte, + Teuscher eds. 1993, 25-54.
Wilss, Wolfram (1993 b) „Basic concepts of MT“, in: *Meta* 38/3, 403-413.
Wilss, Wolfram (1993 c) „Überlegungen zum übersetzerischen Lehr- und Lernprozeß“, in: Holz-Mänttäri + Nord eds. 1993, 103-116.
Wilss, Wolfram (1994 a) „A Framework for Decision-Making in Translation“, in: *Target*, 6/2, 131-150.
Wilss, Wolfram (1994 b) „Rhetorische Strategien in Fachtexten“, in: Skyum-Nielsen, Peder + Schröder, Hartmut eds. *Rhetorics and Stylistics Today: An International Anthology*.

Frankfurt/Main: Lang (Scandinavian University Studies in the Humanities and Social Sciences 5), 13-20.
Wilss, Wolfram (1996) *Knowledge and Skills in Translator Behavior*. Amsterdam/ Philadelphia: Benjamins (Benjamins Translation Library 15).
Wilss, Wolfram (1999) *Translation and interpreting in the 20th century. Focus on German*. Amsterdam etc.: Benjamins (Benjamins translation library 29).
Wilss, Wolfram ed. (1981) *Übersetzungswissenschaft*. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft (Wege der Forschung 535).
Wilss, Wolfram ed. (2000) *Weltgesellschaft - Weltverkehrssprache - Weltkultur. Globalisierung versus Fragmentierung.* Tübingen: Stauffenburg.
Wilss, Wolfram ed. (2003) *Die Zukunft der internationalen Kommunikation im 21. Jahrhundert (2001 - 2020). Annäherungen an einen komplexen kommunikationspraktischen Begriff.* Europäische Akademie Otzenhausen (4. - 7. Oktober 2001). Tübingen: Narr.
Wilss, Wolfram + Schmitz, Klaus-Dirk eds. (1987) *Maschinelle Übersetzung - Methoden und Werkzeuge. Akten des 3. internationalen Kolloquiums des Sonderforschungsbereichs 100 ‚elektronische Sprachforschung' Saarbrücken, 1. - 3. September 1986.* Tübingen: Niemeyer (Sprache und Information 16).
Wilss, Wolfram + Thome, Gisela eds. (1974) *Aspekte der theoretischen, sprachenpaarbezogenen und angewandten Sprachwissenschaft II.* Band: 2, Heidelberg: Julius Groos.
Wilss, Wolfram + Thome, Gisela eds. (1984) *Die Theorie des Übersetzens und ihr Aufschlußwert für die Übersetzungs- und Dolmetschdidaktik. Akten des Internationalen Kolloquiums der Association Internationale de Linguistique Appliquée (AILA) Saarbrücken, 25.-30. Juli 1983.* Tübingen: Narr (Tübinger Beiträge zur Linguistik 247).
Witte, Heidrun (1987 a) „Die Kulturkompetenz des Translators – Theoretisch-abstrakter Begriff oder realisierbares Konzept?", in: *TcT* 2/2/3, 109-136.
Witte, Heidrun (1987 b) „Translatorausbildung: Textanalyse und Textproduktion. Übungen zum translationsbezogenen Umgang mit Texten am Beispiel der Grundsprache(hier Deutsch)", in: *TcT* 2/4, 227-241.
Witte, Heidrun (1989) „Zur didaktischen Vermittlung translatorischer Kultur- und Sprachkompetenz. Ein kontrastives Modell", in: *TcT* 4, 205-231.
Witte, Heidrun (1994) „Translation as a means for a better understanding between cultures?", in: Dollerup + Loddegaard eds. 1994, 69-75.
Witte, Heidrun (2000) *Die Kulturkompetenz des Translators. Begriffliche Grundlegung und Didaktisierung.* Tübingen: Stauffenburg (Studien zur Translation 9).
Wolf, Michaela (1997 a) „Übersetzen als textuelle Repräsentation. Dialogischer Diskurs und Polyphonie im Übersetzen zwischen den Kulturen", in: Grbić + Wolf eds. 1997, 137-151.
Wolf, Michaela (1997 b) „Translation as a Process of Power. Aspects of Cultural Anthropology in Translation", in: Snell-Hornby et al. eds. 1997, 123-133.
Wolf, Michaela (1999) „Zum ‚sozialen Sinn' in der Translation. Translationssoziologische Implikationen von Pierre Bourdieus Kultursoziologie", in: *Arcadia. Zeitschrift für Allgemeine und Vergleichende Literaturwissenschaft*, 34/2, 262-275.
Wolf, Michaela (2000) „The Third Space in Postcolonial Representation", in: Simon + St-Pierre eds. 2000, 127-145.
Wolf, Michaela (2001) „Cultural Pluralism through Translation? Imagining the Italian

Other in the Habsburg Monarchy“, in: *TTR* XIV/1, 159-182.
Wolf, Michaela (2002 a) „Translation Activity between Culture, Society and the Individual. Towards a Sociology of Translation“, in: Harvey, Keith ed. *CTIS Occasional Papers*. Band: 2, Manchester: UMIST, 33-43.
Wolf, Michaela (2002 b) „Culture as Translation – and Beyond. Ethnographic Models of Representation in Translation Studies,“, in: Hermans ed. 2002, 180-192.
Wolf, Michaela (2002 c) „Censorship as Cultural Blockage. Banned Literature in the Late Habsburg Monarchy“, in: *TTR* XV/2, 45-61.
Wolf, Michaela (2003 a) „Translating - a Social Event. Towards a Sociological Approach of Translation“, in: Bonito Couto Pereira, Helena ed. *Língua, Literatura e Cultura em Diálogo*. São Paulo: Editora Mackenzie, 47-67.
Wolf, Michaela (2003 b) „‚Cultures' do not hold still for their portraits. Kultureller Transfer als ‚Übersetzen zwischen Kulturen'“, in: Celestini + Mitterbauer eds. 2003, 85-98.
Wolf, Michaela (2003 c) „Triest als ‚Dritter Ort' der Kulturen“, in: Celestini, + Mitterbauer eds. 2003, 153-173.
Wolf, Michaela (2005 a) *Die vielsprachige Seele Kakaniens. Translation als soziale und kulturelle Praxis in der Habsburgermonarchie 1848 bis 1918*. Graz: Habilitationsschrift.
Wolf, Michaela (2005 b) „The Creation of a ‚Room of One‘s Own'. Freminist Translators as Mediators between Cultures and Genders“, in: Santaemilia, ed. 2005, 15-25.
Wolf, Michaela (2005 c) „‚Der Kritiker muß ein Verwandlungsmensch sein, ein ... Schlangenmensch des Geistes'. Ein Beitrag zur Dynamisierung der Feldtheorie von Pierre Bourdieu am Beispiel von Hermann Bahr“, in: Mitterbauer + Scherke eds. 2005, 157-171.
Wolf, Michaela (2005 d) „Der habsburgische Translator als Beamter und Leiharbeiter. Das Redaktionsbureau des Reichsgesetzblattes von 1848-1918“, in: Kocijančič-Pokorn et al. eds. 2005, 39-56.
Wolf, Michaela (2005 e) „‚Diplomatenlehrbuben' oder angehende ‚Dragomane'? Zur Rekonstruktion des sozialen ‚Dolmetschfeldes' in der Habsburgermonarchie“, in: Kurz, Marlene + Scheutz, Martin + Vocelka, Karl + Winkelbauer, Thomas eds. *Das Osmanische Reich und die Habsburgermonarchie in der Neuzeit. Akten des internationalen Kongresses zum 150-jährigen Bestehen des Instituts für Österreichische Geschichtsforschung. Wien, 22.-25. September 2004. [= Mitteilungsblatt für österreichische Geschichte, Erg. Band 499]*. Wien:, 503-513.
Wolf, Michaela (2006 a) „The female state of the art: Women in the ‚translational field'“, in: Pym et al. eds. 2006, 129-141.
Wolf, Michaela (2006 b) „Translating and Interpreting as a Social Practice. Introspection into a New Field“, in: Wolf ed. 2006, 9-19.
Wolf, Michaela ed. (1997) *Übersetzungswissenschaft in Brasilien. Beiträge zum Status von ‚Original' und Übersetzung.* Mit einem Vorwort von Hans Vermeer. Übersetzungen von Helga Ahrens, Margret Ammann, Johanna Klemm, Hans J. Vermeer und Annette Wußler. Tübingen: Stauffenburg (Studien zur Translation 3).
Wolf, Michaela ed. (2006) *Übersetzen – Translating – Traduire. Towards a ‚Social Turn'?*. Wien –´Berlin: LIT (Repräsentation - Transformation 1).
Wotjak, Gert (1997) „Äquivalenz und kein Ende? Nochmals zur semantischen, kommunikativen und translatorisch-diskursiven Äquivalenz“, in: Wotjak, + Schmidt eds. 1997, 133-169.

Wotjak, Gert (2000) „War das die Leipziger Übersetzungswissenschaftliche Schule?“, in: Schmitt P. A. ed. 2000, 279-300.
Wotjak, Gert + Schmidt, Heide eds. (1997) *Modelle der Translation. Models of Translation. Festschrift für Albrecht Neubert*. Frankfurt/ Main: Vervuert.
Wright, Georg Henrik von (1963) *Norm and Action. A logical Enquiry.* London: Routledge & Kegan Paul.
Wright, Georg Henrik von (1968) *An Essay on Deontic Logic and the General Theory of Action*. Amsterdam: North Holland (Acta Philosophica Fennica 21).
Zabel, Hermann ed. (2001) *Denglisch, nein danke! Zur inflationären Verwendung von Anglizismen und Amerikanismen in der deutschen Gegenwartssprache.* Paderborn: IFB-Verl.
Zima, Peter V. (1994) *Die Dekonstruktion. Einführung und Kritik*. Tübingen und Basel: Francke (UTB 1805).
Zima, Peter V. (1996) „Der unfaßbare Rest. Die Theorie der Übersetzung zwischen Dekonstruktion und Semiotik“, in: Strutz + Zima eds. 1996, 19-34.
Zlateva, Palma ed. (1993) *Translation as Social Action. Russian and Bulgarian Perspectives*. London and New York: Routledge.
Zuber, Roger (1968) *Les ‚belles infidèles’ et la formation du goût classique*. Paris: Collins.
Zybatow, Lew ed. (2002) *Translation zwischen Theorie und Praxis. Innsbrucker Ringvorlesungen zur Translationswissenschaft.* Band I. Frankfurt a.M. et al: Lang

Quellen

Buber-Neumann, Margarete (2002) *Als Gefangene bei Stalin und Hitler. Eine Welt im Dunkel*. München: Ullstein.
Horváth, Ödön von (1986) *Geschichten aus dem Wiener Wald. Kommentierte Werksausgabe in Einzelbänden*. Band: 4, Frankfurt/ Main: Suhrkamp (suhrkamp taschenbücher 3336).
Lansburgh, Werner ([29]1999) *‚Dear Doosie’. Eine Liebesgeschichte in Briefen – auch eine Möglichkeit, sein Englisch spielend aufzufrischen*. Frankfurt/Main: Fischer Taschenbuchverlag
Mozetič, Brane (1996) *Angeli*. Ljubljana: Aleph.
Mozetič, Brane (2004) *Schattenengel. Aus dem Slowenischen übersetzt von Andreas Leben*. Wien: Passagen Verlag (Passagen Literatur).
Perkonig, Josef Friedrich (1966) „Tod und Tödin“, in: *Ausgewählte Werke*. Band: 4, Klagenfurt: Heyn, 463-465.
Ransmayr, Christoph (1996) *Die Schrecken des Eises und der Finsternis*. Frankfurt/Main: S. Fischer.
Ransmajer, Kristof (1997) *Užasi leda i mraka. Preveo s nemačkog Zlatko Krasni*. Beograd: Geopoetika.
Rizal, José (1987) *Noli me tangere* [übers. v. Annemarie del Cueto-Mörth]. Frankfurt/ Main: Insel
Schneider, Robert (1992) *Schlafes Bruder*. Leipzig: Reclam.
Schneider, Robert (1994 a) *Sestra sna*. Sankt-Peterburg: Fantakt (Avstrijskaja biblioteka v Sankt-Peterburge).
Schneider, Robert (1994 b) *Hermana del sueño*. Barcelona: Tusquets eds (Colección

andanzas 205).
Schneider, Robert (1994 c) *Frère sommeil*. Paris: Calmann-Lévy.
Schneider, Robert (1994 d) *Le voci del mondo*. Torino: Einaudi (I coralli 8).
Schneider, Robert (1995) *Sestra sna*. Celovec [Klagenfurt],Dunaj [Wien]: Mohorjeva založba.
Schneider, Robert (1996) *Brat snu*. Katowice: Videograf.
Vilenica (1991) *Vilenica 91. Mednarodna literarna nagrada.* Ljubljana: Društvo slovenskih pisateljeV:

Литература, цитируемая в переводе на русский язык:

Беньямин Вальтер. Задача переводчика / В. Беньямин; Пер. с нем. И. Алексеевой // Маски времени. Эссе о культуре и литературе. СПб.: symposium, 2004. С. 27–46.
Деррида Жак. Вокруг Вавилонских башен / Ж. Деррида; Пер. с фр. и коммент. В.Е. Лапицкого. СПб: Академический проспект, 2002. 111 с.
Левый Иржи. Искусство перевода. Пер. с чеш. и предисл. Вл. Россельса. М.: Прогресс, 1974. 396 с.
Мукаржовский Ян. Искусство как семиологический факт // Мукаржовский Я. Исследования по эстетике и теории искусства. М.: Искусство, 1994. С. 190-198.
Розенталь Д.Э. Словарь-справочник лингвистических терминов. Пособие для учителей / Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова. 2-е изд., испр. и доп. М.: Просвещение, 1976. 543 с.
Фуко Мишель. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / М. Фуко; пер. с фр. В.П. Визгина, Н.С. Автономовой. М.: Прогресс, 1977. 406 с.
Эткинд Е.Г. Поэзия и перевод. М.-Л., 1963.
Эткинд Е.Г. Стихотворный перевод как проблема сопоставительной стилистики. Л., 1965.
Якобсон Роман. О лингвистических аспектах перевода // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. М., 1978. С. 16–24.

Указатель персоналий

Указатель терминов

Издание осуществлено
при содействии австрийского Фонда
поддержки научных исследований
Austrian Science Fund — FWF

Перевод О. Боковой, О. Кашкиной, С. Семочко,
С. Архипова, В. Шубина
Под научной редакцией Н.И. Рейнгольд

Эрих Прунч

Пути развития западного переводоведения.
От языковой асимметрии к политической

Перевод с немецкого языка

Корректор Комарова И.В.
Компьютерная верстка Колесниченко В.В.
Подписано в печать 01.06.2015 г.

Печать офсетная. Бумага офсетная. Гарнитура NewtonC.
Формат 60×90 1 / 16. Объем 32,0 усл. п.л. Тираж ____ экз. Заказ №
Сайт издательства: www.rvalent.ru, e-mail: rvalent@yandex.ru.